

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ



РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Серия самых выдающихся книг великих русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения:

Св. митр. Иларион	Филиппов Т. И.	Хомяков Д. А.
Св. Нил Сорский	Гиляров-Платонов Н. П.	Шарапов С. Ф.
Св. Иосиф Волоцкий	Страхов Н. Н.	Щербатов А. Г.
Иван Грозный	Данилевский Н. Я.	Розанов В. В.
«Домострой»	Достоевский Ф. М.	Флоровский Г. В.
Посошков И. Т.	Григорьев А. А.	Ильин И. А.
Ломоносов М. В.	Мещерский В. П.	Нилус С. А.
Болотов А. Т.	Катков М. Н.	Меньшиков М. О.
Пушкин А. С.	Леонтьев К. Н.	Митр. Антоний Храповицкий
Гоголь Н. В.	Победоносцев К. П.	Поселянин Е. Н.
Тютчев Ф. И.	Фадеев Р. А.	Солоневич И. Л.
Св. Серафим Саровский	Киреев А. А.	Св. архиеп. Иларион (Троицкий)
Муравьев А. Н.	Черняев М. Г.	Башилов Б.
Киреевский И. В.	Св. Иоанн Кронштадтский	Митр. Иоанн (Снычев)
Хомяков А. С.	Архиеп. Никон (Рождественский)	Белов В. И.
Аксаков И. С.	Тихомиров Л. А.	Распутин В. Г.
Аксаков К. С.	Соловьев В. С.	Шафаревич И. Р.
Самарин Ю. Ф.	Бердяев Н. А.	
Погодин М. П.	Булгаков С. Н.	
Беляев И. Д.		

ЛЕВ ТИХОМИРОВ

**РУКОВОДЯЩИЕ
ИДЕИ РУССКОЙ
ЖИЗНИ.**

**МОСКВА
Институт русской цивилизации
2008**

Тихомиров Л.А. Руководящие идеи русской жизни. / Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. — 640 с.

В книге впервые после 1912 года публикуется выдающееся произведение русского мыслителя Л. А. Тихомирова, предлагавшего России действенную программу проведения широкой национальной реформы и беспощадной борьбы с внутренними врагами государства, толкавшими страну к революционным потрясениям, разрушению русской Церкви, культуры и морали. Многие мысли и предложения Тихомирова остаются актуальными и по сей день в условиях масштабных оранжевых революций, финансируемых США и их западноевропейскими сателлитами, опирающимися, как и в 1917 году, на поддержку внутренних врагов России, тех же самых, что и 100 лет назад.

ISBN 978-5-902725-17-6

© Институт русской цивилизации, 2008.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выдающееся произведение Льва Александровича Тихомирова «Руководящие идеи русской жизни», публикуемое в этом томе серии «Русская цивилизация», было последней попыткой великого сына России убедить соотечественников и правительство в необходимости проведения национальной реформы и беспощадной борьбы с внутренними врагами страны, злонамеренно толкавшими ее в пропасть. Патриотическое движение, сумевшее разгромить антирусскую революцию в 1905 году, было надежным бастионом русской власти до 1917 года. И не его вина, что многое из того, что предполагалось Тихомировым и другими русскими патриотами, не было услышано правительством.

Антирусский характер так называемых революционеров, Тихомиров понял на личном опыте во время учебы в Московском университете. Здесь он обманом был вовлечен в революционный кружок, под его влиянием бежал за границу, где окончательно понял преступный, антинародный характер своих "соратников", ненавидевших историческую Россию, ее православную веру и традиционные устои. Порвав с преступниками, Тихомиров в 1888 обратился к Александру III с покаянным письмом, в котором подводил главный итог русской патриотической мысли конца XIX в.: "Чрезвычайную пользу... я извлек из личного наблюдения республиканских порядков и практики политических партий. Нетрудно было видеть, что Самодержавие народа, о котором я когда-то мечтал, есть в действительности совершенная ложь и может служить лишь средством для тех, кто более искусен в одурачивании толпы.

Я увидел, как невероятно трудно восстановить или воссоздать государственную власть, однажды потрясенную и попавшую в руки честолюбцев. Развращающее влияние политиканства, разжигающего инстинкты, само бросалось в глаза. Все это осветило для меня мое прошлое, мой горький опыт и мои размышления и придало смелости подвергнуть строгому пересмотру пресловутые идеи французской революции. Одну за другой я их судил и осуждал. И понял, наконец, что развитие народов, как всего живущего, совершается лишь органически, на тех основах, на которых они исторически сложились и выросли, и что поэтому здоровое развитие может быть только мирным и национальным...

Таким путем я пришел к власти и благородству наших исторических судеб, совместивших духовную свободу с незыблемым авторитетом власти, поднятой превыше всяческих алчных стремлений честолюбцев. Я понял, какое драгоценное сокровище для народа, какое незаменимое орудие его благосостояния и совершенствования составляет верховная власть с веками укрепленным авторитетом".

Царь разрешает Тихомирову вернуться в Россию, чтобы искупить свои грехи перед русским народом.

На родине Тихомиров становится ведущим сотрудником "Московских Ведомостей" и "Русского Обозрения". Важнейшие из статей он выпускает отдельными изданиями: "Начала и концы", "Духовенство и общество в современном религиозном движении", "Конституционалисты в эпоху 1881 года", "Демократия либеральная и социальная", "Единоличная власть как принцип государственного строения", "Знамение времени. Носитель идеала", "Земля и фабрика" и т. п. В 1905 году он выпускает свой основной труд – "Монархическая Государственность".

Анализируя исторические формы устройства России и многих зарубежных стран, Тихомиров делает вывод, что верховная власть в лице монарха даже в средних своих образцах действует более разумно и твердо, чем т. н. "демократия". "При очевидных преимуществах монархии немудрено, что она со-

ставляла до сих пор как бы естественную норму государственной жизни человечества. В истории чаще всего мы встречаем именно ее, и величайшие эпохи национального творчества в большинстве случаев отмечаются именами монархов... Трудность возникновения и поддержания монархии зависит лишь от того, что она требует присутствия в нации живого и общеразделяемого нравственного идеала".

Тихомиров высоко оценивал значение русской общины и артели, видя в них главную возможность самобытного развития русских рабочих и крестьян. В отличие от предлагаемых либералами и леворадикалами планов объединения рабочих в тред-юнионы по западноевропейскому образцу Тихомиров выдвигает идею сплочения и развития рабочих путем создания рабочих общин. "Рабочие союзы, – писал он, – должны были бы явиться у нас не узкопрофессионально экономическим учреждением, но некоторой общиной, объединяющей фабрично-заводских рабочих во всех главных отраслях их нужд. Крестьянин, являясь в город из своей деревни, попадал как бы в ту же привычную ему общину, но только более развитую... Эта цель не включает в себе ничего революционного, она не требует какого-либо переворота в России, только, наоборот, требует достройки... Будущее рабочее сословие, естественно, должно состоять из рабочих общин. Цель рабочих союзов состоит в том, чтобы послужить постепенным переходом в рабочие общины". По мнению Тихомирова, рабочие общины должны находиться в постоянной связи с сельскими крестьянскими общинами для совместного устройства в деревне хороших приютов для "нуждающихся в воздухе, отдыхе и поправке". В сельские общины можно устраивать вдов и сирот городских рабочих и, наконец, направлять их самих на заслуженный отдых. "Такая связь городских рабочих с деревенскими братьями усилит независимость городских рабочих..."

В 1909–1914 годах Тихомиров редактирует патриотическую газету "Московские Ведомости". Незадолго до гибели Столыпина, с которым он сблизился в последние годы, Тихомиров направил ему записку, где обращался с просьбой взять

на себя инициативу государственной реформы, которая вернула бы царской власти свободу законодательного творчества, сделала бы Думу совещательным учреждением по образцу Земского Собора.

Публикуемая в настоящем томе книга впервые вышла в 1912 году под названием «К реформе обновленной России» и включала в себя статьи Тихомирова в ведущей патриотической газете того времени «Московские ведомости» за 1909–1911 годы. Многие из этих статей содержали в себе программу проведения национальной реформы во всех областях русской жизни, в законодательных и правительственных учреждениях и Церкви. Статьи публикуются нами с небольшими сокращениями и изменениями, снимаются повторы.

В этот же том входит работа Тихомирова «Единоличная власть как принцип государственного строения», содержащая главные идеи русского Самодержавия. По сути дела, эта работа – своего рода конспект главного Труда Тихомирова «Монархическая государственность», в доступной форме излагающая основы русского государственного порядка, воплощенного в Самодержавии.

Перед Первой мировой войной Тихомиров отошел от общественной деятельности, поселился рядом с Троице-Сергиевой лаврой, а в 1918 году признал "убийственную правду" Сионских протоколов. Регулярно приходил к гробнице Сергия Радонежского с молитвой о спасении России.

О. Платонов

ЕДИНОЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ КАК ПРИНЦИП ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЕНИЯ

I

**Невнимание общества к пониманию принципов
власти. — Их научная необследованность. —
Важность обследования.**

Свойства и значение различных принципов власти, действующих в политике и социальной жизни, в настоящее время возбуждают чрезвычайно мало интереса в массе публики. Можно даже сказать, что большинство и не подозревает, что в этой области есть целые «вопросы», полные жгучего значения. Это большинство, довольствуясь двумя-тремя ходячими афоризмами, убеждено, что тут нечего более и узнавать, особенно в отношении начала **единоличной власти**. Это, однако, большая ошибка со стороны общественного мнения, и притом ошибка, влекущая за собой множество практически вредных последствий.

Само собой разумеется, что политический принцип, действовавший в течение тысячелетий, не мог, понятно, не обнаружить с достаточной ясностью многих сторон своих. Но **точно так же** издревле люди наблюдали и, стало быть, до известной степени знали множество явлений астрономических и метеорологических. От такого рода знания, однако, очень далеко еще до научной астрономии и метеорологии. То же самое можно

сказать о наших знаниях социологических, и особенно политических. Во многих отношениях они в настоящее время даже более хаотичны, нежели во времена чистого эмпиризма, ибо эмпиризм, не доверяя силе обобщающей мысли, по крайней мере не смеет выходить из подчинения фактам. Он неспособен был овладеть ими и проникнуть во внутренний смысл их идеи, но, по крайней мере, не забывал их существования. Его выводы недостаточны и поверхностны, но не фантастичны. Между тем первые попытки обобщающей мысли, сознавшей свою силу, но еще не успевшей овладеть фактами, сплошь и рядом совершенно фантастичны и, так сказать, отрицают факты. В этой стадии развития находится наука об обществе, социология, которой развитие отвлекло силы современного ума от собственно политики и, сверх того, подрывает в политике старые эмпирические истины вторжением кое-как скомпонованных, каждое десятилетие меняющихся социальных теорий.

Развитие собственно **политической науки** в настоящее время весьма отстало от других наук, и человек, привыкший, например, к точной, твердой, научной постановке вопросов естествознания, филологии или даже политической экономии, входя в область **государственного права**, чувствует себя в каком-то совершенно особом мире условностей, случайностей, противоречий. С трудом он может различить, что здесь действительно **научно**, т.е. составляет констатацию объективного факта и выяснение его внутреннего смысла, и что относится к области тех опаснейших недоразумений, которые создаются логикой, аргументирующей на ложных или фантастических посылках.

Такое состояние государственной науки еще более ухудшается **от того, что** она, не успев выйти из эмпирической стадии развития, захвачена была чрезвычайно сложной политической эволюцией современных европейских стран, для объективного анализа которой у нее не доставало средств. Эта политическая эволюция европейской государственности при таком условии поколебала самые основные эмпирические понятия государственного права, не находившего в политиче-

ской науке твердых основ для понимания текущих исторических явлений. Вместо того, чтобы руководить понятиями общественного мнения, государственное право при этом само в прискорбнейшей степени проникается его давлением и строит теории подчас столь же «научные», сколько была бы научна астрономия, если бы деятели Пулковской обсерватории стали руководствоваться не показаниями телескопа, а рассказами окрестных обывателей деревень.

При таких условиях политические понятия собственно общества, среднего круга людей, во многих других отношениях «образованных», в настоящее время оказываются запутанными до чрезвычайности. Для многих стало неясно самое понятие **государства** или **власти**, т.е. даже такие понятия, для уяснения которых политическая наука и государственное право могли бы дать публике очень многое, если бы пользовались его доверием. Даже в сфере этих элементарных понятий общество представляет легкую добычу самых диких отрицаний, самых фантастических надежд. Но само собой понятно, что человек, не знающий смысла **государственности** или **власти**, не может тем более ясно осознавать смысл **частных** форм государственности с проявляющимися в ней формами власти монархической, аристократической или демократической.

Люди, знакомые с научным состоянием вопроса о формах власти и достаточно пытливые, чтобы думать о них, конечно, не скажут, чтобы эти основы политики были настолько общеизвестны. Несравненно чаще, желая дать себе ясный отчет о действии различных форм власти, мы вынуждены прийти к выводу, что многое в этой области не только не общеизвестно, а даже **никому неизвестно**, и еще стоит перед наукой как вопрос нерасследованный и неразрешенный. Человек, у которого потребность теоретического понимания окружающих явлений неспособна затихнуть перед обескураживающим зрелищем общего незнания, невольно вынужден делать попытки личных гипотез, как бы мало он ни доверял себе. Таково, полагаю, действительное положение вопроса о формах власти, и если попытка рассуждения о государственном значении единодер-

жавия могла бы быть неуместной, то никак не по общеизвестности вопроса, а скорее по его необследованности во многих существеннейших пунктах.

Это обстоятельство, однако, лишь увеличивает теоретический интерес вопроса.

Мы не можем сверх того забывать, что вопрос о власти, ее значении, форме и действии имеет всегда, а особенно в настоящее время, не один теоретический интерес, а глубоко затрагивает наши обязанности гражданина.

Правильное понимание вопросов политической науки приводит людей к познанию **искусства правления**, к умению **сознательного формирования общественной жизни**, а стало быть, и к разумному исполнению **личных обязанностей члена общества и подданного государства**.

А между тем формы власти стали ныне предметом великой исторической борьбы, от которой не вправе стоять в стороне ни один мыслящий человек, ибо здесь каждая малая сила на той или иной чашке весов способна дать перевес решениям неизмеримой важности.

II

Единоличная власть. — Принцип демократии. — Противоположение политических типов.

В ряду основных вопросов политической науки начало **единоличной** власти возбуждает особенно жгучий интерес. История человеческой культуры вообще, история государственности в частности до такой степени связаны с ним, что иногда с трудом от него отделимы. Большая часть государственной жизни большинства народов протекла под господством монархического принципа. Теоретическое понимание такого видного факта истории не может не возбуждать сильного интереса. Он еще более усиливается, когда мы вспомним, что в настоящее время в культурнейших странах мира это на-

чало власти стало предметом полного отрицания. Естественно является вопрос: «почему»? Почему начало власти, столько тысячелетий действительнейшее в истории, отрицается в настоящее время? Для нас, русских, этот вопрос еще более важен потому, что наша страна доселе живет на основах монархической власти. Сверх того – вопрос высокого интереса создается еще и тем, что наш монархический строй, если не подбирать искусственно отдельных моментов, а взять тысячелетнюю историю России в совокупности, никак не может быть признан ослабляющимся. Напротив, в общем, он от столетия к столетию развивается, и после каждой эпохи своего кажущегося упадка поднимается с силой, затмевающей предыдущие эпохи. Достаточно сказать, что именно XIX век у нас представил царствования Николая Павловича и Императора Александра III. В то время как в европейско-американском мире совершенно ясно все более развивается принцип **демократический**, у нас скорее можно считать наиболее развивающимся принцип **монархический**. В этом отношении между Западом и Востоком Европы, быть может, также проявляется некоторое общее **противоположение**. Леруа Больё высказал однажды, что «расстояние» между Европой и Россией не уменьшается, а увеличивается, и объясняется это увеличивающееся несходство тем, что Европа движется по пути «прогресса» быстрее России. Невольно, однако, является вопрос: не объясняется ли дело только тем, что мы движемся **разными путями**?

Западный мир последние столетия постепенно переходил к демократическому принципу, и в XIX веке мы видим лишь заключительное слово этого давно начавшегося процесса. В России не можем ли мы наоборот наблюдать процесс нарастающего сложения монархического принципа? Вопрос этот имеет чрезвычайный социологический интерес, ибо при положительном его решении мы получим важные данные для установки национальных **типов**. Если в настоящее время в ряду стран высшей культуры обозначается снова сопоставление двух различных типов политического строя, основанных на различных формах Верховной власти, то очень важно не

пропустить момент для **научного** наблюдения их. Не раз уже человечество имело перед собой это сопоставление, не раз оно и производило на основании его свой выбор. Но это делалось более на глазомер, полуинстинктивно. А между тем в настоящее время сопоставление, быть может, более поучительно, чем когда бы то ни было, так как выбор должен сопровождаться особенно важными последствиями в силу всемирного влияния Европы и России.

III

Отношение общества к государственности. — Идеи анархические. — Психология основы политики.

Вопрос о различных **формах власти** представляет, таким образом, чрезвычайно разносторонний интерес – как в смысле теоретическом, так и по своему отношению к ряду чисто практических задач. При рассмотрении его нам, однако, необходимо несколько коснуться более общих вопросов о **государстве** и **власти**, так как в настоящее время политическая идея вообще заволоклась в умах особенным туманом.

Под влиянием разочарований революционного века в Европе и Америке сильно распространяется некоторое отрицательное отношение к политике. Были времена, когда лучшие люди считали политическое искусство всемогущим и были вполне уверены в возможности организовывать рассчитанным искусством сильные и счастливые государства. В передовых странах Запада эта вера ныне исчезла до такой степени, что лучшие люди с идеалами и убеждениями все более устранились совсем от политики, которая все более захватывается исключительно профессиональными «политиками». Такое зрелище еще более подрывает в обществе доверие к принципу власти. Это разочарование, в свою очередь, способствует развитию идей чисто анархических, совсем отрицающих принцип власти и кладущих начало разложению современного

общества, против которого выдвигается фанатическая борьба революционеров, тогда как общество защищает себя холодно и апатично, само очень мало веря в справедливость и особенно в силу своих собственных основ.

Эта политическая болезнь, как все доброе и худое, переживаемое Европой, передается образованным слоям и нашего русского общества.

Под влиянием ее наше образованное общество, кое-что знающее по социальной науке или политической экономии, крайне пренебрежительно относится к знанию **политики**. Незнакомство с социальным значением **власти**, то есть самой основы государства, отражается у нас на множестве сторон деятельности общества, передаваясь посредством «общественного мнения» и в сферы самих политических деятелей. В рассуждениях печати, разносимых ныне среди миллионов людей самых разнообразных слоев, школа политического нигилизма, незнания, непонимания и неуважения **начала власти** сказывается в размерах, незнакомых даже самой Европе.

Будучи вредным во всех отношениях, это забвение **политического элемента** в то же время является у нас едва ли не главнейшим препятствием для сравнительного изучения нашего и европейского политического строя. Ходячие общественные мнения сильно влияют на науку, особенно столь слабую, как наша, лишают ее необходимой свободы наблюдения и выводов. В свою очередь, подчинение науки общественному мнению лишает последнее столь нужного ему в настоящее время руководства.

Анализ и оценка политических учреждений невозможны без правильного отношения к самой идее **государства**. В основе государства особенно наглядно виден для всех элемент **власти**. Какое же значение имеет для человеческого общества элемент **власти**? Наше отношение к государству существенно зависит от того, как решаем мы этот вопрос. В настоящее время под влиянием превратных понятий о **свободе** отношение общественного мнения к идее власти сделалось чрезвычайно отрицательным. Не останавливаюсь на анархическом идеале

полного **безвластия** (анархия). Он составляет до сих пор достояние меньшинства, хотя и постепенно возрастающего. Но и в понятиях большинства власть все более начинает рассматриваться лишь как некоторое необходимое и неизбежное **зло**. Идеалы прогресса человеческих обществ связываются с постепенным ослаблением этого «зла».

Такие взгляды чрезвычайно распространены и в Европе, и у нас. Достаточно указать на симпатию, с которой встречаются, например, анархические взгляды графа Л. Толстого не только среди молодежи, но и среди людей, имеющих всю видимость серьезности, занимающих даже важные государственные должности, а уж тем более среди представителей печати.

Тот же идеал упразднения государства в будущем разделяется социальной демократией, то есть многими миллионами деятельнейших граждан различных стран Европы и тысячами ученых профессоров, писателей, воспитателей и т.д.

Отрицательное отношение к государству, хотя в меньшей степени, замечается также и в иных консервативных направлениях, как, например, среди французских **партикуляристов**¹.

Такое направление умов явилось в XIX веке отчасти благодаря недостаткам тех государственных форм, которые повсюду вводятся в мире европейской культуры как якобы «наиболее совершенные». Это новое государство, бессильное и в то же время старающееся вмешаться во всякие мелочи народной жизни, теряет уважение и возбуждает неудовольствие. О ценности всяких человеческих учреждений должно, однако, судить по тому, что они способны дать, будучи организованы **согласно** своей основной идее, а не при извращении **вопреки** ей. Из того, что **современное** государство, «усовершенствованное», оказывается столь мало способным на что-либо полезное и так легко делается орудием зла, еще вовсе не следует, чтобы эти недостатки были присущи государству вообще. Тем менее плохое или неразумное применение власти может говорить против самого ее принципа.

В этом отношении нельзя достаточно пожалеть о том, что знакомство с государственным правом у нас считается

совершенно необязательным для «образованного» человека. Нельзя, однако, не сказать также, что и в самой существующей науке, хотя она и могла бы многому научить публику, чрезвычайно шатка основная точка зрения, так сказать, **философско-социологическая**. Господствующие материалистическо-механические воззрения на человеческую природу до последнего времени мешали твердой постановке идеи власти на почве **психологическую**. Между тем это единственная почва, разумно объясняющая общий факт власти и его различные проявления. Таким образом, ввиду этих пробелов невозможно было бы продолжать рассуждения, не остановившись несколько на общих идеях **власти**, и в частности власти **государственной**.

IV

**Свобода и власть. — Их кажущееся
противоположение. — Их единство. —
Власть как основа общества.**

Факт власти в междучеловеческих отношениях есть совершенно основной. Без него не бывает никакой организации, никакого общежития. Бесполезно даже рассуждать о том, составляет ли он добро или зло, ибо это значило бы поднимать вопрос уже о **направлении и употреблении** власти, а не о ней самой по себе. Относительно же власти, как и о всех явлениях природы, можно лишь рассуждать — в смысле отыскания ее причин и следствий. Но и причины ее появления достаточно ясны.

Источник власти без сомнения составляет свойство всякого живого существа влиять на другое существо. Такое влияние может быть для последнего приятным или неприятным, сознаваемым или несознаваемым, благотворным или губительным, — наконец, может проходить все градации — от тончайшего нравственного до грубейшего физического насилия; но во всех случаях перед нами одинаково оказывается тот результат,

что один человек заставил или не допустил другого сделать нечто в противность собственному стремлению последнего.

Способность людей группироваться еще более осложняет этот факт, порождая власть и подчинение коллективные. Но при этом неизлишне заметить, что сама способность группировки в некоторую коллективность обуславливается у людей их способностью властвовать и подчиняться. Вообще власть и принуждение – столь основные условия общественности, что все мечты построить общество без этой связи напоминают по фантастической неопределенности скорее туманные картины сновидений, нежели хотя бы даже плохое рассуждение человека.

О свободе и власти говорят иногда как о чем-то противоположном. Это, однако, проявления одного и того же факта. Обладание силой дает свободу как субъективное состояние сильного и дает власть как его объективное состояние в отношении окружающих. Даже равносильные существа, вступая в компромисс или соглашение, не делаются оба только свободными, а также в известных отношениях взаимно подчиняются. Но равносильных существ, вообще говоря, не бывает, а группировка еще более усложняет отношения, отчасти уравнивая силы, отчасти еще более увеличивая их различие. В результате человеческое общество оказывается все соткано из разнообразнейшего сплетения всевозможных видов взаимной власти и подчинения.

Не соглашаясь на множество подчинений, ни один человек не мог бы сохранить и одной былинки своей свободы.

Уничтожить власть и подчинение – невозможно... по крайней мере для нас, людей. Один Бог мог бы совершить такое чудотворное изменение созданного Им мира. Мы же можем только приспособливаться к законам природы своей, можем до известной степени **направлять** явления власти и свободы, комбинируя их более удобным для себя способом. Так люди по мере разума всегда и действовали. Вся история, с известной точки зрения, есть история различных приспособлений власти и принуждения, точно так же, как, с другой точки зрения, это есть история человеческой свободы.

Власть и свобода – это лишь различные проявления одного и того же факта – **самостоятельности человеческой личности**.

Эта **психологическая** основа **юридических** отношений нередко игнорируется и даже отрицается. Нередко приходится слышать, будто бы всякое сближение вопроса о **свободе личности** в смысле психологическом и о **гражданской свободе** – только запутывает дело. Это глубокая ошибка узких умов. Напротив, гражданская свобода делается понятием без всякого мерил, без всяких мотивов, без всякой возможности разумного анализа, как только мы забываем ее **психологическую** почву. Все так называемые юридические отношения в истории выдвигаются, слагаются, изменяются на основе явлений, создаваемых психологическими мотивами, и без этих последних необъяснимы. На эту психологическую почву как единственно реальную мы и должны твердо стать с самого начала рассуждения, ни на минуту не упуская из виду, как выше сказано, что **власть и свобода суть проявления одного и того же факта, именно самостоятельности человеческой личности**.

С тех пор, как мир стоит, люди ропщут против принуждения и насилия, как и против злоупотреблений свободой. Действительно, как свобода может приводить к вредным последствиям, так и принуждение, особенно в своей крайней форме «насилия». Но вообще вопрос о принуждении и насилии сложнее, чем выставляют декламаторы свободы.

Вообще говоря, границы, отделяющие благотворное воздействие от зловредного **насилия**, определяются вовсе не присутствием принуждения. Иные допускают и даже рекомендуют «нравственное влияние», включительно до новомодного гипнотизма, и в то же время возмущаются явным принуждением. Но «нравственное влияние» есть такое же принуждение, как и насилие физическое. Нередко **само по себе** оно гораздо глубже подавляет свободу другого человека, сильнее его подчиняет, нежели принуждение материальное.

Принуждению материальному человек подчиняется лишь в отношении своих **поступков**, но не теряя внутренней

свободы, тогда как при воздействии нравственным способен превращаться совершенно в то, чего желает другой человек. Во имя ли **свободы** рекомендовать такую систему? Человек, ценящий свою личность, конечно предпочтет быть жертвой насилия, нежели стать игрушкой чужого «нравственного влияния». С точки зрения **пользы** общественной, точно так же не всегда нравственное влияние предпочтительнее принуждения. Сверх того, принуждение само по себе оказывает в иных случаях «нравственное влияние», а в других и очень многих случаях в сферах действия **власти** общественной остается **единственным** средством. В подобных случаях принуждение, будучи **необходимо**, тем самым **законно**. В других же случаях и «нравственное воздействие» может быть не только вредным и, стало быть, предосудительным, но даже преступным.

Вообще никаких способов воздействия на другого человека суммарно и безусловно нельзя ни рекомендовать, ни отрицать. Когда, в какой мере они нужны или допустимы – это определяется нашей **верой**, нашей **философией**, **окружающими условиями**, и на основе всего этого — **рассуждением**, **законом**, **обычаем**, **исторической практикой** и т.п. Все это не порождает власти и проистекающего от нее принуждения, а лишь стремится подчинить то и другое действию разума и нравственного начала. Сами же по себе власть и принуждение все-таки остаются вечны, потому что проистекают из **природы** человека и не уничтожаются в числе орудий человеческого общежития, которое вырастает из природы личности. Таким образом, весь вопрос состоит только в том или ином их **направлении**.

Некоторые полуанархические оттенки мысли отрицают **государство**, противопоставляя ему **общество** как союз будто бы свободный. В таком воззрении есть лишь небольшая доля истины. Общество – совокупность мелких союзов – действительно составляет сферу более самостоятельной деятельности личности, потому что предстает для нее более способным **выбирать** то или иное подчинение, а также **приобретать власть** личную. Поэтому общество есть по преимуществу та сфера, в

которой **развивается** способность человека к свободе. Но это не уничтожает совершенно такого же присутствия в обществе элемента власти и принуждения. Все мелкие союзы, общества, семьи, общины, сословия, партии, кружки – точно так же пропитаны властью, подчинением и принуждением. Различие между обществом и государством только в характере власти. С другой стороны, само государство есть в известных отношениях высшее торжество человеческой свободы и главное средство **обеспечения** для личности ее свободы в обществе. Та **способность** к свободе, которая **воспитывается** по преимуществу в обществе, получает возможность приводить к **фактической** свободе по преимуществу благодаря государству. Государство в этом отношении является лишь дополнением и завершением общества.

V

Государство как завершение общества. — Государство как охрана свободы. — Неизбежность государственности.

Если элемент **власти** является неотделимым началом всякой общественности, то **государство** служит завершением системы общественной власти.

Против современных тенденций к отрицанию государства громко говорит весь исторический опыт человечества. С тех пор, как люди живут сколько-нибудь сознательно, с тех пор, как они имеют историю, человечество живет на основе **государственности**. Современные социалисты вызывают тени доисторического прошлого, ища в нем **общество**, чуждое государственности, как опору для своих мечтаний о безгосударственном будущем. Но разве может служить идеалом будущего быт диких стад одичавших людей доисторического прошлого? Для них самих, как только они начинали несколько подниматься из падения, разве не появлялся, наоборот, идеал

государственности, при помощи которого они и успевали достигать более высоких ступеней общественности и культуры? Этот идеал возникал одинаково у всех народов, порождаемый, очевидно, самой природой человека. Отрицание – отголосок диких сторон этой природы – не составляет какого-либо изобретения современности. Оно тоже всегда было. Древние декламации какого-нибудь софиста Протагора ничем не отличаются от современных революционных декламаций:

«Пусть, – говорил еще Протагор, – явится человек с могучей природой, стряхнет и порвет все эти путы, попрет ногами все наши писания, чары, волшебства, наши законы, противные природе, и станет надо всем этим как господин, – он, которого мы сделали рабом, – и тогда мы увидим торжество справедливости, как оно установлено природой»...

Эту дешевую премудрость звериной «свободы» люди знали издревле, но что же от нее осталось в истории в наследство человечеству? Что двигало наши общества, кто остался учителями человечества? Не эти отрицатели и нигилисты, а умы, как Платон, Аристотель, которые анализировали идею государства, находя в ней даже **высшую** человеческую идею. Служили благу своего времени и остались с благим влиянием на будущее практические устроители государств, юристы, формулировавшие правовые идеи... Вот кем **жило** и двигалось человечество. Нигилистические же декламации есть ныне, как были в древности, но как теперь, и тогда ничего не создавали, многое расстраивали, но все-таки остались бессильны свернуть человечество с его государственного пути развития.

Да и возможно ли иначе? Везде и всегда происходило то, что так прекрасно обрисовывает Б. Чичерин, говоря о периоде с еще неразвитой государственностью в России.

«Положение человека, — говорит он, — определялось частными, случайными, даже внешними его преимуществами. Личность во всей ее случайности, свобода во всей ее необузданности лежали в основании общественного быта и должны были привести к господству силы, к неравенству, междуособиям и анархии». И такое положение создавало необходимость

высшего союза — государства. «Только в государстве может развиваться разумная свобода и нравственная личность; предоставленные же самим себе, без высшей сдерживающей власти, оба эти начала разрушают сами себя...

Государство, — поясняет он, — есть высшая форма общежития, высшее проявление народности в общественной сфере. В нем неопределенная народность собирается в единое тело, получает единое **отечество**, становится **народом**. В нем Верховная власть служит представительницей высшей воли общественной, каков бы ни был образ правления. Эта общественная воля подчиняет себе воли частные и устанавливает таким образом твердый порядок в обществе.

Ограждая слабого от сильного, она дает возможность развиваться разумной свободе; уничтожая все преимущества случайные, не имеющие для общества никакого веса, она производит уравнивание между людьми; оценивая единственно заслуги, оказанные обществу, она возвышает внутреннее достоинство человека. Заставляя всех подданных уделять часть своих средств для общественной пользы, она содействует осуществлению тех разнообразных человеческих целей, которые могут быть достигнуты только в общежитии при взаимной помощи, и для которых существует гражданский союз*.

Идея государства вытекает из самой глубины человеческого сознания. В течение всех исторических тысячелетий народы всевозможных племен и степеней развития своим глазомером, умозаключением и опытом всегда и повсюду были приводимы к **одной** идее.

Мы ее можем, стало быть, рассматривать как **политическую аксиому**, подобно тому, как в математике и логике аксиомы суть не что иное, как формулировка всеобщего одинакового впечатления.

Эта аксиома гласит, что в государстве люди находят **высшее орудие для охраны своей безопасности, прав и свободы**.

Самые современные отрицатели государственности против воли дают подтверждение этой истины, так как, покидая

* Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права. – Стр. 368, 369.

государство, в своих чаяниях будущего представляют себе лишь одно из двух: либо простое **господство сильнейшего** (в анархии), либо **подчинение человека стихийным силам** (в социальной демократии).

Действительно, социалисты, последователи экономического материализма, только потому и надеются на возможность уничтожения принудительной власти, что, по их мнению, грядущее безгосударственное общество будет вставлено в рамки коммунистического производства, которое само по себе будет регулировать жизнь и деятельность людей.

Человечество здесь приглашается к уничтожению своей разумной, обдуманной власти над собой, но для чего же? Чтобы **подчиниться** некоторой безапелляционной стихийной власти, которая подавит нашу свободу со всей беспощадностью бессознательных сил природы. Вместе с государством мы бы, стало быть, разрушили высшее орудие нашей человеческой власти над нашей жизнью, то есть, другими словами, нашей **свободы**. Ибо что же такое наша свобода, как не возможность самостоятельно направлять течение дел наших, делать то, что мы считаем нужным, и не делать того, чего мы желаем избежать, то есть в сфере отношений социально-политических — не быть слепой игрушкой стихийных сил, но приспособлять их к нашим человеческим потребностям?

На это в наибольшей степени дает нам способы союз **государственный**, союз, в котором народ объединяет свои силы, дисциплинирует их и направляет их для достижения своих целей со всем могуществом, которое способно дать правильно организованная и разумно действующая **власть**.

Этот элемент **власти** составляет существеннейшую основу государства. Власть предполагает подчинение. Но создавая власть, которой должны подчиняться, мы не жертвуем своей свободой. Подчинение условиям природным составляет неизбежный удел существ, не одаренных безграничными силами. Создавая государство, мы вместо подчинения стихийным силам подчиняемся **самим себе**, подчиняемся тому, что сами сознаем необходимым, то есть выходим из слепого подчине-

ния обстоятельствам и приобретаем **независимость**, первое условие действительной свободы. Идеал безгосударственный, наоборот, вместо подчинения людей **самим себе** влечет их к подчинению силам, **вне их находящимся**. Понятно, что люди всегда предпочтут первый исход. Сверх того, как сила **сознательная**, государство всегда возьмет верх над силами внешними, бессознательными, хотя бы люди и не задавались такой целью. Торжество государственности поэтому всегда неизбежно, и в конце концов с какой бы теоретической анархии мы ни начали, а кончим всегда восстановлением государственности.

VI

Верховная власть как основа государства. — Правительство и подданные. — Различение нации, государства и Верховной власти.

Для того чтобы не потеряться в анализе государственно-обязательных отношений, необходимо, однако, точно определить, что такое государство.

Всякий союз человеческий, каковы бы ни были его цели — семья, общины экономические, религиозные, общества научные и т.д., — всякая **коллективность** характеризуется присутствием общей **власти** и частного **подчинения**. В национальной жизни, по разнообразным запросам ее, формируется бесчисленное множество таких небольших или даже очень крупных организаций, из которых каждая, в пределах своих целей и притягательной силы, имеет известную власть целого для соподчинения частей его. Но в государстве, как принято определять в государственном праве, **власть** получает некоторый специфический характер, а именно становится **Верховной**.

Она характеризует государство вообще, различные же ее формы порождают разные типы государств. Эта власть имеет характер **верховный**, владычествующий, разделяющий нацию на **правительство и подданных**.

«Даже в самой полной демократии, – замечает Блюнчли, – где эта противоположность, по-видимому, исчезает, она в действительности все-таки существует. Народная община афинских граждан была **правительством**, а отдельные афиняне по отношению к ней **подданными**. Где нет облеченного авторитетом правительства, где подданные отказали в политическом повиновении, причем каждый делает что хочет, – словом, где анархия, там прекращается государство*». «Существенный признак, отличающий государство от всех других союзов, – говорит Чичерин, – состоит в том, что все они юридически подчиняются государству, **государство же владычествует над всеми**». Этим и обуславливается его благодетельная служба обществу. В человеческих обществах много сил единоличных и коллективных. Государство возвышается над всеми ими как «верховный» державный, владычествующий союз... Верховная власть принадлежит ему по самому его существу**»

Таковы определения государственного права. Оно говорит, что такая **Верховная власть** необходима и неизбежна, что только она может создавать гармоническое развитие общественных сил, которые без нее неизбежно вступают в разрушительную борьбу. Это истины, совершенно твердо принятые. Все мыслители, имевшие научное значение и заслуги, приблизительно одинаково ее формулируют.

Но в настоящее время их согласие далеко не столь же твердо в отношении **форм Верховной власти**.

Практика исторической жизни и анализ политической науки показывают, что государство может возникать и организовываться на **нескольких** неодинаковых началах Верховной власти. Мы не можем ни понимать государства, ни организовать его, ни поддерживать его правильного действия, не уяснив себе этих различных принципов Верховной власти, их сущности, их отличий. В этом отношении, однако, даже среди серьезных мыслителей замечается шаткость и противоречие понятий.

* Блюнчли И. К. Общее государственное право.

** Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Ч. 1.

Совершенно бесспорно, что в государственных отношениях проявляется власть именно **Верховная**. Но государство – есть ли это сама Верховная власть? Почему власть государственная получает характер именно Верховный, владычествующий? Неясность понимания этих вопросов отзывается особенными запутанностями в так называемом конституционном праве. Необходимо разобраться в указанных понятиях.

В этом отношении прежде всего должно заметить, что **государство и Верховная власть** вовсе не одно и то же. Точно так же государство не порождает Верховной власти. Верховная власть порождается из **самой нации**, из того же общества, которое мы видим разбитым на мириады мелких и частных слоев и союзов. Подобно тому, как люди сплачиваются в эти мелкие союзы, так, по мере развития национальной жизни, начинает обнаруживаться в сознании всех, что над всеми этими частными лицами, группами и семьями есть или должна быть некоторая **высшая сила**, сила для **всех обязательная**, объединяющая все **частные** и **групповые** интересы.

Какая же эта сила? Ниже мы рассмотрим это подробнее. Иногда – это есть сила большинства, массы, иногда это сила справедливости, иногда сила опыта, знания, авторитета. Но какова бы она в представлении нации не оказывалась, во всяком случае обнаруживается, что для совместного существования всех этих лиц и групп необходима некоторая высшая, **верховная**, надо всеми ими владычествующая сила. Эта-то сила в лице своих конкретных выразителей и составляет **Верховную власть**.

Государство не может появиться, пока в нации не явилось сознание **Верховной власти** и не имеется ее **конкретных выразителей**. Лишь тогда, когда выработано то и другое, может явиться государство как создание уже Верховной власти. Верховная власть сплачивает около себя нацию на основании своего собственного принципа. Делается это в течение нескольких месяцев или нескольких столетий, во всяком случае получается **государство, то есть нация, соединенная под одной Верховной властью во всем, что, по сознанию нации, выра-**

жающемуся в данном принципе Верховной власти, требует общего, обязательного единства.

Необходимо тщательно разграничить эти три явления и понятия: **нация**, **Верховная власть** и **государство**. При самой тесной связи между собой они имеют каждое свое особое существование и могут даже приходиться в столкновение. Это случаи, конечно, болезненные, но патология во многом объясняет законы физиологии.

Вообще **нация** есть вся масса лиц и групп, коих совместное историческое существование порождает идею Верховной власти, надо всеми ими одинаково владычествующей, а также выдвигает конкретных представителей этой идеи.

Верховная власть выражает то, что во мнении нации составляет объединяющую всех силу, и притом не в виде лишь отвлеченного принципа, а также в конкретном представительстве его.

Государство в широком смысле есть нация, поскольку она объединена Верховной властью в одной организации. Нация, однако, живет с государством лишь некоторой частью своего существования; также и каждый член нации есть лишь отчасти член государства, насколько этого требуют его права и обязанности, определяемые Верховной властью.

Государство в тесном смысле есть вся та организация нации, которая потребна для осуществления целей объединения ее. Не должно также смешивать государства с **правительственным механизмом**, которого задача быть **орудием** Верховной власти для осуществления целей государства. Эта организация **системы управления** тем более не должна быть смешиваема с Верховной властью.

Заметим также мимоходом, что самая идея управления, свойственная данной форме Верховной власти, должна быть лишь с большой осторожностью определяема по наличной системе управления, которая обуславливается не одной внутренней логикой Верховной власти, но множеством исторических случайностей, и представляет всегда многое, существующее даже в прямом противоречии с собственно идеей данной формы Верховной власти.

VII

**Простота принципа Верховной власти. —
Сложность принципов управления. —
Монархия, теократия, демократия. — Ложное
учение о «современном» государстве.**

Итак, **Верховная власть** есть объединительная национальная идея, воплотившаяся в конкретной силе и организующая **государство**.

Из истории известно, что организация **управления** государством представляет чрезвычайное разнообразие форм. Но собственно формы **Верховной власти** очень немногочисленны, и если организация управления представляет весьма сложное сочетание различных принципов, то принципы Верховной власти, наоборот, всегда **просты**. В этом случае приходится стать в полное противоречие с современным государственным правом, которое говорит о каких-то **новых началах** Верховной власти, будто бы открытых в настоящее время. Это несомненная ошибка, характеризующая лишь трудность разобраться в политических явлениях современности.

Оставаясь на почве **фактов**, современная политическая наука прекрасно знает, что все основные начала Верховной власти действовали у разных народов с незапамятных времен. Эти основные начала, создающие основные формы Верховной власти: **монархия**, **аристократия** и **демократия**. Ничего, кроме этих основных форм, оставаясь на почве фактов, нельзя найти и ныне, как не было никогда. Но, попадая под власть современных **ходячих мнений**, наши ученые, подобно массе общества, чувствуют потребность убедить себя, будто бы в настоящее время политическое творчество европейских народов создает что-то особенное, невиданное и неслыханное, и в то же время будто бы «совершенное». Популярное понятие о «прогрессе» подчиняет себе мысль людей ученого слоя. Отсюда

возникает крайне спутанное учение о «современном государстве», его совершенстве, универсальности и т.п.

Особенно тяжело все это отзывается на русской науке, которая вместо изучения **политических фактов**, имеющихся у нее налицо, склонна усматривать свою задачу в пересадке к нам «совершенных» учреждений. Вина первоначальной ошибки лежит, впрочем, на европейских учителях нашей подражательной науки.

Под давлением популярного, уличного требования «свободы», под которой масса сама не знает, что понимать, такой крупный ум как Блюнчли пытается переделать классификацию государств, чтобы очистить в них место этой «свободе» в виде «контроля» **подданных** над **правительством**. Эта замечательная идея в сущности отрицает все, что сам же Блюнчли говорит о **существовании** Верховной власти. В самом деле, если контроль подданных не может **заставить** Верховную власть изменить способ действия, то какой в нем смысл? Если же подданные в результате контроля могут заставить Верховную власть действовать иначе, то, значит, Верховная власть им **подвластна**. Значит, последнюю инстанцию составляют подданные, а не власть. Значит, настоящую Верховную власть составляют подданные.

Эту логическую нелепость учение Блюнчли принимает только потому, что не видит **действительности** «современного государства». На самом деле оно составляет не что-либо существенно новое, а просто-напросто есть новое появление **демократии** в качестве **Верховной власти**. Только поэтому и является требование «контроля» со стороны этих якобы «подданных». На самом деле они в Европе уже не подданные, а носители **Верховной власти**, то же «правительство», которое Блюнчли по старой памяти продолжает считать «Верховной властью», уже давно перестало ею быть, а стало лишь «делегированной» властью, народным комиссаром, исполняющим веления Верховной власти народа. Вот что имеется в европейской действительности. Что касается контроля **подданных** над **Верховной властью**, то этой возможности нет и теперь, как никогда не было. Отдельный гражданин «современного» го-

сударства точно так же не может «контролировать» самодержавной народной воли, как русский подданный не может этого делать в отношении своего Государя.

Не замечая абсурда, вводимого им в науку, Блюнчли рисует «современное» государство так:

«Хотя в период от конца средних веков до XVIII века в лице абсолютной королевской власти возобновился, казалось, абсолютизм древнеримских императоров, но народы скоро снова вспомнили свою естественную (?) свободу. Начинается борьба за политическую свободу против абсолютизма правительства. Государство снова становится **народным**, но в более благородных формах, чем в древности. Средневековое сословное устройство служит преддверием нового **представительного** государства, в котором народ представляет себя в лице лучших (?) и благороднейших (?) своих членов». Определяя новую «конституционную монархию», он говорит: «Конституционная монархия некоторым образом заключает в себе **все другие** государственные формы. Но, представляя собой наибольшее разнообразие, она не жертвует (?) для него гармонией и единством. Она предоставляет **аристократии** свободное поприще для проявления ее сил и ее духовных способностей; на **демократическое** направление народной жизни она не налагает оков, а оставляет за ним свободное развитие. Она признает даже **идеократический** элемент в виде почитания закона».

VIII

Русская наука о «современном» государстве. —

Ложная идея сочетанной Верховной власти. —

Идеалы всемирной «нивелировки». —

Воображаемая новизна этих идей.

Эта политическая идиллия, основанная на абсурдном начале, имеет в выводе тот недостаток, что ни на одном пункте не соответствует действительности. Тем не менее, она совершен-

но вошла в quasi-научный обиход. Б. Н. Чичерин, тонко понимающий идею государства и Верховной власти, в рассуждении об организации ее также увлекается европейским способом понимания форм Верховной власти:

«Ограниченная монархия, — послушно повторяет он, — представляет сочетание монархического начала с аристократическим и демократическим. В этой политической форме выражается полнота развития всех элементов государства и гармоническое их сочетание. Монархия представляет начало **власти**, народ или его представители — начало свободы, аристократическое собрание — **постоянство закона**... Идея государства (будто бы) достигает здесь высшего развития»*.

Нельзя сказать, чтобы наш ученый не видел существенных сторон «чистой **монархии**». «Изо всех политических форм, — говорит он, — это та, которая представляет во всей полноте единство государственной воли, а с тем имеет и единство государственного союза». «Чистая монархия, — говорит он, — представляет и высший нравственный порядок. Здесь Верховная власть независима от воли народной: поэтому здесь господствует начало обязанности или подчинения высшему порядку». Другими словами, следовало бы сделать вывод, что чистая монархия представляет самое чистое выражение вообще **государственной идеи**. Но Б. Н. Чичерин тут же замечает: «Что касается до начала **свободы**, то оно в этой государственной форме проявляется только (?) в подчиненных (??) сферах». Замечание мудреное! Как сказано выше, эта злополучная «свобода» именно сбивает с толку современных государственников.

А казалось бы, никто лучше профессора Чичерина не мог бы понимать всей фантастичности такой характеристики, если бы наш ученый имел силу удержаться на логике **собственной** мысли. Но ходячие идеи имеют силу непреоборимую. Возьмем, например, учебник профессора А. С. Алексеева**. Лекциям московского профессора нельзя отказать в больших достоин-

* Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Ч. 1.

** Алексеев А. С. Русское государственное право. — М., 1895 г. (Ниже я, впрочем, вспоминаю те же лекции издания 1891 года).

ствах повсюду, где он является свободным от чужих мыслей. Как русский **государственник**, он старается быть истолкователем действительных фактов, изучаемых на **исторической почве**, но в изложении **общего** государственного права повторяет теории просто изумительные, как будто это говорит совершенно иной человек.

Вот что даем мы под видом науки, как только попадаем под влияние европейских взглядов:

«В государстве **старого** порядка, типом которого может служить французская монархия XVII века, вся полнота **Верховной власти** сосредотачивалась в одном лице, и эта власть поэтому (?!) была личной и надзаконной. **Современное же государство такой власти не знает и распределяет основные функции государственной власти между несколькими органами, из которых поэтому ни один не обладает неограниченной властью и каждый находит свой предел в конституции других органов... В современном государстве каждая функция государственной власти имеет свой, ее природе соответствующий орган, и каждый из этих органов имеет свою самостоятельную, законом гарантированную компетенцию!**» Для установления единства действий этой рассыпанной храмины власти «...основной принцип конституционного (оно же «современное») государства гласит, что **новое право не создается односторонней волей правителя, а может состояться лишь в форме закона**».

Это «современное» государство рассматривается как **универсальное**.

«Если прежде политический строй народа слагался лишь из элементов, вырабатывавшихся на его родной почве, то в новое время этот строй нередко искусственно насаждается по образцу конституций других народов и сразу дает народу то, что другим доставалось веками многотрудной исторической жизни. Конституционные учреждения слагались на английской почве целыми веками. Но с тех пор, как ими **овладела наука** (не наоборот ли: **они** овладели наукой?), и они породили политические теории, которые проповедывались выдающимися умами

Англии, Франции и Германии, а государственный строй этих последних стран рушился под напором новых потребностей, новых идей и новых воззрений, тогда они послужили образцами, по которым были преобразованы в сравнительно короткое время большинство европейских государств». В противность будто бы прошлому ныне «...политическая доктрина является самостоятельной силой, подчиняющей своему владычеству культурные народы, нивелирующей политический быт и расширяющей на них сеть однообразных учреждений»*.

IX

Отсутствие «новизны» в основных силах политики. Учение Полибия.

Не стану умножать выписок. Приведенные достаточно характеризуют идею, рвущуюся к нам из Европы и не встречающую отпора в нашей науке. Оставаясь в пределах **частностей** собственно русских особенностей права, наши ученые проявляют иногда живую силу наблюдения и мысли. Немало превосходных страниц дает, например, Романович-Славатинский или цитированные Б. Н. Чичерин и сам А. С. Алексеев. Но переходя к **общему**, к установке основ и принципов, мы лишь послушно излагаем чужие теории, если и не превращаясь в их **последователей**, как А. Градовский и даже Андреевский, то без всякой силы стать на почву критики. А между тем вся теория «современного» европейского государства слаба до последней степени.

Что говорит она нам?

Современное государство характеризуется тем, что, во-первых, его Верховная власть представляет **сочетание** различных принципов власти, чем будто бы обеспечивается законность и свобода; во-вторых, что это есть наиболее **совершенное** государство; в-третьих, что оно **универсально**, то есть приложимо ко всем странам; в-четвертых, нас уверяют,

* Лекции 1891 года.

что **теперь** «в наше время, когда луч цивилизации...» – все идет к **нивелировке**, и, в-пятых, что все это необычайно ново и составляет изобретение культурной Европы.

И, однако же, все, что в характеристике «современного» государства действительно научно, то есть выражает точное наблюдение фактов, прежде всего **не ново**. Не только не новы факты, но не ново их понимание. Так, гипотеза сочетанных форм власти – очень давняя и в «настоящее время» не стала даже, к сожалению, яснее, чем была у Полибия или Цицерона. Не только не нов переход от одних форм власти к другим, но и самая формулировка этой «эволюции». В этом отношении эмпирическое учение Полибия даже глубже и стройнее, нежели «современные».

Более 2000 лет тому назад (около 200 лет до Р.Х.) он развивал свое учение о политических формах. Признавая вслед за Аристотелем три основные формы (монархию, аристократию и демократию), он так представлял их последовательную смену.

В обществе еще не благоустроенном или пришедшем в расстройство **власть** составляет удел силы. Это наше современное *droit de plus fort*¹. Но в самых столкновениях между людьми неизбежно вырабатываются понятия о честном, бесчестном, справедливом, несправедливом. Главы и старейшины стараются поэтому управлять скорее правосудием, чем силой. Полибий, сам уроженец греко-персидского мира, не мог не знать живых примеров этого вроде истории возвышения Дейока. Такие-то популярные своим правосудием лица, говорит он, создают **монархию**. Она держится, пока сохраняет свой нравственный характер. Теряя его, она вырождается в **тиранию**. Тогда является необходимость низвержения тирана, что и производится лучшими, влиятельнейшими людьми. Наступает эпоха **аристократии**. Конец аристократии является тогда, когда она вырождается в **олигархию**, протестом против которой является власть народа — **демократия**. Ее вырождение, в свою очередь, создает невыносимую **охлократию**, господство толпы, которая снова приводит общество в хаос. Тогда спасением является снова восстановление **единовластия**.

Так представлял себе Полибий круговую эволюцию политической смены форм. Отсюда же он выводил свое учение о **сложных** формах власти. Так как все они имеют свои недостатки, то мудрейшие законодатели, говорит он, думали отвлечь это неизбежное зло **сочетанием** трех основных форм, чтоб исправлять недостатки одной достоинствами других. Как на образчик этого Полибий указывает на конституцию Ликурга в Спарте. Еще более удачным сочетанием он считает устройство Рима, в котором консулы представляли, по его мнению, элемент монархический, сенат – аристократический, а народные собрания и трибуналы — демократический.

Нам нет надобности входить в критику политического учения Полибия и Цицерона, его разделявшего. Я хотел только напомнить общеизвестный пример того, как мало новизны в нашей **современности**. То же самое должно сказать и о факте **представительства**, которое известно с древнейших времен, как это признают и современные исследователи политических учреждений. Если Спенсер в доказательство их распространенности в классическом мире ссылается на Дюрюи, то, в свою очередь, чисто политические исследователи могли бы сослаться на примеры, собранные исследователями первобытных обществ. Вообще к предположению **новизны** политических учреждений всегда должно относиться с большой осторожностью. Большой частью мы усматриваем новизну форм только по непониманию внутреннего смысла сил, их создающих.

Х

**Общие признаки Верховной власти. — Учение Руссо. —
Ошибки конституционной теории. — Воображаемое
сочетание «единства» из противоположностей.**

Только небрежностью анализа, зависящей от недостаточного понимания, объясняется идея будто бы **сочетанной Верховной власти**. **Верховная власть** всегда проста, всегда при-

надлежит какому-либо одному началу. Так было в древности, так есть и теперь, в России, в Европе и где бы то ни было.

Нигде и никогда **Верховная власть** не бывает сложной: она всегда проста и основана на одном из трех вечных принципов: монархии, аристократии или демократии. Наоборот, в **управлении** никогда не действует какой-либо один из этих принципов, но замечается всегда одновременное присутствие **всех** их, так или иначе организуемых Верховной властью. Современное государство не представляет в этом отношении ничего нового и исключительного, а лишь воспроизводит вечный закон политического строения обществ. Ошибочные в этом отношении понятия порождаются лишь забвением того, что организация **Верховной власти** и организация управления во все не одно и то же, и по самой природе общества слагаются неодинаково.

Чтобы видеть ошибочность точки зрения конституционного права, достаточно вспомнить общие признаки Верховной власти.

По прекрасной формулировке Чичерина*, Верховная власть **едина, постоянна, непрерывна, державна, священна, ненарушима, безответственна, везде присуща** и есть **источник всякой государственной власти**. «Совокупность принадлежащих ей прав есть полновластие (*Machtvollkommenheit* – всемогущество силы) – как внутреннее, так и внешнее. Юридически она ничем не ограничена. Она не подчиняется ничьему суду, ибо если бы был высший судья, то ему бы принадлежала Верховная власть. Она – верховный судья всякого права... Словом, это власть в юридической области полная и безусловная. Эта полнота власти называется иногда **абсолютизмом государства** в отличие от абсолютизма князя. В самодержавных правлениях Монарх потому имеет неограниченную власть, что он единственный представитель государства как целого союза. Но и во всяком другом образе правления **Верховная власть точно так же не ограничена**... Это полновластие неразлучно с самим существом государства».

* Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Ч. 1. – Стр. 60-62.

Возражая на мнение о возможности ограничения ее, Чичерин совершенно справедливо отвечает:

«Всякие ее ограничения могут быть только нравственные, а не юридические. Будучи юридически безграничной, Верховная власть находит предел как в **собственном нравственном сознании, так и в совести граждан**».

Точнее было бы сказать, что она ограничена содержанием того идеократического элемента, который выражает и для выражения которого признана **Верховной**. Выходя из этих пределов, она становится узурпаторской, **незаконной**. Оставаясь же в них, ничем, кроме содержания собственной идеи, не ограничена.

Учение о якобы возможном ограничении Верховной власти идет, как замечает Чичерин, «от французской революции». Но тут необходима серьезная оговорка.

Это учение, лишённое философской государственной мысли, явилось собственно в результате **компромисса** между революционной идеей и практическим здравым смыслом. Оно было созданием не разума, а страха перед собственно идеей «нового строя», из желания чем-нибудь связать бесшабашную «волю» нового «самодержца» охлократии. Но чистая революционная идея, будучи фантастичной по существу, вовсе не страдала этой нелогичностью «либерализма».

Действительный философ ожидавшегося нового строя Ж.-Ж. Руссо, не боящийся своих идеалов, а потому сохраняющий свободу своего разума, совершенно присоединяется к определениям логичных **государственников** (но не либеральных конституционалистов).

«По той же причине, по какой *Souverainite* (Верховная власть) неотчуждаема, – говорит он, – она и неделима (*indivisible, то есть едина*)». Закон, объясняет он, есть воля этого *Souverain* (суверена). Наши политики, язвительно замечает он по адресу уже зародившихся конституционалистов англоманской школы Монтескье, не имея возможности разделить Верховную власть в принципе, разбивают ее в проявлениях и делают из *Souverain* (суверена) фантастическое существо, вроде того, как

если бы составить человека из нескольких тел, из которых одно имеет только глаза, другое только руки, третье ноги и больше ничего. Руссо не только насмехается над этими «японскими фокусниками», но прямо заявляет, что их ухищрения происходят от недостатка **точности** наблюдения и рассуждения*. Только в **правительстве** (то есть, по усвоенной мной терминологии, в **управлении**) Руссо допускает, да и то с оговорками, «смешанные» формы власти, именно в видах их взаимного ограничения.

Ясно, впрочем, что такие ограничения лишь обеспечивают еще более Самодержавие собственно Верховной власти, так как предотвращают возможность всякой узурпации со стороны подчиненных правительственных сил.

Таким образом, Руссо делает конституционалистам своего времени совершенно тот же упрек, который приходится сделать современным государственнымникам.

Когда приходится рассуждать **вообще**, они ясно понимают смысл Верховной власти. Но из потребности теоретически оправдать свое «современное» государство они составили совершенно фантастическое понятие «сложного субъекта» Верховной власти.

«**Единство** Верховной власти, – гласит эта теория, – несколько не нарушается тем, что носителями ее являются **несколько** органов, как это мы видим в конституционной монархии. Верховная власть в конституционной монархии, где существует несколько органов, столь же едина, как и в абсолютной». Почему же? Потому, объясняет теория, что эти несколько органов только в **совокупности** составляют Верховную власть. «Закон как выразитель **единой** государственной воли не может составиться иначе, как совокупным действием короля и парламента»**.

Тут очевидно, однако, колоссальное недоразумение. «Субъектом» Верховной власти может, конечно, быть **коллек-**

* Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического Права. Книга II.

** Алексеев А. С. Русское государственное право. – Стр. 130.

тивность, но лишь в том случае, если она все же представляет какой-либо **один** принцип. Здесь же **единую волю**, всем управляющую, воображают «сочетать» из нескольких волей, выражающих **противоположные** принципы. Но совершенно ясно, что такое «сочетание» плюсов и минусов создает в недрах «единой государственной воли» вечную **борьбу**, исключающую всякую возможность искомого единства.

XI

Причины современных ошибок. — Различие между Верховной властью и управлением. — Неизбежная сочетанность органов управления. — Неизбежное единство принципа Верховной власти.

Недоразумение, благодаря которому люди не замечают столь очевидной истины, состоит в недостаточном внимании к существенному различию между **Верховной властью** и создаваемым ею **правительством**, между *Souverain* (сувереном) и *Gouvernement* (правителем); различию, столь твердо устанавливаемому Ж.-Ж. Руссо. Это забвение тем страннее, что сама же конституционная теория создала понятие о некоторой пышно разодетой кукле, которая «*regne mais ne gouverne pas*» (царствовала без правления). В такие куклы обряжали королей, обряжают и «самодержавный народ».

В действительности политических сил такой Верховной власти, которая бы лишь «царствовала», а не «управляла», не только нет, а и быть не может. Но в то же время нет Верховной власти, которая бы не призывала к управлению, ею создаваемому, других, подчиненных общественных сил. Верховная власть, сила «царствующая», *Souverain*, так сказать, управляет управляющими, и весь вопрос хорошего политического строя в том, чтобы это царственное управление силами правительственными не было фиктивным (как это особенно часто бывает в демократиях).

Политические мыслители современности прекрасно знают факты, которые способны осветить отношение между Верховной властью и управлением. Так, они указывают, что «в действительной жизни нет примера, чтобы государство в целом состояло только из монархических, аристократических или демократических элементов». В действительности политические тела представляют сооружения «смешанных стилей». Это «смешение стилей объясняется тем, что монархия, аристократия и демократия **опираются на свойства, составляющие неотъемлемую принадлежность каждого общежития**». Поэтому «в государствах является не полная однородность элементов, а только **преобладание** одного над остальными».

Это совершенно верное наблюдение. Но оно верно лишь до тех пор, пока не приписывает **Верховной власти** того, что составляет принадлежность **общества**, и в государство переходит из общества в той мере, в какой этого требует принцип, получивший в данном государстве функцию Верховной власти.

Дело, собственно, состоит в следующем. В человеческом обществе многообразны элементы **силы**, влияния на окружающее. Вся жизненность управления зависит от умения пользоваться внутренней связью, которая на тысяче пунктов существует между государством и территориальными, классовыми, сословными, родовыми и т.д. союзами, создаваемыми общественной жизнью. Тут существует множество центров влияния, основанных на различных способах **иметь власть**, а потому в многообразных проявлениях постоянно живут все принципы власти. Они не исчезают никогда и нигде, как не исчезают различного рода организации, возникающие на их основе, и для жизни **социальной** все в своем роде необходимые. Но когда возникает **государство**, это означает, что возникает идея некоторой **Верховной власти**, – не для уничтожения частных сил, но для их регулирования, примирения и вообще соглашения. Без такой владычествующей силы частные силы по самой противоположности своей идеи обречены на борьбу. Смысл Верховной власти состоит в общем **обязательном** примирении.

Поэтому-то Верховная власть по самой идее своей может быть основана лишь на каком-либо **одном** простом принципе. На каком именно? Политический гений различных народов и в разные эпохи их существования неодинаково это решает. Он выбирает иногда основу демократическую, иногда аристократическую или монархическую, но всегда какую-либо **одну**. Иначе быть не может и не бывает. Ибо сочетание нескольких основ власти лишило бы **Верховную власть** единства идеи, т.е. нарушило бы самую цель учреждения государства.

Как бы мы ни комбинировали различные силы для достижения их согласного действия, мы не можем предупредить их **столкновения**. Это столкновение даже необходимо, ибо живые принципы верят и должны верить в свою правоту, а следовательно, **должны** стремиться каждый к возможно большему господству над обществом. Уничтожение такого стремления означало бы исчезновение в них живой силы. Посему столкновение их и борьба неизбежны и полезны. Но общество должно иметь учреждение, которое бы не допускало такого столкновения до междоусобия, не позволяло полезной степени борьбы переходить в степень опасную и даже смертельную для общества. Таким учреждением является государство и его **Верховная власть**.

Если бы Верховная власть была **сочетанием** различных основ власти, то их борьба неизбежно возникла бы и здесь. Кто же бы тогда явился примирителем ее? Свободное соглашение? Но государство только и основано по той причине и на тот случай, когда **нет** свободного соглашения.

Во всех случаях, когда свободное соглашение возможно, в государстве нет надобности. Когда же соглашение невозможно, Верховная власть государства может выступить в качестве судьи, только став на высшую точку зрения, **свою собственную**, единую, свободную от опасности внутренних противоречий.

Если бы в государстве **Верховная власть** состояла из нескольких элементов, то общество никогда не могло бы быть уверено в том, что оно обладает Верховной властью. Такая

власть являлась бы, когда ее составные элементы пришли в согласие, и исчезала бы каждый раз, когда они входят в столкновение. Но где же тогда «постоянство», «непрерывность» действия Верховной власти? При «сочетанной» власти преобладание попеременно получал бы то один, то другой принцип, а общество лишалось бы стройности и определенности управления. Но тогда нет никакой пользы от государства, да нет и самого государства. Оно как учреждение постоянное при этом исчезает, и общество само не знает, в какую минуту оно имеет государство, в какую – нет.

Посему **Верховная власть** всегда основана на одном принципе, поставленном выше всех остальных. Это не одно требование логики, но также исторический факт. В Верховной власти всегда властвует **один** какой-либо принцип. Остальные, хотя и сохраняются в государстве как действующие силы управления, но уже являются **подчиненными**, без значения власти собственно **Верховной**, имеющей последнее слово решения. Только поверхностность анализа порождает мнение о будто бы «сложной» Верховной власти. Ее нет.

В «современных» конституционных государствах точно так же нет сочетанной, сложной Верховной власти, а есть лишь сложная управительная власть. Конституционные «монархи» и их верхние и нижние палаты по существу современных идей составляют власть лишь **делегированную**; действительную же Верховную власть имеет народ, численное большинство. В новейшей истории конституционных стран мы **всегда** видим, как в случае столкновений между делегированными властями решающим элементом является **масса народа (people Sovereign — суверенный народ)**: иногда посредством голосований, иногда посредством революции или посредством «мирных манифестаций», которые в политике имеют значение **угрозы революцией**.

То, что современные представители государственного права считают «конституционной» формой правления, сочетающей будто бы различные элементы в одной Верховной власти, есть, таким образом, в действительности не что иное, как

еще не вполне организованная демократия. Она уже победила в сознании народов, она уже стала фактически **Верховной властью**, но пока еще не выбросила из числа своих делегированных властей остатков монархии и аристократии, еще не заменила этих обломков прежнего устройства одной палатой народных представителей. В передовых радикальных программах вообще и требуют поэтому **единой** палаты.

Но если бы даже опыт и практика показали, что народу удобнее разделить своих «управляющих» на несколько самостоятельных учреждений в виде президента и двух и даже более палат, то это нисколько не изменяет положения дела. **Верховной властью** современных стран является во всяком случае именно **демократия**, и в настоящее время мы, подобно всем другим моментам истории, видим, что собственно Верховной властью является **один и простой** принцип, а никак не сочетание нескольких и не какой-нибудь составившийся из них сложный.

Сочетание же и усложнение происходит, как всегда, лишь во власти **управляющей**, приводящей руководящую волю Верховной власти в возможное практическое осуществление. Как выражается профессор Романович-Славатинский: «В каждом государстве, каков бы ни был его образ правления, существует известная система властей и учреждений, **исторически** слагавшаяся и имеющая своеобразную организацию. Как ни различаются между собой эти власти и учреждения, они слагаются из **Верховной власти**, из **властей**, ей **подчиненных**, и из участвующего в управлении государством **народа**, в большей или меньшей степени, обуславливаемой установившимся в стране образом правления»*.

Эта формула прекрасно рисует действительное строение государства, которое не уничтожает общества, а лишь верховно его организует, а посему допускает под своим верховным руководством действие всех его природных сил, для чего вво-

* Романович-Славатинский А. В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы.

дит их в систему **управления**. Государство это делает даже по необходимости, ибо, вводя остальные элементы власти в систему своего управления, оно их тем самым **подчиняет** своему надзору и руководству, а не оставляет их таиться в обществе в качестве сил незаконных и бунтующих.

Давая им в различных отраслях управления место, наиболее свойственное их природе, Верховная власть достигает также более совершенной организации управления. Но не должно забывать, что вся эта специализация происходит не в самой **Верховной власти**, а лишь в создаваемых ею **органах управления**. В них и только в них происходит разделение и сочетание, которые столь сбивают с толку «современное» государственное право. Все эти разделения и сочетания только потому и возможны в виде гармоническом, без погружения общества в анархию, что над ними всегда возвышается в виде живой и деятельной силы какой-либо **один**, простой и нераздельный принцип в качестве **власти Верховной**.

ХII

Действительный смысл «современного» государства. — Демократия в новых условиях. — Важность ясного понимания идеи Верховной власти.

Этот общий закон политики остается присущ «современному» государству точно так же, как древнему или будущему. В зависимости от идеалов наших можно считать современный конституционный строй более или менее совершенным или несовершенным, но во всяком случае похвалы или порицания, ему расточаемые, относятся именно к **демократическому** принципу. Если же обсуждать «новизну» этого строя, то она состоит не в чем-либо принципиальном и существенном, а лишь в **обстановке** применения демократической идеи.

Действительная «современность» и временная «новизна» ее состоит лишь в том, что XVIII–XIX век **прила-**

гает демократический принцип на почве, пропитанной монархическо-аристократическими традициями, и в таких материально-экономических условиях, при которых государство должно объединять огромные территории и многомиллионные нации.

Удачно ли положен именно демократический принцип в основу устройства таких государств? Полагаю, что вовсе неудачно.

Нам говорят о наибольшем совершенстве этого строя. Но утверждающие это предварительно должны бы рассмотреть обстоятельно сравнительные свойства различных основ Верховной власти. «Современные» же конституционные учения до сих пор никак не могут даже понять предмета своего наблюдения, не умеют рассмотреть самого обыкновенного **демократизма** под своим воображаемым «новым строем».

Нам говорят о его свободе и законности. Но вопрос сводится к тому, обеспечивает ли **свободу** и **законность** власть **массы** более, чем какая-либо другая власть? Кто хочет, может этому верить, но обязательно сначала понимать, что, рекомендуя «современное государство», мы рекомендуем именно Верховную власть массы.

Нам говорят об «универсальности» этого строя и ставят пред нами идеал всеобщей «нивелировки» под влиянием чужих «доктрин»...

Но все это **не ново**. Все основные формы **универсальны**. В зародыше все элементы, из коих развивается Верховная власть различных типов, существуют у всех народов, во всяком человеческом обществе. Везде они могут и развиваться. Возможно при известных условиях появление демократии в России, возможно появление монархии в Америке.

Чужая «доктрина» везде и всегда играла свою роль в таких превращениях. Разве половина Греции не организована была выходцами из чужих стран? Разве идеи персидской монархии не повлияли на возникновение македонской? Разве в Европе доктрина легистов не организовала французскую монархию¹? Влияние чужой **доктрины** всегда замечалось в политической

области как сфере наиболее сознательного социального творчества. Но потому-то **наука** и должна относиться к политическим доктринам с серьезной критикой. К **совершенствованию** ли ведут современные доктрины или грозят обществу упадком? Серьезная ответственность лежит на науке, если она не умеет в оценке этого стать выше ходячих мнений толпы. Если мы вспомним, что организация **Верховной власти** есть основа политического творчества, то поймем, до какой степени важно правильное понимание учреждений **Верховной власти**. Это самый центр сознательного творчества человека в обществе. Ошибочно поставив свое отношение к **Верховной власти**, мы уже тем самым предрешаем ошибку за ошибкой во всем остальном.

ХIII

**Три вечных принципа Верховной власти. —
Учение Аристотеля. — Попытки поправок. —
Их невозможность. — Аксиоматическая
несомненность трех принципов Верховной власти.**

Предыдущие рассуждения показывают, что понятие о «сочетанной» **Верховной** власти, основанное только на ряде недоразумений, должно быть совершенно отброшено. В построении государства в качестве Верховной власти постоянно является лишь один простой принцип, при выборе которого человечество вращается исключительно в круге трех основных начал: **монархии, аристократии и демократии**.

Все эти основные начала всегда существовали и давно общеизвестны; анализ политических писателей со времен Аристотеля доселе не открывает ничего, кроме них. Попытки изменения аристотелевой классификации каждый раз оказываются произвольными, подсказанными какой-либо практической тенденцией. Так Монтескье неудачно пытался выделить деспотию в **особую** форму государства из очевидного желания

реабилитировать современную ему французскую монархию. Так, Блюнчли пробовал прибавить к аристотелевым подразделениям четвертую форму «теократии» столь же произвольно, из ясного желания покрепче утвердить «светский» характер **современного** государства. Прибавки этой никак нельзя принять. Нельзя не видеть, что «теократии» всегда бывают только либо демократией, либо монархией, либо чаще всего аристократией. Они отличаются от других монархий или аристократий не **политически**, а только **содержанием своего идеократического элемента**, в чем могут быть различны между собой и другие монархии или республики. Стало быть, теократия сама по себе никакой особой политической формы власти не составляет. Немудрено, что все эти неудачные прибавки не принимаются в науке.

Как неизбежен остается Аристотель, любопытный образец этого представляет исследование* Н. А. Зверева. Труд этот тем более поучителен, что данные политики сведены в нем с данными социологии и освещены общей философской мыслью. К чему же мы приходим?

Классификация Аристотеля, выраженная в современной терминологии (то есть называя политею Аристотеля по-нынешнему – демократией, а его демократию, по-нынешнему, охлократией), как известно, такова.

Он признает три основные государственные формы, которые могут быть или правомерными (когда имеют в виду благо государства) или извращенными (когда имеют в виду благо правителя). Таким образом, получаем:

- 1) **монархию**, способную извращаться в **тиранию**;
- 2) **аристократию**, способную извращаться в **олигархию**;
- 3) **демократию**, способную извращаться в **охлократию**.

Подвергая критике все поправки, предложенные в разные времена, и отвергая их, а также показывая, что попытки новых классификаций или несостоятельны, или только воспроизводят в замаскированном виде того же Аристотеля, профессор

* Зверев Н. А. Основания классификации государств в связи с общим учением о классификации. – М., 1883.

Зверев считает возможным, соединяя результаты 2000 лет работы, остановиться на такой классификации:

— **простые формы** (с нераздельными органами Верховной власти):

- монархия;
- аристократия;
- демократия;

— **сложные формы** (верховный орган коих делится на составные части):

- монархические;
- аристократические;
- демократические.

Нельзя, однако, не сказать, что **простота** или **сложность** может составлять лишь внешний наглядный признак, а никак не объясняет самого **содержания**. Стало быть, для выяснения **содержания** государственных форм мы должны изобразить формулу профессора Зверева несколько иначе и получим, что основными формами являются:

- монархия
 - с нераздельными органами;
 - с раздельными органами;
- аристократия
 - с нераздельными органами;
 - с раздельными органами;
- демократия
 - с нераздельными органами;
 - с раздельными органами.

Итак, мы снова находимся в чистой классификации Аристотеля, особенно если вспомним, что **раздельного** органа собственно **Верховной власти** в действительности нет, а есть только раздельные органы управления, так что, стало быть, это есть второстепенный, а не основной признак классификации.

Вообще 2000 лет политическая наука и прямо и косвенно только подтверждает Аристотеля. К ней присоединяется и социология. Весьма поучительны в этом отношении размышления Г. Спенсера.

Говоря о развитии политических учреждений, Спенсер устанавливает, что общество внутри связано двоякого рода организацией: экономической и политической. Первая, по его мнению, вырастает бессознательно и без принуждения, вторая выражает «сознательное преследование целей» и «действует принуждением». **Сознательность и власть**, таким образом, и им признаются основой государства. Что касается самой власти, то, видя ее источник в **народе** (и притом, применяя терминологию Блюнчли, в «идеократическом» элементе), Спенсер признает, подобно всем другим наблюдателям, что она выражается в трех основных «орудиях»: «деспотизме», «олигархии» и «демократии»*. Понятно, что для обозначения несимпатичных ему единоличного правления и правления избранных Спенсер употребляет лишь такие «непочтительные» термины, но как факт — он усматривает, как видим, совершенно то же, что и другие наблюдатели.

Вообще в определении государства, его основных форм и даже свойств их мы имеем перед собой совершенно **аксиоматическую** истину, наблюдение общее, одинаковое, бесспорное. Приведу для наглядности еще небольшой образчик этого, примечательный по древности.

XIV

Древние определения. — Рассказ Геродота. — Характеристика основных принципов власти.

Задолго до самого Аристотеля Геродот в своей истории рассказывает о диспуте на собрании персов, низвергнувших Лжесмердиса. Безумный деспотизм Камбиза и самозванство Лжесмердиса, вызвавшие необходимость восстания, очень потрясли монархические чувства персов. Между ними явились мысли об изменении формы правления в государстве, которое,

* Спенсер Г. Развитие политических учреждений.

освободившись от самозванца, оставалось без законного наследника трона и безо всякого правительства.

«По происшествии пяти дней, — рассказывает Геродот, — когда волнение улеглось, восставшие против магов персы устроили совещание об общем положении государства, причем были произнесены речи, для некоторых эллинов сомнительные, но действительно сказанные*. Отана (один из заговорщиков) предлагал предоставить управление государством всем персам. «Я полагаю, — говорил он, — что никому из нас не следует уже быть единоличным правителем; это тяжело и непохвально. Мы видели, до какой степени дошло своеволие Камбиза, и сами терпели от своеволия мага (Лжесмердиса). Да и каким образом государство может быть благоустроенным при единоличном управлении, когда самодержцу дозволяется делать безответственно все, что угодно? Если бы даже достойнейший человек был облечен такой властью, то и он не сохранил бы свойственного ему настроения. Окружающие самодержца блага порождают в нем своеволие, а чувство зависти присуще человеку по природе. С этими двумя пороками он становится порочным вообще. Пресыщенный благами, он делает многие бесчинства, частью из своеволия, частью из зависти. Хотя самодержец должен бы быть свободен от зависти, потому что располагает всеми благами, однако образ действий его относительно граждан оказывается не таков. Он завидует самой жизни и здоровью добродетельнейших граждан и, напротив, негоднейшим из них покровительствует, а клевете доверяет больше всего. Угодить на него труднее, чем на кого бы то ни было, ибо если ты восхищаешься им умеренно, он недоволен, что ты недостаточно чтить его; если же оказываешь ему чрезвычайное почтение, он недоволен тобой как

* Геродот родился и воспитался в персидском подданстве, и обстоятельства возведения на трон царствующей при нем династии, конечно, хорошо ему были известны по свежим преданиям, ибо от Дария Гистаспа Геродота не отделяло и столетие. Что касается эллинов этого момента (век Перикла), у них еще не улегся демократический пыл и не являлось еще тех монархических тенденций, которые сказались позднее и подготовили монархию Александра.

льстецом. Но вот что еще важнее: он нарушает искони установленные обычаи, насилует женщин, казнит без суда граждан. Что касается народного управления, то, во-первых, оно носит прекраснейшее название **равноправия**, во-вторых, правящий народ не совершает ничего такого, что совершает самодержец; на должности народ назначает по жребии, и всякая служба у него ответственна; всякое решение передается на общее собрание. Поэтому я предлагаю упразднить единоподданство и предоставить власть народу. **Ведь в количестве все**.

Эта горячая речь персидского демократа, который даже впоследствии согласился на восстановление монархии только под условием, чтобы он лично был уволен ото всякого подчинения царю, — вызвала, однако, возражения. Мегабаз выступил с мнением за аристократию*.

«Что касается упразднения самодержавия, — сказал он, — то я согласен с мнением Отаны. Но он ошибается, когда предлагает вручить власть народу. В действительности нет ничего бессмысленнее и своевольнее негодной толпы; и невозможно, чтобы люди избавили себя от своеволия тирана для того, чтобы отдаться своеволию разнузданного народа; ибо если что делает тиран, он делает хотя со смыслом, а у народа нет смысла. Да и возможен ли смысл у того, кто ничему доброму не учился и не знает, а стремительно, без толку накидывается на дела подобно горному потоку? Народное управление пускай предлагают те, кто желает зла персам, а мы выберем совет из достойнейших людей и им вручим власть; в число их войдем и мы сами. **Лучшим людям, естественно, принадлежат и лучшие решения**».

В объяснение слов Мегабаза напомним, что совещавшиеся действительно имели право считать себя в числе «лучших людей». Они только что спасли отечество от тирании, которая угрожала самой **национальности** персов, и исполнили эту задачу с мужеством и риском, нечасто встречающимися. Однако же Дарий, в то время еще не имевший никаких особенных шан-

* У Геродота — «олигархия»; наша терминология не совсем совпадает с древней.

сов быть избранным в цари, выступил против мнений Отаны и Мегабаза.

«Мне кажется, — заявил он, — что мнение Мегабаза о демократии верно, а об аристократии ошибочно. Из трех предлагаемых нам способов управления, **предполагая каждый из них в наилучшем виде**, то есть наилучшей демократии, такой же аристократии и такой же монархии, я отдаю предпочтение последней. Не может быть ничего лучше единодержавия наилучшего человека. Руководимый добрыми намерениями, он безусловно управляет народом. При этом вернее всего могут сохраняться в тайне решения относительно внешнего врага. Напротив, в аристократии, где многие достойные лица пекутся о благе государства, обыкновенно возникают ожесточенные распри между ними. Так как каждый из правителей добивается для себя главенства и желает дать перевес своему мнению, то они приходят к сильным взаимным столкновениям, откуда происходят междоусобные волнения, а из волнений кровопролития; кровопролитие приводит к единодержавию, из чего также следует, что единодержавие — наилучший способ управления. Далее, при народном управлении пороки неизбежны, а раз они существуют, люди порочные не враждуют **между собой** из-за государственного достояния, но вступают в тесную дружбу; обыкновенно вредные для государства люди действуют против него сообща. Так продолжается до тех пор, пока кто-нибудь один не станет во главе народа и положит конец такому образу действий. Вот почему подобное лицо возбуждает к себе удивление со стороны народа и скоро становится самодержцем, тем еще раз доказывая, что самодержавие — совершеннейшая форма управления. Сводя все сказанное вместе, спросим: откуда наша свобода и кто доставил нам ее? От народа ли мы получили ее, от олигархии или от самодержца? Я полагаю, что свободными нас сделал один человек, и потому мы обязаны блюсти единовластие, равно и потому, что нарушение исконных установлений не принесет нам пользы».

Многое ли прибавляют нынешние политические писатели к этим характеристикам различных идеалов власти?

Изложенная в современных выражениях и поясненная современными примерами речь Дария Гистаспа на современном учредительном собрании могла бы всякому оратору доставить славу глубоко пронизательного политика... И это очень естественно, потому что во всех **основных** условиях общежития и политики **новизны** в существе дела нет, государственное творчество старины и современности вечно вращается в круге трех основных форм власти.

XV

В чем может быть «новизна» политических явлений. — Появление и эволюция разновидностей основных форм.

Но если основные начала Верховной власти остаются вечно одни и те же, то это, конечно, не означает, что политической науке после Дария Гистаспа и Аристотеля уже нечего было делать.

В политике проявляются общие законы живых процессов. В основе явлений лежат вечные **типы**, несколько основных форм и принципов, порождаемых неизменностью законов духа человеческого и коренных условий общественной жизни. Но при всей неизменности их **по существу**, эти факторы, порождающие политическую власть, представляют чрезвычайное разнообразие частных комбинаций. Монархическая, аристократическая или демократическая идеи вырастают на разной почве и, сверх того, сами претерпевают процесс эволюции, который слагается под влиянием двух условий: 1) посредством внутреннего логического развития самого типа, который, раз сложившись, имеет стремление сделать из себя выводы сообразно своему **внутреннему содержанию**, или, другими словами, стремится развиваться в направлении, определенном комбинацией его внутренних сил; 2) эта тенденция встречает также воздействие внешних

условий, **условий среды**, то есть всех условий национальной жизни, которая сама развивается не только в направлении своего внутреннего содержания, но и под влиянием воздействия других народов.

Таким образом, основные формы Верховной власти в своем развитии представляют много видоизменений. Один и тот же **тип** представляет разные **виды**. Историческая жизнь, протекающая со времени греческих республик и персидской монархии, не может не представить нам множества **новых** разновидностей, то есть подразделений власти, наблюдение которых, в свою очередь, не может не бросать свет и на смысл основных «типов». Чем больше мы знаем разновидностей, чем яснее познаем их отличия, тем точнее можем мы определить, в чем именно состоит их общее типичное содержание. Перед наукой здесь поныне остается огромное поле доселе неисполненной, нередко почти нетронутой работы.

Современные демократии, например, развиваются на почве, во многом отличной от древней. Нравственное состояние наций, выдвигающих демократическую Верховную власть, всегда имеет нечто **общее**; но и различия нравственного состояния Франции или Америки от Рима или Греции – огромны. Точно так же и монархическое начало, развиваясь, например, в Западной Европе, в России, на магометанском Востоке, в Китае, не только родилось не из вполне одинакового содержания национального духа, но и при дальнейшем развитии испытывало далеко не одинаковое воздействие среды.

Различие явившихся, таким образом, разновидностей представляется очень существенным, а между тем как бы не сознается политической наукой. Особенно мало и плохо обследован именно монархический принцип.

Причина этого заключается в том, что европейско-американский мир, стоящий во главе умственного развития современных народов, уже почти не имеет возможности **непосредственно** наблюдать действия этого начала власти. Современное умственное движение западного мира совпало с захирелым состоянием монархического начала.

Известный Ф. Ле Пле справедливо устанавливает, что изучение всякого общественного явления может быть производимо лишь на **цветущих** образчиках его, то есть в тех, в которых проявляются законы **жизни** его. Только узнав их, мы можем переходить к явлениям патологическим.

Современная политическая наука в Европе, наоборот, обречена изучать монархическое начало народов по образчикам больным и умирающим. Ошибки этого наблюдения могла бы легче всего исправить **русская** наука, так как она имеет перед собой возможность наблюдать эту форму власти в образчиках **нормальных**. Но, к сожалению, наша наука лишь в самое последнее время начала приобретать сколько-нибудь самостоятельный характер, осмеливаясь выходить из роли простой компиляции европейских наблюдений и выводов. Она еще почти ничего не успела сделать, а между тем при первых же проявлениях ее самостоятельности перед ней становится, например, такой важный вопрос, как различие между **абсолютизмом** европейской монархии, **самовластием** Востока и **Самодержавием** русской. Вопрос об этом различии, можно сказать, даже не затронут русской наукой, а между тем без разъяснения его монархическое начало власти остается чем-то непонятным.

При наблюдении, например, **абсолютизма** мы положительно не схватываем никаких **существенных** отличий монархии и демократии; конечно, абсолютизм есть исторический факт, и, стало быть, несомненно, что монархическое начало способно приводить к абсолютизму. Но если бы мы не знали о монархии ничего больше, кроме этого, она являлась бы настоящей загадкой. Каким образом начало, столь родственное демократии, может быть с ней во вражде, каким образом оно может даже возникнуть, как нечто **особенное** и держаться столетия, не имея никакого **собственного** содержания?

Только наблюдение других разновидностей монархического начала способно объяснить судьбы этого принципа, разившегося в абсолютистскую форму, и показать, возможно ли в ней усматривать форму **типичную**.

Из числа этих других разновидностей особенного внимания заслуживает **Монархия Самодержавная**, так как в ней мы находим монархическое начало строго выдержанным и в то же время наиболее доступным наблюдению. Для нас, русских, по крайней мере, Россия и отчасти Византия представляют наиболее благодарное поле наблюдения. На нем мы и должны особенно остановить внимание. Но прежде чем рассматривать проявления самодержавной формы монархической власти, необходимо задаться вопросом о том, каким образом власть **единоличная** превращается в **монархическую**?

XVI

Переход единоличной власти в Верховную. — Диктатура и монархия. — Свойства единоличной власти.

Ясно и бесспорно, что монархия составляет проявление **единоличной власти**. Но не менее ясно, что не всякая единоличная власть составляет монархическую. Что же превращает единоличную власть в монархию? В древности к этому вопросу не присматривались с большой точностью. Монархом считался и персидский царь, но монархами назывались и тираны. Различали правомерную и извращенную формы монархии в зависимости от того, направлялась ли власть на благо народа или самого правителя. Такое определение скользит по поверхности вопроса. Здесь дело сводится к личности правителя, и **образ** правления определяется всецело его **способом**. Сведенные на такую субъективную почву явления власти потеряли бы всякую объективную основу. Между тем и в древности было достаточно фактов, показывающих, что, помимо способа своего употребления, **образ** правления включает в себе нечто особенное, ему самому по себе присущее. Пизистрат думал о благе народа, конечно, не меньше Камбиза. Но все-таки греки не мирились с «тиранией». В Персии же самый возмутитель-

ный способ правления не изглаживал в сознании нации приверженность к «монархии».

Без сомнения, сама по себе единоличная власть не составляет еще монархии.

Диктатура обладает огромными полномочиями, но все-таки это есть власть **делегированная**, власть народа или аристократии, лишь переданная одному лицу.

Точно так же и **цезаризм**, римская императорская идея, сам по себе лишь прокладывает иногда путь монархии, или же, наоборот, от монархии ведет к демократии, но сам по себе не составляет учреждения чисто монархического. Цезаризм имеет внешность монархии, но по существу представляет лишь сосредоточение в одном лице всех властей народа. Это – бессрочная или даже увековеченная диктатура, представляющая, однако, все-таки Верховную власть народа.

Монархия есть не что иное, а именно: **единоличная власть, сама получившая значение Верховной**.

Все свои особенности монархия получает от этого существа своего: отличия свои от других видов единовластия она получает оттого, что стала властью **Верховной**; отличие от других форм Верховной власти (аристократия и демократия) она получает благодаря особенностям власти **единоличной**.

На эти особенности должно прежде всего обратить внимание.

Нетрудно заметить, что единоличная власть всегда выдвигается в тех случаях, когда подлежащее ей действие совершенно ясно всеми сознается; она представляет, так сказать, коллективное единомыслие. Только в случае такого единомыслия может являться единоличная власть, ибо **принудить** массу к подчинению против ее сознания одно лицо не имеет силы. Влияние большинства или верхнего слоя избранных в этом случае имеет более шансов. Но в тех случаях, когда имеется народное единомыслие, единоличная власть оказывается наиболее удобной, так как она отличается наибольшей быстротой, энергией и выдержанностью действия. Если ко всем этим свойствам присоединить еще общенародное одобрение цели

действия, то единоличная власть сама выдвигается народом как наилучшая.

Сила единоличной власти в отношении подчиненных, таким образом, есть сила преимущественно **нравственная**, основанная на взаимном понимании и доверии. Конечно, для действия необходима дисциплина, но и сама дисциплина в основе держится нравственным сознанием ее необходимости. Единоличная власть во всех своих проявлениях держится на основе сознательного добровольного подчинения. Это не власть толпы с ее физической силой, которой подчиняются, даже презируя и ненавидя ее. Это не власть аристократии, подавляющей народ своим богатством, умственным превосходством, искусством политической интриги. Это власть, нравственно представляющая сознание самих подчиняющихся ей, откуда она и черпает главную основу своей силы.

Это общее свойство единоличной власти, естественно, проявляется и тогда, когда она становится **Верховной**. Но каковы же могут быть условия, при которых от Верховной власти требуют или ожидают именно тех свойств, какие возможно найти только у власти единоличной?

XVII

Внутренний смысл трех основных принципов власти. — Психологические основания перехода каждого из них в значение Верховной.

Мы видели, что политическое творчество человека, создавая **Верховную власть**, вращается в круге трех основных форм: монархии, аристократии и демократии. Чем же именно обуславливается предпочтение, отдаваемое разными народами и разными эпохами той или иной основе? Почему один народ выдвигает свое государство на начале монархическом, а другой — на начале демократическом, или, покидая одно начало, перестраивает государство на основе какого-либо другого?

Это обуславливается, очевидно, известным **психологическим состоянием нации**, которому соответствуют **свойства самого принципа**, выдвигаемого в значение верховного. Я говорю о **нации**, а не о **народе**. Нередко высказывается, что **первоисточником** Верховной власти служит все-таки «народ». Эта мысль залегла во всех **абсолютистских** учениях – как монархических, так и демократических (Гоббс, Руссо). Но она верна лишь в том случае, если мы под словом «народ» будем понимать не численную «массу», а «нацию» как преемственно живущее коллективное целое.

Нация, то есть народ, внутренне слившийся в нечто целое, с известными привычками, традиционным опытом, общим характером, с известным духом и мирозерцанием, а стало быть, с известными **идеалами**, – эта нация есть первоисточник власти. Она составляет силу, которая создает Верховную власть того или иного типа, а также при известных колебаниях своего духа дает место замене одного принципа другим.

Политика здесь сливается с национальной психологией. В той или иной форме Верховной власти выражается дух народа, его идеалы и верования, то, что он внутренне сознает как высший принцип, достойный подчинения ему всей жизни. Как высший, этот принцип является самодержавным, неограниченным. Верховная власть, им создаваемая, **ограничивается лишь содержанием своего собственного идеала**. Здесь имеет место то, что Блюнчли называет **идеократией**. Всякая Верховная власть идеократична, то есть находится под властью своего идеала, безгранично сильна, пока совпадает с ним, и становится узурпацией (тиранией, олигархией, охлократией), когда сама выходит из подчинения ему. Пределы эти, определяющие нравственную законность и незаконность Верховной власти, не подлежат точной формулировке, но всегда прекрасно чувствуются нацией, то послушно подчиняющейся создаваемой ею **основной правде** власти, то возмущающейся против узурпации.

Эта нравственная, духовная или идеократическая подкладка Верховной власти настолько ощутима, что многие

исследователи политических учреждений старались указать связь между формой Верховной власти и нравственным состоянием нации. Известна в этом отношении формула Монтескье, совершенно, впрочем, произвольная. Как бы то ни было, несомненно, что в государственных учреждениях отражается нравственная философия народа или эпохи. В государстве нация стремится поставить высшую охрану того, что считает **должным** или **справедливым**. Но почему она для этого в одних случаях доверяет по преимуществу единоличному **Монарху**, а в других — возлагает надежды на **лучших людей** или на **численное большинство**?

В этом проявляется не что иное, как степень напряженности и ясности идеальных стремлений нации. Власть требует силы. В различных формах Верховной власти выражается то, какого рода силе нация наиболее доверяет по своему нравственному состоянию.

Демократия в этом отношении выражает доверие к силе **количественной**.

Аристократия выражает доверие к силе **качественно высшей**, некоторую разумность силы.

Монархия является представительницей силы идеальной, **нравственной**.

Если в обществе не существует достаточно напряженного верования, охватывающего все стороны жизни в подчинении одному идеалу, связующим звеном его является **численная сила**, количественная, которой нельзя не подчиниться, если бы даже и не иметь к тому внутренней готовности. Это духовное состояние нации выдвигает демократию.

Если целостные идеалы не сознаются достаточно ярко **всеми**, но при этом не утрачена, однако, вера в существование разумности общественных явлений, является господство аристократии, людей «лучших», наиболее способных отыскать эту разумность.

Монархия является тогда, когда в нации наиболее сильно живет целый, всеобъемлющий нравственный идеал, всех приводящий к добровольному себе подчинению, а потому

требующий для своего верховного господства не физической силы, не истолкования, а просто **наилучшего выражения**, какое, конечно, способна дать **отдельная** личность как существо нравственное. Единоличное начало появляется тогда и подготавливает **монархию**...

Уже из того промежуточного положения, которое занимает аристократия в этой формуле, легко видеть, что она **наименее, наиреже** способна выдвигаться как принцип **Верховной власти**, но с другой стороны наиболее **неизбежна** и неустрашима в числе сил управления.

Ни в самой полной демократии, ни в Самодержавной Монархии аристократия не исчезает никогда в числе наиболее деятельных сил управления, но возвыситься до положения **Верховной власти** она большей частью не может, ибо колебательное нравственное состояние нации, выдвигающее аристократию на верховное место, обыкновенно разрешается приближением к какому-нибудь более определенному состоянию, выражаемому либо господством демократии, либо установлением монархии.

Вообще, впрочем, воздвигая какое-либо одно начало власти в верховный, гармонизирующий принцип, нация этим отнюдь не уничтожает других способов, в которых проявляется общественная сила. Цель государства состоит не в уничтожении их, а лишь в установлении между ними известного соподчинения. Какова бы ни была Верховная власть, над ними поставленная, в национальной жизни продолжают жить и другие принципы, но они уже находят себе законное, допускаемое место лишь в качестве силы **служебной** в отношении Верховной власти, и допускаются ею лишь в сфере **управления**, под верховным надзором ее.

Совершенство Верховной власти, в числе прочих условий, отчасти измеряется и тем, в какой мере она способна свободно допустить в **управлении** подчиненные принципы власти, не допуская их в то же время до узурпации и государственного переворота. Способность к этому монархии, аристократии и демократии неодинакова. Но, вообще говоря, ни одно из этих на-

чал не может вырвать из человеческого общества двух других, если бы даже и задалось этой задачей. Аристократия, наиболее слабая, а потому и ревнивая форма власти, все-таки не может отрицать ни численной силы, ни единоличного нравственно-го представительства ее. Демократия же, в сфере управления почти всегда фактически подчиненная той или иной форме ненавидимой ею аристократии, в то же время постоянно принуждена прибегать к **диктатуре** каждый раз, когда является настоятельная потребность осуществить назревшую народную волю. Диктатура же, столь часто переходящая в **цезаризм**, в этой своей стадии развития уже очень близка к принципу монархическому. Что касается монархии, то излишне даже упоминать о широком месте, уделяемом ею в сфере управления принципам аристократическому и демократическому.

XVIII

Монархия как верховенство нравственного идеала. — Значение религии и христианства. — Независимость монархии от народной воли. — Подчинение монархии народной вере.

Итак, для того, чтобы единоличная власть могла получить значение **Верховной**, то есть чтобы могла возникнуть **монархия**, необходимо народное единомыслие относительно того, что высшим принципом, верховно руководящим все стороны жизни нации, должен быть **нравственный идеал**.

Высшим идеалом, объединяющим все стороны человеческой жизни, является идеал **нравственный**. Его живое присутствие необходимо для существования монархии. Единоличная власть, вообще говоря, является наилучшим орудием осуществления того, что ясно и глубоко сознается нацией. Когда такое живое сознание имеется в отношении высшего идеала жизни, наилучшим выражением его осуществления становится власть единоличная, ибо личность человека есть живое се-

далище нравственного идеала. В его лице нация подчиняет на служение идеалу правды как свою физическую силу большинства (элементы **демократии**), так и опыт, влияние и авторитет своих лучших людей (элементы **аристократии**).

Можно теоретически спорить о том, одна ли религия способна давать нации **всеобъемлющий** идеал, в котором освещаются все стороны ее жизни. Но в практике истории никакие философские системы не способны были в этом отношении заменить религиозного мировоззрения. Это совершенно понятно. Только религия ставит высшую Божественную Личность превыше всего в природе и таким образом в нашей человеческой жизни сохраняет высшее место для начала нравственного, личного. Только при свете религии человек при всех своих подчинениях условиям материальным и социальным сохраняет сознание верховного значения своей личности, а посему переносит такое же понятие верховности на идеалы нравственные. Для **верующего**, сверх того, понятно, что только реальная связь с Божеством способна дать силу жить нравственным идеалом. Как бы то ни было, в исторической действительности всеобъемлющий идеал, способный объединять все цели, все стороны жизни на почве нравственной, человечество находило постоянно именно **в религии**. Те или иные религиозные концепции, точно так же, как те или иные расстройтва религиозного сознания, могущественно влияют на общественную и политическую жизнь.

Отсюда ясно, что наиболее твердую почву для монархии дает именно **христианство**.

Власть Монарха возможна лишь при народном признании. Но, будучи связана с некоторой **высшей** силой, она является представительницей не народа, а той высшей силы, из которой вытекает нравственный идеал. Признавать верховное господство этого идеала нация может лишь тогда, когда верит в его **абсолютное** значение, а стало быть, возводит его к абсолютному личному началу, то есть Божеству. Истекая из человеческих сфер, идеал не был бы абсолютен; проистекая не из личного источника, не мог бы быть нравственным. Таким

образом, подчиняя свою жизнь нравственному идеалу, нация, собственно, желает подчинить себя Божественному руководству, ищет Верховной власти **Божественной**.

Это и есть необходимое условие, при котором единоличная власть способна перерасти значение делегированной и становится **Верховной** как делегированная от Божества, а посему не только совершенно независимая от людей, но выше всякой их человеческой власти. Римский цезаризм чувствовал это, когда старался приписывать императорам **личную** божественность, но в действительную монархию мог превратиться только с победой христианства, в Империи Византийской.

Вообще, как выше сказано, лишь христианство, открывающее истинные цели жизни, природу человека и действие Божественного Промысла, дает вполне надлежащую социальную среду для развития монархического начала власти во всей его тонкости. Уклонения от начал истинного христианства в римском католицизме или протестантизме дают в политике образчики уже более или менее извращенного типа монархии. Еще менее удачны проявления этого начала в странах языческих и магометанских.

Именно уже значительно потускневшее религиозное сознание дало место и той теории абсолютизма, по которой народ будто бы **отрекается** от своей власти в пользу монарха. В действительности это идея не монархии, а **цезаризма**, вечной диктатуры, то есть в основе – идея демократическая. По идее монархической народ вовсе ни от чего своего не отказывается, а лишь проникнут сознанием, что **Верховная** власть по существу принадлежит не ему, а той Высшей Силе, которая указывает цели жизни человеческой. Народу не от чего отказываться. Он просто признает власть Бога, веря, что в государственных отношениях она вручается Монарху не народом, а Божественной волей. При таком понимании власть Монарха не есть народная, не из народной власти истекает и не народную волю призвана выражать. Но, с другой стороны, эта власть существует не для самой себя, как это может случиться при абсолютизме, но для народа, вообще для исполнения некото-

рой миссии, свыше указанной. Таким образом, монархическая власть составляет **служение**, а не привилегию.

Настоящая, типичная монархия этой своей отвлеченностью от народной власти и народной воли и в то же время своей подчиненностью **народной вере, народному духу, народному идеалу**, именно и приобретает способность быть властью **Верховной**.

В исторической практике это выдвижение единоличной власти в значении власти Верховной совершается естественно, самостоятельно, как бы неизбежно, если есть в народе необходимая для того нравственно-религиозная подкладка.

Мы остановимся для обсуждения этого на примерах русской истории как более общеизвестной, хотя должно оговориться, что значение собственно религиозного начала в безнациональной Византии выступает еще более рельефно, нежели у нас.

XIX

Примеры истории. — Политический идеал, выдвигаемый идеалом религиозным. — Самостоятельность этого процесса.

Во всяком случае, в русской истории тоже с чрезвычайной наглядностью можно наблюдать, как религиозное мирозерцание подсказывает народу его политический идеал и тем порождает искание **единоличной династической власти** в то время, когда ее еще и не существует. Под влиянием народного искания она складывалась естественно, совершенно сливаясь в этом складывании с народом в понимании своих прав, задач и обязанностей, то есть вырабатывая качества, необходимые для того, чтобы стать **Верховной**.

Исследователи наших древних государственных учреждений показывают нам то, что составляет общий закон политики, то есть присутствие в Древней Руси всех трех основных

элементов власти: начала монархического, аристократического и демократического.

Государственный строй (Древней Руси) зиждется на трех элементах: **князь**, **дружина** и **вече**. Элементы эти, говорит Романович-Славатинский, находятся в постоянном колебании, то борясь между собой, то уравновешивая друг друга. Сама дружина, как особенно ясно у профессора Ключевского (Боярская Дума), представляла довольно сложный аристократический элемент, в котором издревле был силен слой **боярский**, настоящих **лучших людей**; этот **боярский** слой играл выдающуюся роль, как в княжествах с особенно сильным ростом монархического начала, так и в северных республиках. В Галиче аристократический боярский слой доходил даже до присваивания себе Верховной власти.

Демократическое начало, в свою очередь, не только широко развилось в Новгороде, Пскове, Вятке, но постоянно проявляется повсюду*. Пока в национальном мировоззрении не получило твердого преобладания одно начало Верховной власти, государственный строй Руси представляется чем-то колеблющимся, так что даже трудно сказать – в этом ряде княжеств имеем ли мы перед собой одно государство?

Однако уже издревле у нас росло преимущественно начало **монархическое**. Его рост не может быть объясним ни условиями колонизации, ни условиями национального самосохранения. Новгородская колонизация при республике шла не менее успешно, нежели Суздальско-Владимирская, и хотя Московское царство окончательно сложилось, спасая Россию от татарского ига, но Царская идея несомненно развивалась гораздо раньше. Ее идеал носился уже над Владимиром Святым, Ярославом и Мономахом. Андрей Боголюбский подошел к ней едва ли не ближе, чем первые московские князья, и этот единовластитель, убитый крамольными боярами, остался для массы народа идеалом правителя, окруженный святым почитанием.

* См. напр.: *Сергеевич В. И.* Древности русского права: Вече и князь. Советники князя. Т. 2. – СПб.: Типография Стасюлевича, 1900.

Достаточно видеть отношение к **князьям** в массе нации, чтобы предусматривать рост монархического начала. Удельные князья, почти превратившиеся в аристократию, раздробившую и обессилившую Русь, каждый в отдельности все же почитаются как нечто **принципиально** отличное от прочей аристократии – дружинной и боярской. Даниил Заточник характеристично различает светлое и благодетельное начало **княжеской** власти и своекорыстное начало власти слуг его:

«Лучше пусть моя нога войдет в лыке в твой двор, – говорит он, — нежели в червленом сапоге во двор боярский; лучше мне тебе в дерюге служить, нежели в багрянице в боярском дворе; лучше мне воду пить в доме твоём, нежели вино в боярском». Что такое **князь**? «Как дуб крепится корнем, – говорит Даниил, – так град наш твоею державой. Кормчий – глава корабля, а ты, князь, – людям своим... Муж – глава жены, а князь – мужам. А **князю – Бог**». Он поэтично сравнивает милости князя с **весной**, украшающей землю цветами, с **солнцем**, обогревающим землю. Но и гроза княжая страшна: «Княже господине мой, орел – царь над птицами, осетр – над рыбами, лев – над зверями, а ты, княже, над переяславцами (послание в цитируемом списке адресуется Ярославу Всеволодовичу – Л. Т.). Лев рыкнет: кто не устрашится? Ты, князь, слово скажешь – кто не убьется? Тело крепится жилами, а мы, княже, твоею державой». Князь объединяет не только своих домочадцев, но и иные страны, притекающие к нему...

Нетрудно узнать источник этой философии, выделяющей **князя** как идеальный элемент **власти**. Вместе с христианством – как князь, так и народ слышали определение миссии княжеской власти. «Ты, – говорили церковные учителя Владимиру Святому, – поставлен от Бога на казнь злым, а добрым на милованье». Князь – **поставлен Богом**. Это не сила толпы, не богатство и влияние «лучших» людей; это власть, указанная **свыше**. Еще Владимира Святого называли и Царем, и Самодержцем. «Князю земли вашей, – поучает **Златая Цепь** XIV века, – покоряйтесь, не речите ему зла в сердце вашем, прямите ему головой своею и мечем своим, и всюю мыслью своею,

и не возмогут чужие противиться князю вашему; если хорошо служите князю, обогатится земля ваша и соберете добрый плод». И в то время, когда дружина еще полна была духом безгосударственной вольности «отъезда», **Златая Цепь** уже поучает: «Если кто от своего князя отпадет к иному, не будучи им обижен, **подобен есть Иуде**».

Было бы очень мало сказать, что эти свидетельства мы можем проследить через всю историю России. Собственно говоря, кроме таких и аналогичных им свидетельств, мы ничего иного не в состоянии найти не только в древности, но и по настоящее время. **Современные** пословицы, в которых народ выражает то, что вынесено им из вековых оценок, воспроизводят ныне совершенно то же политическое мирозерцание, которое отмечалось иностранными наблюдателями старой Москвы. А как они характеризовали политическое мировоззрение Русского народа?

«Скажет царь, – говорит Герберштейн, – и сделано; жизнь, достояние людей светских и духовных, вельмож и граждан совершенно зависит от его воли. Русские уверены, что великий князь – исполнитель небесной воли. Так угодно Богу и Государю; ведает Бог и Государь, – говорят они». «Москвичи, – говорит иезуит Поссевин, – наследовали от предков высокое понятие о Государе и утверждают в нем воспитанием. Когда их спрашивают о чем-нибудь, они обыкновенно отвечают: один Бог и великий Государь знают это. Царь все знает, он может разрешить какое бы то ни было затруднение или сомнение; нет на земле веры, которой догматов и обрядов он бы не знал; все, что мы имеем и чем живем, все это от милости Государя».

Излишне упоминать, что эта характеристика не без больших погрешностей. Сам Поссевин должен был услышать непосредственно от Иоанна Грозного, что и по русскому мирозерцанию **есть пределы** всеведению и могуществу Царя. О «великих делах» веры Иоанн просто-напросто **отказался** рассуждать с иезуитом, ссылаясь на Церковь, которой послушным учеником объявил себя.

Верховная власть прекрасно чувствовала, что и она все-таки ограничена содержанием своего собственного принципа.

Светлый идеал, который носился над страной в виде Самодержца, явился к нам вместе с **Православием**. Но он вовсе не был выводом сухой политической **доктрины**, занесенной из Византии. Он вытекал из источников более глубоких: из христианского понимания **общих целей жизни**. Он соответствовал вовсе не одним целям концентрации сил страны для нынешней борьбы или поддержания внутреннего порядка, но вообще целям жизни, как их понимал русский человек, проникнутый христианским мирозерцанием. А оно распространилось у нас широко и свободно.

Излишне распространяться о чрезвычайно благоприятных условиях, какие встретило христианство в только что слагавшейся Русской земле. Его учение воспринималось с детской верой, безо всякого разрушающего скептицизма, без компромиссов борьбы, и по мере восприятия становилось руководством ко всецелому устройству быта. На одном и том же идеале воспитывались все, и под влиянием этого общеразделяемого **идеократического элемента** складывались постепенно также отношения государственные. У нас часто говорится о **византизме** нашей государственности. Конечно, Византия в свое время была истолковательницей политических идеалов, наиболее вытекающих из Православия. Но нельзя не сказать, что в России Верховная власть **выращена** из жизни христианского народа. Москва имела право считать себя **третьим Римом**, а не простым повторением Византии. Впрочем, известно, что лучший теоретик своего времени, царь Иоанн Грозный, совершенно свободно критиковал византийские порядки и указывал, чего в них, по его мнению, должно избегать. Вообще в своей государственной идее наши предки не просто повторяли чужое слово, а сказали свое, тем более веское, что при этом самосознание Верховной власти столь же поразительно совпадает с политическим самосознанием народа, как и с христианским понятием сущности и задач власти в общих целях земной жизни человеческой.

Сравним, действительно, что говорит о власти христианство и как поняли его учение Царь и народ Русский. Тождество мирозерцания получается полное.

XX

Евангельское учение о власти. — Власть как установление Божеское. — Власть христианская.

Настоящую основу христианского политического учения составляет **воздавание кесарю кесарева и Божия Богу**.

Кесарь неслучайно является на свете. Нет власти, которая была бы не от Бога. Даже в таком страшном случае, какой поставил Пилата решителем вопроса о казни Христа, представитель земного суда **не имел бы власти, если бы не было ему дано от Бога**. Божественный Промысл управляет миром непостижимыми для человека путями, и для наших земных дел создает **власть**, которой мы обязаны повиноваться «для Бога», как неоднократно прибавляет Апостол. В учении апостольском политическое своеволие не отличается от своеволия **вообще**, оно составляет проявление некоторой распушенности, «похоти плоти», отсутствия понимания главной цели жизни. Им отличаются люди, которые «идут вслед скверных похотей плоти, презирают начальства, дерзки, своевольны и не страшатся злословить высших»¹. Те же самые люди, которые «оскверняют плоть, отвергают начальства и злословят высокие власти», они же своим поведением служат соблазном на вечерах любви. Всем таким апостольское учение угрожает тяжким наказанием Господа. Элемент **власти** так широко признается христианством, что даже рабы, имеющие господами «верных», то есть вместе с господами составляющие членов одной и той же Церкви, тем не менее, должны повиноваться господам. Нет власти не от Бога. Противящиеся власти противятся Божьему установлению. И только необходимость воздавания Божия Богу кладет границы повиновению кесарю и властям, от кесаря установленным.

Такое повиновение не остается, однако, без разумного объяснения. Власть воздвигается Богом для блага самих же людей. «Начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло – бойся, ибо он не напрасно носит меч. Он Божий слуга, отомститель в наказание делающему зло. Начальствующие страшны не для добрых дел, а для злых»². Апостол увещевает быть покорными не только «царю как верховной власти», но и «правителям, от него поставленным для наказания преступников и для поощрения делающих добро»³. Власть, таким образом, не есть какая-либо привилегия, но исполнение службы, Богом указанной.

Сами «господа» должны пользоваться почтением «рабов» собственно потому, что «благодетельствуют» им. Христианство, таким образом, повсюду облакает всякую власть **обязанностью** известного служения на пользу подчиненным. Поэтому подчиняться должно не только от страха, но и **по совести**. Уплата денежных податей точно так же обязательна: «Ибо они (власти – Л. Т.) Божьи служители, постоянно сим (то есть службой – Л. Т.) заняты»⁴ и, стало быть, очевидно требующие содержания со стороны общества, на пользу которому служат. В общей сложности «всякая душа да будет покорна высшим властям». «Отдавайте всякому должное: кому подать – подать, кому оброк – оброк, кому страх – страх, кому честь – честь»⁵. Должно также **«молиться и благодарить за царей и за всяких начальствующих»** – для чего? Для того, чтобы проводить **«жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте»**⁶.

Эта тихая и безмятежная жизнь во всяком благочестии и чистоте есть идеал христианского общества, а для пособия осуществлению его поставлена от Бога власть. Те, кто этого не понимают и выходят из повиновения, – это «безводные облака, носимые ветром, ропотники, ничем недовольные, поступающие по своим похотям», они **«обещают другим свободу, будучи сами рабами тления»**⁷.

Своеволие политическое вообще, повторяю, рассматривается христианством как одно из проявлений общего своеволия,

распущенности, по существу предосудительной, как «злоупотребление свободой», ибо постоянно напоминая христианам, что они «призваны к свободе», вероучение столь же постоянно увещевает поступать как свободные, а не как **злоупотребляющие свободой**.

Это наставление давалось уже в то время, когда христиане не только еще не имели никаких прав, но были гонимы с жестокостью и несправедливостью, превосходящими всякое описание. Повиноваться должно даже и такой власти. Власть, даже языческая, – хочет она или не хочет, – поставлена все-таки по той воле Бога, которую Ему угодно было проявить в **политических** отношениях. Уважение предписывается к самому **принципу** власти.

С тех пор, как Верховная власть перешла в руки христианских Государей, такое уважение, понятно, могло лишь возрасти. Миссия же власти как Божие служение из бессознательной, направляемой лишь Промыслом, со стороны Государя-христианина становится **сознательной**. Церковь не только молится за власть, но уже может **освящать** ее своими таинствами. Уважение христианина к власти лишь возрастает от этого. С другой стороны, Государь, будучи христианином, сознательно принимает власть не иначе, как **служение**, то есть как **долг, обязанность**. Он становится в ряд тех царей, которых Господь помазывал на царство в Израиле, но также и низвергал, и наказывал: в ряд царей, которые ответят за каждый свой поступок. Царь в отношении подданных имеет все права, ибо христианское учение говорит только об обязанностях подданных, совершенно умалчивая о каких-либо правах их в отношении Верховной власти. Верховная власть отсюда естественно оказывается безграничной (в политическом смысле), но чем более она принимает такую безграничность, тем более она принимает миссию «Божьего служения», а стало быть, и всю его страшную **ответственность**.

При таких условиях несение власти является в нравственном отношении истинным **подвигом**. Государь «недаром носит меч», но за каждый неправильный удар меча, как и за не-

нанесение удара, если это необходимо, отвечает перед «Царем царей». Он поставлен для доставления другим «тихого и безмятежного жития», и что ответит перед «Царем царей», если этой цели **службы** своей не исполнил? Он поставлен для наказания злых и поощрения делающих добро, другим словами, для **осуществления** справедливости того, что соответствует **правде**. Что ответит он «Царю царей», если не дал обществу этого господства правды?

XXI

Идея Верховной власти в истолковании Иоанна Грозного.

Такой идеал Царя, вытекающий из православного понимания жизни, совершенно одинаково складывался у массы народа и у постепенно развивающейся Царской династии. Превосходную формулировку его оставил царь, доселе памятный народу как немногие, а от современников получивший такую характеристику, как **«муж чудного разумения, в науке книжной почитания доволен и многоречив, зело в ополчениях дерзостен и за свое отечество стоятель»***. Беспристрастный летописец, правда, тут же прибавляет, что царь Иоанн был «на рабы от Бога ему данные жестокосерд вельми»... Но этот вопрос особый, не касающийся «чудного разумения», с которым Иоанн формулировал идею своей власти.

Как же понимает он свою идею?

Государственное управление по Грозному** должно представлять собой стройную **систему**. Представитель аристократического начала, князь Курбский, упирает преимущественно

* «Хронограф» Кубасова // В кн.: *Буслаев В.И.* Историческая хрестоматия церковнославянского и древнеславянского языков.

** Нижеследующее изложение, большей частью буквальными цитатами, оставлено преимущественно по знаменитой переписке Иоанна с Курбским (См.: *Устрялов Н.* Сказания князя Курбского. – Изд. 3-е., испр. и доп. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868).

на личные доблести «лучших людей» и «сильных во Израиле». Иоанн относится к этому как к проявлению политической незрелости, и старается растолковать князю, что личные доблести не помогут, если нет правильного **строения**, если в государстве власти и управления не будут расположены в надлежащем порядке. «Как дерево не может цвести, если корни засыхают, так и это: еще не прежде **строения благая** в царстве будут, то и храбрость не проявится на войне. Ты же, – говорит царь, – не обращая внимания на строения, прославляешь только доблести».

На чем же, на какой общей идее воздвигается это необходимое «строение», «конституция» христианского царства? Иоанн в пояснение вспоминает об ереси манихейской: «Они развратно учили, будто бы Христос обладает лишь небом, а землей **самостоятельно** управляют люди, а преисподними – диавол». Я же, говорит царь, верую, что всеми обладает Христос: небесными, земными и преисподними, и «вся на небеси, на земли и преисподней **состоит его хотением**, советом Отчим и благоволением Святого Духа». Эта высшая власть налагает свою волю и на государственное «строение», устанавливает и Царскую власть.

Права Верховной власти, в понятиях Грозного, ясно определяются христианской идеей **подчинения** подданных. В этом и широта власти, в этом же и ее пределы (ибо **пределы** есть и для Грозного). Но в указанных границах безусловное повиновение Царю как обязанность, предписанная верой, входит в круг **благочестия** христианского.

Если Царь поступает жестоко или даже несправедливо, – это Его грех. Но это не увольняет подданных от обязанности повиновения. Если даже Курбский и прав, порицая Иоанна как **человека**, то от этого еще не получает права не повиноваться божественному («не мни, праведно на человека возъярився, Богу приразиться: ино бы человеческое есть, аще и порфиру носит, ино же божественное»). Поэтому Курбский своим поступком свою «душу погубил». «Если ты праведен и благочестив, – говорит царь, – то почему же ты не захотел от

меня, строптивного владыки, пострадать и наследовать венец жизни?» Зачем «не поревновал еси **благочестия**» раба твоего Васьки Шибанова, который предпочел погибнуть в муках за господина своего?

С этой точки зрения, порицание поступков Иоанна на основании народного права других стран (указываемых Курбским) не имеет, по возражению царя, никакого значения. «О безбожных человецех что и глаголати! Понеже тии все царствиями своими **не владеют**: как им повелят подданные («рабочные» – *Л. Т.*), так и поступают. А российские самодержавцы изначала сами владеют всеми царствами (то есть всеми частями Царской власти – *Л. Т.*), а не бояре и вельможи».

Противоположение нашего принципа Верховной власти и европейского вообще неоднократно заметно у Иоанна и помимо полемики с Курбским. Как справедливо говорит Романович-Славатинский, «сознание международного значения самодержавия достигает в Грозном царе высокой степени» (**система**). Он действительно вполне ясно понимает, что представляет **иной** и **высший** принцип. «Если бы у вас, – говорит он шведскому королю¹, – было совершенное королевство, то отцу твоему архиепископ и советники и вся земля в товарищах не были бы»*. Он ядовито замечает, что шведский король «точно староста в волости», показывая полное понимание, что этот «не совершенный» король представляет в сущности **демократическое** начало. Так и у нас, говорит царь, «наместники новгородские – люди великие», но все-таки «холоп государю не брат», а потому шведский король должен бы сноситься не с Государем, а с наместниками. Такие же комплименты Грозный делает и Стефану Баторию, замечая послам: «Государю вашему Стефану в **равном братстве** с нами быть не пригоже». В самую даже крутую для себя минуту Иоанн гордо выставляет Стефану превосходство своего **принципа**: «Мы, смиренный Иоанн, Царь и Великий Князь Всяя Руси, **по Божьему изволению, а не по многоятежному человеческому хотению****».

* *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн 2. – Стр. 259.

** *Там же* – стр. 279.

Как мы видели выше, представители власти европейских соседей для Иоанна суть представители идеи «безбожной», то есть руководимой не божественными повелениями, а теми человеческими соображениями, которые побуждают крестьян выбирать старосту в волости.

Вся суть Царской власти, наоборот, в том, что она не есть избранная, не представляет власти **народной**, а нечто высшее, которое признает над собой народ, если он «не безбожен». Иоанн напоминает Курбскому, что «Богом цари царствуют и сильные пишут правду». На упрек Курбского, что он «погубил сильных во Израиле», Иоанн объясняет ему, что сильные во Израиле — совсем не там, где полагает их представитель аристократического начала «лучших людей». «Земля, — говорит Иоанн, — правится Божиим милосердием, и Пречистыя Богородицы милостью и всех святых молитвами и родителей наших благословением, и последи нами, государями своими, а не судьями и воеводами и еже ипаты и стратеги».

Не от народа, а от **Божией милости к народу** идет, стало быть, Царское Самодержавие. Иоанн так и объясняет.

«Победоносная хоругвь и крест Честной», говорит он, даны Господом Иисусом Христом сначала Константину, «первому во благочестии», то есть первому **христианскому** императору. Потом последовательно передавались и другим. Когда «искра благочестия дойде и до Русскаго царства», та же власть «Божиею милостию» дана и нам. «Самодержавие Божиим изволением», объясняет Грозный, началось от Владимира Святого, Владимира Мономаха и т.д., и через ряд Государей, говорит он, «даже дойде и до нас смиренных скипетродержавие Русскаго царства».

Сообразно такому происхождению, у Царя должна быть в руках действительная власть. Возражая Курбскому, Иоанн говорит: «Или убо сие светло — пойти прегордым лукавым рабам владеть, а царю быть почтенным только председанием и царской честью, властью же быть не лучше раба? Как же он назовется самодержцем, если не **сам** строит землю?» «Российские самодержцы изначала сами владеют всеми царствами, а не бояре и вельможи».

Царская власть дана, как мы видели, для поощрения добрых и кары злых. Поэтому Царь не может отличаться только одной кротостью. «Овых милуйте рассуждающе, овых **страхом** спасайте», – говорит Грозный. «Всегда царям подобает быть обозрительными: овогда кротчайшим, овогда же **ярым**; ко благим убо милость и кротость, ко злым же ярость и мучение; **аще ли сего не имеет – несть царь!**» Обязанности Царя нельзя мерить меркой частного человека. «Иное дело свою душу спасать, иное же о многих душах и телесах пещися». Нужно различать условия. Жизнь для личного спасения – это «постническое житие», когда человек ни о чем материальном не заботится и может быть кроток как агнец. Но в **общественной жизни** это уже невозможно. Даже и святители, по монашескому чину лично отрекшиеся от мира, для других обязаны иметь «строение, попечение и наказание». Но святительское запрещение по преимуществу нравственное. «Царское же управление (требует) страха, запрещения и обуздания, и конечно запрещения ввиду «безумия злейших человеков лукавых». Царь сам наказуется от Бога, если его «несмотрением» происходит зло.

В этом строении он безусловно самостоятелен. «А жаловать есми своих холопей **вольны**, а и казнить их **вольны же есмя**».

«Егда кого обрящем всех сих злых (дел и наклонностей – *Л. Т.*) освобожденным, и к нам прямую свою службу содевающим, и не забывающим порученной ему службы, и мы того жалует великими всякими жалованьями; а иже обрящется в супротивных, еже выше рехом, по своей вине и казнь приемлет».

Власть столь важная должна быть **едина и неограниченна**. Владение многих подобно «женскому безумию». Если управляемые будут не под единой властью, то хотя бы они в отдельности были и храбры, и разумны, – общее правление окажется «подобно женскому безумию». Царская власть не может быть ограничиваема даже и святительской. «Не подобает священникам царская творити». Иоанн Грозный ссылается на

Библию и приводит примеры из истории, заключая: «Понеже убо тамо быша цари послушны энархам и сигклитам, — и в какову погибель приидоша. Сия ли нам советуешь?»

Еще более вредно ограничение власти аристократией. Царь по личному опыту обрисовывает бедствия, нестроения и мятежи, порождаемые боярским самовластием. Расхитив царскую казну, самовластники, говорит он, набросились и на народ: «Горчайшим мучением имения в селах живущих пограбили». Кто может исчислить напасти, произведенные ими для соседних жителей: «Жителей они себе сотвориша яко рабов, своих же рабов устроили как вельмож». Они называли себя правителями и военачальниками, а вместо того повсюду создавали только неправды и нестроение, «мзду же безмерную от многих собирающие и вся по мзде творяще и глаголюще».

Положить предел этому хищничеству может лишь Самодержавие. Однако же эта неограниченная **политическая** власть имеет, как мы выше заметили, совершенно ясные пределы. Она ограничивается своим собственным принципом.

«Все божественные писания исповедуют яко не повелевают чадам отцем противитися и рабем господом»: однако же, прибавляет Иоанн, «кроме веры». На этом пункте Грозный, так сказать, признал бы со стороны Курбского **право** неповиновения, почему усиленно доказывает, что этой, единственной законной причины неповиновения Курбский именно и не имеет. «Против веры» царь ничего не требовал и не сделал: «Не токмо ты, но все твои согласники и бесовские служители **не могут в нас сего обрести**», — говорит он, а потому и оправдания эти ослушники не имеют. Несколько раз Грозный возвращается к уверениям, что если он казнил людей, то ни в чем не нарушил прав Церкви и ее святыни, являясь, наоборот, верным защитником благочестия. Прав или не прав Иоанн **фактически**, утверждая это, но во всяком случае его слова показывают, в чем он признает границы дозволенного и недозволенного для Царя.

Ответственность Царя перед Богом **нравственная**, впрочем, для верующего вполне **реальная**, ибо Божья сила и нака-

зание сильнее Царского. На земле же перед подданными Царь не дает ответа. «Доселе русские владетели не допрашиваемы были («не исповедуемы». - Л. Т.) ни от кого, но вольны были в своих подвластных жаловать и казнить, а не судились с ними ни перед кем». Но **перед Богом** суд всем доступен. «Судиться же приводиши Христа Бога между мной и тобой, и аз **убо сего судилища не отмечаюсь**». Напротив, **этот** суд над царем тяготее больше, чем над кем-либо. «Верую, – говорит Иоанн, – яко о всех своих согрешениях вольных и невольных, **суд прияти ми яко рабу**, и не токмо о своих, но о подвластных мне дать ответ, **аще моим несмотрением согрешают**».

XXII

Идея власти по народным поговоркам.

Так определял свою власть, обязанность и ответственность царь, «муж чудного рассуждения», о котором народный сказитель былин и доселе повторяет:

Когда зачиналась каменна Москва,

Зачинался в ней и Грозный царь.

Они «зачинались», росли и духовно слагались действительно вместе, народ и царь, одинаково понимая задачи жизни, а потому определяя одинаково и задачи **Верховной власти**, которой подчиняли политическое устройство страны.

В своей вековой мудрости, сохраненной популярными изречениями поговорок и пословиц (нижеследующее изложение составлено главным образом по Далю¹), наш народ совершенно по-христиански обнаруживает значительную долю скептицизма к возможности **совершенства** в земных делах. «Где добры в народе нравы, там хранятся и уставы», – говорит он, – но прибавляет: «От запада до востока нет человека без порока». При том же «в дураке и царь не волен», а между тем «один дурак бросит камень, а десять умных не вытащат». Это действие человеческого несовершенства ис-

ключает возможность устроиться вполне хорошо, тем более, что если глупый вносит много вреда, то умный, погрешая, еще больше. «Глупый погрешает один, а умный соблазняет многих». В общей сложности приходится сознаться: «Кто Богу не грешен, царю не виноват!» Сверх того интересы жизни сложны и противоположны: «Ни солнышку на всех не угреть, ни царю на всех не угодить», тем более что «до Бога высоко, до царя далеко».

Общественно-политическая жизнь поэтому не становится культом Русского народа. Его идеалы – нравственно-религиозные. Религиозно-нравственная жизнь составляет лучший центр его помышлений. Он и о своей стране мечтает именно как о «Святой Руси» и в этих мечтах руководствуется не собственными измышлениями, а материнским учением Церкви. «Кому Церковь не мать, тому Бог не отец», – говорит он.

Такое подчинение мира **относительного** (политического и общественного) миру **абсолютному** (религиозному) приводит Русский народ к исканию политических идеалов под покровом **Божиим**. Он ищет их в воле Божией, и подобно тому, как Царь принимает свою власть лишь от Бога, так и народ лишь от Бога желает ее над собой получить. Такое настроение, естественно, приводит народ к исканию **единоличного носителя власти**, и притом **подчиненного** воле Божией, то есть именно Монарха-Самодержца!

Это неизбежно. Но нужно заметить, что уверенность в невозможности совершенства политических отношений ничуть не приводит народ к **унижению** их, а, напротив, к стремлению в возможно большей степени повысить их, подчиняя их абсолютному идеалу **правды**. Для этого нужно, чтобы политические отношения подчинялись **нравственным**, а для этого, в свою очередь, носителем Верховной власти должен быть **один** человек, решитель дел по **совести**.

В возможность устроить общественно-политическую жизнь посредством юридических норм народ не верит. Он требует от политической жизни **большего**, чем способен дать **закон**, установленный раз навсегда, без соображения с

индивидуальностью личности и случая. Это вечное чувство русского человека выразил и Пушкин, говоря: «закон — дерево», не может угодить правде, и потому «нужно, чтобы **один** человек был выше всего, **свыше даже закона**»². Народ выражает то же воззрение на неспособность закона быть **высшим** выражением правды, искомой им в общественных отношениях. Во-первых, «закон что дышло—куда поворачотишь, туда и вышло». «Закон что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет».

С одной стороны, «всеу законы писать, когда их не исполнять», но в то же время закон иногда без надобности стесняет: «Не всякий кнут по закону гнут», и по необходимости «нужда свой закон пишет». Если закон поставить выше всяких других соображений, то он даже вредит: «Строгий закон виноватых творит, и разумный народ поневоле дурит». Закон по существу условен: «Что город, то норы, что деревня, то обычай», а между тем «под всякую песню не подпляшешься, под всякие нравы не подладишься». Такое **относительное** средство осуществления правды никак не может быть поставлено в качестве высшего «идеократического» элемента, не говоря уже о злоупотреблениях. А они тоже неизбежны. Иногда и «законы святы, да исполнители супостаты». Случается, что «сила закон ломит» и «кто закон пишет, тот его и ломает». Нередко виноватый может спокойно говорить: «Что мне законы, когда судьи знакомы?»

Единственное средство поставить правду высшей нормой общественной жизни состоит в том, чтобы искать ее в **личности**, и внизу, и вверху, ибо закон хорош только потому, **как** он применяется, а применение зависит от того, находится ли личность под властью высшей правды: «Где добры в народе нравы, там хранятся и уставы», «Кто сам к себе строг, того хранит и царь и Бог», «Кто не умеет повиноваться, тот не умеет и приказать», «Кто собой не управит, тот и другого на разум не наставит». Но эта строгость подданных к самим себе хотя и дает основу действия для Верховной власти, но еще не создает ее. Если **Верховную** власть не может составить безличный закон,

то не может дать ее и «многомятежное человеческое хотение». Через 300 лет после Грозного царя народ вместе с ним доселе повторяет: «Горе тому дому, коим владеет жена, горе царству, коим владеют многие».

Собственно говоря, **правлящий** класс народ признает широко, но только как вспомогательное орудие правления: «царь без слуг, как без рук» и «царь благими воеводы смиряет мира невзгоды». Но этот правящий класс народ столь же мало идеализирует, как и безличный закон. Вместе с Грозным народ говорит: «Не держи двора близ княжего двора», вместе с Даниилом Заточником он замечает: «Неволя, неволя боярский двор: походя поешь, стоя выпишься». Хотя «с боярами знаться – ума набраться», но также и «греха не обобраться». «В боярский двор ворота широки, да вон узки»: закабаливает! Не проживешь без служилого человека, но все-таки: «Помутил Бог народ – покормил воевод», и «люди ссорятся, а воеводы кормятся». Точно так же «дьяк у места, что кошка у теста», и народ знает, что нередко «быть так, как пометил дьяк». Вообще, в минуту пессимизма народная философия способна задаваться нелегким вопросом: «В земле черви, в воде черти, в лесу сучки, в суде крючки: куда уйти?»

И народ решает этот вопрос, уходя к установке **Верховной власти** в виде единоличного нравственного начала.

В политике Царь для народа неотделим от Бога. И это все не есть обоготворение политического начала, но **подчинение** его Божественному. Дело в том, что «суд царев, а правда Божия». «Никто против Бога да против царя», но это потому, что «**царь от Бога пристав**». «Всякая власть от Бога». Это не есть власть нравственно произвольная. Напротив: «Всякая власть Богу ответ даст». «Царь земной под Царем небесным ходит», и народная мудрость многозначительно добавляет даже: «У Царя царствующих **много царей**»... Но, ставя Царя в такую полную зависимость Бога, народ в Царе призывает Божью волю для верховного устройства земных дел, предоставляя ему для этого всю безграничность власти.

Это не есть передача Государю народного самодержавия, как бывает при идее диктатуры и цезаризма, а просто **отказ** от собственного самодержавия в пользу **Божьей** воли, которая ставит Царя как представителя не народной, а Божественной власти.

Царь, таким образом, является проводником в политическую жизнь воли Божией. «Царь повелевает, а Бог на истинный путь наставляет». «Сердце царево в руке Божией». Точно так же «царский гнев и милость в руках Божиих». «Чего Бог не изволит, того и царь не изволит». Получая власть от Бога, Царь, с другой стороны, безусловно признается, что совершенно неразрывно сливается с народом. Ибо, представляя перед народом в политике власть Божью, Царь перед Богом представляет народ. «Народ тело, а царь голова», и это единство так неразделимо, что народ даже наказуется за грехи Царя. «За царское согрешение Бог всю землю казнит, за угодность милует», и в этой взаимной ответственности Царь стоит даже на первом месте. «Народ согрешит – **царь умолит**, а царь согрешит – **народ не умолит**». Идея в высшей степени характеристичная. Легко понять, в какой безмерной степени велика нравственная ответственность Царя при таком искреннем, всепреданном слиянии с ним народа, когда народ, безусловно ему повинуюсь, согласен при этом даже еще **отвечать за его грехи**.

Никакое человеческое воображение не может представить себе более безусловного монархического чувства, большего подчинения, большего единения. Необходимо обратить внимание, что это не чувство раба, только подчиняющегося, а потому не ответственного. Народ, напротив, **отвечает** за грехи Царя. Это, стало быть, перенос в политику христианского настроения, когда человек молит «да будет воля Твоя» и в то же время ни на секунду не отрешается от собственной ответственности. В Царе народ выдвигает ту же молитву, то же искание воли Божьей, без уклонения от ответственности, почему и желает полного нравственного единства с отвечающим перед Богом Царем.

Для нехристианина этот политический принцип просто **непонятен**. Для христианина он светит и греет как солнце. Подчинившись в Царе до такой безусловной степени Богу, наш народ не чувствует тревоги, а, напротив, успокаивается. Его вера в **действительное существование, в реальность** Божией воли выше всяких сомнений, а потому, сделав со своей стороны все для подчинения воле Божией, он вполне уверен, что и Бог его не оставит, а стало быть, даст **наибольшую** обеспеченность положения.

Вдумываясь в эту психологию, мы поймем, почему народ о своем Царе говорит в таких трогательных, любящих выражениях: «Государь, батюшка, надежа, православный царь»... В этой формуле все: и власть, и родственность, и упование и сознание источника своего политического принципа. Единство с Царем для народа не пустое слово. Он верит, что «народ думает», а Царь **«ведает»** народную думу, ибо «царево око видит далеко», «царский глаз далеко сягает», и «как весь народ вздохнет – до царя **дойдет**». При таком единстве ответственность за Царя совершенно логична. И понятно, что она несет не страх, а надежду. Народ знает, что «благо народа в руке царицы», но помнит твердо, что «до милосердного царя и Господь милосерд». С таким мирозерцанием становится понятно, что «нельзя царству без царя стоять». «Без Бога свет не стоит, без царя земля не правится». «Без царя земля вдова». Это таинственный союз, непонятный без веры, но при вере дающий и надежду, и любовь.

Неограниченна власть Царя: «Не Москва государю указ, а государь Москве». «Воля царская – закон», «царское осуждение бессудно». Царь и для народа, как в христианском учении, недаром носит меч. Он предстатель грозной силы. «Карать да миловать Богу да царю». «Где царь, там гроза». «До царя идти – голову нести». «Гнев царя – посол смерти». «Близ царя – близ смерти». Царь – источник силы, но он же источник славы: «Близ царя – близ чести». Он же источник всего доброго: «Где царь, там и правда», «богат Бог милостью, государь жалостью», «без царя народ сирота». Как солнце он

светит: «При солнце тепло, при государе добро». Если когда и «грозен царь, да милостив Бог». И в твердой надежде, что «царь повелевает, а Господь на истинный путь направляет», народ стеной окружает своего «батюшку» и «надежу», «верой и правдой» служа ему. «За Богом молитва, за царем служба не пропадет» – говорит он и готов идти в своей исторической страде куда угодно, повторяя: «Где ни жить, одному царю служить» и во всех испытаниях утешая себя мыслью: «На все святая воля царская».

XXIII

Значение чувства и сознательности в психологической основе власти.

Последние главы достаточно, полагаю, показывают, до какой степени полного **единства** может доходить политическое самосознание народа и Верховной власти, развивающееся на почве **религиозного** идеала жизни. Эта совокупность условий именно и необходима для того, чтобы власть **единоличная** могла превратиться в силу **монархическую**, то есть стать Верховной **сама по себе**, а не как замаскированная делегация народной власти. В тонкостях этой **психологической** основы политического творчества вся сущность различных форм Верховной власти. Однако необходимо заметить, что здесь дело далеко не в одном **чувстве**. Судьбы различных форм Верховной власти существеннейшим образом зависят также от состояния нашего **сознания**.

Из всех областей социального творчества **политическая** есть область наиболее **сознательная**, наиболее подверженная влиянию нашего **рассуждения**, а стало быть, всего того, чем обуславливается рассуждение, как, например, состояния нашего знания, логической развитости, способности критической оценки и т.д. Отсюда ясно, какое значение для политического строения имеет тот или иной характер образован-

ного класса нации, степень действительной **образованности** его, степень высоты развития науки в данной стране, а также и степень **самостоятельности** этой науки.

В политическом творчестве нации значение **доктрины** и вообще **идеи** весьма велико. Поэтому влияние каких-либо идей здесь особенно легко и заметно, если они оказываются сильнее местных. Между тем эти **чужие** политические идеи могут исходить из совершенно иного психологического настроения, не соответствуя психологическому настроению данной нации, тем не менее способны давить не ее **рассудок**, а через него и на политическое творчество. Посему-то, как выше было замечено, развитие данной формы Верховной власти идет всегда не только путем ее собственной, внутренней логики, но и под давлением многочисленных внешних влияний. Это может иметь и благое, и зловерное влияние. Но, во всяком случае, это влияние **сознательности** составляет факт, который непременно должно принимать во внимание при наблюдении форм Верховной власти. Это относится точно так же и к власти монархической.

Религиозное мирозерцание нации порождает **инстинктивное** стремление к **монархической** власти, и тот же инстинкт подсказывает в общих чертах многие необходимые для монархического строения истины. Но один инстинкт не может заменить **сознательности**, при отсутствии которой в приложении и, стало быть, в осуществлении монархического принципа неизбежно должны возникать ошибки, может быть, даже роковые. Точно так же и при одной **сознательности** невозможно создать монархии, если нет соответственного **чувства**. Оба условия одинаково необходимы. Инстинкт, чувство создают **почву**, без которой ничего нельзя сделать, и кроме того, нередко спасают от самих ошибок рассудка, но в свою очередь и **политический разум** так необходим, его сила так велика, что он в конце концов способен даже пересоздать и самое чувство нации, или по крайней мере несомненно, что ошибки политического разума способны **извращать** действия самого прекрасного и сильного чувства.

XXIV

Стихийность нашей истории. — Недостаток научной мысли.

Если судить по правильности и чистоте основ, заложенных у нас историей, то Россию можно признать самой типично монархической страной. Изучение нашей истории для уяснения себе смысла монархического начала власти с этой точки зрения драгоценно. Но в той же истории мы знакомимся и с условиями, препятствующими развитию монархического начала. В этом отношении на первом плане должно поставить малое развитие **сознательности**.

Стихийность нашей истории вообще так бросается в глаза, что нет, кажется, ни одного историка, не отмечавшего это явление. У нас велико почти всегда то, что подсказывается **инстинктом**, **голосом** чувства, вытекающим из тех душевных тайников, которые в Русском народе наполнены по преимуществу верой. У нас крупно и иногда велико и то, в построении чего человек, природно способный и хорошо выдержанный в нравственном отношении, может создать при помощи непосредственного здравого смысла, то есть руководствуясь тем, что лично видит и наблюдает. Но повсюду, где нужно глубокое понимание внутреннего смысла явлений, мы оказываемся слабы.

Это неразвитое самосознание, понятно, не может не отражаться многочисленными препятствиями и на действия политической власти.

Наша политическая идея вытекала из религиозного мирозерцания. Но оно само по себе может дать лишь **основу**. Для полного самопонимания и действия политическая идея должна сознать себя именно как **политическая**. Идея религиозная давала ей правильный исходный пункт, но это и все, что она могла и должна была дать. Остальное должны были создать учение и философия чисто политические. Но этого-то и не было.

Задача самосознания всякого принципа нелегка, и без той могучей умственной работы, которую называют **научной**, невозможна. Только такая работа может выяснить для нас, что рассматриваемый принцип создает самим **содержанием** своим и вытекающей из этого содержания внутренней логикой развития, и что привносится исторической средой, в которой пришлось прилагать данный принцип. Если мы оставим без внимания **внутреннюю** логику развития, а ограничимся лишь внешним наблюдением фактов, то мы не будем знать рассматриваемого принципа. Мы тогда отнесем на счет его **собственного** содержания то, что на самом деле составляет чуждое и противное ему содержание среды, или, наоборот, припишем ему те заслуги, то благотворное действие, которое на самом деле вопреки ему произведено какими-либо другими факторами, одновременно с ним действовавшими. Таким образом, для понимания политического принципа мы должны знать не одну историческую практику, но и самый идеал его, его внутреннее содержание, должны знать не только то, что он **сделал**, но также то, что он **способен** по внутреннему содержанию сделать. Мы должны понять обстановку, необходимую для полного развития этого принципа, оценить значение ее, и только тогда можно считать свое понимание точным и полным. Но этот **внутренний смысл** политических принципов, их внутренняя логика развития, их потенциальное развитие, абстрагированное от политических случайностей, доступны лишь сильно развитой научной мысли. А при руководстве только опытной эмпирикой, при незнании внутренней логики развития того или иного принципа мы будем постоянно жертвой ошибок в своей деятельности. Мы будем возлагать на непонимаемые нами принципы такие надежды, которых они органически неспособны осуществить, и наоборот, оставим без внимания те перспективы, быть может, гораздо более широкие, которые открыли бы перед нами наш принцип, защищенный от искажения и направленный в действительную сторону своей силы.

Вот этого-то научного и философского самопонимания у нас никогда не было в политическом отношении, и это отража-

лось самым невыгодным образом на нашем развитии каждый раз, когда русская мысль, столь неразвитая в **собственном** содержании, сталкивалась с ясно, отчетливо и логически развитой мыслью Европы.

К этой слабой стороне нашей мы сейчас перейдем. Но предварительно должно заметить, что инстинктивное действие правильно заложенных основ столь могучи у нас, что никакие ошибки сознания доселе не могли их вполне победить...

XXV

Проницательность народного инстинкта. — Народ и Иоанн. — Смутное время. — Восстановление Самодержавия. — Карамзин. — Почему Самодержец не может ограничить своей власти.

Действительно, во все **критические**, решающие моменты нашей истории голос могучего **инстинкта** побеждал у нас все шатания политических доктрин и возвышался до гениальной проницательности.

Замечательна память об ореоле, которым Русский народ окружил «опальчивого» борца за Самодержавие, опускавшего столь часто свою тяжелую руку и на массы, ему безусловно верные. На борьбу Иоанна IV с аристократией народ так и смотрел, как на «выведение **измены**», хотя, строго говоря, «изменников России» в прямом смысле Иоанн почти не имел перед собой. Но народ чуял, что здесь была **измена русской идее Верховной власти**, вне которой уже не представлял себе своей Святой Руси.

Смутное время сделало, казалось, все возможное для подрыва идеи власти, которая не сумела ни предотвратить, ни усмирить смуты, а потом была омрачена позорной узурпацией бродяги-самозванца и иноземной авантюристки. С расшатанностью Царской власти аристократия снова подняла голову: начали брать с царей «записи». Но ничто не могло разлучить

народ с идеей, вытекавшей из его мирозерцания. Он в унижении власти видел **свой грех** и Божье наказание. Он не разочаровался, а только плакал и молился:

Ты, Боже, Боже, Спасе, милостивый,
К чему рано над нами прогневался,
Наслал нам, Боже, прелестника,
Злого расстригу, Гришку Отрепьева.
Ужели он, расстрига, на царство сел?..¹

Расстрига погиб, и при виде оскверненной им святыни народ вывел заключение не о какой-либо **реформе**, а о необходимости **полного** восстановления Самодержавия. Главной причиной непопулярности Василия Шуйского были **уступки** боярству. «Запись Шуйского и целование креста в исполнение ее, – говорит Романович-Славатинский, – возмутили народ, возражавший ему, чтобы он записи не давал и креста не целовал, что того искони веков в Московском государстве не важивалось». А между тем «ограничение» только и состояло в обязательстве не казнить **без суда** и в признании **совещательного** голоса боярства. То и другое каждый царь и без записи соблюдал, но монархическое чувство народа оскорблялось не содержанием обязательств, а фактом превращения обязательности **правственной в юридическую**.

Всеобщий бунт против королевича тоже характеристичен. Кандидатура Владислава сулила водворить порядок на началах «конституционных», в которых права русской нации были широко ограждены. Он принял обязательство ограничить свою власть не только аристократической боярской Думой, но также **Земским Собором**. Под охрану Земского Собора он ставил свое обязательство **не изменять русских законов** и не налагать самовольно **податей**. С современной «либеральной» точки зрения восшествие иностранного принца на таких условиях не нарушало ни в чем интересов страны. Но Россия понимала иначе свои интересы. Именно кандидатура Владислава и была последней каплей, переполнившей чашу. Поучи-

тельно вспомнить содержание прокламаций князя Пожарского и других патриотов, возбуждавших народ к восстанию.

Прокламации призывают к восстановлению власти **Государя**.

«Вам, господа, пожаловати, помня Бога и свою православленную веру, советывать со всякими людьми общим советом, как бы нам в нынешнее конечное разоренье быть **не безгосударными**». Конституционный королевич, очевидно, ничего не говорил сердцу народа. «Сами, господа, ведаете, – продолжает прокламация, – как нам **без Государя** против общих врагов, польских, и литовских, и немецких людей, и русских воров – стоять? Как нам без Государя о великих государственных и земских делах с окрестными государями ссылаться? Как государству нашему впредь стоять крепко и неподвижно?»

Национально-монархическое движение, как известно, стерло все замыслы ограничения Самодержавия до такой степени, что теперь наши историки не могут даже с точностью восстановить, что именно успели бояре временно выхватить у Михаила. Во всяком случае, ограничительные условия были выброшены очень скоро в **период непрерывного заседания Земских Соборов** (между 1620–25 годами). Народ смотрел на пережитое бедствие как на Божью кару, торжественно обещал царю «поисправиться» и, заявляя Михаилу, что «без Государя Московскому государству стояти не мочно», «обрал» его «на всей его воле» (Романович).

Много тяжелых испытаний и горьких оскорблений пришлось выносить народному чувству в XVIII веке, не обходилось без того и в XIX. Находилось постоянно немало и «своих русских воров» в новой форме. Но не изменила Россия своему идеалу, и когда Император, воспитанный республиканцем, готов был поднять руку на свою наследственную власть, он услышал тот же вечный русский протест:

«Если бы Александр, – пишет Карамзин в своей знаменитой записке², – вдохновленный великодушной ненавистью к злоупотреблениям самодержавия, взял перо для предписания себе **иных законов, кроме Божиих и совести**, то истин-

ный гражданин российский дерзнул бы остановить его руку и сказать: «Государь, ты **преступаешь границы своей власти**. Наученная долговременными бедствиями, Россия пред святым алтарем вручила самодержавие твоему предку и требовала, да управляет ею **верховно, нераздельно**. Сей завет есть основание твоей власти: иной не имеешь. **Можешь все, но не можешь законно ограничить ее**».

То же слово раздалось снова и позднее в минуту, снова напомнимшую России смуту и колебания прошлых веков. «Сам Монарх, – заявил тогда М. Н. Катков, выражая историческую мысль целой страны, — **сам Монарх не мог бы умалить полноту прав своих**. Он властен не пользоваться ими, подвергая тем себя и государство опасностям, **но он не мог бы отменить их, если бы и хотел**»³.

В этих заявлениях выражается замечательно глубокое, инстинктивное проникновение смысла монархической идеи. Насколько **сознательно** в них понимание, почему не может ограничить свою власть Самодержавный Монарх. Не решусь сказать этого о М. Н. Каткове, который так удивительно много в этом отношении **понимал**. Но у Карамзина ясно говорил скорее русский **инстинкт**, так как Карамзин, не умея найти принципиального основания и под влиянием абсолютистских теорий века, прямо указывал на **волю народа**. Дело, однако, вовсе не в воле народа. Монарх, по смыслу своей идеи, даже и при воле на то народа не может ограничить своей власти, не совершая тем вместе с народом **беззаконного** (с монархической точки зрения) *coup d'état*⁴. Ограничить Самодержавие – это значит **упразднить Верховную власть нравственно-религиозного идеала**, или, выражаясь языком веры, **упразднить Верховную власть Божию в устройении общества**. Кто бы этого ни хотел, Монарх или народ, положение дела от этого не изменяется. Совершается **переворот** (*coup d'état* – удар по государству). Но если народ, потерявши веру в Бога, получает, так сказать, право бунта против Него, то уж Монарх ни в каком случае этого права не имеет, ибо он в отношении **идеала** есть только **хранитель** (*depositaire* — носитель) власти, доверенное лицо.

В отношении **идеала**, в отношении Бога Монарх имеет не права, а **обязанности**. Если он, потеряв веру или по каким-либо другим причинам не желает более исполнять обязанностей, то все, что можно допустить по смыслу принципа, есть **отречение от престола**. Только тогда в качестве простого гражданина он мог бы наравне с другими стремиться к антимонархическому *сoup d'état*. Но **упразднить собственную обязанность**, пользуясь для этого орудиями, данными только для **ее выполнения**, это, конечно, составило бы акт величайшего нарушения права, какое только существует на земле.

XXVI

**Слабость политического сознания. — Грозный. —
Петр Великий. — Господство частного вдохновения
над принципом. — Подрыв собственной идеи
власти. — Вторжение абсолютизма.**

Наряду с вдохновенными проявлениями монархического инстинкта нельзя не видеть, что политический разум у нас далеко не стоял на высоте инстинкта и рассудка, которыми строилась Русская земля.

У нас решительно нет эпохи, в которую не видно было бы недостаточной **сознательности** нашего политического принципа. Не касаясь первых веков, когда он, естественно, затемнялся могучей аристократией удельного периода, местами уступавшей место демократии, даже в эпоху национальной «реставрации», после 1612 года, мы видим неумение разобрататься, например, в отношениях Церкви и государства, причем эти отношения складываются под влиянием скорее личных талантов, чем сознательной политической идеи. У такого замечательного государственного человека, как Филарет Никитич, государственно-церковная политика складывается, видимо, под влиянием случайных условий **личного** положения. Эпоха Никона, обнаружив чрезмерные притязания иерархии, в

то же время и со стороны государственной власти не показала большого умения разобратся в вопросе, столь важном для самодержавного принципа. Самодержавная идея во многом несомненно затуманивалась даже для такого проницательного «теоретика», как Иоанн Грозный. Так, например, известный совет Вассиана «если хочешь быть самодержцем, не держи советников умнее себя» был принят Грозным как некоторое откровение. А между тем, что может быть по идее более противно монархическому принципу? Точно так же совершенно противны ему меры, неоднократно принимавшиеся Иоанном для **отделения** государства от «земства», вроде назначения особого «земского царя» Симеона* и более учреждение опричнины. Опричники, как особый «корпус жандармов», конечно, могли быть нужными для борьбы с боярством. Но Иоанн придавал своей опричнине какой-то особо глубокий, принципиальный смысл, и даже в завещании детям своим говорит, что в ней для них, если пожелают воспользоваться, «образец учинен готов».

Но особенно любопытный пример представляет Петр Первый. Самодержавный инстинкт у него поистине гениально велик, но повсюду, где нужно самодержавное сознание, Петр совершает иногда поразительные подрывы свой собственной идеи. Инстинкт почти никогда не обманывал его в чисто **личном** вопросе: что он, Петр, как Монарх, должен сделать? Но когда ему приходилось намечать действие Монарха **вообще**, то есть в виде постоянных учредительных мер, Петр почти всегда умел решить вопрос только посредством увековечения своей личной, частной меры. Принцип есть отвлечение того общего, что объединяет частные меры и что, следовательно, приложимо **ко всем** разнообразным случаям: этого принципа у Петра и не видно. Он гениальным монархическим чутьем знал, что должен сделать **он**, и оказывался страшно беспомощен в понимании того, что должно делать вообще. Поэтому он **личным**

* Соловьев (Ист. России, кн. II) приводит летописное свидетельство о **венчании** Симеона Бекбулатовича на царство и **челобитную** ему самого «Ивана Васильевича с детишками, с Иванцом да с Федорцом»

примером укрепил у нас монархическую идею, быть может, как никто; в то же время всеми действиями, носящими **принципиальный** характер, до такой степени подрывал эту идею, что нужно только удивляться крепости принципа, безвредно пережившего наследство Петровских времен.

В самой общей, основной задаче своей миссии Петр безусловно прав. Он понял, что как Монарх, как носитель самодержавной идеи должен бестрепетно и хотя бы вопреки желаниям народа взвалить на свои плечи страшную задачу: привести Россию возможно больше и возможно скорее к обладанию средствами европейской культуры. Когда мы вспомним обстоятельства конца XVII века, то нельзя не сознаться, что это было для России вопросом «быть или не быть». И однако задача недостаточно сознавалась. Сверх того, для России она была прямо **непосильна**. Поэтому Петр был безусловно прав **для себя**, для своего момента и для своей личности, употребив весь свой Царский авторитет и власть для того, чтобы создать жесточайшую диктатуру, силой двинуть страну и, за слабостью ее средств, закабалить **всю нацию** на службе целям государства. Другого исхода не было, и Петр, закабалая всех на одном главнейшем деле, был поэтому прав.

Но как только эта диктатура, как это всеобщее закабаление становится из временной меры постоянным устройством, дело совершенно изменяется.

Эта система так же относится к политике, как реквизиция к правильному финансовому обложению. Бывают моменты, когда реквизиция – есть **единственное** средство, и когда она необходима. Но возведенная в систему, она разоряет страну. Точно так же всеобщее закрепощение государства, делаясь **системой**, должно в корень разрушить всякий естественный социальный строй, уничтожить все самостоятельные родники общественной жизни...

Церковная политика Петра еще более характеристична. Здесь повторяется та же черта. Имея **временную надобность** не обращать внимания на противодействие известной доли иерархии, Петр вместо простого пользования этим бесспор-

ным правом Самодержца задумывает уничтожение самостоятельности Церкви и направляет злой гений Феофана Прокоповича на самую рискованную ломку того, что, собственно говоря, выше прав даже Самодержца. В своем письме восточным патриархам Петр объясняет, что боится Божия гнева за нестроение Церкви, почему и предпринял ее реорганизацию. Однако же при самом даже небольшом сознании своего принципа Петр мог бы вспомнить, что организация местных церквей установлена и освящена вселенской Церковью задолго до него, когда еще и России не существовало, а посему, если точно необходимо было устроить Русскую Церковь, действительно расстроенную его же нежеланием целых 20 лет избрать нового патриарха, то для этого устройства вовсе не имелось надобности в измышлениях Феофана Прокоповича и вообще кого бы то ни было.

Помимо этого известен принцип, положенный в основу Духовного Регламента, будто бы Монарх есть «крайний судья» высшего управления Церковью, без всяких ограничений этой воображаемой компетенции. Насколько этот принцип уклоняется от русской действительности, видно уже из того, что даже по **основным** законам после Петра, когда наступили времена кодификации, не только православная вера была признана господствующей в России, но и от самого Монарха требуется, как обязательное условие, исповедывание именно **православной** веры. Как сын же Православной Церкви, он является ее попечителем, ктиторм¹, но никак не «крайним судьей». Эта принципиальная ошибка породила неисчислимый вред не только при самом Петре, но и после него, ибо в своем отношении к Церкви Петр подрывал самое основание монархической власти, ее нравственно-религиозную основу.

Не останавливаясь более на этих прискорбных обстоятельствах, породивших известную ходячую фразу о «вавилонском пленении» Русской Церкви, туманность монархической идеи в Петровской реформе можно достаточно видеть в уничтожении **правильного престолонаследия**. Здесь опять совершенно случайное, чисто личное затруднение заставля-

ет Петра возвести **в принцип** то, что может быть допустимо лишь в качестве неизбежного иногда нарушения принципа.

Устав Петра о престолонаследии, изданный уже **по смерти** несчастного сына его, называет наследство старшим сыном «недобрым обычаем» и устанавливает «дабы сие было всегда в воле правительствующего Государя, **кому оный хочет**, тому и определит наследство»*. В довершение же всего, до самой кончины он не собрался, несмотря на опасное состояние своего здоровья, назначить себе никакого наследника.

Петру наш свод законов обязан некоторыми определениями монархической власти. Это иногда его заслуга, хотя совершенная как бы мимоходом, и должно заметить, что в своих определениях Петр повторяет большей частью лишь народные афоризмы, не обнаруживая при этом более глубокой мотивировки их, чем была у массы народа. В **Военном Артикуле** сказано: «Его Величество есть самовластный Монарх, который **никому на свете о своих делах ответу дать не должен**, но силу и власть имеет свои государства и земли, **яко христианский Государь**, по своей воле и благомнению управлять». Также и в **Духовном Регламенте** выражено: «Монарха власть есть Самодержавная, которой **повиноваться сам Бог за совесть повелевает**». Сам исторический гений России внушил Петру эти слова, без которых впоследствии наши ученые конституционной школы имели бы еще больше простора в искажении монархической идеи. Еще более велик и вдохновенен Петр в редактировании нашей **формулы присяги**². Здесь Петр сформулировал то, что всегда велико у него, – личное монархическое ощущение своей связи с подданными. Эта формула доселе не имеет ничего себе равного по глубине монархического сознания. Это великий документ для уяснения ее принципа. Но когда Петр сам начинает **выяснять** свой политический принцип, то можно только растеряться среди его противоречий. В это время уже явилось у нас стремление понять себя «от разума» как принцип **политический**. А между тем наш политический разум безмолвствовал, и при его молчании слышны

* Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн 4. – Стр. 839–840.

были только голоса «разума» западного. Таким образом, к нам широкой волной полились идеи абсолютистские и демократические. В знаменитой **Правде воли Монаршей**, составленной тем же Феофаном Прокоповичем по поручению Петра, теоретические основы монархии излагаются по Гуго Гроцию и Гоббсу и утверждаются на договорном происхождении государства! **Правда** утверждает, что российские подданные должны были вначале заключить договор между собой, и затем народ «воли своей отрекся и отдал ее Монарху». Между прочим, тут же объясняется, что Государь может законом повелеть своему народу не только все то, что к его пользе относится, **но и все то, что ему только нравится**. Это толкование нашей власти вошло как официальный акт в **Полное собрание законов**, где напечатано в VII томе под № 4880*.

Появление абсолютистской точки зрения в эпоху Петра составляет факт прискорбно знаменательный. В смысле **сознательности** это составило большой регресс сравнительно с Иоанном Грозным, которого так уважал Петр Великий. А одновременно с тем Феофан Прокопович в том же самом **Духовном Регламенте** объясняет, что «правление соборное совершеннейшее есть и лучшее, нежели единоличное правительство», так как, с одной стороны, «истина известнее взыскуется соборным сословием, нежели единым лицом», с другой стороны, даже «вящая ко уверению и повиновению преклоняет приговор соборный, нежели единоличный указ»**. Конечно, все это говорится только в отношении патриаршей власти, уничтоженной реформатором, но высказывается как принцип **общий**.

Ничего подобного невозможно было бы написать при даже средней ясности сознания идеи власти монархической и церковной.

Излишне говорить, что и после Петра устроительные идеи у нас слишком часто черпались из источников, не имеющих ничего общего с **нашими** началами власти. Это сказано в **Наказе** Екатерины, в развитии крепостного права, в от-

* *Алексеев А. С.* Русское государственное право. – Стр. 190–191.

** *Духовный Регламент.* – Стр. 9–10.

ношении к дворянству, как позднее в отношении к суду и т.д. и т.д. И мудрено ли, когда наш политический **разум**, научное теоретическое самосознание и доселе продолжает пребывать в том состоянии, которое мы уже отчасти характеризовали в понятиях нашего общего государственного права?

XXVII

**Слабость научной мысли. — А. Градовский. —
Источники познания государственного права. —
Успехи нашей науки. — Б. Чичерин. —
Романович-Славатинский. — Недостаточность
успехов. — Смещение Самодержавия и абсолютизма.**

Мы видели выше, как беспомощна оказывается наука наша в области европейских учений о Верховной власти. Еще совсем недавно у такого доселе авторитетного ученого, как А. Градовский, она в «Началах русского государственного права» не умела найти даже **источников** его познания. А. Градовский теоретические понятия черпает исключительно из **основных законов**. Но дело в том, что у нас при всей глубине монархического начала собственно **законодательных** определений его совершенно не существовало до Петра I, да и Петр I делает их совершенно случайно, мимоходом. Эти немногие определения Петра вместе с узаконениями Павла I о престолонаследии впоследствии были кодифицированы в виде основных законов с добавлением очень немногих очевиднейших признаков Самодержавной власти. С таким малым материалом да еще с верой в «современные высшие формы», конечно, в определениях А. Градовского могли явиться только неопределенность, неясность и полный произвол. Так, он указывает как наше **отличие** то обстоятельство, что у нас воля Верховной власти не связана юридическими нормами и не ограничена никакими установлениями. Но это вовсе не что-либо **отличительно** русское, а составляет признак **вся-**

кой Верховной власти. Демократическая Верховная власть, то есть масса самодержавного народа, тоже ничем не ограничена. А. Градовский указывает далее, что при конституционной Верховной власти существуют для всех **общеобязательные** начала, а у нас будто бы нет. Тут та же самая ошибка. Конституция обязательна для **подданных** и для всех делегированных властей, но для самого **источника** власти, то есть самодержавного народа, никакие ее «начала» не обязательны. Он ее может переделать, как вздумает, и никто не скажет, что он **не вправе** этого делать. «Верховная власть, – говорит сам А. Градовский, – как таковая, **в своей полноте** выше положительного закона. Никакой положительный закон не может связывать Верховную власть так, чтобы она не могла его изменить»*.

Если бы А. Градовский умел найти действительные **различия** между нашей Верховной властью и западноевропейской, то указал бы их разве в совершенно противоположном смысле, то есть признал бы существование обязательных **начал** у нас и отсутствие их в демократии. Ибо в государствах демократического типа выше воли народа **нет ничего**, даже и в смысле начал нравственных. Полная путаница основных понятий подсказывает нашему знаменитому ученому ошибку за ошибкой. А. Градовский утверждает, что сами законы в Европе должны быть **конституционные**; в противном случае они не имеют обязательной силы. Но и тут нет ни малейшего отличия от нас, ибо и у нас для обязательности закона требуются те же самые условия. Так, например, если бы кто-либо насилем исторг у какого-либо Самодержца подпись под некоторым актом законодательного характера, никто не признал бы этого акта «законом» и все имели бы не только право, а даже обязанность не подчиняться. Ибо закон есть выражение воли Самодержавного и неограниченного Монарха, а воля мыслима лишь в состоянии **свободном**, так что где она насиллована, там ее **нет**, а стало быть, нет и **закона**, а есть только **государственное преступление**. Таким образом, наш ученый

* Градовский А. Д. Начала русского государственного права. Т. 1. – Стр. 29.

государственник не умеет найти даже самого определения нашей власти. Что же сказать о ее объяснении?

Между тем сама европейская наука, бессильная, конечно, дать нашим ученым то, чего у ней самой нет, вполне могла указать им **путь** для отыскания более обильных источников, способных уяснить нашу власть. «В политических актах как государственной власти, так и народа, – объясняет еще Блюнчли, – **юридическое сознание** многообразно обнаруживается и не высказываясь в форме закона. Если дух, проявившийся в них, окреп, освящен преданием, то на него уже наложена **печать правомерности**». Он уже составляет «национальное право». Блюнчли напоминает, что таким путем выросли и «важнейшие учреждения и **начала права**» у римлян, и средневековое государственное право, и само английское государственное право... Другими словами, это есть нормальный путь роста государственного сознания и права.

Не один «писанный закон» или «доктрина» составляют основу политического творчества, а вся **жизнь и сознание** народа. Вот источник политической жизни. Его наблюдение есть задача науки, его сохранение есть задача, достойная осмысленной практической деятельности. К сожалению, понимание этой простой истины давалось лишь с величайшим трудом в период нашего умственного порабощения Европе, хотя инстинктивно все развитие нашего политического самосознания двигалось именно этим путем.

Наряду со страстным увлечением всем европейским у нас уже в XVIII веке пробудилось ощущение чего-то **своего, особенного** или, по крайней мере, **собственного**. Уже в XVIII веке является изучение русской истории, народных песен, былин и т.п. Начав с изучения **народного**, у нас через этот элемент уже в конце XVIII века стали **приходить к пониманию Православия**, а через это последнее постепенно начинали понимать и нашу **политическую** идею. Это был общий путь развития национального самосознания русского образованного слоя. Им и доселе обыкновенно проходят отдельные личности, которые от либерального космополитизма прихо-

дят к русскому историческому мировоззрению. Понимание **социально-политической** идеи дается, таким образом, лишь на последнем месте, и этим, без сомнения, объясняются малые успехи, которыми отличается наше политическое и общественное сознание.

Однако эти успехи у нас все-таки замечаются. Строго говоря, **современные** ученые наши поднялись уже выше А. Градовского.

Б. Чичерин, например, определяя Самодержавие (**Монарха**), говорит, что он «держит власть независимо от кого бы то ни было, **не как уполномоченный, а по собственному праву**»*. Это, во всяком случае, несравненно яснее, хотя и остается желательным узнать, **откуда** же происходит это «собственное право». Определения Романовича-Славатинского еще более любопытны. «Власть Русского Царя, – говорит он, – есть **самодержавная**, то есть **самородная**, не полученная извне, не дарованная другой властью. Основанием этой власти служит не какой-либо юридический акт, а **все историческое прошлое русского народа**»**. «Подобно тому, как **самоцветный** камень имеет свой собственный, ему присущий, а не извне полученный цвет и блеск, так и **самодержавная власть** имеет свои собственные, ей присущие, а не извне полученные права», – продолжает профессор и еще поясняет: самодержавие «воплощает самость и державные права русской нации, которые она получила не извне, но выработала потом и кровью многовекового исторического прогресса» (стр. 77).

В этих цветистых, но поэтических определениях чувствуется много правды. Но опять является тот же вопрос: почему же «права русской нации» воплощает «не русская нация», а именно «монарх»? Как Б. Чичерин, так и Романович-Славатинский объясняют нам, в сущности, не **Самодержавие Монарха**, а **самодержавность вообще**. Это прекрасно, но са-

* Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Ч. 1. – Стр. 134.

** Романович-Славатинский А. В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. – Стр. 193–194.

модержавность есть свойство вообще **всякой** Верховной власти. Должно, однако, быть что-либо отличающее Верховную власть демократии и Монарха? Романович-Славатинский в своих определениях то говорит, что Монарх воплощает власть, в сущности, **народную**, то делает его совершенно беспричинным обладателем власти, как самоцветный камень обладает самоцветностью. В первом случае, мы невольно думаем, что, стало быть, монархическая власть, в сущности, есть **делегированная**, хотя бы и помимо юридических актов. Во-втором, нельзя не испытывать недоумения: почему такая «самоцветность»? Чем она обуславливается?

Из этого заколдованного круга вопросов наша наука не выйдет до тех пор, пока не освободится от своего главного кошмара – смешения **Самодержавия с абсолютизмом**. Это смешение давит камнем все попытки русские понять **нашу** власть.

XXVIII

Абсолютизм есть идея демократии. — Принятие абсолютизма европейской монархии. — Ложное отождествление Монарха и государства. — Ложная теория отречения народа от своей воли. — Бессилие абсолютной монархии. — Ее переход в деспотию или демократию.

Остановимся же более внимательно на различии между монархией **абсолютной** и Монархией **Самодержавной**.

Монархическая власть, само собой разумеется, чтобы быть Верховной, может быть только **неограниченной**. При ограничении она перешла бы в разряд **делегированных**. Бывший монарх становится президентом республики демократической, как ныне в западноевропейских «монархиях», или аристократической, как было в польской Речи Посполитой. Но будучи, по существу, **неограниченной**, монархическая власть из всех начал Верховной власти менее всего отличается **абсо-**

лютизмом. Государственное право легко увидело бы это, если бы изучало монархическое начало на самодержавном его типе, единственном, который представляет его чистое выражение. Насколько это верно, видно из того, что даже А. Градовский принужден был признать, что есть и у нас даже по закону **обязательные** начала, именно – православного исповедания Государя и правил престолонаследия. Для демократической Верховной власти никаких таких **обязательных** начал не сумел бы нам указать ученый поклонник конституции. Европейские монархии потому и выработали свой абсолютистский тип, что были недостаточно монархичны.

Абсолютизм не только по смыслу слова, но и по смыслу исторического факта означает **абсолютную власть государства**, и таким образом выражает не форму, не образ правления, но **способ** его, подобно тому, как деспотизм или либерализм. Все эти способы применения власти могут являться при всех образах правления, а вовсе не монархии. Однако по духу своему абсолютизм свойствен по преимуществу демократии. Государство представляется обладающим абсолютной властью тогда, когда оно сливается с массой, не признающей по нравственному состоянию своему никакой над собой власти выше собственной массовой силы. Таково было настроение языческого античного мира. Возникающий отсюда абсолютизм власти характеризовал античное государство и потом делегировался демократией ее диктаторам.

Выросшая из диктатуры императорская власть, представлявшая собой соединение всех государственных властей, выразила тот же абсолютизм, развив соответственные правовые понятия. Нужно было появление христианства, чтобы этому созданию античного государства привить действительно **монархический**, нравственный характер. Но эта задача была исполнена собственно в Византии, создавшей впервые тип настоящего Царя, которого власть гармонически сочеталась с властью Церкви. В Риме национальная абсолютистская идея, напротив, искажила собой даже Церковь, создав ее латинскую (папистическую) отрасль.

Когда в Западной Европе на развалинах Империи и в хаосе, созданном переселением народов, стала возникать монархическая идея, она выростала лишь отчасти на своей надлежащей, **нравственной**, почве. Карл Великий на Западе отчасти напоминает восточного Константина Равноапостольного. Но вообще монархическая власть Западной Европы испытывала слишком сильное давление Рима. Теоретическое наследие Рима, диктаторский императорский абсолютизм, разрабатываемый легистами, наложил на нее неизгладимый опечаток.

В чем заключается ошибочность и слабость идеи **монархического абсолютизма**? Слабость происходит именно от ошибочности.

Всякое начало власти для существования и действия должно понимать, в чем **источник** его силы, и этот источник тщательно хранить. Так, демократия, представляющая **количественную** силу, непременно должна поддерживать условия, при которых количественная сила способна преобладать над качественной или, тем более, нравственной. В противном случае демократия уступит место аристократии или монархии. Так и аристократия должна оставаться действительно качественно **высшей** силой как сословие высшее, гражданское, промышленное, а никак не надеяться удержаться одними, например, привилегиями. Так и монархия для развития своего должна опираться именно на ей **свойственную**, а не какую другую силу. Без сомнения, и ей нужна могущественная организация управления с единством действия и т.д., но **прежде всего** монархическое начало должно быть выразителем высшего нравственного идеала, а следовательно, заботиться о поддержании и развитии условий, при которых в нации сохраняются живые нравственные идеалы, а в самой монархии – их отражение. Европейский абсолютизм оставил в пренебрежении это основание монархической силы, а развивал то, что для нее второстепенно, а при злоупотреблении даже фатально. Он все свел на **безусловность** власти и организацию учрежде-

ний, при помощи которых эта безусловная власть могла бы брать на себя отправление всех жизненных функций нации. Идея же эта демократического происхождения и способна снова привести только к демократии же.

Действительно, на каком основании власть Бурбонов или Стюартов могла быть **абсолютной**? Власть абсолютная есть та, которая находит содержание исключительно в **самой себе**. На это может претендовать демократия. Но монархия тем и отличается от демократии, что почерпает свое содержание из **нравственного идеала**. Она не создает его, а сама создается, не приспособляет его к себе, а сама к нему приспособляется.

Поэтому монархия усваивает себе идею абсолютизма только в виде прямого искажения собственного принципа. Теории, которыми она пытается себя при этом оправдать, могут быть только фантастичны или даже прямо признавать Верховную власть демократии. Так, «король-солнце»¹ говорил: «l'Etat c'est moi» («государство – это я»). Если бы это было физически возможно, то, конечно, его власть была бы абсолютной. Но совершенно ясно и очевидно, что государство есть государство, а король есть король. Наш русский язык прекрасно выражает правильное понимание их действительного соотношения. У нас «государство» истекает от Государя, составляет организацию для проявления его Верховной власти, но никак не **составляет** его. При всей неразвитости политической терминологии у нас в старину очень хорошо выражались, что Царь владеет «своими государствами». Государство ему **принадлежит**. Он выше государства, но он не есть государство. Явно произвольное и ошибочное отождествление Государя и государства по внешности дает монархической власти характер **абсолютной**, черпающей содержание из самой себя, но в действительности отнимает у нее всякую реальность. Говорить, конечно, можно что угодно. Но в чем **реальная** сила Людовика XIV? Если он и государство одно и то же, то чем держится сила самого государства? Почему ему подчиняются, да еще и безусловно, миллионы подданных? В

конце концов на это нет никакого ясного ответа, кроме интендантов и жандармов. Но несомненно, что сила **нации** во всяком случае **более велика**.

Английская школа абсолютизма выдвинула основанием монархической власти ту идею, что народ будто бы **отказался** от своих прав в пользу короля, так что король имеет все права, а народ никаких. Но если Монарх имеет власть только потому, что «народ воли своей отрекся», как и нас поучал Феофан Прокопович, то, во-первых, народ не может отрекаться от воли **за будущие** поколения, а во-вторых, стало быть, монархическая власть есть в сущности делегированная, и необходимы по малой мере Наполеоновские плебисциты² как средство, не дожидаясь революции, узнавать, продолжает ли народ «отречься своей воли» или же надумал что-нибудь более ему нравящееся.

Все эти теории не только бумажные, выдуманые, но, сверх того, не дают монархической власти значения **Верховной**, когда связывают ее с народной волей, или лишают ее всякой реальной силы, когда отрывают от народной воли.

Монархическое начало власти, по существу, есть господство **нравственного** начала. Оно есть выражение того нравственного начала, которому народное мирозерцание присваивает значение верховной силы. Только оставаясь этим выражением, единоличная власть может получить значение **Верховной** и создать монархию. Этим нравственным началом, сами того не зная, только и держались Бурбоны и Стюарты, а вовсе не тем, что они составляли самое государство или получили народную волю в свою собственность. От своей воли невозможно отречься иначе, как в пользу **высшей** воли, которой единое лицо **само по себе** в отношении народа не бывает.

Если бы Бурбоны и Стюарты понимали, что их власть над нацией основана только на их **подчинении** высшей силе нравственного идеала, и заботились о поддержании в нации и в самих себе этой веры в Верховную власть нравственного идеала, то, быть может, ни та, ни другая монархии не пали бы.

Но вышло наоборот, и это было неизбежно при абсолютистской дегенерации монархии.

Сила всякой Верховной власти требует **связи с нацией**. Монархия отличается от аристократии и демократии не отсутствием этой связи, а лишь особым ее построением: через посредство нравственного идеала. Отрешаясь от своего подчинения высшей силе национального верования, единоличная власть не имеет ни меры, ни руководства ни в чем, кроме самой себя, а этим самым выводит себя из числа сил, способных воздействовать на нацию. Она низводит сама себя в значение силы чисто личной, человеческой. Но в таком состоянии она неизбежно теряет значение власти **Верховной**, ибо совершенно ясно, что сила аристократии или демократии более значительна, нежели чья бы то ни была **личная** власть, не представляющая ничего, кроме самой себя. В этом положении бывшая монархия может только или рухнуть или перейти в чистую деспотию, если степень дезорганизованности нации позволяет последний выход.

«Абсолютистский» момент существования европейских монархий и характеризовался, как известно, колебанием между утратой характера Верховной власти и попытками деспотизма. Но если европейской монархии суждено возрождение, оно будет, конечно, достигнуто не иначе, как при возрождении способности стать выразительницей **народного духа, народных верований и идеалов**.

XXIX

Восточный тип монархии. — Подчинение силе. — Влияние Востока на Византию и Запада на Россию.

Общий характер монархической власти еще более уясняется при сравнении Самодержавия с тем азиатским проявлением монархии, которое еще Монтескье старался, едва ли удачно, Впрочем, отличить от европейского абсолютизма.

Этот тип, который мы назвали выше **самовластительским**, отличаясь от **Самодержавия**, лишь немного ближе к **абсолютизму**. Он очень способен переходить в аристотелеву «извращенную» форму монархии – деспотизм, но это составляет лишь **последствие** его содержания, точно так же, как и то, что в хороших случаях он способен давать образчики очень высоких царствований (Гарун-аль-Рашид).

В этих **самовластиях** замечается поразительная зависимость царствования от **личности** правителя. Громадные царства возникают и распадаются в связи с одной личностью, с двумя-тремя поколениями правителей дома. В то же время, при таком громадном значении личности правителя, в «конституции» государства крайне слабо все, способное вырабатывать эту личность. Понятия о **Церкви** не существует. Элемент наследственности мало развит. Поддержание династии достигается убийствами возможных претендентов. Различие между **узурпатором** и законным правителем сознается крайне мало. За всей эпохой жизни Востока в нем видно постоянное стремление к **единоличной власти** и неспособность придать ей прочный **верховный** характер. Это как бы узурпация, возведенная в принцип, признание **права за силой**.

Такое положение, имеющее своим последствием постоянный переход монархии в деспотизм, без сомнения, создается духовным состоянием, характеризующим Восток. Не входя в рассмотрение причин этого, можно признать за факт, что на Востоке народы отнюдь не имеют того несколько тупого религиозного состояния, которое столь часто на Западе и благодаря которому человек считает за **высшую** силу самого себя. Восток хранит сознание **высших сил**, сверхчеловеческих, устраивающих судьбы народов, но истинного **религиозного сознания** большей частью не мог достигнуть. Нравственное самосознание личности не могло прочно приводить к Богу как началу нравственному. В сверхчеловеческих элементах Восток постоянно ощущал только **силу**, которой покорялся, не разбирая ее **качества**, преклонялся перед началами демоническими как перед Божественными.

Это духовное состояние порождало стремление сплотиться около **единоличной власти**, в которой народы Востока искали избранника высших сил. Но содержание воли этих высших сил не определялось нравственным характером. Восток покорялся силе потому, что она сила, не понимая ее, не уважая ее, не любя ее, но только **покоряясь**. Таким характером одевалась и государственная власть. Избранника высших сил для народов указывал **успех**, то есть простое проявление силы. Для направления действий этого избранника, по неясности воли высших сил, также не открывалось мерила, кроме собственного содержания личности правителя. Проблески высшего религиозного сознания порождали кое-какие признаки **долга** правителя. Так было и в магометанстве. Но это были **крупницы**, которые у более развитой нравственно личности создавали высокие образчики правления, но не создавали **идеала**, типа, и в конце концов чингисханы и шахнадиры для жителя Востока не менее «идеальны», чем Гарун-аль-Рашид.

Эта **произвольность** власти, зависимость ее содержания от личности правителя характеризуют монархическое начало Востока. Произвольность состоит здесь не в отсутствии **закона**, как указывают некоторые, а в отсутствии **ясного представления того нравственного идеала**, который должна представить Верховная власть. Типичным атрибутом Верховной власти здесь считается то, что она представляет таинственную сверхчеловеческую силу, рок, без достаточно-го сознания нашей обязанности подчиняться только Богу, а не каким-либо другим силам сверхчеловеческого мира. Таким образом, элемент **нравственный** не входит ясно в число обязательных атрибутов власти – в полную противоположность с Самодержавием.

Таким образом, восточный тип самовластительства должен быть, по точному анализу, признан также извращенным побегом монархической идеи, как и западный абсолютизм. Как на Западе, так и на Востоке мы находим известные черты монархии, благодаря которым единоличная власть в них

свершает немало великих дел и успешно соперничает с началами аристократии и демократии. Но все-таки обе разновидности лишь блуждают около самого центра монархической идеи, не находя того существеннейшего ее пункта, отправляясь от которого монархия только и способна доходить до своего идеального развития.

Истинная монархическая – **самодержавная** – идея нашла себе место в Византии и в России, причем элементами ее извращения в Византии было постоянное влияние **восточной идеи**, а у нас – **западной**, абсолютистской.

XXX

Резюме отношений общества, государства и власти.

Нам предстоит теперь рассмотреть способы, какими монархическое начало устраивает государство. Рискую повториться, мы должны вспомнить, что Верховная власть сама по себе не есть ни общество, ни даже государство. Это есть только сила, **направляющая** действие государства, необходимого для объединения сил собственно **общества**. Если нет общества, не может быть и государства. Если нет государства, не может быть и Верховной власти. С другой стороны, невозможно создать государство без той или иной Верховной власти, и невозможно обществу достигнуть сколько-нибудь высокой степени развития, не найдя для себя рамок государственности. Между обществом, государством и Верховной властью существует тесная связь, и в то же время они все имеют отдельное бытие. Абсолютистские идеи, упраздняющие общество, столь же ошибочны, столь же противны естественным социальным законам, как идеи социалистические, упраздняющие государство. Практически те и другие одинаково вредны, составляя источник смещения пределов действия общественности и государственности.

В силу прямых и непосредственных потребностей, нужд и свойств личности, в каждом скоплении людей завязываются разнородные группы, объединяющие их в совместной жизни и деятельности. Сюда относится семья, различного рода общины и союзы трудовые, религиозные общины и т.д. Чем развитее и разностороннее потребности личности, тем более разнообразны эти основные ячейки, складывающиеся и полубессознательно (как семья), и по необходимости, даже против желания (как многие трудовые союзы – вроде нынешних фабрик), и из высших духовных и умственных потребностей. Родственные группы – их образуют более широкие слои (как Церковь, классы, корпорации). Вся эта сложная социальная ткань и образует **общество**. В разнородных группах и слоях общества протекает жизнь личности, удовлетворяясь во всех потребностях. Рост и характер этих общественных отношений определяется деятельностью личности, свободной, поскольку это допускает инерция среды. В свою очередь, эта социальная среда, эта сфера общественности также создается и видоизменяется усилиями личностей, приспособляющихся к условиям среды, как коралловый риф воздвигается работой миллиардов полипов.

На этой-то общественной среде и из нее вырастает **государство**. Чем сложнее общественность, тем более в ее среде разнородных интересов, а стало быть, и борьбы. Не создав государства, общество собственным своим прогрессом породило бы в себе столько внутренней борьбы, что уничтожило бы само себя. Для установки **обязательных**, непреходимых рамок этой борьбы выдвигается **государство** – организация **власти**, поставленной выше всех общественных сил и обязанной их регулировать. В каком направлении государство это производит, определяется принципом, положенным в основу его, то есть характером **Верховной власти**, долженствующей организовать государство и руководить им. Но этот принцип, не должно забывать, вырастает только из **общества**, есть его создание и не может держаться, когда внутренняя работа общественных сил перестает

ему соответствовать. Равным образом государство не может существовать, если умирает общество. Государство, необходимое для общества, не может, однако, заменить его собой. Условие жизни общества есть **свободная деятельность** личности, свобода ее творчества; условие жизни государства – есть **обязательность**; ценность общественной работы заключается в богатстве **разнообразия** творчества; ценность государственной деятельности – в поддержании **обязательной однородности** рамок (признанных необходимыми). Низвергая государство и пытаясь собой заменить его, общество приходит к анархии и бурному разложению. Пытаясь заменить собой общество, государство приходит к деспотизму, удушению всех живых сил, а потому и к собственной смерти в параличе или истощении.

Итак, общество и государство не исключают и не заменяют, но дополняют друг друга в единстве национальной жизни. Верховная власть в своей идее является представителем и охранителем этого единства, действуя различными способами, смотря по своему типу. Монархическая идея отличается при этом от демократической и даже аристократической особой высотой. Действительно, мы сказали, что задача Верховной власти есть объединение и примирение элемента **свободного почина**, которым развивается общество, и элемента **обязательного единообразия**, которыми строится государство. Но очевидно, что это примирение и объединение достигается наилучше, если производится на основании **нравственного** идеала, который один только способен обнаружить те обязательные нормы, без которых невозможна свобода. Монархия является носителем этого **нравственного идеала** и в то же время выразительницей **народного духа**, что, с известной точки зрения, есть одно и то же, ибо среди непрерывных отступлений **народной воли** то в одну, то в другую сторону от идеала, в котором люди никогда не умеют разобратся, он выясняется лишь исторически, в среднем **народном духе**, показывающем, что было верного и что было ошибочного в колеблющихся пожеланиях народной воли.

XXXI

Династичность. — Ее психологическая неизбежность. — Ее полезное значение.

Нам предстоит перейти теперь к рассмотрению условий, необходимых для существования монархии.

Мы ранее подробно остановились на обрисовке **нравственного единства**, возможного между Монархом и нацией. Это единство не есть какое-либо **пожелание**. Оно действительно, как видим, бывает. Оно-то и составляет первое необходимое условие, при котором власть единоличная способна становиться **Верховной**, порождая, таким образом, монархию.

Но это единство совершенно закрепляется только **династичностью**, в чем и заключается трудность возникновения этой формы правления.

Сама по себе, обыкновенно, только гениальная личность способна столь глубоко выражать национальный дух, как это потребно при монархической власти. Но очевидно, что форма правления не может быть основана на такой случайности, как гениальность правителя. Поэтому повсюду, где состояние народных идеалов допускает возникновение монархии, сама собой возникает идея **династичности**.

Это ее необходимое дополнение. При соответственном миросозерцании народ сам стремится к монархии как единоличному выражению Верховной власти правды. Но для достижения этого требуется, чтобы легко и бесспорно находилась **личность**, не возбуждающая никаких споров и сомнений, как бы срастаясь с нацией на одной общей задаче. От этой личности прежде всего требуются не какие-либо исключительные таланты, но всецелая и бесспорная посвященность именно данной миссии. Такую личность дает **династия**. Посредством династии единоличный носитель верховной правды становится как бы бессмертным, вечно живущим с нацией. Монархически настроенная нация поэтому всегда стремится к выработке

династии, стараясь жить с **одной** царствующей семьей, которая точно так же передает от поколения к поколению задачу хранения народных идеалов, как они переходят от отцов к детям в самой нации. Эта династическая задача, однажды хорошо разрешенная, – ясно, всем удобопонятно, – исполняется затем без затруднений даже в случае физического пресечения династии, которая продолжает тогда свое **преемство** как бы посредством усыновления другого царственного рода, ибо здесь физическое преемство важно не само по себе, а лишь как внешнее выражение и обеспечение **духовного преемства**. Таким образом, когда выработались династические традиции, идея **наследственности** своей духовной силой ставит преемство власти выше всяких случайных фамильных потерь. Но самая выработка династии составляет трудную историческую задачу, требующую много времени и долголетней совместной жизни нации и царствующей фамилии. Эта необходимость династичности для идейного развития идеи монархии составляет одно из труднейших условий для появления монархического начала у народа, даже способного к его поддержанию. Но с другой стороны, это именно есть путь, посредством которого единоличная власть, выдвигаемая хотя бы даже демократией, преобразуется в монархию.

Необходимость династичности для монархии понятна. Прежде всего, представляя некоторую Высшую Волю, монарх, в идее, должен быть свободен от всякого личного стремления к власти и никому не должен быть обязан ей. Могут быть, конечно, особые, исключительные случаи, когда избрание, жребий или даже захват становятся по общему национальному сознанию лишь проявлением Высшей Воли. Но вообще, как правило, и захват власти, хотя бы из самых чистых побуждений, и народное избрание не свободны от предположения личных мотивов. Династичность, напротив, устраняет всякий элемент искания, желания, даже просто согласия на власть. Она предрешает за сотни и даже тысячи лет вперед для личности, еще даже не существующей, **обязанность несения власти** и соответственно с тем **права на власть**. Такая «легитимность», этот династи-

ческий дух, выражают в высочайшей степени веру в силу и реальность идеала, которому нация подчиняет свою жизнь. Это вера не в способность личности (как при диктатуре), а в силу самого идеала. Если такой веры нет в нации, существование монархии уже затрудняется, и тогда она рискует понижаться через диктатуру и цезаризм в более доступный неверующему демократизм. Но когда напряжение идеала, способность веры в него достаточно сильны в нации, идея династичности является столь же неизбежно, как сама монархия.

Психологически неизбежная, династичность также является лучшей мерой сохранения монархической идеи в самом монархе. Династичность, выражая величайшее напряжение веры народа, в то же время в высочайшей степени **обязывает** самого Монарха быть не тем, что ему нравится, а тем, чего требует идеал.

Блюнчли посвящает превосходные страницы обрисовке того, что **должность** имеет свой **живой дух**, сообщаемый ей человеку. Человек, вступающий в общественную должность, говорит он, перестает быть просто самим собой, но невольно становится тем, чего требует идеал должности. Должность не есть нечто только механическое. Ее функции имеют духовный характер. Когда в какой-либо должности эта жизненность иссякает, заменяясь одной механичностью, то сама должность гибнет, и государство клонится к падению. В каждой должности есть особый характер, особый дух, оказывающий влияние на лицо, ею облеченное. Это психическое воздействие места всегда чувствуется должностным лицом. Так, человек, малодушный от природы, невольно становится выше самого себя, делаясь судьей, администратором или генералом, стараясь напрягать возможно более те стороны своей душевной силы, которых высота требуется для данной должности.

Это влияние «должности» в высочайшей степени достигается в монархиях посредством династичности. Много примеров этого представляет и наша история, в которой И. Аксаков отмечал «таинственную связь» Царя и народа, проявлявшуюся даже в условиях совсем неожиданных. Это

влияние **нравственной** силы династичности, в которой **дух предков, дух истории, дух целого** подчиняет себе личные стремления монарха. Впрочем, такими примерами полна история всех монархий.

Династичность наилучше обеспечивает постоянство и незыблемость власти, и ее обязанность – выражать дух истории, а не только личные особенности Государя. Государь в глазах монархического народа есть наследник одной и той же династии, как бы **вечно** бывшей с народом. Если даже физически преемство прерывается, то идеально это не допускается, этого перерыва не признают. Династия остается во что бы то ни стало **едина**. Так, например, грамота об избрании Михаила Феодоровича составлена представителями народа так, чтобы в ней было возможно меньше элемента **избирательного**, зависящего от народных желаний, и как можно больше **преемственного**, связующего Царя и народ со всей прошлой историей. Грамота, проходя совершенно вскользь по вопросу о степени родства, подробно перечисляет зато всех наших великих князей и царей, даже ранее Владимира Святого, объясняя, что все «единными устами вопияху, глаголюще», что **быть** на престоле «от их царского благородного корени... благоцветущей отрасли от благочестивого корени родившемуся Михаилу Феодоровичу Романову-Юрьеву». В этом отношении в династичности кроется глубочайший смысл, ибо благодаря ему преемственность действительно остается **нравственно непрерывной**. Государь является преемником **всего ряда** своих предшественников, он представляет **весь дух Верховной власти**, тысячу лет управлявшей нацией, как сами подданные представляют не свою личную волю данного поколения, но весь дух своих предков, Царям служивших. Духовное единство власти и народа получает, таким образом, в династичности величайшее подкрепление, какое только мыслимо в человеческих способностях что-либо увековечивать. Устраняя по возможности всякий элемент «избрания», «желания» со стороны народа и со стороны самого Государя, династическая идея делает личность Царя живым воплощением того идеала, который нация поставила **над со-**

бой. Государь одновременно обладает и всей властью этого идеала, но и сам ему всецело подчинен.

XXXII

Первые задачи монархии. — Сохранение в народе и власти господства нравственного идеала. — Общение власти и нации. — Участие Верховной власти в социальном строении.

Династичность создает **вечное** существование конкретного носителя власти. Для дальнейшего действия монархического начала прежде всего необходимо, чтобы народный дух продолжал иметь то же содержание, а именно, был полон идеального элемента, **подчиняющего общественную жизнь нравственному идеалу.**

Монархия возникает только в нации с таким содержанием народного духа и кончается с его уничтожением. Первая задача Верховной власти в монархии состоит, стало быть, в том, чтобы помочь нации сохранить и развить его духовное содержание. Его поддержание и повышение составляет первую задачу и обязанность как в отношении нации, так и в отношении самой монархии, ибо свое нравственное содержание Верховная власть черпает из нации. Когда оно есть в нации, оно передается неизбежно Верховной власти, если же совершенно иссякает в нации, то столь же неизбежно иссякает и в Верховной власти.

Второй ряд задач истекает из необходимости сохранять в Верховной власти постоянное пребывание национального духа. Затем выступает задача постоянного и непосредственного **общения** Верховной власти с нацией, постоянное и непосредственное **участие** Верховной власти в национальной жизни.

Анализ монархической идеи (в ее самодержавном проявлении), так же, как наблюдение эпох процветания монархии, одинаково показывают, что в достижении этих различных

основных целей монархия, следующая **собственной** идее, а не какой-либо чужой (т.е. демократической или аристократической), имеет перед собой совершенно иной путь, нежели абсолютизм или конституционализм.

Так называемая абсолютная и конституционная монархия устремляют свое внимание исключительно на узко **политическую** сторону вопроса и стараются решить его различными способами устройства собственного **государства**. Отсюда развивается **отделение государства от Церкви** и усиление **бюрократизма**. Перед действительной монархией в ее самодержавном проявлении на первом плане выдвигается, напротив, **нравственная** сторона, требующая **тесной связи с Церковью**, а затем **социальная** сторона вопроса, **устроение национальное**, приводящее к **сословности**. Лишь на этих основах воздвигается уже устроение чисто государственное.

XXXIII

Абсолютизм и бюрократия. — Упразднение бюрократией национальной работы и социальных авторитетов. — Бюрократическое «средостение».

Абсолютизм, совсем не сознающий своей обязанности выражать **народный дух** и присваивающий **народную волю**, естественно развивает лишь внешние средства действия монархии, которая, по его идее, берет на себя все жизненные функции нации. Имея задачу и думать, и чувствовать, и хотеть за нацию, и исполнять все необходимое для существования всех этих миллионов и десятков миллионов разрозненных человеческих существ, абсолютная монархия, естественно, устремляет все силы на развитие государственного механизма, достаточно, по ее мнению, совершенного для выполнения этой невозможной работы. Таким образом, развивается **бюрократизм**, одна из важнейших опасностей всякой монархии. Сам по себе бюрократизм есть идея не собственно монархи-

ческая, а абсолютистская. Но монархия, как образ правления, очень способный к сосредоточению сил, легко впадает в эту болезнь, от которой избавляется только непосредственным общением с нацией.

Само по себе чиновничество или бюрократия – понятно, необходимы как **орудие** управления для какой бы то ни было Верховной власти. Оно составляет язву страны лишь в том случае, когда из орудия управления превращается в силу господствующую, ибо в этом случае губит как Верховную власть, так и нацию.

Вредное действие бюрократии, развившейся таким образом, состоит в том, что она всю жизнь нации подводит под однообразные обязательные нормы, уничтожая, поскольку хватает сил государства, всякую свободную творческую работу нации, упраздняет в ней все самостоятельные центры жизни, следовательно, подрывает все нравственные и социальные авторитеты. Она, таким образом, деморализует нацию и вносит в нее общее омертвление. Между тем сама бюрократия никак не может заменить собой того, что убивает в нации. Служебные качества бюрократии требуют исполнительности, дисциплины, выражения и исполнения **чужой** мысли и исключают развитие **своей**. Работа личная, вдохновенная, своеобразная противоречит самым элементарным задачам бюрократии. Национальная жизнь, напротив, вся зависит от этой личной, вдохновенной и своеобразной работы, которую бюрократия в других убивает, а сама по существу дать не может. В результате нация мертвеет и деморализуется. Воспитательное значение для людей вообще, а для молодых поколений в особенности, имеют те социальные и нравственные авторитеты, которые дискредитируются бюрократией. В стране становится некого уважать, не с кого брать пример. Все становится **безлично, безвольно, безыдейно**. Отсюда каждый, теряя уважение к обществу, к нации, к личности, становится сам себе высшим судьей, а потому развивается уродливо. Едва ли можно сомневаться, что этот подрыв нравственных и социальных авторитетов нации был в наше время повсюду одним

из могущественнейших источников развития идей нигилистических и анархических.

Единственный авторитет, на который, по-видимому, не может распространяться упразднительное действие бюрократии, составляет власть Верховная, именем которой она сама действует. Но в действительности оказывается иное. Идея государственного абсолютизма с бюрократическим способом правления, во-первых, ставит в обязанность Верховной власти такую безмерную работу, какой она не в состоянии исполнить, и выполнение которой иногда даже противоречит высокому нравственному авторитету ее. Посему в исполнении этих бесчисленных мелочей бюрократия в действительности безусловно самостоятельна, а между тем всякая ее ошибка и всемертвляющий характер ее работы падает ответственностью на Верховную власть. Это обстоятельство тем более важно, что если бюрократия может подавлять в нации **положительные** авторитеты, те, которые стремятся к созидательной работе, то никто не в силах помешать существованию авторитетов **отрицательных**, критикующих и подрывающих. Их действие, напротив, получает все удобства, так как все способное им нравственно противодействовать застывает в пассивности и унынии. При таких условиях критика, возбуждаемая господством бюрократии, неизбежно переходит на самый принцип Верховной власти, именем которой бюрократия действует.

Между тем в то же время сама Верховная власть плотно окружается «средостением» бюрократии, отрезающей ее от нации. Положение Верховной власти в этом случае тем более затруднительно, что она даже и при желании не имеет возможности сохранить общение с нацией. Если в нации никто ничего не делает, если все за всех думает и делает чиновник, то и общение становится возможным только с ним. Какое бы ни возникло обстоятельство, спросить возможно только чиновника, ибо никто больше в стране ничего не делает и ничего не знает. Для общения **нет места**. Само собой, в этих строках я беру, так сказать, «идеальное», а не фактическое положение. Фактически бюрократия **до такой степени** развиться не может, ибо

еще далеко не доходя до нее, она вызывает революционные движения. Но **идея** ее господства именно такова, и в истории абсолютизма мы видим повсюду, что эта идея может достигать достаточной степени развития, чтобы отрезать Монарха от нации, уничтожить между ними взаимное понимание, и, таким образом, привести к перемене образа правления.

XXXIV

Идея конституционная. — Представительство. — Общение власти и нации. — Земские Соборы.

Если абсолютизм уничтожает нацию, то конституционная идея, стремясь объединить Верховную власть и нацию посредством другой системы государственной организации, уничтожает монархию.

Выше достаточно сказано о том, что идея конституционной монархии составляет отрицание монархической власти и первый шаг к ее полной замене демократией.

Я не стану повторять того, что подробно рассматривал в другом месте*, о фиктивности и лживости так называемого выборного народного представительства в парламентах. Парламентские депутаты выражают не волю или желания народа, а желания **политиканствующего сословия**. Парламентское представительство не объединяет государство с нацией, а разъединяет их как никакое другое устройство. В отношении этих несомненных фактов я могу лишь отослать читателей к указанной в примечании книжке моей.

Но в народном представительстве, окружающем монарха, некоторые видят элемент **общения** Верховной власти и нации. У нас та же идея общения проявляется еще в проектах совещательных **Земских Соборов**. Против Земских Соборов у нас обыкновенно возражают, что они неизбежно бы выродились в настоящее время в **парламент**. Это возражение, мною, впрочем,

* Тихомиров Л. А. Демократия либеральная и социальная. — М., 1896.

совершенно разделяемое, относится чисто к практическим, временным условиям. Если рассматривать вопрос в принципе, как явление общее, то должно, наоборот, сказать, что никакие совещательные собрания, созданные, выбранные или назначенные, нимало **сами по себе** не противоречат монархической идее. Мало того, легко представить себе даже собрание каких-либо выборных, облеченное со стороны Верховной власти правом **решения** тех или иных дел или даже властью исполнительной, и все это **само по себе** точно так же не противно еще идее монархии. Монарх, делегирующий на тот или иной предмет свою власть главнокомандующему или генерал-губернатору, может точно так же облекать какими заборорассудит правами и собрания. Дело не в этом, а в том, что эти собрания, каковы бы ни были их права сами по себе, как собрания ничуть не обеспечивают общения Монарха с нацией. Весь вопрос в том, **каковы** эти собрания, **из кого** они состоят. Это обстоятельство столь важно, что иной раз, может быть, знакомство с одним, никем не избранным и не назначенным человеком способно более послужить общению Монарха с нацией, нежели присутствие среди целой тысячи депутатов Земского Собора.

Что такое **общение**, которое нужно Монарху? Это есть общение с национальным гением. Оно нужно для того, чтобы Верховная власть находилась в атмосфере творчества народного духа. Он проявляется иногда в деятельности чисто личной, иногда в действии установившихся издавна учреждений и организаций и в характере представляющих их лиц. Следовательно, Монарху нужны и важны люди только этого созидательного и охранительного слоя, цвет нации, ее живая сила.

Находятся ли эти люди собранными в одной зале или нет – это вопрос второстепенный. Может случиться, что для Верховной власти понадобится видеть их в совокупности, может случиться и совершенно наоборот, но, во всяком случае, нужны именно **они**. Они дают общение с духом нации.

В них Верховная власть видит и слышит не то, что говорит толпа, но то, что масса народа **говорила бы**, если бы умела сама в себе разобраться, умела бы найти и формулировать

свою мысль. В идеях, действиях и настроениях этого цвета нации монархия имеет перед собой то, за чем **следует** масса, то, что **ведет** за собой массу к созидательной работе. Монархическая Верховная власть, вся сущность которой и вся задача состоит в представительстве самого **идеала** народной жизни и в направлении государственной деятельности сообразно с ним, а не со случайными криками и вечно заблуждающимися наличными желаниями толпы, имеет надобность в общении именно с этим цветом нации, с ее лучшими людьми, выразителями ее современного и исторического гения. Весь вопрос об **общении** сводится к средствам окружить Верховную власть **этими** людьми, выделить их, сделать видными, легко находимыми и доступными для власти.

Во всяком случае, идея общения не только не имеет ничего общего с идеей **представительства**, но даже с ней несовместима.

Дело в том, что идея народного **представительства** сама в себе содержит отрицание монархии; ибо **орган народного представительства есть сама Верховная власть**. В монархии это ее главное и существеннейшее свойство, долг и право. В монархии Верховная власть ищет перед собой лишь представительства **частных**, групповых интересов, но никак **не национальных**, которые представляются всецело самой Верховной властью. Если монархическая Верховная власть почему-либо не представляет **национальных** интересов, то, стало быть, с этого самого момента она теряет *raison d'être* (**смысл существования**) и подлежит замене другим образом правления. А пока мы предполагаем ее в живом состоянии, она сама есть национальное представительство и никакого другого не может допустить, не заявляя тем самым, что неспособна уже исполнять функцию, для которой выдвинута нацией.

Таким образом, в монархии может быть только вопрос о способах **общения** с нацией, но никак не о национальном **представительстве**. Эта последняя идея возникла лишь как продукт разложения монархической идеи и держится лишь благодаря чистому недоразумению.

Она, однако, отчасти затуманивает собой даже идею славянофилов о свободе **мнения** «земли» с отдачей в ведение Верховной власти «воли» ее. Без всякого сомнения, свобода мнения не только не противна монархической идее, но даже логически требуется ею. Но это относится не к «земле», а к **людям и группам**. Нельзя, конечно, воспретить и всей «земле» в совокупности иметь какое-либо «мнение», ежели она его имеет, и это даже очень хорошо, когда она его имеет, хотя, к сожалению, бывает лишь в редких случаях. Но имеет она его или нет, **органом** этого национального мнения, существующего или только «потенциального», может быть и должен быть Государь, а не какое-либо иное учреждение. Разделять «мнение» и «волю», столь неразрывно связанные, вообще невозможно. Идея же монархической Верховной власти состоит сверх того вовсе не в том, чтобы выразить собственную **волю** монарха, основанную на мнении **нации**, а в том, чтобы выразить народный дух, народный идеал, то есть, как сказано, выразить то, что думала бы и хотела бы нация, если бы стояла на высоте своей собственной идеи. Если бы «земля» способна была стоять на такой высоте, то монархическое начало власти не было бы и нужно для народов. Оно нужно именно потому, что свойствами **личности** восполняет органический, неустранимый другими способами недостаток всякой социальной **коллективности**.

XXXV

Отношение государства к Церкви. — Вопрос об их отделении. — Невозможность этого в монархии. — Воспитательное значение Церкви. — Области ведения Церкви и государства. — Их отдельность и их союз.

По самой сущности своего принципа монархия **прежде всего** нуждается в **правильных отношениях с Церковью**.

Нормальная установка отношений государства и Церкви имеет важность, перед которой бледнеют все другие во-

просы государственно-общественных отношений. Это есть установка **обязательного** на почве **нравственной**. Это есть то, по степени достижения чего монархическая Верховная власть осуществляет свою идею **господства нравственного идеала**. Для монархического начала власти во всей области государственно-социальных отношений нет ничего более важного, ибо пока отношения Верховной власти к Церкви остаются хоть приблизительно правильными, монархическое начало успевает справляться даже с дезорганизацией других отраслей социальной жизни, и наоборот, с потерей этого своего жизненного нерва неизбежно лишается способности поддержать даже превосходно в других отношениях выработанный социальный строй.

Итак, монархическое начало власти имеет перед собой в нации **Церковь**. Должны ли быть между ними какие-либо необходимые отношения? Современные идеи, отрезающие государство от всего живого и органического в нации, отвечают на этот вопрос отрицательно. Теория «свободной Церкви в свободном государстве», отделение Церкви от государства не видит ничего общего между общими целями жизни человека и целями его гражданского общежития. Это было бы проявлением самой полной неразвитости, если бы не было проявлением отрицания религиозного начала жизни. У действительно сознательных сторонников отделения Церкви от государства подкладку такого стремления составляет неверие в существование Божие или, по крайней мере, в реальность воздействия Божества на людей. Стремление отделить Церковь от государства может явиться столь же основательно еще в другом случае: когда государство стремится поработить Церковь, или, наоборот, Церковь – государство. В других случаях у большинства, повторяющего фразы об отделении Церкви от государства, это есть не более как проявление самого печального состояния мыслительных способностей.

Оба указанные случаи, когда отделение Церкви от государства приобретает разумный смысл, являются, однако, именно при **неправильном** состоянии государственно-

церковных отношений. При нормальном состоянии Церкви и государства **порабощения** ни с той, ни с другой стороны быть не может. Церковь есть организация совершенно своеобразная, отличная от всех других человеческих сообществ. Как справедливо говорит профессор Н. Заозёрский: «Церковь, в смысле юридическом, должна быть мыслима как социальный порядок **параллельный**, или соподчиненный, социальному порядку, называемому государством, но **не подчиненный ему**, и **тем менее входящий в состав его**»*. Ибо «социальный порядок Церкви аналогичен социальному порядку государства, но не только не тождествен, а и разнороден до противоположности». «Цель иерархии есть возможное уподобление Богу и соединение с Ним». Задача церковной иерархии – «направить жизнь членов Церкви соответственно высшим и нормальным требованиям духовной природы». Сфера действия церковной власти есть «**духовный мир человека**, человеческая душа... Возрождающая сила Церкви оказывает помощь душе в ее борьбе с греховными стремлениями». К этому назначению призвана **церковная власть**. Мир с его политическими, экономическими и т.д. стремлениями не ее область: здесь действует государство. Но зато никто, кроме Церкви, не имеет власти и ее области действия**.

Само собой разумеется, что **нравственные** требования отражаются и в сфере стремлений политических, экономических и т.д. Но ввиду существенной противоположности **основных** областей ведения Церкви и государства очевидно, что при желании им крайне легко избежать столкновений в пограничной области, тем более, что противоположность их существа не есть **противоположность враждебная**, а лишь выражает две различные стороны одного и того же человеческого существования, долженствующие быть гармонически связанными.

В настоящем рассуждении было бы не место входить в канонические споры. Но, ограничиваясь политической стороной вопроса, мы должны вспомнить, что Церковь есть именно

* Заозёрский Н. А. О церковной власти.

** Там же. – Стр. 2-29.

та среда, в которой воспитывается мирозозерцание, указывающее человеку абсолютное господство в мире **верховного нравственного начала**.

При всех других мирозозерцаниях нравственное начало является элементом **производным** и потому **подчиненным**. Нет ни одного государственного деятеля, настолько безумного, чтобы не понимать необходимость известной нравственной дисциплины для самого существования общества. Но все практические правила нравственного поведения, по которым гражданин не грабит, не убивает, повинуется, когда нужно, и, когда нужно, отстаивает права своей личности, лишаются твердой основы при отсутствии религиозного чувства и религиозного мирозозерцания. Они держатся тогда или на ничем не просвещаемом инстинкте, или же на основаниях соображения общественной пользы. Но инстинкт – дело непрочное у существа рассуждающего, а общественная польза – понятие условное, о котором каждый может иметь свое мнение. Если по требованию общественной пользы не следует вообще убивать, то, следовательно, по требованию общественной пользы можно иногда и убить. Все зависит от того, чего требует общественная польза. Правила нравственного поведения становятся, таким образом, условны, подчинены нашему понятию об общественной пользе. Нравственное чувство перестает быть **верховным** судьей, каким делается **рассуждение** гражданское. Нравственный идеал поэтому не может уже быть **высшим**. Высшим идеалом становится **гражданский**, условный, спорный, который каждому может представляться, как ему угодно. Чем только не способны восхищаться люди в сфере гражданских идеалов! Один становится героем и мучеником за идеал сильной власти, абсолютистское *sit pro lege regis voluntas*¹, другой идеализирует республиканское *virtus romana* (римское право), третий идеализирует одухотворенный *peuple Souverain* (суверенный народ), четвертый – такие же идеалы строит из **анархии**, из вольных союзов людей, заключаемых и расторгаемых в какую угодно минуту. Пятый «идеализирует» социалистический поллипняк, где люди исчезают перед вбирающей их в себя силой

«производства». Найти мерило для сравнительной оценки этих «идеалов» возможно только в **нравственном сознании**. Но если мы уже отказались от него, если мы по непостижимому омрачению духа решили подчинить нравственное чувство тем условностям, которые, наоборот, именно им только и порождаются, то мы безнадежно лишаемся мерила в оценке «гражданских идеалов», мы решительно не имеем способности сказать, почему *regis voluntas* (самоуправство) должно уступить место республиканскому *virtus homana* (римскому праву) или наоборот, и почему «идеал» анархии ниже или выше «идеала» социально-демократического полипняка? Что мы должны положить в основание «обязательного», на котором основано государственное строение? Ясная **общая** идея при этом исчезает, и остаются только чисто эмпирические указания опыта. Да и те, как это отчасти видно в современности, становятся неясны. Нужно ли наказывать воров и убийц или брать их на общественное содержание в больницах и приютах? Нужно ли поддерживать авторитет общественной власти или упразднить его по мере возможности? Нужно ли поддерживать авторитет родительской власти или унижать его? Все стало спорно со времени господства «гражданских идеалов».

От хаотического состояния нравственного чувства нации страдает вообще государственная идея, ибо ставить **обязательным** можно лишь ясно чувствуемое и сознаваемое. Но если в таком обществе, пока оно не рухнуло совсем, все-таки сохраняется **сила** большинства, а следовательно, возможно государство демократическое, то **монархическое начало власти при подобных условиях немыслимо**. Оно требует подчинения в основе добровольного, «не за страх токмо, но и за совесть», и притом такому идеалу, который выражается лучше всего личностью, то есть идеалу не «гражданскому», а **нравственному**. Монархическая власть должна для этого и сама быть проникнута этим же идеалом и ему сама подчиняться. Все это совершенно несовместимо с отделением Церкви от государства.

Хотя области действия Церкви и государства в основе совершенно различны, но и отделение их невозможно. Монар-

хическое начало власти, имея **личного** носителя, легче всего дает необходимое **единение**, не допуская беззаконного **слияния**. Монарх, принадлежа к Церкви, сам ей подчиняется, несет в себе ее нравственные требования и свое государственное строение направляет в духе Церкви. Это и есть **в общем** решение вопроса.

В частности он, однако, представляет несколько существенно важных подробностей, которых решение может отчасти служить указанием на то, в какой мере достигнуто личное единение Верховной власти с Церковью.

Когда оно достигнуто не на словах, а на деле, Носитель Верховной власти разделяет основное верование Церкви относительно того, что мы в нашем житейском быте и строе подчинены воле Божией и обязаны с ней сообразоваться, что милость Божия, даруемая за усердное старание сообразоваться с волей Божией, есть лучшая охрана самого государства, об устройении которого призвана заботиться Верховная власть. В силу этого Монарх, не только как все верующие, но и в частности как Государь, не может не заботиться о том, чтобы Церковь оставалась действительно Церковью, а не превращалась в самочинное сборище, только присваивающее себе это название. А для этого Церковь должна быть такой, какой указала ей воля Божия в самом церковном учении. Все ее права, устройство, действия определяются не произвольно, а **ею самой**, в ее **вселенном** чествовании. Такую-то Церковь, самостоятельную, живую, имеющую главой своей Христа, Монарх только и может желать видеть в своей стране не только как верующий, но и как Государь. Таким образом, и по личной вере Монарха необходимо соблюдение и охрана прав Церкви, ее **самостоятельное** существование. Только такая Церковь есть действительная, и, стало быть, полезная с точки зрения верующего, ибо при самовольном искажении Церкви ничего нельзя ждать от Бога, кроме наказания.

Мы здесь, таким образом, видим первую общественную организацию, живое и самостоятельное существование которой необходимо для государства. Нуждаясь в **самостоятель-**

ном существовании Церкви и в то же время встречаясь с ней во многих делах, соприкасающихся с государственным строем, монархия, очевидно, должна во всех таких случаях строить государственное дело на основе, даваемой Церковью. Это единственный выход, так как ни соперничества, ни вражды, ни подчинения Церкви государству, ни обратного превращения государства в Церковь Монарх в собственных государственных интересах не может ни желать, ни допустить.

Необходимость этого вывода становится еще яснее, если мы религиозные соображения верующего переведем на язык простого рассуждения. Действие Церкви, с рассудочной точки зрения, сводится в широком смысле к **воспитанию личности**.

Церковь воспитывает народ, дает ему высшее нравственное миросозерцание, указывает цели жизни, права и обязанности личности и вырабатывает саму личность применительно к достижению этих целей жизни, исполнению обязанности и пользованию правами. Эту свою великую работу Церковь выполняет лишь в той мере, в какой остается сама собой, подчиненная своему собственному, а не какому-либо иному духу, и, наконец, имея в своем распоряжении необходимые способы действия. Все это, вместе взятое, и означает, что **Церковь должна быть самостоятельной и влиятельной силой нации**. Только как таковая она и может быть нужна для государства, а стало быть, государство, желая пользоваться благами, создаваемыми Церковью, вынуждено по необходимости **сообразоваться с ее советами**, а не пытаться переделать ее по-своему, ибо из этой попытки, при успехе ее, никакой пользы получить не может, и все усилия, направленные в эту сторону, в лучшем случае составляют даром потраченное время и средства, а в худшем, то есть в случае «успеха», грозят уничтожить самый источник нравственного бытия нации.

Таким образом, в некоторых отношениях государственное строение приходится по необходимости основывать на той живой, самостоятельной организации народа, которую создает Церковь. Эта организация охватывает по преимуществу духовное существование народа, все то, в чем он религиозно-

нравственно воспитывается, начиная от детских лет и кончая последней минутой жизни, ибо, по совершенно правильной точке зрения Церкви, вся жизнь человека есть непрерывное воспитание, не прерывающаяся никогда выработка его. Воспитательное действие Церкви проникает, таким образом, очень глубоко в национальный организм, входя в действие множества учреждений, по существу уже не церковных, а социальных, но соприкасающихся с Церковью в необходимом для них нравственном духе. Церковь посредством прихода, посредством семьи, различных общин (как монашеские и другие), школы, посредством множеств временных соединений верующих стремится нравственно очистить и освятить каждый акт жизни человека.

Не входя в дела чисто **мирские**, она соприкасается с ними, стараясь сохранить в них личность христианина. Во всей этой неизмеримо громадной работе государство может лишь с благодарностью смотреть на ее усилия и свои учреждения только сообразовать с церковными. Как это делать? На это лишь некоторые указания дают каноны Церкви, но вообще вся суть вопроса не столько в формах, как в **духе**, в **вере**, в **убеждении**. Лишь таким живым старанием вести дела государственные по-христиански сохраняется живая идея государственно-церковных отношений. Самая же идея состоит в том, что государство не упраздняет Церкви, не отделяется от нее, не подчиняет ее себе, не старается заменить ее собой, а принимает ее как факт и в интересах собственного дела лишь привносит к самостоятельной церковной организации некоторые свои требования, строит политическое дело на нравственной основе, создаваемой Церковью, и таким образом вступает с ней в единение, не уничтожающее самостоятельности ни государства, ни Церкви. Когда государственная организация, насколько это допускается идеей Церкви, связана с организацией церковной, собственно Верховная власть совершенно естественно, даже без каких-либо особых собраний и опросов, оказывается в постоянном общении с нацией, поскольку нация организована в Церкви. Церковные деятели и авторитеты

все находятся на виду в Верховной власти, даже в некотором обязательном с ней общении. Их мнения, опыт, совет всегда к ее услугам, не говоря уже о том, что высшее церковное управление, если оно устроено сколько-нибудь канонически, всегда налицо перед государством, всегда открывает ему мнение церковного авторитета.

XXXVI

Государство и социальный строй. — Классы и сословия. — Сословность монархического строя. — Причины этого. — Бессословность и бюрократизм.

Кроме правильного отношения к Церкви, монархическое начало власти, будучи высшим проявлением здорового состояния нации, особенно требует здорового состояния **социального строя**. Монархия не может действовать одними политическими комбинациями, не приводя к искажению собственной идеи. Все существеннейшие ее потребности, как общение власти с нацией, воздействие на национальную жизнь и само **сохранение в нации господства нравственного идеала**, удовлетворяются главнее всего соответственным состоянием социального строя. В нем монархия находит свои главные средства действия. Это всегда сознавалось монархической властью, когда она не становилась бесповоротно на точку зрения абсолютизма. Забота о социальном строе характеризует все эпохи процветания монархий, которые всегда относятся к нему крайне бережно, стараются не ломать его, а именно на нем воздвигать свои государственные построения. По этому поводу и говорят о природной сословности монархических наций. Она характеризовала и Россию. Как прекрасно выражался А. Пазухин: «Весь общественный быт Древней Руси покоился на строго **сословном начале. Каждый гражданин Московского государства непременно состоял в каком-нибудь чине, принадлежал к известному сословию, обязанному от-**

бывать то или иное идейное государственное тягло. Русский народ, распределенный на известное число государственных чинов со строгим различием в правах и обязанностях, и есть та «вся земля», то **историческое земство**, к основам которого теперь взывают политические мыслители, мечтающие утвердить современный политический строй России на бессловном начале*. В этих стремлениях, конечно, как справедливо доказывал Пазухин, кроется глубокое непонимание фактов. Но должно заметить, что значение социального строя для монархии, хотя и признаваемое наиболее крупными выразителями **русской** государственности (как М. Н. Катков и К. Н. Леонтьев), весьма не разработано научно, принадлежит к числу темнейших вопросов политической науки, так что массе публики, к ее извинению, даже и неоткуда черпать понятия менее спутанные.

Мы должны разобраться в этом вопросе, хотя бы и без надежды избежать ошибок, столь трудно избегаемых во всех заброшенных областях науки**.

Говорят о **сословности** монархического строя. Но что это значит? Что такое **сословие**? В настоящее время под условиями понимают несколько крупных традиционных слоев нации, которые даже отчасти утратили свой прежний живой смысл. Многие даже уверены, что эти сословия отжили свое время, и что поэтому будто бы сословность вообще исчезает. С точки зрения научной, мы, однако, не можем рассматривать **сословности** только по немногим историческим проявлениям ее, а должны вникнуть в ее социально-политический смысл. Что такое **сословие**? Нация, по различию условий жизни, по многообразию ее требований, всегда распадается на **слои**, неодинаковые по условиям жизни, а потому представляющие известные различия и в своем быте, в своих привычках, в том, что составляет сильнейшие и слабейшие их стороны.

* Пазухин А. Д. Современное состояние России и сословный вопрос. – М., 1885.

** К этому вопросу, в сущности, ближе всего подходит полицейское право, на котором, однако, тяготеет его подчиненность общим идеям государственного права, а стало быть, и всем неясностям этих идей.

Назовем эти слои **классами**, термином, более понятным публике*. Это распадение на слои не есть какое-либо «исчезающее» явление, не есть что-либо свойственное одному лишь периоду развития, а явление **всегдашнее**, вечное. Никогда это расслоение не было сильнее, нежели в настоящее время, когда культура значительно усложнилась в сравнении с предшествовавшими веками. Не касаясь Европы, где это еще более заметно, нежели у нас, укажу несколько образчиков из русской действительности. Мы на бумаге имеем одно крестьянское сословие. Но вникнем в действительную жизнь этого сословия и увидим, что оно давно распалось на много слоев, существенно различных. Чисто земледельческое население с примесью кустарно-промышленного труда, то есть именно **историческое** крестьянство, теперь охватывает лишь часть крестьянского сословия. Население горно-промышленное различается от него уже весьма существенно. Население фабрично-промышленное еще более, так что в настоящее время уже почти нет такой **государственной** меры, которая была бы **одинаково** нужна и полезна для всех слоев этого некогда единого сословия. Напротив, нередко те меры, которые выгодны для крестьянства фабричного, могут быть невыгодны для крестьянства земледельческо-кустарного. Со своей стороны, эти различные слои так называемого крестьянства уже не могут **одинаковым способом** служить государству, и хотя из каждого можно извлечь государственную пользу, но **различными способами**. Укажу точно так же на современное **дворянство**. То, что было историческим дворянством, то есть сословие земледельческо-служилое, ныне охватывает лишь небольшую долю дворянства, другие слои которого не имеют не только ничего общего с исторической идеей сословия, но по всем своим интересам прямо враждебны ей. Такова вся бюрократическая часть его. Здесь опять нет ни одной государ-

* Терминология, конечно, дело вполне условное. В дальнейшем изложении я принимаю слово «класс» как обозначение естественного слоя (экономического или иного происхождения), а слово «сословие» – как обозначение того же слоя, то есть класса, но уже получившего государственные функции.

ственной меры, которая могла бы быть полезна **всему** слою, числящемуся в сословии дворянском, и разные его слои лишь совершенно различными способами могут быть полезны государству. Соединенные вместе, эти слои совершенно не способны жить **единой** сословной жизнью и взаимными противоречиями только подрывают ее. Далее. Класс **промышленный** представляется в виде **купеческого** и **мещанского** сословий, но точно так же совершенно не вмещается в них и давно расслоился более сложно. В области труда умственного давно явились резко обозначенные слои, которые даже живут совместной жизнью и невольно, а отчасти сознательно, стремятся ко внутренней организации.

Нельзя сказать даже, чтобы эти новые слои не входили в обязательные отношения к государству, но это происходит несистематично, как бы против воли их самих и государства, не только без достаточного сознания взаимного единства, а даже со взаимными опасениями, как бы не подорвать общественной свободы, как бы не подорвать государственного авторитета... В этом-то разрыве государства и общественных слоев заключается характер современности, а вовсе не в том, чтобы исчезло расслоение общества.

Прежде всякий социальный слой, как только он обозначался в своей отдельности и особенности, становился основой **государственного** строения. Он привлекался к служению государству на основании тех своих свойств, которыми мог бы быть государству полезен. С другой стороны, он, именно как слой, получал государственное о себе попечение. Его жизненные свойства получали опору в государстве. Таким-то образом «класс» – **социальный слой** – становился **сословием**. Сословие есть не что иное, как **государственно признанный и в связь с государством поставленный социальный слой**.

Если теперь говорят о бессословности, то это не значит, что нация перестала расслаиваться, а значит только то, что **государство** не дает этому расслоению своей санкции, игнорирует его в своих политических построениях.

Почему это происходит? Без сомнения, от ослабления общей идеи устройства, осмысливающей государственную жизнь, помогающей государству быстро и удачно угадывать свой долг в отношении явлений национальной жизни. Старое государство повсюду связывало себя с жизнью нации. Организация общественная **поэтому** становилась орудием организации государственной под единым объединяющим началом Верховной власти. Абсолютистская идея разобщила государство и общество. При своей претензии вобрать нацию в себя новое государство в действительности стало лишь вне нации. Перестав составлять две неразрывно связанные стороны одной и той же национальной жизни, государство и общество приходят даже к антагонизму, завершенному ныне уже появлением идеи **анархической**. Эта идея **бессловности** государства в обществе все сильнее **раслаивающемся** принадлежит к числу больших опасностей современной жизни. Она не только ослабляет государство, но без сомнения допускает общественное расслоение доходить до ненормальности, болезненности. Последствие мы уже видим в том, что ныне уже **классовые** интересы становятся живее и упорнее, нежели не только государственные, но даже национальные.

Между тем любопытно отметить, что сама идея бессловности явилась не вследствие уничтожения расслоения нации, а, напротив, как идея еще нового слоя ее – слоя **бюрократического** и **политического**, который, устраняя нацию от непосредственной связи с государством, взял на себя функцию **представительства** государства перед нацией и нации перед государством. Это то самое «средостение», на которое и у нас немало жаловались. Однако же в идее монархии лежит именно **непосредственная** связь с нацией. Пока в нации жив монархический дух, она всегда смотрит на всякие помехи этому как на злоупотребление, всегда стремится «дойти до самого царя», в котором точно так же встречается стремление быть в личном, непосредственном общении со своим народом.

XXXVII

Задачи осведомления и общения власти и народа. — Значение сословности.

Задачи **осведомления** и **общения** с нацией достигаются для Верховной власти тем легче, чем долее находятся **на виду** все наиболее деятельные силы и люди нации, а это опять лучше всего там, где энергичнее и свободнее происходит группировка нации на слои, корпорации, общества, в центре которых сами собой обозначаются наиболее способные и типичные выразители национальной работы. Находить и видеть их для Верховной власти всего легче и удобнее тогда, когда она соприкасается с этими группами на самом деле **управления** страной. Это же, в свою очередь, достижимо именно при идее **сословного** государства, то есть когда естественно образующиеся национальные слои становятся сословиями, обращаются на государственную службу теми своими сторонами, которые к этому пригодны. Само собой ясно, что не один земледельческий или землевладельческий слои способны служить государству и получать сословный характер, а всякий крупный слой народный. В старину умели обращать на государственную службу даже бродяг и разбойников-казаков. Если этого не делается с новыми слоями, то не по непригодности их к такой роли, а по ослаблению самой устроительной идеи. Но по внутреннему смыслу своего принципа монархическая власть стремится именно к такой постройке государства.

Государство, «государственный союз», есть лишь завершение, а не упразднение национального. Государство лишь связывает воедино, проводит до общего центра нити национальной работы. В этом вся его роль и значение. Если нет национальной работы – не из чего создавать и государство. Наоборот, чем оживленнее национальная жизнь и национальное расслоение, тем необходимее государство как

обязательная, объединительная организация. Его исходными пунктами поэтому являются естественно сами национальные слои, которые, во-первых, своей работой указывают, в чем потребна обязательность, во-вторых, в своих центральных пунктах являются готовой служебной силой для государства. Лишь там, где кончается эта слоевая организация, необходимо создание организации чиновнической, но там, где есть живой национальный слой, пригодный для государственной работы, излишне создавать другой, искусственный, который, не будучи необходим, даже делается вреден, потому что является конкурентом национального слоя и невольно подавляет его.

Естественно видеть, что начало власти, выражающее самый **дух нации**, особенно охотно ищет свои государственные орудия там, где они создаются **национальной же работой**. Оно дает этим слоям сословный характер, обращает их на службу государству и лишь промежутки между ними заполняет искусственной бюрократической организацией. При этом государственная организация на многих пунктах является неразрывно связанной с нацией, и из сословной службы черпает лучший персонал даже для службы бюрократической. Таким образом, получается наиболее дешевая, наиболее национальная государственная организация, наиболее способная сознательно исполнять предначертания Верховной власти, проникнутой тем же национальным духом. С другой стороны, эта государственная организация наименее способна превращаться в то опасное бюрократическое «средостение», которое отделяет Верховную власть от народа почти с той же силой, как парламентарное «средостение» профессиональных политиканов.

Таким образом, для единоличной власти необходим развитой социальный строй. Он составляет естественное дополнение монархии, и даже ее необходимое условие точно так же, как сама монархия, является естественным дополнением развитого социального строя, настоящим «увенчанием здания» его.

XXXVIII

Аристократический и демократический элементы в монархическом управлении.

Построение государства на самых национальных слоях, на данных, создаваемых социальным строем, имеет своим дальнейшим последствием возможность удобной комбинации в управлении элементов **аристократического и демократического**.

Известно из истории всех процветающих монархий, как охотно монархическая власть допускает оба эти элемента в управление, как ищет их, стараясь даже создавать их. Только абсолютистская идея изменяет этому правилу, стараясь, наоборот, устранить отовсюду массу народа попечением чиновника и администрации и уничтожить аристократию в пышном бездействии куртизанства. В нашей истории не обошлось и без влияния абсолютистской идеи. Но, вообще говоря, как правило, все низшее управление у нас целые века было пропитано и доселе остается пропитанным демократическим элементом, тогда как высшее столь же сильно опиралось на элемент аристократический.

Внутренние причины этого совершенно понятны. Низшее управление есть конкретное приложение идей, вырабатывающихся в высшем. Масса же народа всегда бессильная в **предвидении** последствий всякой общей идеи, есть, однако, лучший судья последствий ее совершившегося конкретного применения. Приносит ли принятая мера облегчение или ухудшение – суждение об этом массы есть результат непосредственного ощущения, которое вернее всего, конечно, у того, кто испытывает принятую меру на самом себе. Демократический элемент, столь ничтожный в роли Верховной власти, мало способен и в роли высшего управления. Но он имеет свои незаменимые достоинства в деле управления низшего.

Нельзя не заметить при этом, что характеристической чертой этого привлечения демократии к управлению является при господстве монархии то, что демократия допускается к управлению все-таки не в состоянии толпы, а в состоянии организованных групп. Демократия при этом по возможности **аристократизируется**. Ее выразителями являются «лучшие люди», представители социальных групп, а не простого численного большинства. Сверх того, никогда монархическое начало не остается при этом и без своих непосредственных агентов в виде **контроля** управления и принятия мер принуждения к действительному исполнению закона.

Подобно тому, как элементы массы народа обычно участвуют в низшем управлении, в управлении **высшем** столь же обычно присутствие **аристократии**. Как демократия снизу, так и аристократия сверху не допускаются до узурпации правительственных органов. Мы знаем и у себя в истории эпохи жестокой борьбы с аристократическим элементом, выходящим из рамок естественных при монархическом начале. Но, обеспечив государство от этой опасности, монархия обычно строит высшие органы управления по преимуществу из аристократических элементов. При этом достигаются действительно очень важные выгоды, так как аристократия, вообще говоря, при сколько-нибудь нормальном состоянии представляет наиболее зрелую политическую и социальную мысль страны, ее опыт, ее традицию. Во многих отношениях она незаменима в области высшего управления, так как, вообще говоря, никакая личная гениальность не представляет стольких гарантий для **государственной** разумности меры, как традиционный опыт, представляющий собой гений прошлого, освобожденный от всяких личных увлечений.

Такая система управления может считаться **естественной** при монархической Верховной власти. По степени сохранения народа и монархического начала в здоровом состоянии политический строй монархий обыкновенно представляет различные комбинации в смысле обрисованной выше схемы. Без сомнения, по внутренней потребности в такой системе

управления монархическая Верховная власть всегда так заботится о поддержании **социального** строя, необходимого для нее. В этом монархия резко отличается от демократий, правительство которых обыкновенно самым равнодушным образом относится к социальной дезорганизации. Это понятно, ибо никакая социальная дезорганизация не уничтожает народ как численную массу, как толпу, а следовательно, не подрывает демократической Верховной власти, а даже наоборот, скорее обеспечивает ее. Чем более организован народ в социальном смысле, тем более ограничивается сила простого численного большинства личными и групповыми авторитетами. Для монархии, напротив, эта внутренняя организация, заставляющая авторитет численной силы ступешевываться перед авторитетами нравственными, составляет наиболее удобную почву действия.

XXXIX

Право и свобода. — Их оттенки при различных основах Верховной власти. — Демократическое построение обязанности на основе права.

Предшествующие главы показывают, что **способы действия** различных начал Верховной власти в достижении общей цели этой власти неодинаковы. Но наблюдение показывает также, что это различие простирается гораздо глубже, давая очень не одинаковые оттенки понятиям **свободы, права, обязанности** и государственной жизни.

Нам необходимо остановиться несколько на этих различиях, неизбежно отзывающихся на правовых отношениях вообще.

Выше было замечено, что государство вообще является высшей охраной **права и свободы**. Это совершенно понятно. Государство устанавливает **обязательные** нормы гражданской жизни, а следовательно, ограничивает свободу каждого,

но этим самым ограничивает возможность каждого стеснять свободу другого и, стало быть, в этих размерах обеспечивает ее для каждого. Так устанавливается, если мы припомним выражение Б. Чичерина, **разумная** свобода, сообразованная с задачей не мешать чужой свободе.

Государство в этом случае является охраной свободы личности не только в отношении других личностей, но и в отношении **общества**. Как член общества, каждый человек живет в одной или нескольких его группах, внутри которых имеет свои права, но точно так же испытывает известное подчинение. Это подчинение – семейное, корпоративное, сословное могло бы переходить необходимые границы и доходить даже до подавления личности, если бы государство не ставило для него рамки, сообразованные не с одними целями данной группы или сословия, но целями совокупной национальной жизни. Такая охрана личности от посягательств общественных групп особенно важна для свободы, и только с ней воспитательное значение общественной среды, сохраняя все свои ценные стороны, утрачивает опасные, способные подавлять личность. Государство в этом отношении, как и в других, является необходимой достройкой общественной организации.

Таково же его значение относительно **прав** личности. Собственно говоря, **право** только в государстве и получает вполне выясненную формулировку и точное обозначение.

Говоря о **свободе** и **праве**, мы входим, однако, в область, где многие принятые взгляды далеко не согласуются с тем освещением вопроса и с теми поправками, которые были бы необходимо привнесены при научной разработке **монархического** начала Верховной власти. Дальнейшее рассуждение, недостаточное, без сомнения, для **разрешения** вопроса, стоящего перед наукой, достаточно, однако, кажется, для доказательства его существования.

Что такое **право**? Оно обыкновенно тесно сливается с понятием о **свободе** политической и гражданской. Право понимается как юридическая формулировка тех полномочий, которые личность имеет в государстве и обществе для поль-

зования своей свободой. Обязанности, формулируемые законом, наоборот, выражают, по этому мнению, все, чем личность жертвует в своей свободе в пользу общества для получения в остальной части свободы правовой ее охраны.

Под этим лежит, очевидно, в сознательном или скрытом состоянии та идея, что личность, сама по себе, мыслимая вне общества, есть некоторое абсолютно свободное существо, в обществе же встречает уничтожение своей свободы; установление **прав и обязанностей** является разрешением этого противоречия личности и общества.

Критика этой точки зрения создала бы особую обширную тему, которая слишком далеко отвлекла бы нас от вопроса о собственно монархическом начале власти. Но рассмотрение монархического начала власти в его отношении к праву и свободе приводит к заключению, что в теоретическом определении этих понятий может лежать и некоторая совсем иная основная точка зрения.

Согласно с приведенным взглядом, **право** как выражение свободы есть основной элемент; **обязанность** же как общественное ограничение свободы – элемент производный. Нет права без обязанности, нет обязанности без права: это положение более или менее признано. Но строится ли право на обязанности или, наоборот, обязанность на праве, существует ли право как последствие обязанности или обязанность как последствие права?

Это вопрос далеко не праздный. Конечно, государство исторически возникает, во всяком случае, в такое время, когда нет личности вне общества и когда, стало быть, обязанность и право уже связаны неразрывно. Но работа нашего духа сообразуется не с исторической эволюцией фактов, а с их внутренним смыслом. Личность могла фактически никогда не существовать вне общества. Договора между личностью и обществом как исторического конституционного акта могло никогда не быть. Но дело в том, что личность как прежде, так и теперь непрерывно **сознает** себя существующей не только в обществе, но и **вне** его; личность теперь, как и всегда, каждую минуту

заключает в своем сознании договор с обществом, то одобряя свои отношения к обществу и общества к себе, то возмущаясь против них и пытаясь их изменить*. Это есть тоже факт психологический и исторический, под влиянием которого создается и изменяется юридическое право. Таким образом, в нашем политическом творчестве вопрос об отношении права к обязанности имеет совершенно реальное значение, и от того или иного его решения в нашем сознании государство и общество строятся совершенно неодинаковым образом.

Вот на этом пункте мы и замечаем существенное различие в идее монархической и демократической.

Когда в государственном сознании нации господствует **демократическая** идея, Верховной властью является **масса**, народ, сила численная, количественная. Личность сознает, что она в обществе имеет известные выгоды и подчиняется обществу не только по необходимости, а даже добровольно. Но все-таки она подчиняется народу как некоторой внешней силе, подчиняется не своей собственной идее, а идее чужой, за которую стоит в государстве народ, хотя бы личность с ней и была бы совершенно не согласна. Здесь государственная обязанность принимается как **уступка** некоторой необходимой силе, хотя бы незловредной, но все-таки **чужой**. Уступка эта делается для сохранения той доли своей свободы, которая окажется возможной, а следовательно, охотное согласие принять обязанность обуславливается в личности тем, сколько за это дадут прав. Таким образом, в сознании личности ее **право** является основой, ее **обязанность** лишь последствием.

Из такого отношения права к обязанности вытекает другое важное последствие, а именно столь характерное для демократий стремление к **общему равенству**. Идея равенства при демократической государственности является совершенно необходимо и неустранимо.

И в самих демократиях только самые глупые люди могут не понимать, что люди в действительности ни в чем не равны.

* Весьма интересны по этому предмету соображения Фулье, на которых я не останавливаюсь более подробно только по недостатку места.

Но дело не в том. Основой права для личности при демократической Верховной власти является стремление сохранить свою свободу. Как способность к свободе, так и напряженность стремления к ней совершенно не одинаковы. Но никакого объективного **мерила** для этого чисто субъективного стремления нет у демократической Верховной власти, которая есть власть не разума, не какого-либо нравственного идеала, а только **силы** численной. Для такой Верховной власти все отдельные личности являются только единицей счисления, а потому совершенно равными. У всех них основой обязанности является стремление к охране свободы. Велико оно или мало, но оно есть у **всех**, и если на нем строится право, то в юридической формулировке, за отсутствием объективного мерила, можно остановиться только на признании его у всех одинаковым. По крайней мере, для государства оно одинаково у всех, ибо все только на основании этого своего стремления соглашаются принимать обязанности. Таким образом, права всех признаются **равными**, а так как обязанности истекают из права, то и обязанности могут быть лишь **одинаковыми**.

Потому государственная идея демократии постоянно, с древности до новейших времен, неудержимо становится идеей не столько охраны прав и свободы, как идеей **уравнения** прав и обязанностей. Действительное неравенство людей по их способностям, по их общественной роли, по их стремлению к свободе – все это стирается перед юридической идеей уравнения, которая при достаточном развитии начинает делаться даже явно несправедливой и притеснительной, так как ее средние доли прав и обязанностей решительно не соответствуют фактическому состоянию способностей, заслуг и общественной роли людей. Миллиад объявляется заслуживающим изгнания только потому, что превысил среднюю степень «справедливости»¹, а на рассвете современной демократии раздалось заявление, что ученые не нужны для республики и что «наука аристократична».

На этой ступени развития демократическая идея уже является губительной для общества, и уравнительная тенден-

ция демократической Верховной власти находит поправки только в сопротивлении элементов аристократической и единоличной власти, упорно воскресающих в области **управления**, где они, по-видимому, неистребимы. По крайней мере, история, если не ошибаюсь, не представляет примеров демократии, успевшей совершенно заглушить в управлении элементы единовластия и аристократии, порождаемые социальным строем вопреки тенденциям строя государственного. Чаше встречаются примеры того, что эта опасная тенденция демократической Верховной власти вызывает попытки переворота для водворения на ее место монархии или аристократии.

XL

Монархическая установка права на основе обязанности.

Распределение прав и обязанностей в государствах монархических уже на первый взгляд ясно представляет гораздо более сложную картину. Права политические особенно не одинаковы, разница есть даже и в гражданских. В первое же воскресение монархической идеи при Наполеоне I, **несмотря** на сильнейшее влияние уравнительной идеи революции является признание неравенства, так что старые якобинцы упрекали императора «в восстановлении всего, за уничтожение чего они проливали кровь». Сознание фактического неравенства людей и стремление с ним сообразоваться в правовых отношениях кажется нераздельным с самой идеей монархии.

Анализируя внутренний смысл права, выдвигаемого монархиями, приходится остановиться на мысли, что при монархической идее Верховной власти право **истекает из обязанности**, совершенно обратно тому, как замечается в демократиях. Исключение представляется лишь в правовых

построениях абсолютизма, который, подобно демократии, также стремится к всеобщей уравнительности. Но мы уже замечали внутреннее родство идей абсолютизма и демократии. Концепция Верховной власти у них совершенно одинаковая, и разница сводится к пониманию не существования власти Верховной, а лишь ее **носителя** (depositair'a – хранителя). Существование власти одно и то же, а носителем ее считается в одном случае король, в другом – масса народа. Но абсолютизм и есть компромисс между демократией и монархией, внутреннее падение монархии при сохранении ее внешней формы.

В чисто монархической идее правовое построение, напротив, показывает, что право строится ею на обязанности. Если мы вспомним хотя бы вышеприведенные представления о государственной власти, создавшие Верховную власть России, то мы, кажется, поймем, что идея права и не могла складываться иным путем при том типично монархическом мирозерцании, которое господствовало у нас.

Прежде всего, **Верховная власть** не являлась противопоставлением личности, не была для нее властью какой-то **посторонней** силы, а являлась властью собственного нравственного идеала личности. Конкретный Носитель Верховной власти являлся облеченным ею от самого Бога, и притом как **обязанностью**. В отношении такой власти не могло являться никаких опасений, по существу, не могло быть никакого договора, никакой охраны **своих** прав, ибо Верховная власть сама по себе являлась высшим выражением попечения Бога о мирских интересах людей, выражая собой то, что одинаково принадлежало и личности, и нации, их общий **нравственный идеал**. Это была **власть правды**, а не силы. От правды себя не защищают, а, напротив, в ней видят свою защиту.

В самой Верховной власти право истекало уже из **обязанности**, из **миссии** ее. Только для исполнения этой миссии, для возможности исполнять обусловленные ею обязанности Верховная власть получила свои **права** и не от людей, а от Бога. Не людям, стало быть, принадлежало определение

границ этих прав. Нравственно же религиозная идея, разделяемая нацией, и выражавшая, по ее вере, Волю Божию, ограничивала права Царя не правами подданных, а только их **обязанностями** высшей категории, а именно: обязанностями их в отношении Бога. Никаких других прав подданных в отношении Царской власти не знает эта идея, кроме тех, которые даются нашими обязанностями в отношении Бога. Повиновение Верховной власти кончается только там, где она требует неповиновения Богу, то есть, другими словами, где она сама нарушает свою обязанность. Как у власти, так и у подданных **право в основе определяется обязанностью**.

С этой точки зрения, **право есть только формула условий, необходимых для исполнения обязанности**.

Такая основная правовая идея должна была затем отразиться во всем дальнейшем развитии права, в устроении социальном и государственном. Различие этого типа власти, основываемой на нравственном идеале, от власти, основываемой на демократическом факте силы, очень резко.

Что такое, например, *patria potestas*¹ (отечество)? Это **сила** – огромная, неприкосновенная, но только сила, и она-то составляет **право**. Наоборот, отческая власть по православному мирозерцанию основана исключительно на **обязанности** лица, указываемой нравственно религиозным идеалом. Это право, освящаемое силой Божественной, но мотивированное необходимостью исполнять обязанность и только для исполнения ее данное.

Каковы наши личные права при столкновении с другими людьми? С точки зрения религиозно-нравственного мирозерцания, в сущности, никакие. Мы имеем **обязанности**. Они указаны очень подробно. Прав же мы в отношении один другого никаких не имеем, и если они являются, то лишь как следствие **обязанности** других людей относительно нас. Я требую не своего **права**, а исполнения в отношении меня **чужой обязанности**. Если я в чем-либо должен **не уступить**, то опять именно **должен**; я охраняю не свое право, а исполняю обязанность. Эта точка зрения общая, основная. Право явля-

ется лишь последствием обязанности и результатом взаимных обязанностей. Когда эта религиозно-нравственная точка зрения создает, наконец, идею **Верховной власти**, то через нее переходит естественно и в строение права политического и гражданского. Верховная власть, сама построенная на обязанности и не имеющая других ограничений, кроме обязанностей, налагает ту же печать на государство. Вследствие того во всем правовом строении должно явиться стремление не к уравнительности, не к одинаковости, а к **справедливости**, к ответственности прав с обязанностями, что мы и действительно замечаем как типичную черту монархически создаваемых юридических отношений.

XLI

Контроль подданных. — Ошибочность идеи Блюнчли. — Истинное место контроля. — Основа права на обязанности.

Применение принципа **справедливости** к установке права, а тем более к его приложению на практике, без сомнения, составляет задачу более сложную и трудную, чем применение принципа **уравнительности**. Поэтому в монархии власть для уверенности в успешном осуществлении своих задач даже более, нежели в республике, нуждается в том, чтобы существовал **контроль нации**. Здесь мы приходим к очень важному вопросу государственного права. Этот контроль нации в государственном праве выдвигается иногда даже как самая основа народной свободы. На рассмотрении этой идеи должно остановиться подробнее.

Блюнчли, очевидно, совершает ошибку, когда говорит о контроле подданных над Верховной властью. Контроль подданных над Верховной властью мыслим **нравственно** и в таком смысле существует везде. Цель его есть, однако, лишь удостоверение нации в том, **существует или не суще-**

ствуе^т в ней Верховная власть, то есть остается ли она верна своей идее. Но никакой **юридический** контроль над Верховной властью невозможен и по существу есть абсурд. Так, например, в самой развитой республике гражданин, коль скоро удостоверятся, что принятая мера есть действительное выражение демократической Верховной власти, принужден смолкнуть **юридически**, если бы даже мера представляла собой верх нелепости. Можно **апеллировать** к самому же народу, говорить, писать, стараться его переубедить, но и только. Немыслимо иметь никаких учреждений, которые могли бы отменить решение Верховной власти, ибо это составляло бы создание на ее место некоторой иной Верховной власти. Итак, контроль над действиями собственно Верховной власти мыслим лишь **нравственно**. А затем всякая мера Верховной власти *eo ipso* (этим самым), то есть потому, что есть мера **Верховной** власти, юридически **законна** и, следовательно, никакому дальнейшему контролю юридически не подлежит.

Но, отбросив идею контроля над Верховной властью, нельзя не признать, что в принципе, выдвигаемом Блюнчли, есть нечто совершенно верное.

Блюнчли старается ввести элемент свободы в самую классификацию государственных форм. Кроме **образа** правления, говорит он, характер государства определяется **правом** подданных, и на этом основании он делит государства на **несвободные**, **полусвободные** и **свободные**. К первым причисляются государства, в которых не существует **контроля** подданных над действиями власти; полусвободные суть все, в которых контроль допускается для меньшинства, а свободные – в которых контроль принадлежит **всему народу**.

Эта задача – обеспечить существование контроля со стороны подданных – совершенно реальна и настоятельна, если речь идет о контроле действий **правительственного механизма**, то есть относится к области управления (а не к самой Верховной власти). Достижение ее, однако, не при

всех формах Верховной власти устанавливается одинаково: это опять такой пункт, который нынешним государственным правом совсем не разработан, а между тем он существенно важен.

Условия, необходимые для существования такого контроля со стороны тех, кто испытывает на себе применение мер, то есть подданных, состоят в следующем. Необходима легкость сравнения того, что есть, с тем, что должно быть. Это достигается установкой закона, определяющего, что должно быть, и рядом условий, облегчающих осведомление подданных о **применении** закона. В числе этих последних условий находятся все способы, которыми достигается осведомление общества с положением государственных дел, – **гласность** отправления их, доступность **суждения** о них устного и печатного и т.п. По прямому смыслу монархического принципа подданные несомненно должны иметь в этом отношении ряд **прав**. Славянофильская школа была совершенно права, когда усматривала в Древней Руси существование свободы мнения и суждения и признавала ее принадлежностью нашей монархической идеи. Но все эти права подданных, определяемые с точки зрения монархической идеи, должны складываться совершенно иначе, чем по идее демократической. Это уже, мне кажется, славянофилами совершенно не сознавалось. С точки зрения демократизма, это суть права **прирожденные, неотъемлемые**. Они принадлежат личности не потому, что ей даны государством, а потому, что личность в своем договоре с государством ими **не поступалась**. При идее монархической во всем, что касается государства, такие права **даны** и могут быть отменены. Эти права – наблюдения над действием управления, суждения о нем устного и печатного – собственно как **права** даны Верховной властью для исполнения **обязанности** подданных помогать ей в ее трудах на их благо. Такая обязанность, вытекающая из самого смысла монархической власти, ясно сознавалась у нас с древнейших времен в тех требованиях, которые цари предъявляли всем без исключения подданным.

Это не одно требование **повиновения**, но принципиального **содействия**. Оно выражено в присяге на верность Государю, **обязательно** приносимой не тем, кто этого хочет, а именно **по обязанности подданного**. Присягают, во-первых, в **верности и повиновении**. Но каждый сверх того обязуется клятвенно: по крайнему **разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять** все права и преимущества, принадлежащие **Самодержавию, силе и власти** Государя. Но и это еще не все: обязуются **способствовать** всему, что может касаться верной службе Государю и **государственной пользе**. Обязуются не только **благовременно объявлять** обо всем, что может принести вред, убыток и ущерб интересам Государя, но все это **«всякими мерами отвращать и не допускать тщаться»**. Здесь **подданный**, повинующийся – и гражданин, деятельный участник не разделяются, а непрерывно сливаются. Присяга прямо объясняет, что именно **«таким образом»** поступать значит **«вести себя и поступать как верному Его Императорского Величества подданному благопристойно есть и надлежит»**. Именно в том, таким ли образом поступал подданный, он даст ответ **«перед Богом и Его судом страшным»**.

Так гласит это замечательное произведение Петра, произведение, в котором он был вдохновлен уже не теориями Гуго Гроция, не Гоббсом, а чисто Царским проникновением в дух своего принципа власти.

Итак, подданный монархической власти, как гениально выразился М. Н. Катков, имеет **больше, чем политические права, он имеет политические обязанности**. Выражение это освещает истинно молнией дух Самодержавной власти. Подданный имеет политические обязанности и для исполнения их облекается **правами**.

Ясно отсюда, что его права не могут иметь такого **характера**, как демократические. Если подданный имеет право присутствовать на судебном заседании, то никак не для устройства из этого спектакля, не для развлечения. Гражданин демократической республики имеет **право** пойти в

судебное заседание совершенно так же, как идет в трактир или цирк. Никаких обязанностей на него это не налагает, кроме разве обязанности не чересчур громко шуметь, чтобы его «свобода» не стесняла «свободы» судей в разбирательстве дела. По смыслу нашего права, публика может присутствовать на заседании, но только с той же серьезностью, с тем же вниманием к происходящему, как сами судьи, сами присяжные. Ибо публика допущена в зал тоже **для исполнения обязанности**, хотя и иной, чем обязанности судей или присяжных.

То же самое можно сказать относительно свободы слова и печати. Она составляет **право**, но всецело обусловленное **обязанностью**. Правда, что печать, как и многие другие явления, служит также примером противоречий, создаваемых нашей малой сознательностью и чрезмерной подражательностью. Не будучи собственным созданием русской жизни (по крайней мере, в сколько-нибудь развитом виде, ибо в зачаточных формах были и у нас), все отрасли публицистики явились к нам в своих европейских формах, то есть с идеей **свободы** в основании и с **обязанностями**, намечаемыми лишь вторичным порядком. Публицистика у нас почти не испытала воздействия русской идеи, но зато печать у нас и доселе остается каким-то странным учреждением, скорее **терпимым**, нежели занимающим **необходимое** место в государственной жизни. Лишь в виде чисто **лично-го** отношения Государей к деятелям печатного слова проявлялась русская идея. Так, известно отношение Императора Николая Павловича к Пушкину, Гоголю, Островскому, причем у последних Государь, между прочим, оценивал прямо **общественную** идею. В настоящее время Высочайший указ 13 января 1895 года¹ впервые ввел как **принцип**, что посвящение дарований и усиленных трудов на поприще науки, словесности и повременной печати – есть **служение Государю и отечеству**. Без сомнения, приложение этого принципа требует еще большой разработки, но очевидно, что он уже вводит и в область **свободы печати** ту самую идею

обязанности, которая характеризует русское понятие права повсюду, где оно сколько-нибудь «национализировалось», срослось с основными требованиями русского мирозерцания. Последствий можно предвидеть очень много. Очевидно, поскольку печать является орудием контроля нации над действиями управления, она ставится идеей **обязанности** в иное положение, нежели при идее **свободы**.

Право, рассуждая теоретически, здесь становится еще тверже, то есть оно должно быть тверже, оно менее отрицаемо, нежели при идее свободы, подлежит меньшим ограничениям, нежели при идее свободы, нарушение его **труднее**, ибо задевает не только частный интерес, но и государственный. Но зато установка этого права более сложна и связана с очень хорошо развитым социальным строем. Это общая черта такой идеи права. Что касается самой практики права (насколько оно соприкасается с общественным контролем управления), то она тесно связана с правом подданных апелляции к Верховной власти. В нашей истории бывало злоупотребление этим правом со стороны подданных чаще, чем отказ в нем со стороны власти. Здесь известны весьма резкие отступления от собственной идеи, как при том же Петре I, и еще более во времена крепостного права, чрезвычайно сильно испытавшего влияние европейских феодальных идей. В общей сложности, однако, право апелляции к Верховной власти очень твердо держалось в нашей истории, и притом отчасти именно как необходимое дополнение **обязанности** служения Государю.

Кроме всего, чем поддерживается **частный** контроль подданных над ходом управления, монархическая идея дает особенно могущественные средства общественному контролю в самом способе организации управления на основах социального строя. Управление этим способом приближается к нации так близко, становится так доступно наблюдению и оценке, как этого нельзя достигнуть никакими другими средствами.

XLII

Свобода. — Самоуправление. — Свобода личности.

Из предыдущего изложения видно, что способы осуществления и охраны свободы с точки зрения монархического начала представляются иными, чем при начале демократическом.

Вообще тот ряд условий, которые необходимы для существования в данном обществе свободы, распадается на две категории. Нужна, во-первых, свобода личности, во-вторых, **свобода** общественная. Свобода как в том, так и в другом случае состоит в возможности жить и действовать беспрепятственно, сообразно своей индивидуальности и задачам.

Верховная власть абсолютизма, как и демократия, создает в этом отношении **противоположность** между государством и обществом и различает **управление государственное**, с одной стороны, и **самоуправление** общественное с другой. Предполагается, что эти силы взаимно ограничивающие, то есть чем развитее «государство», тем уже «самоуправление», и наоборот. Чистая монархическая идея едва ли совместима с такими разделениями.

Рассматриваемое со стороны общества все государство есть не что иное, как окончательно довершенная организация **национального самоуправления**. Здесь нет противопоставления, есть лишь дополнение. Понятие о какой-то специальной охране общественной свободы здесь не может даже возникать, ибо все государства есть не что иное, как организация общественной свободы. Разделение между обществом и государством, а следовательно, потребность охраны общества от государства и обратно возникает лишь в такой степени, в какой организация управления противна монархической идее или несовершенно ее осуществляет.

Когда появляются между государством и обществом такие ненормальные ощущения взаимного отчуждения, это верный знак, что **бюрократия** заняла несоответственно широкое

место в управлении, вытесняя общество из государства и таким образом препятствуя Верховной власти находить государственно действующие силы в самой социальной организации нации. Но само по себе **самоуправление**, то есть предоставление Верховной властью общественным группам возможности непосредственно заведывать делами в пределах их компетенции, прямо вытекает из монархической идеи.

О свободе **личности** уже упомянуто отчасти в предшествовавшей главе. Само собой разумеется, мы рассматриваем лишь логику **принципа**. С этой точки зрения несомненно, что свобода личности в политическом отношении определяется не ее свободой участвовать в государственном устройении, ибо устройство государства принадлежит только Верховной власти. Но Верховная власть по самой идее своей не только допускает, а даже **обязывает** каждого по мере возможности ей в этом служить. Отсюда являются **права**, охраняющие свободу личности в отправлении ее обязанностей. Так как эти обязанности отправляются личностью по свободному усмотрению, то, конечно, они не могут быть подробно формулированы и предусмотрены в частностях. Посему есть целая категория **прав**, так сказать, суммарных, общедоступных, которыми пользуются по своему усмотрению. Такова свобода совести, слова, печати. Но если они **общедоступны**, то это не значит, чтобы они были бесконтрольны и неотъемлемы. Выше их носится нравственная **обязанность**, для исполнения которой дается право. Если же обязанность нарушается, то право может быть отнято или ограничено во всем, где данная **свобода** вторгается в жизнь государственную. Политические права, по идее монархической власти, не могут быть поэтому ни равномерны, ни безусловны. Они по мере практической возможности складываются **пропорционально** и **условно** применительно к **желанию и способности** личности действительно выполнить ту обязанность, во имя которой дается право.

Но если политические вольности личности не единообразны и не равномерны, то в своих **высших** проявлениях

они могут далеко превосходить ту **среднюю** степень, которую демократическое начало допускает **для всех**, а переходить которую не позволяет **никому**. Что касается **средних** размеров, они сообразуются при монархическом начале как выразители народного духа не столько с каким-либо отвлеченным принципом, как с правами и обычаями в сфере общественной; а в сфере религиозной – с учением Церкви*, так что более всего определяются развитостью самого общества.

XLIII

Консерватизм и прогресс — Различные свойства различных основ власти.

Мы видим, таким образом, что **единоличная Верховная власть** во всем строении государственном действует на несколько **иных** началах, нежели демократическая. Она охраняет и **свободу**, и **право**, но в совершенно ином построении, которое, однако, дает и свободе, и праву более прочные основания. То же самое должно заметить о так называемом **прогрессе**.

В настоящее время демократическая идея связывается с понятием о **прогрессе**, которому будто бы наиболее способствует. В другой книжке («Борьба века») мне приходилось более подробно рассматривать нереальность этого модного понятия и доказывать, что отвлеченные понятия **прогресса** и **консерватизма** в действительности должны быть заменены понятием **жизнедеятельности**, их совмещающей. Это здоровое состояние находит свое лучшее орудие именно в монархии, почему мы и видим постоянно, что величайшие страницы истории почти всегда тесно связаны с именами великих монархов.

* Вопрос о свободе воли вообще чрезвычайно сложен и требует очень подробного рассмотрения, которое слишком далеко отвлекло бы нас от вопроса о монархической власти. Откладываю более подробное изложение доготавливаемой мной работы «Об основаниях и условиях свободы».

Аристократия в качестве носителя Верховной власти имеет тенденцию неподвижности, консерватизма. Демократия, получая Верховную власть, приносит в нее все свойства ума толпы – подвижность, легкомыслие, увлечение, склонность следовать «по линии наименьшего сопротивления». Человеческая сознательность в направлении дел здесь сводится к своему минимуму. Переменчивость движения легко возрастает от того, что умами толпы и принимается за «прогресс». С этим «прогрессом» демократии успевают наилучше поставленные до них дела расстраивать на сотню или две лет. Монархическое начало, избегая обеих крайностей, в наибольшей степени привносит в ведение дел страны качество уравновешенного ума личности.

Нужно ли упоминать о способности монархии к преобразовательной деятельности? Этими примерами полна история, и в частности история России. У нас монархия явилась об руку с коренным преобразованием удельной системы. По объединении страны та же Верховная власть со времен первых царей (и особенно с Иоанна Грозного) почувствовала необходимость поднятия русского просвещения, причем ни единого раза не уклонилась от такой миссии, постоянно стоя об руку даже не со средней массой, а с наиболее выдающимися слоями деятелей русской культуры. Петровская деятельность в этом направлении отличается неукротимой страстностью революций, и если Россия при этом осталась на своих исторических устоях, то исключительно лишь потому, что этот нетерпеливый культурный переворот производился все-таки **Царем**, который мог ломать все, но не **свою власть**, помимо даже его воли лишь возрастающую среди окружающих обломков. Да и в ломке этой большей частью нельзя обвинять преобразователя, желание которого состояло не в ломке, а в том, чтобы, наоборот, «собрать разрушенные храмины».

Реформаторское время Александра II можно упрекать в чем угодно, но только не в смелости преобразований, причем нельзя не заметить, что и упреки все-таки приходится

делать более всего **русскому обществу**. Нельзя сомневаться, что при состоянии умов большинства, воспитанного идеями XIX века, реформа 19 февраля¹ была бы началом полной революции, если бы Верховная власть России не находилась все-таки в руках монарха, тогда как при этом условии ряд реформ, хотя большей частью с очень плохо выдержанным основным принципом, тем не менее освободил Россию от больших зол, не создав при этом другого **непоправимого зла**.

Не должно забывать, сверх того, что **никакая** Верховная власть не может дать более разумности, чем можно отыскать в **стране**. Верховная власть может вызывать к деятельности имеющиеся силы, может способствовать их возрастанию, но если их нет и когда их нет, **заменить** их отсутствия сама собой не может. Из ничего только Бог может создавать нечто. Если количество умных сил страны выразить числом 100, то **величайший** успех и заслуга власти состоит в том, что она дает разумного действия на сумму 100 единиц. Требовать, чтобы их оказалось 1000 в такую минуту, когда их имеется только 100, значило бы по лучшей оценке фантазировать.

Возвратимся, однако, к вопросу. Помимо всяких исторических примеров само собой ясно, что Государь не может иметь ничего против полезных преобразований. Напротив, все интересы его, все нравственные побуждения, все честолюбие даже скорее способны привести к исканию улучшений, к ускорению роста страны. Вообще увлечение преобразованиями даже более свойственно личности, чем увлечение неподвижным status quo. Но при этом в монархии также особенно сильно свойство сохранять нацию все-таки на ее **историческом** пути развития. В этом смысле охранительная способность монархического начала весьма своеобразна.

Оно получает при этом вид даже как будто совершенно самостоятельной силы, независимой от содержания сил нации. В действительности это явление лишь кажущееся.

Народ под влиянием стихийной заразительности массовых движений, под действием подражательности, увлечения, бессознательной гипнотизации чужой нервностью

весьма способен сходить **временно** с исторического пути развития, хотя именно в таком состоянии менее всего способен к какому-либо разумному преобразованию. В этих случаях монархическая власть легче всякой другой может становиться поперек дороги увлечению и переламывать общий поток. Почему это? Дело в том, что Монарх представляет **дух народа**. По династическому характеру и нравственной ответственности носитель монархической власти в эти эпохи общего увлечения является силой, наиболее способной противостоять случайному течению, а этим его пример, его голос **пробуждают** в нации ее природное историческое содержание и возбуждают таким образом стремление к верности историческим основам. Монархическое начало, таким образом, является орудием, помогающим нации не впасть в застой, но и не забывать основ своего развития, то есть именно оставаться в состоянии **жизнедеятельности**, здорового развития своих сил и обдуманного приспособления к новым условиям. Консерватизм и прогрессивность наиболее уравновешены в этом начале власти. Ни демократическое, ни аристократическое начало не могут даже приблизительно заменить монархию в обеспечении стране правильной и спокойной **эволюции**. Как во всем остальном, различные начала Верховной власти **не одинаково** направляют жизнь страны, но, как в других случаях, монархическое начало и в отношении движения страны вперед представляет орудие наиболее тонкое и надежное.

XLIV

Универсальность и совершенство Верховной власти. — Сравнительные свойства монархии. — Ее возможное будущее.

Сторонники «современного» парламентарного государства любят указывать на будто бы «универсальность» и

«совершенство» этого строя. Такие утверждения, в сущности, не имеют никакого ясного смысла. В отношении **всех** основных начал Верховной власти можно сказать, что они **универсальны**, то есть **при известных условиях** пригодны для каждой нации и столетия; но точно так же нет ни одного начала власти, которое было бы пригодно **при всех условиях**. В этом последнем смысле никакой «универсальности» в них не может быть. Если же «универсальность» измерять исторической мерой, то монархия, наиболее часто встречаемая у наибольшего числа наций при наиболее разнообразных условиях, конечно, по преимуществу заслуживает названия формы универсальной.

Что же касается **совершенства**, то в рассуждении о нем может быть две точки зрения. Во-первых, **совершенной** может быть называемая такая конкретная форма власти, которая наиболее разумно осуществляет **свой собственный** принцип. В этом смысле могут быть одинаково совершенны и монархии, и республики. Но во-вторых, совершенство форм власти мы можем измерять еще тем, насколько каждая из них удовлетворяет запросам наиболее высокой общественности. В этом смысле, конечно, наиболее совершенным должно быть признано монархическое начало.

Значение государства состоит в том, что оно дает место сознательному человеческому творчеству в широких пределах национального или даже (в идеале) всемирного союза. Но это творчество имеет своим источником силы частные, которые тем более деятельны, чем более верны каждая сама себе, своему основному принципу. Общее творчество, стало быть, тем более широко, чем свободнее и сложнее творчество частных сил. Государство поэтому совершенно тем более, чем более оно допускает в **общем** творчестве существование и действие сил частных, составляющих нацию или человечество, если оно когда-либо дорастет до такого единства. Более **совершенным** принципом **Верховной власти** является тот, который в наибольшей степени допускает в коллективном единстве существование и жизнедеятельность сил частных.

С этой стороны **монархия** в идее имеет все преимущества перед **демократией** и **аристократией**.

Монархия основана на Верховной власти **идеального объединяющего** принципа. Но Верховная власть **идеально-объединяющего** принципа не исключает, а даже требует действия частных подчиненных принципов. Наоборот, другие принципы Верховной власти имеют естественное стремление исключать действие других. Демократия, основанная на Верховной власти количественной силы, по существу, враждебна влиянию **нравственной** силы как в ее аристократических формах, так и формах единоличного влияния. Существование всякой нравственной силы само по себе подрывает значение силы численной. Демократия поэтому тяжело ложится на внутреннем творчестве нации. Монархическое Самодержавие свободно от такой тенденции. Оно, конечно, не допускает **преобладания** численной силы над нравственной, но, подчиняя значение большинства господству **идеала**, самим большинством разделяемого, Монархическое Самодержавие не уничтожает значения этого большинства, а только отнимает у него возможность быть тормозом развития целого общества. Таким образом, государство при монархической Верховной власти наилучше обеспечивает **качественную** сторону коллективного творчества.

Но Самодержавная Монархия наилучше обеспечивает также и **количественное** коллективное творчество, ибо особенно способно к объединению больших и разнородных масс. Один из недостатков демократии состоит в том, что чистое проявление народного самодержавия физически возможно только в государствах очень малых. Теперь вошло в моду делать упреки Руссо за то, что он будто бы проектировал республики в 10 тысяч человек. Руссо ничего такого не проектировал*, а совершенно правильно указывает только, что в сущности совершенная демократия возможна лишь в небольших общинах. Это, безусловно, верная мысль. Самодержавие

* Он же, напротив, сочувственно указывает Рим как образчик всемирной республики.

народа способно сохранить непрерывность и постоянство действия Верховной власти лишь при самых микроскопических размерах государства. Как только государство перерастает эти пределы, самодержавие народа должно прибегать к суррогатам: **представительству** или **диктатуре**. Но представительство есть уже искажение народного самодержавия, ибо не выражает той народной воли, которая существует в действительности (то есть **духа** народа), но задается невозможной задачей выражать такую народную волю, какой совсем не существует на свете, и в результате создает **правительство**, отрезанное от народа, то есть, стало быть, лишает **Верховную власть** (самодержавного народа) участия в **управлении**; это же управление всецело отдает в руки правящего сословия политиканов, составленного крайне плохо и об интересах собственно нации не заботящегося*.

Что касается диктатуры, то, будучи учреждением высоко целесообразным для отдельных чрезвычайных мер (в каковых случаях она одинаково практикуется и монархией), диктатура не может дать постоянного правительства иначе как в форме узурпации, упраздняющей все достоинства всех форм Верховной власти и соединяющей все их недостатки.

В то время, как демократия только искажаясь может охватывать более значительные территории и более многочисленные нации, монархия, напротив, черпает лишь новые силы от расширения области своего владычества. Чем больше эта область, чем сложнее проявляющиеся в ней силы частного творчества, тем более растет и уясняется **объединяющий** их идеал, который в слишком малом и однообразном государстве остается как бы дремлющим и не сознающим своего содержания. Пределы расширению Империи под властью Монархического Самодержавия устанавливаются только человеческой способностью иметь **общие** высшие идеалы.

Что касается аристократии, то в отношении **количественного** национального творчества она еще слабее демократии.

* Об этом см. подробнее в «Демократии либеральной и социальной».

Давая и количественно, и качественно более возможности развития нации, для обеспечения которого и возникает государство, монархии в такой же степени превосходят демократию в установлении прочности и единства правления. Ибо единства народной воли почти никогда не существует, а потому **Верховная власть** в демократическом государстве, **как правило**, имеет те недостатки (шаткость, переменчивость, неосведомленность, капризы, слабости), которые в Единоличном Самодержавии являются лишь **как исключение**. Единство воли в отдельной личности столь же нормально, как редко и исключительно в массе народа. В организации самого управления Монарх точно так же свободно и безопасно пользуется гораздо большим числом природных сил общества, чем демократия. В общей сложности можно сказать, что **Верховная власть** в лице Монарха даже в **средних** своих образцах действует более разумно и твердо, чем демократия высоких образцов.

При этих очевидных преимуществах монархии немудрено, что она составляла до сих пор как бы естественную норму государственной жизни человечества. В истории чаще всего мы встречаем именно ее, и величайшие эпохи национального творчества в большинстве случаев отмечаются именами монархов. Современные демократии (во Франции, в Америке) **обещают** изменить ход истории, но уж слишком плохо исполняют обещание. Все более, напротив, становится вероятным предположение, что и **современные** запросы народов не будут на самом деле удовлетворены, пока не дорастут до того идеального состояния, при котором способна будет и во Франции, и в Америке явиться **монархия** и совершить то, что неспособны сделать их демократии.

Трудность возникновения и поддержания монархии зависит лишь от того, что она требует присутствия в нации живого и общеразделяемого **нравственного идеала**. Если бы нации никогда его не теряли, человечество, быть может, не знало бы иной формы Верховной власти. Но в исторической действительности мы видим и борьбу, и смену этих идеалов, и крайнее

их помутнение, а это уже все условия, при которых монархическое начало или совсем невозможно, или неспособно развернуться во всем доступном ему совершенстве.

Будущее монархического принципа в современных культурных странах определяется, без сомнения, тем, какое окончательное направление возобладает в миросозерцании культурного мира. В этом общем процессе выработки миросозерцания свою значительную роль может иметь **политическая наука**. Если ее усилия направятся на серьезное, действительно научное наблюдение основных форм власти, монархическое начало, по всей вероятности, будет наукой снова выдвинуто как орудие спасения и развития современной культуры, подобно тому, как это уже было в античном мире после такого же периода господства демократической идеи.

НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕФОРМА

РУКОВОДЯЩИЕ ИДЕИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Дух нации рождает *руководящие идеи ее жизни*, которые мы должны знать, понимать и ими руководствоваться.

Народ далеко не всегда и не во всем сознает эти руководящие идеи, подобно тому, как человек далеко не всегда понимает свой характер. Бывает, что народ, особенно под влиянием ошибок руководящей образованной части своей, не только забывает те руководящие идеи, которые вытекают из его природы, но даже начинает воображать себя совсем иным, что он есть по природе. Это – моменты смут и расстройств, которые могут быть даже роковыми. В эти моменты сознательный гражданин и государственный человек должны еще внимательнее вдумываться в те руководящие национальные идеи, которые хотя и покинуты в данную минуту народом, но единственно способны вывести его на торный путь развития. Эти исторические руководящие идеи нужно особенно старательно напоминать народу в моменты заблуждений его сознания. В политике государственный человек должен в такие минуты особенно тщательно опираться именно на эти идеи – с полной уверенностью, что народ, всегда слабый в отвлеченной мысли, в конкретной мере лучше уловит то, что действительно соответствует его характеру, его внутренним эмоциям, и даст сознательно, или даже бессознательно, поддержку именно тем руководящим идеям, которые по наружности кажутся совсем затертыми смутой.

Следование историческим руководящим идеям означает для народа быть самим собой, не воображать себя чем-нибудь

другим, и в жизни социальной и государственной устраиваться по своему характеру, сообразно со своими качествами и свойствами. Это и есть величайшая мудрость политики.

Голос мудрости гласит человеку: «Познай самого себя». Тот же голос говорит гражданину: познай свой народ, устраивай его жизнь сообразно его свойствам. Тогда народ будет силен, здоров, крепок, и все его отношения внутренние могут слагаться сильно и крепко, – тогда он делается могучей силой и в отношении других племен и государств, получит притягательную силу для других, более слабых племен, получит силу и для занятия достойного места в международной жизни.

Покидая же следование историческим руководящим идеям, политика становится безыдейной, слабой, расстраивает жизнь народа и превращает его в жалкую игрушку внутренних соперничеств и в легкую добычу врагов и соперников внешних.

Эту первую обязанность гражданина, государственного человека и всего народа *Московские Ведомости* старались напоминать постоянно в своей публицистике.

Восстановление гегемонии Русского народа.

Со времен М. Н. Каткова основные принципы *Московских Ведомостей* было принято выражать старой формулой: «Православие, Самодержавие и Народность».

Как по личной вере, так и по теоретическим убеждениям, я считаю *религию* необходимой основой здорового существования личности и общества; христианство же, в чистейшем виде выражаемое Православием, одно способно присоединять нас к истинной религиозной жизни. В своих сочинениях (особливо в «Монархической государственности»¹) я подробно обосновываю свое убеждение в том, что *Монархическое Самодержавие* есть высший политический принцип, способный, при правильном построении, дать народу наиболее блага, порядка, благосостояния и свободы. Мне приходилось не менее ясно высказываться и относительно значения *национальности*, на которой единственно способны прочно воздвигаться общества и государства и которая одна порождает в нас идеи общечеловеческие.

Но исповедание общих принципов и даже борьба за них не исчерпывают задач серьезного общественно-политического органа печати. *Московские Ведомости* – не боевой партийный листок, но по своим традициям является органом исторического национального направления, которое, вытекая из глубины духа народа, не может не охватывать всех проявлений и потребностей его жизни. Служение всей полноте национальной жизни составляет обязанность такого органа печати. Участие в осуществлении всего необходимого для потребностей нации есть задача общественно-политического органа печати.

Невозможно было бы в кратких словах набросать ту сложную программу, которая открывается перед газетой, говорящей себе: «Я – орган русской национальной мысли, и никакие ее запросы мне не чужды». Лишь для обрисовки общего духа деятельности, которая открывается, по убеждению мое-

му, перед публицистом в условиях нашего времени, отмечу некоторые главнейшие пункты.

Конечно, недостаточно произносить слово «православие», а нужно непрерывно работать над тем, чтобы Православие и Церковь Православная оставались действительно животворящим элементом существования Русского народа. Мы переживаем теперь страшный натиск противоправославных стремлений, успех которых зависит не только от их собственной силы, а также от запущенности условий живого и энергичного действия Православия. *Московские Ведомости* будут поэтому постоянно стремиться поддерживать права Православной Церкви, необходимые для ее положения и значения в Русском государстве, охранять ее авторитет и вместе с тем содействовать тому, чтобы Церковь и внутри себя самой развила оживленную деятельную силу, в единодушии иерархии, священства и мирян.

В области политической для нас после революционного потрясения всех основ национальной жизни более чем когда-либо является необходимым «предостерегать и оборонять» все «к высокому Его Императорского Величества Самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества», как гласит присяга. Существование государственного авторитета, необходимого теперь в высокой степени, существеннейше от этого зависит. Этого требует благо Русского народа. Но и в этом отношении политический разум требует не одних слов, а действия, сообразного с целью, не подрывающего ее. Наши современные учреждения, недостатки которых мне приходилось столько раз указывать, нуждаются в многочисленных исправлениях, но для этого недостаточно простого отрицания, а требуется вдумчивая и серьезная работа. Нужно знать, куда идешь, нужно соображать условия, чтобы достигнуть лучшего, а не попасть в еще худшее положение.

Вообще, для нашего народа теперь требуется не метаться в нервных порывах, а разбудить свой трезвый, практический разум, которым он создал свое могучее государство.

Восстановление потрясенной гегемонии Русского народа в Империи, его историческими усилиями созданной, составляет теперь жгучую потребность времени. Но для этого нужно прежде всего быть достойным высокой ответственной роли, нужно быть духовно сильным и хотеть своего права. Без этого бумажные права не помогут. Между тем кто не вспомнит с горечью, до какой позорной степени у нас способно было в это время падать даже простое самолюбие и элементарнейшее чувство любви к отечеству? Не восставши из такого праха, не воспрянув душой, – что может значить, что может сделать какой бы то ни было народ?

Таким образом, пред всеми нами разворачивается обширная область трудов и усилий по пробуждению национального сознания, достоинства и силы. Воскресение родины и успешное служение своим идеалам требует непрерывного созидания и поддержания всего того, что необходимо для их реального существования. Без разумной подготовки почвы не вырастет никакой злак и не принесет пышного плода.

В этой области открывается ряд существеннейших задач. Наука, просвещение, культура составляют такие условия, без которых невозможно ни сознательное развитие государственных учреждений, ни служение Церкви в сложных обстоятельствах современности, воздвигающих против нее борьбу; невозможно без этого и правильное социальное устройство. Наука, просвещение и культура должны быть носителями знамени русских идеалов.

Они должны осветить перед народом и государственными деятелями те общие законы гражданственности, по которым национальная жизнь не способна развиваться и крепнуть без правильной внутренней организации народных слоев и их разумно поставленной связи с государственными учреждениями. Отсюда вытекают многообразные задачи самоуправления и представительства народных мнений, нужд и пожеланий... Наша современная жизнь полна вражды и борьбы из-за этих принципов. Но насколько разрушительно неправильное их применение, настолько же необходимы они в правильном

построении для жизни нации и крепости государства, особенно монархического.

Нельзя забывать и потребности материального существования народа. Они теперь так жгучи, так настоятельны, что в чисто практическом отношении их можно назвать чуть не первенствующими. Для современной России совершенно необходимо ублагоустроить быт фабрично-заводских рабочих и крестьянство в области земледельческого труда. Особенно отстали мы в области рабочего вопроса, который доселе у нас даже не изучен сколько-нибудь сносно. Между тем чем расстроеннее быт рабочих, чем менее обеспечено их материальное существование, тем привольнее разгуливает социалистическая пропаганда, уже доведившая Россию до таких «последних слов» революции, как всеобщая забастовка. Социализм угрожает всему миру гибелью культуры. Но для того, чтобы не давать хода заблуждениям, надо же делать что-нибудь реальное для улучшения жизни рабочих, надо помочь им стать сознательными и преданными гражданами Русского государства...

О сложностях крестьянского вопроса, который потребует еще столько усилий, излишне распространяться. Это всем понятно. Но зато приходится настоятельно подчеркнуть то обстоятельство, что все частные сословно-классовые материальные нужды требуют поднятия на должную высоту всей нашей национальной экономики. Нам необходимо во что бы то ни стало повысить свое производство и поднять производительность русского труда. Без этого никакими реформами не поможешь ни крестьянину, ни рабочему. Страна бедная, с относительно ничтожной производительностью, не способна и вообще быть достойным орудием мировой жизни. На почве же национальной экономики пред нами во всю высоту поднимается значение класса предпринимательского, торгово-промышленного – с одной стороны, и дворянства как главного представителя земледельческого капитала. Не подрывать способность дворянства к исполнению его экономической роли в области сельскохозяйственного производства, но повышать

ее, не вгонять торгово-промышленный класс в легкую область спекуляции, а всемерно направлять в дело повышения производства, – это необходимые задачи разумной экономической политики. Интересы труда и капитала постоянно требуют ее внимания и согласования.

В общей сложности социально-политическое устройство разворачивается перед нами в той сложности взаимодействия частей, которая характеризует все органические явления. Нужен крестьянин, нужен и дворянин. Нужен рабочий, нужен и предприниматель. Все они нужны для взаимных интересов и для всей нации. Сознание этой истины теперь со всех сторон подрывается ложными теориями и разгулом классового эгоизма, наполняя нашу родину междоусобиями борьбы классов. С этой болезнью приходится бороться всей силой убеждения и государственно-устроительного воздействия. Для всех разумных сил нации теперь нужно самым настойчивым образом, словом и делом, поддерживать сознание того коренного факта, что лишь стройное сочетание национальных сил в их совместной жизни дает основу общего блага, недостижимого борьбой классового эгоизма. Эта задача особенно лежит на обязанностях нашего дворянства как традиционного носителя государственных принципов, как сословия, значение которого основывается именно на этом.

Во всяком случае, идея гармоничного сочетания интересов сословий и классов составит одну из основных частей проповеди *Московских Ведомостей*.

На этом я и останавлиюсь в своем кратком наброске нашей программы. Не стану касаться международного положения России как природной посредницы между Западом и Востоком, являющейся на Западе поддержкой православных и славянских народностей, а на Востоке способной получать силу и значение лишь своей национальной культурой, наиболее понятной и сродной народам Востока.

Мне приходится спуститься с этих высот политики для скромного вопроса о непосредственных условиях действия *Московских Ведомостей* в настоящее время.

Я принимаю руководство газетой в эпоху тяжелую и смутную, когда потрясаются все наши исторические основы и страна раздирается борьбой партий. Нужно сразу определить пред читателями наше отношение к этим партиям.

По основным принципам нашим ясно, что все партии, так или иначе отрицающие и подрывающие русские национальные, исторические устои, могут встретить с нашей стороны только противодействие.

Это не означает вражды и ненависти в том смысле, какой проявляется у них самих во взаимных отношениях, как только они перестают объединяться совместной борьбой против национальной России. Напротив, мы рассчитываем всегда сохранить и в отношении их полную справедливость. Наш взгляд таков. Помимо ошибочности идей этих партий, их взаимная борьба нам представляется безысходной и ведет Россию не к созданию чего-нибудь стройного нового, а к постепенному распадению всех сил страны, заражаемой и деморализуемой их борьбой. Происходящая у нас междоусобица может быть прекращена только могучим подъемом национальной идеи. Задача органа печати, имеющего это своей целью, нам представляется особенно высокой и благородной именно потому, что она создает залог примирения. Лишь утверждаясь на твердых исторических основах, Россия способна получить такую силу, чтобы, обуздывая разрушительную революцию, иметь возможность дать удовлетворение тем зачаткам справедливых требований, которые частично заключаются и в программах этих партий. Нельзя не признать, что в прошлом проявлялось недостаточное внимание к этим потребностям, небрежение которыми и послужило на пользу революции, взявшей их под свое покровительство.

Переходя к партиям национальным, монархическим, должен сказать, что *Московские Ведомости* не будут органом ни одной из них. Для связывания газеты принадлежностью к какой-либо организации, хотя бы исходящей из тех же принципов, как и мы, я не вижу никаких оснований. Орган национального направления нравственно принадлежит всем русским, разделяющим веру в исторические основы своей родины, и в

задачах связи со всеми пробуждающимися элементами газета для плодотворности своей работы должна быть свободна от тех уз, которые неизбежно налагались бы принадлежностью к каким-либо частным партиям и организациям. Пользы же от такой принадлежности я не вижу никакой. Монархические, русские, православные партии, корпорации, кружки и организации – все нам одинаково близко нравственно, поскольку они верно служат нашим общим идеалам. Я надеюсь, что своей самостоятельной свободной работой *Московские Ведомости* будут более полезны и для всех них, и для объединения разрозненных патриотических сил России в достижении ее возрождения для новой великой жизни.

Являясь, таким образом, вполне независимым органом печати, *Московские Ведомости* сохраняют свойственное этому положение и в отношении правительственной власти. Мы чужды всякой предвзятости. Наша газета не есть оппозиционный орган, и когда мероприятия правительства, по убеждению и совести нашей, требуют этого, – мы будем их поддерживать всей силой. Во всех же тех случаях, когда, по нашему мнению – правильному или ошибочному, правительственная политика становится на путь, не соответствующий интересам нации и государства, мы отнесемся к ней с такой же искренней критикой. Таково нормальное отношение национального органа к правительству своей страны. В другое время об этом не стоило бы и упоминать, но в наши времена партийности и предвзятости – едва ли излишне.

Таковы мои общие представления о пути *Московских Ведомостей* в предстоящем служении Церкви, Царю и Отечеству под руководством, возложенным на меня совокупностью обстоятельств.

Да поможет Бог новой редакции в трудном деле и даст правильное разумение национальных потребностей настоящего времени. Надеюсь также на благожелательное содействие всех сторонников основных начал, которым будут служить *Московские Ведомости*.

Град Божий.

В давние времена, во времена величайших бедствий разлагавшегося Рима, блаженный Августин, защищая истину христианства, развивал мысль о том, что наряду с отживающим и погибающим от своего разврата «градом диавола», в который превратился Рим, есть светлый и живой «град Божий», в котором обитает христианское население империи. Он доказывал, что бедствия, карающие Рим, минуют христиан, которые силой Божией живут счастливо и спокойно даже среди разорений варваров.

Среди бедствий и нестроений современной России, столь часто напоминающей «град диавола», также существует «град Божий», Высшей силой охраняемый в душевном мире и спокойствии даже при самых ожесточенных нападениях обитателей «града диавольского».

Эти уголки «града Божия» каждый православный знает в своих приходах, в своих иноческих обителях; он их встречает среди случайной толпы не знающих друг друга паломников, среди духовных детей всем известных наставников; находит уголки «града Божия» в своей семье и вообще всюду, где верят в Бога, чтут Его и стараются жить по Его, а не по своей воле. Волны житейского моря, воздвигаемого бурей напастей, обрушиваются со всех сторон на островки «града Божия», многое разоряют, многих грубо оскорбляют не только в моменты каких-нибудь «освободительных движений», а иной раз еще и похуже – в моменты торжества порядка. Однако не погибают уголки и островки «града Божия», их обитатели не остаются без поддержки, не умирают с голода, и даже среди напастей чувствуют себя во много раз счастливее, чем их враги и разорители, выходцы «града диавола».

И вот среди хаоса мнений, среди вавилонского смешения идей и языков современной России для всех, еще надеющихся на возрождение родины, главным делом должно быть те-

перь охранение нашего «града Божия». Что бы ни случилось с Россией, он не исчезнет, как не исчез при разрушении Древнего Рима. Но страшна судьба страны, когда обитатели «града Божия», как некогда блаженный Августин, принуждены сказать себе, что все вокруг развертывающееся есть уже не родина их, а «град диавола», с которым их связывают разве только условия материальной жизни да холодные узы юридического строя. Пусть не постигнет нас это бедствие, ибо в нем – смерть государства.

Родники жизни этической находятся только в «граде Божиим». Ими некогда воспользовалась для своего спасения древняя Византия и этим протянула жизнь «ромеев»¹ еще на тысячу лет. Этими родниками воспользовались молодые тогда нации и основали могучие государства и пышные цивилизации. Мы не должны допустить, чтобы теперь наше родное государство отвернулось от этих родников и загубило себя в духовном бесплодии «града диавола». А для этого мы должны всеми силами охранять уголки и островки «града Божия», у нас процветающие среди духовного истощения окружающего мира.

Пусть не покажутся наши слова непонятными. Те, которые пользуются указываемыми нами родниками жизни, без объяснений поймут нас. Те, которые еще остаются хоть немножко христианами, и даже те, которые имели несчастье утратить живую веру, пусть расспросят знающих, пусть побывают в наших оазисах, обителях истинных иноков, побывают у наших святынь, приглядятся к нашим домашним и общественным праздникам этим святыням, и тогда они поймут нас, увидят, что не фразы говорим мы, а указываем действительные источники утешения и духовной жизни, причастность к которым делает человека свободным при каком угодно порабощении со стороны «града диавола». Они поймут, какое бедствие готовят России все, разъединяющие нашу гражданскую жизнь с жизнью «града Божия», и какие необоримые силы могли бы влиться в духовно истощаемую Россию с того момента, когда русские граждане и правители

земли решатся снова искать союза с этим источником нравственной жизни и высоты личности.

Бедствия России и ее развращение начались с того, что некогда живой союз стал постепенно превращаться в пустую форму, и даже хуже – стал поддерживаться только из желания подчинить государству свободный «град Божий». Это предприятие – фантастическое, потому что нравственный элемент выше и сильнее юридического. Право юридическое само делается сильно только тогда, когда подчиняется праву нравственному, Божественному. Пытаясь подчинить себе Церковь, государство только отбрасывает от себя всю ее живую силу, которая единственно полезна для него.

И вот с этого подчинения, собственно говоря лишь мечтательного, ибо оно состояло в подчинении лишь внешности, а вело к разрыву союза с самой сущностью «града Божия», – с этого и началось падение России. С возвращения ее к нравственному подчинению государственного закона праву Божественному только и может начаться снова возрождение русского разума, русской мощи, русской доблести, русской исторической миссии.

И мы не должны терять надежды, что еще способна к этому Россия, а в ожидании – наша задача, как для своей собственной души, так и для блага родины и родного государства, – охранять в себе и вокруг себя святость жизни «града Божия», как бы ни мешали этому ложные шаги нынешней гражданственности, временно, нужно надеяться, у нас возобладавшей.

Царь и народ.

Еще недавно Москва оживленно готовилась к торжественной встрече своего Государя в самой колыбели Его великого царства. Скорбное событие – кончина старейшего Члена

Царской Фамилии¹ – заставило переменить прежние предположения, и москвичам суждено лишь издали видеть проезд Государя Императора. Надежду на свидание пришлось отложить снова на более счастливое будущее.

В нынешнем году, однако, если не нам, то другим, более удачливым областям Русского царства Господь привел встречать Государя Императора чаще обычного, и повсюду эти моменты непосредственного общения Царя с народом были полны такого же глубокого содержания, как это было бы в Москве, если бы непредвиденные обстоятельства не изменили предположенного распределения времени Государя Императора.

Вторая половина 1909 года отмечена была обилием этих минут непосредственного общения. Особенно памятна встреча Царя и народа на полях Полтавских. Повсюду одинаково заявляло о себе народное сердце. В глубине Украины, во имя которой фабрикуется преемниками Мазепы «украинська самостійність», в Севастополе, омраченном воспоминаниями «потемкинцев»² и лейтенантов шмидтов, Русский Царь мог одинаково видеть, что Его верный Русский народ – малорусской и великорусской ветви – остается всей душой с Ним, Самодержавным Царем своим, а не с мазепами, гершуни, шмидтами и прочими разрушителями Русского отечества. «Самодержавие Мое останется таким же, как было встарь», – сказал однажды³ народу Государь Император. Русский народ со своей стороны всегда и повсюду, когда только его голос не искажается врагами Царя, свидетельствует, что и он в своих отношениях к Царю остается таким же, как был встарь.

Мы произносим эти слова, не забывая ничего из тяжкого пережитого и переживаемого нами времени. Мы знаем – и кто же этого не знает? – что бесчисленными язвами духовной проказы покрыт наш несчастный многострадальный народ. Но мы говорим, что он в глубине своего падения не перестал быть самим собой. За настоящую эпоху он более, чем в самые блестящие времена, доказал, что остается таким, как был встарь, что, изменяя Богу, Царю и заветам родины, он не в состоянии жить, и если может жить, то только с Богом, Царем и преданиями

отцов своих. Он может погибнуть, но неспособен сделаться ничем иным, как тем, чем был встарь, и если Господом суждено нам воскреснуть, то мы воскреснем только в старом, извечном союзе с Богом, Царем и заветами родины.

Есть основы души народной, и они неизменны, несмотря на различие обстановки. Государственно-народное творчество возможно и плодотворно лишь тогда, когда зиждется на этой основе, а не на случайных, проходящих помрачениях или опьянениях. Да и различие внешней обстановки не изменяет необходимости твердо держаться на тех же основах. При всякой обстановке народ должен иметь возможность действовать во всю мощь доступной ему силы, и государство должно иметь возможность воззвать к народному воодушевлению, доверию, самоотвержению. Все это в народе вызывается только теми силами, которые созданы им исторически, или – точнее – теми, с которыми он вместе возрос, сложился и окреп.

Не всякий призывный голос народ слышит и понимает, а лишь тот, который ему извечно *свой*. Народ не произвольно дает свое доверие Царю. Не около всякого, произвольно выбираемого центра народ может сплываться, а только около естественного центра своего сплочения, к которому его тянет самая душа его.

Этим центром является для нас и теперь, как было прежде, Царь Русский. Каких бы правителей для нас ни создавали, будь то министры или всенародные собрания, они не получают для нас авторитета, если им не облекает их тот же Царь, какого Русский народ исстари признавал единственным источником авторитета. Все это факты, которые в настоящее время, после всего пережитого, для чуткого и наблюдательного человека стали еще более несомненны, чем были прежде.

Нет у нас спасения, нет великого всенародного действия, если во главе не стоит народный Царь Самодержец, слитый с народом в общей вере.

Теперь, когда пред нашим отечеством открывается такое широкое поле устройства, долженствующего воздвигнуть нацию из руин, когда предпринято создание народного предста-

вительства, глубокая земельная реформа, когда ждут устроения рабочие массы, требуется твердое местное устроение, по окраинам страны необходимо восстановление господства России над разбушевавшимися инородцами, на границах же наших должна стать грозой вооруженная сила, – в это ответственное время, способное быть началом великой жизни или жалкой гибели, нам нужен наш Царь Самодержавный, Верховный, Богом, а не людьми поставленный, только Богом, а не людьми ограничиваемый Повелитель сплоченного стомиллионного Русского народа. Всюду нужен Его взор, Его властное, решающее слово, всюду нужен Он как центр сплочения народного, как Вождь, за Которым пойдут, вокруг Которого положат жизнь миллионы. Пусть скажет слово Царь, и соберется земля Русская на внешнего врага, на Собор Церковный, для восстановления благочиния и охраны прав Православия, соберется земля Русская и в местном строе, и в представительных собраниях. Но все то, где нет Царя, в чем нет Его Самодержавия, Его властного слова, – не пойдет у нас, все выйдет без этого слабо, уродливо, пригодно только на радость наших врагов, а не на славу, свободу и благосостояние Русского народа.

Так было встарь, так остается и теперь. За последние годы у нас многое разрушали и пытались перестраивать и устраивать... И, конечно, обветшалое нужно отбросить, недостающее нужно построить. Но одно при этом должно помнить: не обветшало Царское Самодержавие, а остается, как встарь, главной пружиной всякого здорового и прочного дела на Руси. Все, что выходит у нас безуспешно, слабо и фальшиво, появляется лишь тогда, когда строители забывают эту альфу и омегу нашей государственности.

Но жив народ, жив и Царь. Царь видел это везде, где встречался с народом Своим. Не устоят разделяющие их преграды, окрепнет же только то, что утверждает в настоящее время Православное Русское царство с твердо поставленной Церковью Православной, с господством Русского народа, объединенного единой властью Самодержавного Царя.

Национальный пророк интеллигенции.

Исполняется 30 лет с тех пор, как 28 января 1881 года Россия потеряла одного из гениальнейших и своеобразнейших своих писателей – Федора Михайловича Достоевского. И теперь еще найдутся люди, помнящие день его похорон, соединивший вокруг гроба почившего самое удивительное разнообразие «интеллигентных» почитателей. В аристократически-консервативных сферах столицы тогда ходила фраза, что тут происходит *la revue generale du nihilisme*¹.

Эта фраза скользила по самой поверхностной стороне явления. Но действительно, на похоронах Достоевского можно было встретить немало лиц, обычно заносимых в общую рубрику «нигилистов». Отрицатели, революционеры воздавали последнюю дань уважения тому самому человеку, который неутомимо и страстно боролся со всеми проявлениями отрицания и революции. Шедшие за гробом провожали прах человека, в котором чувствовали нечто *свое*, им свойственное, их представляющее. А между тем где та их программа, которой бы он не отвергал, где то из самых дорогих для них убеждений, которое бы он не критиковал со всей силой своего художественного таланта, со всей страстностью своей мысли?

Почивший был для них не просто противник, но даже некоторым образом «изменник». Он когда-то принадлежал к кругам крайней социалистической интеллигенции, судился по политическому делу Петрашевского, был приговорен к смертной казни, провел ряд долгих мытарств на каторге и в результате отвернулся от освободительных программ космополитической интеллигенции и стал проповедником «реакционной» формулы «Православия, Самодержавия, Народности».

Что же в этом реакционере и изменнике могло быть общего с правоверной революционной интеллигенцией, чем он мог привлекать ее, сам нередко с презрением и всегда с критикой отвергиваясь от ее идеалов, которые признавал только без-

душными идолами? На это была важная причина, сила которой чувствовалась даже тогда, когда не схватывалась сознанием.

Отношение Достоевского к современной ему России, руководимой и увлекаемой «освободительной» интеллигенцией, очень напоминает отношение древних пророков Израиля к родному им народу. И они отрицали реальное еврейство, и они обличали свой народ, они предавали его во имя идеала всем бедствиям. Народ, в свою очередь, избивал их и ненавидел. И, однако, только к Израилю обращали пророки свою проповедь, и только в пророках Израиль невольно чувствовал свой идеал, так что, убивая их, не мог отрешиться от преклонения пред ними. Нечто в этом роде происходило между Достоевским и его современниками.

Дело в том, что он, кровный человек той же интеллигенции, был теснейше связан таким же родством с народом, который интеллигенция старалась пересоздать на основе чуждых ему идеалов и которого особенностей, однако, все-таки не могла вытравить из своей души. Историческая трагедия нашей интеллигенции именно состоит в том, что она по раскудку, по книжным своим идеалам оторвана от отечества, а по внутренней психологии, неистребимо говорящей душе человека, все-таки связана с тысячелетней историей его. От этого противоречия стала не только бесплодна, но и разрушительна ее работа, которая ей теоретически кажется «освободительной», практически же не освобождает, а только подрывает, разрушает, деморализует народ. Отсюда постепенно растущая неврастеничность самой интеллигенции, отсюда ее вечное недовольство жизнью, ее мания самоубийств, ее легкая решимость на самые страшные преступления. Куст, вырванный из почвы, то засыхающий, то искусственно поддерживаемый, вечно тянущийся корнями к почве и не желающий пропитаться ее соками, которые кажутся ему грязными, недостойными его, воображающего себя роскошной *Attalea princeps* Гаршина². А между тем в действительности эта интеллигенция – во все не чуждое России порождение южного солнца и не могла бы расти под тропиками. Она ни в какой стране не годится и

не может иметь значения, кроме отечества своего, если только решится признать правоту его и слить свои идеалы с его исторической работой. Но для этого потребен великий переворот интеллигентной души, великий нравственный подвиг, на который не хватаем сил, особенно потому, что подвиг нужно начинать с покаяния, с признания своих великих заблуждений. «Смирись, гордый человек!» – говорил ей Достоевский, а у самовлюбленной в своем одиночестве интеллигенции смирения именно и недостает.

Таким-то образом трагедия алкания добра и совершенния зла, стремление освободить русскую личность и Русский народ, и вместо того погружение их в деморализацию и порабощение, минутное сознание внутренней нелепости своей работы и припадки сумасшедшей самоуверенности, – все это тянется из поколения в поколение во взаимных отношениях интеллигенции и России... И нет из этого исхода до сих пор.

В Достоевском, однако, произошел именно тот подвиг самоотвержения, который должен бы составить исторический подвиг русской интеллигенции. Она не имела сил пойти за своим пророком, но не могла не чувствовать какой-то его правоты, не могла не ощущать, что в действительности он не «изменник», а носитель какого-то наиболее драгоценного содержания ее же собственной души. Не чувствовать этого она не могла, потому что Достоевский слишком ясно показывал ей ее собственную душу в зеркале своих великих художественных произведений.

В этом отношении он был каким-то пророком. Собственно в его время интеллигенция и народ, которых психология во многом совпадает, по-видимому, совсем не представляли картины такого сумасшедшего дома, такой коллекции ненормальных людей, какие рисовались Достоевским. Его обвиняли в преувеличениях. А между тем его образы были настолько правдой, что невольно привлекали и поражали, приводили в уныние своей несомненностью. Разгадка в том, что Достоевский видел эволюцию русской души на несколько лет вперед, рисовал развитие болезни по первым симптомам. Это пророче-

ство поражало всех по мере того, как выросшие и определившиеся явления начинали уже каждому быть ясны и понятны. Страшные явления нашего времени, сумбурная нелепость нашей революции, постыднейшее падение чести, совести, нравственности, неслыханные проявления трусости и подлости, непостижимая зверская жестокость и т. д. – все это поражает наблюдателя последних десятилетий как нечто неожиданное. Не понимаешь, откуда могло явиться все это в народе, который чуть не вчера имел столько ума и доблести? Один Достоевский не был бы поражен нашими днями, если бы встал из гроба. Он все это указывал давным-давно, ибо все это было у нас, и мы только не умели понимать самих себя, как даже и теперь многие не понимают, что народ, расколовшийся на два слоя, которые только в дружном соединении дают здоровую и разумную жизнь, неизбежно обречен именно на такую «сумасшедшую» деморализацию. Нет сомнения, что Достоевский, 30 лет назад видевший русскую душу, не впал бы в уныние перед этими совершенно понятными для него явлениями.

Есть, конечно, немало людей, которые и теперь не унывают и всем очень довольны. Но это – люди ничтожных требований от личности и жизни. Они довольны нынешней жизнью так же, как были блаженны гиперборейцы³, отрешившиеся от всех человеческих потребностей, а потому ни в чем не чувствовавшие нужды.

Не таков был Достоевский. Его требования от жизни были высоки, его идеалы захватывали почти недостижимое совершенство. Но ни в свои, ни в наши дни он, не отрешаясь ни на йоту от своей тонкой требовательности, не признал бы законченности отчаяния. Дело в том, что он верил *в личность*, а потому и в народ, – так же, как верили те самые пророки Израиля, которые не находили слов для изображения гнусности его упадка. Негодование на упадок тесно связано с верой в высоту личности. Душа – Божественна. Она может сатанински падать, но в самом глубоком падении кроет задатки сил для воскресения. Достоевский чрезвычайно любил отыскивать именно искры золота в навозной куче павшего человека. Во

всем мире нет и не было художника, кроме великих живописателей житий святых, который был бы сходен с Достоевским в постоянном отыскивании искорок святости в падшем человеке. Это черта глубоко христианская. И то обстоятельство, что художник, столь глубоко проникнутый христианской психологической сознательностью, был порожден нашей безверной, отрицательной интеллигенцией, а потом, поднявшись орлом над ее омраченным сознанием, все-таки не перестал быть ее кровным сочленом, – самый этот факт дает надежду на возможность воскресения нашей интеллигенции. Совершив тот же подвиг, какой характеризует Достоевского, она, быть может, еще станет орудием великих судеб России. Мечта ли это? Во всяком случае, не везде действительное безверие, где сознание не находит формулы алканиям души. Не везде действительная вера, где имеется внешняя формула веры. Не везде святость, где нет внешних проявлений греха, и не везде погибель, где много тягчайших грехов. Нет художника, который бы лучше Достоевского все это видел и изображал. Эта основная черта творчества Достоевского, черта в то же время глубоко русская, и – как ни странно это – глубоко «интеллигентная», – эта черта придает художеству Достоевского величайшую современность. Он захватывал и захватывает по преимуществу не те души, которые достигли христианской высоты, не те, которые погрязли безвыходно в пошлости, а именно те слои людей, в которых еще происходит борьба погибающей души за свое духовное существование. А тон эволюции России дают души именно этой категории.

Стоит окинуть взглядом последние два века, и как решить: имеешь ли перед собой народ погибающий или идущий к великой жизни? Беспрецедентная ли это в истории бессодержательность или нечто невиданно великое, имеющее обновить мир? Достоевский верил в последнее и, охватывая взором борьбу добра и зла в русской личности, стал истолкователем психологической стороны нашей новейшей истории. Его анализ русской «всечеловечности», значения Пушкина, разбор личностей Алеко, Татьяны⁴ и т. д. – это целая философия исто-

рии нашей интеллигенции, связанной с судьбами Русского народа. И потому-то так непобедимо захватывает Достоевский внимание человека интеллигенции. Он обличает его, мучит его беспощадным анализом его души, но открывает ему также и пути славного воскресения. Достоевский лично думал даже, что Россия достигнет невиданного миром падения и развращения и только после этого восстанет в идеальной чистоте...

Исполнится ли вторая часть предсказаний пророка – покажет будущее. Воскреснет ли целостная Россия или – как было в древних пророчествах – «спасется только остаток Израиля»? Это увидит тот, кто доживет. Но путь к спасению в подвиге самоотвержения, в отречении от самовлюбленности, в слиянии с народно-христианским идеалом, этот путь Достоевский показывает с силой, какой никто другой не проявил. Он был и остается теперь, тридцать лет по кончине, все тем же пророком интеллигенции, которого она может проклинать и побивать камнями, но от влияния которого не в состоянии освободиться. И дай Бог, чтобы подольше и посильнее жило это влияние, больно прижигая, но и излечивая язвы нашей интеллигентной души.

Праздник русского просвещения.

8 ноября 1911 года исполняется 200-летие незабвенной памяти Михаила Васильевича Ломоносова – два века со дня его рождения.

Родная история как будто нарочно приберегла к нашему сбившемуся с пути времени всевозможные напоминания о русском гении, русской доблести, русском самосознании и любви к отечеству, обо всем, что создает великую нацию и государство. Среди этих исторических воспоминаний с особой яркостью светится облик великого первоначальника русского просвещения.

Излишне, конечно, говорить об обстоятельствах его жизни. Всякий школьник давно знает о том,

Как архангельский мужик,
По своей и Божьей воле
Стал разумен и велик¹.

Не один он выдвигался тогда так необычно.

Это была великая эпоха воскресения национальных сил, которые просачивались изо всех пор России, образуя могучие побеги всего, что требуется для роста и цвета народного. В нашем нынешнем безлюдье только дивисься, откуда бралось все это в стране такой бедной, такой невежественной, задавленной непосильными, казалось, требованиями новой государственности, тяготами непрерывных войн, – в стране, наконец, в то время захваченной иноземцами, как никогда не бывало ни до, ни после того? Но дело в том, что непрерывной помощи внешних условий требуют только те народы, которые по внутреннему содержанию ни к чему не способны ни при каких условиях. На свете нет другого богатства, кроме богатства духа, нет другой силы, кроме внутренней, и когда есть в народе это единственное на потребу, он на все находит в себе и людей, и средства, и силы.

Та область русской жизни, которую осветил собой М. В. Ломоносов, казалась особенно бесплодной пустыней. Гениальный Петр указал своему народу просвещение, но никаких элементов просвещения не было в наличности. Не было никакого научного капитала. Не было даже найдено своего языка. Была лишь вера и воля, глубокая вера в себя, в то, что «может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать», и твердая решимость осуществить потенциальные возможности русского духа. Это давало необоримую силу, которой великий образчик напоминает нам день светлой памяти первого гения в области русской науки. Как сказочный герой, он брался побеждать все загадки темных сил, ставивших препону русскому развитию. Он пешком бежал в

далекий центр сомнительного образования, учился взрослый между школьниками, жил пять лет, тратя в день денежку на хлеб и денежку на квас, он штурмом взял просвещение и в этой области один совершал то, что требует десятерых – открывал законы русской речи и стиха, воспевал деяния родных героев и великих мира, вырабатывал русскую историю, создавал естествознание и технику, боролся за самостоятельную русскую науку, разоблачал и низвергал корыстных иноземных культуртрегеров, создавал своим примером даже русскую личность и ее высокое самосознание. Он брался за все и делал все, наполняя пустыню русского просвещения всеми отраслями знания и развитости. Недаром уже современники называли его великим, недаром и Пушкин поставил его наряду с тем гением, дух которого вызвал тогда на Руси появление Ломоносовых.

Как исчислить плоды жизни Ломоносова? Они теперь со всех сторон окружают нас. В нашем просвещении все переплетено с корнями, засаженными в России М. В. Ломоносовым. Наша наука, благоговей пред отцом своим, лишь очень нескоро после него перестала быть его ученицей. И долго, очень долго, до тех пор, пока наше просвещение развивалось могучими побегамися всех отраслей творчества, Россию воодушевлял и дух Ломоносова, – его глубокий патриотизм, его страстная любовь к родине, его убеждение в красоте, силе и величии родного племени. Дух Ломоносова говорил в Пушкине, когда он заявил Чаадаеву, что не желал бы иметь другой истории, кроме той, какая была у России. Этот дух давал и самому Ломоносову всю его силу, всю энергию, все упорство сопротивления неблагоприятным условиям жизни, а их было у него бесчисленное множество.

Наше время допустило в себе упадок этого великого, всеоплодотворяющего духа любви к родине и сознания ее мирового величия. От этого бесплодие и охватывает теперь так много сторон нашей жизни и просвещения. Для человека нет творчества вне связи с родной землей, родным народом и его историей, как и для самого народа источники творчества остаются свежи и могучи только в связи с делами прадедов, и ис-

сякновение исторической преемственности всегда знаменует собой не появление чего-либо нового, а конец жизни народа. У нас нынче много толкуют о чем-то «новом», но для нового дела годятся только новые же народы... Да и какое «новое» выше того, что кроется в нашей истории? Насколько хватает горизонта современной науки – нет в человечестве ничего более высокого, чем богатства русского духа, лишь слегка раскрытые до сих пор его жизнью и творчеством.

Не о конце, не о смерти, не об уступке мировой арены каким-то новым народам должен думать русский, а о том самом, что воодушевляло Петров Великих, Ломоносовых Пушкиных и Достоевских, то есть о реализации неистощимых потенциальных сил родного творчества, обещающего в будущем еще большие сокровища, чем оно успело проявить в прошлом. Никто не назовет в мире нации, которая бы обещала больше, не назовет народа, которому для блага человечества мы могли бы уступить место. На современную русскую бесплодность, на ничтожную и постыдную подражательность, сковавшую живые силы Русского народа, мы не можем смотреть иначе, как на временный болезненный упадок, за которым должен последовать удвоенный подъем сил, имеющий дать русскому просвещению будущего второго Ломоносова.

Нужна ли нам реформа?

Огромная ломка и перестройка государственных учреждений, производившиеся у нас с 1904 года, что называется, набили всем оскомину реформ, и за последние два года господствующим лозунгом сделалось: «довольно перестроек, нужно *дело, работа*». В сторону работы по удовлетворению насущных нужд народа направились правительственные законопроекты, с задачей «работоспособности» выступила третья Дума!...

Совершенно понятно, что далеко не удачное учредительство произвело всеобщую усталость мысли в отношении реформ. Не менее верно и то, что для жизни страны, конечно, нужны не сами по себе учреждения, а их работа.

России какими бы то ни было способами нужно быстрое воскресение ее нравственных и материальных сил. Нация какими бы то ни было способами и воздействиями должна быть двинута на упорный, всесторонний труд – экономический, умственный, организаторский. Страна опустилась нравственно: ее должно поднять духом. В отношении знаний она последние годы растеривает и те крохи, которые было успела накопить: необходимо возбудить усиленную умственно-образовательную работу. Наша техника отстала: ее нужно быстро поднять. Страна обеднела за годы смут: нужно оживить труд земледельческий, промышленный, торговый. Нужно всеобщее национальное усилие, какое спасло Россию во времена Петра. Вот, конечно, сущность задачи, нам предстоящей. Сами по себе учреждения, как бы они ни были хороши теоретически, не имели бы никакого значения, если бы не явились орудием возбуждения и концентрации всенародного усилия к возрождению.

Но достаточно окинуть общим взглядом всю широту предстоящего нам национального труда для того, чтобы понять немислимость его совершения без помощи таких государственно-общественных учреждений, которые были бы сообразны с целями нации и давали бы помощь национальной работе, а не задерживали ее. Действительно, что нам нужно сделать? Нужна поистине всеобъемлющая программа действий.

Прежде всего бросается в глаза *экономическая* сторона программы. В материальном отношении требуется прочное закрепление за Русским народом территории Империи путем заселения огромных окраинных пространств, теперь своей пустынностью обреченных стать легкой добычей военного и экономического захвата чужеземцев. Обдуманное и быстрое переселение целых масс народа потребно для такого обеспече-

ния за нами обладания нашей землей, причем заселение новых мест только тогда пойдет успешно, когда мы рядом с населением земледельческим будем создавать в них и промышленное население, способное доставить хотя бы наиболее необходимые предметы для сельскохозяйственного населения, и в то же время потреблять добываемые сельские продукты: только при существовании этого взаимодополняющего обмена труда экономическая жизнь может становиться прочной и даст благосостояние земледельцу и рабочему.

Но наряду с этим стоит обеспечение земель крестьянства и на старых местах жительства, вообще по всему пространству Империи. И в то же время ясно, что простое количественное увеличение наделов не даст многого народной экономии, если у нас не явится улучшения сельскохозяйственной культуры. Эта же последняя задача не исчерпывается улучшением техники земледелия, но требует еще планомерной регуляции различных форм землевладения (мелкой, крупной и казенной) по всему пространству Империи, в тех пропорциях, которые наиболее обеспечивают рост сельскохозяйственной культуры. Задача эта такова, что в ней различные стороны наилучше выполняются не одной и той же формой землевладения, но их взаимодействием. Для одной цели нужна мелкая культура, для другой крупная, а кое-что недостижимо иначе, как государственным землевладением (хозяйством). В тех же видах поднятия производительности труда нужна государственно-общественная работа по возрождению истощенных сил земли: обводнение, осушение, борьба с оврагами, с песками, защитные леса и т. д. Наконец, даже и сверх всего этого экономическая политика должна сознательно стремиться сблизить промышленную обработку продуктов земли с местами их добывания, то есть к разумной децентрализации целого ряда обрабатывающих производств.

Но и достигнув всего этого, мы бы еще не спасли своего населения от бедности, если бы не достигли освобождения своего труда от порабощения иностранным капиталом, по возможности осуществив тот принцип экономической политики,

который требует, чтобы *природные богатства страны оставались в распоряжении ее собственного труда и капитала.*

Ввиду нашей бедности, ввиду невозможности обойтись без иностранного капитала, задача – получить его и в то же время не пойти к нему в кабалу – очень сложна.

Однако и это не исчерпывает содержания нашей деловой работы. Труд, даже поставленный на большую высоту, не обеспечит прочно трудящегося, если в народе расстроена социальная организация, те первичные общественные ячейки, в которых живет человек. Восстановление «разрушенных храмин» социальной организации должно теперь войти в программу нашей работы. Особенно это видно наглядно на труде промышленном. Заботясь о сельском населении, необходимо ублагоустроить и промышленного рабочего, ныне живущего нестройными толпами, столь податливыми на проповедь революционеров-социалистов. Промышленный рабочий класс должен сложиться в свойственные ему общественные организации, в которых должно осуществляться все, что способствует высоте заработка и наиболее бережливой жизни, как различные учреждения сбережений, потребительской кооперации, страховки и т. д.

Как, однако, возможно двигать всю эту культурную работу, если у нас не обеспечен ни порядок, ни безопасность, ни защита труда и собственности? А такое обеспечение недостижимо одними полицейскими мерами. Рядом с внешними мерами охраны порядка наша политика должна стремиться к воскресению *народной нравственности.* Необходимо, чтобы в деморализованной нации снова зародился потухший ныне ужас перед преступлением и отвращение к нему. Энергичская борьба с преступностью и развращенностью должна стать систематической задачей нации и правительства, а для этого нам нужно очиститься от той рыхлой псевдогуманности, которая в действительности есть вовсе не гуманность, а простое безразличие к добру и злу. Только по этому безразличию у нас уже не чувствуют негодования при виде извращения человеческой природы, не чувствуют живой потребности

защитить добро истребительной войной против зла. Задачей времени должна стать та непримиримая борьба против наглого преступления, какой некогда Наполеон I заслужил всю свою популярность в признательной французской нации. Необходимо привести администрацию и суд к действительному исполнению долга – служить укреплению народной нравственности. Необходимы законы, которые дали бы возможность поставить борьбу на всю высоту энергии. Необходимо, наконец, дать действие церковному влиянию, создающему самую основу нравственности народа, а для этого должно не унижать Церковь, не отнимать у нее прав, не преграждать ей путь в народ, не отдавать ее на расхищение врагам, а, наоборот, дать ей все необходимые способы для авторитетного воздействия на общество и народ.

Но и это не исчерпывает задач возрождения народной нравственности. Укажем на необходимость выработать, наконец, разумное отношение к *печати*. В настоящее время принцип свободы слова у нас превращается в принцип пассивности перед развратом и преступлением. Если закон о печатном слове не изменится, не заменится разумным уважением к свободе мысли, а не к невежеству, глупости и развращенности, то никаким способом мы не достигнем благоустройства национальной жизни. Стоит вспомнить, что беспринципность нашей «свободы слова» приводит к тому, что печать в сущности живет вне закона и обуздывается совершенно произвольно, мерами исключительного положения. Свобода разврата и преступления приводит к тому, что в действительности не оказывается и самой свободы слова.

А что сказать о политике народного просвещения?.. У нас в так называемой «образованной» части общества давно владела идея чисто варварская, которая, не сознавая смысла просвещения, видит его лишь во внешних формах. Мы строим школы, мы их размножаем и воображаем, будто бы этим можно приобрести знания, хотя бы и учителя были невежды, и воспитанники ничего не делали. Была бы вывеска, были бы цифры, значилось бы только, что у нас «всеобщее обучение» и десятки

университетов. Но с таким пониманием образовательных задач можно распространять только невежество. Нам предстоит достигнуть того, чтобы был положен принцип качества труда, достижения знания. Количество школ очень важно, но под непременным условием, чтобы это были не просто здания и вывески, а такие места, в которых бы учились и действительно усваивали знания. Самоуверенные полузнайки не годятся ни для разумного социального строя, ни для умной государственной политики, ни для технического труда, не годятся ни для чего, кроме смут и революций.

Таким образом, все задачи, на которые должна быть направлена наша работа, цепляются одна за другую, – все должно расти во взаимной связи и планомерно, каждая достигнутая ступень успеха в одной отрасли делает возможным успех в другой и захирение каждой отражается захирением других.

Но мало нам и одной внутренней работы, ибо с ней неразрывна внешняя политика, жизнь мировая. Кто, например, понесет труд и капитал в копи Сахалина или в рыбные промыслы Охотского моря, когда там владычицей стала не Россия, а Япония? Для задач внутреннего развития, таким образом, нужна международная сила страны, а, стало быть, и сила военная. Все в жизни народа переплетено вместе. Без силы военной немислимо богатство, а без богатства не создашь военной силы. Но и богатство, и внешне грозная военная сила бесплодны без силы духовной, умственной, нравственной. Без этого будут и армии разбиты, и флоты потонут, и крепости сдадутся... Возрождение страны может идти только совместно по всем отраслям, и притом достаточно быстро. Не успеть вовремя встать на ноги это практически было бы все равно, что и не пытаться встать, ибо тот, кто опоздает развить силы для достойного мирового существования, не получит на пиру преуспевших даже и обглоданных костей.

Не ясно ли, что огромное национальное дело, кроме напряжения всех сил народа, требует силы и мудрости государственной организации, и вопрос об учреждениях поднимается во весь рост.

Таковы ли они теперь, чтобы обеспечить энергическую и разумную работу нации? Нам надоело перестраивать учреждения, мы разочаровались в своей способности поставить их хорошо... Но что же делать, если без них *нельзя* успешно вести национальную работу? Устали мы или нет, надоела ли нам мысль о реформе, а приходится подумать и потрудиться устроить учреждения так, чтобы при них можно было энергически работать. Иначе мы ничего не достигнем. Приходится понять, что *реформа* нам все еще нужна.

В разброде.

Еще сравнительно недавно, лет 20 назад, в России и понимали, и говорили, что у нас «нет партий». Было разнообразие мнений, были различные «направления», но собственно «партий», замкнувшихся, определенно действующих, не было, и если они проявлялись в публицистике, то совершенно отсутствовали в государственном действии, которое было в принципе поставлено на почву «общенационального блага» или «справедливости», что, в сущности, почти одно и то же. Этот принцип нередко нарушался, еще чаще не выдерживался под влиянием действия разных мелких категорий, но в общем как правило, как мерило государственного долга, действовала именно идея справедливости и национального блага. Одним из последствий этого было национальное единение, чувство патриотизма, общее преклонение пред благом родины.

Все это исчезло в настоящее время до поразительности, до позора. Слово «патриот» бросается как ироническое или ругательное. О родине почти заикнуться нельзя, и самое существование национального интереса для множества «партийных» людей сделалось мифическим, будто бы выдуманным какими-то реакционерами.

В наше время Некрасов (поэт), прежде считавшийся «радикалом» и «революционером», явился бы каким-то «черносотенцем», величайшим «реакционером», способным в задушевнейшие минуты говорить:

Родина Мать, я душою смирился,
Любящим сыном к тебе возвратился –
Сколько б на нивах бесплодных твоих
Даром не сгибнуло сил молодых¹.

Или восклицать в минуту раскаяния:

За каплю крови, общую с народом
Мои грехи, о Родина! прости!..²

Кто способен нынче к таким реакционным помышлениям о родине, о какой-то крови, общей с народом? Дубровин, Восторгов или еще более страшные чудовища «реакции»? А что бы нынче сказали о многих лучших очерках Глеба Успенского, вроде описания богомолий, значения Евангелия и церковного обихода для жизни народа? Чистейшая «реакция»!..

Далеко мы шагнули в той «дифференциации», которая по Спенсеру сопровождает «прогресс», так далеко, что уж ровно ничего «интегрирующего», соединяющего людей в одно гармоническое целое не осталось ни в сознании, ни в действиях.

И превратилась русская жизнь в вавилонское столпотворение. Все разбилось, везде партии, везде фракции, везде разделение и вражда. Независимости мнения и действия не только не понимают сами, но не позволяют другим, и если находится человек или орган печати, стоящий на почве не партийной, а общей, национальной пользы, то против него поднимутся все партии, все фракции, и в этом общем стремлении съесть того, кто осмеливается быть внепартийным, проявляется ныне единственно возможное «объединение» их.

Общенациональное бессилие, порождаемое этим разбродом «граждан» (впрочем, теперь и это – уже почти «ре-

акционное слово), – обессиление страны, раздробившейся на враждующие партии, фракции, кружки, совершенно понятно, и Россия, еще 15 лет назад бывшая могущественнейшей державой на свете, стала всеобщей игрушкой. Но не одно бессилие раздробления подрывает мощь страны, а также несомненное принижение ума и совести людей всех партий, фракций и кружков. Это понижение наполняет страхом всякого, помнящего Россию времен Александра II и Александра III. Можно ручаться, что самые передовые люди, вроде хотя бы М. Ковалевского, в глубине души горько сознают это не меньше, чем хотя бы редактор *Московских Ведомостей*. Может быть, наиболее тяжелое для человека развитого, подавляющее его теперь, это не борьба с врагами, а ничтожество врагов, – ничтожество, для успешной борьбы с которым нужно было бы и самому принижаться, чтобы бороться равным оружием. Это принижение самого персонала «руководителей» общественно-го мнения составляет прямое последствие той же партийности, которая теперь у нас сделалась законом жизни.

Немыслимо быть умным и развитым, безусловно подчиняясь партиям, ибо самую суть широкой развитости составляет присутствие «интегрирующего» общенационального или общечеловеческого сознания. Партия поэтому очень быстро принижает человека, а если он не поддается принижению, – его выбрасывают, или же он сам уходит из общественной деятельности. Он оказывается никому не «свой». Он «свой» только для России, а России, в смысле чего-либо действующего и влиятельного, нет там, где имеются лишь «партии».

В этом разброде, осуждающем на неправильную постановку, на искажение и неудачи все наши частные реформы, Россия теперь решительно погибает. И из этого процесса национального разложения нельзя выйти иначе, как восстановлением господства старого, прежнего принципа справедливости как верховного определителя государственного действия...

Как ни жаль тревожить наших дифференцировавшихся прогрессистов, но нельзя не сказать, что нас прямо губит парламентаризм, сменяющий принцип Единоличной Верховной

власти. Парламентаризм основан на идее партий, он их порождает даже там, где их нет, а где они явились, он их развивает до разложения страны... Напрасно наши партии ссылаются на Англию. В Англии «интегрирующий» элемент *был* и до сих пор не исчез, порождаясь тем, что у нас не могло и не может быть. Англия, будучи разделена внутри на партии, притом же немногочисленные, сословные, оставалась *единой* в отношении всего остального мира, который служил предметом эксплуатации для всех англичан в совокупности. Лорды, капиталисты, рабочие – одинаково жили промышленной эксплуатацией чуть не всего Земного шара. В этом их объединение, но такого объединяющего элемента у нас не может быть и никогда не будет, ибо мы для этого слишком многочисленны, занимаем слишком большую национальную территорию. Объединить 150 миллионов человек на пространстве от Вислы до Охотска на почве общего эксплуатирования других наций – невозможно. Они сами почти везде нас эксплуатируют.

Наш объединяющий элемент может быть только в том, что мы теперь отбросили, то есть в идее справедливости внутренних отношений, в идее национальной, в идее нравственной. А она может иметь органом не партии (представляющие частные интересы), а только Единоличную Верховную власть.

В этих словах выражается не какое-либо поползновение к «реакции», а просто сознание социологического факта, лежащего в основе русского бытия или уничтожения.

Мы политически могли жить осмысленно и вырастать в великую державу только на основе власти нравственной, проникнутой единящим элементом справедливости. Мы потому и имели любимую «Родину Мать», «Святую Русь», расшатав же принцип Верховного единоличия, можем идти только к разброду, вражде, самоистреблению противоположных интересов, ибо объединить их не можем иначе, как нашей прежней идеей Единоличной Верховной власти, единственно способной представлять начало нравственное.

Думы перед Думой.

Еще несколько недель, и начнется новая законодательная сессия. Много важных вопросов уже намечено для нее предшествовавшим ходом дел, много важных задач выступят снова перед Думой и Советом по делам текущего управления. Достаточно назвать законопроект о старообрядцах, общеимперское законодательство Финляндии, земство Западного края, вопрос о Холмщине¹, вопрос о черте оседлости евреев. Немало забот предстоит хотя бы на бюджетной почве по землеустроительно-му делу, по воссозданию государственной обороны, особенно морской, и т. д.

И вот, имея множество частных соображений по каждому вопросу в отдельности, имея для них даже некоторые указания практики, мы снова и в предстоящую сессию не будем иметь перед собой только одного: общего путеводного принципа политики. Пройдет эта сессия, еще ближе станем к концу полномочиям выборных членов законодательных учреждений, еще ближе подойдет время новых выборов, а Россия и тогда не будет знать, какое собственно государство она устраивает?

Прошло почти пять лет со времени нашей «революции» и с начала государственных преобразований, а общий тип государства, которое к тех пор устраивается, остается спорен, темен, не решен.

Между тем пока он не решен, Россия никак не может прийти к внутреннему единению, и борьба партийная непременно должна отражаться самым вредным образом на работе по всем частностям устройства нашей страны. Партийная борьба отражается случайностью и компромиссным характером решений, пестротой и противоречивостью принимаемых мер. Нужно ли повторять, как это вредно?

Но едва ли не вреднее еще одно обстоятельство, мешающее успешной работе, при неясности того, куда мы собственно идем, куда ведем свой народ и свои судьбы?

Всякая работа, и тем более политическая, для успешности требует *увлечения* и уверенности в *прочности* создаваемого, уверенности в том, что сделанное сегодня послужит ступенью для работы завтрашней. Но как увлечение идеями, так и уверенность в прочности дела возможны только при существовании некоторого общего путеводного принципа, освещающего наши государственные усилия. Что именно мы создаем? Без понимания этого не может явиться увлечения, страсти, самоотверженности. У нас же именно этого нет с самого начала наших реформ.

Теперь, подходя к новой законодательной сессии, мы по-прежнему не имеем этого залога сильной и страстной работы. Вся Россия это чувствует. Если мы взглянем на самую Государственную Думу, то, спрашивается, когда мы замечаем в ней страстность, яркость, горячее чувство? Все это замечается только на почве *раздоров*. Но нет случая, чтобы горячее чувство проявилось в Думе на положительной, созидательной мере. Когда в результате борьбы, перебранки, всеобщего партийного надрыва и страстного напряжения сил является, наконец, положительная мера, она так обрезана со всех сторон компромиссами, что никому не нравится, никого не увлекает, ни в ком не вызывает охоты проводить ее в жизнь с тем напряжением сил, которого требует всякое полезное дело.

Это, скажут нам, естественно. Да, конечно, естественно при таком порядке, в котором думают создать единение системой компромиссов. Но в том-то и беда, что мы повели свою реформу в этом порядке, заранее обреченном на бледность и вялость работы. В извинение этого указывают, что современная Россия раздроблена на партии, вследствие чего невозможно единство действия, и ничего не остается, как прибегать к компромиссу. Но и с этим рассуждением никак нельзя согласиться.

Мы сами создали строй, раздробляющий страну на партии, и нам ли жаловаться, будто бы в ней нет единства? Да, единства в России теперь уже никогда не явится, если только не упразднится партийный строй правления. Так неужели же России так и погибать в чахло, беспринципном существовании?

Нет, нам теперь нужно оставить обвинения партий. Они делают свое гибельное дело разъединения, потому что такова их природа. Партии суть партии. О них нечего толковать, а не нужно отдавать в их руки государства. Нужно вспомнить, что элементом единения является *власть*, которая имеет обязанности перед страной, а не перед партиями. Эта-то власть и должна явиться на свое место и делать то, чего не могут делать партии, то есть дать государству *единыющую руководственную* идею.

Не партии, а *власть* спасает народы в трудные минуты, и чем труднее народу выбиться из разъединения, партиями порождаемого, тем настоятельнее становится потребность в единой власти. Такую власть иногда может создать и партия, но не иначе, как захватив диктатуру. У нас же в России нет надобности дожидаться такого исхода, потому что у нас имеется законная власть, которая не действует лишь под влиянием какого-то тумана, напущенного на Россию мыслью, будто бы страной должна править совокупность партий.

Идея эта глубоко ложная, отождествляет народ с партиями, навязывает народу то, чего в нем вовсе нет, то есть будто бы принадлежность к партиям. Но это простая выдумка. Нация всегда жаждет единства, она страдает от той крошки, в которую ее превращают партийные учреждения. Нация всегда хочет быть единой и потому нуждается, чтобы существовала внепартийная *власть*. Народный инстинкт чувствует, что без руководственной роли власти не может быть ничего доброго в государственной работе, и потому-то народ всегда так оживает духом, когда появляется власть, и впадает в прострацию, когда власть исчезает куда-то.

И вот к ближайшей сессии Думы и Совета и к недалеким новым выборам в четвертую Думу² мы подходим без сознания необходимости *руководящей власти*, не подчиняющейся партиям, не заискивающей перед ними для сбора голосов, а правящей уверенно и твердо, с сознанием в себе того, чего не имеет партия, – своего *национального представительства*.

В непонимании этого все наше горе. С этого возникли наши беды, этим до сего дня они продолжают.

Что такое положение когда-нибудь кончится, если Россия не осуждена на захирение, это не подлежит сомнению. Кто-нибудь непременно создаст для народа этот необходимый рычаг государственности. Но *когда* это будет и *кто* это сделает?

Революция, власть и общество.

Неожиданно для многих «толстовские дни»¹ шевельнули у нас вопрос о революции. Это не худо. Конечно, не следует преувеличивать смысла происшествий, пока незначительных. Не всякая прогулка, хотя бы и со знаменами, есть революция. Но при искусственности нашей революции студенческие волнения составляют симптом, на который следует обращать серьезное внимание. В этом отношении вполне естественно было встретить статью *России* (№ 1530), обращающую внимание общества на происки революционных партий, подстрекающих молодежь под фальшивой видимостью ее успокаивания.

Газета справедливо возмущается этой фальшивостью.

«Мы спрашиваем, – говорит она, – неужели же действительно русское общество до сих пор *остается все тем же младенцем*, которого так легко и просто обманывать?.. Мы глубоко убеждены, что авторы «обращения» (конституционалисты-демократы) на этот раз жестоко ошибутся: общество не позволит себя обманывать и оно отлично поймет, кто и зачем оторвал учащихся от занятий, чтобы указать им путь уличных скандалов... Положение вещей во всех отношениях определилось: *хотя бы непременно воспользоваться учащейся молодежью как пушечным мясом революции. Необходимо, следовательно, теперь же решительно и до конца устранить самую возможность повторения подобных преступных поползновений. Мы уверены, что этот труд возьмет на себя само общество...*»

Последнее заключение газеты нам, однако, совсем не нравится, и мы надеемся, что редакция выражает только свое лич-

ное мнение. Само собой разумеется, что общество не должно оставаться в состоянии политического младенчества, и всякое слово, помогающее ему уяснить смысл происходящих событий, полезно и необходимо. Но каким образом возможно возлагать на общество «труд» «до конца устранить самую возможность повторения подобных преступных поползновений», – это мы решительно отказываемся понять.

Эти слова *России*, без сомнения, чисто *личные*, слишком напоминают нам печальные предреволюционные дни при-снопамятной «весны» князя Святополка-Мирского², когда правительство во всех трудностях возлагало все попечения на общество, не исполняя собственных обязанностей. Но ведь политическое младенчество, которого не должно быть ни в обществе, ни, тем более, в сферах правящих, именно и состоит в непонимании того, что возможно возлагать на общество и что лежит обязанностью на власти.

Взрослый политический разум отличается от младенчествуемому именно тем, что ясно представляет себе реальность положения и специальные способности разных сил, действующих в политической и социальной жизни. Только вследствие этого зрелый разум предохранен от детских фантазий, губящих народы вообще, а в частности попустивших нашу революцию так непостижимо развиться и одержать такие странные победы, совершенно не соответствующие ее действительной силе.

Естественное стремление всякой революции, сильной или слабой, истекающей из глубины социальных условий или чисто искусственной, состоит одинаково в том, чтобы *сбросить власть*, охраняющую существующий порядок. Пока этого не достигнуто, революция остается простым «беспорядком». Что же сказать о власти, которая сама упраздняет себя в минуту народных движений и заботы о прекращении смут возлагает на общество? Этим путем она делает то самое, к чему стремится и революция. Мало того, она отдает этим и общество во власть революции, ибо есть такие задачи, которых общество само никак не способно исполнить.

В общем ходе жизни нации есть многое, чего не может совершить правительство и что лежит на обязанностях самого народа. Но есть и такие задачи, которые лежат прямо на правительстве. Если же правительство дошло до того, что не может (или не хочет) их исполнять, то единственное, что могло бы со своей стороны сделать общество, – это создать другое правительство, которое исполняло бы свои обязанности. Вследствие этого бездеятельность власти, побуждающая общество искать другого правительства, оказывает революции величайшую поддержку, какую только ей можно дать.

Вспомним прискорбные дни пережитой нами «весны». Тогда именно распутывание всех затруднений валили на общество. Учащаяся молодежь в массе и тогда не отрекалась от науки. Но революционные организации ее взвинчивали и прямо насильственно вгоняли в беспорядки, забастовки и т. п. Успех этого был возможен и неизбежен потому, что власть не поддерживала в высшей школе порядка. Власть убеждала само студенчество поддержать порядок, не понимая, что требует совершенно невозможного. Стоит хотя немножко вникнуть в реальность положения, чтобы видеть это. Ведь организации, стремящиеся втянуть студенчество в беспорядки, заняты этим делом специально, имеют на это материальные средства, действуют планомерно, будучи заговорщиками, то прячутся, то выступают открыто, повинуются руководящей ими власти. Что же может противопоставить трудящаяся масса студенчества такой грозной силе?

Эта масса, желающая только учиться, для этого поступившая в учебные заведения, была бы принуждена все забросить, если бы вздумала посвятить силы на борьбу с заговорщиками. Ей пришлось бы завести свою полицию для слежения за ними, пришлось бы в конце концов прибегнуть даже и к оружию. Но ведь сам закон не допустит легальную благонамеренную массу студенчества прибегнуть к тем средствам действия, которыми пользуется нелегальная заговорщицкая часть молодежи. Сверх того, эта трудящаяся часть молодежи не имеет и материальных средств, составляющих во всякой борьбе *pervus regum*³. Нако-

нец, самое главное, – вовсе не затем пришли эти люди в высшую школу, чтобы шпионить за коллегами, драться с ними и т. п. Масса студенчества может не нарушать порядка, не давать потачки заговорщикам, не мешать власти в поддержании порядка, не заступаться за своих собственных врагов, но это все, чего разумно можно от нее ждать и требовать.

Совершенно таково же и положение общества в отношении революционных организаций, старающихся возмутить порядок и низвергнуть правительство. Оно никак не в силах взять на себя труда, о котором говорит *Россия*, и совершенно по тем же причинам, как студенчество.

При всяком положении страны, даже если она находится в счастливом состоянии мирного развития, а тем более, если превратилась в злополучную храмину, стужаемую нечистыми духами революционных раздоров, власть должна иметь общественное содействие. Но она имеет на это нравственное право только под тем условием, что и сама понимает и исполняет свой долг в общей национальной задаче поддержания порядка, без которого нет ни успешного труда, ни культурного развития.

Эта обязанность власти возрастает до величайшей степени в эпохи революционные. Эти времена характеризуются тем, что в организм нации вселяется как бы некоторое «государство в государстве» в виде революционной организации, стремящейся ниспровергнуть данный строй. Что может противопоставить общество, народ, нация усилиям такого внешнего, в нее вселившегося организма? Для борьбы с ним прежде всего народ в такие минуты и эпохи нуждается в существовании его *собственной власти*, которая служила бы именно ему, его целям, а не целям революции. Такова и есть государственная власть, она для этого и создана. Ее-то и должно поддерживать общество. Если она находится на высоте своих обязанностей, не дозволяет водворения беспорядка, в котором общество уже не в состоянии действовать, то общество успокаивается нравственно, не впадает ни в уныние, ни в панику перед таинственными силами, обуревающими его; оно вследствие этого

и само действует энергично, с верой в успех и, наконец, знает, что именно требуется поддерживать и чему нужно противодействовать. Но если государственная власть впадает в бездействие и начинает предлагать обществу делать за нее то, что обязана совершить сама, то чего же возможно ожидать, как не худшего развития всякого рода беспорядков?

Вот настоящая истина, которая должна быть известна и самой власти, и обществу, вышедшему из состояния младенчества. Обязанность власти – поддерживать порядок, обязанность общества – сплотиться на этом вокруг власти.

Велика ответственность власти в эпохи революционные, ибо широки ее задачи и далеко не исчерпываются полицейскими мерами поддержания порядка. Власть есть сосредоточие общества, его мысли, его действия, без нее общество остается не только как без рук, но и прямо как без головы. А потому-то всякое обращение ее к обществу в такие минуты плодотворно лишь в том случае, если она сама находится на высоте действия и этим указывает обществу, каким именно способом последнее может помочь усилиям власти.

Нечто о реакции.

Воспоминания юбилея А. С. Хомякова¹ невольно приводят мысль к нынешним толкам о «реакции», которую либеральные газеты постоянно ставят в связь с русскими национальными идеалами. Газеты вроде *Русских Ведомостей* не стесняются – искренне или по тактическим соображениям – припутывать к этой «реакции» и стремления *Московских Ведомостей* к воскресению национальных идеалов. Узость революционной мысли, неспособной и не желающей понимать ничего, кроме самой себя, приводит к абсурдам, по которым и А.С. Хомяков окажется реакционером, тогда как безграмотные революционные насильники – прогрессивнейшими людьми.

К сожалению, и в среде «правых» найдутся люди, взывающие к «реакции», и это объясняется тем, что не все, становящиеся в нынешней партийной свалке на правый фронт, понимают и разделяют русские исторические идеалы.

Но тот, кто их понимает, никак не может быть реакционером.

Нет, не радуемся мы проявлениям реакции, когда они замечаются в русской жизни, ни малейше не желаем, чтобы эта реакция усиливалась, и предвидим от нее столь же мало доброго, как и от революции. Не революция и не реакция нужны нам для блага народа, государства и культуры, и мы могли бы только скорбеть, если бы России грозила опасность застрять в колебаниях между революцией и реакцией. Не реакцией можно победить революцию. Наше современное положение в исторической перспективе само это показывает.

Исторические основы России, хотя их сила и жизненность доказана величием совершенного ими дела, давно уже начали хиреть от того, что люди, им служащие, утратили сознание их сущности и допустили их перерождение в принципы, лишь по названию связанные с этими основами. Это относится и к политическому началу, переделанному в «абсолютизм», и к Православию, которое мы омертвили формализмом, и к народности, в которой вместо служения своему идеальному содержанию выдвинули простой племенной эгоизм и мысль о национальном «самодовлении». Все это вместе взятое отнимало у наших исторических основ их жизненную силу и, подорвав их способность созидать в национальной жизни дело действительно великое, как прямое последствие этого, — сделало эти основы бессильными против критики со стороны враждебных им начал. Таким путем историческая Россия стала подрываться и разрушаться уже задолго до невообразимой чепухи, именуемой «великой русской революцией».

Однако эта великая русская революция, составленная из мешанины разнороднейших идей, понабранных со всего света, и не имевшая ни искры созидательной обобщающей мысли, в первом же приложении к действительности, в первые же мо-

менты своего господства не могла точно так же не обнаружить своего политическо-социального и нравственного убожества и выродилась в такой разгул разрушения, который озадачил даже ее сторонников поумнее и почестнее; остальное же население ясно увидело, что так жить нельзя, что необходимо сколько-нибудь пресечь эту «революцию», внутри приводящую к социальному разрушению, а извне уничтожающую Россию как национальное и государственное целое. И вот является то, что называют нашей «реакцией».

Началось водворение хоть какого-нибудь порядка. В результате стали менее нагло резать и выжигать, поменьше грабят банки, в учреждениях вместо стада каких-то маньяков явились люди, более или менее рассуждающие, старающиеся не разрушать, а что-нибудь устраивать. Радоваться ли, однако, этой «реакции»?

Само собой разумеется, что чем меньше режут людей, чем больше замечается хотя бы и посредственного рассуждения в области законодательной, чем крепче стоит власть на страже порядка, тем лучше. При революционной анархии всем нельзя жить, при порядке же, каков бы он ни был, жить можно. Итак, нынешнее положение лучше прошлого. Но удовлетворяться им никоим образом невозможно.

Если наша реакция, как и полагается всякой реакции, начнет превращаться в «реставрацию» того, что начало разрушаться само собой даже до революции и что могло капитулировать даже перед такой жалкой (а потому и бессильной) революцией, если у нас начнется воссоздание именно этого прежнего строя, то наша «реакция» будет только мимолетным отдыхом между двумя революциями. Реакция – это момент усталости, не больше. Отдохнут, позабудут все, чем себя компрометировала революция, и опять начнется ее поступательное движение. Такова судьба всех реакций. В смысле чего-нибудь прочного, положительного, она не имеет и не может иметь решительно никакого значения, если бы даже водворяемые ею принципы были относительно лучше революционных, потому что все-таки позволяют кое-как *жить*, влечить существование.

Реакция держится только тем фактом, что революция себя скомпрометировала. Но не забудем, что революция тоже могла явиться только потому, что принципы, реакцией восстанавливаемые, еще раньше себя скомпрометировали. Тут для нации выбор являлся бы не между великим и ничтожным, не между святым и грешным, а между положениями, равно подверженными критике и отрицанию. В этих же случаях все шансы на конечное предпочтение имеет революция, ибо она способна возбуждать хоть страсти и сохраняет возможность говорить народу, что ей не дали докончить своего дела, может оправдывать все безобразия и ужасы своего кратковременного существования тем, что все это было явление временное, которое при более продолжительной власти было бы заменено чем-то очень хорошим.

Чему же можно было бы радоваться в такой «реакции»? Совершенно ничему. Она была бы бессильна что-либо создать, а если бы и создала (что невозможно) восстановление принципов, составляющих лишь искажение национальных идеалов, то в этом не было бы ничего доброго.

Итак, России нужна совсем не реакция, а возрождение жизненности национальных исторических основ; нужно, чтобы они стали в практическом действии такими же, какими являются в принципиальном своем содержании. Конечно, это задача, требующая великого напряжения творческих сил. Но только «сим победиши» и ничем больше не победишь врагов наших исторических основ. А этими врагами духовного содержания русской нации одинаково являются и революционеры, и реакционеры. Искажение национальных начал убивает духовные силы народа так же, как убивает их и революция. Для того, кто предан Русскому народу в его потенциальном, идеальном содержании, нечему учиться ни у революции, ни у реакции. Это для него два лагеря одинаково чуждые, и он может лишь стараться делать *свое, особое* дело помимо революции и помимо реакции.

Как реакционеры, так и революционеры одинаково склонны думать, что это задача невозможная. Но для того, кто верит в разум, в правду, в способность личности к творчеству,

задача оживотворения наших национальных основ не только не представляется невозможной, но является даже единственным исходом среди противоречий революции и реакции. И если только русское общество увидело бы *на практике* совершающееся возрождение этих начал с их высотой, с их «прогрессивностью», то даже из лагеря революционеров и реакционеров начался бы прилив лучших сил к делу национального возрождения.

Те, которые теперь примыкают к революции или к реакции не по простой стадности или личным интересам, все потянутся к лучшему, как только их неверие будет подорвано фактическими доказательствами возможности возрождения великого русского идеала Православного царства, венчающего православную жизнь народа и содержащего наибольшие залюги для развития личности и братского социального строя.

Клерикализм и союз с Церковью.

Один из читателей наших, говоря об отношениях наших к вероисповедным законам и вообще к союзу государства с Церковью, выражает мнение, будто бы мы при этом становимся на почву «клерикализма». Ввиду огромной важности этого недоразумения и вредных его последствий считаем небесполезным объяснить.

Московские Ведомости никогда не были клерикальным органом, и менее всего можно предполагать какой-либо клерикализм в нынешнем их редакторе, которого государственные воззрения изложены не только во множестве статей, но и в целых серьезных сочинениях. Как последовательный «государственник», видящий в государственной организации необходимое, неотменимое навеки и при всяких условиях культуры завершение социального строя, редактор *Московских Ведомостей* безусловно отрицает как вредные и недопустимые всякие

status in statu¹, в том числе и церковные. Церковное «государство в государстве» было бы вреднейшим из всех для государства и вместе с тем искажало бы то церковное устройство, которое свойственно христианству в его чистейшем православном выражении.

Государство не может и не должно выпускать из *своих* рук того элемента власти, который составляет существеннейший его признак. Допуская, так сказать, сепаратизм власти, государство перестает быть нужным и полезным органом социального объединения народа. Этим элементом государство не может и не должно поступаться и в пользу Церкви.

Клерикализм же состоит именно в передаче Церкви той или иной доли государственной власти. Клерикализм, в идее чистейше выражаемый в римском католицизме, исходит из той идеи, что государственная Верховная власть есть вассальная в отношении церковной власти (папской). Посему, по этой идее, Церковь имеет право на всякую степень власти в государстве и если уступает ее монарху или иному учреждению, то *по своему* соображению о пользе или удобстве этого. Эта клерикальная идея фактически осуществляется в разнообразных степенях, иногда очень скромных, даже как будто безобидных для государственной власти, но всегда несет с собой сопричисление Церкви к государственной власти.

Вот что такое *клерикализм*.

Отрицая его, мы разнимся от других противников клерикализма тем, что считаем в высшей степени выгодным для самого же государства сохранить *христианский характер* и, следовательно, *союз с Церковью*.

Не отрицаем, что при этом мы остаемся верны и обязанностям пред Церковью, но забота о Церкви, при нашей точке зрения, не находится ни в каком противоречии с заботой о государстве. Независимо от чьей-либо личной религиозности, в силу таких государственных взглядов разум требует союза государства с Церковью.

Каким же образом сохранить союз государства с Церковью, не допуская «клерикализма»? Да союз с Церковью только

и мыслим при условии, чтобы Церковь не присваивала себе государственной власти. Иначе появится неизбежная вражда и то или иное *господство*: либо государства над Церковью, либо Церкви над государством (клерикализм).

Христианский характер государства состоит в том, чтобы оно само, по своей доброй воле, проникалось христианскими нравственными идеями и проницало ими свое право, свои государственные обязанности, столь же добровольно становясь *покровителем* Церкви. Не господином (что есть идея Антихриста) оно должно быть, а покровителем, то есть без малейшего посягательства на духовно-нравственную сущность Церкви и ее самостоятельно определяемый церковный строй давать ей поддержку как первичному роднику своего собственного нравственного содержания, как источнику сохранения в народе того же нравственного содержания, а для всего этого давать Церкви права, необходимые для удобнейшего ее действия. Мировая миссия Церкви при этом точно так же входит, очевидно, в круг покровительства государства.

Само собой разумеется, что такие отношения наиудобнее, с наибольшим отстранением клерикализма достигаются в государстве монархическом, в котором Верховная власть принадлежит *единому лицу*, ибо совесть, вера конкретно и ответственно проявляются в *личности*, а не в учреждениях.

Повторяем, такой союз государства с Церковью не должен допускать ни малейшего ограничения прав государства. Вся правовая область, вся политическая власть принадлежит исключительно ему. Церковь пользуется теми правами, которые государство по своему рассуждению ей дает, и все ее права в государстве истекают исключительно из воли государственной власти до тех пор и постольку, поскольку эта государственная воля считает это нужным. Церковь должна принять с благодарностью то, что ей государство дает, и стерпеть лишение во всем, чего государство не находит нужным дать. Тут нет ни искры клерикализма.

Тем не менее, для функционирования государственно-церковных союзных отношений совершенно неизбежно, чтобы

государство правовым путем организовало все, в чем происходит соприкосновение церковной власти с его, государственной, властью. Учреждения церковные должны быть так или иначе сопоставлены с учреждениями государственными, приведены с ними в ясную связь, каковая и должна быть законно определена. Иначе, конечно, получился бы полный беспорядок и неизбежный произвол.

Такое правильное сопоставление Церкви и государства у нас было до сих пор. Но теперь, в силу изменившегося построения государственных учреждений, старые рамки отношений церковной и правительственной власти уже совершенно непригодны, что мы и видим на практике. Положение Св. Синода в среде государственных учреждений стало до крайности неясно. Отсюда проистекают, даже невольно, вторжения государственных учреждений в область церковную, а с другой стороны – стало неясно, каким образом церковное управление может на это реагировать? Положение обер-прокурора лишь наскоро определено принципиально неправильным причислением его к кабинету. Это лучше полного беспорядка, но, во всяком случае, допустимо лишь как краткосрочный переходный порядок, ибо превращать церковное управление в какое-то министерство совершенно немыслимо – ни принципиально, ни практически.

Неясное правовое положение Св. Синода и гораздо более ясное правовое положение новых законодательных учреждений привело естественно к тому, что со стороны последних появились вторжения в область ведения Церкви. Если бы даже по личному составу и убеждениям наши законодательные учреждения были расположены к Церкви, то все же такой порядок решения церковных дел не соответствует добрым союзным отношениям. Вообще установка государственно-церковных учреждений есть теперь задача еще даже не затронутая, а между тем необходимая.

Именно по отсутствию этой достройки учреждений вероисповедное законодательство пошло неправильным порядком. По существу своему это было дело совершенно ясное.

Дарованная Государем Императором свобода вероисповеданий, составляющая не более как развитие и расширение всегда признававшейся у нас веротерпимости, нимало не противоречит государственному покровительству Православной Церкви и господствующей роли Православия в России, а фактически осуществление Указа 17 апреля² пошло далеко не в том направлении, какого требует союзность государственных отношений с Церковью. Причина сводится к тому же неясному положению, в каком очутились церковные учреждения. Не нужно быть клерикалом для того, чтобы понимать необходимость порядка и правильного и ясного построения всяких государственных учреждений и ясности их отношения к Церкви. Но мы начали приводить к *окончательному* установлению вероисповедных отношений прежде, чем определили отношения церковных и правительственных учреждений. Воля Государя, выразившаяся в Указе 17 апреля 1905 года, могла быть и действительно была достаточно удовлетворительно осуществлена временными правилами, никто из иноверцев не был обижен. Окончательное же законодательное осуществление всех дарованных льгот и соответственное с этим изменение разных частей Свода законов могли без ущерба подождать того времени, когда будут законом установлены нормы отношений государства и Православной Церкви, а следовательно, и порядок законодательного обсуждения всего, касающегося веры и Церкви. К сожалению, спешность реформ привела к тому, что мы сделали второй шаг прежде первого, с получением, как всегда бывает, совершенно нежелательных последствий.

Теперь, конечно, нужно поправлять дело. Для того чтобы все это видеть и говорить, не нужно быть «клерикалом», а только сознательным государственным. Только присущая *Московским Ведомостям* постоянно государственная точка зрения и вызывает нашу критику в отношении постановки вероисповедного законодательства. Речь председателя Совета Министров в Государственной Думе свидетельствует о том же критическом отношении, а, кажется, правительство не может вызывать упрека в «клерикализме».

Принципы вероисповедного законодательства.

Известный знаток церковного права присяжный поверенный Н. Д. Кузнецов поделился с нашими читателями соображениями о принципах вероисповедного законодательства (№№ 267 и 268 *Московских Ведомостей*), которые подробно развивал 15 ноября в Клубе умеренных и правых в Санкт-Петербурге. По поводу этого доклада не можем не упрекнуть нашего почтенного сотрудника в полемической горячности, которая всегда рискует приводить к недостаточному беспристрастию. Так и в данном случае не можем согласиться с автором в том, чтобы имелись достаточные данные предполагать отрицание свободы совести со стороны Св. Синода. Равным образом едва ли справедливо упускать из виду то обстоятельство, что в течение долгого срока обсуждения правительственного законопроекта «в канцеляриях», как выражается Н. Д. Кузнецов, в Государственной Думе Министерство сделало ряд усилий для постановки законопроекта вообще и в частности о старообрядцах на какую-либо ясную принципиальную почву. Известно, что в этой части законопроекта имелись отзывы Св. Синода, да и в Государственной Думе Министерство не могло не предполагать найти разностороннее освещение вопроса. Когда же в Государственной Думе явились лишь крайние преувеличения вероисповедного равенства, Министерство само протестовало, а затем взяло назад для пересмотра два важнейшие из внесенных им законопроектов. Все это, конечно, требуется принять во внимание при оценке действий власти. Сверх того, вопрос и вообще не в том, чтобы упрекать отдельные ведомства в недостатке точного принципиального критерия в таком деле, которому сама русская наука не дала точного критерия. Если уж делать кому-нибудь упреки по этому поводу, то нужно, по справедливости, обращаться с ними к юристам, к русской науке. Откуда, в самом деле, «канцелярия» возьмет точки зрения, если их не установила сама наука?

Эта сторона доклада Н. Д. Кузнецова составляет слабейшую часть его в высшей степени важного труда.

Но если освободить этот доклад от его полемической части, то с положительной стороны мы получаем ряд прочных силлогизмов, приводящих нас к понятию о правильной юридической постановке, какую должно иметь русское вероисповедное законодательство. Наша наука доселе почти безмолвствовала в этом отношении. Если она говорила очень и очень много о *свободе совести*, то была темна и узка в определениях понятия *государственной Церкви*. Таким образом, эта слабосильная наука воспитала в русском обществе, а следовательно, и в «канцеляриях», и в законодательных учреждениях, ходячее воззрение, будто свобода совести и существование государственной Церкви суть два явления противоположные и несовместимые. Вследствие этого, когда явилась задача установить у нас свободу совести, то эта работа неизбежно пошла по пути подрыва значения государственной Церкви. В результате, так как полное уничтожение государственной Церкви практически невозможно и рискованно, то получается реформа неопределенная и половинчатая: в ней и свобода совести не выдержана, и права государственной Церкви не ограждены, и, в общей сложности, она не столько что-либо устраивает, как обостряет внутреннюю вероисповедную борьбу.

Порицать за это отдельные лица, ведомства или учреждения – совершенно бесплодно. Но важно осознать, что г-н Кузнецов именно указывает выход из смуты, важно всех враждующих пригласить присмотреться к указываемому им исходу.

Восстановим же вкратце ход мысли докладчика в ее сущности и чистоте.

Он напоминает нам прежде всего, что Высочайшей властью (17 апреля и 17 октября!) перед нашим законодательством поставлена задача: осуществить религиозную свободу при сохранении господствующей Церкви. Нас воспитали в мысли, будто бы возможно одно из двух: или свобода, или Церковь. С высоты же Престола предуказано: *и* свобода, *и* Церковь. На этом-то камне и преткнулась наша реформа, которая стала

осуществлять только половину предназначения, ибо не имела идеи, объединяющей обе половины. Г-н Кузнецов же, в отличие от сторонников той или иной половины задачи, говорит, что действительно нужны обе, а не одна из них.

Нужна, говорит он, государственная, господствующая Церковь. Почему? Потому что для государства необходимо иметь моральный элемент в обществе и в себе самом. Но если он нужен, то, значит, нужна и религия. Нетрудно доказать непрочность внерелигиозной морали, и мы не станем отвлекаться на эту частность... Далее мысль идет так: если нужна религия, то, конечно, христианская, ибо лишь в христианстве моральное начало возведено до идеальной высоты и господства. Но если для государства нужно господство христианства, то это значит, что ему необходима *Церковь*, ибо христианство есть религия не индивидуалистическая, а общественная (церковная), жизнь христианская мыслима лишь коллективно, в Церкви.

Итак, государству необходимо существование и действие Церкви в его юридическом порядке. Само собой, что для России это может быть только Православная Церковь... Но если бы мы избрали даже иную Церковь, то государство может вводить в свой юридический порядок только *одну* Церковь, а не десять и не две. Если бы мы в юридический порядок ввели хоть две Церкви, то это было бы равносильно тому, что у нас нет ни одной. Государству необходимо существование *самостоятельной* нормы морали, не им предписанной, а самодовлеющей, ибо только такая мораль способна умножать его силы.

Как известно, закон есть не что иное, как обязательное предписание минимума нравственных начал. Но государство, предписывая минимум (ибо только он доступен всем), нуждается в том, чтобы в нации жил (не обязательно, не предписано) также и максимум моральных норм, ибо только при этом законный минимум может быть достаточно высок. И вот почему государству нужна одна господствующая Церковь. Если их будет хоть две, то уже государству придется стать выше их, быть судьей их и их норм. Таким образом, государство только

прибавит себе лишнюю заботу без всякой пользы для своей цели, ибо *единой* нормы для него не будет. Европейские законодательства из двух зол совершенно правильно предпочли положение атеистического государства, ибо лучше уж совсем не думать о религии, чем наваливать на государство сверх прочих попечений еще вечное разбирательство правоты церковей и размежевание между ними разных прав без всякой пользы для себя, ибо при этом самостоятельность морального начала исчезает. Итак, в юридический порядок государства может быть введена с пользой для него только *одна* Церковь.

Господствующая Церковь есть именно та, которая введена в юридический порядок государства, и только в этом все ее «господство». Господствующая Церковь должна быть сохранена, и только одна. В этом отношении Высочайшее предначертание вполне совпадает с предписанием юридического разума.

Но как же быть со свободой? Она тоже предписана, она тоже нужна. Непременно, говорит г-н Кузнецов, должна быть и она. Но свобода вероисповедания или совести вовсе не состоит в том, чтобы данное исповедание было введено в юридический порядок государства. Если какая-либо Церковь облекается правами господствующей, то вовсе не для того, чтобы она имела свободу. Свободу государство обеспечивает совсем иными путями и может дать ее всем исповеданиям, но не на правах официально признаваемой Церкви, а на правах *частной корпорации*. Свобода совести именно только этим и обеспечивается. Итак, Высочайшее указание вполне осуществимо и даже единственно осуществимо в том случае, если законодательство облекает юридическими полномочиями только одну (господствующую) Церковь, а всем прочим религиозным сообществам дает права частных корпораций. Тут ничего не потрясено и никто не обижен. Реформа производится одинаково в обеих частях своих.

Таков смысл доклада Н. Д. Кузнецова – в кратких словах и в вольном изложении. Мы группируем не слова автора, а элементы его мысли.

Можно порадоваться, что эта строго юридическая постановка дела явилась у нас в середине законодательных работ. Теперь еще не упущено время. Конечно, законодательные работы прошли уже длинный путь, получили свою инерцию, нелегко сворачивать их в какую-либо другую сторону. Но если мы не успеем свернуть в сторону, то выйдем не на вольную дорогу развития, а попадем в тупик, где столпившиеся религиозные интересы могут лишь претерпеть страшную давку. А потому нужно надеяться, что соображения Н. Д. Кузнецова будут услышаны достаточным числом законодательных деятелей. Нельзя не пожелать, чтобы они обратили внимание на самую сущность мысли, которая единственно способна не раздроблять на направления и партии, а объединить серьезные умы в общем деле реформы.

Что такое национализм.

В настоящее время появилось нечто вроде моды на национализм. Имеется думская фракция националистов, есть разные общества националистов, явилось даже «новое славянофильство», которое также окрашивает себя некоторым подобием национального освещения. Прочно ли это движение к национальному – покажет будущее, а пока можно лишь сказать, что этому будущему чрезвычайно угрожает неопределенность содержания этого движения.

В нынешнем национализме чувствуется скорее «слово», чем «понятие», и это тем удивительнее, что национализм у нас далеко не нов. Его идея в разных оттенках славянофильства получила разработку несравненно более глубокую, чем какой бы то ни было другой принцип, нашим обществом воспринимавшийся. И тем не менее, хотя слово «национализм» раздается всюду, но что составляет содержание этого слова, к какому действию обязывает со-

временного человека его «национализм», – этого пока почти невозможно определить.

Национальная идея разрабатывается у нас по малой мере целое столетие сотнями очень крупных работников, философов, ученых, историков, этнографов, до некоторой степени даже юристов. Не станем перепечатывать страниц «Истории русского самосознания» покойного Кояловича¹, но достаточно напомнить имена Хомякова, Киреевских, Аксаковых, Самариных, Соловьевых, Данилевского, К. Леонтьева, М. Каткова, Достоевского и т. д. Конечно, идея национальная не обходилась без своего рода «фракций», но, во всяком случае, общие основы ее установлены так ясно, так прочно, что, казалось бы, современный национализм мог очень хорошо знать, что он такое, чего он хочет, какими путями может действовать. А этого-то и нет.

В движении чувствуется не столько самосознание, как голос инстинкта, то есть именно та слабая сторона, по причине которой Россия не умела самостоятельно усвоить европейского просвещения, вечно поддавалась чуждым идеям, вечно копировала чужие учреждения и вообще отличалась печальной чертой «обезьянничанья», свойственного всякой «варварской», не достигшей самосознания нации.

Этот недостаток сознательности составляет слабейшую черту и современного движения, более всего ставящую под вопрос его будущность. Недостаток сознательности препятствует, во-первых, созданию практической программы деятельности, во-вторых, дает полную возможность входить в ряды «националистов» людям, проникнутым совершенно противоположными взглядами и симпатиями. Таким образом, под флагом национализма может развиваться деятельность даже и прямо ему враждебная.

Должно вспомнить, что наше антинациональное, европейничающее движение, в том числе так называемое либеральное и «освободительное», отметили себя своеобразной чертой «фальсификаторства», подделки чужих этикеток как средства борьбы. Движения глубоко национальные этого ни-

когда не делают. Лютер, восставая против папизма, не прикрывался названием «истинного паписта», а шел честно и прямо, как некоторая *новая* сила. Французская революция, стремясь низвергнуть монархию, не прибегла, как у нас, к искажению понятия «Верховной власти», а просто перенесла Верховную власть на народ. У нас же всюду подделка. Идут против Христа и называют себя будто бы исполнителями заветов Христа. Идут против Православия и называют себя «истинно православными». Идут против Царя и сочиняют для отнятия у Него власти разные подделки как искажение понятия о «Самодержавии», о «Верховной власти». Эта лживость и фальсификаторство, признак внутренней слабости, могут действовать тем успешнее, чем меньше у нас сознательности в религии, государственном праве или в отношении тех или иных принципов. Преобладание инстинктивности в национальном движении делает и его легко доступным таким преднамеренным искажениям врагов.

Не упоминаем уже об искажениях непреднамеренных, как, например, перенос к нам формулы «Россия для русских». Есть народы, для которых такая формула действительно национальна, вытекая из самого духа их и из обстоятельств их истории. У нас же трудно даже понять, какую именно программу способна дать подобная формула, притом же взятая напрокат у иностранцев. А между тем программы, вытекающей из содержания русского духа и из условий русской истории и жизни, у нас не видно и не видно. Точнее говоря, такие программы имеются, но лишь как достояние отдельных мыслителей, не входящее в массовое и партийное сознание.

Вот для того, чтобы иметь будущее, чтобы стать движением прогрессивным и спасительным, современный национализм должен прежде всего развить в массах то понимание, ту русскую самосознательность, какие имеются до сих пор только среди отдельных мыслителей, и в этом отношении непременно разъяснить массе общества и народа самое понятие о «национализме».

В действительности это понятие и принцип в высшей степени ясные и сводятся к тому, чтобы мы были *самими собой*. Нация, народ, как и отдельный человек, имеет свой особый характер, как бы свою, метафорически выражаясь, личность. Этот характер создается и племенными свойствами, и обстоятельствами исторического бытия народа, его собственными трудами над своим устройством, его работой нравственной и умственной и т. д. Национализм есть принцип, согласно которому мы должны жить соответственно этим своим национальным чертам, ибо только создавая жизнь, с ними соответствующую, мы можем руководить ей и жить счастливо, можем работать энергично и производительно, возвышая свою нацию и в ее работе давая кое-что полезное для человечества вообще. Для тех, кто понимает это содержание принципа национализма, совершенно ясно, что мы можем быть националистами лишь постольку, поскольку проникнуты знанием и духом своего исторического бытия, знанием и духом своего народа в его прошлом и настоящем, знанием и духом своих вековых учреждений и всего, что нашей нацией вырабатывалось. Вот только будучи таким образом русскими по духу и содержанию, мы способны национально создавать свое настоящее и свое будущее.

Чего недостает Национальному Союзу.

Еще в начале текущего года нам приходилось говорить о Всероссийском Национальном Союзе, отмечая тот шаг вперед, который русская политическая мысль сделала в нем сравнительно с программой «октябристов». Но если программа Всероссийского Национального Союза заключает в себе симпатичную попытку к жизненности, то наряду с этим нельзя не отметить и слабых сторон, составляющих несомненное наследие «октябризма». Именно в силу того хорошего, что пробива-

ется в националистическом движении, необходимо желать ему освобождения от остатков этого мертвящего наследия.

В программном отношении он так объясняет свои задачи: «Всероссийский Национальный Союз имеет целью содействовать: а) господству русской народности в пределах Российской Империи; б) укреплению сознания русского народного единства; в) устройству русской бытовой самопомощи и развитию русской культуры; г) упрочению русской государственности в началах Самодержавной власти Царя в единении с законодательным народным представительством».

Если мы сравним эту программу с исходным положением Союза 17 октября, то в ней виден большой шаг вперед. Во-первых, Национальный Союз берет своим исходным пунктом нечто бесспорное и способное к самоопределению и развитию, именно *русскую национальность*. Понятно, что для Русского народа главным делом является он сам, а следовательно, партия, берущая исходным пунктом развитие и укрепление русской национальности, тем самым закладывает себе возможность связи с могучим политическим фактором. Насколько случайна и лишена незыблемости партия, берущая за основу какой-либо отдельный законодательный акт, способный по самому существу быть измененным другими актами той же или иной власти, настолько же прочна основа народности.

Но если эта основа очень реальна, то тем более требуется сколько-нибудь ясное сознание ее содержания. А этого-то мы и не находим в программе. Так, например, бросается в глаза безусловное умолчание программы Союза о каком бы то ни было религиозном элементе. Не только в истории, но и в современности Русского народа этот элемент имел и имеет огромную роль. Как же к нему относится Союз? К чему зовет он своих членов в отношении веры и Церкви? Об этом ни звука.

Всякий, помнящий русскую историю, а особенно переживший лично такие великие минуты русского самосознания, как царствование Императора Александра III, не удовлетворится и задачей господства русской национальности «в пределах Российской Империи». Что такое «пределы Российской

Империи»? Точность формулировки требует господства не на «территории», а в *государстве*, во всех пределах его власти или влияния, а не на одной какой-либо территории.

Нельзя также удовлетвориться стремлением к *единению* или к развитию самосознания, если мы не указываем, на чем же русским единиться. А в программе мы не видим ни одного характеристического признака русской национальности. Это, с одной стороны, странно, ибо неужели же за тысячу лет жизни Русский народ не проявил ни единой своеобразной черты, которая бы сама по себе должна была входить в программу русского национализма? Неужто так бессодержательна русская нация? Неужели Союз думает, что она родилась на свет только 17 октября 1905 года? Если да, то господство такой нации, хотя бы и только «в пределах Империи», не оправдывается пока общечеловеческими принципами, а следовательно, и незащитимо принципиально. Если же русская нация имеет какие-либо самобытные, выработанные ею начала, то как же не говорит о них ничего Союз, ставящий своим знаменем русскую национальность?

Итак, программа выходит туманная, бледная.

Но ее общая бледность в пункте «г» пытается превратиться в нечто с определенным цветом, и вот именно на этом ярче всего обнаруживается нечто чисто «октябристское». Оказывается, что член Союза должен охранять и Самодержавие Царя, и обязательное для Него «единение с *законодательным* народным представительством».

Но что же такое «Самодержавие», если оно *ограничено* обязательным «единением» с чьей бы то ни было законодательной властью? Правда, что у нас ныне закон гласит нечто в этом роде. Но программа и закон – дело разное. Закону мы обязаны подчиняться, каков бы он ни был. Переменится закон, будем подчиняться другому. Программа же партии составляется и воспринимается нами добровольно, по нашему собственному разуму, и ее противоречия не имеют никаких оправданий.

Мы не спрашиваем от закона того отчета, который непременно должны спрашивать у программы партии. А потому

всякий неизбежно спросит у Национального Союза: что же он понимает под Самодержавием, ограниченным законодательной властью представительства, и как мы должны разбираться в вопросе о подчинении этим двум властям, если они окажутся не «в единении»?

Эта неопределенность так дефектна, что сама по себе уже может помешать какому бы то ни было действию Союза в нации. Этот роковой пункт мешает всякому единению и в отношении «развития самосознания», и в отношении «развития культуры», и вообще на каждом пункте практической деятельности.

Невольно спрашиваешь себя, откуда Союз почерпнул такое понятие о *содержании* русской государственности? Если он хочет узнавать содержание национальной идеи из русской истории, то он именно не имел права говорить о «законодательном представительстве», ибо в русском историческом народном представительстве было нечто совершенно иное. Земско-соборное представительство не имело законодательных прав, но зато имело множество других (законосовещательное, контрольное, петиционное, право и обязанность связи с социальными слоями). Самодержавие Царя всегда оставалось неограниченным. Программа же Национального Союза одновременно вводит ограничение Самодержавия и ограничение компетенции народного представительства. На каком же основании?

Если Союз находит уже отжившим то представительство, какое Русский народ выработал в своей истории, то все же нельзя вводить вместо этого в «национальную» программу такого пункта, который совсем не создавался *народом*, а основан только на недолговременном опыте последних лет. *Закон* есть закон, хотя бы он возник только вчера и имел жить только до завтра. А национальная программа может включать в себя лишь то, что уже стало прочным достоянием национального сознания и воли. Никакие *новые*, не упрочившиеся, нацией еще не принятые основы государственного строя не могут входить в национальную программу, которая обязана брать свое

содержание из нации. Этот пункт «г» не включает в себе ничего национального, а есть чистейшая октябристская отрыжка. Но октябристы по крайней мере называют себя просто «политической» партией, не претендуя представлять никого, кроме людей, с ними политически единомышленных. Национальный же Союз, претендуя на национальную роль, в действительности без всякого «спроса» нации вводит в свою программу нечто, нисколько с русской национальностью не связанное. Октябризм весь построен на политиканстве. Но если какая-нибудь партия или союз, почерпая содержание из октябризма, будет подносить стране это содержание под флагом национализма, то будет отличаться от октябризма только еще меньшей искренностью, а следовательно, скомпрометирует себя в общественном мнении еще скорее.

Поэтому Всероссийский Национальный Союз, если хочет жить, должен внимательнейше пересмотреть эти больные места своей программы и отрешиться от них. От этого зависит все его будущее. Он должен усвоить или действительно *национальное* содержание, или ждть обвинения в том, что его «национализм» есть лишь уловка для прикрытия «октябристских» замыслов.

Речь В. Н. Коковцова и наш политический курс.

Со времени убийства вечно памятного Петра Аркадьевича Столыпина в думских сферах, как и в печати, немедленно поднялись толки о будущем «курсе» нашей политики. Идем ли мы по тому же пути, свернем ли на другой? Когда Владимир Николаевич Коковцов был Высочайшей Волей назначен в преемники П. А. Столыпина, в тех же сферах общественного мнения усиленно ждали какой-то «декларации» нового главы кабинета об общем направлении его предстоящей политики. Печальнейшее представление о нашей государственности вы-

ражалось в этих толках и ожиданиях. Действительно, стоит только вдуматься: насколько невысокое мнение о своей стране и о своем правительстве нужно иметь для того, чтобы ожидать перемены политики, как только шайка убийц или тайное злодейское сообщество (предполагая присутствие его в данном случае), вспомоществуемое непостижимо преступной небрежностью охраны, — успели убить П. А. Столыпина!

А между тем к стыду нашего прошлого нельзя не сознаться, что это настроение публики не совсем безосновательно. К несчастью для России, действительно у нас не только явно искусственная уличная смута, прозванная «революцией», но даже и отдельные убийства, как, например, В. К. Плеве, отражались резкими изменениями «курса». Можно было бы надеяться, что эти моменты принижения государственности могли быть уже забыты хоть за эпоху председательства П. А. Столыпина, который недаром начал свою правительственную деятельность знаменитыми словами «не запугаете». При нем в течение пяти лет русское правительство достаточно показало, что оно возвратилось к своему долгу: быть национальным и действовать не по указам террористов или каких бы то ни было «революций», а по начертаниям той Державной Воли, которая в себе осуществляет волю России. Но если так, то как же может убийство министра отражаться «переменной курса» деятельности его преемника?

И, однако, толки об этом немедленно возникли и упорно продолжались, обличая какое-то закоренелое представление, что в «обновленной России» не существует самосознающего государства, а имеются только отдельные правители, которые делают, что хотят: при Столыпине объявляют «национальный курс», а при его преемнике могут объявить чуть не «антинациональный»... Престиж Русского государства, видимо, настолько потрясен предшествующими способами его «обновления», что даже самого элементарного доверия к нему не оказывалось ни на улице, ни в Таврическом дворце¹. Все упорно требовали какой-то специальной «декларации».

Для восстановления чести Русского государства великую услугу составляет то, что новый председатель Совета Мини-

стров не дал, несмотря на это, никакой специальной декларации. Но в заседании Думы 28 октября он сделал нечто большее, то есть дал объяснение того, что никакой «декларации» не нужно и не может быть. Воспользовавшись частным вопросом финляндских реформ, В. Н. Коковцов сделал несколько замечаний, имеющих общее значение для выяснения «курса» нашей политики.

Отмечая, что убийство П. А. Столыпина было в Финляндии учтено как некоторый шанс отступления от проведенных им законов финляндской реформы, председатель Совета заметил, что «менее для него понятно» те же предположения охватили и русских. Очень тонко он не стал *прямо* опровергать этих предположений, а обрисовал всю их неуместность.

«Мы, господа, не успели еще привыкнуть к сознанию необходимости последовательности и преемственности в наших действиях. Мы слишком много придаем значения личности. Мы слишком легко допускаем мысль о том, что каждый преемник должен непременно находиться в противоречии или, по крайней мере, в несогласии со своим предшественником»... «По счастью, господа... *в вопросах, от которых зависит действительная целостность и единство государства, его слава, его могущество, во всех коренных вопросах удовлетворения насущных нужд русского народа – не может быть разницы во взглядах, не может быть колебаний и несогласий преемника по отношению к предшественнику.* Все намеченные мною вопросы слишком глубоко затрагивают потребности русского духа, они заложены в самую глубину нашего сознания, и как бы ни оценивалась разница между тем или иным представителем власти, который поставляется Верховной Волей во главе исполнительной власти, как бы вы ни расценивали его политические идеалы, его дарования, его энергию, его способность поднимать на ту или иную высоту народное сознание над будничной действительностью, по существу между ними разницы быть не может, и преемник покойного статс-секретаря Столыпина если и с меньшей силой и искусством, то, по крайней мере, с таким же убеждением будет защищать все проекты, которые

внесены. Он будет защищать их не под влиянием духа угнетения, не под влиянием стремления устроить русскую жизнь так, чтобы кому бы то ни было непременно было худо, а под влиянием сознания, что *русская народность*, собравшаяся в одно общее неразрывное целое, в Российскую державу, которая пронесла идею нашего государства на пространстве вековых испытаний, *должна получить себе в русском законодательстве справедливую оценку и олицетворение*».

Нужно надеяться, что эти немногие, но сильные объяснения прекратят, наконец, у нас толки об общем направлении политики нынешнего кабинета, который есть не что иное, как выражение действия Русского государства, подобно тому, как П. А. Столыпин был выражением действия того же самого государства. В. Н. Коковцов с подобающей в самооценках любезностью воздал высокие похвалы своему предшественнику – государственному человеку действительно необычных талантов. Россия знает, однако, и В. Н. Коковцова как государственного человека также выдающихся талантов, и со стороны нашей было бы совершенно неуместно и бесполезно воздавать кому-либо из двух государственных людей, так долго действовавших вместе, в одном кабинете, какую-нибудь преимущественную хвалу. Это дело истории. Для нас же в настоящую минуту важно лишь то, что направление политики Русского государства определяется не личными вкусами министров, а теми общими условиями, которые отмечены В. Н. Коковцовым и которые в совокупности определяют так называемую *государственную волю*.

Установка этого пункта в настоящую минуту составляет заслугу В. Н. Коковцова подобно тому, как величайшую заслугу покойного П. А. Столыпина составило то, что он этот же пункт установил и закрепил во время своего председательства.

Читатели должны обратить внимание на то, что содержание формулы, данной В. Н. Коковцовым, есть то самое, что П. А. Столыпин определил формулой «национальная политика». Русская народность, создавшая русскую державу, должна получить себе в законодательстве справедливую оценку и оли-

цетворение. Эти слова нового председателя Совета Министров дают именно формулу национальной политики. Долг законодательства, то есть обязательного определения норм действия государства, исполнительной власти и самих граждан, состоит именно в том, чтобы дать «олицетворение», как выразился В. Н. Коковцов, то есть реальное осуществление, «потребностям русского духа». Эту обязанность понял П. А. Столыпин, ее же провозгласил его преемник.

Мы говорили уже не раз, что возведение национальной политики было великим делом государственного чутья покойного П. А. Столыпина не потому, что он на основании этого поставил на очередь несколько отдельных законопроектов, а потому, что национальная политика ставит над деятельностью государства непреложную обязанность всегда думать о духе нации, о содержании этого духа и о мерах к его осуществлению в реальной национальной жизни. Творчество законодательства и государственной политики отрешается при этом от всякого произвола, освобождается от подчинения революционным директивам и получает незыблемую почву. Что правильно, что ошибочно в наших законах или мерах, – все это уясняется при свете духа нации, и наши обязанности при создании новых законов или исправлении прежних получают незыблемое, никогда не обманывающее мерило. С этим мерилом мы и должны идти по пути государственной деятельности, памятуя, что оправданием наших мер служит не идея того или иного министра, а идея, кроющаяся в духе и сознании самого Русского народа.

К вопросу о масонах.

На днях (*Московские Ведомости*, № 14) мы дали место статье г-на Демченко, который призывает внимание русских здравомыслящих и любящих отечество людей к изучению так

называемых «Протоколов Сионских Мудрецов», где излагаются планы и тактика масонской организации, подготовляющей всемирное господство евреев.

Вопрос о подлинности этих «протоколов» нам не кажется столь ясным, как нашему сотруднику. Самый документ известен давно. Он появился в качестве перевода с французского лет десять тому назад, сначала просто рукописью, затем был издан литографски, затем имел два, если не ошибаемся, печатных издания. Теперь его можно найти, кажется, только у С. А. Нилуса. Этот документ выдавался за подлинные протоколы, списанные каким-то искусником, умевшим вкрасься в доверие к «Сионским Мудрецам». В документе много сомнительного с точки зрения чисто протокольной, но нельзя отвергнуть возможности и того, что сомнительные места введены нарочно для того, чтобы замаскировать личность «изменника», выдающего масонские тайны, а еще чаще для того, чтобы разъяснить непосвященным смысл речей. Но в общем – многое производит впечатление достоверности.

Редакции *Московских Ведомостей* (это было при В. А. Грингмуте¹) документ был доставлен еще в рукописи около 1901 года, и сомнительные его места сами бросались в глаза человека, несколько способного к критике документов. Но с тех пор произошло нечто подтверждающее, что если это и не «протоколы» в подлинном смысле, то изложение чего-то действительно подслушанного в тайном обществе, именуемом «Сионскими Мудрецами».

Один из протоколов начинался словами: «Сегодня могу сообщить, что *наша цель уже в нескольких шагах от нас*. Вот рисунок, на котором изображен весь пройденный нами путь, и намечено небольшое пространство, которое осталось нам пройти, чтобы сомкнуть цикл символического змия, каковым мы изображаем наш народ. Когда этот цикл окончательно сомкнется, то им будут замкнуты все европейские государства крепкими тисками».

Символический рисунок, который при сем прилагался (в нынешних изданиях его почему-то не оказывается), изобра-

жал, что предназначалось овладение сначала Петербургом, а затем – Константинополем.

Тогда мы не придали никакого особого значения этим похвальбам. Но не прошло и нескольких лет, как сообщение протокола оправдалось фактами. Переворот потряс как Россию, так и Турцию², причем младотурки сами откровенно заявляли, что достигли успеха благодаря масонам.

Это, конечно, показывает, что в документе есть верная основа, если даже по форме он и составляет подделку. Но сведения о существовании ордена Сионских Мудрецов, или Великих Магов находятся, сверх того, далеко не в одних этих «протоколах». Теософические сочинения, хотя и в формах весьма фантастических, утверждают существование некоторого ордена Великих Магов. Он будто бы существовал еще во время построения Соломонова храма, а с разрушением Израильского царства разделился на три союзные ветви, из коих одна имеет резиденцию в Египте, другая в Индии, третья в Англии. Этот орден кощунственно называет Господа Иисуса Христа своим воспитанником, но Церковь христианскую ненавидит и считает нужным уничтожить. Орден приписывает себе особые таинственные знания, дающие ему власть над природой, и готовится к тому, чтобы после великого социального переворота, им предусматриваемого, облагодетельствовать народы под властью и руководством его Великих Мудрецов.

Эти рассказы имеют в подробностях сказочный характер. Но существование легенд о всех вообще государствах нимало не мешает существованию самого государства, и нельзя же отрицать роли Римской республики или Римской империи из-за того, что волчица не могла вскормить Ромула и Рема, или что душа Юлия Цезаря не могла явиться в виде кометы.

Точно также существование и планы масонской организации Сионских и иных Мудрецов не может быть отрицаемо на основании того, что все это запутано легендами, символами и, может быть, преднамеренно ложными слухами. Но для того, чтобы знать масонские планы, требуется изучать не специально одни «Протоколы Сионских Мудрецов», а вообще масон-

ские документы и следить за проявлениями деятельности как масонских, так и оккультных и теософических обществ.

Известно, что эти последние практически, по-видимому, очень тесно связаны с масонством. За революционный период истории, с XVIII века по наши дни, мы постоянно видим, что деморализация умов и нравственности, производимая оккультными учениями, с Калиостро до разных «мартинистов»³, как говорят, ныне очень расплодившихся в Петербурге, являлась предвестницей революции и, без сомнения, была одним из ее орудий. Это понятно, ибо пока умы и верования крепки и здоровы, основы социального и политического строя также остаются прочны. Всем тогда понятна необходимость порядка, дисциплины, всем ясны истины вроде тех, что в мире нет равенства сил и способностей и т. д. Когда же умы охватываются лжемистическим туманом оккультизма, людям как одурманенным начинает казаться возможным то, что невозможно, и вредным то, без чего нельзя жить ни людям, ни обществу. Насколько весь этот дурман создается масонством – это иной вопрос, но совершенно понятно, что тайное общество, имеющее масонские цели, должно эксплуатировать все слабые стороны народов и государств, которые желает подчинить своей власти. И потому-то людям разумным и здоровым следует в наши дни не только бороться с такими деморализующими факторами как оккультизм, спиритизм и т. п., но также и изучать организацию и действия всех этих «мудрецов» и «магов».

Но в изучении всяких явлений должно действовать с приемами научной работы, с точным наблюдением, анализом, критикой, а не судить по случайным сплетням, может быть, нарочно распускаемым, не по обрывочкам случайно замечаемых фактов. Таким изучением можно делать много шума и гама, но нельзя причинить ни малейшего вреда строго обдуманной тактике серьезного тайного общества. Сверх того, странно сваливать на *масонов* всю сложность эволюции человеческих обществ. Нельзя же представить себе, что люди жили счастливо и в здоровом состоянии, но явилась масонская организация

и всех развратила. Надо знать законы развития обществ, которые были бы такими же, как они есть, если бы никакого разрушения храма Иерусалимского и совсем не происходило. Вообще изучение масонства может быть плодотворно только при том условии, если оно ведется *научно*. Только такое изучение способно выяснить истинную степень влияния того или иного тайного общества на эволюцию народов и государств.

Что касается наблюдения масонских организаций именно в *современных* их антигосударственных планах, то едва ли это мыслимо иначе, как путем *государственным*. Если здесь выступают тайные общества давние, прочные, укрепившиеся, то где же частным кружкам или отдельным лицам бороться с ними? Только государственная организация способна была бы раскрыть тайны масонства как общества заговорщиков.

На то, что государство к этому способно, указывают долгие века его побед над тайными учениями и обществами. С тех же пор, как государственная власть сняла с себя обязанность следить за вредными учениями и спасти общество от захвата его тайными организациями масонства, эти последние становятся всесильны. Следовательно, там, где еще можно организовать твердое правительство с ддящимися целями и с возможностью обеспеченной *тайны действия*, полное раскрытие масонских планов теперь гораздо легче, чем было в плохо организованных государствах Средних веков. Есть разница между изучением научным и практической борьбой со злоумышлением. Последняя лежит на прямой обязанности государства, и у нас в России тем более заслуживает внимания, что, конечно, «переворот», произведенный у нас прошлой революцией, никак не может удовлетворить масонское общество. Вне сомнения, достигнутая степень расшатанности России не может казаться для него достаточной. Мы, следовательно, можем ожидать повторения его усилий к потрясению нашей Монархии. Для предупреждения этого и необходимы соответственные меры власти.

В чем наша опасность.

В настоящее время у нас очень много говорят о масонстве, разоблачая его стремления к подрыву нашей исторической общечеловеческой и государственности и к захвату всего мира в руки тайного масонского центра, с которым многие отождествляют центральную еврейскую организацию. Мы время от времени знакомим читателей с этими разоблачениями, поскольку они стоят на твердой почве, и вообще существование такой масонской организации нам представляется несомненным. Но если наиболее полное раскрытие этой организации желательно и необходимо для целей самозащиты современного общества и государства, то, во всяком случае, для самозащиты гораздо еще важнее нечто иное. Нам нужно строить наше общество так, чтобы оно было здоровым и сильным. Если нам и современному миру угрожает опасность со стороны масонства, то главным образом вследствие того, что мы стали сами подрывать свою общественность и государственность нерациональной их перестройкой.

В историческом процессе эволюции последних столетий замечается все более усиливающееся стремление снять с личности все стесняющие ее условия. Свобода личности была основным лозунгом так называемого «прогрессивного» течения нового периода истории.

Подрыв и разрушение всего, ее стесняющего, с особой силой проявились и в нашем «освободительном» движении. На этой почве действовала революция в Европе и естественно заложила в государственность и общественность множество семян разложения. В этом проявилось ложное понимание законов общественности, коллективного существования, и естественно, что одна односторонность вызвала скоро другую.

Действительно, в XIX веке социализм выступил уже с такими требованиями, которые вместо свободы логически ведут

к закреплению личности будущему обществу. Но кто же виноват в этих шатаниях творческой мысли?

Конечно, в обеих формах эволюции масонство и еврейство принимали живое участие, и легко представить, что обе односторонности были полезны для организации, которая мечтает о порабощении себе мира. Первый период был удобен для разложения исторической государственности, ибо приводил общества и государства к бессилию; второй период поднимает вопрос о создании социалистической крепкой власти, которую легко может незаметно захватить тайная «масонская» организация, если она продержится до того времени крепкой и сплоченной.

Но из этого не следует, чтобы вся история мира за последние четыре столетия «делалась» искусственно масонством или мессианическим (по другой терминологии «антихристовым») еврейством. Все наши исторические знания не допускают такой гипотезы. Люди могут пользоваться силами природы, употреблять в своих целях силу тяготения, притяжения и отталкивания и т. д., но сил и законов природы не создают. Так и в истории общественности действуют самостоятельно силы социальной природы, которыми может пользоваться каждый в своих целях, но которых никто, – ни масонский «патриарх», ни римский папа, ни великие министры, – не создают. В эволюции обществ и государств действуют силы такие же внутренние, органические, как и в явлениях внешней природы. Мы можем знать эти силы и законы их и потому разумно пользоваться ими для своего устройства, можем представлять себе их иллюзорно и вследствие этого расстраивать свои общества и государства. В несомненных явлениях расстройства нынешних обществ виновато, конечно, больше всего не какое-нибудь преднамеренное злое влияние масонов или каких бы то ни было организаций, а ложное направление наших собственных устроительных действий.

У нас в России эта слабость понимания социальных законов проявилась еще сильнее. Все, которые ныне обнаруживают такой страх перед масонством и еврейством, прежде всего

должны бы озаботиться тем, чтобы в наших собственных действиях по устройению государства не было вопиющих промахов и чтобы мы при этом не подрывали, не приводили к нулю здоровых сил нашего строя, а давали им ход и рост, и тогда разные «внешние» злые влияния вроде масонства перестанут быть роковыми и легко могут быть парализованы. К несчастью, именно в этом отношении у нас делается меньше всего.

Мы мыслим не понятиями, а словами. Мы говорим о Самодержавии, но это не мешает нам вырабатывать такую конституцию, в которой для свободного действия Самодержавия не означено никаких законных путей и в которой Верховная власть смешивается с управительной. Мы говорим о Православии, а, например, необходимейшее средство для воскресения его живой силы, – то есть Собор, – пугает больше всего тех, которые говорят о своем Православии. Мы говорим о народности и национализме, а о содержании духа этой народности, этой нации даже не хотим подумать да не оставляем для него путей и самому высказываться, так как наши «выборные» люди даже и по букве закона не составляют народного представительства. Да кто нынче интересуется разъяснением основ нашего национального государства? Сколько у нас теперь найдется человек, которые серьезно произнесли бы слова «мировая роль России»? Но если масонство составляет силу, если оно опасно, то уж, наверное, оно твердо помнит о своей мировой роли. И так все на свете. Кто способен жить, тот непременно думает о смысле своего существования и соответственно с этим старается понять условия своей силы, заботясь о том, чтобы все сильное, идеальное у него росло как можно пышнее. А если этого нет, то что и говорить о внешних опасностях! Опасности, пожалуй, еще только и могут пробудить людей, покрывающихся плесенью в своем окамененном нечувствии...

В этой холодной бесчувственности в отношении основ своей общественной и политической жизни заключается вся наша опасность, угрожающая (хотя в меньшей степени) и другим современным странам. Еще недавно положение имело

иной характер. Россия в среде народов казалась наиболее свежей силой, наиболее проникнутой идеальными настроениями. А теперь? И как быстро мы опустились с торжеством «освободительного движения», мертвенным духом обвеявшим нашу страну! Вот из этого состояния нужно выйти, нужно сознать себя и устраивать свое государство *по-своему*, и тогда – что могут нам значить масоны?

Борьба с масонством.

Недавно вышла книга г-на Александра Селянинова *Тайная сила масонства*¹, с которой читателей познакомила статья «Масоны» в № 240 *Московских Ведомостей*. Мы относимся всегда с большой осторожностью к толкам о всемирном масонском заговоре. В области действий его так много нерасследованной тайны, что это дает легкое место всяким фантазиям и фантастичностям. Однако книга г-на Селянинова старается обосновываться по возможности на точных документах и способна вызывать на серьезное обсуждение опасности, угрожающей со стороны еврейского масонства.

Есть авторы, как С. А. Нилус, которые связывают с этой еврейско-масонской организацией христианское эсхатологическое учение. Они видят в ней развитие «тайны беззакония», о которой предупреждал еще апостол Павел, и конечное торжество еврейского «сверхмасонства» ставят в связь с пришествием Антихриста и имеющим быть после того концом мира. С этой точки зрения, кратковременное, до явления Спасителя, торжество тех злых элементов, «которые называют себя иудеями, но не суть таковы, а сборище сатанинское», – есть явление неизбежное. С. А. Нилус в своей последней книге «Близгрядущий Антихрист»² и считает мир накануне конца...

Безусловно веря учению христианскому, мы в обсуждении наших политических и социальных задач не можем, од-

нако, становиться на точку зрения непосредственной близости конца мира, ибо сроки жизни и конца мира в христианском учении не указываются, а обязанность бороться против всякой злой силы, разрушающей нравственность и здоровые условия жизни обществ, положительно указана. А потому близок ли, далек ли конец мира, – мы должны стоять на своем посту.

Именно для этого и нужно знать врагов добра и правды, их силы, их замыслы и их действия.

Прежде чем подводить итоги влиянию масонства, следовало бы гораздо глубже и полнее изучить вопрос о действиях масонов, а тем более о стоящей за ними еврейской организации. И, разумеется, нельзя не упрекать правительства за их невнимание к разысканию этой еврейской организации и к точному определению ее замыслов и ее сил. Это – задача, которая превышает средства частных лиц и обществ и потому прямо лежит на обязанностях государства.

Пока эта обязанность не исполнена, еврейско-масонская организация остается скрытой во мраке, и нет ничего удивительного, что, быть может, представляется в фантастических размерах и очертаниях для тех, которые во тьме неизвестности подмечают какие-то смутные контуры чего-то чудовищного. В тумане и мраке все кажется более страшным, чем при свете точного знания, и вот сила этого «сверхмасонства» кажется неодолимой, что даже мысль о борьбе начинает казаться невозможной.

А между тем, беря документы, возбуждающие наиболее ужаса в людях, толкующих о масонстве, как, например, «Протоколы Сионских Мудрецов», мы получаем основания думать, что в течение истории эти мудрецы при всей своей хитроумности имели далеко не поражающие успехи. Они хвалятся (если, конечно, означенные протоколы – не апокриф), что, подготавливая царство Израильское, разрушали одно за другим ряд государств, и постоянно более или менее одинаковыми приемами – разращения и разложения их. И, однако же, вслед за одним разрушенным царством появлялось другое, которое опять нужно было разлагать, а за этим являлось третье, и так

до наших времен. Но если так, то, значит, не одни масоны или сионские мудрецы имели значение в истории, и если они все старались разложить и разрушить, то в мире находились, по крайней мере, не меньшие силы созидающие, боровшиеся против их дела разрушения.

Сверх того, даже и смерть государств и наций, действительно погибших, – разве она определялась только воздействием этой тайной силы? Разве нации и государства не подходят к одряхлению и смерти даже без всякого воздействия масонов? Или и прежнее царство Израильское было развращено также сионскими мудрецами, чтобы потом три тысячи лет трудиться над его воссозданием? Если процессы политического разложения могут быть усиливаемы и эксплуатируемы какими-нибудь врагами человечества, то происходят и без них.

Во всяком случае, мы видим, что «мудрецы» злодейства чуть не спокон веков употребляют всякие ухищрения для уничтожения всех государства и, однако, они доселе существуют. Значит, ни мудрецы, ни масоны, ни сверхмасоны не представляют такой неодолимой силы, чтобы рассказами о ней было позволительно нагонять на общество панику и отшибать у друзей человечества и своей родины все чувства, кроме ужаса пред неизбежной гибелью.

Страх – плохой советник. Злую и вредную силу нужно прежде всего знать, и так как этого доселе не достигнуто достаточно, то необходимо принять *государственные меры* для точного расследования масонства и уничтожения этой вредной силы.

А наряду с этим столь же необходимо понимать, что борьба с разрушительными силами не может быть ведена *только* полицейскими и судебными мерами, вообще неосуществима *одной репрессией*. Успехи вредных сил зависят всегда от внутренней деморализации сил добра. Неужто Лютер имел надобность во внушениях масонов для того, чтобы найти мерзостью запустения картину папства своего времени? Неужели английские Стюарты³ вели себя сообразно идеальным обязанностям монархов? Неужели мы теперь

охраняем свою семью от деморализующих условий? Неужели осуществление принципа собственности не грешит ничем против ее принципа?

Нет, никогда человек и общество не развращаются без *собственной вины*. Для того чтобы ложные учения и коварные развращения не имели успеха, нужно прежде всего заботиться о том, чтобы наши общественные основы существовали достойно самих себя, не превращаясь в лживую фразу, не искажаясь в пустую форму или даже в нечто почти противоположное своему идеалу. Вот какая задача должна стоять всегда перед нами, и при сколько-нибудь добросовестном и умном ее достижении никакие ухищрения злейших разрушительных сил не в состоянии будут разложить наши общества. Попытки же вносить *искусственное* разложение могут быть тогда легко пресекаемы репрессией как дело действительно злодейское. Но если мы сами допускаем гниль и плесень в нравственное и социальное состояние своих обществ, если позволяем под знаменем святости и величия заводить грязь, греху и ничтожеству, если мы допускаем святые и великие принципы превращать в орудие личных интересов, то мы сами же готовим почву для успеха вредных и ложных учений и замыслов врагов общества.

Итак, рекомендуем всем, любящим родную Церковь, родную страну и народ, всем, чтящим Царский принцип, – обратить внимание на точное знание вредных замыслов врагов общества и способствовать государственному расследованию этой злой силы и ее пресечению. Но вместе с тем – и больше всего – рекомендуем вспомнить, что нам самим нужно стать выше, нужно воскрешать действие своих политических, общественных и церковных основ во всей их чистоте. А без этого ничего не получится ни из расследований, ни из репрессий, и изгнанный враг, как бес Евангельского поучения, будет опять возвращаться в нашу храмину, удобно для него устраиваемую.

Русский или еврейский вопрос?

Мы редко и неохотно говорим о так называемом «еврейском вопросе» не потому, чтобы не придавали ему значения, а потому, что нам, русским, немыслимо даже и думать о разрешении еврейского вопроса до тех пор, пока у нас не разрешен вопрос «русский».

Сами евреи, понятно, могут считать разрешением еврейского вопроса удовлетворение всех их пожеланий относительно их прав и даже, пожалуй, привилегий. Но для нас такая постановка дела была бы смешна и нелепа. Для нас разумно только такое решение еврейского вопроса, при котором их благо достигается не только без вреда, но даже с пользой для нашей страны и для Русского народа. А такого решения не может быть, пока мы, русские, не придем, наконец, к какому-либо ясному и окончательному решению своей собственной судьбы.

В настоящем своем положении мы, русские, в высшей степени слабы. Заботиться теперь о том, чтобы евреям не было от нас какого-нибудь притеснения, — это очень походило бы на размышления овцы о том, как ей не обидеть чем-нибудь бедного волка. Независимо от степени своих прав евреи забивают нас во всем. Они захватывают все отрасли труда, — конечно, выгодного, — захватывают интеллигентные профессии, захватывают печать и через ее посредство становятся господами общественного мнения. Их величайший грех перед Россией — первенствующая роль в революции, изуродовавшей Россию, — отдал в их руки радикальные партии, которые господствуют в нашем политическом мире и особенно в Государственной Думе. Фактическая сила еврейства в России вообще громадна, и всякое увеличение их прав ведет вовсе не к «равноправию», а к *господству* евреев над Россией и русскими. Может ли в таком положении решать еврейский вопрос тот, кто сколько-нибудь заботится о своем собственном народе?

Если бы предположить, что Россия навсегда рухнула, утратила свое самосознание, потеряла способность жить сообразно своей собственной психологии, то у нас не стоило бы, пожалуй, ни о чем особенно заботиться. Такая страна была бы осуждена на самое жалкое будущее, и, стараясь быть «перекопией с копии» разных «передовых стран», все равно обречена была бы на порабощение другими народами, – евреями или кем другим. Если бы вера в способность России к великому мировому житию была окончательно опровергнута фактами, то небольшая разница – как и от кого нам погибать.

Но мы принадлежим к тем, которые не утрачивают веры в Русский народ, видя его в современном жалком состоянии. Мы помним еще недавние времена тяжких туманов, обволакивавших русские умы, когда, несмотря на это, Россия сумела быстро воспрянуть, как только над ней засияло солнце яркой и определенной национальной политики Императора Александра III. Испытания наших дней более тяжки, наше нынешнее падение более глубоко, но это еще не значит, чтобы Россия не в состоянии была и теперь восстать из праха. И когда это произойдет, когда мы приступим к решению «русского вопроса», когда мы возвратим народу Русскому его государство и начнем ставить русскую жизнь на ее собственные основы, то наша родная страна снова делается могучей нравственной и материальной силой. Тогда мы можем приступить и к решению еврейского вопроса, разумеется, не в том смысле, чтобы посадить евреев господами над собой, а в том смысле, чтобы сообразно *нашим идеалам* обеспечить их благо, дав им для того все потребное, но также и сделав невозможным расхищение ими России, а самих евреев сделав достойными даруемых им благ.

В нынешнем же положении, когда мы не можем дознаться даже того, кто пьет кровь несчастных ющинских¹, а под видом еврейского вопроса нам подносят только *расширение прав* евреев без всякого обеспечения нас в их гражданской добропорядочности, в таком положении человек, сколько-

нибудь любящий Россию, не может озабочиваться участью евреев. Пропасть они не пропадут: эта опасность существует не для них, а только для нас. Они проживут и без наших стараний лучше нас. А вот о России действительно следует позаботиться, ибо она находится в положении гораздо более несчастном, так что может лишь завидовать силе и сплоченности евреев и их непрерывно растущей победе над всем миром, а уж особенно их силе среди нас, растерявших все свои идеалы, верования, организацию и заботу о своем коллективном существовании.

Нам важен *русский* вопрос, который состоит в том, чтобы мы снова стали самосознающей нацией, понимающей саму себя и живущей сообразно со своими сильными, идеальными сторонами. Этот же вопрос даже и не начат решением. Правда, теперь выставлен лозунг «национальность». Но этот лозунг приобретает живую силу лишь тогда, когда мы соединим слово «национализм» с определенным содержанием его смысла, когда, говоря о народности, мы будем представлять себе, в чем именно она выражается. Тогда только мы, провозглашая национальную политику, будем знать, какое дело надлежит нам совершать для того, чтобы быть русскими. Но ничего подобного доселе нет. Самая мысль о русских идеалах доселе объявляется «реакционной» теми владеющими нами людьми, которые об руку с евреями превратили нашу некогда прекрасную страну в какой-то табор не помнящих родства. Много усилий требуется, чтобы очистить с русского человека эту гнилую плесень революции и вразумить сбитых с толку, растерявших всякое самосознание людей, что не «реакцию», а величайший прогресс, – единственно возможный прогресс несет России и миру воскресение русских идеалов. Не скоро мы можем рассчитывать на решение русского вопроса... И до тех пор нам не до евреев.

Единственно, что можно сказать до тех пор, – это то, что всякое расширение прав народа, развращающего нас и составляющего главнейшую опору революции, разрушаю-

щей наши нравственные и материальные силы, – расширение прав такого племени уже само по себе составляет признак политического безумия русских, требующих прав для евреев. В современном своем состоянии полной расшатанности Россия не способна к разумному решению еврейского вопроса и к осмысленному определению прав, которые для евреев нужны и могут быть им даны безопасно для страны. А потому самый элементарный признак политического разума состоял бы у нас теперь в том, чтобы совсем не затрагивал еврейского вопроса, не переменять в пользу евреев ничего в существующем положении до тех пор, пока не будет решен тот *русский* вопрос, по «директивам» которого получится возможность разумно устраивать судьбы других проживающих в России племен и особенно столь трудного, столь опасного для себя и для других племени, как еврейское.

Нужны ли принципы?

Нужны ли принципы? – вопрос странный, но мы дожились и domeждоусобились до того, что приходится касаться и этого «вопроса». Одна правая газета, которую мы не называем, потому что не хотим вступать в полемику, нашла очень *странным* наше заявление, что мы, православные, не могли бы постановить правила о безусловном недопущении в священники людей еврейского происхождения. По поводу наших слов, что за подозрительными людьми (к каковым в этом случае принадлежат лица еврейского происхождения) должно лишь особенно бдительно следить и не пускать их в семинарии без полного убеждения в их искренности, – эта газета выразила недоумение: с какой стати нам подвергать себя излишнему риску ошибки? Гораздо проще ей кажется – не пускать вообще евреев, и больше ничего. В таком же роде нам писал один подписчик (*Московские Ведомости*, № 167),

который выразил мнение, что гораздо лучше полагаться не на стражей (которые могут и заснуть), а на каменные стены...

Эти мнения, по-видимому, чрезвычайно распространены в кругах, именуемых «правыми», и это – в высшей степени прискорбный факт, так как в нем проявляется непонимание важности принципов, непонимание того, что всякое общество, партия, направление и уж особенно Церковь, которые позволяют себе пренебрегать собственными принципами, неизбежно осуждены на разложение.

Упомянутому подписчику кажется, что стены более благонадежны, чем стражи. Упомянутой газете кажется излишним подвергать себя риску исполнять заветы Спасителя... Мы же им говорим, что Православие, Русский народ и всякое общежитие держатся и живут не каменными бездушными оградами, а живыми, одушевленными людьми-стражами. Если на стражей нельзя положиться, если их подкупают, если они засыпают, то ограда не спасет, и вор всегда через нее перелезет. Как? Да почему мы знаем: он поищет путей, которых всегда много. Ну, например, проще всего сокрытие факта еврейского происхождения, что так легко устраивается при плохих стражах. Что касается риска, и даже не риска и неизбежной гибели, то христианин подвергается риску и гибели именно в том случае, если он *не исполняет* заветов Христа Спасителя. Когда же мы помним их и исполняем, то никакого риска собственно от этого не бывает. Если же риск от чего-то другого появится при исполнении заповеди нашей веры, то сама вера дает и способы выпутаться из риска или из его последствий.

Нам страшно тяжело, что эти истины приходится говорить, да еще тщетно, людям, являющимся защитниками Православия и Церкви. Но разве можно защитить христианство, отступая от него? Граф Лев Толстой тоже говорил о Христе; но то, что говорил Спаситель, графу Толстому не нравилось, он стал выкидывать не нравящееся и оставлять лишь то, что приходилось по его вкусу, рассуждению и темпераменту. Ну, и известно, к чему он пришел. Да и все еретики так поступа-

ли: выкидывали не нравящееся, казавшееся неподходящим. Так неужели на этот путь можно вступать защитникам Православия в настоящее время?

Они боятся «риска», они не верят своим стражам. И кто же не знает, что есть стражи ничего не понимающие, есть подкупные, есть поддающиеся запугиванию, есть искатели личной карьеры и особенно личного покоя, в котором сладко засыпают. Да ведь из этого положения нельзя выйти установкой «строжайших запрещений». Запрещение писано на бумаге и останется на бумаге. Реальное средство защиты состоит в том, чтобы не было негодных стражей, и чтобы за стражами тоже смотрели, то есть нужно, чтобы общество православное было одушевлено живой верой и деятельностью в Церкви. Раз этого нет – и пока нет, – каменными стенами и бумажными запрещениями не поможешь.

Само собой разумеется, что быть живым, убежденным, работающим трудно, а добиться того, чтобы начальство написало бумагу, – все-таки сравнительно легче. Но, во-первых, цель существования христианства состоит не в том, чтобы добродетели были написаны на бумаге, а в том, чтобы они реально действовали в людях. Во-вторых, такие правила, в которых выражается забвение или отвержение самых принципов христианства, приносят только окончательную порчу христианского общества, то есть, между прочим, и его обессиление.

Так, например, если мы поставим правилом: не допускать евреев к крещению, не допускать их к священству, или даже – почему не дойти и до этого? – не признавать святыми лиц еврейского происхождения, уничтожить им службу и выбросить их жития из Четьи-Миней¹, то разве же при таком «законодательстве» с нами останется хоть один человек с верой и совестью? Мы отгоним от себя всех верующих и останемся только с людьми никуда не годными, которых можно и подкупать, и застрашивать, и т. п.

Россия историческая, то есть православная и монархическая, была расшатана и так легко разбита ничтожнейши-

ми силами своих врагов только потому, что у нее появилась гниль в ней самой. В ее защитниках, по привычке признававших Православие и Самодержавие, заглохло понимание, в чем заключается Православие и Самодержавие, а потому они не могли ни осуществлять жизни по этим лишь номинально признаваемым принципам, ни защищать их против нападения врагов. Ибо нельзя же защищать что бы то ни было, если мы не понимаем, в чем оно состоит. Без такого понимания мы при всей ревности будем защищать, может быть, то, что именно и не включает в себе Православия или монархизма, а станем насмерть биться за поддержание того, что на самом деле лишь искажало Православие и монархию. Обыкновенно каждый строй именно и гибнет таким образом не от силы врагов, а от непригодности своих защитников.

В настоящее время мы, желающие быть верными Православию и сохранить свою историческую монархию, находимся как бы в крепости, в которой множество фортов и бастионов разрушено вдребезги, другие полуразрушены, и все наполовину, если не больше, захвачено коалиционными неприятельскими отрядами. Этот страшный штурм удался именно от того, что мы не знали собственной крепости, не понимали, что в ней сильно и слабо, что требовалось защищать, а что следовало даже самим поскорее разрушить. Но, во всяком случае, крепость эта не взята еще окончательно, — отчасти потому, что неприятельские отряды хотя вообще действуют умнее наших, но тоже далеко невысокого ума и соображения. И вот в этом положении окончательный исход штурма, полный успех неприятеля или его отбитие всецело зависит от *нашей сознательности*.

Прекращая аллегории, — все зависит от того, пойдем ли мы лучше свои собственные принципы и начнем ли — не отречься от них, не говорить о риске от их исполнения, а, напротив, горячо, систематически исполнять их, с полной верой, что в этом не риск, не гибель, а спасение. Наше спасение зависит от того, перестанем ли мы полагаться на бумажные правила и каменные стены и потребуем ли от самих себя и от всех на-

ших, чтобы наше дело всюду защищалось живым, сознательным и преданным ему человеком. Если этого у нас не явится, то неврастеническим выкрикиванием проклятий врагам мы не возвратим назад ни одного камня взятых у нас бастионов, а потеряем и все остальное, пока еще не отнятое.

—————

Что значит жить и думать по-русски?

Наша статья «Духовная школа и евреи» (*Московские Ведомости*, № 162) так задела некоторых «правых», что они не устают выступать против нее в печати. Собственно по вопросу, их задевшему, не стоит разговаривать, так как не может быть и сомнения, что Св. Синод не сойдет с ясной христианской точки зрения... Но этот печальный образчик «право-го» упадка понятий, соперничающего в интенсивности с «левым», невольно возбуждает желание напомнить русским людям о том, что значит жить и думать «по-русски».

Разумеется, недостаточно быть русским по племени, чтобы жить и думать по-русски. Господа Маклаков, Милоков, Вязигин, Щечков, Замысловский – все русские по племени, а думают далеко не одинаково и стараются устроить жизнь русскую очень противоположными путями. Недавно еще кто-то из «правых» лидеров, г-н Юзефович (киевский), – писал, что нынешний редактор *Московских Ведомостей* Тихомиров – русский, а имеет не русское сердце, прежний же редактор Грингмут был не русский, а имел русское сердце. Оставляя в стороне сердца собственно этих двух лиц, нельзя не согласиться, что человек не русского племени нередко может быть скорее назван русским, чем иной потомок московских бояр или даже Рюриковичей (которые, впрочем, и сами, по летописи, были не русскими).

В чем же причина этого? В том, что быть русским, жить и думать *по-русски* – это значит пребывать в том типе жизни,

в том строе мысли, которые национальны для России, то есть выражают вековую и тысячелетнюю мысль и жизнь нации. Русская нация в вековой жизни своей работала, устраивалась, верила и мыслила, и вот внутренняя принадлежность к этой мысли и жизни, соответствие с ней определяет, по-русски ли живет и мыслит такой-то человек и даже такая-то партия. Мы имеем целый ряд выдающихся мыслителей, которые были признаны *национальными*, то есть верно подметившими, что значит жить и думать *по-русски*. Таковы Киреевские, Хомяков, Аксаковы, Катков, Коялович и т. д. и не в меньшей степени ряд глубоких художников, как Пушкин, Достоевский, ряд историков, как С. М. Соловьев (как раньше его Карамзин) и т. д. Можем мы найти и философов, и юристов, схвативших более или менее типичные стороны национальной мысли, в чем, например, никто не откажет Победоносцеву, Коркунову, В. С. Соловьеву. Желаящие могут в сочинении Кояловича «История русского самосознания» найти сотни имен людей, несомненно схватывавших разные стороны того, что значит жить и мыслить по-русски.

И вот мы просим читателей, желающих уяснить себе вопрос, к *русской ли* жизни и мысли зовет Россию та или иная партия или фракция, – спросить этот сонм русских мыслителей и деятелей, то есть, другими словами, – сравнить: сходно ли данное мировоззрение с тем, что рисуют в тысячелетней жизни Русского народа эти истолкователи духа самой нации. Дело не в том, что редактор *Московских Ведомостей* Тихомиров по крови действительно чисто русский человек, а иные прочие деятели сомнительны в этом отношении. Дело в том, у кого имеется и у кого отсутствует соответствие мысли и дела с вековой мыслью и делом самой *русской нации*.

У нас нынче среди правых иногда проявляется такая узкая идея *русского* интереса, такой национальный эгоизм, которые приличествуют разве какой-нибудь бискайской «национальности». Но это в высочайшей степени антирусская черта. Нет ни единого крупного деятеля русской мысли или государственности, который бы не свидетельствовал и в са-

мом себе, и в своем слове о том, что русская национальность есть *мировая* национальность, никогда не замыкавшаяся в круге племенных интересов, но всегда несшая идеалы общечеловеческой жизни, всегда умевшая дать место в своем деле и в своей жизни множеству самых разнообразных племен. Именно эта черта и делает Русский народ великим мировым народом и, в частности, дает право русскому патриоту требовать гегемонии для своего племени. Мы же теперь слышим иной раз требование прав для русского племени не потому, что это нужно для всех других и для всего человечества, а просто потому, что для русского племени выгодно все забрать себе. Это – настроение и точка зрения, против которых вопиет вся русская история, вся жизнь Русского народа, все лучшие его мыслители и деятели.

Только во имя своей великой общечеловеческой миссии Русский народ может требовать себе руководства другими народами и тех материальных условий, которые для этого необходимы. Те требования, которые может и должен предъявлять Русский народ, налагают на него великие обязанности попечения и справедливости. Он – не из тех опекунов, которые пользуются своими правами для того, чтобы обобрать от-данных в зависимость от него. Люди, которые этого не понимают и не чувствуют, – думают и живут не по-русски. Это не мы им говорим, а целый сонм русских мыслителей, деятелей, вникавших в идею жизни своего народа.

Если мы любим Россию, если мы готовы при надобности стереть с ее дороги всякого врага и супостата с радикализмом Грозного, Петра Великого, Муравьева Виленского и графа Евдокимова Кавказского, то только потому, что велика и для всего рода человеческого необходима господствующая роль нашей нации. Не будь этого, мы бы не смели требовать для русских ни на волос чего-нибудь больше, чем для всякого другого народа. Если Россия откажется работать на пользу всеобщую, она теряет все свои права мировой нации.

Нам говорят, например, что Русский народ имеет право устроить семинарии для себя и не пускать в них никого, кро-

ме русских... Да разве дело только в праве? Ведь Русский народ имеет известную *цель* своей жизни, не для себя одного он живет. Какая-нибудь иноземная колония в Санкт-Петербурге или Москве может устраивать гимназию только для своих членов. А Россия в мире – не иностранка, она деятельная участница всечеловеческой жизни. Не имело бы ни малейшего смысла, если бы она отбросила заботу о распространении своего умственного и нравственного влияния на другие народы и племена. И уж особенно непонятно было бы это в отношении религиозном. Россия – носительница христианской миссии, дела Божия. Как же она откажется от религиозного воздействия на другие народы?

Нельзя не заметить поразительного сходства национальной узости иных наших патриотов с той еврейской национальной психологией, которую обличали пророки. В узких порывах патриотизма и у нас понятие о вере ныне смешивается с понятием о племени, и Русский народ представляется живущим верой только для самого себя, в эгоистической замкнутости. Но такое воззрение внушается не христианским, а еврейским духом.

Русский народ имеет великие заслуги в христианском деле именно потому, что всегда признавал себя не собственником христианства, а слугой, сам ему служил, а не его заставлял служить себе. В этом отношении историческая русская национальность является антиподом исторического еврейства, которое вопреки указаниям пророков всегда стремилось отождествить веру с этническим элементом, считало себя «избранным» только потому, что составляет известное племя. Но нам, христианам, известно, что чада Авраамовы считаются *не по плоти*. Как же нам воскрешать в своей вере еврейскую точку зрения да еще при этом воображать победить евреев, усваивая их дух?

У всякой национальности в смысле исторического культурного типа есть свои сильные стороны. Есть они и в еврействе. Но никакая мировая нация не может завидовать той силе, какую имеют евреи и которая чужда высоты и бла-

городства. Даже лучшие элементы самого еврейства всегда отшатывались от него и переходили к нам, в христианскую культуру, которой высота привлекает всякую высокую душу. Нам ли брать пример с евреев, отказываясь от того, что составляет нашу силу, и от того, что именно и значить жить и думать по-русски?

Но ведь мы становимся слабы именно потому, что сами забываем свои основы и начинаем воздвигать свою храмину не на них. А стоя твердо на своих основах, мы неодолимы и уж, конечно, сильнее еврейства. Наши же основы не исключают действия решительного и грозного, но они исключают всякую несправедливость, всякий узкий эгоизм и тем паче не допускают отвержения заветов Христова учения, которое есть не только истина, но в то же время – единственная незыблемая опора нашей силы.

Значение баптистской пропаганды.

Открывшийся в Москве всероссийский съезд баптистов с сопровождающими его шумными скандалами снова напоминает о деятельности у нас того ожесточеннейшего врага Православия, каким является баптизм, – знаменитая «штунда»¹, теперь переброшенная и в центр России.

Департамент духовных дел иностранных исповеданий, предпринявший обследование сект, подлежащих его ведению, издал недавно очень интересное сочинение: «Современное состояние русского баптизма» (Санкт-Петербург, 1911 г.). Собранные в нем данные тем более освещают вопрос, что самое исследование произведено уже после прошлогоднего всероссийского съезда баптистов в Петербурге. Враждебность вере и Церкви со стороны баптистов общеизвестны с давних времен.

Напомним грустную и оскорбительную сцену в одной из южных губерний, несколько лет назад опубликованную,

между прочим, и в *Московских Ведомостях*. Является на квартиру священника с огромным мешком крестьянин-малоросс и высыпает у его ног груды икон: «На тебе твоих богов, – произносит он, – ты, говорят, сердисься, что мы их жжем: ну вот, получи, делай с ними что хочешь»... Демонстративное оскорбление святыни обычно у сектантов рационалистических типов и способно доходить до действий прямо насильственных. В этом отношении особенно прославилось нападение сектантов на православный храм села Павловки Харьковской губернии, когда попытка их разрушить церковь вызвала отпор православной части населения и привела к целому кровавому побоищу. Это не были чистые баптисты, но и у баптистов столь же постоянно происходят столкновения с православными на той же почве оскорбления святыни.

Упомянутая записка Департамента духовных дел приводит слова Д. Клиффорда, председателя Всемирного Союза Баптистов, на Берлинском конгрессе, совершенно ясно указывающие грубо оскорбительное отношение к Православной Церкви. Наша Церковь будто бы дает народу вместо духовного хлеба «камни и скорпионов», вместо «действительной и удовлетворенной религии» предлагает «церемонии, суеверия, иконы и сказания, или символы веры и теории». «Жизнь в Православии, – как характеризует составитель записки г-н С. Бондарь, – называется баптистами «рабством греху и пороку» (стр. 65–66). Мы не хотим перекоряться с баптистами относительно их «святости», хотя, насколько слышно, их знаменитейший проповедник и председатель Петербургской баптистской общины Фетлер должен был уехать из России в Америку далеко не по случаю «святых» деяний своих... Как бы то ни было, понятно, что при характеризованной исходной точке зрения баптисты отрицают все православные и даже, в сущности, христианские святыни, таинства, прославление угодников, даже самой Пресвятой Девы Марии, отрицают всю богоучрежденную иерархию и при этом, конечно, не могут не оскорблять святыни при каждом откоро-

венном слове своем. Они не стесняются при этом ничем, кроме страха законного возмездия, так что повсюду, где власть не может следить за ними, баптисты подрывают веру при помощи чистого кощунства, отчасти достигая цели, отчасти вызывая отпор со стороны оскорбляемых, чем порождаются беспорядки и столкновения, характеризующие всю историю штундо-баптизма.

В какой же степени эта секта, ставящая своей задачей уничтожение Православия и Церкви Православной, достигает своей цели, и насколько она в этом отношении опасна? Собственно, со стороны численности штундо-баптистов статистика, которой мы располагаем, приводит к заключениям довольно неожиданным в сравнении с шумом, ссорами, скандалами, похвальбами и страхами, вот уже 50 лет сопровождающими деятельность этой секты. Штундо-баптисты где могут хвалятся необычайными успехами. Даже на последнем Петербургском съезде была получена телеграмма Клиффорда, который радуется успехам русских баптистов и свидетельствует, что «баптисты по всему миру обрадованы деятельностью русских братьев». Тем не менее, во время всеобщей переписи 1897 года статистика зарегистрировала по всей Империи 16 400 штундо-баптистов. Данным переписи в отношении сектантства вообще у нас не доверяют. Однако теперь, когда свобода исповеданий сняла с сектантов всякую узду страха, когда они даже преднамеренно стараются не скрывать своих успехов, а скорее преувеличивают их, — статистика самого Фетлера определяет к 1910 году всего-навсего 10 935 членов *русских* баптистских общин, 26 126 членов в немецко-латышско-эстонских общинах и 2970 человек в финляндских общинах.

На американском съезде русский делегат хвалился 150 тысячами последователей в России. Но какую цифру ни взять, поразительно слышать, что эта грозная штунда, о захвате которой всего юга России, а теперь и центра, кричат уже с 1862 года, числит теперь, в 1911 году, в своих общинах только 10 935 человек русских, отнятых у Православия. Допу-

ская даже не 10 тысяч, а 100, во всяком случае, мы не можем не признать успехов баптистов совершенно ничтожными.

Что, в самом деле, значат 100 тысяч человек в сравнении с почти 90 миллионами православных? А ведь более компетентный Фетлер говорит не о 100 тысячах, а только о 10 935 членах.

Рассуждая хладнокровно, мы должны считать фактом, что хотя штундо-баптизм производит страшный шум и смуту среди православных и захватывает своей проповедью, может быть, сотни тысяч и миллионы, которые в течение 50 лет то отпадали от Церкви, то снова возвращались, но окончательные успехи баптизма ничтожны, так что он в течение полувека удержал за собой всего немногие десятки тысяч прозелитов. Таким образом, *положительная* притягательная сила баптизма едва ли может быть признана значительной. Но отсюда нельзя заключать о его безвредности. Может быть, даже совершенно наоборот.

Аналогичное явление представляет наш «нигилизм». Что такое нигилизм, какие его положительные успехи? Да, пожалуй, никаких. Но этот самый нигилизм, не умеющий ничего организовать прочно, разлагает в течение десятков лет миллионы людей, отрывая их от родной веры, национальности, государства и приготавливая огромные массы отщепенцев для всякого разрушительного дела и движения. Сам по себе нигилизм – как будто ничто, но революционеры всевозможных оттенков, все эти анархисты, экспроприаторы, террористы и т. д. являются из его недр. Это как бы приготовительный класс всего разрушающего общества и государство.

Таким же приготовительным классом разрушения является баптизм. При его бессодержательной «духовной пище» при нем не останется много лиц, им оторванных от действительно полной глубокого содержания «духовной пищи» Православия. Уже если кто покинул Православие, то, конечно, не удовлетворится баптизмом. Но кто исчислит сотни тысяч или миллионы, которые, отпав от веры и Церкви, а потом

с тем большим пренебрежением отбросивши баптизм, остались просто ни при чем, без веры, без духовного содержания, отчасти погружаясь в грубо материальную жизнь, отчасти переходя в разряд отрицателей и разрушителей социальных и политических?

В этом отношении баптизм, конечно, должен быть считаем одной из зловреднейших сект, более разрушительной, чем, может быть, все другие. Свобода исповеданий, распространяясь на него, является орудием не умножения кадров баптистских общин, а орудием умножения отщепенцев, отрицателей всякой веры, а вместе с тем и всего русского, национального, откуда истекает затем отрицание и всего русско-государственного элемента. С этой точки зрения баптизм приходится рассматривать не как разновидность христианского учения, а как орудие антихристианского и антиобщественного разложения народа.

Сознают ли вожаки баптизма эту свою действительную историческую роль? Это безразлично. От этого не уменьшается разрушительное значение их секты и их деятельности. Пусть они, разрушая Православие, в конце концов работают вовсе не для себя и для своей секты не достигают прочных успехов. Но легче ли от этого народу, в котором из сотен тысяч бывших православных, деморализованных баптизмом, оторванных от всякой веры, вырабатываются орды социальных и политических разрушителей? Баптисты могут сказать, что они не этого хотели. Но для России важно не то, что хотят сделать они, а то, что они делают и чем грозят нашему будущему в своей хотя бы и бессознательной разрушительной работе.

И потому-то пора бы государству взглянуть на их деятельность более сознательно, чем смотрят сами баптисты, и соответственно с этим не раздувать свободы, допускаемой для действий этих разрушителей народной души и общественного мира.

Римско-католическая пропаганда.

Мы, русские, напоминаем собой тот град, который «разделился на ся»¹ и посему не может устоять. Разделение у нас во всем, и поэтому во всем пропадает наша сила. Наши патриотически настроенные люди со всех сторон кричат о «засилье»: засилье еврейское, армянское, польское, масонское и т. д. и т. д. Нет конца этим «засильям», и, что всего назидательнее, – угнетают нас везде и всюду группы численно слабейшие, иногда ничтожно слабые. Теперь приходится говорить еще о новом «засилье» – римского католицизма, да не где-нибудь в Западном крае, а в самой Москве...

Только что опубликованные правительственные данные о римско-католической пропаганде в Москве не могут особенно удивлять, так как за последнее время в связи с расследованиями Департамента духовных дел иностранных исповеданий всплыло наружу многое, тайно действовавшее не день, не два, а целые десятилетия. К стыду нашему, московские любители и любительницы всего новенького сотнями переходили к поклонению Римскому престолу и лобызанию папской туфли. Даже и в старообрядчестве явилось то же самое движение. Это, конечно, еще раз доказывает, что не прочно верование, держащееся буквой. Как бы то ни было, пока мы со старообрядцами грызем друг друга, патеры верцинские и сестры ордена Святого Иосифа² преисправно подбирают в лоно Римско-Католической Церкви все, что мы соединенными силами расшатываем в Православии.

Теперь господ Индриха³ с Верцинским и сестер Св. Иосифа, однако, потревожили и изгнали. Будет ли лучше? Это увидит кто доживет до следующих расследований. Несомненно только одно: что всякое верование сохраняется прежде всего своей *внутренней* силой, а не внешними подпорками.

Для нас в констатированных успехах римско-католической пропаганды в Москве наиболее грустную сторону

составляет не то, что около тысячи русских перешли к лобызанию туфли святейшего отца, а то, что это произошло от безжизненности духовной, в которой их держало «православие по метрике».

По метрике это были православные, иногда старообрядцы. Но по душе? Огромное большинство, вероятно, ничего не имели в душе, не знали своей веры, не любили ее, не жили ею. И потому-то так легко они стали добычей отцов-иезуитов и сестер-иосифлянок. Но горе в том, что мы теряем людей и получше. Казалось бы, трудно представить себе сознательного православного, который бы мог перейти в римский католицизм. А ведь есть и такие. Откуда они появляются? Конечно, из тех, которых бьет в самое сердце положение Церкви нашей, в особенности и по преимуществу – положение управления церковного. Для многих оказывается выше сил сохранить свою веру, даже понимаемую и любимую, при виде того подчиненного положения, в каком находится управление церковное, принужденное до такой степени сообразоваться не с задачами веры и церковного устройства, а с задачами случайной, постоянно преходящей и меняющейся политики светских властей.

Римский католицизм при всех прочих недостатках многих чарует независимостью своей церковной власти. Какое отношение эта самостоятельность имеет к вопросам чисто церковного благочестия и канонической правильности, показывает, например, отношение нашего церковного управления и римского к законам бракоразводным.

Правительственная власть наша поступила правильно, пресекая нарушение закона пропагаторами римского католицизма. Но что касается охраны православной веры и Церкви, то для этого нужно прежде всего усвоить политику уважения православной самостоятельности Церкви. Для этого, разумеется, требуется дать Церкви возможность воссоздать канонические формы общецерковной жизни, начиная с центрального управления и кончая приходским, для чего необходим Поместный Собор и такое определение отношений церковной и гражд-

данской властей, при котором церковная власть не превращалась бы в подобие правительственного «ведомства».

Получив возможность живой деятельности, Православная Церковь, без сомнения, очень скоро и сама предохранила бы своих чад от уловления иезуитской пропагандой, достигла бы этого не внешними мерами обуздания отцов-иезуитов, а внутренним отпором убеждения и совести самих чад своих. Огромное усиление отпадений от Православия зависит прежде всего от чрезмерной подчиненности Церкви гражданской власти.

Идея, возобладавшая в настоящее время в отношении государства к вере, имеет стремление сделать государство арбитром исповеданий. Когда кажется нужным смирить католиков, власть их смиряет. Но когда это требуется в отношении православных, то это делается еще легче вследствие подчиненности церковного управления гражданскому. На пути такой политики все шансы на успех получают «наименее покровительствуемые» исповедания, ибо они пользуются большей внутренней свободой. Патер Верцинский и сестры-иосифлянки могут быть высланы из Москвы, но их прозелиты останутся чадами Римского престола. Высылки патера Верцинского Римский престол не примет на свою ответственность, а, например, высылку иеромонаха Илиодора⁴ Св. Синод примет на себя. Поэтому московские прозелиты Верцинского останутся при Римском папе и без патера Верцинского, а царицынские «илиодоровцы», пожалуй, и не пожелают остаться при Св. Синоде, санкционировавшем высылку иеромонаха Илиодора. Совсем иное отношение к велениям Синода получилось бы, если бы царицынцы верили в его самостоятельность, в то, что его голос есть голос действительно *Церкви*, а не гражданской власти. Вот это-то ненормальное положение нашего церковного управления и должно изменить, и тогда патеры верцинские и вообще иноверная и инославная пропаганда перестанут быть страшными для нас.

Польша и Россия.

Один очень умный и патриотически настроенный читатель и сотрудник, касаясь нашей статьи о государственном языке в Привисленье, спрашивает: «Что нам делать вообще с Польшей»? Рассматривая политику «русификации» и «германизации» и находя ту и другую совершенно бессильными, наш корреспондент останавливается на мысли: не лучше ли будет «совсем развязаться с Польшей»? Сделать это можно, например, отдачей всего Царства Польского Австрии в обмен на русские (по племени) части ее...

Прежде чем отвечать на эту главную мысль нашего корреспондента, мы должны оговориться, что вопрос о государственном языке не имеет ничего общего с «русификацией». Для государственного языка нет ни Польши, ни Грузии, ни, скажем, даже Финляндии, а имеются только различные части одного государства. Если бы Российская Империя представляла Соединенные Штаты Восточной Европы, то и в этом случае «штаты» должны были бы выбрать один какой-нибудь язык в качестве государственного, обязательное знание которого одинаково необходимо для всех *граждан*, без того не способных ни пользоваться имперскими правами, ни исполнять имперские обязанности.

Итак, настаивая на необходимости русского языка как государственного, мы только исходим из, кажется, не подлежащего спору предположения, что для частей Империи, раскинувшейся от Вислы и Карпат до Тихого океана, невозможно выбрать один общий язык, кроме русского. Быть может, настанут иные времена, быть может, русская национальность упадет еще ниже, чем теперь, а, например, поляки поднимутся еще выше, и тогда может явиться другой разговор. Но теперь, во время, когда мы пишем, законодательствуем и устраиваемся, государственным языком может быть только русский. Говоря об этом, мы не имеем в виду

ни русификации, ни вопроса о том, что нам делать с Польшей, а имеем в виду исключительно потребности граждан одного и того же государства. Они могут дома, у себя, говорить на каких угодно языках, могут молиться, писать стихи и ученые сочинения по-польски или на иных языках, но все должны знать один язык (русский) и один только язык должны встречать в употреблении государственных учреждений. Иначе грузин, поляк, мордвин и немец не могут ни судиться в имперских судах, ни совместно служить в армии, ни законодательствовать в Думе и т. д. Для хорошего построения государства необходим какой-нибудь общий для всех граждан государственный язык. Вот вопрос, который рассматривали мы.

Совершенно иной, не имеющий ничего общего с первым вопрос: «Что нам делать с Польшей?»

На этот вопрос мы прежде всего спросим: «Что нам делать с *Россией*?»

Наши федералисты и вообще люди русской бессодержательности толкуют об устройстве Империи на началах «свободы самоопределения» всех народностей. Этот голос младенчеству или старчеству политического разума. Никакой такой идиллии совсем нельзя устроить. В свободе «самоопределения», то есть национально-государственного существования, для каждого из племен важнее всего возможность расширения, роста до беспредельности. Отсюда между ними неизбежна борьба, уничтожающая государство, если только не имеется или не найдется некоторой преобладающей силы, которая своим центральным влиянием, своей господствующей над всеми тяжестью не уравновесит остальных и не укажет им всем известных границ их национальных вождений. Без такой господствующей национальности не может существовать разноплеменная Империя.

В Российской Империи такой центральной силой была доселе русская. Пока эта сила имеется, мы можем рассу-

ждать, что нам делать с той или иной ветвью общеимперского дерева. А если мы перестанем быть такой силой, то лучше задаться вопросом: «Что с нами сделают поляки» и прочие племена Империи?

Но в настоящее время мы именно разваливаем все устои, на которых развили раньше свою силу, материальную и духовную, ту силу, которая дала для Восточной Европы господина именно в виде русского племени, ту силу, которая только и сделала из нас государственный народ. Перечислять ли эти условия? Ведь сейчас же все закричат о «реакции». Но мы не виноваты в том, что факт есть факт и дважды два дают именно четыре, а не три с половиной. Факт в том, что ни истории, ни нам, ни «октябристам», ни «кадетам» неизвестны другие основания какой-нибудь специфической русской силы и русской культуры, кроме Царской идеи в политике, православного мировоззрения в нравах и быте и союза государства с Церковью в целостном существовании Русского национального государства.

В настоящее время мы усерднейше все это разваливаем. Той силы, которая позволяла России быть центром племен Восточной Европы, мы лишаемся с каждым годом все больше. Что же мы с собой вместо этого хотим сделать? Вот в этом весь вопрос.

Если мы желаем устроить из себя народ, никому ни в чем не мешающий, то это, другими словами, означает народ, ничего *своего* не имеющий. Таким путем мы превращаем себя в духовно пустое место. Тогда смешно думать о какой-либо нашей центральной роли для народов иноплеменных, которые, напротив, создают или стремятся создать нечто культурно-государственное на своих собственных силах и основах. Они окажутся содержательнее, а потому сильнее нас, и не мы будем их устраивать, а они нас. В этом случае нам незачем и утруждать себя заботой, «что нам делать с Польшей». Ничего при этом мы не можем с ней сделать, и даже к Австрии она пойдет лишь в том случае, если сама этого захочет, а пойдет, конечно, не для того, чтобы сидеть

сложив руки за Неманом и Бугом, оставляя нас в спокойном обладании областями, ей необходимыми для полноты ее развития.

То же самое повторится и в отношении всякой другой из народностей, которые прежде, до развала русской национальности и государственности, признавали нас (и справедливо) силой господствующей и потому устрояющей.

Каков же изо всего этого конечный вывод? Понятно, что пока, до поры до времени, языком государственным в Империи должен оставаться «за молитвы родителей» все же русский язык. А что нам делать с Польшей – это вопрос, который можно разбирать лишь тогда, когда мы окончательно решим, что нам делать *из России*. Если то самое, что мы делаем последние годы, то не будем беспокоиться о судьбах Польши. Немного времени пройдет, когда она сама задаст себе вопрос: «Что мне делать с Россией?», и тогда единый общегосударственный язык будет все-таки нужен, но, может быть, всем нам придется уже обучаться понимать и говорить по-польски.

Славянское единение и Россия.

Самая молодая из славянских держав, Болгария, в настоящую минуту взяла почин в организации объединяющих славянство съездов¹. Несмотря на противодействие, являющееся со стороны центробежных сил, доселе преобладающих, к несчастью, в славянстве, надо полагать и надеяться, что София украсит молодую историю Болгарии хоть некоторыми успехами в великом деле славянского единения, и, во всяком случае, Болгарии делает высокую честь то обстоятельство, что она, едва успев сложиться в независимую державу, уже начала работу всеславянскую

Нам, русским, молодая Болгария дает в этом хороший пример, который мы прежде сами давали славянству. Что же? Не мешает никогда поучиться у родственного народа, сумевшего вынести многократно более тяжелое иго, чем мы, и не потерять ни своей народной души, ни внутренних народных сил, нужных для самостоятельного существования. Мы можем лишь гордиться тем, что помогли болгарам стать на ноги, и можем радоваться, что наши жертвы и усилия не пропали даром, но послужили – в лице возрожденной Болгарии – созданию новой опоры для чаемого и грядущего возрождения всего славянства.

Однако же в эти минуты нам особенно важно вспомнить те общие условия, которые потребны для того, чтобы единение народностей было реальным, а не мечтательным. Для нас, русских, это особенно своевременно, потому что мы последними фазисами своего «устроения» или – точнее сказать – расстройства, в значительной степени уже подорвали способность служить единению славян, а другой сколько-нибудь равносильной для славянского дела величины не имеется. Таким образом, выбытие России как деятельности общеславянской было бы утратой невознаградимой.

Каковы же условия, единящие народы? Одно происхождение, одна близость языка еще далеко не достаточны. Это, несомненно, почва для возможного сближения и единения.

Но вопрос в том, что нами засеивается на этой почве.

Общность происхождения и сходство языков способны столь же легко давать место и раздорам, и разъединению. Единение создается лишь тем, что выращивает совместную жизнь, совместную защиту от врагов, совместное развитие внутренних сил, совместную выработку культурных основ. Во всех этих отношениях Россия в прошлом играла первостепенную для славянства роль и обещала еще больше в будущем. Но так ли стоит дело теперь?

Сила и значение России определялись, главным образом, тем, что она, с большой помощью умственной работы

других славянских народов, обнаружила способность понять и в значительной степени даже осуществить, по крайней мере, в зачатках, некоторую действительно *своеобразную культуру*.

Мы организовали свое государство на совершенно особых началах, внутренние отношения своих сограждан также строили по-своему. Общее мирозерцание и духовное настроение, на которых складывается народная жизнь, также уже было начали в России развиваться совершенно своеобразно, в духе своенародном, а следовательно, и славянском, ибо только в свободной России работа славянского самосознания могла находить применение и осуществление. Конечно, своеобразие, о котором мы говорим, состоит в своеобразии комбинаций учреждений и основ, общих всему человечеству. Другого своеобразия и не бывает на свете. Вопрос о будущности славянства и состоит в том, сумеет ли славянство создать какие-либо свои особенные комбинации культурной жизни.

Доселе Россия в этом отношении была передовой страной славянства, причем, храня свои собственные основы государственности и мирозерцания, Россия вследствие этого самого могла развить и внешнюю могучую силу, способную давать отпор врагам. От этого она могла явиться могучим щитом славянства и послужить освобождению ряда славянских народностей для самостоятельной жизни.

И с внешней, и с внутренней стороны Россия, таким образом, составляла надежду всего славянства, и притом, казалось, надежду безобманчивую. Казалось, ничто не может сокрушить внутренних основ развития России; казалось, ничто не может поколебать ее внешней силы. Самое слабое из славянских племен могло смело поднимать голову при мысли о том, что есть у него друг, есть опора – в великой, несокрушимой России.

Но вот в наши дни эта главная опора славянского своеобразия и силы сама подорвала себя, разрушила все свои са-

мобитные храмины жизни и поставила себе задачей уподобиться народам Западной Европы в учреждениях, в точках зрения и мирозозерцания. Разумеется, это могло отозваться лишь необычайным упадком духовной и материальной силы страны, отрекающейся от самой себя. Разумеется, это отнимает у России и способность служить славянской идее, ибо все, что она может поднести славянству в роли подражательницы Европы, славяне могут гораздо проще и лучше взять у самой Европы. Ослабляя себя духовно, Россия ослабевает и материально, и ее щит уже не мог закрыть ни Боснии, ни Герцеговины...

Таким образом, мы сами ставим теперь перед славянством вопрос, впервые в его истории: как ему быть без России?

Не веря еще нашему падению, славяне не произносят громко такого страшного слова. Но в их действиях, в стремлении устроиться эта мысль уже проявляется исканиями новых знамен, хотя нетрудно видеть заранее, что не поведут к победам новые знамена.

И вот нам думается, что в братском общении славянских народностей, в гостеприимной Болгарии, нам должно особенно твердо вспомнить и уяснить себе, что как в частности для России, так и вообще для славянства, следует трудиться не над созданием каких-либо мечтательных новых знамен, а над тем, чтобы старые испытанные русско-славянские знамена снова начали торжественно развеваться над всеми нами, в России и по всему славянскому миру, возвещая всем нам и всем народам земным, что мы – не простые ученики «Европы», а носители новой культурной жизни, уже достигшей было у нас таких успехов и лишь временно поколебленной захватом нашей страны отступниками от национального дела и малодушием его защитников.

Сочиненная народность.

Пан Ф. Чудовский поместил в *Утре России* (№ 330) некоторую продолжительную болтовню по поводу нашей статьи «Украинофильство в Москве»¹ (№ 288), озаглавивши свое произведение как «Ответ *Московским Ведомостям*».

Мы говорили об *украинофилах*, и эту речь принимает на свой счет *поляк* Чудовский. Это составляет действительно ответ нам и подтверждение нашей статьи. Засим же остальная часть статьи г-на Чудовского относится к кому-то другому. Так, он говорит о каких-то «доносах» «правых». Но мы ничего не доносили, так что это нас не касается. Стараются он что-то сострить насчет «польской интриги». Мы о «польской интриге» тоже не говорили, и понятно, что польские интриги поляку должны быть лучше известны. Но более всего пан Чудовский хлопочет около разных начальств. Он говорит, что должен отвечать нам «хотя бы ради тех, кто разрешил Общество славянской культуры в Москве», а при нем и украинскую секцию... *Avis*²: разрешили, так выручайте, да хорошенько замажьте рты «правым», а то как бы и на вас не было нареkania. Даже и существование особой «украинской» национальности пан Чудовский утверждает не иначе, как на авторитете «Императорской Академии Наук с ее Августейшим Председателем»... Однако все эти прятанья польского старателя «украинства» за высокие власти нас точно так же не касаются.

Начальство перед нами защищать не требуется. Мы — люди русские, против властей ничего не говорим. Коли начальство разрешило, то, стало быть, так и нужно, ему лучше знать... Вот если бы мы сами были начальством, то, может быть, мы бы иначе потолковали с разными «польскими интригами» и поучили бы панов поляков, как следует защищать единство русской нации против ее раздробителей. Теперь же нам о начальствах толковать не приходится, и мы, воздавая

Всемиловейшему Государю нашему благодарность за дарованную русским гражданам свободу мысли и слова, просто беседуем со своими собратьями о наших русских делишках. До пана Чудовского тут ничто не касается. Мы ему посоветовали бы не соваться в чужие дела и заняться лучше обособлением своих мазуров, обогатив этим славянскую культуру еще новой национальностью.

Обращаемся засим к нашим русским людям.

В конце статьи пана Чудовского есть достопримечательное место, которое лучше всего показывает, насколько нынешние поляки убедились в непроходимой глупости современных русских.

Московские Ведомости, говорит он, заканчивают свою статью словами: «Постыдное духовное падение Москвы едва ли в чем выражается более резко, чем в водворении у стен Кремля даже и этого постыднейшего отречения от родного народа». Я же (пан Чудовский) свое возражение закончу следующим: светлое возрождение Москвы превратило, наконец, это сердце великого княжества Московского в великое сердце всей России, одинаково сильно бьющееся для всех детей великого Русского государства». Вот какова щедрость панов Рады польской! Столь великую роль они предоставляют не своей Варшаве, не Кракову, а нашей Москве. У них сердца, извольте видеть, малые, способные биться только для своей национальности. А у нас сердце широкое: всю Россию, все, что создано гением ничего не понимавшего сердца великого княжества Московского, мы теперь «со щирым сердцем» добровольно отдаем «детям» отнятого у нас и у человечества государства.

Как видите, нас считают уже совсем впавшими в старческое детство. И, конечно, поляки имеют на это много оснований. Но тем более мы должны, наконец, опомниться и взяться за ум. Об этом-то и должна быть у нас речь.

Прежде всего, для того, чтобы знать, кто мы такие, нам не требуется мнения никакой Академии и даже самого г-на Бодуэна де Куртенэ. Напротив, Академия должна у нас спросить и узнать, что такое мы, великий Русский народ?

Нет никакой крупной национальности без разновидностей; есть они и у немцев, и у французов, и даже в такой малочисленной национальности, как польская. Есть они и у нас. Их даже гораздо больше, чем три основные наши ветви: великорусы, малорусы и белорусы. Но тем не менее мы жили, даже насильственно раздробляемые, *одной* исторической жизнью, совместно вырабатывали наш язык, литературу, мирозерцание. Совместна и наша историческая судьба. Живем вместе и погибнем вместе, если суждено нам когда-нибудь погибнуть. В этой совместности – вся основа нашей силы, внешней и внутренней.

Поэтому-то величайшими преступниками против России являются те, которые стараются разъединить самую нашу нацию. Это без сравнения хуже, чем государственный сепаратизм.

Нет надобности объяснять, что национальность во сто миллионов имеет в десять раз больше шансов не оскудевать великими умами, деятелями литературы, науки, искусства, нежели национальность, числящая только десять миллионов. Нечего и толковать, что совместно действующая национальность огромной численности имеет больше способов развить свое общее экономическое могущество, найдет больше крупных государственных людей и т. д. И фактически мы, русские, не только жили, но и живем одной жизнью, составляя одно целое. Особенности характера, сказывающиеся в областях Русской земли, так же не мешают единству, как особенности характера братьев и сестер в семье. Напротив, мы все дополняем друг друга. Нынешний редактор *Московских Ведомостей*, родившийся и выросший в малорусской области (на Кубани), в детстве воспитывавшийся на малорусской песне, на преданиях героического Запорожья, так же стоит на страже русского единства, как стоял кровный великорус – Катков.

Паны Чудовские могут незнающим «втирать очки» самостоятельностью «украинского языка». Но тому, кто знает и

любит этот язык, лучше, чем Академии, известно, что он есть разновидность *общего* русского языка.

Конечно, малорусское наречие и само имеет разновидности. Не только в Галичине и Буковине, но даже в Правобережной Украине оно очень разнится от основного, благороднейшего языка Полтавщины и нашей Кубани. Но малорусский язык – настоящий, народный, Шевченковский, живой – повсюду больше всего разнится от той малорусской «третьяковщины», создания литературных бездарностей, проникнутых не духом языка, а политиканством «мазепинского» духа, которая называется «украинским языком». Конечно, ни один чуткий к красоте и выразительности русского слова малоросс не может работать на сочинение этой «третьяковщины», как ни один малоросс, заботящийся об интересах своих земляков, не отъединится от белорусов и великорусов на почве экономической, и ни один малоросс с государственным чутьем не отъединится от великого русского племени. Во всех этих отношениях никакого опасения за наше единство мы не можем иметь.

Но стремления к нашему разъединению остаются тем не менее преступными. Это – деяние, по мере сил подрывающее творческую способность всех ветвей Русского народа. Допускать такое деяние могут только люди бедные чувством, политическим разумом и любовью к культуре. В этом *понижении* мы и упрекаем тех русских, которые равнодушно допускают сочинение «украинской национальности». Особой украинской нации от этого не возникнет, но русская нация может быть ослаблена, подорвана, ее развитие может быть приостановлено. Вот в чем виноваты пред Россией те, которые занимаются игрушками «украинства» и допускают их радушный прием. И потому-то духовное падение Москвы ни в чем, даже в юдофильстве, не сказывается постыднее, чем в радушном приюте у стены Кремля организуемых поляками «украинских секций».

Мы не говорим о начальстве. Заметьте это, паны Чудовские, и оставьте свои доносы. Мы говорим о москвичах,

говорим, что стыдно потакать вредным для России управлениям в «сочинении украинства», стыдно даже людям, называющим себя «конституционалистами и демократами», настолько изменять интересам родной национальности. Если бы нынешняя Москва хранила тот великий государственный дух, который был в «великом княжестве Московском» и который созидал великую нацию, то разрешения или неразрешения начальства не имели бы никакого значения. Москва бы и сама сумела отвалить панов Чудовских от устройства гнезд русского национального разложения у самых гробниц созидателей русского национального и государственного единства.

РУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК

Практическое совершенство государственных учреждений всегда находится в тесной связи с тем, насколько они соответствуют руководящим идеям национальной жизни, и – что почти одно и то же – условиям национального существования. Если при устройении учреждений и не думают преднамеренно о таком соответствии, то его подсказывает голос национально-самосознания, и, размышляя только о практичности учреждений, законодатель невольно избегает всего, что ставит их в противоречие и борьбу с основными идеями народа. Так, при ясности сознания, ни в одном учреждении не будет допущено чего-либо противного идее Самодержавия или подрывающего веру и господствующую Церковь. Но учреждения, возникшие в 1906 году, были созданы при чрезвычайном помутнении национального сознания, под влиянием смуты и при объявленном графом Витте лозунге – подчинить государство воззрениям не русской нации, а идеям «мыслящей части образованного общества», которая именно отрицала основы государственности, выработанной русской национальной жизнью.

Идеи этой части «мыслящего общества» отличались космополитизмом, противосамодержавностью и противочерковностью. Это нашло отражение и в государственных построениях, которые хотя и не могли вполне отрешиться от исторических основ, но ослабили их до крайней степени. Таким путем получились учреждения двойственные, внутренне противоречивые. В них не было совсем указано способов непосредственного действия Верховной власти, и законода-

тельная ее деятельность явилась прямо ограниченной. В то же время законодательные учреждения не получили достаточных прав для того, чтобы сделаться составными частями Верховной власти, власть же правительственная, поставленная в исключительную зависимость от Носителя Верховной власти, получила такие права, которые могли ограничивать Верховную власть (обязанность контрассигновки всех актов последней). В то же время бюджетные права Государственной Думы и Государственного Совета давали им возможность подчинять себе министерства. В общей сложности все власти имели возможность вступаться в права другой, но нет никакой единой силы, которая могла бы их сдерживать в обязательном единении.

Что касается церковного управления, то оно очутилось как бы вне государственных учреждений, связанное с ними только личностью Монарха, в то время как непосредственное властное вступательство Монарха в дела государственные не получило ясных путей совершения. Обер-прокуратура Св. Синода, введенная в состав Совета Министров, давала правительству возможность власти над церковным управлением. Бюджетные права Государственной Думы и Совета давали способ и этим учреждениям вмешиваться в дела Церкви и диктовать ей свои пожелания. Сам же Св. Синод со своей стороны не получил никакой власти указывать что бы то ни было, если его не спрашивали, и его слова не подкрепляются никакими способами властного воздействия.

Так, сложившиеся учреждения не только противоречили всем основным идеям русской жизни, но не находились ни в каком соответствии и с фактической силой различных политических ее элементов. Вследствие этого с самого начала действия этих учреждений оно было запечатлено отсутствием гармонии и даже прямой внутренней борьбой. Со стороны законодательных учреждений явилось стремление к расширению своих прав, к отстранению Верховной власти от вмешательства в дела, к подчинению себе министров и к захвату в свое ведение компетенции даже церковного управления. В

свою очередь, правительственная власть не имела бы возможности действовать, если бы не изыскивала способов влиять на Думу и Государственный Совет путями, из которых наиболее «конституционным» являлось подыскание себе партий в этих учреждениях. Приходилось разгонять Думу, давать ей усиленное жалованье, принимать самое непосредственное участие в выборах и прибегать к содействию Верховной власти даже путями совершенно неожиданными и законами не предусмотренными. Это особенно ярко выразилось в «кризисах» времен третьей Думы.

Характеристической чертой действия учреждений явилось именно то, что они все борются за власть, причем в иные моменты приходили во всеобщее столкновение между собой, так что одновременно Думы и Совет были друг против друга, в то же время действуя против правительства, так что все учреждения оказывались во взаимной борьбе. Один только Св. Синод неизменно оставался вне влияния и власти в государстве и не обнаруживал даже никаких попыток выйти из этого положения коренной реформой церковного управления.

Не менее характеристической чертой нового строя явилось ослабление законодательного обсуждения наиболее важных реформ. Ввиду нескончаемой политической борьбы в Государственной Думе правительство принуждено было предпринимать важнейшие органические меры при помощи 87 статьи¹, которой область применения начала все более расширяться толкованиями самого же правительства. Эти толкования не принимались законодательными учреждениями и не доводимы были до суждения Сената, но признавались правительством достаточными для его действия. Они придают очень сомнительный характер правам законодательных учреждений, а сверх того, господство 87 статьи имеет то последствие, что наиважнейшие меры вводятся в жизнь без широкого законодательного обсуждения, выработанные только бюрократическими способами, затем же, когда наступает очередь законодательного обсуждения, то оно лишается свободы, ибо ему приходится считаться с совершившимся фактом и не-

вольно подчиняться ему. Такого ослабления предварительного обсуждения важнейших дел никогда еще не наблюдалось в русской истории, даже и в мало благоустроенные времена государственности.

Третья черта, отмечающая новые учреждения и вытекающая из первых двух, состоит в чрезвычайном усилении власти бюрократических учреждений, и особенно председателя Совета Министров. Это обстоятельство возникает оттого, что при всеобщей взаимной борьбе учреждений положение главы правительства оказывается наиболее выгодным для того, чтобы опираться по надобности на самые разнообразные источники и способы влияния и оказываться таким образом сильнее всех. Но эта власть, способная достигнуть огромной силы, неслыханной с XVIII века, имеет не столько законно-государственный характер, как характер фактической диктатуры, наподобие власти какого-либо Перикла в Афинах.

Можно считать счастьем для России, что правительственные сферы выдвинули в этот период ряд крупных талантов, людей огромной энергии и, главное, бескорыстия. Эти личные качества, образчиком которых явился П. А. Столыпин, заменяли до известной степени несовершенство учреждений. Тем не менее последнее проявилось так ярко, что даже сам П. А. Столыпин – в момент отчаяния от их плохого действия – громко заявил, что при таких условиях ничего невозможно делать. И действительно, сравнительно с той энергической работой, которая потребна для восстановления сил расшатанной страны, за время новых учреждений сделано поразительно мало.

Прошло уже пять лет, а Русское государство не определило еще даже общего направления своего развития и продолжает недоумевать о том, что будет завтра, не выяснило общих целей своей внутренней и внешней политики, не обеспечило гражданам даже простой безопасности жизни и труда, не имеет даже надежной полиции, не успело смирить не только революцию, но даже простые грабежи, не определило сколько-нибудь точных соотношений свободы и авторитета, не знает ни целей внешней политики, ни способов охраны международных ин-

тересов России, пассивно упуская благоприятные случаи и покорно преклоняясь перед неудачами.

На жизни национальной эпоха господства новых учреждений проявляется прямо губительно. В населении не видно уважения к авторитету власти, и господствует распущенное самоволие. Приниженное положение церковного управления компрометирует православную веру нравственно и отнимает у православной части населения способы бороться против действия раскола и ересей, которые усваивают все более какой-то развращенный характер. В результате нравственное состояние доходит иногда до таких глубин падения, что иным начинают уже чудиться времена антихриста. В общей сложности не подлежит сомнению, что ни при одном из прежних построений государственности Россия не имела строя, столь мало способного к действию вообще, и особенно к оздоравливающему воздействию на население.

Тысяча девятьсот девятый год.

Отходящий в вечность 1909 год нельзя отметить чем-либо особо выдающимся ни в хорошую, ни в дурную сторону. По общему своему характеру он был продолжением предшествовавших полутора лет и исполнял на практике то, что ими было установлено скорее в смысле схемы.

Но именно на этой почве 1909 год вызывает больше критики, чем его предшественники. Во второй половине 1907 года мы вышли из острого состояния той бурной смуты, которую у нас называют революцией. Первой задачей, которую при этом приходилось себе ставить, являлось некоторое водворение порядка, некоторое укрощение взволновавшихся волн смуты и приведение к некоторой стройности действия распатанного правительственного механизма. В этом вторая половина 1907 года и, пожалуй, 1908 год имели свой исторический

смысл. Но программу первого момента нельзя затягивать на неопределенно продолжительный срок.

Вопрос, которого можно было не ставить себе на первое время, состоит в том, обладаем ли мы по выходе из периода бунтующей смуты достаточными средствами, идейными и организационными, для того, чтобы страна могла начать обязательную для ее существования великую работу?

Дело в том, что Россия, очевидно, находилась в далеко не блестящем состоянии уже задолго до смуты. Мы уже знаем множество беспорядков и злоупотреблений, расшатывавших ее, неудовлетворительное состояние народных масс и т. д. Весь ход и исход Японской войны обнаружил глубокие язвы в народно-государственном организме, а революционное движение, совершавшееся с едва ли сомнительным участием лиц правящего слоя, показало глубокую деморализацию бюрократических слоев, долженствующих быть столпом законности и государственного долга. Таким образом, выходя из периода смут, мы имели перед собой настоятельную необходимость неотложно приступить к глубоким и энергичным реформам, а следовательно, должны иметь план их и организационные способы привести его в исполнение.

Пригодны для этих сложных задач те учреждения, которые сложились в разрушительную эпоху? Кое-как исправленные руины с наскоро сделанными к ним пристройками, оказавшиеся в нашем распоряжении, – достаточно ли они удобны для помещения государственного здания?

Идеи устройства, сложившиеся за «освободительные» годы в виде довольно причудливого компромисса между требованиями исторической национальной государственности и требованиями революции, открывают ли они возможность широких социально-политических планов?

Вот ряд вопросов, которые уже стояли перед 1907 и 1908 годами. В первый момент о них не думали внимательно, имея на первом плане задачу водворить хоть самый элементарный порядок. Но с каждым шагом по пути деятельности то или иное решение этих вопросов становилось все более на-

стоятельно нужным. 1908 год уклонился от этого. Он приступил к деятельности как бы в виде пробы: будем работать так, как будто у нас имеются и идеи, и средства, и посмотрим, что из этого выйдет? В случае, если окажутся прорехи, будем их зачинивать, что-нибудь надставим, что-нибудь урежем, кому нужно, уступим, кому не окажется надобности – не дадим ничего... Такова, в сущности, была оппортунистская система действия 1908 года.

Нельзя скрывать от себя, что такое решение понятно лишь в минуту полной усталости и разочарования в способностях страны к установлению какого-нибудь положительно-го плана своей жизни и развития. Такое решение возможно на минуту, для «передышки», но как окончательное решение оно было бы совершенно непрактично, не говоря уж о более высоких государственных качествах.

Непрактичность его состоит уже в том, что оно в самый важный решающий момент отнимает у государства всякую руководящую роль и предоставляет будущее на произвол стихийных социальных сил. Общая «конституция» страны остается неопределенной, законные рамки действия не устанавливаются, страна не получает ясной и твердой программы устройства. Все это вместе взятое делает неизбежной борьбу за власть, за руководство страной, за направление ее дальнейшего развития. Минутное отдохновение покупается очень дорогой ценой, так как в действительности революционная борьба не решается в пользу какого-либо определенного принципа, а счета откладываются на завтра или послезавтра, и таким образом создается будущее, чреватое бурями и опасностями.

На основании всего этого уже в первый же момент можно было сказать, что система 1907 года не обеспечивает ни прочного умиротворения в данный момент, ни прекращения внутренних смут в будущем.

Но на все подобные предостережения не было обращено внимания. Мысль о том, что революция кончена или кончается, что можно пожить сколько-нибудь мирно, заняться хоть кажу-

щейся осмысленной работой, была слишком соблазнительна, и государственная жизнь пошла путем оппортунистического компромисса, не заглядывая далеко вперед, предоставляя будущему разбираться в своих вопросах, как ему покажется удобно, и ограничивая задачи дня тем, что строго необходимо сделать именно сегодня.

В таком положении застал Россию 1909 год, но не только не изменил принятого до него пути, а пошел им даже более уверенно. В 1907 и 1908 годах еще держалось сознание того, что мы живем в некоторый *переходный* момент и что установившийся порядок есть порядок временный. В 1909 году начало уже казаться, будто мы в результате компромисса 1906 года нашли некоторый окончательный жизнеспособный строй. Такое заключение явилось на основании успехов весьма поверхностных и даже только кажущихся. Их мерилom сделалась степень достигнутого *умиротворения* страны, которое действительно имело место за 1909 год, но в размерах, далеко не всех удовлетворяющих, самое же главное – проявлялось лишь в ограниченной сфере полицейского порядка, в отношении преступлений так называемых террористических.

Насколько мы имели право успокаиваться в этом отношении на основании столь недостаточных признаков, видно из самой сложности факта «успокоения», «умиротворения».

Известное умиротворение в смысле отсутствия революционных актов может происходить от очень разных причин. Он может быть, во-первых, проявлением простой усталости, некоторой минутной реакцией после крайнего нервного возбуждения. Такое умиротворение немногого стоит, потому что революционное движение может возобновиться после отдохновения с силой даже удвоенной. Уменьшение или даже исчезновение резких революционных явлений может, во-вторых, зависеть от пробудившейся энергии надзирающей и карающей власти. Такое возвращение власти к своему долгу действительно имело место в 1907 и 1908 годах и продолжалось в 1909 году. Насколько усилилась репрессия, видно, например, из судебных приговоров по политическим делам. Несколько лет назад суд

выносил по политическим обвинениям 80% оправдательных приговоров и лишь 20% обвинительных. В настоящее время пропорция явилась обратной: 20% оправдательных и 80% обвинительных приговоров. Однако мы видим, что в глубинах обществ и в провинциальных глухих углах, где полиция и суд организованы плохо и действуют слабо, обнаружилось скорее возрастание преступлений переродившейся революции, превратившейся в возмутительные грабежи и насилия над личностью, которые превосходят подчас своим зверством самое варварское воображение. Таким образом, преступления против общества скорее обнаруживают простое перемещение своего действия, чем уменьшение.

Но если умиротворение зависит более всего от возвращения власти к своим охранительным обязанностям, то представлялось бы спорным: есть ли у нас в этом отношении какое-нибудь действительное улучшение? Едва ли подлежит сомнению, что если бы власть в эпоху так называемой революции оставалась на высоте своего долга, то покушения на политический переворот и тогда не могли бы созревать, так что, быть может, не явилось бы и самой «революции».

В число признаков умиротворения у нас охотно засчитывались даже такие факты, как восторженный прием Государя Императора повсюду, где Он входил в соприкосновение с народом во время путешествий этого года. Но этого «доказательства» никак нельзя принять в счет. Не подлежит никакому сомнению, что чувства Русского народа в отношении Государя Императора никогда, ни при каких революционных безобразиях, у нас происходивших, не изменялись. Если во время «революции» были гнуснейшие проявления дерзости в отношении портретов Государя или заочные оскорбления Величества, то в этом всецело было виновато бездействие власти, допускавшей эти безобразия, которые производились по большей части даже не русскими, а евреями и им подобными инородцами. Нынешние встречи Государя Императора указывают не на какие-нибудь улучшения в чувствах Русского народа, а только на то, что полиция стала лучше исполнять свой долг и уже не

дозволяет разным отпетым анархистам из евреев, поляков, армян, а отчасти и русских, оттеснять народ от Царя и принимать на себя, от имени будто бы народа, устройство дерзких демонстраций, в действительности способных вызывать лишь народное негодование. Этого признака умиротворения никак нельзя принять.

Действительное умиротворение страны можно было бы усмотреть не в спокойствии утомления и не в спокойствии, зависящем от присутствия должного надзора власти за порядком, а лишь в том случае, если бы масса народа и общества проявляла горячее увлечение какой-либо программой устроения, доказывая тем, что Россия в сознании народа наконец вышла на дорогу мирного развития, нашла свою идею нормальной жизни. В этом отношении, однако, благоприятных признаков доселе очень немного.

Некоторую оживленность проявили земства, особенно по вопросу землеустроительному. В среде самого крестьянства также явилось стремление к землеустройству на указанных правительством основах частной собственности. Но нельзя упускать из виду, что наряду с меньшинством, которое радостно приветствует новый способ наделения крестьян земельной собственностью, существует огромное большинство, недовольное разделом общинных земель, вследствие чего в среде самого крестьянства явился глубокий раздор, разделение, ссоры. Чем кончится это – покажет время, но говорить уже теперь об умиротворении крестьянских масс было бы чрезвычайно преждевременно.

Трудно также говорить об умиротворении в широкой среде рабочих масс. Вообще разочарованные в пережитом фазисе революции фабрично-заводские рабочие, однако, не нашли мирных способов улучшений, а социалистическая пропаганда среди них остается неистребимой. Трудно сказать даже, чтобы была сколько-нибудь серьезно ослаблена и социально-демократическая организация.

Не касаясь того обстоятельства, что за самое последнее время в связи с убийством начальника Петербургской охраны

раскрылись возобновленные замыслы террористов, в общей сложности в жизни страны нельзя усмотреть сколько-нибудь убедительных признаков умиротворения. Между тем эта иллюзия составляет характеристическую черту 1909 года, который принял за факт то, что его предшественники предполагали только как желательную возможность. Отсюда рождается другая иллюзия, более опасная, а именно воззрение на учреждения и идеи 1906 и 1907 годов как на нечто окончательное, найденное удачно и требующее разве лишь частичных улучшений и дальнейшего развития.

Насколько опасна эта иллюзия, показывает крайне неудовлетворительная деятельность новых учреждений в течение 1909 года. В Государственной Думе обнаруживается весь год прежняя характеристическая борьба за Верховную власть, дающая в результате подрыв какой бы то ни было власти и вместе с тем искажающая непосредственно полезную работу представительных учреждений. По-прежнему бюджетные вопросы решаются не на основании польз и нужд России, а на основании соображений о расширении власти Думы и удобств давления на правительственные ведомства. Запросы думские в большинстве случаев имеют в виду не пользу и нужду страны, а скомпрометирование власти. По-прежнему бюджет не вотируется своевременно в видах сохранения в руках Думы оружия против правительства, и в результате государство должно производить свои расходы на основе не нормальных ассигнований, а временных и частичных, бесполезно теряя и переплачивая на всем огромные суммы. В законодательной сфере деятельности Думы наиболее видное место заняли знаменитые вероисповедные законопроекты, подрывающие Церковь и вносящие смуты и рознь в население Империи.

Впрочем, в течение года *Московские Ведомости* давали такую обстоятельную хронику деяний Думы, что излишне было бы подводить им снова счета, из которых так ясно видно, что наша законодательная деятельность приобрела в новых учреждениях не какое-либо полезное дополнение, а путающую дела обузу.

Должно притом отметить, что это учреждение – шумное, бесплодное, вечно агитирующее умы народа, вечно подрывающее авторитет власти, – само, однако, не приобрело ни малейшего авторитета в населении. За 1909 год вполне обнаружилось, что Дума не составляет и тени «народного представительства», и что она ни в одном слое населения не имеет какого бы то ни было властного значения. О ней даже перестали говорить, ею перестали интересоваться, несмотря на все старания прессы подогревать и раздувать внимание к Думе. В общей сложности, подрывая Верховную власть Самодержавия и не приобретя авторитета представительству, учреждения 1906 года колеблют саму идею власти и лишают государство какого бы то ни было центра, способного объединять народ.

Несмотря на так называемое националистическое течение, обнаружившееся в Думе, ее деятельность ничего не принесла и для поднятия потрясенного значения Русского народа в Империи. Ни одной меры, ни одного закона, скольконибудь восстанавливающего гегемонию Русского народа, не предпринято и не проведено. Для какого-либо объединения народа или отдельных его слоев ничего не сделано. Напротив, многое сделано по усилению внутренних раздоров, ослабляющих Русский народ. Таковы партийные разделения, создаваемые политиканством. Таковы разделения и раздоры, явившиеся внутри крестьянства. Еще в большей степени они порождены вероисповедными законами. Оторванность окраин также дошла до неслыханной степени. А между тем при возрастающем разрыхлении Русского народа в его глазах затуманилась и государственная власть, способная его объединить. Где теперь власть, около которой нация могла бы единодушно сплотиться в минуту опасности? Новые учреждения делают все возможное для того, чтобы в глазах народа это стало тягостной загадкой. В то же время, как возрастающее раздробление населения, облегчающее всякие смуты, так и внешние опасности, делают все более вероятным наступление такого момента, когда Русскому народу станет необхо-

димо иметь перед глазами бесспорный объединительный пункт, около которого можно было бы сплачиваться, не теряя ни минуты времени.

Действительно, одной из прискорбных черт жизни 1909 года, порожденных его учреждениями и идеями, явилось то, что вокруг России замелькали черные тучки самых тревожных бурь извне. Иностранная политика наша не умела или не могла предотвратить этих опасностей, появление которых объясняется как бы неизлечимой слабостью, проявляемой нами при новых учреждениях. Понятно, что видя Империю дезорганизованной и погруженной в бесконечные дрязги партийной борьбы, видя, что русское единство и мощь не воскресают, мировые конкуренты нашей страны торопятся воспользоваться этим. Немудрено, что у них могут являться захватные планы и расчеты навеки похоронить силу некогда грозной Империи. В том состоянии внутренней расслабленности, когда на свою национальную защиту Россия не может получить ни денег, ни даже рекрутов без дозволения Думы, погруженной в партийные дрязги и, пожалуй, способной даже в самый страшный момент воспользоваться своими правами не для спасения родины, а для своей политиканской игры, – быть может, даже для возбуждения новой революции, немудрено, что при таких учреждениях руководители иностранной политики становятся малодушны, не чувствуют под ногами почвы, не смеют возвысить голоса против опасных для России захватов и пытаются прибегать для защиты Империи к мелким, никого не обманывающим хитростям, только ухудшающим наше положение. В результате выходит то, что мы заканчиваем 1909 год с самыми тягостными опасениями с Востока и с Запада, и при этом не на свои силы, не на свои средства можем полагаться, а разве только на милость Божию, которой ничем вдобавок не заслужили...

Таким образом, провожая в вечность 1909 год, приходится сказать, что не много он дал доброго. Он не вывел нас из разложения, порожденного годами смуты, а закрепил в нем, признавши, что мы не имеем надобности изменять ни-

чего существенного в учреждениях и идеях, порожденных национально-государственным разложением и составляющих его прямое выражение. Он не дал нам никакой новой идеи, не дал даже надежды на ее появление, и случись, храни Господи, еще несколько таких лет, историческая Россия с выработанным ею могучим единством веры, власти и народности может оказаться сданной в международный архив.

Пятилетие 17 октября.

В настоящем году исполняется пятилетие со дня 17 октября 1905 года. С первого момента своего появления на свет он стал днем пререканий, смут и недоумения, остается таким же доселе и таким же перейдет в историю.

Историческое содержание этого дня составляет не создание народного представительства, каковое было уже введено раньше (6 августа), а подрыв Царского Самодержавия, и великим недоуменным вопросом настоящего и будущего является: для чего это было нужно в интересах свободы, мира и блага Русского народа?

Пять лет, с тех пор протекшие, способны лишь увеличить грустное раздумье, вызываемое этим вопросом.

Первой причиной появления Манифеста 17 октября была забота о внутреннем мире. Но по действительному положению вещей такой шаг, казалось бы, не мог вызываться, точно так же, как и умиротворяющих последствий он не возымел. Мы все, пережившие ту эпоху, хорошо знаем, что перед 17 октября смуты уже, видимо, кончались. Если бы советники Монарха подождали еще неделю, они принуждены были бы доложить уже не об опасностях революции, а об ее видимом замирании. Но именно в этот момент являются почему-то самые тревожные доклады, и обнаружится Манифест 17 октября. Факт, сходный с тем, как мир с Японией, нанесший такой страшный нравственный удар государственной власти, был заключен именно

в тот момент, когда силы Японии казались истощены, и близкая победа России уже ясно рисовалась впереди.

Какие таинственные силы изображали события в свете, столь мало сходном с действительностью? Это вопрос особый, по поводу которого по стране громко кричали тогда об измене. Не касаясь его, мы видим, во всяком случае, что Манифест 17 октября 1905 года исходил из предположения о крайней революционной опасности момента.

«Смуты и волнения в столицах и во многих местностях Империи Нашей великою и тяжкою скорбью преисполняют сердце Наше». Так начинался Манифест и кончался словами: «Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой пред Родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с Нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле». В такой обстановке среди Высочайших указаний, имевших задачей усмирение волнений, явилось также предначертание: *установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силы без одобрения Государственной Думы*. На этих строках Высочайшего манифеста и было через несколько месяцев построено правительственными сферами ограничение векового Русского Самодержавия.

Почему это было нужно и для чего?

Что касается последствий, то все мы, современники, знаем очень хорошо, что эта, как говорилось тогда, «уступка» революции имела совершенно обратное действие. Революция почерпнула новую самоуверенность и дерзость и начала нестерпимо неистовствовать в своем триумфе, оскорбляя чувства народных масс, которые совершенно не могли постигнуть, что такое творится в России. И вот вместо умиротворения начинается усиленная кровавая потасовка, которой и конца не было видно до тех пор, пока правящая власть не принялась, наконец, за то, что требуется для усмирения мятежей и беззакония. Власти, столь бездеятельные раньше, обнаруживают энергию и, понятно, быстро достигают, по крайней мере, начала умиротворения.

Почему же они были столь вялы и бездейственны раньше?

Вся эта «революция», в связи с которой явился Манифест 17 октября, возбуждает вообще множество недоуменных вопросов.

Помимо общей благоприятной для волнения почвы, несомненно, что сложная система восстания была организована форменным заговором против Самодержавной власти. Столь же несомненно, что если этот заговор получил такую силу, такой невероятный успех, то, кроме роковой капитуляции перед Японией, этому способствовало умение заговорщиков проникнуть своими влияниями в самые правящие сферы. В этом, конечно, и была главная сила. Организация непосредственно революционных интеллигентных и инородческих «союзов» не была особенно сильна. В так называемом «Союзе союзов»¹, который объединил в мае 1905 года союзы инженеров, народных учителей, адвокатов, журналистов, профессоров, фармацевтов, лесоводов, статистиков, псевдокрестьян с евреями во главе, союз земских деятелей, городских деятелей, союз равноправности евреев и т. д., – всего что-то около 30 союзов, – в общей сложности насчитывалось 27 тысяч человек. О народных массах нечего и говорить, ибо они разыграли лишь печальную роль вытаскивания каштанов для чужого обеда. Если их можно было при расшатанности страны поднять посулами всяких благ, то при разумной деятельности власти еще легче было бы удержать их от вмешательства в явно чужую игру. И, однако, все это было допущено, и в довершение при инсценировке революции на всех опасных местах со стороны правительства оказались на подбор такие бездарности, такие малодушные и беспечные лица, что только диву даешься: откуда их можно было понабрать?

А между тем энергичные люди были и немедленно нашлись, как только был добыт «палладиум»² будущего ограничения Царской власти...

Смутная, темная, прискорбная картина. Горько думать, сколько крови народной пролито, сколько внесено в страну деморализации, и все это для того, чтобы обеспечить политикан-

ствующей интеллигенции, этой родной сестре бюрократии, простор парламентарной карьеры.

Но 17 октября ограничения Самодержавия еще не было добыто: было получено лишь зерно, по недавнему выражению профессора Гредескула. Далее потребовалось немало канцелярской премудрости для культивирования этого зерна при кодификации. Нынешний издатель *Московских Ведомостей* уже имел случай доказывать, что слова Манифеста 17 октября о «незыблемом правиле» думского одобрения ничуть не обязательно было истолковывать в смысле ограничения Царского Самодержавия, тем более, что Манифест 6 августа, которым было создано народное представительство, имел не отмененную октябрьским манифестом оговорку, что при этом *«сохраняется неприкосновенным Основной закон Российской Империи о существе Самодержавной власти»*. Закон же этот в статье 1 гласит: «Император Всероссийский есть Монарх Самодержавный, неограниченный». О том огромном перевороте, какой бы составила отмена неограниченности Царской власти, Россия не была даже оповещена каким-либо манифестом. И несмотря на все это, кодификационная работа правительства графа Витте выбросила из закона слово «неограниченный» и дала такое построение государственного управления, при котором Верховная власть Монарха явилась как бы спорной, ограниченной, а следовательно, утратившей некоторую часть своего нераздельного верховенства.

Так-то были завершены события дня 17 октября 1905 года. Что из всего этого не могло получиться строя прочного, дееспособного, – это совершенно понятно. Мало того: он не был даже выведен из сферы дальнейшего влияния революционной идеи.

В совокупности всех обстоятельств и публичных объяснений получалось действительно такое толкование нового строя, что происшедшая перемена была произведена натиском смуты. Но допускать малейшую мысль такого рода в умы граждан значило с самого начала осуждать новый строй на совершенную непрочность. Тут уж дело касается не одной

Монархии, а какой бы то ни было конституции. Если допустить, что забастовки, бомбы, убийства получают значение законодательно воздействующих актов, то какое же государство, какой закон может быть в стране? Если бомбы, баррикады и забастовки могут диктовать стране законы, то о какой же конституции можно думать? Нужно редкое отсутствие политического образования и серьезной государственной мысли (чем, впрочем, граф Витте и прежде себя отмечал), чтобы строить конституцию, хотя бы и парламентарную, на такой почве.

Однако дело, заложенное 17 октября 1905 года и завершенное кодификацией 1906 года, было создано правительством именно так. Мудрено ли, что теперь, встречая пятилетие 17 октября, мы и до сих пор принуждены надеяться не на *закон*, не на *строй* государства, а только на искусство тех или иных правительственных лиц? У нас до реформы тенденциозно и с натяжками приписывали государству личный характер. Но тогда это обвинение можно было выставлять только с натяжками. А теперь, в результате наших революций и реформ, мы уже действительно пришли ко всецелой зависимости наших судеб от того, находится ли во власти такая или иная личность. Стоит перемениться *личности*, и никто не знает, что будет, ибо сами *учреждения* ничего не гарантируют.

Смутные и скорбные воспоминания будит день 17 октября и о том, что ему предшествовало, и о том, что из него сделали. Не веселее и будущее, представляющееся в полутьме его памяти... Напрасно говорили его поклонники, что мы по крайней мере получили «народное представительство». Представительство несравненно более обеспеченное, а потому способное к развитию, мы получили 6 августа, а 17 октября мы получили власть политиканства под флагом народного представительства, мы получили власть партий, и не народа, и, сверх того, это представительство партий поставили в состояние неизбежного конфликта с высшей государственной властью на почве борьбы за власть Верховную, никому не врученную с непрекращаемой ясностью.

Не умиротворив прошлого, не устроив настоящего, день 17 октября не гарантирует нам и будущего, ибо здание государственного строя, с тех пор воздвигаемого, кроет в себе два противоположные начала – монархическое и парламентское, и не может быть приведено к прочности иначе, как новой перестройкой. На этом пункте, кажется, согласны все партии, а потому все они и смотрят на настоящее время только как на переходный момент.

Вопрос будущего только в том, кто раньше выработает окончательный план и запасется силами для его осуществления.

Революция и Государственная Дума.

Чрезвычайно своеобразное учреждение создано у нас в виде Государственной Думы. Без сомнения, в ней множество лиц, чувствующих с большей, чем кто-либо горечью ее ненормальную политическую роль. Но как бы ни были почтенны заслуги и деятельность отдельных лиц и групп, в общей сложности деятельность Государственной Думы оказывается такой, что способствует не поддержанию общественной безопасности, а ее подрыву. В третьей Думе это постепенно стало сказываться почти в той же степени, как в первых двух. Что сказать о только что проведенном запросе министру юстиции? Что сказать о «запросе» по случаю убийства полковника Карпова¹?

С точки зрения гражданина, думающего о благе страны, если бы даже этот гражданин был чистейшим конституционалистом, убийство начальника охраны и раскрывшиеся вокруг этого события обстоятельства способны возбудить тревогу собственно в отношении лишь одного: достаточно ли бдительно органы правительства смотрят за поднимающим голову терроризмом? Достаточно ли бдительно власть охраняет об-

щественную безопасность против революции? Совсем не тем, однако, заинтересованы авторы думского запроса. Они поднимают толки о знаменитой «провокации». Действие такого запроса, как всякому понятно, может быть одно: общественное мнение с размышления о готовящихся революционных потрясениях будет увлечено в мысль о какой-то виновности правительства.

В результате неизбежно обессиление власти в борьбе с обнаружившейся опасностью. Вместо того, чтобы искать террористов и парализовать их замыслы, представители власти должны тратить время, внимание и энергию на объяснения и разную грызню в Думе. Газеты того же лагеря, как думское большинство, каждое слово оппозиции и каждое слово правительственных объяснений пустят в ход для агитирования умов. Шум разрастается, на скамью подсудимых усаживается правительство, и что ни шаг, то больше принуждено входить уже в самозащиту... А зачинщики убийств и революции получают все удобства – где нужно скрыться, где можно – усилить деятельность, тем более, что пособие со стороны общества всегда тем сильнее, чем сильнее возбуждены умы, чем больше подорвано доверие к власти...

Обстоятельства дела убийства полковника Карпова, с каждым днем более раскрывающиеся, и без того рисуют нам очень тревожную картину. Начальник охранного отделения, как гласят сведения, проникающие в газеты, убедился в существовании опасно обостренных подготовлений к революции. Он считал необходимым во что бы то ни стало раскрыть эти замыслы и уничтожить подготовленные и подготовляющиеся очаги преступлений. Он работал над этим до истощения сил, всем рисковал для этого и погиб жертвой заботы о спасении России от новых попыток революции.

Единственное, что могло бы в таких условиях озаботить Думу при вести о трагической гибели человека, представлявшего в данную минуту центр борьбы против замыслов террористов, – это вопросы: не погибли ли с ним какие-либо важные средства борьбы, не осталось ли правительство обезоружен-

ным или ослабленным? Учреждение государственное, каковы бы ни были его специальные обязанности, естественно должно быть солидарным с государством, озабочено его существованием, интересами и безопасностью. Если государственное учреждение заинтересовывается почему-либо трагическим инцидентом полковника Карпова, то в данную минуту может спросить правительство прежде всего об одном: крепко ли мы стоим на позициях? Не сорвала ли нас с них бомба или «адская машина», скосившая полковника Карпова? Но, как видим, в Государственной Думе возникает совсем иная забота, и мы вполне понимаем негодование члена Думы графа Вл. Бобринского, дошедшего до самых резких выражений по адресу тех своих коллег, которые позволили себе этот поход против правительства в минуту штурма революции против него.

Это нападение с тыла настолько возмутительно, что оставление его безнаказанным само по себе составляет факт ненормальный и деморализующий. Граф Вл. Бобринский хлопочет о признании запроса «недобросовестным». Это оценка нравственная. Но по отношению государственных учреждений не менее важна точка зрения юридическая. Государственные учреждения имеют служебные обязанности, и нарушение их составляет преступление по должности. Наши же Государственные Думы всех трех созывов дали все формы несомненного преступления по должности. В центральном пункте они все сводятся тому, что это государственное по закону учреждение позволяет себе быть явно или скрыто антигосударственным, позволяет себе вместо обязательной для его поддержки Русского государства вступать в союз с ниспровергающей его революцией. Нося название «Государственной Думы», это учреждение в лице огромной части своих членов и даже в коллективной деятельности своей слишком часто заслуживало только название «революционной Думы». Какой же, однако, смысл такого учреждения? Для чего оно может быть нужно стране и государству?

Мы имеем надобность в представительстве народа перед государством; государство имеет надобность в представи-

тельстве народа в своих учреждениях. Но ни народ Русский, ни государство не имеют никакой надобности в представительстве революции в государственных учреждениях. Революционеры могут собирать свои конгрессы, где им угодно. Но зачем их конгресс заседает в Таврическом дворце? Зачем они пишут для нас законы? Зачем они, получая огромные права и государственное содержание, служат не государству, а своей «революции»?

Это – зрелище, которого смысл никто не может ни понять, ни объяснить. Это какая-то ирония неудачно составленных законоположений. Собираются революционеры, отрицающие государство, отрицающие даже наш социальный строй, люди явно и открыто ставящие целью своей деятельности ниспровержение того и другого, и государство их терпит в своей среде, оно позволяет им ниспровергать наш строй под охраной закона!

Это – абсолютно ненормальное положение. Это – бессознательное нарушение обязанностей государства перед самим собой и нацией, и оно проявляется у нас при реформированном строе вот уже несколько лет. Мыслимо ли думать при этом о каком-то умиротворении страны? Возможно ли оно при такой «конституции»? Ведь в сущности революционная часть наших «законодателей» играет при государстве ту же роль, как убийца Карпова играл при своей жертве. Абсурд увеличивается лишь тем, что Воскресенский, по крайней мере, обманывал полковника Карпова, а думские революционеры (кроме, может быть, кое-кого из октябристов) даже никого не обманывают. Они сами грозят революцией, сами заявляют, что присутствуют среди государственных учреждений именно для того, чтобы убить это государство. Получается такая «адская машина», которую даже не прячут ни под стол, ни под диван, а открыто пускают в ход с трибуны.

На все эти ненормальности, из года в год тянущиеся, мы, когда положение становится совершенно нестерпимым, отвечаем только роспуском Думы. Но роспуск палаты понятен только в тех случаях, когда государство считает полез-

ным проверить разногласие мнений между правительством и избирателями. В отношении наших Дум вопрос был и остается совсем иной. Наши Думы наиболее плохи тем, что слишком легко превращаются в суккурсал² революции. При таком положении с избирателями вовсе не о чем совещаться, а необходима реформа самого учреждения. Что могут тут сделать избиратели? Предполагается само собой, что избиратели не желают и не могут желать революции. Вопрос не в этом. Вопрос в тех изменениях, которые необходимо совершить в самом учреждении Государственной Думы для того, чтобы превратить ее из учреждения вредного в учреждение полезное. Вопрос также в том, чтобы виновные в нарушении служебного долга члены Думы не оставались безнаказанными за свои деяния.

Борьба за Верховную власть.

Наш талантливый сотрудник г-н Юрский, соединяющий серьезное юридическое образование с тонким знанием дел Государственной Думы, только что дал *Московским Ведомостям* (№№ 184–185) подробное рассмотрение того употребления, которое Государственная Дума делает из права запросов. Не один раз мы говорили и сами об этом предмете. Но г-н Юрский соединяет в одну картину фактические данные целого периода, и тенденция «запросов» вырисовывается у него с чрезвычайной яркостью.

В чем она состоит? В стремлении систематически сверхзаконно увеличивать власть Думы над правительством и даже распространять ее на области прерогатив Верховной власти, хотя, конечно, уже и подчинение правительства Думе составляет вторжение в область Монарших прерогатив, выражает стремление уравнивать права Думы и права Монарха, Которому, по закону, присвоена Верховная власть.

Как известно и как неоднократно мы показывали на фактических примерах, совершенно то же стремление к подчинению себе правительства практикуется Думой путем данных ей бюджетных прав. Уже в самом начале работы третьей Думы левые фракции толкнули ее на такое употребление бюджетных прав и увлекли за собой огромное большинство. Даже и правые фракции, как, например, под влиянием общего возмущения деятельностью Морского Министерства, вступали на пути применения бюджетных прав к понуждению правительства на исполнение желаний Думы. В заключениях своего исследования г-н Юрский отмечает некоторые недостатки узаконений и думского наказа, которыми облегчается такое злоупотребление правом запроса. Предоставляем специалистам разработку тех улучшений, которые можно было бы произвести на этой почве. Но, несомненно, большого толка нельзя ожидать от этих улучшений, ибо сущность дела состоит не в недостатках наказа или иных частных законов, а в самом характере Государственной Думы, законом созданной, и в отношении самого же закона к Верховной власти.

Что действительно происходит в наших высших государственных учреждениях на почве тенденциозного применения права запросов и не менее тенденциозного пользования Думой бюджетными правами? Это, как мы много раз выясняли и как известно решительно всем, имеющим очи и уши, чтобы видеть и слышать, – это есть *проявление борьбы за Верховную власть*. Наш закон – по крайней мере по букве – оставил и после 1906 года Верховную власть за Монархом. Но тот же закон рядом статей ограничил власть Монарха властью Думы, ограничил власть Монарха уже даже тем, что перечисляет Его права, а следовательно, кладет им грани, и даже не особенно широкие. Укажем, например, что власть, именуемая в статье 4 Основных законов Верховной, по статье 119 тех же законов не может без одобрения Думы и Совета призвать на защиту отечества большего количества рекрутов, чем было последний раз разрешено этими учреждениями. Понятно, что весь ряд статей, ограничивающих власть Монарха, фак-

тически разделяет Верховную власть между Монархом и так называемыми ныне «законодательными палатами». В самих законах, таким образом, заключаются не доведенные до конца начала парламентарного построения Верховной власти, то есть присвоения ее не одному Монарху, а двум палатам и Монарху в совокупности.

Таково законное положение, в котором действуют наши «законодательные палаты». Оно само по себе увлекает желающих к тому, чтобы доделать парламентаризм до конца, тем более что столь чрезвычайные права были даны Думе, к сожалению, именно в момент так называемой «революции», требовавшей уничтожения Самодержавия. Естественно, что к пользованию этими правами прихлынули лица именно из слоя, так или иначе поддерживавшего «революцию». Столь же естественно, что все они видят свою миссию в том, чтобы довести до логического конца парламентарное построение, заложенное, но не довершенное в 1906 году. Наконец, невозможно забывать, что огромное большинство так называемой интеллигенции, главной поставщицы слоя профессиональных политиканов, глубоко проникнуто конституционализмом и совершенно оторвано от исторического понимания русской Верховной власти. При совокупности всех этих условий невозможно даже и ожидать, чтобы в «законодательных палатах» не проявлялось борьбы за Верховную власть, за присвоение части ее так называемым «народным представителям».

И вот мы видим, что Дума обращает данные ей права запроса и права бюджетные не на полезное государственное употребление, а на, так сказать, «боевое» – на добывание новых и новых прав «народному представительству». Ход дел высшего государственного управления от этого страдает на каждом шагу. Деньги государственные назначаются не по требованиям тех нужд, коим следует удовлетворить, а по соображениям «политиканским», по требованиям задачи расширить власть Думы. Запросы служат не к водворению закономерности действий власти, а опять же преследуют боевые цели (подорвать

авторитет власти, подчинить ее себе и т. п.). Итак, то, что в законе кажется благими намерениями, практически отзывается последствиями весьма вредными для нужд и пользы страны. Все это натурально, да и самая азбука политики учит нас, что нет более вредного зла в государстве, как борьба за Верховную власть. Там, где она почему-нибудь допущена, нечего ждать ни порядка, ни хорошего ведения государственных дел. У нас же, как сказано, сам закон дает почву для борьбы за Верховную власть, ибо практически не сосредоточивает ее ни в каком учреждении, ограничивает власть Монарха, но не дает открытого парламента.

Посему-то критика действий Думы, которую дает г-н Юрский, может приводить лишь к тому выводу, что не в частностях наказа или закона, а в общем построении высших учреждений заключается источник вредной и дефектной деятельности «законодательной палаты».

У нас нередко приписывают всю беду плохому составу Думы как последствию недостатков избирательных законов. Да, конечно, избирательные законы имеют свои недостатки. Но ведь избирательные законы, чтобы быть хорошими, должны быть приспособлены к целям учреждения, для которого служат. Что же за учреждение имеется у нас в данном случае? Этого невозможно определить. Это вовсе не Дума в смысле исторического русского строя, это и не парламент, а нечто не определившееся, недоделанное. Она не призвана выражать народную волю, она не есть и Царское советное учреждение. Каким же образом возможно составить целесообразный избирательный закон для учреждения, сущность и цели которого совершенно неясны?

И потому-то простыми переделками избирательного закона нельзя помочь нашему горю. Нашему государству теперь нужнее всего ясное определение Верховной власти и ясная установка ее действия в государственных учреждениях. Только тогда, когда это будет сделано, можно по тому или иному плану создавать дельную Думу, а сообразно с этим создавать и хороший избирательный закон. Тогда исчезнет борьба за Вер-

ховную власть, и государственные учреждения, не развлекаемые и не потрясаемые борьбой, станут способны серьезно заниматься исполнением своего прямого долга.

Вопрос о Верховной власти.

С приближением периода законодательной работы невольно приходится снова вспомнить положение вопроса о Верховной власти Русского государства.

Собственно говоря, самый «вопрос» кажется странным. Раз государство существует, значит, существует и Верховная власть. Можно, кажется, спорить о каких угодно властях, но только не о Верховной. И, однако, о ней спорят партии. С практической стороны – это самое опасное явление. Пока партии считают нерешенным вопрос о Верховной власти, нечего и думать о правильной законодательной работе. Борьба за Верховную власть есть явление чисто революционное. Пока оно не исчезло, невозможно никакое творчество в области законодательства и в устройении социального строя с его жизненными задачами – просвещения, экономики и т. д.

Вот этот капитальный, основной вопрос о Верховной власти у нас, очевидно, не считается решенным для государства, ибо постоянно возбуждается не только фактами партийной жизни, но даже проявляется в действиях правительственных лиц.

С этим нужно решительно покончить. Нельзя так долго затягивать революционное состояние, осуждая на неопределенность, недоделанность, вялость всю работу государства, от которой зависит и жизненная работа общества.

Читатели помнят недавнюю скандальную сцену в Соляном городке¹, где г-н Милюков объявил Самодержавие *уничтоженным*, ссылаясь при этом на авторитет *Министерства иностранных дел*². Понятно, что г-н Милюков – не одиночка.

В Петербурге только что выбран в члены Государственной Думы г-н Кутлер, от которого мы можем услышать в Государственной Думе такие же речи... Нельзя поручиться и за господ октябристов.

В Москве, на предвыборном собрании г-н фон Анреп только что объяснял, что лишь *пока* не следует ничего прибавлять к Манифесту 17 октября... а стало быть? При благоприятном случае можно и прибавить? Да кто же в этом и сомневается? Вообще, Дума еще не собралась, а со всех сторон видны нарастающие точки этой зловреднейшей борьбы за Верховную власть, и трудно сомневаться, что новая сессия законодательных учреждений будет снова на каждом шагу омрачаема революционными попытками захвата Верховной власти путем расширения власти Думы. А пока это будет продолжаться – никакой правильной работы ни в Думе, ни в России не может быть.

Пора бы наконец понять, что вопрос о Верховной власти вовсе не какой-нибудь теоретический и бумажный, а самый важный для практической работы. Оттого у нас так жалка и бесплодна законодательная работа, что она беспрерывно возмущается вторжением споров о Самодержавии и Верховной власти.

Как же покончить с этим «вопросом»? Уж само собой разумеется, нельзя просить господ Милюкова, Кутлера, Анрепа и пр. и пр., чтобы они перестали добиваться создания у нас парламентарного строя: они люди вольные, допущены до законодательной деятельности законным путем, имеют свои взгляды. Но совершенно иначе приходится рассуждать о правительстве, а на беду мы видим, что именно в министерствах способны проявляться те же вредные для государства стремления или непонимание долга правительства – тщательнейше охранять существующую Верховную власть от посягательств на какую бы то ни было перемену ее. Чтобы не касаться прошлого, вспомним инцидент г-на Милюкова в Соляном городке, рисующий роль одного из министров в поддержании партийной борьбы за Верховную власть. Ярко

и громко, с полным убеждением в истине своих слов г-н Милюков заявил собранию:

«Что мы были в Лондоне не в качестве туристов, а в качестве депутатов – это большой плюс. Впервые в эту поездку *официальными представителями России была признана конституция*. Это официальное признание конституции что, собственно, означает? Это значит, что я в данный момент, с этой трибуны, имею право заявить, *что в России нет более Самодержавия*, что власть Русского Царя ограничена» (*Речь*, № 245). Слова его были покрыты шумными рукоплесканиями, и хотя полицейский пристав прекратил скандал, закрыв собрание, но это было прекращением скандала только в зале Соляного городка, а не в России. Ибо в печати, в той же самой *Речи*, немедленно было высказано, что если русские дипломаты Лондона и Парижа осведомлены о несуществовании Самодержавия, то, конечно, скоро и полиция узнает об этом перевороте...

Итак, выходит, что у нас нет уже Самодержавия? И это утверждается на основании авторитета Министерства иностранных дел... Что же делает Министерство иностранных дел? Опровергло ли оно свидетельство г-на Милюкова? Заявило ли, что кадетский лидер ошибочно понимает действия г-на Извольского и его дипломатических агентов? Ничего подобного г-н Извольский не заявил. Как же тут разобраться народу? Каждый думает, что министр иностранных дел, непосредственно подчиненный Государю Императору, изъятый даже от косвенного подчинения Государственной Думе, существующего для других министров, должен быть осведомлен о том, есть у нас Самодержавие или нет... Значит, Милюков прав?

В Основных законах издания 1906 года, в статье 4 первого раздела, мы читаем: «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная власть», а г-н Милюков, ссылаясь на авторитет Министерства иностранных дел, заявляет: «в России нет больше Самодержавия»... Чему верить? С чем сообразоваться?

Если верить г-ну Милюкову, то нельзя не сказать, что наше Министерство иностранных дел, по-видимому, гораздо

больше заботится о водворении «конституции», как говорит г-н Милюков, чем о достижении русских интересов за пределами России. На всех пунктах наши интересы за границей страдают. В Маньчжурии китайцы уже прямо секут русских, в Персии мы потеряли все, что могли потерять, в среде славянства скомпрометированы по уши, но зато наша дипломатия нравственно поддерживает все перевороты, ниспровергающие «абсолютизм», старается подружиться с младотурками, давая им поддержку, которой они в недрах самого турецкого населения не имеют; в Персии благодаря поведению нашей дипломатии выдворяется шах, преданный России, и создается правительство с участием наших революционеров, но зато «конституционное». В самой России поведение Министерства иностранных дел создает очевидные помехи для того умиротворения и прекращения партий в Государственной Думе, о котором с таким напряжением всех сил старается Совет Министров.

Не знаем, насколько сознает это Министерство иностранных дел, но мы видим, что его поведение во время вояжа наших парламентариев в Англию, его «признание конституции», окружение господ депутатов почестями, совершенно не оправдываемыми *действительным* значением вояжеров, – все это теперь набрасывает кучу палок в колеса думского умиротворения. Извольте теперь прекращать раздоры партий в Думе, когда «кадеты» могут прямо ссылаться на авторитет министра иностранных дел в подтверждение своих притязаний на уничтожение Самодержавия! Сколько скандальных сцен, сбивающих Думу с пути работы и толкающих ее в борьбу за Верховную власть, подготовил г-н Извольский своим «официальным признанием конституции». Его ли дело, однако, вмешиваться во внутреннюю политику России и брать не себя роль какого-то насадителя конституции вместо того, чтобы охранять заграничные интересы России и не допускать хоть вмешательства иностранных держав в наши внутренние дела? А ведь поведение Англии в этом последнем отношении начинает переходить все границы и напоминает те вмешательства,

которые делались державами во внутренние дела погибающей Польши XVIII века...

Весьма вероятно, что Министерство иностранных дел не сознает того зла, которое совершает. Но России, Русскому государству, Государственной Думе и правительству от этого нисколько не легче...

И вот мы говорим, что если нельзя требовать от г-на Миллюкова, чтобы он не стремился, в пределах закона, к уничтожению Самодержавия, то уж, во всяком случае, недопустимо какое бы то ни было – сознательное или бессознательное – содействие этому со стороны министров Его Величества. Они должны бы знать, что служат Самодержавной Верховной власти Государя Императора, а не какой бы то ни было другой любезной им «конституции».

Наше умиротворение и должно начаться с того, чтобы правительство твердо знало, какое у нас государство, какая власть, какие права этой власти, и показывало это гражданам. Без этого правительство и само не может действовать, без этого оно не может давать и того тона политической жизни страны, какой безусловно необходим для умиротворения и перехода из революций в период правильного развития.

Вопрос о Верховной власти должен перестать быть «вопросом», и никаких сомнений относительно характера ее не должно существовать, если мы желаем, чтобы Русское государство не кончилось в наши дни полным распадом. В настоящее время, накануне возобновления законодательных работ, мы должны особенно желать, чтобы правительство не только не допускало среди своих членов таких «выступлений», как было со стороны министра иностранных дел, но приступило к работе по выяснению *точного смысла* Основных законов 1906 года, на что одно лишь правительство Государя Императора имеет практическую возможность ввиду того, что инициатива изменений Основных законов принадлежит исключительно Государю Императору.

Во что превращает себя Государственная Дума.

Злобой дня Государственной Думы является отказ Н. А. Хомякова от председательства. Уйдет ли он действительно или его упроят остаться¹, но, во всяком случае, нельзя не признать, что заседания Государственной Думы изо дня в день принимают все более странный характер, не имеющий ничего общего с тем, чего ждет от законодательного учреждения даже самый невзыскательный и снисходительный гражданин.

Может быть, об этом совершенно бесполезно говорить. Но невозможно также и молчать, когда ежедневно на месте выработки «священных законов отечества», как выражались в добрые старые времена, только и видишь скандал за скандалом, развязнейшее ничегонеделание и грубейшее подрывание в стране всякого уважения к власти.

Дума подрывает его и в своем собственном лице, и в лице своего председателя, и в лице министров, и в лице Церкви, и вообще в лице всего, к чему только прикасается. Невозможно молчать об этом. Мы обличаем скандал на улице, мы стараемся поддержать добрые нравы, порицая какой-нибудь случайный промах присяжных или отдельный частный поступок. Что же сказать, когда высшее государственное учреждение систематически дает такой камертон для жизни всей страны?

За последнее время можно брать в пример любой день. Вся разница только в степенях. Не заглядываем в прошлое, не вспоминаем сцен, касавшихся других министров. Но вот идут, например, обсуждения бюджета Народного Просвещения. Читаем отчеты и спрашиваем себя: зачем человеку, ценящему свое дело, уважающему его и себя, приходится объясняться с «высоким собранием»? Мы теперь ко всему привыкли, но ведь если бы министр был встречаем в частной гостиной столь неджентельменски, как в Государственной Думе, то он, как говорится, «раззнакомился» бы с таким домом и сказал бы: «У подобных людей невозможно бывать». Но неужели приличие в высшем

государственном учреждении должно быть столь несравнимо ниже, чем приличие в частном быту? Не наоборот ли, не верхи ли государства должны давать народу пример мудрости, честности, приличия и т. д.? Или это, говоря по-нынешнему, только традиция «отжившего строя»? Но какова же цена реформ, которые делают «отжившим» полезное и добропорядочное? Вряд ли Россия, как ни усердно ее развращают, опустилась до такой степени, чтобы с этим мириться

Обращение Государственной Думы с представителями правительственной власти совершенно недопустимо. Тут дело не в том, что есть и в «высоком собрании» люди, которые держат себя прилично. Вопрос в том, зачем здесь такая значительная примесь неприличных? Ведь в результате все заседание выходит «скандальным» и все собрание утрачивает тот элемент «достопочтенности», который обязателен для него. Добрые старые времена для всякого неприличного слова создали наименование «непарламентского выражения»... А у нас? Ведь у нас совершенно наоборот: «парламентское выражение» означает, что «ругались последними словами»...

Между тем, по существу дела, что полезного слышит министр в «высоком собрании» в ответ на свои предположения, созданные трудом, знанием и долгими размышлениями? Целая куча членов Думы и целые партии только и думают, нельзя ли наговорить чего-нибудь дерзкого, как-нибудь оплевать человека.

Что слышит министр хоть бы в текущих обсуждениях бюджета?

Во-первых, ни с того, ни с сего ему выражают «пожелание», чтобы «юношество воспитывалось в религиозном чувстве и в духе преданности Царю и отечеству»... Но Думе ли говорить это министру, который весь век трудился именно в этом направлении и именно за это возбуждает ненависть разных «левых»? Не простая ли это «выходка» со стороны собрания, в котором столь мало проявляется уважения к религиозному чувству и в котором против Самодержавия раздаются время от времени столь недопустимые выходки?

И, разумеется, цена этого пожелания сейчас же сказывается. Только что получив от Думы наставление воспитывать юношество в религиозном духе и в преданности Царю и отечеству, министр слышит далее воспаленную несуразицу г-на Белоусова. «Бесполезно возлагать надежды на министра Шварца, – заявляет этот премудрый законодатель. – Ему нужно только сказать: «Уйдите с этого места»... Министр готовится услышать, что депутат негодует на недостаточность религиозности, недостаточность преданности Царю и отечеству? Ничего подобного. Г-н Белоусов (цитируем газетный отчет) «в мрачных красках рисует политическое положение страны. Зловеще, говорит он, звучат теперь слова «народное просвещение». В школах и вне их теперь наблюдается душевный разлад детей и их родителей. Длинный синодик детских самоубийств – дело рук Шварца, покорного слуги реакции... Оратор полагает, что таких детей воспитывает общее направление политики, которая издала приказ «тушить огни», и огни во всей стране погашены (аплодисменты слева). В заключение оратор предлагает отвергнуть смету «черного министерства», причем снова раздаются рукоплескания слева.

Забудем на минуту, что мы живем в «обновленной» России и спросим себя, где можно услышать такой бред? Ведь если бы мы не знали, что дело происходит в Думе, то прямо предположили бы, что речь раздается в доме психически больных. А министр, всю жизнь трудившийся над народным просвещением, по всем местам службы приобретший высокую репутацию педагога, должен выслушивать весь этот вздор и сносить оскорбления, не имеющие буквально ни искры фактических оснований. И это называется «вырабатывать законы»!

Но допустим, что г-н Белоусов – человек ничего не знающий и ненормально воспаленный, хотя напрашивается вопрос: зачем же он допущен к выработке для нас законов? Но если мы оставим в стороне г-на Белоусова, то выступают лица, в отношении которых имеется уже вся полнота вменяемости, как г-н фон Анреп. А много ли плодотворнее его наставления министру?

Все обличения его состоят в том, что министр действует якобы «полицейскими» средствами, то есть попросту заботится о порядке в школе. Министр оказывается виноват в том, что воскрешает дух Шишкова. «Пусть, – восклицает обличитель, – Государственная Дума выскажет пожелание, чтобы Министерство народного просвещения Шишкова было скорее забыто!». . . Вот тебе и раз! Г-н Капустин требует воспитания в духе преданности Царю и отечеству и в религиозном чувстве, а г-н фон Анреп хочет изгнать Шишкова, как раз и стоявшего за преданность Богу, Царю и отечеству. Конечно, г-н фон Анреп развил свое красноречие собственно по поводу того, что Шишков считал вредным школьное образование *для крепостных*. Но ведь крепостных нет давно, а А. Н. Шварц никогда его идеи не поддерживал и народного образования вредным не признавал. К чему же г-н депутат произносит совершенно ненужные слова, лишь бы уязвить министра?

Единственное, что может министр вынести из думских поучений, – это обязанность слушаться Думу («считаться с мнением и голосом страны, представителями которой являются члены Государственной Думы»). Но может ли министр позабыть, что он обязан прежде всего исполнять Волю Государя, его назначившего и дающего ему директивы работы?

Вот это требование покорности министров и составляет главнейшую, существеннейшую сторону «законодательной» деятельности Государственной Думы, единственное настоящее дело ее. Все прочее слабо, противоречиво: то прямо вредно, то в наилучшем случае терпимо. Только эта линия ведется неуклонно, этот тон не замолкает: слушаться Думу, подчиняться Думе, делать, как она хочет, ибо она составлена из «представителей народа». По существу это ведет к полному перевороту государственного строя. Но для этого ли создана Дума? И наконец, пока она достигнет государственного переворота и поставит свою волю законом для министров, нынешним строем обязанных слушаться Императора, пока это произойдет – как же нам жить, как министрам править, как получать законы? Во всей этой области Государственная

Дума дает не помощь государственному механизму, а постоянные помехи. Она дает всей России самый вредный каммертон и пример. Что же это за учреждение, что оно из себя делает, и куда, наконец, Россия придет под его неуклонным давлением?

Внешняя опасность и внутреннее разъединение.

Находясь по самой середине держав, наиболее волнующих вожделями колониальной политики, мы не можем теперь ни на минуту забывать, что опасности захватов угрожают нам со всех сторон. В существовании такого положения винить некого. Но когда мы приводим Россию в состояние, не соответствующее опасностям ее современного международного положения, мы оказываемся кругом виноватыми, ибо этим усугубляем опасности и ослабляем свои средства к их отражению.

Первая обязанность страны, находящейся в нашем нынешнем положении, есть обязанность и быть, и казаться сильной, и быть, и казаться крепкой внутренним единением. Но наши современные деятели и все наше общество виноваты перед судьбами России тем, что в обоих отношениях делают, наоборот, все возможное для обострения и без того опасного положения.

Первый упрек, который приходится тут делать, падает на нашу иностранную политику вечных уступок, придающих России вид слабости и нерешительности. Уступки никогда никого не способны разжалобить и насытить, а только приводят к попыткам новых и новых требований, которые все возрастают по мере того, как систематические уступки приводят всех к убеждению в нашей слабости, в нашей готовности отдать все, лишь бы избежать столкновения. Если хочешь мира – будь готов к войне, – говорит древняя, вечно юная политическая мудрость. Мы представляем зрелище противоположное: зрелище

надежды получить мир, повсюду чуть не афишируя свою неготовность к войне.

Может ли быть Россия так слаба, как она кажется? Можно ли допустить, что страна, все же считающая 150 миллионов жителей и способная собирать миллиардные государственные доходы, не имеет шансов выдержать какие угодно столкновения? Мы лично совершенно убеждены в том, что в решительных руках Россия может никого не бояться. Но наша иностранная политика способна во всяком наблюдателе создать, наоборот, убеждение, что мы теперь не смеем думать справиться даже с самомалейшим неприятелем... Понятно, до какой степени это способно ободрять наших мировых конкурентов и приводить их к попыткам воспользоваться за счет нашей слабости всеми выгодами, какие только где-нибудь представятся.

Наряду с такой внешней политикой мы видим внутреннюю политику партий, которая как бы нарочно приспособлена для того, чтобы объяснить и оправдать малодушие иностранной политики. В этом случае главнейшая вина падает на Государственную Думу, которая делает все возможное для того, чтобы представить миру Россию страной самого безнадежного разъединения внутренних сил. Что может сказать о внутреннем единстве России всякий наблюдатель партий Государственной Думы? Если б это учреждение действительно являлось сколько-нибудь точным зеркалом Русской нации, то пришлось бы сказать, что это какая-то погибшая нация, не способная ни к какому единению и сосредоточению.

Внешние враги нередко могут прямо указать в Думе своих несомненных союзников. В ней раздаются голоса, в которых слышится не родство со своей страной, а полное духовное единение с силами, находящимися там, далеко, в лагере конкурентов России. Мы радуемся уже и тому, что в третьей Думе не сосредоточивается большинства голосов на явно антинациональных заявлениях. Но каких страшных усилий стоит правительству создать большинство, сколько-нибудь не антипатриотическое. Что только не приносится в жертву тому, чтобы собрание «представителей России» не давало большинства

голосов против интересов Русской нации, взятой в целом. Партии и фракции единятся на отвлеченных принципах, на классовых интересах мелких национальностей, входящих в состав Империи, но среди ожесточенной борьбы этого политического партикуляризма голос национального единства слышится в такие редкие минуты, что кажется для наблюдателя совершенно отсутствующим. И даже в эти редкие минуты наблюдатель невольно спрашивает себя: насколько этот здоровый голос принадлежит самому собранию, и насколько он обязан своим проявлением усилиям правительственного искусства?

Неужели Россия действительно такова по внутренней разьединенности, раздробленности нации, как это собрание ее «представителей»? Тот, кто этому верит, не может не признать Россию безнадежно слабой, ибо что толку из наличности 150 миллионов, если они представляют не одну армию, а 15 борющихся между собой отрядов, этой борьбой приводящих друг друга к полному бессилию? Но даже и тот, кто не верит, чтобы Государственная Дума была сколько-нибудь верным отражением России, не может не видеть, что борьба думских партий, вырываясь за стены Таврического дворца, изо дня в день, из года в год раздробляет нацию на такие же враждебные лагеря, не понимающие друг друга и не желающие ничего, кроме подрыва друг друга.

Где же тут национальное единение? С чем же страна может противостоять какому бы то ни было внешнему врагу?

С этой точки зрения, конечно, получила бы полное оправдание та внешняя политика малодушия и уступок, которая свойственна старчески отжившему народу, неспособному уже ни на какое усилие, ни на какое доблестное напряжение энергии.

И естественно, что наши мировые конкуренты ободряются, смело насаждают на нас, и положение из потенциально опасного превращается в реально угрожающее...

А между тем кто из нас, ощущающих в себе русскую душу, может согласиться с тем, чтобы Россия действительно представляла старчески разлагающийся организм? Кто из нас не чувству-

ет, что мы и теперь способны сливаться на единой мысли о благе и чести родины и что мы – *русские* – в нашем «самоопределении» точно так же способны сдерживать в единении все остальные мелкие племена Империи и их повести под нашими знаменами на службу ей? Кажущаяся дряблость и раздробленность есть явление чисто искусственное, последствие того, что Россия вместо отрясения с ног своих праха антинациональной «революции» продолжает в своих учреждениях давать отголоски «директив», продиктованных этой безыдейной смутой, которая, сама будучи явлением разложения, способна вносить только разложение повсюду, где позволяют ютиться ее эпигонам.

Повторяя слова великого трибуна Французской революции, мы теперь можем сказать: Россия кажется такой ничтожной только потому, что стоит на коленях перед эпигонами искусственно навязанной ей смуты. Пусть только встанет на ноги Россия, и она увидит, что слаба и ничтожна не она, а ее раздробители и что не только они, а и силы всего мира не одолеют великого объединенного Русского народа.

К запросу об охране.

Мы заранее предполагали, что новая сессия Государственной Думы будет посвящена по преимуществу «избирательным» интересам, каковые для оппозиции достигаются резкими выходками, вызовами на бой и прочими агитирующими умы способами. Конституционно-демократическая партия с первого же момента и пошла с места в карьер, выдвинув вопрос о якобы незаконности «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»¹ 14 августа 1881 года.

Этот запрос был, как говорится, притянут за волосы к волнующему всех преступлению, жертвой которого стал П. А. Столыпин, и которое неразрывно связано с видимо не-

стерпимым состоянием охранной полиции. Нетрудно понять, что есть разница между качеством закона и качеством его осуществления. Закон может быть очень неудовлетворителен, и применение его происходит совершенно правильно, и наоборот. В данном случае весь ужас положения состоит вовсе не в существовании охраны самой по себе, а в том, как она фактически поставлена при практическом применении закона. «Кадеты» же, пользуясь возбуждением умов, вызываемым фактической постановкой охраны, выдвинули запрос о незакономерности самого «Положения» 1881 года.

Уловка чисто агитационная.

Успех ее, к сожалению, был облегчен тактикой правой фракции, которая поддержала спешность запроса, имея в виду тут же на месте его отвергнуть. Надежда удивительная, ибо самый простой счет голосов ясно показывал всю неосуществимость мысли о немедленном отвержении запроса. Как бы то ни было, запрос принят и признан *неотложным*. Положение дела сразу получилось самое ненормальное.

Теперь правительству предстоит вместо занятия делом, между прочим, относящимся именно к переустройству политической охраны, тратить время и силы на разговоры с речистыми агитаторами Думы, которые будут стараться возможно более расплодить эти разговоры и возможно более начинить их былями и небылицами, способными бросать тень на власть, подрывать к ней доверие и возможно сильнее беречь раны, произведенные революцией и ее усмирением.

С точки зрения обязанностей серьезного государственного учреждения, принятие такого запроса, да еще с признанием его будто бы спешности, есть акт совершенно непростительный. Государственная Дума, если она имеет нравственное право на существование, должна смотреть на себя как на составную часть общих государственных учреждений, имеющую обязанность солидарно с другими частями их работать на благо государства. Если бы какой-либо министр поставил целью своих правительственных действий назначение его самого на желательную ему должность, все осудили бы его как совсем

недостойного занимать какую бы то ни было должность. В Государственной же Думе «избирательные» интересы совершенно бесцеремонно создают действия, которые могут только вредить общему ходу государственных дел. Это – совершенно непростительное поведение, осуждающее Государственную Думу как законодательное учреждение.

По существу выходка ее почти не заслуживает обсуждения. Законно ныне или незаконно «Положение» 1881 года? Но ведь этот вопрос относится к области чистой казуистики. Каде́ты указывают, что в 1905 году это «Положение», прежде имевшее значение закона, было оставлено только в виде *временной меры*, впредь до завершения пересмотра, но, во всяком случае, на срок не более *одного года*. Прежде срок продолжения действия охраны был *трехлетний*. С 1905 года установлен *годовой* срок. Что же из этого следует? Пересмотра «Положения» с тех пор завершено не было, применение же его действительно производится на срок одного года. Где же незаконность?

Конечно, юридическая казуистика может ко всему придираться, и тем или иным толкованием каждой буквы и слова создавать пререкания. Но по существу совершенно не подлежит оспариванию, что закон или временная мера, законно введенная, сохраняют свою силу впредь до отмены. Такой отмены до сих пор не было, а следовательно, «Положение» 1881 года сохраняет свою силу закона. Дело ясно, как день.

Поднятие вопроса тем неуместнее, что, как Государственной Думе очень хорошо известно, правительство занято именно законопроектом о реформе полиции. Государственной Думе известно также, что о действиях охраны производится Высочайше назначенная ревизия сенатора Трусевича. Следовательно, совершенно ясно, что учреждение, заслуживающее чести быть в числе высших государственных учреждений, именно в настоящее время не имеет никаких оснований поднимать вопрос о «Положении» 1881 года. Для чего этот запрос, когда правительство занято как раз работами, необходимыми для разрешения участи «Положения»? Для чего запрос, когда в настоящее время, то есть пока упомянутые работы не законче-

ны, правительству даже нечего отвечать Думе, кроме разве сообщения общеизвестного факта, что вопрос о полиции и охране не составляет ныне предмет правительственных занятий?

Таким образом, запрос, в котором принял видную и такую печальную роль г-н Тесленко, принадлежит к числу праздных агитационных выходов, какими государственные учреждения могут только компрометировать свою политическую репутацию. При полной своей ненужности, при явной невозможности получить разъяснение, запрос Думы бесцеремонно обнаруживает свою единственно возможную цель: создать предмет агитации, создать способ поджигать через головы членов Думы толпу, находящуюся на улице. Совместим ли такой способ исполнения своих законодательных обязанностей с понятием о серьезном государственном учреждении?

Не может быть, конечно, сомнения, что в намерениях Законодателя при введении Государственной Думы не могло быть создания учреждения, имеющего задачей подстрекать несведущую и воспаленную толпу против правительства. Но становится ниже своей обязанности и права, законом данные для блага государства, употреблять для целей, не имеющих ничего общего с этим благом, или даже прямо ему вредящих, — это значит доказывать свою неспособность к государственному существованию. Г-н Тесленко позволил себе напоминать преступные факты революций, проистекавшие из актов произвола. Но он мог бы знать и другие факты: как законодательные собрания, оказавшиеся ниже своих обязанностей, буквально разгонялись даже таким людьми, как Кромвель². Недопустимый произвол в употреблении права запросов, который Дума ярко проявила в данном случае, доходит до такого легкомыслия, что, по нашему мнению, запрос о законности охраны не заслуживает даже ответа со стороны правительства. У власти, серьезно относящейся к своим обязанностям, слишком много дела для того, чтобы участвовать в ненужных и вредных перекорах искателей оппозиционной избирательной рекламы.

Запрос об охране.

Запрос об охране, или, точнее, по делу об убийстве П. А. Столыпина, был в значительной степени только формальным. Понятно, что Государственная Дума в лице своей благонамеренной части не могла не выразить озабоченности страшным киевским злодеянием, хотя бы и не имела ни малейшего сомнения в напряжении правительственной энергии для раскрытия преступления и для возможного обеспечения России от повторения подобных случаев. С другой стороны, все очень хорошо понимали, что правительство не может давать каких-либо подробных разъяснений, пока не окончена ревизия сенатора Трусевича. Что касается преобразования охраны, то точно так же никто не сомневался, что при наличном составе членов Государственной Думы власть не может давать разъяснения полицейских секретов. Это, конечно, очень прискорбное обстоятельство, но раз в число законодателей допущены революционеры, власть принуждена себя держать соответствующим образом.

В общей сложности запрос при всей жгучести своего содержания не мог не быть скорее соблюдением необходимой формальности, чем серьезным делом. Только для революционной части Думы он явился выгодным поводом для речей агитационных, имеющих целью компрометировать власть, но такие предлоги эти господа создают из всего.

Была, однако, в запросе одна очень серьезная сторона, которая именно и осталась какой-то недоразвитой. Речи, сюда относящиеся, оказались сдержанными, недоговоренными, хотя запрос мог бы получить серьезный смысл только на почве тяжких подозрений, которые ищут виновников террористических преступлений не в одной среде самих убийц, а где-то подалее и повыше.

Эту сторону дела затронул в своей речи А. И. Гучков, но как-то вяло, как будто неохотно.

«Вокруг убийства Столыпина, – сказал он, – накопился обильный материал, но вместе с исторической правдой создавалась *легенда* еще более ужасная, чем эта правда. Есть ли это просто случайное нарушение долга, неряшливость и бездействие власти, или за этим скрывается нечто худшее, – сознательное попустительство, желание удалить человека, который *стал уже неудобен*? С жутким чувством ждет страна ответ на этот вопрос, и этот ответ может быть дан только судом».

Кого подразумевает г-н А. Гучков, он этого не говорит, да, может быть, и не имеет в виду никаких определенных лиц. Едва ли, конечно, возможно называть кого-либо, не имея на то никаких данных. Но указание на то, что в общественном мнении бродит подозрение, хотя бы и легендарное, чрезвычайно важно, ибо понятно, что когда в народе имеются такие хотя бы легендарные подозрения, то доверие к власти отходит тоже в область мифа.

Сам представитель власти, министр внутренних дел¹, еще раньше речи Гучкова не упустил дать некоторый отклик на эту «легенду». Он сказал:

«Было бы безумием предполагать, что Богров убивал Столыпина не в качестве революционера, не по поручению партии, а с ведома и согласия лиц, руководивших его служебной деятельностью в охране. Никаких данных в этом отношении у правительства не имеется, и такое предположение оно считает совершенно недопустимым».

Таковы эти два заявления, которые, однако, к сожалению, проходят как-то мимо центрального пункта «легенды», наиболее тревожащей общественное мнение. Почему вопрос не был поставлен категорически? Это несколько непонятно.

Непонятно, зачем г-н Гучков совершенно без надобности запутал вопрос требованием непременно *суда*. Конечно, суд, вообще говоря, пользуется авторитетом, и его слово возбуждает доверие. Но что касается той легенды, о которой говорил г-н Гучков, то суд здесь уже вовсе ни при чем, потому что неизвестно даже, кого привлекать к суду. Несомненно, что особая специальная ревизия является здесь более подхо-

дящим средством, и вопрос исключительно в том, на какую ли сторону дела обращено внимание ее? Не должно забываться, что легенда, о которой говорит А. И. Гучков, у нас является не впервые, и вовсе не в связи только с убийством П. А. Столыпина Уже по поводу убийства Великого Князя Сергея Александровича² шли смутные толки о том, что в преступлении замешаны какие-то силы повыше и поумнее, чем террористы. Об убийстве В. К. Плеве в публике говорили то же самое. Легенда по существу содержания состоит в том, что имеются какие-то темные силы, способствующие террористам в истреблении лиц, становящихся, как выражается А. И. Гучков, *неудобными* для планов этих темных сил. При чем же тут суд? Конечно, может чего-нибудь достигнуть и судебное расследование, но можно достигнуть раскрытия злодейской силы и «агентурным» путем, можно сделать это и специальной ревизией, и, наконец, можно ничего не узнать ни одним из этих способов, если только мысль следователей каких бы то ни было категорий не направляется в *должную* сторону. Поэтому требование г-ном Гучковым именно суда только путает вопрос и затемняет существенную сторону его совсем несущественной.

Но со своей стороны и заявление представителя правительства также прошло стороной – мимо существа легенды. Министр категорически отрицает возможность убийства с ведома и согласия лиц, руководивших служебной деятельностью Богрова в охране. Такое предположение правительство считает недопустимым. Но зачем же так суживать вопрос? Ведь могут быть лица, спускающие преступление с цепи и вовсе не состоящие в числе каких-нибудь непосредственных начальников охраны. Руководящие лица охраны сами могут даже и не подозревать таинственных влияний, которые им подсказали шаги и поступки, закончившиеся убийством того или иного министра. Так, например, возможно гипотетическое предположение, что когда эта таинственная сила признала статс-секретаря Столыпина слишком «неудобным» для себя, она повлияла косвенно на те центральные терро-

ристические организации, которые дали Богрову предписание убить Столыпина. Было ли что-нибудь подобное или не было – это неизвестно, но понятно, что *могло быть*, если только в России действительно есть какая-то зловредная сила, подозреваемая легендой.

Сверх того, нельзя не сказать, что в такое время, когда страна уже много лет является жертвой таинственных совпадений обстоятельств, способствующих революции или отдельным преступлениям, едва ли возможно до расследования считать «недопустимым» или «безумным» какое бы то ни было предположение. В такое смутное время для следователей «недопустимых» предположений не может быть. Следствие должно заглянуть всюду.

Запрос шел *об охране*, но это и есть слабая сторона его. Действительный вопрос должен состоять в выяснении преступных элементов, и, конечно, в этом отношении есть куда посмотреть помимо охраны. Так, например, у нас имеется много оснований для подозрения связей между партиями «нетеррористическими» с группами террористов. Покойный статс-секретарь Столыпин сам гласно в Государственной Думе уличал в этом не только партии, но даже отдельных лиц из числа заседавших перед ним в законодательных креслах. Точно так же, например, несомненно существование русского отделения масонской ложи *Grand Orient*³. Ответственная молва считает несомненным, что *Grand Orient* приблизительно в одно время основала отделения в Турции и России специально для произведения происшедших в них революций. В Турции это отделение «Единения и прогресса» известно и открыто, точно так же как и деяния его. Но известно ли правительству что-либо о *русском* отделении? Производило ли оно какие-либо расследования его действий, возможных связей с революционерами вообще и террористическими убийцами в частности? Но если у нас не производилось серьезного расследования этой, быть может, важнейшей стороны революционных заговоров и преступлений, то можно ли считать «недопустимыми» какие бы то ни было

предположения? В масонских ложах, как известно, за границей состоят самые крупные государственные лица. Почему же не могут состоять они в русском отделении *Grand Orient*? А если такие лица имеются, то где же граница их участия в революционном пособничестве?

Без обстоятельного расследования ничего этого невозможно знать, и перед властью здесь стоит задача не «вероятных предположений», а определения «точных фактов».

И само собой разумеется, что тут вопрос вовсе не в суде, а в специальном расследовании. Только таким расследованием может быть подготовлена возможность суда, только им же может быть рассеяно существование легенды, если легенда составляет лишь плод встревоженного воображения.

Но Государственная Дума не сумела поставить своего запроса на почву, где он только и мог приобрести серьезный смысл, и даже А. И. Гучков сделал это так темно и кривобоко, что лишь сравнительно с другими может считаться некоторым отголоском общественного тревожного недоумения по поводу ряда наших таинственных преступлений в отношении «неудобных» для революции лиц.

Рабочее законодательство в Государственной Думе.

Нам очень часто приходилось отмечать малую производительность работы Государственной Думы именно в вопросах, наиглубже затрагивающих народные интересы. Читатели, обратившие должное внимание на статьи г-на Юрского в №№ 212 и 217 *Московских Ведомостей* – «Рабочее законодательство», – видят, что этот недостаток внимания к органическим вопросам улучшения народной жизни отразился в Думе и на законопроектах о рабочем страховании.

Г-н Юрский заключает свои статьи очень печальным предположением, что третья Дума так и не даст осуществле-

ния правительственным стараниям обеспечить промышленным рабочим прочную организованную помощь. Он предполагает, что толковать о правительственных законопроектах будут в одну из первых очередей, но практических последствий это иметь не будет. «Раз, – говорит он, – удалось затянуть его (вопрос) до пятой сессии, пустив вперед пространное обсуждение различных думских затей, совершенно мертворожденных, то, конечно, времени для прохождения реформы через Государственный Совет не хватит. Руководящий центр в столь близком ему вопросе прекрасно учел положение».

Мы, разумеется, не имеем способов предотвратить явление, предвидимое г-ном Юрским. Но мы считаем долгом заявить, что людей, которые по каким бы то ни было причинам затягивают осуществление этих первых начатков организованной помощи промышленным рабочим, нельзя не признать очень виновными пред народом и государством.

Со стороны партийных деятелей виновность эта тем более велика, что правительство со своей стороны давно уже осознало необходимость прийти на помощь рабочему классу и принимало к этому ряд мер еще до созвания Государственной Думы. Собственно, правительство П. А. Столыпина пошло по этому пути особенно систематично, обобщив прежние, еще неуверенные попытки в стройную систему, ставя организацию помощи рабочим в той степени широты, какая казалась возможной при первом начале дела. Наш сотрудник г-н Юрский дал в № 212 *Московских Ведомостей* содержание правительственных законопроектов с посылками Думы, систематически ослаблявшими меры правительства. Но и в этом ослабленном виде почин рабочего законодательства был бы для нас крупным историческим фактом, если тактика партийных деятелей не успеет затормозить дела до совершенно неопределенного будущего.

Напомним, в чем крупнейшая заслуга правительственного почина. Помощь промышленным рабочим, пока она возлагается на отдельных предпринимателей, сохраняет ха-

рактер скорее филантропии, чем органической постановки улучшения быта. Отдельный предприниматель в большинстве случаев слишком экономически слаб, чтобы давать рабочим многое сверх заработной их платы. Он, сверх того, непрочен, и всякое прекращение предприятия оставляет рабочих без того, что они получали от хозяина. Единственный способ обеспечить рабочих прочно и неизбежно состоит в том, чтобы это дело ставить как особую функцию всей промышленности, включая сюда хозяев и рабочих, при помощи скопления специальных капиталов, предназначенных на помощь рабочим и в рисках промышленности не участвующих.

Повсюду, где эта система применена, для образования таких капиталов присоединяется еще и казенная добавка.

Так именно повело правительство и свои законопроекты. Это – впервые выдвинутая у нас органическая постановка дела. Это – первый шаг к серьезному решению рабочего вопроса. Должно заметить, что этой системой достигается не только обеспечение рабочих от последствий болезни, несчастных случаев и т. п., но вместе с тем кладется начало самой организации рабочего класса, ибо каждая касса сама собой является некоторой ячейкой рабочей организации, где рабочие объединяются на практическом деле, выдвигают своих представителей и, наконец, ставятся в известные организационные отношения с предпринимателем и правительственной властью. Это событие великой важности, так как до тех пор, пока рабочие остаются в состоянии нестройных, случайных масс, ни сами они, ни кто-либо другой ничего не в состоянии сделать для прочного улучшения их жизни. В этом хаотическом состоянии удобно действовать только разным смутьянам и революционерам, почему все они и не любят самостоятельной деловой рабочей организации. Для государства же, для рабочих, для всего народа и для самой промышленности – чисто деловая организация рабочих, напротив, есть дело благодетельное, начало благосостояния и мира. Рабочие впервые становятся взрослыми гражданами, имеющими в своих руках свои интересы, не только как люди

опекаемые или благодетельствуемые, но получившие способности самостоятельно о себе заботиться.

В общей сложности старание правительства провести это начало рабочей помощи составляет огромный шаг вперед, и, можно сказать, даже степень достигнутого имеет второстепенное значение, ибо если дело страхования поставлено на правильную почву, то его нетрудно развивать далее до любых пределов. Ставить же сразу слишком широко, пожалуй, даже невыгодно для успеха дела, ибо, когда нет еще и первичной организации, задачи слишком широкие способны кончаться крахами и всеобщими раздорами, компрометируя самую идею рабочего страхования.

Охватывая общим взглядом всенародное значение рабочих законопроектов, выдвинутых правительством, нельзя достаточно сильно осудить тех партийных дельцов, которые вместо возможно быстрого осуществления этой необходимой реформы оттягивали ее так долго, что теперь не знаешь даже, успеет ли законодательство с ней справиться. В этом случае одинаково виноваты как социалисты, так и близорукие служители предпринимателей. Революционеры стараются затянуть дело под предлогом того, что рабочим дают недостаточно много, а в действительности им, конечно, желательно только сохранить рабочих в прежних плохих условиях, вносящих раздражение и отдающих рабочих в руки революционеров. Что касается близоруких охранителей хозяйских интересов, старающихся сберечь хозяевам несколько сот тысяч рублей на ближайшее время, то эти люди столь же виновны перед хозяевами, как социалисты перед рабочими. Те и другие обрекают рабочих, хозяев и всю Россию на риск раздоров, для всех вредных, кроме политиканов...

Нужно надеяться, однако, что правительство, до конца оставаясь благожелательным для рабочих, примет все меры к тому, чтобы рабочие законопроекты были непременно приняты до конца жизни третьей Думы.

Конец думской сессии.

Вот и еще раз проводили мы свою Думу на отдых, и еще раз перед Россией встает мысль о высоком собрании, так редко нас радующем, так часто огорчающем и так скоро всех вообще разочаровавшем. Мы так подробно следим в *Московских Ведомостях* за ходом думских работ, что теперь нет надобности подводить им итоги. Но есть один давно подведенный итог, остающийся «забронированным»: что Государственная Дума не только не вышла орудием какого-либо возрождения России, но скорее явилась тягостным тормозом для него. Делается кое-что и у нас для устроения расшатанной страны, но если в этом отношении имеются у разных лиц заслуги, то менее всего у Думы, у этого собрания, обязанного представлять народное самосознание.

Говоря это, мы не обвиняем кого-либо среди членов этого собрания. Среди них есть люди и группы, которые очень любят: одни – Россию, другие – магометан, третьи – Польшу, четвертые – мечты социализма, пятые – идеалы демократической конституции и т. д. По всей вероятности, каждая из этих групп очень усердно работала бы на пользу того, что она любит, и, очень возможно, кое-что могла бы сделать для любимых ею идей и знакомых ей задач. В частности, мы и видели много отрадного со стороны тех частей Думы, которые проникнуты национальным духом, любовью к родине, преданностью ее величию и благу. Но все эти люди и группы не работают отдельно и самостоятельно. Они сидят вместе с людьми совершенно противоположного направления, должны совместно с ними обсуждать и решать вопросы. Что же получается из совместной работы людей, которые считают друг друга вредными и заблуждающимися, и нередко так взаимно друг друга ненавидят, что даже не способны допускать один у другого хоть простой честности и искренности? Каждый проект, за который стоит одна группа, кажется нескольким другим зловредным, и

они употребляют все усилия смягчить приносимый им вред. В результате каждая мера обрезывается со всех сторон, «обезвреживается» и лишается какой бы то ни было силы и значения. От членов Думы русского направления мы слышали немало прекрасных и полезных речей, заявлений, протестов. Но на проведение *мер* у них почти никогда не хватает «голосов». Люди, чуждые русских исторических основ, чуждые русской психологии или даже ненавидящие и презирающие русские основы и русских как нацию, составляют среди этого представительства большинство, и потому в общем система преобразования страны все-таки наклоняется ими по преимуществу в направлении к подрыву исторического русского творчества. Это постоянно обессиливаемое влияние не производит быстрого революционного переворота, но хронически, постепенно, с уступками и отступлениями – ведет к лишению России ее собственной исторической физиономии, ее привычных устоев и верований, которыми крепка сила и доблесть народная.

С другой стороны, русские национальные веяния еле-еле находят здесь силы, чтобы немного смягчать антирусское и революционное давление и иногда ободрять Россию заступничеством за родную веру, честь, строй, но перейти к смелому творчеству не могут и думать, если бы даже способны были создать какую-либо великую концепцию национального возрождения.

Итак, свидетельствуя факт бесплодия думской работы, мы не можем обвинять за это никого в частности. Вглядываясь в обстановку работы, видим, что при ней и немислимо ожидать чего-либо иного. Но то, что оправдывает людей, постепенно компрометирует учреждение.

Даже у лебеда, рака и щуки воз не мог сдвинуться с места. А в нашей Думе в одну колесницу впряжены не только противоположные двигатели, а взаимно враждебные. Понятно, что такая колесница никоим образом не может двинуться по пути возрождения страны.

Первые пробы системы призыва народного представительства привели к тому, что в Высочайшем Манифесте

3 июня 1907 года¹ об изменении избирательного закона было предуказано, чтобы русская Государственная Дума была «русскою по духу». Но вот именно этого-то и нет до сих пор, да и быть не может при существующей системе избирательного закона. Нельзя ожидать от польского патриота, от армянского «дашнака», от отрешившегося от родины и всего русского «кадета» или тем паче анархиста, чтобы они были «русскими по духу» или старались об исполнении Высочайшего указания о необходимости в Думе русского духа. Вместо того, чтобы искать систему, способную создать учреждение русское по духу, мы продолжаем созывать Думу по системе антинациональной, которая помнит не Россию, не Русский народ, а только то обстоятельство, что в Империи имеются не одни русские, а также поляки, армяне, евреи и т. п., не одни православные, а и магометане, ламаиты и т. д., не одни люди, преданные отечеству и его историческому творчеству, а также люди, ненавидящие и то, и другое. Из того обстоятельства, что все это у нас действительно имеется, мы выводим для системы представительства то заключение, что в государстве одинаково имеют право на представительство все категории друзей и врагов его. В суд присяжных мы не пускаем лиц, которые сами совершали убийства, грабежи и воровство, но в отношении политического представительства забываем ту логику вещей, которую помним в деле юстиции.

И вот бледные, бессодержательные и в общем оскорбительные для русского чувства заседания тянутся из сессии в сессию. Правительство кое-как успевает проводить строго необходимые меры, а иной раз и таких не может провести. Россия томится, начинает чувствовать себя какой-то совершенно бездарной, хотя в этом, быть может, она и не так повинна. В исторический момент, когда от страны, потрясенной неслыханными бедствиями, требуется гениальный порыв духа, требуется уверенность в себе, она видит орудием работы ее разума и совести учреждение, обесцвечивающее всякую мысль, какую ни пускают в его обработку.

Немудрено, что все больше распространяется мысль: «На что, собственно, нужна *такая* Дума»? Неужели только для того, чтобы Европа и прочие страны света знали, что и в просвещенном нашем отечестве имеется «конституция»? Но ведь нам теперь необходимо бы сделать нечто для *своей страны*, а уж разве потом стоит думать, что скажут о нас другие страны. Для этого же нужно прежде всего осуществить то, что Высочайшим Манифестом 3 июня было указано, но до сих пор не введено в жизнь.

Воспитательное влияние Государственной Думы.

Судьба правительственного законопроекта о земстве западнорусских губерний¹ остается еще неизвестной. Может быть, под давлением разных побочных и вспомогательных соображений члены Думы соберут большинство для принятия законопроекта. Но исход голосования не изменяет того обстоятельства, что в идейном, принципиальном отношении русская Государственная Дума не показала себя ни русской, ни государственной, и своими дебатами внесла в умы народа значительные новые порции хаоса.

Очень странное законодательное учреждение создали мы себе. Люди, имеющие думать о государственных вопросах России, очевидно, должны бы быть проникнуты пониманием как вообще государственности, так и интересов собственно Русского государства. В своих законодательных решениях они должны бы были исходить из интересов *Русского государства*. В действительности, ни понимания государственности, ни заботы о Русском государстве невозможно усмотреть в горячих спорах бесчисленных ораторов оппозиции.

Что такое сказал, например, г-н Родичев? Если в его запальчивых и бранчивых речах можно усмотреть смысл вообще, то он сводится к требованию свободы и равенства как

всеопределяющего принципа во всех вообще государственных вопросах. Рецепт, конечно, простой. Но был ли и будет ли когда-нибудь на свете хоть один человек, который бы имел наивность применять его в какой бы то ни было организационной работе? Конечно, и г-н Родичев в *своих* личных или партийных делах поступает совсем иначе, чем предлагает Русскому государству. Его фразы годны только для разжигания ничего не понимающей толпы, но даже эти люди толпы, когда вздумают что-нибудь самостоятельно организовать, не бывают столь нелепы, чтобы применять к делу столь пустые, отвлеченные фразы. А г-н Родичев законодательствует у нас, устраивает Россию и с высоты трибуны влияет на умы народа. А за ним стоит добрых сотни две таких же законодателей, таких же учителей, мыслящих не понятиями, а фразами.

Не станем перебирать их бесчисленных фраз, ни на что не пригодных, кроме получения мест депутатов. Но не можем не видеть деморализации умов, которую вносит к нам в народ и в самую законодательную сферу эта «парламентская» практика, всюду покрывающая ржавчиной государственные понятия. Теперь в Думе даже в среде правых уже слышим фразу, будто бы всеобщее избирательное право, если бы его ввести, могло бы решить запутанный вопрос западного земства... Вот уж истинная ржавчина парламентской фразы!

Но неужели у нас действительно до такой степени не имеют понятия о практике всеобщего избирательного права, чтобы серьезно считать его орудием выражения народной мысли и желаний? Это был бы удручающий факт политического неведения. Если же это простая фраза, то зачем же вносить такие глубокие заблуждения в умы народа? Ведь речи читаются. Наивные люди способны их принимать *bona fide*².

Но если бы всеобщее избирательное право даже выражало народные желания и мысли, то разве из этого следует, чтобы коренные вопросы политики могли быть поставлены в зависимость от мнения *большинства* народа данной минуты? Неужели думцы не знают, что государство создается не на один день и не одним поколением? Когда мы создаем учреждения,

то создаем их надолго: иначе не стоило бы их и устраивать, да они и не могут быть хороши иначе, как при расчете на долговременность. Точно так же и законы пишутся надолго, иначе бы они были не законами, а простым административным распоряжением большинства толпы. Зачем же вносить путаницу в умы народа?..

Конечно, с думской кафедры слышались и иные речи. Но должно сказать правду: если *государственная* идея была формулирована несколькими ясными штрихами в зале заседаний, то именно в речи председателя Совета Министров. Мы не считаем этого факта ненормальным. Напротив, естественно, что лица правительственные и должны быть выше, сознательнее; они должны быть способными к руководственной роли. Но печально то, что слишком уж элементарны принципы, которые правительству приходится со столь страшным напряжением сил проводить в собрании наших «избранников», которым вверено законодательное дело великой страны.

Люди, которых народ избирает во исполнение призыва Верховной власти к участию в законодательстве, должны бы заранее знать хоть азбуку государственности. Иначе какие они законодатели? И что печальнее всего: ведь до нашей реформы, до этого «улучшения» наших учреждений, в России десятки миллионов народа прекрасно знали эту азбуку. И вот в несколько лет все у нас погрузилось в какой-то хаос мысли, в какое-то всеобщее незнание простейших элементов общественной и государственной жизни.

Кто не знал еще недавно, что наше государство есть государство *Русское* – не польское, не финское, не татарское, тем паче не еврейское, а именно Русское, созданное *Русским* народом, поддерживаемое Русским народом и не способное прожить полустолетия, если в нем окажется подорвана гегемония Русского народа? Теперь эту азбучную истину забыли чуть не все.

Кто не знал еще недавно, что никто не имеет права эскамотировать³ власти Русского народа в государстве, им соз-

данном? Теперь и это забыто. Напротив, публично, без смущения говорят явную нелепость и явную неправду, будто бы это государство столь же польское или еврейское, как русское. Еще чуть не вчера десятки миллионов людей прекрасно понимали, что везде, на всем пространстве владычества Русского государства его природный гражданин и устроитель, русский человек, должен иметь доступ своего голоса к государственной власти. Чуть не вчера все понимали, что не простое численное большинство дает силу, а целый ряд других условий: богатство, образование, привычная организация и т. д., и т. д. Поэтому все понимали, что для защиты прав и свободы Русского народа государство не может ограничиться предоставлением ему одинаковой с другими «свободы». Все понимали, что если бы большинство могло само себя защищать, то незачем было бы устраивать государство, незачем и законы писать. Теперь же в Думе целый ряд лиц уже перестал понимать, что иногда меньшинство сильнее большинства. Нужны особые усилия для доказательства им, что русские составляют большинство численное, но поляки и евреи сильнее их своим богатством, организацией, своим умением эксплуатировать народ. Приходится доказывать, что для охраны интересов Русского народа государство обязано дать ему не простое право побеждать на выборах, но и возможность на это, – соответственной системой избирательного права.

И вот все эти азбучные истины, все эти простейшие соображения здравого государственного смысла теперь приходится с величайшими усилиями втолковывать господам законодателям. И эти доказательства тонут в океане фраз «оппозиции», на все лады заглушающих перед народом голос государственного ума. Но ведь эти тучи бестолковейших фраз, ежедневно распространяемые с трибуны на всю Россию при помощи миллионов газетных листков, в том числе и правительственных изданий, может ли это не затуплять ум народа, может ли не выбивать из его сознания ростков государственности, может ли не вести его постепенно к утрате способности мыслить здраво и практично?

Печально это до невыразимости, а еще печальнее, что у нас уже прямо начали отвергаться от размышлений над этой порчей народа. Что делать, говорят: на то конституция, усовершенствованный строй. Везде по всему миру так!.. У нас, видно, еще не поняли, что именно по обесмысливанию народных понятий о государственности и развиваются по всему свету идеи анархизма. И легче ли нам оттого, что не у нас одних это происходит?

Куда мы идем?

Куда мы идем и что хотим создать из своей страны? Нынешние деятели не любят таких вопросов; они отмахиваются от общих целей деятельности, как от назойливой мухи. Все шумят, спорят, воюют в Государственной Думе, в печати, на съездах, в частных собраниях, а зачем воюют – об этом не хотят ни говорить, ни думать. Они заняты «ближайшими», «практическими» делами...

Действительно ли, однако, все это столь деловито и практично, если взглянуть, конечно, с точки зрения не личных, а национальных интересов?

Когда мы всматриваемся в соотношение и взаимоотношение воюющих армий, то замечаем картину, кажущуюся прямо абсурдной. Все, кажется, хлопочут не о том, чтобы победить, а о том, чтобы помешать противникам. Мало того, хотя в этом никто не признается, но сильно похоже на то, что каждая партия ничего так не боится, как своей прочной победы. И эта боязнь была бы правильна, потому что ни одна из партий не знала бы, что ей делать с победой.

Что сделали бы, например, фракции социалистов в случае такого казуса? Конечно, у них найдутся горячие головы, которые всегда готовы в бой. Но что, если вопрос о бое не имеет уже места? Тогда им нечего делать с победой. Наибо-

лее разумные вожаки и масса более сознательных рабочих, вероятно, вполне понимают, что организовать социалистического производства они не могут никоим образом, и для получения средств жизни трудящихся не обошлись бы без призыва «варягов», этих злополучных, проклинаемых «буржуев», «эксплуататоров».

Сомневаемся, чтобы в лучшем положении очутились в случае победы и конституционалисты-демократы. Маломальски наблюдательные из них, без сомнения, вполне признают, что они сорвали уже все, что могли, и дальше идти некуда. Республики не устроишь у нас даже и якобинским террором. Окончательно разрушить монархию – это в конце концов значило бы только накликать на себя новую, с которой, быть может, не было бы даже надежды справиться... И вот «кадеты» живут только оппозицией, а в случае перехода во власть принуждены были бы или изменить своим принципам, то есть разрушить свою *партию*, или разрушить свое *дело* путем отчаянной попытки его осуществить.

В таких условиях победа страшнее частичных поражений.

Относительно «центра», октябристов и т. п. почти не стоит и говорить. Весь смысл их существования заключается в том, что это партия средняя между какими-то крайними. Если бы крайние исчезли, то октябристам пришлось бы самим взяться за их роль, то есть в результате стать в такое же странное положение, в каком увидели бы себя победившие «кадеты». И, конечно, октябристы почувствовали бы себя погибшими, если бы вдруг вся Государственная Дума оказалась состоящей из членов их партии.

Едва ли лучше было бы и положение победивших «правых». Что бы они, в самом деле, предприняли в случае победы? Для разрушения они бы нашли многое, но что создать? Противники обзывают их «реакционерами», что в общей сложности неправда. Но готовую программу созидания нашли бы, вероятно, только реакционеры, люди способные упрекать А. И. Гучкова не за его дела, а за то, что он – «купеческий сын». Смело взялись бы за дело только реакционеры, но судьбу их

творчества предвидеть крайне легко. Нашумев, поразрушив многое, они бы восстановили лишь то самое, что рухнуло по неспособности жить, а следовательно, снова упало бы еще легче, чем прежде.

Что касается остальных «правых», то они бы выставили множество отдельных планов, личных и кружковых, но национального плана не могли бы выдвинуть. Это ясно видно уже из нынешних колебаний при всяком столкновении с глубокими органическими силами страны, как, например, по вопросу о созыве Поместного Собора. О Православии и церковности говорят все, а когда нужно вызвать к действию силы Православия и Церкви – являются общие колебания, опасения, а чаще всего простое невнимание к важности предмета. К прискорбию, трудно сомневаться, что то же самое вышло бы при вопросах о социальном построении народной жизни, о построении монархического народного представительства, вообще при всех глубоких органических вопросах устройства. Простые «реакционеры» не были бы смущены, они бы просто восстанавливали старый строй, может быть, с попытками усугубления его дисциплины и элемента усмотрения власти... Но торжество реакции всегда столь же недолговечно, как торжество революции, и дело истории решается не теми, кто производит революционные или реакционные перевороты, а теми, кто умеет – при перевороте или без него – заложить ростки *эволюции* своих принципов.

Но это у нас почти не ощущается, и, подобно прочим партиям, правые существуют больше всего борьбой с противниками. Случись, что противники исчезли, – нечего было бы и делать, явилось бы раздробление и война между собой.

Таково всеобщее положение. Все живут борьбой с противниками, и никто сам по себе не знал бы, что ему делать.

Может быть, найдутся люди, которые скажут, что и это очень хорошо. Если никто не знает, что ему делать, значит, больше места для самостоятельности правительства; если все раздроблены, то больше места для согласительной роли власти. Однако рассуждение это было бы весьма ошибочным и

могло бы явиться только в том случае, если бы сама власть не задавалась вопросом о конечной цели своего действия, то есть о самой цели своего бытия. Но какая же это была бы власть? Притом же не мешает знать, что если люди не ставят себе сознательно вопроса, куда они идут и каковы общие цели их, то самый хаос их жизни вкладывает в нее неизбежно грядущий общий результат.

В обрисованном положении нашем, – таком, по-видимому, абсурдном, когда все воюют, а победы своей не желают, – в этом положении закладывается некоторый росток эволюционного процесса, который тем легче победить, чем меньше сознательности у современных людей. Смысл этого «куда мы идем» при условии бессознательности нашей совершенно ясен.

Мы идем по прямой дороге к самому чистокровному *парламентаризму*, к господству партий и управлению государством политиками. Напрасно рассуждать, есть ли у нас «конституция», есть ли у нас «парламентаризм», и какая разница между «конституцией» и «парламентаризмом». Такие разговоры годны только для обмана или самообмана. Мы всем своим современным политическим существованием, своим партийным действием создаем парламентаризм и ничего больше не делаем, кроме «парламентаризма». Значит, ничего другого и не может получиться в результате нашей деятельности. В этом смысл того политического процесса, который мы переживаем и который на вид представляется только хаосом бессознательности.

Те, которые действительно не хотят парламентаризма, то есть как «правые», так и истинные демократы, те, которые понимают или несколько слышали о том, что господство партий создает господство «политиканов», поработщает народ во всех его слоях профессионалам политики и воссоздает в наилучших формах ту же идею, какую представляет всевластная бюрократия, – эти люди должны понять, что чем небрежнее мы относимся к сознательной установке разумных общих целей национального устройства, чем больше углубляемся в мелкие делишки, забывая основное «дело», тем больше мы

сами помогаем созданию и утверждению парламентарного, партийного строя государства.

Левая перестройка конституции.

Законоположения, определяющие государственный строй России, получили в 1906 году не столь определенный характер, как узаконения европейских государств за эпоху ограничения власти монархов. В европейских конституциях власть монархов, хотя не уничтоженная вполне, лишена значения исключительной Верховной власти, носителями которой явились *совместно* так называемые представители народа и монархов. У нас в этом отношении явился некоторый компромисс.

Статья 4 Основных законов 1906 года признает Верховную власть принадлежащей исключительно Монарху. По смыслу этого государственные учреждения, в которых нашли место так называемые «выборные люди» (по конституционной терминологии – «представители народа»), являются в сущности служебными, и, следовательно, отнюдь не могут ограничивать власти Верховной. Однако эти учреждения получили все-таки право ограничивать законодательную власть Монарха. Без одобрения «выборных людей» не может последовать никакой новый закон (статья 86 Основных законов), а статья 161 Учреждения Министерств гласит: «Никакое положение или дело, подлежащие предварительному рассмотрению и *одобрению* Государственной Думы и Государственного Совета на основании их учреждений, не представляется Его Императорскому Величеству помимо Совета и Думы». Таким образом, законодательные учреждения *фактически* как бы получили часть Верховной власти, хотя она по статье 4 предоставлена исключительно Монарху.

Этому ограничению подверглась лишь одна часть Верховной власти – законодательная. «Власть управления во всем

ее объеме принадлежит Государю Императору» (статья 10 Основных законов). Что касается судебной власти, то она только осуществляется «от имени Государя Императора» (статья 22 Основных законов).

Таким образом, в общей сложности за Верховной властью оставлены в разных сторонах ее проявления в высшей степени неодинаковые права: иногда она имеет полную действенность, иногда почти лишена возможности действия. Это составило государственное построение, очень трудно формулируемое юридически и допускающее самые противоположные толкования, вследствие чего государственные учреждения легко приводятся к совершенно неодинаковому пониманию своих прав. Отсюда их столкновения и борьба. Так, весной 1911 года мы видели со стороны Совета Министров такое толкование статей 87 и 99¹, с которым не согласились законодательные учреждения, но которое было фактически осуществлено². С другой стороны, все время существования Государственной Думы мы видим старания получить не данное законом влияние на правительство посредством данного ей права распоряжения бюджетными назначениями.

По самому характеру основных законоположений эта борьба учреждений по преимуществу сосредоточилась на старании подчинить правительство законодательным учреждениям. Понятно, почему объектом борьбы стало правительство. Как сказано, управление оставлено в полном объеме за Верховной властью. Это единственная отрасль Верховной власти, оставшаяся неограниченной. Если достигнуть ее ограничения еще и в этой области, то статья 4 Основных законов (о принадлежности Верховной власти Монарху) потеряет всякое реальное значение, и наша конституция будет доведена до обычного парламентского смысла.

Мы еще будем иметь случай разъяснить, что этот путь уничтожения Верховной власти Монарха не так еще надежен, как полагают наши парламентаристы. Но они идут именно этим путем и в настоящее время устанавливают для достижения цели новые, крупные меры. Об одной из них читатели

видели (*Московские Ведомости*, № 177) разъяснения нашего сотрудника г-на Юрского. В № 178 *Русских Ведомостей* г-н Кокошкин выдвигает еще один, не менее крупный проект для подчинения правительства Думе.

Перед весенним роспуском Думой принято законодательное предположение об изменении бюджетных правил, именно: об отмене статей 6 (изъемлющей из ведения Думы расходы Собственной Его Величества Канцелярии), 9 и 10 (не позволяющих Думе отменять расходы, основанные на существующем законе) и 17 (о 10-миллионном фонде правительства для самостоятельного употребления по неотложным надобностям).

Большая публика мало обратила внимания на это деяние Думы. А между тем превращение этого законопроекта в закон отдало бы во власть Думы не только правительство, но и Самого Монарха. Она может тогда, например, совсем не дать денег на жалованье военным или гражданским чиновникам. Она может измором взять Собственную Его Величества Канцелярию. Уничтожение же 10-миллионного фонда заставило бы правительство даже в самых своих неотложных или конфиденциальнейших потребностях все сначала открыть Думе и на каждый грош испросить ее дозволения. Принадлежность Государю Императору управительной власти с этим преобразованием стала бы пустым звуком, точно так же, как власть Его как Державного Вождя армии да и другие права. Ибо как объявлять, например, войну, не имея денег на содержание армии?

Этот переворот, поскольку дело зависит от Думы, уже совершен. Дума приняла законопроект. Он может быть отвергнут Государственным Советом или не утвержден Государем Императором... Но собственно Дума заявила свое намерение подчинить себе правительство и даже Верховную власть.

К той же цели ведет проект, излагаемый теперь г-ном Кокошкиным в *Русских Ведомостях*. Он изыскивает способы для вооружения Думы возможностью предавать министров суду. Путь для этого намечается такой. Собственно, об ответственности министров у нас говорится только в Основных

законах (статья 123), но порядок, каким осуществляется эта ответственность (статья 124), указывается уже не в Основных законах, а в Учреждениях Совета Министров и Государственного Совета. Г-н Кокошкин и указывает, что если Думе не дозволено проектировать изменения Основных законов, то можно проектировать изменение законов, относящихся к высшим государственным учреждениям. А так как по своейственной законодательству 1906 года неясности статья 123 содержит лишь довольно неопределенное заявление об ответственности министров перед Государем Императором, то стоит лишь целесообразно изменить порядок привлечения их к ответственности, и они легко могут оказаться в полной зависимости также и от Думы. Действительно, в статье 123 Основных законов сказано, что министры «ответствуют пред Государем Императором», но не сказано, чтобы они не ответствовали еще перед кем-нибудь. Почему же кроме ответственности перед Государем Императором не подвести их еще под ответственность и перед Думой?

Это совершенно новое и довольно остроумное изобретение в борьбе Думы за власть.

Нет сомнения, что такое законодательное предположение не было бы утверждено, как не будет утвержден и проект бюджетных назначений. Но шум и гам поднимутся на весь мир. Демонстративное заявление «представителей народа» о якобы настойчивом стремлении этого «народа» к упразднению прав Носителя Верховной власти будет агитировать всю страну. А революционерам пока ничего более и не нужно для приготовления революционных вспышек и для дискредитирования престижа власти.

В общем предстоящая законодательная сессия третьей Думы, в которой власть думала найти трудоспособное государственное учреждение, содействующее успешному ходу законодательства, обещает нам, как видим, только новые волнения, новую агитацию, новое колебание устоев государства.

Парламентарная Россия.

Опять провожаем мы наших законодательных представителей на летний отдых. Кончилась еще одна сессия, еще раз качнулся маятник часов «парламентарной» России, с каждой секундой удаляющей нас от великого прошлого к неизвестному будущему.

Слово «парламент» у нас официально не существует и даже иной раз отрицается лицами правительства. Но дело не в словах, а в характере эволюции учреждений. В этом же смысле мы, конечно, насаждаем у себя не только «зародыши», а могущественные корни парламентаризма. В развитии их и состоит доселе главная миссия третьей Думы.

Ее вообще называют «серенькой», и с еще большим правом ее можно бы назвать пестренькой. Но ни пестрота состава, ни серенький оттенок всех ее партийных цветов нисколько не ослабляют огромной роли третьей Думы в переводе России на новые рельсы парламентаризма. Напротив. Это, как выражаются в зоологии, «защитные цвета», естественным подбором вырабатываемые именно для успеха борьбы, для того, чтобы развивающийся новый вид мог лучше усыплять внимание противника, и, оставаясь им незамеченным, удобнее подкрадываться, отхватывая у него шаг за шагом все необходимое для своего торжества.

Первые две Думы шумели, кричали, прямо бесновались, были способны даже устраивать государственные перевороты. Это было по-детски наивно, и парламентарный тип непрактично яркой окраски быстро погиб в неравной борьбе. И вот на смену подбираются новые, серенькие контингенты. Тут есть все, что нужно для успокоения противников. Есть крикливые, нерассудительные и на подбор малоспособные «крайние», которые дают превосходное доказательство, что революции нечего бояться «при свободе». Что могут сделать такие люди? Не ясно ли видно, как жалка их роль среди

свободного народного представительства? Эти люди были страшны при «прежнем» строе. Теперь Россия и Престол от них обезопасены. Есть в Думе и иная, тоже выгодная окраска, — «черносотенная». Люди, громко и ярко свидетельствующие о своем безусловном преклонении перед неограниченным Самодержавием, люди, готовые самыми шумными демонстрациями наказать всякую выходку против него, они не менее полезны для развития парламентаризма как живой аргумент для успокаивания. Когда народное представительство так беспредельно предано неограниченной власти Самодержца, чего можно бояться?

А в то же время под прикрытием этих «защитных цветов» выразительно зеленеет кадетская надежда и смелыми заявлениями напоминает единомышленникам, что «не сгинела»¹ народная свобода и что в потребную минуту всегда найдутся новые контингенты ее защитников. Тут же и люди средних цветов, напоминая о 17 октября, рассыпаясь в любезностях перед властями, поддерживая буржуазные конституционные вождедения, склоняясь перед грозой, гордо поднимают голову по пролете шквала, неукоснительно направляют курс развала прежней России. Так, в общей сложности работоспособная третья Дума тихо и верно ведет к целям «освободительного движения», не возбуждая тревог, не вызывая противодействия, усыпляя внимание своей безобидностью и даже послушностью.

Послушность ее действительно замечательна. Она даже создала мнение, что Дума сделает все, если только правительство потребует твердо и под угрозой роспуска. Походя говорят, что Дума может обнаружить неповиновение разве за два-три месяца до окончания полномочий, но что теперь народные представители ни за что не захотят потерять своих мест. Это мнение, правильное или ошибочное, еще более увеличивает силу Думы, так как успокаивает и правительство, побуждая его дорожить такой *chambre introuvable*². «Защитные цвета» Думы вообще подобраны с редким счастьем для совершения незаметного перехода от строя Самодержавного

к строю парламентарному. Кому же не известно, что *chambre introuvable* даже с последовавшей за ней *chambre retrouvée*³ нисколько не помешали упразднению королевской власти во Франции?

Ведь все дело в принципе строения. Если мы всмотримся в работу, совершаемую у нас для преобразования России, для ее, как говорится, укрепления, обновления и т. д., то не можем не видеть редкой систематичности и последовательности в развитии того буржуазного «общегражданского» строя, который логически требует своего политического завершения парламентаризмом. Во всех европейских государствах XIX век совершал – и тоже кое-где довольно постепенно – как раз эту работу, которую мы производим теперь. Трудоспособная и работоспособная Дума под прикрытием своих сереньких и пестреньких защитных цветов ведет ее весьма последовательно.

С каждым шагом во всем, что мы ни делаем, разваливается социальная организация народа. У нее отнимаются ее органы и самый смысл существования. Дворянство уже стало пустым звуком, буржуазные слои, переполненные иностранцами и евреями, начинают организоваться по-новому, по-европейскому; крестьянство как крестьянство идет к уничтожению. Реформа земельная, местная, судебная – все направляется к тому, чтобы у нас образовались просто «граждане», среди которых будут на буржуазных началах процветать в известном количестве «хозяева», и большинство бывших «крестьян» преобразится в деревенских батраков или перейдет в городской пролетариат. Та нравственная основа, которой масса Русского народа во всех своих сословных противоречиях объединялась доселе в одно национальное целое, – эта сила, Православная Церковь, уже подрыта со всех сторон.

Серенькие цвета свободы при соприкосновении с вопросом о Православии и Церкви становятся каждый раз покомбовски⁴ красными. Замечательно, что у нас, в «православной» России, со стороны власти оказалось гораздо менее ощущения государственного значения Церкви, чем было у не-

верующих европейцев. Элементарные соображения, которые были высказаны в Государственном Совете, прозвучали чем-то необычным, каким-то открытием Америки.

Характеристично, что главнейшее дело, нужное для сохранения силы и высоты Православной Церкви, то есть созыв Поместного Собора, вот уж ряд лет оттягивается. Это явление замечательное, столь же обрушивающееся на силу Самодержавия, как и развивающийся парламентаризм представительных учреждений.

Собор Церкви, если мы к ней относимся *серьезно*, нужен был бы именно в то время, когда перед государственной властью еще стоят вопросы вероисповедные и религиозные. Тут-то ему и нужно бы совещаться с Церковью. У нас же дело идет к тому, что все вопросы, касающиеся Церкви, мы порешим без нее, а затем, пожалуй, явится и Собор, государственно уже не нужный. Но для развития парламентаризма он тогда окажется скорее выгодным, ибо Церковь, теперь стоящая на исторических основах союза с Верховной властью Самодержца, в то время в своих отношениях к государству должна уже будет приспособляться к растущей Верховной власти парламентаризма.

Все это так просто, что нельзя не видеть этого будущего, да его и видят, конечно. Тем не менее, тихо, постепенно, прикрываясь, когда нужно, защитными цветами, мы послушно идем «по тропинке бедствий», как бы «не предвидя от сего никаких последствий»...

Теперь большинство уже пришло в такое настроение, что, конечно, нам возразят: «Какие же бедствия? Будет парламентаризм, как везде на свете. Мы поднимаемся на высоту европейского развития, никаких бедствий нет».

В том-то и горе, что русская политическая птичка, весело идущая по тропинке бедствий, плохо знает законы политики. Само собой понятно, что от захвата власти нет никакого бедствия для самих захвативших. Но для потерявшего власть бедствие очень большое. Для возобладавшей политиканствующей интеллигенции, для возобладавшей капиталистиче-

ской буржуазии нет бедствия. Напротив, все парламентское построение государства есть именно их политическая идея: это строй, приспособленный для их владычества. Но для целостной массы народа, для той демократической идеи, которая неразрывно связана с идеей монархической, для всего национального целого России – потеря неограниченного Царя Самодержца была бы не только бедствием, а концом самостоятельного существования. Масса народа, теряя своего единственного незаменимого «трибуна», каким является неограниченный Монарх, по всему «просвещенному» миру поступает в тягчайшую кабалу, из которой тщетно старается потом выбиваться по пути социализма и анархизма, создающих только вместо одних господ и эксплуататоров других, еще худших... Вот для этой национальной массы народа бедствия предвидятся большие.

К несчастью, она по всему миру очень недалековидна, и обманывать ее легко. Политиканствующая интеллигенция держит в руках могущественные средства воздействия на умы – тенденциозную печать, поддельную науку, школу. Она шаг за шагом вытравляет из сознания массы народа всякое воспоминание о единственном спасительном защитнике; она оклеветает прошлое, разрисует радужные фантазии будущих благ, проведет и выведет народные массы, постоянно указывая им лишь такие пути, на которых народ может лишь изменять формы господства властвующих над ним классов.

И вот почему большое и обидное горе составляет для нации развитие нашего парламентаризма. Не так еще обидно не иметь верховного защитника народа, если такового и раньше не было. Создавать заново трибуналы Цезарей – дело трудное, для которого нужен исключительный политический талант Древнего Рима и исключительная гениальность «божественного Юлия». Но иметь этот трибунал, прожить под сенью его столько веков, видеть величие страны, им развиваемое, и потом, что называется, «за здорово живешь» все потерять, все разрушить, – это нечто нестерпимо-обидное, непростительное, нечто, сулящее лишь самую жалкую историческую

будущность народу, не сумевшему не только добыть, но даже удержать блага, полученные от предков...

Зато будет «парламентаризм», будут на всех перекрестках звучать пустые слова «псевдосвободы», которыми политиканы обморачивают народы по всему «просвещенному» миру.

Перед деловым сезоном.

Летнее затишное время приближается мало-помалу к концу. Перед Россией уже виднеется сезон политической работы. Канцелярии уже начинают входить в усиленную подготовительную работу. Скоро очередь дойдет и до членов законодательных учреждений. Даже по России видны сборы для партийных совещаний: готовится съезд монархических организаций, съезд октябристов, происходят совещания и среди других партий. Эти последние месяцы, почти недели перед новым сезоном политического труда вызывают на размышления о том, на каких началах нам нужно вести работу, какие цели себе ставить, к каким ресурсам обращаться, каких опасностей остерегаться. Уместно будет и с нашей стороны обратить на эти обстоятельства внимание всех, кому надлежит думать о благе России, а таковыми ныне, по Воле Государя Императора, стали все русские граждане. Нечего скрывать от себя, что нам всем есть о чем подумать.

Быть может, никогда еще со времен Петра Великого сильное и благоустроенное государство не было так нужно для России, как в настоящий исторический момент. Как в то время без великого всенародного напряжения сил, объединенных государственной властью, Россия рисковала стать добычей европейских держав, двинувшихся на путь завоевания слабых, малокультурных стран, так и теперь трудно представить себе пределы грозящего нам упадка, если на помощь усилиям нации не явятся усилия могуче организованного государства.

В ту эпоху Россию выручила ее историческая Самодержавная власть, нашедшая себе гениального выразителя. В настоящее же время мы видим множество стремлений подорвать и обессилить эту власть. А между тем возрождение сильной государственности составляет теперь условие «быть или не быть» нашей стране...

Обстоятельства, делающие столь необходимым сильное государство, проявляются и внутри, и извне. Между мировыми нациями теперь начался последний раздел Земного шара. Нации, успешнее других выработавшие государственную силу за XIX век, – Германия, Англия, Америка, Япония, – приступили к завоеванию мирового господства. Из стран древних, отсталых культур выступил на почву обновления и восстановления сил мир магометанский и еще более грозная величина – Китай, кроющий неизмеримые источники силы, если только выйдет окончательно из состояния дремлющей неподвижности...

Для того чтобы не погибнуть жертвой захватов, на которые устремляются эти грозные силы, России также необходимо стать во всеоружии мощи, тем более, что все эти мировые конкуренты по географическим и историческим условиям каждый со своей стороны неизбежно должны обрушиваться на владения русской нации.

Время серьезное, ответственное. Горе теперь ослабевшему, горе побежденному!..

Но если каждому ослабевшему государству извне грозит гибелью этот последний раздел Земного шара между теми, которые окажутся достойными владеть им, то и по внутреннему содержанию современной культуры каждому слабому грозит не менее страшный враг: антигосударственное и антиобщественное движение социализма.

Этот враг подтачивает теперь силы всех народов, но для тех из них, которые способны развивать достаточную культурную и государственную мощь и деятельность, социализм страшен лишь временно, в будущем же он может способствовать даже большему их процветанию, так как побуждает об-

щественную мысль и государственную деятельность к новому порыву устроения для излечения язв, наличие которых порождает социалистический недуг. Но если страна не имеет достаточно глубокой культурной мысли, не имеет и достаточно могучего государства, она рискует быть совершенно истощенной и загубленной этим врагом с тем, чтобы после долгой агонии подпасть под власть более сильных наций.

Россия уже имела два предостережения со стороны обеих этих опасностей. Ее извне разгромила вчетверо слабейшая Япония, которая теперь смело ставит на карту все, лишь бы обеспечить свое будущее. Тяжелые разгромы испытала Россия и со стороны социализма, хотя он у нас едва успел собрать ничтожные силы, раздавить которые могло бы почти незаметно всякое государство, имеющее сколько-нибудь сносные силы действия.

Всем известно, как тяжело отозвались на нас эти удары. Если мы не воспрянем, не возьмемся за дело, то каждый новый удар может оказаться для нас – как знать? – непоправимым.

Можно ли, однако, сказать, что мы уже достигли чего-нибудь серьезного для обеспечения своего будущего перед лицом стоящих опасностей? Можно ли быть довольным нашим международным положением и нашей внутренней работой?

Если у нас кое-что достигнуто, то разве в отношении внешних проявлений революции. Но некоторое затишье революционной смуты никак не может успокаивать. Революционные идеи, настроения, партии, общества далеко не исчезли, и едва ли их можно считать даже серьезно ослабленными. Некоторое ослабление острых революционных припадков составляет результат бдительности власти, вообще воскресшей к деятельности, отчасти же – следствие нервной усталости. Но эта минутная реакция больного организма, бушевавшего в припадках горячечного буйства, не означает, что болезнь исчезла.

Еще менее можно сказать, чтобы мы что-нибудь сделали за это время по самому главному пункту своего существования: то есть для повышения силы своего умственного,

духовного, культурного, экономического и государственного труда. Работа началась, но национальный труд не поднялся в уровень даже с тем прошлым, которое оказалось неспособным отстоять Россию перед опасностью. Промышленность, земледелие, расселение по национальной территории, наша наука и школа всех ступеней, наша армия всех родов оружия, наши учреждения, охраняющие духовно-нравственное здоровье нации – в чем заметно у нас энергичное движение вперед, в чем виден энергический подъем сил? Все наши «храмины», потерпевшие такие разрушения в страшную годину неприятельского нашествия и революционной смуты, если не лежат в развалинах, то по малой мере остаются в полном неблагоустройстве.

А между тем ни внешние, ни внутренние угрозы не исчезли, не дремлют... И если – храни Бог – завтра же разразится гроза изнутри или извне, то где основания надеяться, что мы встретим ее лучше вооруженными, чем были в 1902–1905 годах?

Мы не должны скрывать от себя, что в некоторых отношениях Россия с тех пор даже утратила многое, при помощи чего в умелых и энергичных руках мы могли бы защитить страну в прошлые годы. Русская нация тогда еще во многое верила, готова была легко сомкнуться на своих исторических основах. Теперь же для Русского народа нет ничего непотрясенного, неподорванного. Теперь трудно сказать: во имя чего можно было бы обратиться в минуту опасности к Русскому народу с уверенностью найти всенародный отклик?

Избави Бог дожидаться в таком деморализованном состоянии какой-нибудь минуты кризиса. Как банк, потерявший кредит, может рухнуть от самого ничтожного потрясения, так и наша страна рискует огромными потерями при ее нынешнем разочарованном неверии во все основы и силы, на которых возможно создание мощного государственного действия...

Не должно обманывать себя: это положение в высочайшей степени опасное. В нем совершенно недозволительно оставаться, и современным относительным покоем после войны и сму-

ты воспользоваться не для сна, не для приятных мечтаний, а для того, чтобы самой энергической работой как можно скорее создать себе возможность более удачно защищать отечество и государство, чем в предшествовавшие годы.

Это наше общее положение теперь должен взвесить каждый патриот, чтобы в приближающийся деловой сезон помогать своему народу и государству сделать как можно больше шагов к усилению родной страны.

Законодательные и избирательные интересы.

Заседания Государственной Думы закончились, и выборные люди разъехались по домам. Недолго они трудились, но сессия была достаточно «оживленная» в том смысле, как это ныне понимается. Гораздо меньше можно сказать о результатах работы в смысле чего-либо нужного для России. Между прочим, даже освобождение Холмщины осталось, по выражению барона Черкасова, висящим в воздухе кусочком сахара, которым октябристы приманивают националистов, но которого, вероятно, так и не дадут.

Как известно, думская сессия последнего года ее существования вообще имела не непосредственно деловые интересы, а так называемые избирательные, то есть подготовку успеха новых выборов для каждого депутата в отдельности и для целых партий. Такая подготовка сплетается ныне в сеть очень сложных операций, уже составляющих у нас целое искусство. Тут отчасти, конечно, требуется напомнить о себе, запечатлеть свое имя в умах избирателей, если возможно, чем-нибудь для них привлекательным, если нет, то по крайней мере шумом. Но завоевание сердец избирателей, подающих голоса, – это еще не главная забота. Основная задача состоит в том, чтобы собрать голоса, а каким образом – это безразлично. Отсюда особую важность приобретает вопрос об устранении препятствий и о

получении помощи вне среды избирателей. На этой почве при нынешней раздробленности является вопрос о «блоках» и соглашениях с кем возможно: не мешать друг другу и взаимно помогать, где нужно.

Эти соглашения основаны на распределении между союзниками местностей, в которых данная фракция почему-либо имеет шансы получить голоса, или, наоборот, не надеется на это. Поэтому в договорной местности, положим, националистической, октябристы не должны уже портить голосовок своим выступлением, а, напротив, обязаны присоединить свои голоса к голосам националистов. Для заключения соглашения требуется, разумеется, сторговаться, на каких же пунктах будущего или текущего законодательства одна фракция может что-нибудь уступить другой и на каких, наоборот, должна получить ее содействие. Но, конечно, договаривающиеся стороны при этом могут и честно сдерживать слово, и надуть друг друга, так что все-таки приходится очень зорко следить за союзником и принимать меры к тому, чтобы обеспечить исполнение обещаний.

Не менее важную заботу для неопозиционных фракций и лиц составляет то или иное соглашение с правительством, которого влияние на выборах имеет вообще огромное значение. При этом само собой разумеется, что правительство со своей стороны дает помощь не даром, а имея в виду какие-нибудь реальные для себя выгоды в области управительной или законодательной. Так, например, для получения помощи правительства нужно заранее дать голоса в пользу таких законов, которые ему необходимо почему-либо непременно провести, или по обеспечению необходимых ему кредитов в настоящую же минуту или в будущем. Понятно, что и в этом случае – как и в междупартийных блоках – фракции могут и честно сдерживать свои обязательства правительству, и обмануть его, так что правительству тоже недостаточно простого уговора, а требуется следить за добросовестностью договаривающейся стороны и, если возможно, иметь наготове способы наказать ее за измену. Вообще политика нынче

пошла сложнейшая и тончайшая, по самым высокопарламентарным образцам.

Есть фракции, для которых немислимо никакое соглашение с правительством. Избирательная кампания тут строится иначе. Тогда фракции, разумеется, должны уже возлагать все надежды на яркость своей оппозиционности, на лубочно-крикливое расшевеливание оппозиционных и революционных чувств массы, от которой требуется получить голоса. Это – по преимуществу путь крайних левых, для оппозиции же конституционно-демократической, наиболее у нас премудрой и наименее разборчивой в средствах, есть еще хороший ресурс. Это средство уже с успехом испытано. Задача состоит в том, чтобы обмануть и избирателей, и «парламентские фракции», а если возможно, то и правительство, то есть, являясь на выборы, притвориться не тем, что представляешь в действительности, и получить голоса в качестве какого-нибудь «беспартийного», а то хотя бы и члена чужой фракции. Интерес жгучий, стесняться нечего. Были бы собраны голоса, а там, в Таврическом дворце, «лучший человек» сбросит напрокат взятый костюм и из Кочубея превратится в Мазепу¹. Эта последняя система подготовки к выборам, может быть, еще посложнее, чем блокировки и соглашения с правительством, но у нас уже и в ней достаточно искусились.

Таковы-то наиболее важные заботы, занимающие наших лучших людей в последний год их полномочий.

Можно себе представить, что делается с законодательством в такой год. Но пусть читатели не подумают, что мы как-нибудь особенно порицали за такое исполнение обязанностей кого-либо из среды «лучших людей», коим закон доверил распоряжение деньгами всей страны и ее законодательством. Парламент есть парламент, и, взявшись за какое-нибудь дело, приходится вести его так, как требуют внутренние законы его существа. При парламентских выборах честным образом голосов не много наберешь. А между тем наши «лучшие люди» уже втянулись в свою роль законодателей как в жизненную карьеру. Они живут депутатским жалованьем, от других за-

нятий уже отбились, и, следовательно, провал на выборах есть для них вопрос – жить или не жить. Да и не одно жалование рисуется при мысли о выборах. Если для совсем маленьких людей избрание означает жалование, то для более выдающихся деятелей – карьерные интересы несравненно более широки. Мы доселе в сфере наших парламентариев не знаем о прямых взятках, которыми столь обильна парламентская карьера в других странах, более нас «изучившихся во лжи» этого усовершенствованного государственного механизма. Но доходы, измеряемые многими десятками тысяч рублей, например в связи с местами в банках, – уже известны и у нас. Небезызвестны уже и другие способы утилизировать права «лучшего человека», да и вполне понятно. Жалование в 4 тысячи рублей – находка и верх счастья для маленьких людей, но на такой интерес, конечно, не прельстится человек, которого силы и способности могут открыть на других местах более широкие горизонты благоприобретения.

Итак, мы не обвиняем ни в чем тех людей, которые раз пошли по депутатской части, а лишь объясняем, почему интересы законодательства в столкновении с избирательными интересами отходят по необходимости на задний план. Это такой факт, который осуждает не людей, а систему.

То, что мы видим теперь у нас в области высшей государственности, – очень хорошо и давно известно по истории и практике всего парламентарного мира. Поэтому-то и нельзя в сотый и тысячный раз не задать себе вопроса: почему мы, имея перед собой потребность улучшить прежний государственный строй, выбрали для этого такую систему, которая, как должен был понимать всякий знающий человек, не способна ничего улучшить, а может только ухудшить? Почему мы даже и теперь, познавая уже на собственном опыте справедливость всемирной критики парламентаризма, остаемся при этом, в смысле орудия законодательства, наихудшем строе? Неужели только потому, что он выгоден для интеллигенции, получающей при нем столько новых способов житейской карьеры?

Как бы то ни было, лучшие люди разъехались на подготовку избирательной борьбы и потом опять съедутся в Таврический дворец для довершения своих блоков и договоров, и потом опять разъедутся весной для окончательного похода на завоевание голосов, который характеристически и называется «избирательной кампанией». И точно – «кампания». *A la guerre comme a la guerre!*² А законодательство подождет, или должно будет приспособляться к тому, чего потребуют блоки и договоры, необходимые в избирательных интересах.

Нынешние условия выборов в Государственную Думу.

Несмотря на то, что избирательные интересы поглощают теперь все внимание как членов Думы, так и правительства, исход предстоящей выборной кампании в четвертую Государственную Думу представляется загадочным.

Быть может, яснее всех кампания представляется фракциям оппозиционным. Их тактика, уже давно подготовляющая средства действия, состоит в разжигании страстей, в создании распаленного состояния умов, в заготовке сил боевых, крепко организованных. При помощи всего этого, с добавлением всяких способов избирательного притворства и обманов они, вероятно, рассчитывают отчасти увлечь, отчасти запугать умеренные элементы и таким образом захватить всеми правдами и неправдами возможно большее количество мест в Думе. Там уже маски будут сброшены, а в то же время, быть может, некоторый вид революционного движения должен повлиять на правительство и расположить его к такой перестройке учреждений, которая бы завершила в конституционно-демократическом смысле успехи, достигнутые революцией в 1905–1906 годах. Вероятно, при этом предполагается, что социалистические элементы снова сыграют роль вьючных животных, провозящих политический товар радикалов.

Так нам представляют вероятные планы радикальной оппозиции: на это указывали уже многие явления вроде прошлогодней вербовки революционных сил из молодежи, беспорядками выбрасываемой из учебных заведений и окончательно доделываемой в революционную силу посредством ссылок, побегов и нелегального положения. На эту тактику указывает и теперь агитация среди рабочих и распространение кем-то ложных слухов среди крестьян о будто бы предстоящем переделе земли.

Выйдет ли что из всех этих махинаций – это покажет будущее. Для нас важно теперь лишь представить себе вероятную общую схему тактики, которой могут держаться оппозиционные выборы и четвертую Думу.

Но что будут делать фракции всех оттенков государственности, законности и порядка?

В общем можно сказать, что они доселе действуют довольно слабо. Самое же главное: условия действия для них стали менее благоприятны, нежели в эпоху прошлых выборов в третью Думу. Тогда, как известно, 3 июня был изменен избирательный закон приспособительно к цели вызвать к действию наиболее государственные, наименее революционные элементы представительства. Насколько оказался целесообразен избирательный закон 3 июня 1907 года, – показала третья Дума. Хвалить ее мы, понятно, не станем, однако она все же поставила своей целью работать в государстве и с государством, а не разрушать его, как две первые Думы – «народного гнева» и «народной мести». Но в настоящее время избирательный закон 3 июня, по всеобщему мнению, является уже устарелым.

Эта быстрая устарелость, конечно, показывает, что он не отличался большими совершенствами. Но во всяком случае, теперь приходится задумываться о последствиях этих несовершенств, особенно при наличии революционных заговорщических групп, которые, конечно, постараются использовать все шансы, даваемые им слабыми местами избирательного закона.

Можно предвидеть на этой почве два существенных обстоятельства, вредных для выборов четвертой Думы. Прежде всего, закон 3 июня, стараясь дать должное место в представительстве консервативным избирателям, разумеется, исчислял их в таком количестве, в каком они представлялись в то время. Но за пять лет, с тех пор протекших, целый ряд условий совершенно изменил характер нашего землевладения. В губерниях повсюду до чрезвычайности ослабело среднее и крупное землевладение, и земский поместный элемент численно очень уменьшился. Во многих местностях мы найдем едва половину того консервативного избирательного элемента, который был в 1907 году. Имена пораспроданы, люди разбрелись по разного рода службам. Таким образом, с этой стороны статистическая подкладка закона 3 июня оказывается уже не соответствующей действительности.

С другой стороны, настроение мелких избирателей чрезвычайно изменилось с того времени – не в том смысле, чтобы стать революционным или оппозиционным, но в том, что в 1907 году мелкий избиратель несколько не стремился быть избранным. Прежде охотников идти в Думу не оказывалось, и местами крестьяне посылали прямо самый «негожий» для деревни элемент. Ныне настроение совершенно не то. Огромное для бедных людей жалованье членов Думы стало золотой мечтой для массы избирателей. Заработать за пять лет 20 тысяч рублей, обеспечить себя на всю жизнь – это такая соблазнительная мысль, перед которой склонились все умы. Поэтому в среде мелких избирателей, по всей вероятности, должно предвидеть очень своеобразную картину. Едва ли ко вторичным избраниям они допустят много членов третьей Думы, которые «довольно попользовались», так что «пора и людям дать». Желających попасть в законодатели окажется множество. Чуть не каждый избиратель будет расположен голосовать за себя. Вследствие такого напряженного стремления к депутатскому жалованью всякие воздействия на избирателей, бывшие крайне легкими в 1907 году, теперь, конечно, очень затруднятся, ибо обеспечение всей жизни – это такой аргумент,

которого ничто не может преодолеть. Естественным последствием должно явиться весьма незначительное число голосов за каждого жаждущего законодательного кресла. Но при всем этом кто же окажется победителем на выборах? Конечно, тот, кто будет в состоянии распорядиться хотя бы небольшими, но сплоченными и дисциплинированными группами. Самое большое количество дружных голосов может быть достаточно, чтобы решать участь выборов.

Но кто же у нас сплочен и дисциплинирован? Из кого будут составляться эти маленькие группки, решающие судьбы выборной кампании среди сотен тысяч избирателей? К сожалению, вопрос этот не требует ответа: он слишком ясен. Правые элементы едва ли подготовлены, и на выборах придется особенно пожалеть о раздорах, которыми правые организации ослабляли друг друга несколько лет.

Вот какие условия имеют перед собой фракции консервативные, умеренные, легально мыслящие и действующие. Как же и чем они парализуют всю неблагоприятность положения?

Есть, конечно, местности с особо напряженным состоянием национального чувства, как, например, на Западе; найдутся, может быть, местности, особенно жгуче настроенные против революции. Наконец, мы отделены от выборов еще почти годовым сроком, в течение которого может быть кое-что еще сделано, может явиться многое и благоприятное, и неблагоприятное для хорошего состава четвертой Думы. Но собственно в настоящую минуту, когда избирательные интересы так всецело озабочивают членов Государственной Думы, очень трудно делать для них благоприятные прогностики.

Призраки жизни.

Тоскливое чувство охватывает вдумчивого человека при наблюдении нашей нынешней действительности. На вид, со

стороны, все как будто кипит жизнью. Канцелярии трещат машинками, докладчики толпятся с папками, начальство не имеет минуты времени, все торопятся с заключениями, спешат к министрам, заготавливают законопроекты, спорят в межведомственных совещаниях, готовятся к думским запросам, парируют удары, побеждают и терпят поражения. В Думе – столпотворение вавилонское, в Совете – важная государственная мудрость. Машина на полном ходу, дела кипят и бурлят... Но для чего? Что достигается?

Один корреспондент как-то смотрел на рассвете в бинокль на наш броненосец в Порт-Артуре, только что изувеченный ночной минной атакой японцев. Вчерашний грозный гигант с зияющей пробоиной уже бессилён, ни на что не годен, но матросы суетятся, как обычно утром, над чисткой медных решеток, с голландской аккуратностью метут палубу, офицеры ходят туда и сюда, отдавая какие-то уже ненужные приказания. Стоит забыть о том, что это уже не корабль, и кажется, будто жизнь кипит на нем. Но для чего? Никто не размышляет. Каждый механически исполняет привычную работу, хотя она уже не имеет никакого значения, ибо нет того, для чего она была еще вчера нужна. Нет броненосца, и его гибель уже предрешила участь флота, а участь флота предрешила судьбы кампании. Но повар все-таки аккуратно выливает помой за борт, и матрос чистит блестящую медь, и офицер произносит команду...

Все эти brave солдаты, конечно, исполняют долг. Нужно стоять, пока жив, на своем посту, хотя бы и бессмысленном. Но ведь это точка зрения исполнителя. А где же генерал? Ведь тому нужно нечто иное. Его дело думать о смысле целого, о пригодности корабля, о значении его в кампании, о всем том, что только и осмысливает чистоту палубы и мелкие приказания вахтенного. Вот именно этой мысли генерала не схватываешь в суетливой деятельности исполнительных частей нашего нынешнего механизма. Видишь солдат, иногда хороших, но не видишь генерала, видишь исполнителей и не видишь той идеи, для осуществления которой нужно нечто исполнять. Мы

производим разные мелочные упорядочения, как бы не думая о том, что всякая мера может приносить действительное упорядочение только в том случае, если она соответствует некоторой общей цели, если же цели нет – то все мелкие отдельные меры только представляют множители, произведение которых при всех перестановках должно дать нуль.

У нас теперь тратится огромное количество силы для того, чтобы достигать согласования высших государственных учреждений. Но никто не хочет подумать, насколько непроизводительна эта трата сил. Самый механизм учреждений таков, что даже покойный П. А. Столыпин едва умел им маневрировать, достигая некоторого подобия государственной деятельности. Но ведь прямо тяжело думать, на что мы истратили его редкие правительственные способности. Механизм таков, что поражающий процент силы его различных частей уходит только на преодоление взаимного трения колес, ремней и рычагов, и в результате получается лишь ничтожное количество «полезной», как выражается механика, работы. Но ведь совершенство механизма измеряется только этой полезной работой, а не шумом и треском сталкивающихся и друг друга истирающих приводов... Понятно, раз машина такова, чиновники-исполнители должны заботиться о том, чтобы кое-как все же перемолоть вороха дел. Но управитель, распорядитель, генерал? Ведь его дело прежде всего познать, что нельзя работать такой машиной, что нужно непременно ее исправить. И вот не видно генерала, и в результате шумим, трещим, а воз и ныне там.

Напрасно бы сказал кто-нибудь, что нехорошо подниманием покрывала Изиды¹ возбуждать общественное уныние, ибо государству нужно доверие народа.

Это верно как общее правило, при положении сколь угодно нормальном. А тут что же и говорить о нормальности? Да, наконец, покрывало давно поднято, и все видят, что скрывается за ним... В таком положении нельзя мерить долг прописными правилами, и он требует не сокрытия, а указания опасности.

При том же, нужно сказать, бывают минуты, когда государственная мудрость состоит не в упорном поддержании декорации благополучия, а в откровенном сознании и раскрытии ошибки. Это делывали даже такие люди, как Иоанн Грозный, публично сознававшийся в ошибках. Это сделал Собор 1613 года, на всю Россию разоблачивший отчаянное положение государства, разложенного партийной борьбой. Это сделал и царь Алексей Михайлович, не побоявшийся всенародно сознаться в происшедших оплошностях. Все эти крупнейшие государственные деятели не породили тем уныния народа, не подорвали общественного доверия к государству, а, напротив, приобрели, восстановили его доверие. Но чтобы поступить так, нужна не азбучная рассудочность чиновника, исполнителя, а государственная мудрость генерала.

А почему же ее не проявляется? Потому, что привыкли исполнять «дела», и больше ничего. Как пришла потребность строить государство, оказывается, что ни у кого нет государственной идеи. На мелкие дела мастеров много, на единое на потребу – нет и нет. А понятно, что когда нет идеи, – нет и мужества, чтобы взять быка за рога.

Жалость смотреть, сколько тратится у нас сил на попытки решать вопросы органического устройства средствами существующих учреждений. На каждом шагу оказывается, что для этого нужно и сильное обсуждение, и сильная власть. А учреждения не дают ни того, ни другого. Поразительная разноголосица учреждений требует властного голоса, и за неимением его – за все про все стала отвечать 87 статья и репрессии против тех, которые исполняли свой долг размышлять и подавать голоса по совести, а не по потребностям лиц, на тот час находящихся в правительстве. Толкования 87 статьи, имеющие дать власти несуществующие права, формально логичны, но составляют чистую казуистику, примечательную тем более, что правительство при этом берет на себя право само определять свои права, и в этом отношении то, что было, – конечно, только цветочки. Это было при покойном П. А. Столыпине, который умел каждую секунду усложнений парировать

каким-нибудь новым приспособлением того или иного винтика нашей машины. Но усложнения легко могут оказаться страшнее, а другого такого изобретательного механика, можно сказать наверное, мы не скоро найдем. Но никто не думает о будущем. Мы занимаемся докладами, заключениями, упорядочениями, запросами, разъяснениями, шумим, тратим свои и чужие силы... и больше ничего.

А лучше ли дело идет в другой отрасли управления – в сфере церковной? Там все перемешалось. Церковное управление получило положение, которого существа нельзя даже понять. Все главное, что касается веры и Церкви, решает Дума и Государственный Совет. О нуждах веры и Церкви размышляют то председатель Совета Министров, то министр внутренних дел, то добровольцы Думы. А обер-прокурор Св. Синода, обязанный защищать интересы своего «ведомства», в то же время должен голосовать согласно с Советом Министров, хотя бы был с ним совершенно не согласен. Получаются соотношения органов власти, не имеющие ничего общего с обязанностями. Но мы и тут стараемся перемолоть муку дел средствами существующих учреждений, явно и очевидно таких средств не дающих...

Мы не говорим, чтобы у нас в частности при всем том не достигалось ничего доброго. Дело не в этом. Вопрос в том, *какими средствами* достигается? Покойный П. А. Столыпин успевал кое-что сделать, но он действовал не так, как председатель Совета Министров по законам 1906 года, а так, как действовал какой-нибудь Перикл в Афинах. Перикл и совсем не занимал никакой должности, а умел вертеть всей республикой. В этом роде приходится действовать и у нас. Но когда конституция дает возможность такого действия и не оставляет правильных государственных способов действия, то, значит, дело совсем плохо. В Афинах жизнь Перикла была предвестием падения государства, как только он умрет. Неужто мы не подумаем, что и у нас может случиться то же самое, тем более, что в Афинах по крайней мере не убивали талантливых демагогов, спасавших государство личным влиянием, а у нас,

кажется, нет ни одного главы власти, талантливому и энергического, которого бы не убили во цвете лет.

Пора подумать серьезнее об учреждениях. Для прочного государственного дела нужно, чтобы самое построение их обеспечивало и доброе обсуждение мер, и сильную власть, и отношение государства к вере и Церкви. Нужно иметь учреждения, которые бы давали государству не призрак жизни, материализующийся только личными талантами, личным влиянием того или иного министра или члена Думы, или, может быть, – дождемся и того – какого-либо журналиста или главы какого-либо союза, но действительную жизнь, не зависящую от случайных влияний личности, а создаваемую разумом самой конституции, при наличности которого страна всегда находит достаточно талантов на службу государственно-национальному делу.

Наш «парламентский кризис».

Недолгая история наших законодательных учреждений переполнена той несурaziцей, которую парламентаристы именуют «инцидентами», «конфликтами», «кризисами» и т. п. иностранными терминами, сдabривая проявление того, что по-русски называется просто «безурядицей». В одном из таких «кризисов» пребываем и мы в настоящее время, если послушать петербургские толки.

Дело, в сущности, очень просто.

Государь Император уже три года как учредил Морской Штаб, и не говоря уже о том, что такова была Его Воля, подлежащая лишь *исполнению*, ни один мало-мальски разумный человек не может не понимать и не признавать, что это учреждение было и есть необходимо для возрождения нашего флота. Но наши новые учреждения запутывают исполнение самого простого и необходимого дела. Согласно законам 1906 года

выходит так, что Государь Император как Державный Вождь армии и флота может без согласия «палат» созидать учреждения, ко флоту или армии относящиеся, но не может назначать необходимых для их существования средств. А без денег, понятно, ничего нельзя сделать.

Если бы наши «палаты» состояли из людей, искренно преданных Монархии, и думали о благоустройстве России, а не об ограничении Русской Монархии, то недостатки закона могли бы быть легко обойдены доброй волей исполнителей. Ни Государственная Дума, ни Государственный Совет не стали бы в ущерб благу и могуществу России изыскивать способы вынудить новые ограничения Державных прав. Без всяких разговоров они бы утвердили кредиты, необходимые для содержания новых военных учреждений, и у нас уже давно бы кипела *работа*, необходимая флоту, России и всем тем, кто любит не депутатское всемогущество, а Россию и ее благо.

На деле вышло совершенно иначе.

Как известно, первые две Думы явно и гласно отрицали права Российского Монарха, третья же, «октябристская», Дума приняла тактику – достигать постепенного расширения своих прав на все области управления России, тем самым постепенно ограничивая права Монарха и упраздняя область Его прерогатив. Для достижения этого избрана система «бить рублем». Так как без разрешения «народных представителей» во всей области «незабронированного» бюджета нельзя получить ни гроша денег, то, отказывая в деньгах, Дума *принуждала* каждый раз искать фактически ее разрешения и на самые меры. Таким путем она уже вытребовала пред свои ясные очи и военные дела, и дела иностранные.

Все это общеизвестно. Естественно, что и вопрос о Морском Штабе сделался предметом той же политической эксплуатации. Но в данном случае положение усложнилось ролью правительства.

Казалось бы, что правительство Государя Императора не может иметь тех целей, какие имеют парламентарные политики, не может присоединяться к октябристской тактике – ис-

кать ограничения Монарха путем денежного давления. А между тем оно само выдвинуло законопроект о штатах Морского Штаба. Отсюда теперь на него ряд нареканий...

Всем известно, что правительства прежнего времени именно и сочиняли нашу «конституцию», именно они и выработали ее в таком смысле, что она стала орудием дальнейшего постепенного водворения у нас парламентарного образа правления. Этот исторический факт приводит теперь многих к подозрениям также и против современного правительства.

Со своей стороны, мы в отношении *современного* правительства стоим на совершенно иной точке зрения, мы убеждены в его безусловной преданности Монарху и Его правам, убеждены в полной лояльности правительства. Причины того положения, в какое оно стало, нам представляются в совершенно ином свете.

Как известно, не нынешнее правительство создало существующую «конституцию», а само было установлено в ее рамках. Это обстоятельство очень важное, так как налагает на правительство необходимость сообразоваться со всеми своеобразными особенностями нашей конституции.

Совершенно ясно, что правительство отнюдь не имеет права самовольно ломать существующий закон, как бы он ни был ненормален. Оно может возбуждать вопросы об изменении закона, но пока закон существует – правительство обязано действовать в его рамках. Только одной *Верховной власти* принадлежит естественное право изменить вредный и ненормальный закон собственной своей Волей, не сообразуясь в случае необходимости даже с существующими нормами закона. Но такое действие было бы со стороны *правительства* преступлением, актом государственного переворота, и только со стороны *Верховной власти* составило бы законный акт Верховного управления. Мы говорим в этом случае, конечно, о разуме самой государственности и ее естественных внутренних законах, а не о писанном законе 1906 года...

Итак, правительство, поставленное в обязательную для него необходимость достигать нужных для России мер не

иначе, как в рамках законов 1906 года, волей-неволей принуждено идти парламентскими путями, то есть отыскивая так или иначе большинство голосов в Думе, а следовательно, делая необходимые для того компромиссы и уступки. Так ли понимает само правительство свое положение? Этого мы не знаем. Мы говорим не за него. Но для нас ясно, что логика положения именно такова, и что правительство, как бы оно ни смотрело на свое положение, в данных условиях волей-неволей должно бы было действовать в обрисованном нами смысле.

И вот, думается нам, правительство, имея в виду осуществление Высочайшей Воли и необходимость получения для того денег от «палат», и сочло себя вынужденным внести на их обсуждение не только вопрос денежный, но и учредительный, то есть должно было выйти на путь испрашивания у «палат» как бы разрешения на осуществление Монаршей Воли.

Говоря откровенно, тут получается положение столь же нестерпимое для чувства сознательного монархиста, как в оны времена была нестерпима для патриота необходимость кланяться ханам Золотой Орды, чтобы выпросить какие-нибудь льготы для поработенной Руси. Говоря откровенно, мы бы не нашли сил кланяться Золотой Орде и предпочли бы прямо заявить власти Верховной о безусловной необходимости изменить те пункты законов 1906 года, которые приводят к столь нестерпимым положениям. Но правительство осталось на почве «конституционной легальности» и вынесло на обсуждение «палат» то, что даже и по законам 1906 года составляет прерогативу Монарха.

Этот законопроект представлялся на благовоззрение высоких собраний уже два раза. Дума, конечно, ничего не имела против нового прецедента ограничения власти Монарха, но Государственный Совет, стоя на чисто юридической почве, в первый раз отверг законопроект как не подлежащий в одной части его компетенции. В этом отношении Совет был прав, но отвержение второй статьи законопроекта приводило фактически к лишению денег для тех учреждений, которые

созданы были Государем. И вот правительство возобновило попытку получить средства, и на сей раз Государственный Совет вслед за Думой принял законопроект.

Совершенно точно известно, что кабинет получил большинство голосов в Совете только посредством того, что сами члены правительства Его Величества поголовно подали голоса за акт, который дает деньги ценой нового ограничения Царских прерогатив...

И вот, по петербургским толкам, мы попадаем в «кризис» и т. п. Там размышляют, что же случится, если Верховная палата не утвердит законопроекта?

По «парламентским» обычаям, кабинет в случае, если бы его законопроект, прошедший в Думе и Совете, не удостоился Высочайшего утверждения, должен подать в отставку. Что же тогда будет? Невозможно, говорят, заменить такой кабинет... Да что тогда делать и с Думой? Признаемся, что дело представляется нам несравненно проще.

Мы не знаем, конечно, как намерено себя держать в подобном случае нынешнее правительство... Тем паче не дерзаем предугадывать Монаршую Волю, зная лишь одно: что как Государь решит, так и быть должно. Но позволительно высказать общее теоретическое суждение применительно к возникшим обстоятельствам.

Прав или не прав был бы кабинет, если бы подал в отставку, раз его законопроект Государем Императором не одобряется, – это не особенно важный вопрос с точки зрения той *конституции*, того политического телосложения, которое имеет Россия сама по себе, по природе своей, и которое очень мало сходно с нашей нынешней писанной «конституцией».

По действительной русской конституции пусть правительство, если ему лично это кажется нужным, подает в отставку, но Государь Император вполне может *приказать* всем членам кабинета снова взять свои портфели и продолжать свою работу. Они служат не Думе и Совету, а Ему, Государю, и Самому же Государю Императору принадлежит суждение о том, нужны ли Ему данные лица. Их же дело – исполнить

Царскую Волю. Так нам представляется дело, и так всегда было в России. Что касается Думы и Совета, то единственное поучение происходящего «кризиса» с точки зрения реальной русской «конституции» состоит, нам кажется, в том, что конституция 1906 года некоторыми своими частями приводит к весьма вредным последствиям, а посему должна быть в этих частях изменена.

Тут с точки зрения реальной русской конституции не требуется даже никаких «ропусков» нынешней Думы. Она давным-давно известна своим очень плохим поведением, но акт, о котором мы говорим, послужил бы лишь просветлению ее политических взглядов, указал бы ей бесполезность усилий ограничить Царскую власть, и она бы, вероятно, подчинилась факту, «его же не преjdeши». Речь же о роспуске была бы понятна только в случае явного неповиновения.

Таково наше мнение об этих «инцидентах», «конфликтах», «кризисах» и т. д. Нам кажется, что если бы желающие наговорили по этому поводу еще десятка два парламентских «жалких слов», дело, по существу, остается совершенно просто, и с точки зрения реальной русской конституции разрешимо совершенно «чинно, благородно», без всяких кризисов и без ущерба для кого бы то ни было.

Около кризиса.

Наша печать продолжает во славу розничной продажи наполняться всевозможными толками о «кризисе», о том, в чем он заключается, какие лица играют в нем ту или иную роль и т. д., вообще на манер крыловских мужиков, которые «грамоте, к несчастью, знали, газеты и подчас реляции читали»¹. Сильно сдается, что и теперь около всего этого «кризиса» сторожит какой-то лукавец, который у Крылова, пока они судили и ряздили, — «и щи и кашу всю приел».

Нам кажется, что несравненно производительнее было бы всем вдуматься в то обстоятельство, из которого у нас являются все эти «кризисы» и фантомы кризисов, искусственные создания междоусобицы лиц и партий. Стоит только представить себе, что у нас в законах, которыми регулируется действие высших правительственных учреждений, нет никакой спорной и недоуменной темноты в отношении понятия Верховной власти и действия в порядке Верховного управления, – и где тогда все наши думские, партийные и министерские кризисы? Их совсем не могло бы возникать. Почему, например, мог возникнуть настоящий, который, как бы он ни разрешился, внес уже столько смуты, вражды, беспокойства и неуверенности в политическую жизнь? Только потому, что предъявление штатов Морского Штаба Думе и Совету связалось в общественном мнении с представлением об ограничении прерогатив Верховной власти. А почему такое мнение могло явиться, одних наполняя негодованием, других радостью за движение вперед нашего «парламентаризма»? Только потому, что определение значения Верховной власти в нашей государственной жизни сделано законами 1906 года с темнотой и спутанностью, допускающей возможность всяких истолкований и попыток узурпации. Не будь этого, кто бы мог молвить хоть слово против того, что Государю Императору благоугодно было вынести на обсуждение и даже хотя бы решение Думы и Совета такой вопрос, в котором Ему принадлежит полная власть? Решение принадлежит Государю. Он поручил это сделать Думе и Совету... Что можно сказать? Такова Воля Государя, и больше ничего.

Как известно, лица кабинета именно и напоминали, что по закону Государь может внести в Думу любой вопрос. Но мы видим, что эти слова никого не успокоили и не обезоружили борьбы. И понятно: если бы к ограничению власти Государя Императора по нашим законам *нельзя было* идти, то никто бы и не опасался таких попыток. Но так как по законам 1906 года *возможны* стремления к узурпации, то естественно, что всякий шаг, способный иметь такое значение или хоть способный

быть истолкованным в этом смысле, неизбежно возбуждает подозрения, негодование, борьбу и готовит действительные или воображаемые кризисы. И вот без исправления того, что порождает смуту, и не избежать нам постоянных «кризисов», хотя бы даже настоящий и улегся так или иначе.

Неясность основных законов, введенных в 1906 году на место кристально ясных законов прежнего Свода, неясность этого «продолжения 1906 года», как скромно именуется смешение прежних стройных статей Свода Императора Николая I² с новыми статьями 1906 года, эта смутность непременно будет порождать у нас смуту на практике, пока неясность не заменится ясностью.

Есть люди, которые считают более «практичным» не придавать особого значения тому, что написано в законе, на том основании, что суть не в букве, а в действительном соотношении реальных сил... Факты нашей думской истории постоянно, чуть не ежедневно, обнаруживают всю непрактичность такого рассуждения.

Буква закона, напротив, имеет огромное, могущественное действие. То, что написано в законе, сначала может быть случайно, без точного взвешивания смысла написанного (а у нас с очень тонким взвешиванием того, какие всходы даст маленькое зернышко, в закон посеянное), давит на жизнь ежеминутно и дает одной реальной силе огромный перевес над другой. Особенно это важно там, где существуют различные мнения и пожелания в отношении основ государства.

Если бы наши партии различались между собой пожеланиями в отношении каких-нибудь частных практических вопросов, экономических, сословных и т. п., но одинаково признавали бы, что Верховная власть со всеми ее атрибутами державности, всеобъемлемости и неограниченности должна принадлежать никому иному как Монарху, то, разумеется, было бы практически неважно, если бы какой-нибудь сеятель смут украдкой ввел в закон выражения, позволяющие сомневаться в том, где у нас Верховная власть. Но ведь все разделения наших партий возникли именно на различном понимании

Верховной власти, на совершенно противоположных желани-ях относительно того, кому Верховная власть должна принадлежать. Ведь в самой Думе разделение партий основывается, так сказать, на тех или иных градациях отрицания Монархической власти!.. При таких условиях каждое слово закона, даю-щее возможность даже простой казуистики в отношении этого центрального пункта, представляет неисчислимо громадное *практическое значение*.

И нужно ли это объяснять, когда мы видим это именно на практике на каждом шагу, когда из-за этого проистекают все наши «конфликты» и «кризисы» и добрые $\frac{3}{4}$ простых скандалов, превращающих место законодательной работы в какой-то манеж борцов. Никто не может отрицать, что *ре-альная* сила есть та, которая *реально* проявляется. Но если так, то, значит, смутность определений Верховной власти, ее места и ее Верховного управления – есть печальный факт величайшей *реальности*. Именно практические люди и должны бы были это видеть и признать.

А если так, то что должны бы сделать теперь практи-ческие люди? Они первые должны бы приложить старания к изглажению всякой неясности, всякой тени двусмысленности закона в отношении этого первенствующего вопроса всякой государственности. Не пройдет наша смута, не исчезнут ни «конфликты», ни «кризисы», не перестанут они разрушать нашу политическую жизнь до тех пор, пока в основных зако-нах не будет снова кристально ясно определение Верховной власти и ее действия в порядке Верховного управления.

Национальные курии и отставка П. А. Столыпина.

Вопрос о национальных куриях¹ в западнорусском зем-стве неожиданно закончился, по всеобщим слухам, подачей в отставку председателя Совета Министров – П. А. Столы-

пина. Разумеется, об отставке можно говорить только тогда, когда Высочайшая о сем Воля выразится в соответствующем указе. Но отношение между подачей в отставку и неприятием в Государственном Совете той части законопроекта, которая требует установления национальных курий в западно-русском земстве, – факт несомненный, на котором нельзя не остановиться.

Вопрос об обеспечении прав западного русского населения, которое, составляя огромное большинство этого исконно русского края, в то же время попало теперь в еще большую зависимость от поляков, – этот вопрос не нов. Депутация западнорусского населения обращалась даже лично к Государю Императору с просьбой защитить их права при выборах в Государственный Совет. П. А. Столыпин тогда принял особое участие в этом деле, которое под его влиянием получило новое направление. Председатель Совета Министров именно убедил представителей Западного края (член Государственного Совета Д. И. Пихно и другие) взять назад выработанный ими законопроект на том основании, что правительство в какой-нибудь год проведет закон о западнорусском земстве, который сам по себе даст русскому населению способы бороться с поляками при выборах членов Государственного Совета. Посему он полагал возможным до тех пор все оставить при старом порядке. Таким образом он возложил на себя серьезнейшее нравственное обязательство перед западнорусским населением и работал на осуществление его чрезвычайно настойчиво. И вот проходит не год, а три, а земство в западных губерниях не только не введено, но на днях приведено в состояние законопроектных руин. Государственный Совет совершенно неожиданно отклонил самое существенное обеспечение прав русского населения, то есть *национальные курии*. Правительственный законопроект, уже прошедший теснины думских обсуждений, рассыпался в развалины там, где этого никто не ожидал: в Государственном Совете. Еще совсем на днях принятие его считалось обеспеченным. На деле вышло иное...

Из 190 человек членов в голосовании приняли участие свыше 160 человек. Борьба шла самая оживленная, и что же оказалось? 96 голосов высказались *против* национальных курий, и только 68 голосов было подано *за*. В числе голосов *против* можно считать около 20 правой фракции. Если бы они поддержали правительство, законопроект прошел бы 88 голосами против 76.

Оказалось очень своеобразное явление. Государственная Дума, обычно щеголяющая космополитизмом, поддержала правительство в деле национальной охраны русских; Государственный же Совет разрушил все старания и правительства, и Думы именно на почве национальной охраны такой важной и огромной части Империи. Мы не станем разбирать аргументации членов Совета, возражавших против национальных курий. Откровенно скажем, что этой аргументации мы не считаем серьезной. Граф Сергей Юльевич Витте, уже несколько лет не пропускающий ни одного случая подорвать при возможности председателя Совета Министров, обнаружил самое трогательное доверие к русским «православным крестьянам» и обвинял правительство в недоверии к ним. Он же заявил ошибочным «предположение» правительства, что инородческое население этого края «будет вести антигосударственную политику». Поляк А. Э. Мейштович высказался против курий якобы «не как поляк», а как «гражданин своего края», ибо он желает объединить все народности на почве общего труда, а «курии – символ обособленности и разъединения»... Жаль, что А. Э. Мейштович не указал в доказательство своего мнения на то, как прекрасно объединялись Литва, Русь и Польша...

Серьезно возражать против такой аргументации не представляется даже интересным. Не стоит останавливаться и на поправках Совета, якобы имеющих обеспечить права русских. Конечно, граф Витте не хуже нас понимает, что «православный крестьянин» Западного края, со всех сторон оплетенный экономической и всякой прочей зависимостью от поляков и евреев, нуждается не в «доверии» к его способностям, а в ограждении его законом, который теперь тщетно пы-

талось создать правительство. Конечно, граф Витте не хуже кого другого также понимает, что поляки в земстве будут делать такую же «политику», какую делают везде: в частной жизни, в Думе, в Совете, в школе, в церкви и повсюду, где они существуют. Польские члены Совета также прекрасно понимают, что «единение», о котором говорит г-н Мейштович, состоит в подчинении русских полякам. Да и среди остальных 90 членов Государственного Совета едва ли найдется хоть один человек, который бы всего этого не знал и не понимал. Дело на Западе совершенно ясно. Или национальные курии, или совсем не вводить земства. А потому истинные причины разгрома правительственного законопроекта, конечно, сводятся к чему-то иному.

Коалиция, которая способна была объединить столь различные фракции Государственного Совета, слить воедино против правительства левую часть его, центр и часть правых, конечно, имела своей связью не единство принципов, а единство антипатий к автору законопроекта.

Отвержение национальных курий, защита которых становилась безусловной нравственной обязанностью П. А. Столыпина после того, как, благодаря ему, Западный край оказался обречен на какое-то неопределенно долгое время иметь польское представительство в Государственном Совете, – это отвержение само собой обязывало П. А. Столыпина подать в отставку, даже не по каким-либо «конституционным» соображениям, а по чисто личным. Всякий понимал, что отвержение курий равносильно подаче его в отставку. И вот борьба партий приводит к тому, что русское население Западного края остается под сугубой властью польского.

Мы вполне понимаем, что люди различных политических направлений борются между собой. Понимаем, что противники могут стараться низвергнуть друг друга. Равным образом мы никогда не становились присяжными защитниками кого бы то ни было из наших государственных людей. Мы говорили против каждого, когда находили, что правда не на его стороне, и говорили за каждого, стоявшего за ис-

тинные, по нашему мнению, интересы России. Но это принципиальное беспристрастие ставит нам теперь в обязанность сказать, что борьба против председателя Совета Министров зашла за пределы дозволенного, когда приносит интересы Русского народа в жертву соблазну нанести удар П. А. Столыпину. Еще более тяжелую ответственность перед Россией берут на себя те, которые в своей борьбе против П. А. Столыпина готовы рисковать даже воскресением политической карьеры графа Витте.

По слухам, Д. И. Пихно, а равно и многие представители Западного края в Государственной Думе намерены сложить свои полномочия в виде протеста против нарушения интересов западнорусского населения в пользу поляков. Будет ли так или нет, но этот слух, конечно, выражает чувства западнорусского населения. Государственный Совет, приобретший за последнее время значительную популярность, рискует утратить ее такими проявлениями деятельности, как только что совершившееся. Что касается П. А. Столыпина, то его противники создают ему честь пасть в борьбе за русские национальные интересы. Если его отставка станет совершившимся фактом, то он будет иметь утешение в сознании, что не предпочел власти своим обязательствам перед Русским народом.

Остается пожелать, чтобы правительство, если кому-либо суждено выступить на смену П. А. Столыпину, приняло все меры к тому, чтобы не показать себя менее стойким в защите русских национальных интересов. Судя по слухам, на это и можно надеяться. Но, во всяком случае, нельзя не признать, что партийная борьба, кончившаяся подачей П. А. Столыпина в отставку, оставляет новому правительству наследие весьма сложное не в отношении одной только Западной России. Обо всем этом, однако, мы еще будем иметь время говорить, если факты сложатся так, как это, по-видимому, уже совершенно неизбежно.

Новое положение.

Итак, затянувшийся министерский кризис пришел к окончанию. Председатель Совета Министров взял назад прошение об отставке, и дела приходят в обычный порядок. Но обстановка, среди которой отныне приходится действовать правительству, до чрезвычайности изменяется.

До кризиса правительство имело против себя в Государственном Совете могущественную правую оппозицию, организованную П. Н. Дурново, которая по существу расходилась с политикой правительства статс-секретаря Столыпина. При этом, однако, нельзя не признать, что правая группа Государственного Совета обнаруживала обычно весьма серьезное изучение рассматриваемых ею предметов и приносила к их обсуждению нередко в высшей степени ценную критику. Эта же группа создавала в Государственном Совете ту независимость суждения, которая составляет первое условие полезности каких бы то ни было законодательных учреждений. Все это в общей сложности создало Государственному Совету за лидерством П. Н. Дурново в правой группе авторитетное положение и фактически ввело его в число серьезных государственных сил, каковой он должен быть по закону.

Правую группу обвиняли, однако, в том, что она, не ограничиваясь почетной ролью критики законопроектов с точки зрения основ русского государства, преследовала цель доводить до крушения все законопроекты правительства в видах того, чтобы обесплодить его деятельность и фактически доказать неспособность правительства П. А. Столыпина что-либо создать. Целью этой тактики обвинители указывали низвержение председателя Совета Министров.

Оставляя в стороне разбор этого обвинения вообще, нельзя не сказать, что в деле создания западного русского земства роль правой группы Государственного Совета в выс-

шей степени странна. Группой отрицается желание низвергнуть правительство, и, конечно, нет сомнения, что, голосуя против национальных курий, многие правые члены руководствовались не желанием низвергнуть П. А. Столыпина, а следовали своим убеждениям в ненужности земства. Но как бы то ни было, коалиция против законопроекта образовалась самая «противоестественная».

Отвержение национальных курий в западном земстве было делом не одной правой группы, и даже можно сказать, что огромное большинство правой группы (48 человек) не наложило на себя этого укора. Точно так же и против председателя Совета Министров были не одни правые: достаточно назвать графа Витте. Против защиты русских Западного края куриями было множество других лиц, как, например, поляки, а равно и левые, придерживающиеся «общегражданской идеи» в государстве. Но подсчет голосов был таков, что от правых зависел исход.

И вот в решительную минуту лидер правой группы П. Н. Дурново соединился с коалицией левых и части центра – даже без полномочий целостного состава своей группы, имея за собой лишь 20 человек. Этого достаточно было для того, чтобы «провалить» законопроект, несмотря даже на то, что остальные правые – 48 человек – голосовали за курии. Мы уже объясняли, что при отвержении законопроекта П. А. Столыпин непременно должен был уйти (*Московские Ведомости*, № 55). Понятно, как трудно уничтожить мысль, что перед этим соблазном свалить председателя Совета Министров и не устоял лидер правых. Как утверждают, особую роль в склонении доли правых к этому антинациональному голосованию разыграл В. Ф. Трепов... Не касаемся этого щекотливого пункта, связанного с не менее щекотливыми вопросами о якобы сообщениях председателя Государственного Совета и т. п.

Граф Витте, обвиняемый и по этому случаю в интриге, а равно и В. Ф. Трепов, были взяты под защиту *Биржевыми Ведомостями*. В этом органе на основании каких-то «компетент-

ных источников» утверждали, что ни граф Витте, ни В. Ф. Трепов никаких интриг не вели... Как мы объясняли вчера, не имеем достаточных сведений для утверждения чего-либо «за» или «против».

Но была ли интрига или не была, граф Витте в компании с поляками сделал все возможное, чтобы коалиция «провалила» национальные курии. К этому антинациональному делу привел часть своей группы и П. Н. Дурново... «Курии» были закланы, и затем наступил «кризис». П. А. Столыпин, понятно, подал в отставку. Иначе он нравственно *не мог* поступить. И вот некоторое время все его противники, даже и совершенно непричастные к делу, торжествовали. Столыпин наконец свален. Дело казалось бесповоротным.

Обстоятельства, однако, показали, что к национальному чувству теперь нужно касаться осторожно. За председателя Совета Министров возвысилось множество голосов. В самой группе Государственного Совета раздалась протесты против «лидера» и заявления о том, что после этого он не имеет права называться руководителем группы. В центре также произошел раскол. В общей сложности удар, который Государственный Совет нанес председателю Совета Министров, отдачей орудия раздробил на куски самый Государственный Совет. В общественном мнении Государственному Совету точно так же нанесен был немалый удар.

Дума же очень умело воспользовалась ошибкой Государственного Совета, выдвинув снова отвергнутый проект и вынуждая, таким образом, к новой его баллотировке.

Мы не можем касаться той части «кризиса», которая протекала вне публичных сфер. Но в конце концов, после многочисленных перипетий он закончился тем, что законопроект, по-видимому, будет снова и очень быстро проводиться. На это указывает немедленно произведенный кратковременный роспуск законодательных учреждений. Наиболее удостоверенные противники председателя Совета, П. Н. Дурново и В. Ф. Трепов, получают отпуск с тем, как говорят слухи, чтобы уже не попасть снова в Государственный Совет... Мы

желали бы думать, что это слух неверный. Граф Витте, по обычаю, вышел сухим из воды.

Председатель Совета Министров, таким образом, возвращается к власти в совершенно новой обстановке. Его противники буквально разгромлены, и власть его поставлена на высоту беспримерную. Правая группа Государственного Совета, твердо организованная П.Н. Дурново, превращена в простой материал для какой-либо новой организации, если кто-нибудь сумеет это сделать.

В общественном мнении Государственный Совет несомненно унижен. В Государственной же Думе пережитое время борьбы рождает неизбежно еще более сильные связи с председателем Совета Министров. В общей сложности соотношение сил законодательных учреждений в течение нескольких дней изменилось до неузнаваемости.

Из всего происшедшего следует, несомненно, прежде всего тот вывод, что национальным чувством и национальной солидарностью в современной России шутить нельзя.

Менее утешительно то последствие «кризиса», что теперь, столь незадолго до выборов в новую Государственную Думу, элементы монархические оказываются приведенными к расстройству, дезорганизации и, стало быть, к какому-то чрезвычайному ослаблению способности действия. Что касается правительства, то нельзя скрывать от себя того, что, возвращаясь к власти в неслыханной силе, оно тем самым возлагает на себя новую ответственность. Теперь на него ложатся задачи возместить чем-либо влияние подорванных правых партий. Ясно, до какой степени это трудно. Между тем насколько всероссийский голос встал на защиту правительства в деле национального интереса, настолько же он может раздаться укоризной, если начнется дальнейшее ослабление элементов монархических и православных, для которых разбитая правая группа Государственного Совета делала очень многое. Таким образом, самое поражение противников правительства и неслыханно блестящая победа его самого создает для него на трудном поприще устройства России еще новые ответственные заботы.

Будем надеяться, что страна выйдет благополучно из этого сложного положения и что победа национального принципа на почве борьбы за национальные курии послужит провозвестницей не ослабления, а победы и других устоев русской государственности.

Новые осложнения.

Наше политическое положение продолжает колебаться в каких-то пароксизмах. Не дальше, как день назад, казалось, что если правительство пришло в обостренные отношения с Государственным Советом, то получает зато усиленные связи с Думой. На это давали основания решимость правительства провести отвергнутый Государственным Советом законопроект и готовность Думы помочь этому, выдвинув «законопроект» в форме своего «законодательного предположения». Сомнительным облачком являлся лишь роспуск Государственного Совета и Думы, но он мог быть истолкован как средство для быстреего движения думского «законодательного предположения». Еще вчера все на это надеялись.

Сегодня все совершенно изменилось. Оказалось, что законопроект о западном земстве вводится непременно по статье 87. Это сразу возбудило ропот думских фракций, и вместо тесного сближения с Думой для правительства явились со всех сторон призраки столкновений. Октябристы и конституционалисты-демократы уже не только заготовили, но и выдвинули свои протесты.

Голос Москвы (№ 59) приводит протестующее постановление октябристов, которое читатели найдут ниже.

Со своей стороны кадеты готовят запрос правительству. Настроение правых хотя и двойственно, но легко понять, что они не могут быть благодарны за разгром единомысленной им группы в Государственном Совете. Они также не признают

правильности применения статьи 87 и ищут только такой формы протеста, при которой он падал бы *на одного* председателя Совета, не задевая никого другого.

Таким образом, одновременно с борьбой против Государственного Совета вырастает борьба и против всех фракций Государственной Думы, кроме националистов. Положение омрачается, и на другой день после победы всюду вырастают новые враждебные армии.

Трудно сомневаться, что ничего бы этого не было, если бы вместо проведения законопроекта по 87 статье правительство дало ход «законодательному предположению» Думы. С другой стороны, усложнению положения очень сильно способствует то обстоятельство, что П. Н. Дурново и В. Ф. Трепову понадобилось уходить чуть не в годовой отпуск. Это истолковывается в смысле проскрипции, порождает толки о новых отпусках и возбуждает неудовольствия и опасения не только в Государственном Совете, но и в Думе. Высший чиновный мир, как слышно, тоже охватывается тревогой. Оба уходящие в отпуск сановника пользовались в Государственном Совете лишь своими законными правами суждения и не совершили ничего, законом не дозволенного. Оба они – люди в высшей степени заслуженные, а статс-секретарь Дурново принадлежит даже к старейшим и крупнейшим сановникам государства. Он имеет крупнейшие заслуги по усмирению революции, считался кандидатом на должность председателя Совета Министров. Его удаление в отпуск поразило всех и вызвало весьма демонстративные знаки почтения со стороны целого ряда виднейших государственных чинов.

Но усложнения не исчерпываются сказанным.

В момент борьбы за западнорусское земство правительство стояло на незыблемой почве национально-русского интереса, коего защитником явилось. Отсюда всеобщее ему сочувствие и нравственная поддержка. Что касается правой группы и самого П. Н. Дурново, они вызывали упреки именно за то, что в дело, где должны были охранять прежде всего национальный интерес, принесли, как казалось, цели

внутренней борьбы, стремление низвергнуть политического противника. Но проходит день и получается положение совершенно иное.

На представлении депутатов от октябристов председатель Совета Министров разъяснил, что в отношении правой группы Государственного Совета он имеет задачи «*борьбы с реакцией*». Таким образом, неожиданно оказывается, что если правая группа стояла (как ее обвиняют) на почве общей политики и, обсуждая национальное дело, думала о низвержении председателя Совета Министров, то она стояла на той же почве, на какой объявило себя и правительство. Сходство положений усугубилось тем, что если правая группа (как предполагается) хотела удалить председателя Совета Министров, то и правительство удалило из Совета двух членов, ему мешавших в общей политической борьбе. Вся разница лишь в том, что одна сторона борется против «реакции», а другая – против «конституции». Но такой оборот дела сам собой приводит к устранению нареканий на правую группу. Она оказывается стоящей на той же почве, как и правительство. За что же ее обвинять? Этот вопрос становится еще строже, когда спрашивают себя, из-за чего же шла борьба? В чем *реакция* и в чем *конституция*?

Ответ сводится, несомненно, к тому, что обе стороны лишь различно понимают основания государственного строя России. Недозволительного и незаконного нет ни на одной стороне. Люди, находящиеся на государственном деле, могли бы быть виновны, если бы старались сделать то, что противно закону. Но в отношении точного смысла нашего обновленного строя нет таких указаний закона, которые были бы неоспоримы. Напротив, в общих законоположениях имеются неясности, позволяющие противоположные суждения о том, что составляет истинный разум закона. Очевидно, что впредь, до выяснения этого столь же законно преследовать цели, которые кажутся одним «реакционным», как и цели, которые другим кажутся «конституционными». Если же так, то нельзя отрицать права членов оппозиционной группы Госу-

дарственного Совета считать законными основами строя то, что правительство находит реакционным.

И вот дело, в котором первоначально правительство получило всеобщее сочувствие, спутывается, и сочувствие правительству может быть оказываемо, очевидно, лишь теми, которые разделяют его понятие о том, что теперь «реакционно». Национальное сочувствие заменяется сочувствием партийным. Это глубоко меняет все положение. А в довершение усложнений именно те, которые могли бы разделять антипатию правительства к тому, что теперь именуют «реакцией», сами заявляют протест против правительства, готовят запросы о незакономерности его действий и грозят отказом поддержки в голосовании даже своего собственного законопроекта...

Прошло всего два дня, а положение вещей получает совершенно иной вид, как в солнечный день, когда небо вдруг омрачается моментально набежавшими грозowymi и градовыми тучами.

Своеобразная защита правительства.

Наш правительственный кризис затягивается, очевидно, слишком надолго, так как разгоревшаяся полемика борющихся партий начинает приводить к полному помрачению идей и доводит уже до прикосновения к таким именам, которых отнюдь не позволительно привязывать к мелкой борьбе политических котерий¹. Выдающимся образчиком этого явилась последняя статья *Нового Времени* (№ 12577) «Кого и что защищают». Эта редакционная статья (без подписи) предназначена «защитить» председателя Совета Министров, раскрывая перед нами будто бы его руководящие идеи и побуждения. Но избави Бог каждого человека от такой защиты, способной только компрометировать власть при малейшем предположении читателей о солидарности ее с автором статьи *Нового Времени*.

Статья эта очень смело и авторитетно объясняет, почему именно закон о западном земстве нужно было провести вне обычного законодательного пути.

«Правительству, – заявляет *Новое Время*, – необходимо было открыто разбить и уничтожить тот тормоз, который парализовал всякие начинания на поприще постепенного развития обновленного строя и национальной политики. Ему (то есть правительству) *нужно* было показать населению, что Верховная власть стоит за обновленный строй. Этого путем проведения закона по инициативе Государственной Думы сделать было нельзя... *Нужен был удар* со стороны правительства, поддержанного Верховной властью, и мы видим, что только такой удар действительно низверг (?) партию, тормозящую национально-либеральные (?) начинания правительства».

Защита, можно сказать, хуже обвинительного акта. *Новое Время*, стало быть, объявляет на всю Россию, будто бы правительство *преднамеренно* не захотело пойти нормальным законным путем не потому, чтобы этот путь был закрыт для него, а потому, что ему «необходимо» было нанести удар противникам. Оно будто бы испросило действие в порядке 87 статьи не потому, что это нужно было в непосредственных целях данного законопроекта, а для того, чтобы показать Верховную власть на своей стороне. Но ведь это серьезнейшее обвинение. Для нанесения ли «ударов» существуют законы? И как же возможно допускать самую мысль о каком-то распоряжении Верховной властью в нуждах своего направления, хорошо оно или худо?

Ведь Верховная власть по существу своему стоит вне всяких направлений и партий, стоит выше их. Воля Верховной власти, никогда не связуемая принадлежностью к какому-нибудь направлению, выражается в законах, манифестах, указах... наконец, в самом назначении министров, а никак не в каких-то «ударах», которыми одной власти хотя бы даже и «необходимо» бывает «низвергнуть» другую... И выражая все эти недопустимые воззрения на отношения к Верховной власти, газета говорит не за себя: она будто бы

изъясняет руководящие мотивы действий правительства! Нет сомнения, что статс-секретарь П. А. Столыпин не может иметь ничего общего с идеями, ему приписываемыми «*Новым Временем*», но уже самое их опубликование деморализует общество в политическом отношении, ибо если бы возможно было допускать такое отношение у правительственных властей к Верховной власти, то наш строй пришлось бы считать не «обновленным», а деградированным в состояние бывшего турецкого визирата. Разъяснения «*Нового Времени*» в этом смысле столь вредны, что положительно заслуживали бы опровержения правительства с заявлением отсутствия всякой солидарности со старотурецкими правительственными принципами *Нового Времени*.

Понятно, что в сравнении с искажениями понятий о Верховной власти все прочее уже не особенно важно. Но, взятые сами по себе, не могут не поражать также презрительные и незаконные воззрения на назначенных членов Государственного Совета, излагаемые *Новым Временем*. По государственным понятиям газеты, эти сановники существуют только как некоторая законодательная «клака» исполнительной власти.

«Монарх, – вещает самозванный изъяснитель якобы идей П. А. Столыпина, – предоставил себе право назначать половину членов Государственного Совета в качестве Его представителей-защитников вносимых Его именем правительством законов. И, понятно (?), всякое противоречие со стороны назначаемых Монархом членов вносимым правительством именем Монарха (?) законам должно почитаться революционным (!) актом с их стороны». Это совершенно неслыханная правительственная теория, с которой менее всего может иметь что-либо общее правительство, объявляющее своим лозунгом «борьбу с реакцией».

Такова «теория»... Она не особенно «конституционная», но не лишена «национального» элемента. Кажется, у Глеба Успенского есть где-то карикатурное изображение волостного суда как раз в этом роде. «Ребята, копты печати, – говорит старшина безграмотному собранию. – Земский приказал постано-

вить» – и судьи, не умея подписать имени, «коптят печати» и без дальнейших рассуждений прикладывают их к «законопроекту». Так представляется *Новому Времени* и обновленный строй. Понятно, что ничего подобного не может думать правительство. Во-первых, закон вовсе не назначает членам Совета такой жалкой роли. Во-вторых, законопроект представляется вовсе не «именем Монарха». В-третьих, ни один умный человек, честно служащий Монарху и Отечеству, и не пойдет на должность «копителя печати». А в конце концов, такое бесполезное учреждение, какое рисует себе *Новое Время*, было бы проще совершенно упразднить.

Вообще идеи самые невозможные, такие, что уши вянут. И они приписываются правительству. Возможно ли допускать такую смуту умов?

Нет, пора бы кончать наши «кризисы». Они решительно взбалтывают на Руси все хляби политического невежества. Хотя, конечно, *Новому Времени* при его богатстве средствами и сотрудниками нельзя все-таки не сделать упрека в том, что оно допускает столь нелепые якобы разъяснения нашего строя, компрометируя своей защитой правительство и доходя до нетерпимого припутывания Верховной власти к партийным схваткам.

Исход первого запроса.

Итак, Государственный Совет по выслушивании 1 апреля разъяснений председателя Совета Министров на предъявленный ему запрос и после весьма обстоятельных по сему предмету суждений как в пользу действий председателя Совета Министров, так и против него, 99 голосами против 53 постановил: «Находя, что *содержащиеся в запросе положения не поколеблены объяснениями г-на председателя Совета Министров*, Государственный Совет переходит к очередным делам».

Такой переход к очередным делам составляет крупное событие, во всяком случае, вносящее в общий ход действия государственного механизма чрезвычайные осложнения. О силе их можно судить по тому, что при голосовании Государственного Совета не хватило всего трех голосов для получения $\frac{2}{3}$, требующихся для признания незакономерности действий правительства. А о признании незакономерности всеподданнейше докладывается Государю Императору, после чего являлись бы все последствия той резолюции, которую Государю Императору было бы благоугодно положить. Между тем по общему впечатлению и слухам, трех голосов не хватало до $\frac{2}{3}$, не потому, чтобы их не было в Государственном Совете, а потому, что некоторая доля лиц, действия правительства не одобрявших, преднамеренно воздержалась от голосования именно для того, чтобы не доводить остроты положения до последней крайности. Но даже и по избежании этого взаимные отношения правительства и Государственного Совета дошли после голосования 1 апреля до чрезвычайного обострения.

В довершение через три недели, 27 апреля, предстоит такое же испытание взаимоотношений между правительством и Государственной Думой, и весьма вероятно, что решительное неодобрение Государственным Советом действий правительства не может не повлиять до известной степени и на Государственную Думу – как в виде солидарности фракций, заседающих в Совете и Думе, так и в виде солидарности обоих законодательных учреждений, в данном случае задетой правительством. Государственная Дума, даже в случае благоприятного голосования Государственного Совета, едва ли признала бы правильность действий правительства в разрешении министерского кризиса. Теперь же выступление Государственного Совета еще более способно поднять дух оппозиции и в Думе.

Правда, в этом отношении многие смотрят довольно оптимистично, полагая, что правительство имеет несравненно более твердые корни в Думе, нежели в Совете, и что, несмотря на юридическое равенство прав обоих учреждений, Государственная Дума фактически далеко не столь самостоятельна,

как Государственный Совет. Это обстоятельство до известной степени не может быть не учитываемо в размышлении о 27 апреля. Но нельзя забывать, что для членов Государственной Думы далеко не выгодны распространенные предположения о недостаточной их независимости, а потому очень возможно, что после голосования Государственного Совета Дума испытает потребность обнаружить перед страной, что она все не уступает Совету в самостоятельности суждения о правительстве. Таким образом, в общей сложности предстоящий исход думского запроса 27 апреля не может не возбуждать серьезных опасений.

Нетрудно представить, что положение правительства станет очень тяжелым, если оба законодательные учреждения признают неприемлемыми те способы действия, которые правительство отстаивает как необходимые для него. Неудобное вообще при совместной работе, такое расхождение может стать особенно опасным ввиду предстоящих выборов в четвертую Государственную Думу. Выборы эти для благоприятного исхода требуют дружественных и солидарных действий правительства и партийных деятелей союзных правительству фракций. Обострение же этих отношений и возникновение взаимного недоверия могут послужить на пользу только левой оппозиции. С этой точки зрения нельзя не пожалеть о том, что правительство не постаралось избежать конфликта, которого, как мы уже раньше выяснили, очень легко могло бы не возникнуть.

После всего, что нам приходилось высказывать во время различных перипетий нашего «кризиса», мы не имеем надобности повторять, что наиболее практическим способом действия со стороны правительства было бы, конечно, следование чисто *законным* путем, без изыскивания путей, законность коих еще требуется доказывать, и притом, как видим на примере Государственного Совета, безуспешно. Если же, оставляя проторенные пути, на которые указывала Государственная Дума, правительству непременно желательно было бы в данном случае пойти быстрым и самостоятельным путем, то,

конечно, было бы практичнее стать прямо на почву статей 4 и 10, совершенно не пытаясь создать нечто среднее, спорное и трудно приемлемое законодательными учреждениями. В этом смысле указывал в Государственном Совете А. А. Нарышкин, так указывали и некоторые члены Государственной Думы. Но правительство избрало такой способ действий, который при его успехе послужит не для выяснения темного в современном нашем строе вопроса о действии в порядке Верховного управления, а только для чрезвычайного усиления власти Совета Министров, имеющего в случае усвоения нашим правом выдвинутых правительством толкований закона вырасти в учреждение, почти подавляющее значение законодательных учреждений. Естественно, что на пути такого чрезвычайного расширения прав Совета Министров неизбежны трения высших государственных учреждений, что уже показал нам исход голосования 1 апреля и что может повториться 27 апреля в Государственной Думе.

Должно заметить, однако, что, отвлекаясь от чисто практических интересов момента и текущего времени, нельзя не признать выдающегося теоретического значения прений 4 апреля по вопросу о правах правительства по законам 1906 года. Ряд таких крупных юридических сил, как генерал-прокурор Сената И. Г. Щегловитов, Таганцев, Гримм, Дейтрих, Ковалевский¹ и т. д., сошлись в прениях Государственного Совета на выяснении сомнительных пунктов законов 1906 года, разбирая их с противоположных точек зрения и приходя к противоположным выводам. Мы неоднократно уже говорили о том, что законы 1906 года создали множество темных, никому не ясных и различно понимаемых вопросов права. Суждения и споры Государственного Совета на одном только вопросе о 87 статье и о праве запросов обнаружили, до какой степени многочисленны эти неясности. На этой стороне дебатов 1 апреля мы надеемся остановиться более подробно, каков бы ни оказался окончательный исход нынешнего кризиса.

Правовые недоразумения.

Запрос Государственного Совета 24 марта протекал при особенно повышенной температуре споров, обусловленной по преимуществу обстоятельствами, стоявшими за кулисами законодательства. Но прения эти имеют и сами по себе очень важное содержание, которое ни на волос не потеряло бы своего значения, если бы вокруг них не было никаких обостряющих обстоятельств. Дело в том, что эти разногласия между правительством и Государственным Советом обнаружили перед русским юридическим сознанием с неведомой дотоле ясностью крайнюю неопределенность государственного строя, установившегося у нас с 1906 года.

Для нас это не новость. Мы указывали этот факт с самого начала действия новых учреждений. Мы говорили, что наш новый строй оставляет в неясности главнейшую основу государственности, то есть точный характер *Верховной власти*, а этот недостаток неизбежно должен отражаться неопределенностью во взаимоотношениях высших государственных учреждений, в результате чего столь же неизбежно должна являться борьба между ними за власть. Главная же цель какого бы то ни было государственного строя состоит именно в том, чтобы предупредить возможность борьбы за власть посредством ясного определения компетенции всех учреждений и их общей подчиненности Верховной власти. Когда конституция страны этого не достигает, это значит, что она не достигает самой основной цели государственности.

Мы много раз указывали, что наш строй 1906 года грешит именно этим недостатком, вследствие чего борьба за власть составила характеристическую черту в истории этих новых учреждений. Все три Думы полны стремлений к захватному расширению своих прав. А теперь самый, в сущности, простой вопрос о западнорусском земстве неожиданно создал ожесто-

ченный спор о взаимных правах между Советом Министров и Государственным Советом.

Этот случай замечателен в особенности потому, что борьба учреждений проявилась на этот раз в наиболее консервативных из них. Государственный Совет и Совет Министров суть учреждения, наиболее проникнутые стремлением к законности, наиболее далекие от «захватных» стремлений, и вот, когда мы видим, что даже такие столпы законности и порядка приходят в непримиримое столкновение при определении взаимных прав, то, полагаем, и для наименее внимательного ума должно стать ясным, что мы были правы в нашей критике учреждений 1906 года.

В происшедшем на сей раз споре могли быть, между прочим, и личные соперничества, на которые жадно набрасывается публика, всегда склонная объяснять все столкновения какими-либо личными причинами.

Но было бы не только несправедливо, а даже нелепо становиться на эту точку зрения в истории запроса 24 марта. Перед всеми нами находится налицо аргументация лучших юристов Государственного Совета и Совета Министров, которые защищали каждый свою точку зрения в высшей степени солидной аргументацией. Мы воспроизвели эти споры П. А. Столыпина, И. Г. Щегловитова, Н. С. Таганцева, В. Ф. Дейтриха, Д. Д. Гримма, М. М. Ковалевского (*Московские Ведомости*, №№ 77, 78, 79). Всякий желающий может убедиться, что все они, кроме ораторских украшений или фехтовки, делают самый обстоятельный анализ закона, входят в самые серьезные его истолкования, и в результате что же? В этом великолепном турнире опытнейших юристов не оказывается победителя, и в результате приходится признать, что наивысшие наши государственные установления не могут сами утвердительно определить характер строя, в котором живут и действуют с 1906 года.

Государственный Совет, как видно из его запроса, считает незыблемым правило, что никакой закон, согласно статье 86 Основных законов, не может быть представлен Государю Им-

ператору без предварительного одобрения законодательных учреждений, и, казалось бы, это совершенно ясно. Между тем Совет Министров представил Государю в порядке 87 статьи закон, только два дня назад отвергнутый Государственным Советом, и это действие не признает незаконным. Председатель Совета Министров объясняет, что дело совершено во время отсутствия законодательных учреждений, которые были распущены на три дня именно для того, чтобы явилась возможность действия по статье 87. Государственный Совет считает и это действие незаконным, так как для применения 87 статьи требуются какие-либо чрезвычайные обстоятельства, которых вовсе не было в течение двух дней, прошедших между отвержением законопроекта и применением 87 статьи. Однако Совет Министров и некоторые члены Государственного Совета доказывают, что во всем этом нет ничего «незаконного». Хороши или плохи действия правительства, но право роспуска Думы и Совета во всякое время и без объяснения причин бесспорно, а потому пользование этим правом не составляет чего-либо «незаконного». Что касается чрезвычайности обстоятельств, вызывающих применение статьи 87, то о ней никто не вправе судить, кроме правительства, и ошибается оно или нет, но законодательные учреждения не имеют права входить в обсуждение этого. Рекомендуем читателям просмотреть в упомянутых №№ 77, 78 и 79 *Московских Ведомостей* речи министра юстиции или В. Ф. Дейтриха, и они убедятся, что все это совершенно *бесспорно доказано* сторонниками правительственной меры. Как бы ее ни судить с какой-нибудь иной точки зрения, но ничего *незаконного* она не содержит, а потому не дает места запросу, и тем более становится интересным вопрос о точных *размерах прав* законодательных учреждений.

Этот вопрос выступает тем ярче, что со стороны Совета Министров была высказана совершенно не предусматриваемая доселе точка зрения на право запросов вообще. «Я твердо убежден, – заявил председатель Совета Министров, – что законодательные учреждения *не вправе предъявлять запросов*

Совету Министров как учреждению, не подчиненному Правительствующему Сенату». Эта точка зрения была особенно развита В. Ф. Дейтрихом и составила предмет больших споров. Особенно сильно ее оспаривал Д. Д. Grimm, указывающий, что при таком толковании право запросов суживается почти до полного упразднения. А между тем по тексту закона П. А. Столыпин и В. Ф. Дейтрих могут очень отстаивать свой тезис. Текст статьи 108 гласит: «Государственному Совету и Государственной Думе в порядке, их учреждениями определенном, предоставляется обращаться к министрам и главноуправляющим отдельными частями, *подчиненным по закону Правительствующему Сенату*, с запросами по поводу таких последовавших с их стороны или подведомственных им лиц и учреждений действий, кои представляются незаконными».

Весь вопрос в том, к кому относится и что означает выражение «подчиненных Сенату»? Совет Министров понимает так, что запросы можно обращать только учреждениям, подчиненным Сенату. Д. Д. Grimm, наоборот, думает, что это выражение относится только к некоторой доле «главноуправляющих», – именно тем, которые подчинены непосредственно Сенату, в противоположность другим, которые подчинены министрам и за которых поэтому отвечают сами министры.

Кто прав в истолковании закона? Нельзя не признать известной солидности министерского толкования, тем более, что В. Ф. Дейтрих указал по крайней мере один случай, когда предъявление запроса Совету Министров явно немыслимо, ибо по закону в Совете (статья 5 учреждения Совета Министров) может председательствовать и сам Государь Император... Но со своей стороны Д. Д. Grimm указывает, что если принять советское толкование закона, то право запроса превращается почти в ничто, ибо стоит какому-либо министру испросить для вводимой им меры санкцию Совета, и принимаемая им мера тем самым становится недоступной запросу. Это возражение при всей своей силе не в состоянии, однако, подорвать толкования В. Ф. Дейтриха, ибо из текстов закона вовсе не видно,

чтобы узаконения 1906 года имели в виду давать законодательным учреждениям столь широкие права запроса, как это доселе было принято думать.

В общем, положение получается очень недоуменное. По смелой и сжатой формулировке самого председателя Совета Министров, инкриминируемое действие состояло в том, что председатель Совета Министров «поднес на Высочайшее утверждение во время перерыва занятий законодательных учреждений, – перерыва, к тому же созданного самим правительством, – обширный закон, только что перед тем отклоненный Государственным Советом». И вот это деяние, по толкованию правительства, вполне законно, а следовательно, может быть повторено в каждую минуту, когда правительство по своим соображениям признает это нужным.

Д. Д. Гримм возражает: «Если никаких ограничений дискреционного усмотрения в применении 87 статьи нет, то что же выйдет, когда закон, введенный правительством посредством роспуска Думы и Совета и применения 87 статьи, будет через два месяца снова отклонен Думой и Советом? Тогда, очевидно, можно сделать снова перерыв заседаний на три дня или на три часа и снова ввести закон по 87 статье, и так хоть до бесконечности. Но при этом где же гарантия, что значение законодательных учреждений не будет сведено к нулю?»

Вопрос, конечно, очень серьезный. Но не менее серьезно можно спросить: где же точные законные указания на то, чтобы новый строй 1906 года хотел дать законодательным учреждениям значение большее, чем заблагорассудит им давать правительство? Таких указаний в бесспорном смысле узаконений 1906 года не могли найти критики правительственной меры.

Естественно, что в возражениях членов Государственного Совета проскальзывает после всего этого вопрос: если взаимные права учреждений таковы, то что же это за строй у нас имеется? В предположениях левых фракций Государственной Думы он считался недоделанным парламентаризмом, который требуется довести до чистого парламентариз-

ма. По категорическим заявлениям членов правительства он и не составляет парламентаризма, и не должен быть в него превращаем.

По всестороннему анализу статей закона, произведенному во время этого столкновения, оказывается, что действительно у нас нет и тени парламентаризма. Но как же определить действующий строй? Ответ на это мы уже не находим в прениях, и нам придется постараться как-нибудь разобраться в этом вопросе собственными усилиями.

Исход думского запроса.

Как предвиделось уже по предварительным подсчетам голосов, исход запроса Думы оказался в высшей степени неблагоприятным для правительства. Большинством 202 голосов против 82 Государственная Дума признала, что председатель Совета Министров, представляя на Высочайшее одобрение журнал Совета Министров о введении земства в западных губерниях, нарушил статью 87 Основных законов, объяснения же по сему предмету признаны неудовлетворительными. Так как решение Думы собрало свыше двух третей голосов, то оно должно быть по закону повергнуто председателем Государственного Совета на Высочайшее воззрение. Теперь лишь остается ждать, будет ли что-либо по сему предмету выражено Высочайшей властью.

Но каков бы ни был исход и последствия вынесенного Государственной Думой обвинения правительства в нарушении Основных законов, в прениях является новое свидетельство неясности Основных законов 1906 года. В первый раз это было засвидетельствовано в прениях Государственного Совета. Как мы уже говорили (*Московские Ведомости*, № 77), прения эти показали, что при формальном толковании буквы закона действия председателя Совета Министров вполне законны. Но и

в Совете, и теперь особенно ярко в Думе указывают, что законность действия состоит в следовании не одной букве, а самому *духу закона*, его точному *смыслу*, или, – что в сущности одно и то же, – намерениям законодателя. Об этом, конечно, не спорит и правительство, но беда в том, что при определении духа закона и намерения законодателя начинаются полнейшие разногласия. Одни исходят из того, что Самодержавная власть Монарха теперь уже ограничена, другие горячо против этого протестуют, и все сходятся, кажется, только в одном: что духа Основных законов нельзя понимать в том смысле, как изъясняет председатель Совета Министров.

«Формально статья 87, – говорит депутат Маклаков, – нарушена не была, но ведь кроме прямого нарушения закона есть еще нечто другое: добросовестное, лояльное применение закона». В данном же случае обвинитель правительства усматривает лишь «фикцию применения закона». Правительство объясняет, однако, что без такого способа применения закона получается безвыходное положение. Председатель Совета Министров со свойственной ему меткостью слова заявил, что нельзя же интересы населения «приносить в жертву *гармонически законченной законодательной беспомощности*». Это слово «крылатое», которое может быть применено в гораздо более широком смысле, чем, быть может, хотел сказать оратор. Всматриваясь в действия законодательных учреждений, сплошь и рядом замечаешь именно гармонически законченную систему законодательной беспомощности. Но не могут же состоять ни дух закона, ни намерения законодателя в создании такого положения?

Председатель Совета говорит, что правительство «должно было представить Верховной власти законный и благополучный выход» из получившегося заколдованного круга. И, однако, мы видим, что огромное большинство членов обоих законодательных учреждений отрицают законность найденного правительством выхода. Что касается его благополучности, то о нем трудно даже и говорить, когда видим его последствия. Правительство придумало исход, как ему кажется, законный,

а законодательные учреждения кричат, что он незаконен. Члены их спрашивают, почему вопрос о законности решает только Совет Министров? Состоят ли дух законов и намерения законодателя в том, чтобы передать неограниченное Самодержавие Совету Министров или его председателю, как спрашивает Маклаков, бросивший председателю Совета Министров, быть может, самый глубокий укор, какой только Россия слышала во время этих прений по запросам Государственного Совета и Государственной Думы.

Это место речи Маклакова положительно замечательно. Он говорит: «Что здесь сделали с *идеей монархии*? Разве Верховная власть выступила в этом конфликте в своей исторической роли: власти, совершающей переворот во имя исторического права, во имя закона? Нет, здесь прибегли к юридической казуистике»... И, конечно, власть *Верховная*, если она вынуждена выступить к действию, по существу своему действует совершенно иными способами, чем власти служебные.

В речи председателя Совета Министров безусловно правильно указание на то, что надо же иметь способы выходить из путаницы разногласий, приводящих законодательную, а вслед за тем и правительственную машину к бездействию. Но если орудием этого сделать кратковременные роспуски Совета и Думы для применения 87 статьи, то это – явно не исход, не нормальный исход, уже хотя бы потому, что он дает лишь самую краткосрочную законодательную меру, подвергая ее риску почти немедленного разгрома, если только не прибегать и дальше к таким же роспускам и к применению 87 статьи. Состоит ли дух новых учреждений в создании именно такого шаткого положения и такой неавторитетности законодательных мероприятий?

Раз в законе нет ясного выражения мысли законодателя, то о всех таких вопросах можно спорить до бесконечности. Исконды разным партиям представляются различные: одни требуют довести до конца парламентскую идею, другие призывают к Самодержавию Монарха, а закон остается таким, как есть, то есть не дающим ясного ответа, и в сфере высших учреждений

начинаются жалобы на невозможность действия и обвинения других в незакономерности... Надо же найти благополучный и законный исход, говорит председатель Совета. Но если закон неясен? Если в законе спорящими сторонами усматриваются противоречивые указания? Есть ли возможность тогда найти общепризнанный *законный* исход?

Это положение в высшей степени трудное, тем более, что для изъяснения смысла закона, поскольку он касается основных законоположений, не указано компетентных учреждений. А между тем государству надо жить и действовать при помощи именно тех законов, которые определяют права и действия высших учреждений. И вот пока учреждения враждуют и спорят по этому предмету между собой, у нас неизбежно будет являться «гармонически законченная законодательная беспомощность».

Нам кажется, что течение всего этого кризиса прежде всего указывает на необходимость пересмотра Основных законов, определяющих права, соотношения и действие высших государственных установлений. Пока этого нет, власти вечно будут обвинять друг друга в незакономерности, а тем временем путем нарастания прецедентов может нарождаться строй, о котором, вероятно, никак не мог и помышлять законодатель.

Чрезвычайный порядок законодательства и 87 статья.

Анализируя наши учреждения 1906 года, в рамках которых совершается ныне законодательная и управительная работа, мы много раз указывали на необходимость исправить их, и в числе исправлений дать *законное место* особенному, *чрезвычайному* порядку законодательства. Подробнее всего это было развито в *Московских Ведомостях* в статьях «Верховная власть и Основные законы 1906 года» (№№ 231, 233 и 239 за 1909 год).

Совершенная необходимость этого исправления указывалась также голосом несравненно более авторитетным, чем наш, а именно – голосом самой жизни, которая, например, вынудила пойти необычным путем при осуществлении задач землеустройства, а недавно еще более необычным при введении земства в западных губерниях. Но государственной природе по отсутствию дверей приходилось влетать в окно. Как известно, в обоих случаях прибегли к проведению закона по статье 87, причем в объяснениях правительства при запросах Государственного Совета и Государственной Думы порядок применения статьи 87 получил особые истолкования, не признанные ни Государственным Советом, ни Думой, но составившие некоторую полную и законченную теорию особого порядка законодательства.

Теория применения статьи 87, выдвинутая в этом случае, создает порядок законодательства вполне чрезвычайный. Согласно ей, в случаях, когда правительство не получает одобрения законодательных учреждений своему законопроекту, оно может посредством обращения к Высочайшей Воле создать искусственный перерыв сессии с тем, чтобы за этот краткий момент провести законопроект в порядке 87 статьи и затем осуществлять закон, хотя бы единогласно отвергнутый Советом и Думой, с тем лишь, чтобы через два месяца снова внести законопроект на их обсуждение, и с правом в случае нового отвержения его опять осуществить его тем же путем кратковременного роспуска и нового применения 87 статьи. Таким порядком закон, непрерывно отвергаемый законодательными учреждениями, может непрерывно действовать неопределенно долгое время, хотя бы и десятки лет.

Без сомнения, при такой теории 87 статьи у нас было бы установлено некоторое подобие законодательства непосредственным действием Верховной власти. Но считая необходимым существование законодательства непосредственным действием Верховной власти, мы никак не можем признать сколько-нибудь удачной и допустимой именно такую форму его. По нашему убеждению, эта форма несовместима ни с по-

нятием о Верховной власти, ни с понятием о задачах и правах законодательных учреждений, ни даже с понятием о высоте и непререкаемости закона.

И теоретически, и по требованиям практики допустимо и необходимо, чтобы Верховная власть имела возможность вступить со своим решением во всех тех случаях, когда обычные учреждения обнаруживают бессилие дать государственному действию необходимое по требованиям жизни применение. Верховная власть, создающая учреждения, несомненно может и должна вступить со *своим* решением, если эти учреждения оказываются в таком состоянии, что не способны исполнять самой цели, с которой были установлены. Это теоретически неоспоримо. Тем более Верховная власть может и должна вступить со *своим* решением в случаях, если установленные ею учреждения угрожают государственной безопасности или важным национальным интересам. По существу учредительная, она должна восполнять бессилие учреждений своим непосредственным вступательством. Все эти случаи и составляют область *чрезвычайного порядка действия*, область непосредственного законодательства Верховной власти, о необходимости которого мы непрерывно говорим.

Но осуществление *таких* предписаний Верховной власти по 87 статье нам представляется не соответствующим условиям правильного законодательства.

Закон помимо того, что он имеет внутренний авторитет по своему разуму, должен иметь также внешний авторитет неоспоримого предписания, о неисполнении которого гражданину не полагается и помыслить. Закон же, создаваемый на два месяца и именно по той причине, что законодательные учреждения не признали его пригодным, имеет характер временных правил, и целей постоянного закона не достигает. Полезное значение закона в значительной степени обуславливается именно тем, что он есть окончательное предписание, с которым все, даже и не одобряющие его, должны сообразовать свои планы, расчеты и действия, вследствие чего в обществе и появляется некоторый прочный порядок. Все

дела, связанные с новым законом, складываются в некоторое гармоническое целое. Но предписание, которое, может быть, через два месяца исчезнет и заменится чем-то совсем иным, может быть, противоположным, не имеет наиболее благодетельного свойства закона: направления дел граждан к прочному устройству, к прочным взаимоотношениям. Это просто временные правила, которые все соблюдают сегодня, но без всякого стремления устраивать сообразно с ними дела надолго, как бы навсегда.

Таким образом, для целей законодательства 87 статья по кратковременности своей силы весьма мало приспособлена служить. Она приспособлена для целей *текущего управления*, а не для общего законодательного устройства. А цели управления нельзя ставить выше целей законодательства. Управительная власть есть по существу *исполнительная*, то есть осуществляющая закон, а вовсе не стоящая выше закона. Посему придавать 87 статье какой-либо преувеличенный авторитет нельзя и не должно. Этим мы можем подорвать в стране уважение к закону.

Тем более нельзя допускать смешения в глазах народа понятия о непосредственном законодательном проявлении Воли Верховной власти с понятием о действии в порядке 87 статьи.

Волеизъявление Верховной власти есть величайшая святыня гражданской жизни. Слово Верховной власти непрекаемо, неоспоримо, нерушимо, и святость закона обуславливается тем, что он утвержден Верховной властью. Между тем законопроект, проводимый по новой теории 87 статьи, по существу представляет нечто оспариваемое и даже отвергнутое законодательными учреждениями. Он оспаривался до своего появления в качестве закона и будет оспариваться через два месяца по рождении. Конечно, могут быть случаи, когда оспариваемая законодательными учреждениями общая норма на самом деле необходима и справедлива. Но в этих случаях потребен *решающий* голос не правительства, а Верховной власти, необходим не временный, а *окончательный закон*, созданный чрезвычайным путем Высочайшего пове-

ления как применение непосредственного волеизъявления Верховной власти. Только при таком порядке вновь явившийся закон был бы изъят из всякого оспаривания, и перед ним могли бы преклониться общие законодательные учреждения, весь же народ, имея перед собой окончательный закон, а не временное правило, начал бы приспособлять к нему свои дела, расчеты и взаимоотношения.

В нашем новом государственном строе отсутствует возможность такого непосредственного проявления Верховной власти, которая в отношении законодательства связана Государственной Думой и Государственным Советом.

Новая теория 87 статьи нисколько не устраняет и не восполняет этого недостатка, ибо нельзя же признать приличествующими для Верховной власти только права лишь на *временные* меры, да еще путем, связанным с громкой критикой обиженных и, так сказать, обойденных законодательных учреждений. Действие по 87 статье может быть свойственно только *управительной*, но никак не *Верховной* власти, которая лишь *соизволяет* на применение такой меры. Если же так, то нельзя признать полезным столь широкое распространение права правительства обходиться без законодательных учреждений, как это заявляет новая теория 87 статьи. Это ставило бы правительство слишком высоко над законодательными учреждениями и умалило бы значение последних. На это нет оправдывающих оснований ни в идее государства, ни в соображениях утилитарных.

Отнюдь не видно, на каком основании можно было бы считать министерства и их Совет ближе к Верховной власти, чем учреждения законодательные или судебные. Все эти учреждения одинаково созданы Верховной властью, которая высится одинаково над *всеми* ними.

Мы говорим, конечно, о духе государственных учреждений вообще. Все учреждения истекают из Верховной власти, все получают свой авторитет от ее авторитета. Невозможно допускать принципа, будто бы Верховная власть есть по преимуществу управительная.

Верховная власть есть по своему существу власть учредительная, а потому связана одинаково со всеми специализированными проявлениями государственного действия. Ее учредительный характер, проявившись в организации учреждений, и после того не исчезает, а вечно проявляется одинаково во всех отраслях государственного бытия. Но эти проявления имеют характер особого, чрезвычайного действия, на которое не имеют права никакие подчиненные, созданные ею учреждения. Если власть исполнительная по существу своему имеет известное участие в законодательстве, то это совсем не то участие, какое свойственно Верховной власти. Поэтому связывать Верховную власть с исполнительной во всех случаях, требующих чрезвычайного действия, это значило бы настолько же преувеличивать авторитет исполнительной власти, насколько преуменьшать авторитет Верховной власти.

В общей сложности, если теория 87 статьи, принятая ныне правительством, и *соответствует* существующему закону, то все же не может быть признана *полезной* для государственного строительства, и ее появление лишь свидетельствует о том, до какой степени жизнь требует существования чрезвычайного порядка законодательства, — разумеется, не в руках правительства, а в руках Верховной власти.

Откуда беспокойство конституционалистов?

Станным на первый взгляд представляется целый поход либеральных изданий против меня по поводу моего «Последнего письма П. А. Столыпину». Все стараются, кто чем умеет, меня донять. *Вестник Европы* (окт.) и *Русская Мысль* (окт.) в лице самого г-на Струве выступают с тяжелой артиллерией. Первый объявляет мое «учение» опасным. Струве тоже в ужасе. Кое-кто говорит о моем «государственном перевороте». *Голос Москвы* (№ 244) пустил в ход даже донос о моей терро-

ристичности с намеками, что революционеры «чего-то ждут» с моей стороны ужасного для правительства... Я реакционер, я революционер... Шум подняли ужасный. А между тем, что, собственно, содержит столь встревожившее их мое письмо? Что там нового, о чем какие бы то ни было критиканы и доносчики не знали бы давным-давно?

Не было момента, когда я говорил бы что-нибудь иное, и не было времени, когда бы я не говорил того же самого, что содержит «последнее письмо П. А. Столыпину».

В революционный 1905 год я выпустил трехтомное сочинение «Монархическая государственность», которое обосновывает на подробном анализе природы государства такие схемы построения учреждений, которые не имеют ничего общего с возобладавшими у нас конституционными построениями. В то время, когда у нас горело междоусобие, а в правящих сферах подготавливалась конституция 1906 года, я в речах и статьях предупреждал об опасности того, что готовились совершить, и с введением узаконений 1906 года продолжал эту критику в статьях в *Московском Голосе*, *Московских Ведомостях*, *Колоколе* и *Новом Времени*. В 1907 году много шума наделали мои публичные чтения о «Недостатках нашей конституции 1906 года», которые я, между прочим, читал в Петербурге в Клубе умеренных и правых, в присутствии целого ряда лиц из Государственного Совета и Государственной Думы. Эти чтения, изданные в виде отдельной брошюры¹, между прочим, и послужили исходным пунктом моего знакомства с покойным П. А. Столыпиным. После этого появлялись и другие мои отдельные работы, а когда я стал издателем *Московских Ведомостей*, то два с половиной года не проходило и месяца без каких-либо моих статей о необходимости пересмотра конституции 1906 года. Между прочим, в №№ 231, 233 и 239 за 1909 год и в №№ 252, 253 и 254 за 1910 год эти статьи имеют характер целого трактата о том, как следует изменить узаконения 1906 года для того, чтобы в государстве получила ясное выражение Верховная власть, и народное представительство стало действительно народным. Ряд таких статей тянулся и

в 1911 году, когда особенно важную тему составляла критика действия учреждений, все больше расшатывавшихся.

Таким образом, за 1905–1911 годы я создал целую маленькую литературу, разрабатывавшую весь ряд сторон вопроса о необходимости переустройства наших учреждений. Что такое в сравнении с этим мое письмо Столыпину? Ведь это маленькая страничка из огромного сочинения. Может быть, она написана более популярно, чем серьезные юридические соображения, в которые мне нередко приходилось входить, но наберется у меня за это время немало статей столь же популярных...

Откуда же поднялся такой гвалт, откуда такое беспокойство, готовое пускать в ход даже самые позорные средства борьбы? Ничего нового не явилось с моей стороны, но есть нечто новое в самом состоянии учреждений, которые я без усталости критиковал. И вот в этом суть дела.

Действительно, когда я писал «Монархическую государственность», деятели переворота русских государственных учреждений могли легко не обращать внимания на это «теоретизирование». У нас даже так называемое образованное общество не сознало еще, что теория, выведенная из действительного изучения явлений, дает истину иногда более достоверную, чем голос отдельных конкретных фактов. Чтения и брошюра о «Недостатках конституции 1906 года» заранее предвидели то расстройство учреждений, которое должно было воследовать из их неправильной постановки. Но это было ясно для автора и для немногих, способных ценить выводы правильно сделанного теоретического анализа. Для большинства же это оставалось неубедительно, непонятно; громадное большинство – как симпатизировавших монархии, так и работавших для ее подрыва – одинаково не было способно оценить главное: совершенной неудовлетворительности учреждений самих по себе как органа государственной жизни.

Но год шел за годом, и практика все сильнее подтверждала то, что теоретически указывалось и предсказывалось автором «Монархической государственности» и «Недостатков конституции 1906 года». Учреждения с каждым годом яснее

показывали неудовлетворительность своей работы, их борьба между собой доходит до того, что уже были моменты, когда все они одновременно восставали друг против друга... И вот когда в этот момент я в сотый раз повторил то, что всячески доказывал раньше, мое слово показалось впервые страшным конституционалистам.

Почему же оно страшно? Не само по себе, а потому, что сами факты указали глубокие недостатки построений 1906 года, и эти построения сами себя привели в столь неустойчивое положение, что им стал опасен даже и самый малый толчок.

И вот пошел гвалт, столь, по-видимому, не соответствующий этой малой причине – письму П. А. Столыпину. Как будто я когда-нибудь говорил кому бы то ни было, своим и чужим, друзьям и врагам, людям власти и простому обывательству, и самому покойному П. А. Столыпину что-либо иное, как то, что выражено в «последнем письме»! Но хотя мои слова остались те же, да обстановка теперь совсем иная: прежде можно было не обращать внимания на «теории» новой Кассандры, теперь же на всю Россию кричит уже не «теория», а сами факты, которые всей стране обнаружили, насколько была предусмотрительна «теория».

Так кто же виноват? Над чем должно хлопотать порядочным гражданам? Ведь если бы даже их гвалт и мог заглушить мое слово, разве это прибавит хотя атом устойчивости учреждениям? Ведь они будут без Тихомирова разваливаться совершенно так же, как при нем, а потому партиям, думающим о благе государства, теперь подобает не позорить себя ложными доносами и не надрываться в криках против человека, виновного лишь в том, что его глаз видит дальше других, а нужно позаботиться об *исправлении учреждений*, пока они еще хоть шатаясь держатся, пока есть возможность исправлять их не в хаосе развала.

Я – монархист. Я достаточно изучал государственное право и, в частности, монархический принцип, чтобы иметь право считать монархию наивысшей государственной фор-

мой. Но сущность моей многолетней критики наших учреждений 1906 года состоит, главным образом, не в том, что они не монархичны, а в том, что они хаотичны, компромиссны, не имеют центра тяжести, полны противоречий, а посему не могут держаться. Как их исправлять – это вопрос, о котором можно спорить. Но простое затягивание времени ни к чему не приведет. Это следовало бы теперь уже понять, и вместо того, чтобы набрасываться на меня, повнимательнее изучить наблюдения и соображения, которые дали мне возможность за пять лет вперед видеть судьбу этих учреждений.

Какое государство мы выращиваем?

Все перипетии нашего кризиса возбуждают *прежде всего* мысль о пересмотре законоположений 1906 года. С первого момента своего появления созданные тогда учреждения возбуждали недоумения и критику и если кое-как действовали, то при непрерывном воздействии власти.

Думы двух созывов так бушевали, что трудно было даже говорить о существовании государственных учреждений. Из этого тупика нас вывели не учреждения 1906 года, а акт непосредственного действия Верховной власти – Манифест 3 июня. Наши парламентаристы и доселе признают его незаконным, однако только он дал возможность появления некоторого подобия стройных хоть на вид государственных учреждений.

Началась история третьей Думы. Кто был доволен ее работой? Для этого нужно было быть очень нетребовательным и сверх того не предвидеть, что даже и такой жизнедеятельности нельзя доверять... Она держалась чисто искусственно, постоянными напряженными стараниями правительства, и вот, наконец, в настоящее время мы услышали признание самого главы Кабинета в том, что работать стало совершенно невозможно.

«Припомните, господа, положение государственных дел до мартовских событий, – сказал председатель Совета Министров. – Всем известен, всем памятен установившийся, почти узаконенный наш законодательный обряд: внесение законопроектов в Думу, признание их здесь обыкновенно недостаточно радикальными, перелицовка их и перенесение в Совет. В Совете же – признание правительственных законопроектов обыкновенно слишком радикальными, отклонение их и провал закона. А в конце концов – царство так называемой вермишели и застой во всех принципиальных реформах. Заметьте, господа, что я не ставлю вопроса на почву обвинения каких-либо политических партий в излишнем радикализме и излишней реакционности. Я рисую положение как оно есть»¹.

С этой компетентной характеристикой можно только безусловно согласиться.

Картина прискорбна тем более, что председатель Совета не обвиняет даже *партий*, которых борьба приводит государство к этому бесплодию. Быть может, он склонен обвинять отдельные личности. По крайней мере от присутствия двух из них он счел нужным освободить Государственный Совет. Но силен ли, благонадежен ли государственный строй, который приходит в невозможность работать, если явятся два-три человека, враждебные главе Кабинета?

Констатируя такое безотрадное положение, председатель Совета говорит: «Правительство должно было решить, достойно ли его – корректно и машинально продолжать вертеть правительственное колесо, изготовляя проекты, которые никогда не должны увидеть света, или же правительство, которое является выразителем и исполнителем предначертаний Верховной власти, имеет право и обязано вести определенную яркую политику?»

С нравственной стороны ответ на этот вопрос не подлежит спору. Понятно, что нельзя вечно толочь воду. Можно было уйти в отставку, можно было, пожалуй, попытаться собрать другие «палаты». Но уйти в отставку – это исход личный, а не

государственный. Роспуск также едва ли бы мог дать что-либо лучшее. Весьма естественна мысль – добиться от учреждений крупной, необходимой для страны работы.

Председатель Совета Министров так и порешил. Но под влиянием своей веры в правильность основ новых учреждений он начал изыскивать способы оживотворить их путем разыскания живой силы в них самих и в результате пришел только к воскресению бюрократии.

Председателя Совета Министров обвиняют теперь и в произволе, и в неуважении к закону, и во многом прочем. Мы же думаем, что беда прежде всего в недостатках самих учреждений 1906 года. Все их построение таково, что не дает места действию именно живых сил государственности, то есть Верховной власти и народному представительству. Создание бюрократических сфер, эти учреждения, быть может, полубесознательно всюду заложили более всего семена бюрократического действия. И когда правительство решилось, наконец, покончить с периодом «вермишели», оно в этой «конституции» нашло в живом виде только силу бюрократии.

Правительство, по объяснению председателя, исполняет предначертания Верховной власти. Но в учреждениях 1906 года способы действия Верховной власти совершенно не организованы, кроме таких, которые относятся скорее к действиям высшей правительственной власти. Вникая в статьи закона, правительство всюду находило себя властью самостоятельной, а учреждения законодательные даже и в сфере прямой их компетенции оказывались не обеспеченными в правах.

Оказалось, что по закону правительству можно присвоить право пользования 87 статьей при помощи краткосрочных роспусков законодательных учреждений, можно отрицать право запросов Совету Министров. «Конституция» с претензиями на парламентаризм в действительности давала правительству возможность издавать законы и без законодательных учреждений, а их запросы допускать, в сущности, поскольку само признает это возможным, и вообще обнаружила в недрах нового строя еще небывалую силу бюрократии. Путей действия

Верховной власти не указано. Законодательные учреждения в лице Думы получили права очень сомнительные. Государственный Совет, прежде столь независимый, увидал перед собой требование быть в лице всей своей назначенной половины орудием политики правительства... Все власти оказались, по рассмотрении, укорочены и обрезаны, кроме бюрократической, которая кажется почти всемогущей.

Мы внимательно вникаем в прения учреждений и, право, не видим, чтобы такие истолкования смысла новых учреждений были натяжками. Логика «конституции», нам кажется, именно такова, как истолковывает правительство. Оппозиция всех направлений права лишь в том, что в результате получается строй, который, несомненно, без сравнения хуже прежнего грешит бюрократичностью. В прежнем строе Верховная власть *явно* стояла над правительственной и руководила действиями ее. Теперь положение имеет совсем иную тенденцию. А между тем Верховная власть составляет в государстве саму душу нации, и акты ее действия по существу не могут быть узурпаторскими. Советы же министров и их председатели не имеют ни искры такого значения. Их власть, раздуваясь до чрезмерности, должна приобретать характер произвольный. Национальное же отношение к власти Верховной и к власти правительственной совершенно различно. Основной факт русской национально-государственной психологии составляет то, что народ безусловно чтит Царя и Ему готов повиноваться беспрекословно. К министрам же он вовсе не имеет и тени такого отношения. Они для него — люди, как и все прочие. Таким образом, замена явного голоса Верховной власти голосом правительственной власти способна дать государству указание далеко не авторитетное. Легко понять, как это должно отражаться на государственной прочности.

Вступательство Верховной власти в законодательные решения тоже не может угрожать парализацией законодательных учреждений. Наоборот, чрезмерно сильная власть правительства над законодательными учреждениями неизбежно должна

подрывать плодотворность законодательной работы, которая требует *свободы суждения*, полной независимости мысли. Точно таково же положение народного представительства.

Наша бюрократическая «плетора»² составляла характеристическую черту дореформенного строя, но это было не выражением монархического начала, а составляло его извращение, и преувеличенной властью бюрократии все были недовольны. Что же сказать теперь, если бы ее власть оказалась лишь еще более выросшей и если бы весь смысл реформы 1904–1906 годов свелся к созданию системы почти беспредельной власти бюрократической части государственных учреждений? А между тем первые же попытки к созданию энергической работы обнаружили, что в установлениях 1906 года заложены ростки чисто бюрократической государственности...

И вот почему *пересмотр* законоположений 1906 года, как мы говорили, составляет настоятельную потребность времени.

Несколько слов о «конституции».

Нас спрашивают, почему мы в своих статьях нередко употребляем слово «конституция»? «Неужели *Московские Ведомости признают конституцию?*» – спрашивают нас. Считаю небесполезным объясниться, чтобы недоразумения в понимании терминов не затемняли столь необходимого в настоящее время понимания самой сущности нашего политического положения.

В общем смысле *конституция* есть нечто такое, что никак не может быть отрицаемо при каких бы то ни было политических программах. Это есть ни более, ни менее как государственное устройство, необходимое и при республике, и при Монархии Самодержавной, и при монархии ограниченной. Приводим определения первых попавших под руку авторов государственного права.

«Всякий постоянный союз нуждается в порядке, согласно которому создается и исполняется его воля, ограничивается его компетенция, регулируется положение его членов в самом союзе и по отношению к нему: такого рода порядок, – говорит известный Г. Еллинек («Право современного государства»), – называется конституцией».

«У каждого государства, – продолжает он, – имеется, таким образом, своя конституция. Государство без конституции было бы анархией. Конституция свойственна даже «тирании» в античном смысле, так называемым деспотиям, равно как и такому строю, где правление находится в руках комитета общественного спасения 1793 года».

«Что такое конституционное право?» – спросим мы Эсмена.

«Конституционное право, – отвечает он, – имеет тройной объект. Оно определяет форму государства, форму и органы правления и пределы прав государства» («Общие основания конституционного права».)

Итак, что же значит «признавать конституцию», что значит употреблять слово «конституция» в отношении какой-либо страны? Ровно ничего другого, кроме признания, что, стало быть, в данной стране имеется какой-то общегосударственный строй.

Московские Ведомости и употребляют это слово в самом обычном научном смысле, так как мы предполагаем и признаем, что как ни смутна наша «конституция», однако мы имеем все же государство, а не анархию. Россия имеет конституцию издавна и не утратила ее только оттого, что за последние годы было много беспорядков, ломок, разрушений, и в то же время новые произведенные построения весьма противоречивы, не согласованы между собой и со строем общественным. *Московские Ведомости*, говоря о недостатках нашей конституции, не могут не признавать факта существования у нас некоторой «конституции».

Однако же, говорят нам упомянутые лица, в обычном, ходячем смысле слова под термином «конституция» под-

разумеается нечто более узкое, а именно «ограниченная Монархия».

Это бесспорно, и такое употребление слова имеет свои исторические причины.

Дело в том, что устройство, конституирование государства в своей основной сущности есть устройство Верховной власти. Коренную задачу государственного устройства (то есть этой инкриминированной «конституции») составляет определение способов действия Верховной власти государства. Верховная власть юридически неограничима, и ограничивается только сама собой («самоограничение» считается свойством Верховной власти), или, как правильнее будет сказать, она ограничивается «содержанием своего собственного идеала». Но определение правильно и твердо установленных способов действия Верховной власти совершенно необходимо для возможности порядка и права. Достигается оно установлением законов и законоустановленных властей, а также законом защищенных прав граждан и подданных.

Это старинная задача государства, а не какое-нибудь новшество. Она стояла перед Россией и до 1906 года, осуществлялась и прежними Основными законами, давно утвердившими тот принцип, что Российская Империя управляется на твердом основании законов. Да иначе и быть невозможно.

Но в новейшей истории Европы задача *определения способов действия* Верховной власти осложнилась борьбой против монархии и слилась с задачей *построения самой Верховной власти*. Как известно, это выразилось в том, что король, утратив полное значение Верховной власти, сохранил лишь некоторое место в новой «сложной Верховной власти», составленной уже не из него одного, а также из «народных представителей». Это – компромисс между республикой и монархией. Он запечатлел собой «конституирование» государств XIX века, так что «конституция» неизменно сопровождалась «ограничением» монархической власти. Это обстоятельство и запечатлелось в умах настолько, что стало давить даже на мысль научную. Вот откуда возникает смешение по-

нятий, вследствие которого термин «конституция» так легко сливается в представлении общества с термином «ограниченная монархия». Насколько это ошибочно, видно из того обстоятельства что, например, никто же не станет отрицать существования конституции в Соединенных Штатах Америки, но кому же не известно, что там «ограниченной монархии» не существует? Итак, ходячий способ понимания слова «конституция» совершенно неудобен для понимания политического строя и устройства. Если, конечно, журналист не может не сообразоваться с ходячим смыслом слов, то и публика, в свою очередь, должна приучаться понимать термины правильно. Иначе ни для ученого, ни для журналиста не окажется способов выяснять ей сущность стоящих перед данной страной политических задач.

Московские Ведомости за краткое время действия новой редакции не раз уже отмечали недостатки нашей современной конституции, а никак ее не восхваляли. Быть может, наиболее разностороннюю и всепроникающую критику этой конституции сделал не кто иной, как нынешний редактор *Московских Ведомостей* в публичном чтении 1907 года в Клубе умеренных в Санкт-Петербурге, которое чтение было потом напечатано в *Московских Ведомостях* в редакции В. А. Грингмута, а потом вышло отдельным изданием («О недостатках конституции 1906 года»). Казалось бы, все это не оставляет места ни для каких недоразумений относительно того, как мы к этой конституции относимся.

«Правая» перестройка конституции.

Мы говорили недавно («Левая перестройка конституции», *Московские Ведомости*, № 181) о непрекращающемся старании наших западных партий подвигать наш государственный строй в направлении к возможному подчи-

нению Государственной Думе не только правительства, но даже и правительственных прерогатив Монарха. Неоднократно говорили мы (например, см. № 191, «Новые угрозы революции») и о том, что параллельно с такими стремлениями у нас идет несомненная подготовка новой революции. Наконец, множество раз мы выясняли, что существующие высшие учреждения, будучи по самой идее компромиссными, не могут помешать существованию этой внутренней борьбы. Этим и объясняется то явление, что, несмотря на продолжительное существование правительства весьма искусного и полного желания приступить к широким мерам благоустройства России, мы вместо этого так бесплодно тратим силы и время на внутреннюю борьбу партий и учреждений.

Затяжность такого положения, без сомнения, существенно связана с тем, что при непрекращающемся стремлении к левой переделке конституции у нас ни шагу не делается к обратному – к *правой* перестройке ее, что одно могло бы вывести, наконец, Россию на путь мирного развития. Мы употребляем эти термины «правая» и «левая» перестройка, применяясь к нынешнему политическому жаргону. Если выражать *содержание*, под этими словами скрывающееся, то у «левых» действует застарелое западное стремление к теоретической, по иностранным образцам, перестройке нашего государственного здания. Когда-то, в XVIII веке, у нас перекраивали русский строй по модным тогда в Европе абсолютистским образцам «просвещенного деспотизма». С XIX века, после французской революции, стали копировать не Людовиков XIV, Фридрихов, Иосифов, а конституционные монархии и якобинские республики с примесью социализма.

В противоположность этому «правые» стремления в исходном пункте издавна стоят на национальной почве, на почве устроения государства сообразно с конкретными условиями не какой иной, а нашей собственной страны. Стоя таким образом на исторической почве, правые направления естественно являлись консервативными и эволюционными,

в то время как левые по своей теоретичности и подражательности всегда были и остаются революционными. Теперь, когда «левые» идеи и люди тянут нас так сильно к революции, нам естественно необходима правая перестройка учреждений, которая единственно способна поставить нас на путь эволюционного развития, – национального, исторического, не разрушающего, а улучшающего и усовершенствующего национальную жизнь.

Необходимо заметить, что борьба между этими коренными направлениями происходит вовсе не на почве *свободы*, не на почве даже *народного представительства*. Национальное устройство учреждений допускает совершенно такую же степень свободы личности, слова, печати, союзов и т. д., как и западноевропейское. В принципе свободу признают обе стороны. На практике же осуществление свободы зависит от культурности нравов, способности не злоупотреблять свободой. Свободолюбивые «кадеты», если бы захватили власть, практически дали бы, конечно, гораздо меньше свободы, чем существующая власть. Точно так же оба направления принципиально признают народное представительство, а на практике формы его осуществления определяются конкретными условиями жизни гораздо лучше, чем теоретическими соображениями. Таким образом, различие этих двух направлений сводится больше всего к *самобытности*.

Одни требуют жизни своим умом и на основании своих условий, другие ищут «прогресса» в том виде, какой находят в чужих странах, именуемых «просвещенными». Не сами по себе потребности свободы или народного представительства приводят нас к революции, а главным образом книжность, теоретичность, обезьянничество «передовых». Именно из-за передового обезьянничества у нас приходится все ломать и ставить вверх дном, потому что национальная конструкция России совсем иная, чем в этих просвещенных странах, и для того, чтобы им внешне уподобиться, приходится ломать все существующее. Выйти из ломки, которая уже истерзала Россию и привела ее в хаос, нельзя иначе, как

освободившись от господства западничества и установить незыблемо и непререкаемо строй национальный, который естественно устраняет революцию и приводит страну к эволюционному развитию.

Что же нужно сделать в противовес левой перестройке, чтобы выйти, наконец, из непрекращающейся революции?

Нужно, конечно, поставить прежде всего на принадлежащее ей место Самодержавную власть и восстановить союз Церкви и государства, подорванный нынешней конституцией. Успех революции состоит именно в том, что Самодержавие в государственном управлении приведено к какой-то условности, Православная же Церковь потрясена в управлении, в авторитете, в подходящих отношениях к государственным учреждениям.

Если бы по естественным условиям страны Самодержавие было не нужно в России, если бы по тем же естественным условиям Православная Церковь составляла лишь незначительный факт в жизни народной и государственной, то успехи, одержанные революцией в этих отношениях, не отражались бы у нас столь вредно. Но так как в действительности без Царского Самодержавия у нас прямо жить невозможно, так как лишь православная и нравственная дисциплина способна держать Русский народ в состоянии высокого нравственного настроения, то потрясение этих двух устоев создает в России повсеместный хаос, расшатанность, беспорядок, а отсюда буйство страстей, самоволие интересов и т. д., то есть, другими словами, является положение революционное по самому содержанию, а потому в высшей степени легко эксплуатируемое революционными партиями.

И вот нам становится теперь необходима «правая» перестройка конституции. Для одной ее части нужен пересмотр Основных законов 1906 года, который бы устранил малейшие сомнения в полноте власти Самодержавного Царя и указал бы способы непосредственного проявления Верховной власти в чрезвычайных потребностях текущего законодательства и управления.

Что касается второй части задачи, то есть утверждения Православной Церкви, то установка авторитетного в ней управления и создание правильного соотношения церковного управления с государственным совершенно немыслимы без созыва Поместного Собора. Путь к осуществлению этого у нас уже очень выяснен. Если в отношении пересмотра основных узаконений 1906 года у нас, насколько нам известно, ничего до сих пор не подготовлено, то в отношении Церковного Собора многочисленными официальными работами (особенно Предсоборным Присутствием¹) вопрос вполне разработан. Никогда у нас ни одна реформа не была подготовлена столь обстоятельно и такими компетентными в своей сфере силами, как требуемая ныне реформа церковная. Нам неизвестно, почему она так долго не приводится в исполнение, но, во всяком случае, не потому, чтобы в ее основах и способах оставалось что-либо невыясненное.

И вот, по глубокому убеждению нашему, для блага Русского государства и Русского народа нам безусловно необходима теперь эта *правая* перестройка конституции – без всяких оттяжек, выгодных только для тех, кто подготавливает нам *левую* перестройку нашего государства.

О пересмотре Основных законов 1906 года.

За последнее время мы обращали внимание читателей на целый ряд явно ненормальных или неудобных явлений в области применения Основных законов 1906 года. Сегодня мы перепечатаваем статью г-на М. О. из № 1046 газеты *Россия*, обращающую внимание еще на одно из явлений такого рода, а именно на вопрос о *свободе слова* депутатов Государственной Думы.

Мы перепечатаваем статью г-на М. О. не для того, чтобы рассуждать специально о ней или о том сравнительно мелком

вопросе, какой представляет «право» депутатов ругаться неприличными словами или оскорблять власти, министров и даже саму Верховную власть. Это зрелище, без сомнения, возмутительное и подчас гнусное и, конечно, также указывает на недостатки закона. Но дело не в том.

Величайший вопрос состоит не в неприкосновенности депутатской ругани и неприличий, а в том, что законы 1906 года всем своим построением, всей редакцией не соответствуют нашей политической реальности и вследствие этого превращаются в орудие ее затуманивания. Они позволяют на законной почве вырастать тенденциям и действиям чисто революционным, хотя бы они облекались и не в грубую форму ругани какого-либо пьяного депутата. Нельзя упрекнуть ни г-на Гучкова, ни барона Мейендорфа, ни подобных им в каких-либо неприличиях, но тем не менее они и все единомысленные им деятели в Думе, Совете и даже среди персонала министерств, могут вести неуклонно и постепенно к ограничению власти Монарха, к созданию «парламентаризма», в котором Монарх сохраняет лишь некоторые частички Верховной власти, потеряв ее полноту. Такая система действий становится возможной только вследствие недостатков Основных законов 1906 года, в которых сохраняются лишь *слова* «Верховная власть», «действие в порядке Верховного управления», но *понятие, содержание* этих слов стерто до неясности, позволяющей каждому желающему «легальным» путем идти к полной революции русской государственности.

Юридическая презумпция всякого законодательства учит нас, что законодатель всегда мудр и благожелателен. Без такой презумпции была бы невозможна законодательная работа. Если в законах замечается нечто не соответствующее действительности, нечто ведущее к вреду, то это *само по себе, ipso facto*¹, доказывает для государственного человека и юриста, что мысль законодателя была искажена, неверно передана. Сделано ли это зложелательностью исполнителей или их неспособностью к порученной им работе – это совершенно безразлично. Дело не в них, а в том, что закон должен быть мудр и

благожелателен, ибо таково всегда намерение законодателя. А посему – раз замечается, что сами законы ведут к расстройству государственной работы или к революции государственных основ, они должны быть *пересмотрены и приведены к нормам действительной мысли законодателя.*

Эта задача выясняется перед нашим законодательством, можно сказать, каждый год, иногда – каждый день все яснее, и не вследствие какого-либо теоретизирования (которое не имеет большого значения в государственных задачах), а самими фактами *практики.* Сами факты обнаруживают, что государственная работа спуталась, это видно на каждом шагу, колеса механизма скрипят, колесница плохо движется и шатается. Постоянно выясняется ряд чисто практических неудобств: проявления искусственной борьбы, вредной для государства, медленность обсуждения бюджета, задержки в мерах государственной обороны в принятии своевременных управительных мер и т. д. За самое короткое время мы приводили несколько таких фактов, и их можно приводить чуть не каждую неделю. Нельзя увековечивать такого положения, во всех отношениях вредного. Ясно, что не для того законодатель предпринимает реформы, чтобы в результате получалось положение еще опаснее, чем было до преобразований.

Оставляя в стороне многочисленные частные явления, которые требуют устранения посредством исправления Основных законов 1906 года, нельзя не обратить особенно тревожного внимания на затуманение в умах народонаселения самого представления о том, где в настоящее время Верховная власть государства? До какой степени доходит неясность закона в этом отношении, видно уже из того, что целые партии (даже претендующие на солидарность с правительством) из всех актов Высочайшей Воли, выразивших мысль Законодателя, открыто признают только один Манифест 17 октября 1905 года. На каком, однако, основании? Ведь мысль Законодателя в реформе нашего государственного строя проявляется уже много лет и в выражениях нередко гораздо более ясных, чем в Манифесте 17 октября. Как

же осмеливаться игнорировать всю совокупность проявления законодательной мысли? Понятно, что при таком произволе она непременно будет искажаться. А между тем всему этому нет возможности положить конец иначе, как пересмотром Основных законов 1906 года на основании всей совокупности мысли Законодателя, то есть таким путем, каким только и возможно совершать внимательную и, так сказать, «нетенденциозную» законодательную работу.

В мысли Законодателя неоспоримо много раз выражена необходимость *привлечения народных сил*, то есть так или иначе народного представительства, к законодательной работе, но не менее ясно утверждено *сохранение Самодержавной Верховной власти Монарха*. Мысль Законодателя неоспоримо совершенно чужда примеси революционного элемента. Между тем в законах, формулированных неспособными или тенденциозными исполнителями, заложена революционная идея упразднения Царской Верховной власти, чем и пользуются революционеры и конституционалисты в явный подрыв целям преобразования. Действительно, преобразование, по мысли Законодателя, требовалось исключительно для того, чтобы страна могла развить усиленную *работу* по возрождению своих производительных средств, средств государственной обороны, просвещения и т. д. точно так же, как по делу нравственного оздоровления населения, доведенного до чрезвычайной деморализации так называемым «освободительным» движением. Между тем страна в результате погружается не в работу, а в какую-то толчею, потому что действие учреждений *загромождается* и парализуется борьбой за Верховную власть. Но так нельзя жить долго. Это становится даже опасно для страны. И только решительный пересмотр законов с сохранением всего, мыслью Законодателя предписанного, и с уничтожением всего, ее искажающего, может вывести Россию на путь работы с пути борьбы и неурядиц.

Одной лишь Верховной власти Самодержавного Монарха принадлежат право и задача довести до конца начатую учредительную работу. Но Манифест 17 октября 1905 года повеле-

вает и всем подданным Государя Императора способствовать умиротворению русской смуты, и во исполнение этого долга сознательный орган публицистики обязан высказать, что первейшее в настоящее время условие умиротворения России состоит *в пересмотре законов 1906 года*.

Ход государственного управления и состояние общественной жизни России не раз уже приводили нас в текущем году к необходимости констатировать потребность в пересмотре того Свода основных законов, который был составлен в 1906 году. Без сомнения, нельзя приписывать этой неудачной кодификации всей расшатанности, которая замечается во внутреннем положении России. Но не менее односторонне было бы, видя несовершенство Свода, полагаться исключительно на энергию и предусмотрительность существующего правительства и здравый смысл народа в задачах выведения на мирный путь развития страны, потрясенной рядом бедственных событий.

О победе здравого смысла в самой массе русских граждан доселе было бы рискованно еще говорить. Что касается правительства, то, конечно, можно лишь удивляться искусству и энергии, с которыми оно руководит государственным делом при столь несовершенных учреждениях. Но странно было бы увековечивать действие всех тех препятствий, которые несовершенство их ставит искусству правящей личности. Законное построение учреждений имеет величайшее значение. Несовершенный механизм парализует все усилия машиниста, а в конце концов приводит к их полному уничтожению. В международной борьбе за существование, ныне столь обостренной, выживает не тот народ, который по случайному искусству правителя успевает кое-как влачить существование, а тот, которого силы приводятся к максимальной активности всей совокупностью его государственных учреждений.

Излишне было бы вспоминать всем известные ненормальные условия, при которых были произведены преобразования последних лет. Менее известны ненормальные условия самой сводки законов, закрепивших эти преобразования

в 1906 году. Но в настоящую минуту мы не имеем в виду ни исторического исследования, ни обличения неумелости, небрежности и «некорректности» (выражаясь деликатно) различных деятелей тех времен. Перед Россией стоит задача более важная: покончить с периодом революционных беспорядков и перейти на прочный путь правильного развития. А для этого необходимо соответственное построение учреждений, и, следовательно, такое законодательство, которое этому не ставило бы препятствий.

Излишне повторять много раз выраженное наше убеждение в том, что Россия расшатана вовсе не созданием народного представительства. Напротив, это единственная удачная черта преобразований, совершенных за времена смуты. Но, к несчастью, это сделано ценой потрясения двух важнейших устоев нашего строя: Царского Самодержавия и правильного положения Церкви в государственных учреждениях. Это отражается вреднейшим образом и на построении, и особенно на функциях народного представительства, и в совокупности производит нестроение, с которым так трудно бороться даже и величайшему искусству правителей.

Учреждения должны соответствовать действительному состоянию и соотношению государственных сил. Избави Бог привыкнуть к конституции нелогичной, не соответствующей условиям действительности, ибо она постоянно парализует действие сильных сторон наших естественных условий и ободряет действие всех слабых и болезненных условий. Поляки XVIII века позволили себе привыкнуть к больному состоянию государства и научились даже говорить: «Польша нержондем стои»²... История не замедлила показать им, что «нержондем» долго не простоишь. Возрождение своего государственного смысла поляки могут считать с той минуты, когда перед ними раздалось знаменитое восклицание маркиза Велёпольского: «Не стерпем ржондов в радзе»³. Пора такому голосу прозвучать и у нас, а то, пожалуй, окажется поздно...

Недавно (№ 219 *Московских Ведомостей*) мы формулировали центральный пункт работы, долженствующей

озаботить наше законодательство, словами: «Вопрос о Верховной власти должен перестать быть «вопросом», и никаких сомнений относительно характера ее не должно существовать, если мы не желаем, чтобы Русское государство кончило в наши дни полным распадом». Эти слова можно лишь повторять неустанно до тех пор, пока они не войдут в общее сознание и не подготовят нам возможности действительного возрождения национальных сил. Эти слова приходится повторять особенно с 1907 года, когда Высочайший Манифест 3 июня дополнил ряд тех волеизъявлений Верховной власти, которые ранее были кодифицированы в Своде 1906 года. С наличием такого дополнения стало совершенно ясно, что произведенная кодификация неточна, односторонняя и не выражает в себе полноты мысли Верховной власти. Тем не менее эта неполная и неточно формулированная конституция продолжает составлять у нас писанный закон, общеобязательный для всех нас и в то же время не соответствующий тому закону, той конституции, которые существуют реально в действительной государственной жизни.

Такое положение, очевидно, требует исправления, для чего нужен новый пересмотр слишком поспешно составленного Свода 1906 года.

Характер нашей современной Верховной власти.

Если мы возьмем в совокупности учредительные акты Верховной власти, – как кодифицированные в Своде 1906 года, так и остающиеся донныне вне кодификации, то должны прийти к несомненному убеждению в том, что эта власть остается в руках Монарха *неограниченной*. Это, конечно, и естественно, ибо всякая *Верховная* власть – по существу *не ограничена* юридически, и если бы власть Русского Мо-

нарха была ограничена, то это лишь показывало бы, что она перестала быть Верховной.

Этой неограниченности нисколько не противоречит то обстоятельство, что для действия Верховной власти устанавливаются известные, определенные пути, для мало развитого юридически ума представляющиеся ее *ограничением*. Это не ограничение, а *самоограничение*, составляющее (как это хорошо выяснено у Г. Еллинека) существенный признак Верховной власти. Все другие власти подлежат ограничению *извне*; Верховная же власть только *изнутри себя*, посредством самоограничения, причем она для всех других властей остается все-таки неограниченной.

Понимание этого должно было бы внушить кодификаторам 1906 года совершенно иную редакцию Основных законов. Теперь из практики действия Верховной власти вполне уяснились ее неограниченность и истинный смысл созданных ею самоограничений. Наиболее поучительный акт в этом отношении составляет Высочайший Манифест 3 июня 1907 года.

Высочайший Манифест 3 июня 1907 года составляет несомненное дополнение к ранее изданным манифестам о преобразовании Русского государственного строя, а следовательно, является изъяснительным дополнением и к узаконениям 1906 года об Основных законах.

В этом Манифесте изложено, что Государственные Думы первых двух созывов не оправдали надежд Государя Императора, каковое обстоятельство Верховная власть объясняет себе тем, «что по новизне дела и несовершенству избирательного закона законодательное учреждение это пополнялось членами, не явившимися настоящими выразителями нужд и желаний народных».

Ввиду этого Государь Император Высочайше повелел изменить избирательный закон (Положение о выборах в Государственную Думу), хотя по Манифесту 17 октября 1905 года и сообразному с ним закону (статья 86) «никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета

и Государственной Думы», и (статья 7) «Государь Император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Государственной Думой».

В данном случае новый закон был издан без одобрения обоих этих учреждений и вне всякого с ними единения.

При этом создание нового закона было произведено не в порядке того «верховного управления», которое предусмотрено статьей 87, ибо не было представлено на рассмотрение Государственной Думы и Совета по их созыве.

Следовательно, 3 июня 1907 года законодательная власть Государя Императора проявилась каким-то иным порядком, а не тем, какой указан в Своде 1906 года. Как же это понять?

В самом Манифесте 3 июня мы встречаем следующие объяснения мотивов, руководивших действием Верховной власти.

Указав требования, которые Верховная власть ставила для качеств народного представительства и для достижения которых требуется изменить избирательный закон, Манифест 3 июня объясняет:

«Все эти изменения в порядке выборов не могут быть проведены обычным законодательным путем через ту Государственную Думу, состав коей признан Нами неудовлетворительным вследствие несовершенства самого способа избрания ее членов. Только власти, даровавшей первый избирательный закон, исторической власти Русского Царя довлеет право отменить оный и заменить его новым. От Господа Бога вручена нам власть Царская над народом нашим. Пред престолом Его мы дадим ответ за судьбы Державы Российской».

На основании всего этого Государь Император оповещает Манифестом: «Мы... даруем ей (России) новый избирательный закон».

Вникая в этот первостепенной важности Манифест, мы видим, что дарован *новый закон*, – помимо одобрения законодательных учреждений, вне всякого с ними единения и не в порядке 87 статьи, не временно, а окончательно. Причины, по которым при этом не принята во внимание статья 86, изъяс-

нены в Манифесте. Но если логически невозможно было провести хороший избирательный закон через Думу, состав коей был плох вследствие самих условий избрания по прежнему закону, то нельзя не сказать, что мыслимо было бы провести новый закон в порядке статьи 87 и представить его новой Думе, избранной по уже улучшенным условиям выборов. Однако и этого *не было сделано*.

Государь Император издал закон *самолично*, по собственной Воле. Этот акт находится в кажущемся противоречии с Манифестом 17 октября и с указанными выше статьями Основных законов 1906 года. Но в лице Государя Императора Верховная власть Государства Российского совершила этот акт, Правительственный Сенат, составляющий хранителя законов, опубликовал акт Верховной власти, то есть признал его законность, вся Россия произвела выборы по дарованному ей Государем новому закону, и, наконец, ни Государственный Совет, ни Государственная Дума нового созыва не заявили никакого протеста против способа издания нового положения о выборах. Члены же прежней Думы, протестовавшие против нового закона, были преданы суду и им осуждены.

Таким образом, все учреждения государства Русского, народ России и Верховная власть – единогласно признали акт 3 июня *законным*, несмотря на его кажущееся противоречие законам 1906 года и Манифесту 17 октября 1905 года.

Но если так, то, значит, 3 июня 1907 года наше государственное право получило подтверждение того юридического факта, что и ныне, после Манифеста 17 октября и после кодификации Основных законов 1906 года, *Государь Император может Своей самоличной Волей, по внушению своего единоличного разума, отменять прежние законы и вводить новые законы, вне всякого соображения с обозначенным в Основных законах 1906 года порядком законодательства*.

Таков факт русского государственного права.

Однако этот факт требует объяснения юридического разума, который не может забыть исконного принципа нашей государственности, что «Российская Империя управля-

ется на твердом основании законов, изданных в установленном порядке» (статья 84 Основных законов 1906 года), или, как гласила статья 47 прежних Основных законов, «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от Самодержавной власти исходящих».

Тот факт государственного права, который засвидетельствован был 3 июня 1907 года, вполне понятен при свете статьи 47 прежних Основных законов. Однако же он не может противоречить и новым Основным законам, кои созданы той же Державной Волей, как и акт 3 июня 1907 года.

Мы необходимо должны признать, что закон о выборах, самоличной Высочайшей Волей созданный и введенный 3 июня, издан в некотором «установленном порядке», как выражается статья 84 новых Основных законов. Где же, однако, возможно искать этот «установленный порядок» в новых законоположениях?

Единственный «порядок», по которому мог явиться акт 3 июня, есть статья 4 Основных законов 1906 года, которая гласит:

«Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть. Повиноваться Его власти не только за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает».

Единственный «порядок», по которому мог явиться акт 3 июня как акт правовой, есть непосредственное проявление Верховной власти Государя Императора.

Что этот «порядок» установлен в России исторически — это общеизвестно. В самом же Манифесте 3 июня мы видим именно ссылку на «историческую власть Русского Царя» с пояснением, что «власть Царская» вручена Государю Императору «от Господа Бога», «пред престолом Которого Русский Царь даст ответ» за судьбы Державы Российской.

Нельзя не признать, что этот порядок издания законов, устанавливаемый в новых Основных законах только вну-

тренним смыслом статьи 4, остается как бы скрытым от взоров поверхностного юриста, что, конечно, составляет чрезвычайный недостаток редакции Основных законов 1906 года, очевидно слишком смутно выразившей истинную мысль Законодателя при издании Манифеста 17 октября 1905 года. Эта мысль, очевидно, была недостаточно сознана при редактировании ее правительством, на которое было возложено выполнение Высочайшей Воли в том же Манифесте 17 октября 1905 года.

В настоящем же случае, то есть в Манифесте 3 июня 1907 года, мы находим в высшей степени знаменательное выражение, изъясняющее, в каком смысле правительство должно было понять и изложить Высочайшую Волю 17 октября 1905 года. Манифест 3 июня именно выражает, что требуемые изменения «не могут быть проведены обычным законодательным путем чрез ту Государственную Думу и т. д.». Вследствие этого и понадобилось действовать путем *«исторической власти Русского Царя»*, то есть, другими словами, путем непосредственного действия Верховной власти.

Итак, мы видим, что в мысли Законодателя имеется не один, а два пути законодательного действия: один – *обычный*, другой – *чрезвычайный*. Ни один из Манифестов, на основании которых правительством была произведена кодификация 1906 года, не отрицает этого, вся же совокупность их *подтверждает*, что устрояющая мысль Верховной власти была все время такова, какой с наибольшей ясностью выразилась в Манифесте 3 июня. Между тем правительство, на которое было возложено осуществление Верховной Воли, развило в величайших подробностях только обычный путь законодательства и закрыло почти до незамечаемости существование чрезвычайного пути, особенно посредством самой недопустимой редакции статей 7, 11, 84, 86¹, 87. Неудовлетворительное изложение сих статей получает особенно вредное значение при чрезвычайной краткости и неразвитости упоминания о существовании Верховной власти, причем и при этом упоминании (статья 4) исключено без всяких оснований

и без всякого на то права наименование «неограниченный», имевшееся в прежних Основных законах.

Необходимость пересмотра Свода 1906 года.

В статье «Характер нашей современной Верховной власти» (*Московские Ведомости*, № 233) было выяснено, что учредительная Высочайшая Воля при реформе высших государственных установлений была кодифицирована, очевидно, неточно.

Все указанные в № 233 *Московских Ведомостей* действия правительства по исполнению Высочайшей Воли составляли, без сомнения, в данном случае важное упущение по службе, но, будучи покрыты Высочайшим утверждением произведенной кодификации, в настоящее время составляют простое достояние истории и личной биографии господ министров того времени. Тем не менее это достояние истории тяжело давит на нашу современную государственность и производит весьма опасные последствия, вследствие чего произведенная в 1906 году работа по составлению Основных законов, как сказано в № 233 *Московских Ведомостей*, настоятельно требует пересмотра и исправления.

Тяжелый вред, производимый неудачной формулировкой в законах способов законодательной работы, главнейше состоит в том, что как в гражданах, так и в самих правительственных установлениях исчезает ясное сознание прав Верховной власти, а это равносильно недоумению относительно того, какое учреждение является носителем Верховной власти.

Хотя при тщательном юридическом анализе Высочайших Манифестов, относящихся к новым государственным установлениям, никаким недоумениям относительно Верховной власти, так же как и относительно ее прав, — нет места, но

в Основных законах 1906 года эти важнейшие исходные пункты государственности изложены столь сбивчиво, что ныне вся Россия разбилась на враждующие партии, спорящие именно по вопросу о Верховной власти. Сами учреждения, такие как Государственная Дума и Государственный Совет, полны теми же разногласиями, которые являются существенным препятствием для исполнения ими Государем Императором указанной работы. В этих установлениях, как и во всей России, существуют многочисленные сторонники мнения, будто бы власть Государя Императора уже ограничена, и будто бы истинное седалище Верховной государственной власти составляет совокупность трех учреждений: Государственного Совета, Думы и Самого Государя Императора. Такое учение входит даже в учебники для юношества и составляет предмет расследования юристов даже в официальных изданиях (например, Нольде – «Очерки русского конституционного права»¹). Так как с этой точки зрения права Государственной Думы как составной части парламента кажутся недовершенными, то в этом учреждении является стремление довершить их. Это производится и шумными протестами первых двух Дум, и путем постепенного расширения своих прав на почве бюджетной. Законодательная работа третьей Думы ярко характеризуется этим стремлением постепенного доразвития этой «палаты» до составной части Верховной власти. Наибольшая часть сил и времени потрачена этим учреждением не на действительную работу, Государем Императором указанную, а на внутреннюю борьбу за власть.

В самой стране то же убеждение в состоявшемся ниспровержении прежней Верховной власти и в необходимости выработки какой-то иной на ее место поддерживается многочисленными и влиятельными партиями, производя жестокие раздоры сторонников этого убеждения с людьми, стоящими за Верховную власть Государя Императора. Чрезвычайно многочислен стал слой людей, которые, будучи сами по себе сторонниками Верховной власти Русского Царя, под влиянием кажущегося смысла Основных законов 1906 года полага-

ют, что Сам Государь Император пожелал ограничить Свою Верховную власть и передать часть ее народным представителям. Все лица, разделяющие такое заблуждение, считают себя обязанными отрицать Царское верховенство из повиновения Воле Самого Царя.

В таком смутном состоянии умов, среди таких повсеместных споров и недоумений относительно Верховной власти нашего государства современная Россия не в состоянии успокоиться и приняться за мирную культурную работу. Напротив, все вообще ждут дальнейших событий и готовятся к борьбе. Она, без сомнения, и разразится снова, если не будут приняты меры, чтобы ясным изложением в законе основ ныне введенного строя устранить всякие недоразумения и прекратить борьбу партий за власть, предполагаемую ими как бы вакантной или полувакантной.

Государь Император в течение последних двух лет был, как известно, осыпан множеством прошений за бесчисленным количеством подписей с постоянными мольбами о восстановлении Своей Верховной власти, об уничтожении Думы и т. п. выражениями недоразумений относительно смысла Основных законов 1906 года. Между тем разъяснение этих недоразумений путем исправления текста смущающих Россию статей этих законов далеко не затруднительно и составляет задачу скорее кодификационную, чем законодательную.

Государь Император, когда это оказалось необходимым для блага России и для исполнения Его предначертаний, Своей собственной Волей изменил закон о выборах в Государственную Думу и ввел на его место новый. То же изменение, которое требуется для прекращения нашей междоусобицы сделать в тексте Основных законов 1906 года по вопросу о Верховной власти, не было бы ни отменой старых, ни введением новых законов, а лишь разъяснением истинного смысла правительственного строя, Волей Верховной власти в России устанавливаемого.

Это вовсе не есть такая задача, которую бы требовалось проводить через законодательные учреждения. Мысль Го-

сударя Императора, все время пребывавшего единственной учредительной силой, не может быть им известна, и толки об этом в Думе и Совете могли бы представлять лишь несколько соблазнительное зрелище. Мысль Верховной власти, неясно и с видимыми ошибками изложенная в Основных законах 1906 года, может быть раскрыта в точности только Самим Государем Императором, и это обстоятельство в то же время весьма упрощает исполнение потребности, о которой идет речь.

Об исправлении кодификации 1906 года.

Инициатива пересмотра Свода 1906 года и содержание его исправлений может определяться единственно учредительной Волей Верховной власти. Посему бесполезно было бы выступать с какими-либо по этому поводу проектами законов. Но для общественного мнения страны весьма важно выяснить то обстоятельство, что пересмотр Свода 1906 года составил бы не «*сoup d'état*», как выражаются «кадеты», а работу почти чисто кодификационную, так как все элементы для этого уже имеются в содержании нашего материального права.

В этом смысле мы и ставим задачу схематического рассмотрения того, в чем могли бы состоять поправки кодификации 1906 года.

Прежде всего должно заместить, что даже порядок расположения статей закона в кодификации 1906 года крайне неудачен. Нам пришлось видеть любопытную работу члена Государственной Думы г-на Шечкова, который задался вопросом, насколько возможно исправление кодификации 1906 года простой перемены расположения статей закона? Как ни странно это а priori¹, но общее впечатление при чтении этих, так сказать, «переклеенных» статей получается совсем иного характера,

чем при чтении тех же статей в официальном Своде. Однако простой перестановки все-таки недостаточно, и без некоторого исправления текста 1906 года нельзя обойтись.

Несомненно, что в порядке статей Свода мы сразу наталкиваемся на многое, поражающее тенденциозностью. Так, в прежнем Своде статья, определяющая существо Верховной власти государства, была, как это и следует, поставлена на первом месте.

В новом же Своде это отнесено к статье 4-й. И что же поставлено на первых трех местах? Во-первых, отвлеченное заявление единства и нераздельности государства, конкретный смысл чего трудно себе представить, и вслед за тем, как бы в прямое опровержение статьи 1-й, вторая статья гарантирует *особенное* внеимперское законодательство Финляндии. Но место ли Финляндии в Основных законах? Особенности ее управления должны быть указаны вовсе не в Основных законах, а в специальных уставах, как о всех провинциях, которым дарованы какие-либо отличные от общеимперских установления. Не удивительно ли, что Основные законы, еще ничего не объяснивши о Верховной власти государства, трактуют об отдельной провинции? Третья статья Свода трактует о русском языке... При всей полезности законодательного закрепления господствующего места русского языка в Империи, это, во всяком случае, совершенно не может иметь места раньше определения Верховной власти. Самое большое, что можно уделить такой частности в Основных законах, – это разве скромное примечание к какой-либо более общей статье...

Между тем только после всего этого Свод 1906 года доходит до главного в государстве, то есть до его Верховной власти. Но вся сущность государства состоит в Верховной власти. Даже национальность, как ни важно ее значение, все же не есть основной пункт конституции государства. Найдется немало стран, где нет особой национальности, а государство все-таки есть. Государство возможно и без национальности, а без Верховной власти государства не существует.

Итак, для стройности кодификации требовалось бы отвести первое место Свода для Верховной власти государства. Логика *русской* конституции допускала бы лишь одну статью раньше определения Верховной власти: именно означение того факта, что государство Российское есть достояние не иной какой-либо народности, как именно русской. Материальные основания для такой статьи дает выражение Высочайшего Манифеста 3 июня: «Созданная для укрепления государства *Российского*, Государственная Дума должна быть *русской* и по духу». Если народное представительство должно быть *русским* по духу, то очевидно, стало быть, что господствующей народностью Империи признается русская. Примечанием же к этой статье могла бы стать нынешняя статья 3-я (о господствующем месте русского языка).

Итак, нынешняя 4-я статья должна быть переставлена на первое или второе место. Сверх того, эта 4-я статья содержит отчасти ненужные изменения текста прежнего Свода, а также недопустимое и материально не обоснованное отсечение слова «неограниченный». Посему проще всего было бы восстановить прежний текст: «Император Всероссийский есть Монарх Самодержавный и неограниченный. Повиноваться Верховной Его власти не токмо за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает».

Здесь есть все, что нужно для усвоения понятия о Верховной власти Российской Империи и нет ничего излишнего.

В последующих статьях неизбежны изменения текстов ввиду произведенных Верховной властью реформ в наших установлениях. Так как Верховная власть осталась у нас неизменной, то необходимо внести определение того, что такое «закон» и каков порядок законотворения применительно к существующей Верховной власти, равно как ее функции управительные и судебные. Это нагляднее всего представить при параллельном сопоставлении текстов нынешнего Свода (1906 года) с тем, что необходимо для точного выражения смысла учредительных актов последнего времени.

Современный текст	Приблизительное исправление
Ст. 7	Ст. 7
<p>Государь Император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Государственной Думой.</p>	<p style="text-align: center;">А.</p> <p>Власть законодательная во всем объеме принадлежит Государю Императору и осуществляется при законосоставлении либо <i>обычным</i> порядком, либо <i>чрезвычайным</i>, то есть непосредственным действием Верховной власти.</p>
	<p style="text-align: center;">А/1</p> <p>В обычном порядке законосоставления Государь Император осуществляет законодательную власть с участием Государственного Совета и Государственной Думы.</p>
	<p style="text-align: center;">А/2</p> <p>Законы, изданные в порядке чрезвычайном, объявляются Высочайшими повелениями.</p>
Ст. 10	Ст. 10
<p>Власть управления во всем ее объеме принадлежит Государю Императору в пределах всего государства Российского. В управлении Верховном власть Его действует непосредственно, в делах же управления подчиненного определенная степень власти вверяется от Него, согласно закону, подлежащим местам и лицам, действующим Его Именем и по Его повелению.</p>	<p>Власть управления во всем ее объеме принадлежит Государю Императору и осуществляется путем Высочайших повелений. В делах управления подчиненного определенная степень власти вверяется от Него подлежащим учреждениям и лицам, действующим Его Именем и по Его указу.</p>

<p style="text-align: center;">Ст. 11</p> <p>Государь Император, в порядке Верховного управления, издает в соответствии с законами указы для устройства и приведения в действие различных частей государственного управления, а равно повеления, необходимые для исполнения законов.</p>	<p style="text-align: center;">Ст. 11</p> <p>За ненадобностью подлежит совершенному исключению.</p>
<p>Ст. 12, 13, 14, 15, 16, 19, 20, 21, 23</p>	<p>Ст. 12, 13, 14, 15, 16, 19, 20, 21, 23</p>
	<p>Все эти статьи, излишние при принадлежности Государю ВСЕЙ власти управления, подлежат соединению в одну, содержащую лишь <i>краткое перечисление</i> важнейших предметов Царского ведения, в других статьях не упомянутых.</p>
<p style="text-align: center;">Ст. 17</p>	<p style="text-align: center;">Ст. 17</p>
<p>Государь Император назначает и увольняет председателя Совета Министров, министров и главноуправляющих отдельными частями, а также прочих должностных лиц, если для последних не установлено законом иного порядка назначения и увольнения.</p>	<p>Государь Император назначает и увольняет всех должностных лиц на службе государственной и на службе общественных самоуправлений, действуя или непосредственными Высочайшими повелениями, или в порядке Его Величеством указанных уставов службы, доколе не заблагорассудит прибегнуть к непосредственному Высочайшему повелению.</p>

Ст. 19	Ст. 19
	<p>Эта статья, как и все, пытающиеся определить «права» неограниченной Верховной власти, подлежит исключению за ненадобностью.</p>
Ст. 22	Ст. 22
<p>Судебная власть осуществляется от Имени Государя Императора установленными законом судами, решения коих приводятся в исполнение Именем Императорского Величества.</p>	<p>Судебная власть осуществляется от Имени Государя Императора установленными Им судебными учреждениями, по усмотрению же Верховной власти непосредственно Государем Императором.</p>
Ст. 24	Ст. 24
<p>Указы и повеления Государя Императора, в порядке Верховного управления или непосредственно Им изданные, скрепляются председателем Совета Министров или подлежащим министром, либо главноуправляющим отдельной частью и обнародуются Правительствующим Сенатом.</p>	<p>Высочайшие указы и повеления обязательны к исполнению с момента их объявления Государем Императором, для всенародного же осведомления опубликовываются Правительствующим Сенатом.</p>
Ст. 84	Ст. 84
<p>Империя Российская управляется на твердом основании законов, изданных в установленном порядке.</p>	<p>Империя Российская управляется на твердом основании законов, Верховной властью установленных, как составляющих твердое выражение Воли Верховной власти государства.</p>

<p style="text-align: center;">Ст. 86</p> <p>Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы и воспринять силу без утверждения Государя Императора.</p>	<p style="text-align: center;">Ст. 86</p> <p>Никакой новый закон не может быть установлен и никакой закон не может быть отменен иначе, как Высочайшим повелением Государя Императора.</p>
<p style="text-align: center;">Ст. 87</p> <p>Во время прекращения занятий Государственной Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет Министров представляет о ней Государю Императору непосредственно. Мера эта не может, однако, вносить изменения ни в Основные законы, ни в учреждения Государственного Совета или Государственной Думы, ни в постановления о выборах в Совет или в Думу. Действие такой меры прекращается, если подлежащим министром или главноуправляющим отдельной частью не будет внесен в Государственную Думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятой мере законопроект, или его не примут Государственная Дума или Государственный Совет.</p>	<p style="text-align: center;">Ст. 87</p> <p>Во время прекращения занятий в Государственном Совете и Государственной Думе, если обстоятельства вызовут необходимость в мере, требующей обсуждения в обычном законодательном порядке, Совет Министров испрашивает непосредственно у Государя Императора разрешение на временное ее применение. Действие сей меры прекращается, если соответствующий ей законопроект не будет внесен подлежащими ведомствами в Государственную Думу в течение двух месяцев по возобновлении заседаний ее, или если законопроект не будет принят Государственной Думой и Государственным Советом, и дальнейшее применение принятой меры не будет указано Высочайшим повелением.</p>

Ст. 119	Ст. 119
<p>Если по заблаговременном внесении в Государственную Думу предположений о числе людей, потребном для пополнения армии и флота, закон по сему предмету не будет в установленном порядке издан к 1 мая, то указом Государя Императора призывается на военную службу необходимое число людей, не свыше, однако, назначенного в предшествующем году</p>	<p>Если по заблаговременном внесении в Государственную Думу предположения о числе людей, потребном для пополнения армии и флота, закон по сему предмету не будет в установленном порядке издан к 1 мая, то потребное число людей призывается на военную службу указом Государя Императора непосредственно</p>

Таковы представляются в общем приблизительные изменения той части Свода 1906 года, которая касается собственно Верховной власти государства Российского.

Пересмотр не мог бы этим ограничиться для достижения цели ввести народное представительство в сферу государственного действия без потрясения Монархической Верховной власти. Для этого нужны изменения в узаконениях, касающихся Государственного Совета и Государственной Думы.

Сверх того, нельзя не определить более ясно соотношения церковного и государственного управления в нашем обновленном строе.

Необходимо, наконец, определить все потребное для сохранения господствующего положения в государстве русской народности. Но все это составляет особые темы, к которым мы постараемся еще возвратиться.

Народное представительство в законодательном деле.

Мы получили от одного читателя вопрос относительно статьи «Об исправлении кодификации 1906 года» (*Московские Ведомости*, № 239). Он спрашивает по поводу статьи 86 Основных законов 1906 года – отрицаем ли мы действие народного представительства в законодательстве? Удивляемся этому недоразумению. В тех «приблизительных исправлениях», которые мы наметили к статье 7 Основных законов 1906 года, ясно сказано: «В обычном порядке законотворения Государь Император осуществляет законодательную власть *с участием Государственного Совета и Государственной Думы*». Итак, совершенно ясно, что мы вполне признаем действие народного представительства. Это, во-первых, дело собственного нашего убеждения. А сверх того мы в упомянутой статье задавались не изложением *своих* собственных в этом отношении мыслей, а старались найти истинную мысль Законодателя и такую форму кодификации, которая бы выразила эту мысль полностью. А так как мысль Законодателя несомненно заключает в себе призыв народного представительства, то наша статья никак не может этого игнорировать, не может, следовательно, и отрицать действия народного представительства. Да, повторяем, что если бы мысль Законодателя и отвергла идею народного представительства, то мы не могли бы не указать, что это лишило бы Россию очень важного элемента совершенства государственных учреждений.

Но почему же мы в параллель статье 86, говорящей о необходимости «одобрения» Государственной Думы, заметили только, что закон не может быть ни издан, ни отменен иначе как Высочайшим повелением? Почему мы ни положительно, ни отрицательно не упомянули о выражении «одобрение Думы»? Это очень просто. Потому, что в данном месте, то есть там, где требуется говорить об облечении какого-либо предложения или правила значением *закона*, – нельзя гово-

рить ни о какой другой силе, кроме той, которой принадлежит власть *законодательная*. А таковой является власть Верховная. Итак, в данном месте не должно было быть речи ни о чем, кроме Высочайшего повеления. Что касается до условий обсуждения и решения, при которых Высочайшее повеление состоялось, об этом должно трактовать в отделе об учреждениях, привлеченных к делу законосоставления, то есть в отделе закона о правах и обязанностях Государственного Совета и Государственной Думы.

К этому предмету, как объяснено в той же статье в № 239, мы имеем в виду возвратиться особо, точно так же, как и к вопросу о соотношении управления церковного и общего государственного. Посему, полагаем, никаким недоразумениям относительно нашего мнения об участии народного представительства в законодательном деле наша статья отнюдь не дает места.

Она, конечно, не исчерпывает всего, что наши читатели, может быть, желали бы услышать по этому предмету. Так, несомненно, каждый теперь желает выяснить себе: что означает выражение «одобрение Государственной Думы»? В настоящее время наши «контroversы»¹ сосредоточиваются больше всего около этого выражения «одобрения»... Вполне признаем необходимость разобраться в этом обстоятельстве. Но повторяем, что в данной статье мы могли трактовать лишь о том, что входит в ее тему, и о Думе и Совете должны будем говорить особо, когда специально о них будем трактовать.

О реформе народного представительства.

В многочисленных статьях о необходимости реформы наших государственных учреждений 1906 года мы останавливались доселе по преимуществу на тех изменениях статей

закона, которые касаются вопроса о Верховной власти. Таковы были особенно статьи в №№ 231, 233 и 239 *Московских Ведомостей* за 1909 год. Относящиеся сюда изменения не трудны, так как представляют скорее редакционную работу, чем реформирующую. Гораздо сложнее вопрос о народном представительстве, так как здесь потребна действительная *реформа* самих учреждений.

Начать с того, что у нас, по букве закона, даже и совсем не существует *народного представительства*. Такого термина закон не знает. Закон знает только лиц, «избираемых населением Российской Империи» для обсуждения законодательных предположений, восходящих к Верховной Самодержавной власти (статьи 1 и 2 Учреждения Государственной Думы). Какой государственно-правовой принцип выражают эти лица – это более чем неясно.

Эти лица не находятся ни в какой степени подчинения у избирателей, не ответственны перед ними, не получают наказов, не обязаны перед ними отчетами (статья 14), не имеют с ними никаких обязательных сношений, а статья 61 Учреждения возбуждает даже сомнение в том, имеют ли «избираемые лица» само *право* представлять своих избирателей. С другой стороны, эти лица не находятся ни в какой зависимости и от Верховной власти и не несут перед ней какой-либо ответственности за свою деятельность. Не представляя ни прав народных, ни прав Верховной власти, эти лица имеют, однако, поразительную степень силы и независимости. Они даже и перед законом ответственны фактически лишь «по постановлению Думы» (статья 21), то есть по собственному своему. А между тем хотя они обязаны лишь «обсуждать законодательные предположения, восходящие к Верховной Самодержавной власти», однако же без «одобрения» их не может последовать никакой новый закон (статья 86), а потому, по смыслу статьи 94, не может быть отменен и какой-либо прежний закон.

Откуда может истекать такая чрезвычайная власть лиц, не представляющих ни народа, ни Верховной власти? По-

видимому, их право истекает исключительно от Воли Верховной власти; но трудно понять, каким образом право, даваемое Верховной властью, может становиться столь независимым от нее самой.

По старой теории Гоббса, монархический абсолютизм объяснялся тем, что народ отрекся от своей воли в пользу монарха. Но при этом народ переставал уже быть властью Верховной, чем и объяснялась независимость монарха. По нашим же узаконениям 1906 года Верховная власть оставлена за Монархом, Который не дает никакой присяги на верность конституции. Наоборот, члены Думы обязуются «хранить *верность* Его Императорскому Величеству Государю Императору и Самодержцу Всероссийскому» (Приложение 1 к статье 13 Учреждения). По статье 17 без этого торжественного обещания избранному нельзя стать членом Думы, и вообще это обещание верности дается членом Думы не лично, по долгу подданного, а по долгу члена учреждения.

Все это вместе взятое делает совершенно непонятным, какой государственно-правовой принцип выражают в себе у нас лица, избранные населением для участия в законодательной работе. С одной стороны, они не зависят решительно ни от кого; с другой стороны, не имеют в себе никакого самодовлеющего права, которое бы объясняло их влияние на все и их независимость от кого бы то ни было. Как все загадочное в законе, этот институт ищет своей разгадки в практике. Самоволие членов Думы превзошло все исторические примеры. Члены Думы считают себя буквально чем хотят: некоторые – Царскими слугами, некоторые – представителями групп населения, некоторые – вообще представителями народа (по ходячей конституционной теории), некоторые – представителями даже не нации, а революционного класса: пролетариата. «Избранные населением Империи лица», не зная сами, что они такое, пробуют быть чем кому угодно, и едва ли мы ошибемся, утвердительно сказав, что и правительство не знает, что такое за институт представляют наши «избираемые» лица.

Как нам кажется, именно с этой загадочностью и неясностью, порождающей самоволие и революционные попытки, *реформа должна покончить прежде всего*. Закон необходимо должен объяснить, что это за институт, откуда проистекают его права, и соответственно с тем последовательно и логически определить права и обязанности лиц, «избираемых» для законодательной деятельности.

Вдумываясь в учредительные и объяснительные волеизъявления Верховной власти, нам кажется, что закон должен бы был прямо и ясно признать избираемых членов Думы и Государственного Совета ничем иным, как *народным представительством*, введя таким этот институт в наш государственный строй. Но при этом необходимо оберечь и государственный строй, и закон от ошибки, опасение которой, быть может, и было причиной столь непонятной и загадочной постановки «избираемых» лиц по законам 1906 года.

Народное представительство вообще бывает двоякого рода: 1) оно может представлять собой *волю народа, государственную власть народа*, в каком случае само является носителем Верховной власти; 2) оно может представлять *мнения, интерес и желания народа* перед Верховной властью. У нас, вне сомнения, может быть лишь народное представительство второго рода, ибо как закон, так и исторический факт одинаково говорят, что Верховной властью в России является *Монарх*: значит, другой Верховной власти ни у кого уже не может быть. Как ни ясно кажется это, закон должен выразить это в своем тексте и засим организовать народное представительство, сознательно и логически, сообразно с тем, что оно есть в действительности.

Представительство, выражающее в себе не волю и власть народа, а его мнения, интересы и желания, не только не находится в каком-либо несоответствии с Верховной властью Самодержавного неограниченного Монарха, но, напротив, составляет необходимое при нем учреждение. Его смысл состоит в том, что оно создает *реальную* связь между Царем и народом – связь, всегда предполагаемую при Монархическом

Самодержавии, но без народного при Царе представительства способную дойти почти до фикции.

Но если закон будет созидать *такое* народное представительство, то он непременно должен озаботиться о том, чтобы лица, им облеченные, были *действительными* представителями народа, то есть находились с ним в связи и взаимном понимании. Этого нельзя достигнуть иначе, как назначая представителя (депутата) не от случайной массы избирателей, как ныне, а от определенных *групп* населения. В этом случае депутат имеет возможность знать своих избирателей, объясняться с ними, давать им отчеты, узнавать их мнения о своей деятельности, узнавать их потребности и желания. Система *наказов* неприменима при отправке депутата на общую законодательную работу, но когда депутат знает свою группу и посылающая его группа знает его, то взаимное понимание и нравственная ответственность депутата и без наказов сами собой установятся.

Такие группы нелегко найти на практике. Народ в настоящее время более дезорганизован, чем когда бы то ни было. Даже наиболее организованный доселе класс – земледельческого крестьянства – теперь переживает эпоху дезорганизации, распада общины и какого-то нового подбора своих членов. Быть может, наилучший исход составило бы представительство от земских и городских учреждений, от остатков сословных учреждений, с постепенным дополнением этого представительства по мере образования новых организованных групп, как, например, рабочих промышленных, сплачиваемых в страховые учреждения. Разумеется, мелкие учреждения – крестьянские, рабочие, отчасти городские, могли бы для выборов депутатов быть соединяемы в более обширные группы. Во всяком случае, вступив на путь представительства от реальных групп, мы могли бы его составить и теперь и усовершенствовать с дальнейшими трудами в том же направлении.

Необходимым последствием этого рода представительств является возможность доступа для депутата к Вер-

ховной власти. Исполняя ту законодательную работу, для которой он призван и избран, депутат имеет еще другую миссию – быть органом общения народа с Верховной властью не как член Думы или Совета, а как представитель известной группы населения, тем более, что сама Верховная власть, утверждая или не утверждая законопроект, может иметь потребность выслушать голос лиц, в данном деле наиболее заинтересованных.

Третье последствие правильно поставленной идеи народного представительства состоит, наконец, в том, что представительством могут пользоваться только граждане данного государства, а не элементы антигосударственные, как ныне. В законодательных учреждениях не может быть представительства ни от каких групп, враждебных обществу или государству, – не только в смысле, например, ассоциаций воров, грабителей, фальшивомонетчиков, контрабандистов и т. п., но также и от групп, принципиально отрицающих данное государство, каковы группы революционные. Их присутствие в современных законодательных учреждениях составляет величайший абсурд конституционализма и одно из сильнейших орудий революционных потрясений страны. Можно почти наверное сказать, что, например, в Германии со времени развития социального законодательства социально-демократическое представительство является главным препятствием для развития *рабочего* представительства и для превращения рабочего класса в класс гражданский, действительно занятый постоянным улучшением своего социально-экономического положения. У нас при малом гражданском развитии населения представительство революционных партий еще гораздо вреднее и опаснее для разумного социально-политического созидания страны.

В общей сложности установка народного представительства *при Верховной власти*, а не как орудия переворота Верховной власти, составляет самую настоящую нужду при реформе института наших загадочных, «избираемых населением» законодателей. Это задача принципиального зна-

чения. А вместе с ней имеется еще рад чисто технических несовершенств в учреждениях 1906 года, вполне обнаруженных практикой и тем яснее вопиющих о реформе. Этому вопросу мы посвятим, однако, особое рассуждение.

О реформе законодательных учреждений.

Как мы заметили вчера в № 252 *Московских Ведомостей*, практика наших новых законодательных учреждений выяснила в них очень много недостатков. Неясно даже то, почему, в каких целях они разделены на две «палаты», как теперь выражаются. Мы не говорим, чтобы это было не нужно; но надо знать, для чего это делается, в чем именно *функция* каждой из «палат».

У нас, конечно, шли просто по стопам Европы, и единственный смысл Государственного Совета видели, вероятно, в том, что это – более «консервативное» учреждение, некоторая сдержка для буйной «нижней палаты», некоторый контроль ее поспешных и легкомысленных решений. Нельзя, однако, не заметить, что в добропорядочном государственном строе совсем не должно быть ни легкомысленных, ни буйных, ни революционных учреждений, как не должно быть и никаких консервативных учреждений, а требуется, чтобы каждое учреждение исполняло какую-нибудь специальную функцию, и исполняло ее хорошо. Создавать почему-то одно революционное учреждение, другое консервативное, третье реакционное – это значило бы не вести государственное дело, а играть в политику.

В законодательном деле, как и в других, действительно потребны *инстанции* делопроизводства, но они должны иметь разумный деловой смысл, как это, например, существует в судебном ведомстве. С этой точки зрения – отношения Государственного Совета и Государственной Думы

требуют серьезного пересмотра. Мы, однако, оставляем этот вопрос на будущее и переходим специально к вопросу о Государственной Думе. В ее деятельности практика выяснила особенно много недостатков, некоторые из которых положительно нетерпимы, другие, во всяком случае, предоставляют серьезные неудобства.

Прежде всего непонятно, почему председатель Государственной Думы есть лицо, *избираемое* самой Думой. Если бы предположить, что Государственная Дума – какая-то враждебная и чуждая для государства сила, то, разумеется, ей необходим собственный, излюбленный председатель. Но в государстве все учреждения должны быть государственными, тут недопустимы никакие неприятельские армии. Следовательно, в вопросе о председателе мы должны исходить не из счетов и препирательств двух враждебных сторон, а из соображения о пользе дела.

Функция председателя состоит в руководстве порядком прений, и совершенно не видно, для чего нужно для этого лицо непременно *выбранное*. Фактически мы видим, что назначенный председатель Государственного Совета оказывается лучше избранного председателя Государственной Думы. И это немудрено, ибо его положение яснее и проще. Избранный председатель связан с большинством, давшим ему голоса. Он поневоле считается с этим большинством, а потому или держит его руку, или постоянно в этом подозревается. Назначенный председатель, напротив, может вести свое дело с большим беспристрастием и большей независимостью. Он самим фактом назначения поставлен *вне* партий и направлений, облачается *единственной* обязанностью руководить порядком прений, соответственно с чем и намечается по способности именно к этой роли.

Трудно сомневаться, что дела в Государственной Думе пошли бы лучше и успешнее, если бы и в ней, подобно Государственному Совету, председатель назначался Верховной властью. Мешать этому способны лишь самые преувеличенные опасения за нравственную независимость думской работы.

Но до каких Геркулесовых столпов¹ способны доводить такие опасения, видно из нынешней постановки неприкосновенности личности и слова членов Государственной Думы. Их «неприкосновенность» уже вошла в насмешливую поговорку и компрометирует Думу в стране больше, чем могло бы компрометировать какое бы то ни было рабское состояние. сверх того, *такая степень* безнаказанности за преступления не только нарушает народные права, но подрывает авторитет и суда, и государства вообще. Несомненно, что *неприкосновенность* и *неподсудность* членов Государственной Думы должны быть пересмотрены и значительно ограничены.

Есть предметы неприкосновенные и для неприкосновенных депутатов, и государство *обязано* не жертвовать этими предметами в пользу «избираемых» лиц, даже если они после реформы приобретут более высокий характер «народных представителей». Закон должен быть священен и для «законодателей». А потому, конечно, член Думы должен подлежать не только *наравне* с прочими гражданами, но *сугубой* ответственности, по крайней мере, за:

- 1) оскорбление Величества,
- 2) государственную измену,
- 3) преступления против религии,
- 4) преступления против нравственности,
- 5) призыв к бунту.

Несомненно, что Государственная Дума как *учреждение* крайне страдает из-за истинно бесшабашной безответственности своих отдельных членов.

Мы видели роспуск Думы из-за отказа в выдаче преступников или из-за подозрительного пособничества их бегству. А между тем есть ли какая-либо справедливость путем роспуска лишать звания лиц *невиновных*, честно исполняющих свой долг, — только потому, что преступникам дана возможность неприкосновенности, пока Дума не распущена?

Никакого *согласия* Думы на выдачу преступных ее членов не должно требоваться в законе. Это не иностранная держава, а такое же русское государственное учреждение, как

все прочие, и члены Думы за совершенные ими преступления должны быть привлекаемы обычными судебными властями без осведомления о согласии на это самого преступника или его коллег. Исключение могут представлять лишь преступления по должности, караемые в порядке статей 86–95 Учреждения Государственного Совета.

Почти неисправимые недостатки в деятельности Государственной Думы создаются также неимоверным количеством дел, ее рассмотрению подлежащих. Об этом давно и много говорят чуть ли не все знающие положение членов Думы и Государственного Совета. Нет никакой человеческой возможности рассмотреть горы законопроектов, которыми заваливаются члены этих учреждений. Эти груды бумаг не умещаются в шкафах даже богатого кабинета и начинают сваливаться на пол. Необходимо должно быть пересмотрено и изменено прохождение дел в порядке административном и в порядке законодательном. Раз администрация подвергается ныне двойному контролю, она может получить более расширенные права с тем, чтобы *законодательные учреждения* не обязаны были тратить время на обсуждение таких «законов», как отпуск ста рублей на физический кабинет какой-нибудь гимназии.

Понятие о *законе* должно быть сжато и очищено. От этого работа законодательных учреждений сократилась бы во много раз и выиграла бы во столько же раз в качестве. Гораздо выгоднее было бы расширить и углубить контроль народного представительства над действиями исполнительной власти. А это не только возможно, но и необходимо воспоследовало бы при преобразовании народного представительства в указываемом нами смысле (*Московские Ведомости*, № 252).

Сокращение количества дел не помогло бы, однако, вполне порядку, если не принять также решительных мер к ускорению бюджетной работы Думы и Совета. Бюджет, как известно, стал у нас излюбленным предметом эксплуатации политиканства. Думские партии сделали из него способ дать на правительство и расширять свою власть, затягивая

преднамеренно разрешение кредитов и нанося этим величайший вред всему государственному хозяйству. Платоническое предписание закона о сроке рассмотрения росписи не исполняется, и правительство не имеет никаких способов побудить Думу к исполнению ее обязанностей. Единственное средство искоренить это быстро укоренившееся зло состояло бы в том, чтобы роспись, если не будет рассмотрена к назначенному сроку, изымалась из Думы и переходила в Государственный Совет; если же и там не будет окончена к сроку, переходила бы далее на единоличное решение Государя Императора. Тогда политическая спекуляция на почве росписи была бы вырвана с корнем.

Точно так же необходимо поставить вообще какой-либо *срок обсуждения* законов. В Думе застревают на целые годы важнейшие правительственные законопроекты, причем это делается в некоторых случаях несомненно предумышленно, в тех же политиканских целях партий и вожаков, которым по их оппозиционным или избирательным соображениям оказывается потребно оттянуть обсуждение важного закона или выдвинуть на первую очередь какой-нибудь совсем не важный. Известно, что иногда уже оказывались потребными самые могущественные внешние воздействия, чтобы заставить Думу выходить из такого преднамеренного оттягивания дел. Установление предельного *срока* обсуждения (конечно, достаточно продолжительного) пресекло бы эти нетерпимые злоупотребления, так как по истечении назначенного срока законопроект должен был бы переходить в Государственный Совет, а по истечении срока обсуждения в последнем – восходить на непосредственное решение Верховной власти. Такая перспектива отбила бы у политиков охоту злоупотреблений своей бесконтрольной властью и безнаказанным произволом.

В заключение нельзя не указать еще на необходимость *сокращения сессий* Государственной Думы. Конечно, если мы хотим развить из депутатов сословие политиканское, то вопрос о сроке сессий не важен. Но если желательно разви-

вать у нас действительное народное представительство, то необходимо дать депутатам возможность не отставать от жизни представляемых ими групп и находиться с ними во взаимодействии. Для достижения этого нужно иметь время, свободное от законодательства, и сокращение сроков сессий было бы широко вознаграждено улучшением качества работы народных представителей, более окруженных влиянием народного духа.

Таковы, нам кажется, главнейшие задачи реформы народного представительства, которые с каждым годом яснее указываются практикой Государственной Думы.

Два типа народного представительства.

Поднимая вопрос о реформе народного представительства, мы естественно не можем не задать себе вопроса: какой из вышеуказанных типов представительства выше, разумнее, полезнее, а в частности – при каком из них народ имеет более серьезное влияние на решение государственных дел? Сравнение типов столь различных, конечно, очень сложно. С одной стороны, мы имеем стремление посредством народного представительства создать самую *Верховную власть*. С другой стороны, мы имеем народное представительство *при Верховной власти*. С точки зрения честолюбия депутатов, конечно, первый тип кажется привлекательнее: быть Верховной властью – выше, чем быть хотя бы и важным орудием Верховной власти. Но мы не можем оценивать высоты учреждений меркой личных интересов депутатов. Для такой оценки приходится думать об интересах народа и государства. А с этой единственно правильной точки зрения представительство народа при Верховной власти несравненно предпочтительнее, чем создание Верховной власти из народных представителей.

Прежде всего, если говорить собственно о России настоящего момента, стремление создать Верховную власть из представителей народа есть стремление ниспровергнуть уже существующую Верховную власть Монарха. Задача чисто революционная, влекущая неизбежно к смутам и междоусобицам, к подрыву народных сил на какой-то очень продолжительный период времени, с постоянным чередованием революций и реакций, которые попеременно уничтожают все, ими сделанное, и дают народу какой-то плохой компромисс между двумя непримиримыми идеями. Эта политическая работа нам представляется прямо нелепой с точки зрения интересов нации и государства. Зачем мы будем резаться из-за создания Верховной власти, если она и без того существует у нас так много веков?

Она есть и была, она руководила народом Русским при множестве различных условий, избавляя его от опасностей, приводя его к исполнению великих международных и внутренних задач. В каждый исторический период она успешно производила глубочайшие реформы, приспособленные к новому развитию сил народа и государства.

При здравом смысле невозможно постигнуть: для какой надобности мы стали бы ниспровергать эту Монархическую Верховную власть и заменять ее парламентарным способом создания Верховной власти?

Если мы отвлечемся от современной России и станем на общую государственно-правовую почву, то и тогда должны сказать, что Самодержавная Верховная власть Монарха для народа и государства выгоднее всякой другой.

Верховная власть государства действует тем лучше, чем она прочнее и незыблее. Такова и есть монархия. Постоянное же созидание Верховной власти, точнее – ее носителей, при республике и парламентаризме лишает государственный аппарат этой необходимой устойчивости. Поэтому-то даже и в парламентарных странах цепляются за обрывочки монархии как за некоторую гарантию хоть какой-нибудь устойчивости вечно зыблемого носителя Верховной власти (парламента).

Там же, где Монархическая Верховная власть не потрясена до невозможности существования, ею должно дорожить как величайшим политическим сокровищем, и все, о чем можно и должно заботиться, – это поддержание или создание условий, при которых бы Монарх не разъединялся с народом и мог не в одной теории, а на практике являться *представителем всей нации*. Таковая функция и лежит на народном представительстве при Верховной власти Монарха.

Эта функция высока и почетна для самих лиц, ее несущих, и такое представительство есть единственное, при котором народ действительно присутствует при Верховной власти. Создание Верховной власти из представителей народа есть всегда не более, как обман народа. Это факт не только вполне засвидетельствованный наукой, но и практически вполне известный народам во всех парламентарных странах. В действительности народ там совсем не имеет *своего* представительства, а имеет лишь представителей *партий*, господствующих над народом.

За исключением немногих малых стран, таких как Швейцария, имеющая чисто демократическое устройство, единственный способ ввести народ в государственное управление дает народное представительство при *Монархе*, без всяких претензий заменить собой Монарха.

Права такого представительства, конечно, складываются иначе, чем при парламентарном строе, но могут быть и глубже, и шире. Нынешние наши «избираемые лица» имеют на вид поразительно широкие права, но в отношении чего? Им дано то, чего хороший человек вовсе и не пожелает иметь. Мы видим, что в Думе можно почти безнаказанно, а то и совсем безнаказанно совершать величайшие скандалы, можно ничего не делать, можно совершать такие преступления, как оскорбление Величества, оскорбление религии, оскорбление нации, армии, ведение революционной пропаганды с думской кафедры и т. д. Но для народа вовсе не нужно, чтобы депутаты его имели права на такие деяния, да и для хорошего гражданина не требуется права на совершение того, чего ему не позволяет делать гражданская и человеческая совесть. Ны-

нешние «избираемые лица» имеют право обсуждать законы и бюджет, политически спекулируя тем и другим. Конечно, представители народа при Верховной власти таких вредных для народа и государства прав получить не могут. Но они взамен того могут и по смыслу своего учреждения должны иметь другие, более важные права.

Так, например, они по самой своей идее должны иметь доступ непосредственно к Верховной власти, право доведения до ее сведения мнений и нужд своих избирателей. Нынешние «избираемые лица» имеют право контролировать исполнительную власть только с точки зрения «закономерности» ее действий. Народное представительство при Верховной власти, несомненно, получило бы право контроля правительственной власти не только с точки зрения закономерности, но также *целесообразности* и *успешности* действий.

При таком положении влияние народного представительства стало бы и глубже, и полезнее. Да и вообще, опираясь не на партии, а на само население и находясь в непосредственном общении с Верховной властью, представительство народа получило бы несравненно более значения и влияния, нежели вечно борющиеся со всеми властями претенденты на присвоение себе Верховной власти. Представительство, нами рекомендуемое, не подрывает Верховной власти и не присволяет ее себе, а, напротив, укрепляет ее. Но эта функция – высокая, почетная и влиятельная – для государства и народа необходима.

Вся ценность народного представительства зависит от того, насколько оно проводит в государственную жизнь мысль чисто народную и попечение о нуждах действительно народных. Но и в этом отношении рекомендуемое нами представительство вне всякого сравнения выше парламентарного.

Представительство парламентарное основано на объединении народа партиями, а потому неизбежно создает господствующий политиканский слой. Эта система не объединяет народ с государством, а разъединяет посредством средостения партий. Организованная часть партий, – всегда

ничтожной численности по сравнению с народными массами, — становится единственным, так сказать, активным гражданством. Эта система создает господствующий над народом политиканский класс, который не может быть назван новой «аристократией» только по неблагородству своего персонала, но, во всяком случае, эта система глубоко антидемократична.

Напротив, система представительства от самих групп населения столь же глубоко демократична. Она всем своим влиянием постоянно направляет мысль государства за заботу не о том, что нужно для партий, а на то, что нужно для самого населения, для народа.

Но если, таким образом, прямое внепартийное представительство народа единственно полезно и нужно для населения, то и для крепости и мудрости государства нужно также только оно. Государство тем прочнее, чем теснее связано с народом, чем более выражает в себе и в своем действии народную мысль и потребности. Как в отношении внутреннего порядка, так и в отношении внешней мощи сильно и прочно только государство, связанное с мыслью и потребностями народа. Все же эти условия создаются только рекомендуемым нами представительством.

Таким образом, если мы станем на точку зрения блага народа и государства, то не можем вынести другого решения, как то, что для *народа* и государства нужно и полезно исключительно непосредственное, групповое, внепартийное представительство народа при Верховной власти. Что касается представительства, имеющего целью создание из себя Верховной власти, то это учреждение может получать смысл разве только в случае отсутствия другой, более прочной Верховной власти; у нас же, в России, при наличности Верховной власти Монарха, такой потребности нет, а потому и парламентарное представительство окончательно не имеет никакого смысла существования.

У могилы П. А. Столыпина.

В минуту последнего, хотя и заочного, прощания с человеком, которого я высоко ценил, на которого возлагал много надежд и которого благородная личность возбуждала во мне искреннюю привязанность, – в такую минуту невольно вырывается слово чисто личное, свободное от условностей, такое, какое от меня слышал почивший при его жизни.

То, что читающие эти строки имеют перед собой, – не статья. Это мое грустное размышление над могилой утраченного человека, близкого не по внешним условиям и отношениям света, а по чувству, развившемуся за четырехлетнее знакомство... Четыре года – это почти вся кратковременная политическая жизнь правителя, промелькнувшего в нашей государственности, как мимолетный блестящий метеор.

Теперь его оплакивают, и – есть за что. Дай Бог, чтобы нам не пришлось оплакивать его еще сильнее, если Россия начнет справлять по нему тризну междоусобиц... Его редкий талант распутывать усложнения и парализовать опасности только и давал нам последние пять лет возможность жить среди такого положения, которое само по себе представляет собой не столько общественный и политический строй, как хаос борющихся сил, лишенный внутреннего равновесия.

Не Петр Аркадьевич создал это положение. Он был им захвачен, как и все мы, малые люди, но на него легла тяжкая задача, на нас не лежавшая: в этом расшатанном хаотическом состоянии страны и государства вести государственный корабль.

И он его повел. Вчера еще никому не известный – он проявил несравнимое искусство кормчего. На разбитых щепках некогда великого корабля, с изломанными машинами, с пробоинами по всем бортам, с течами по всему дну, при деморализованном экипаже, при непрекращающейся бомбардировке врагов государства и нации, – Петр Аркадьевич Столыпин

страшным напряжением своих неистощимых сил, беспредельной отдачей себя долгу и редкими правительственными талантами умел плыть и везти пассажиров, во всяком случае, в отнесенном благополучии.

Его долго не признавали и отрицали, как теперь, может быть, станут превращать в кумира. Я не преклонялся перед ним, не преклоняюсь и теперь ни перед чем, кроме его благородной рыцарской личности. Но не обинуясь¹ скажу, что за свыше 20 лет, в течение которых я знал целый ряд крупнейших наших государственных деятелей, не вижу ни одного, который бы был выше Столыпина по совокупности правительственных способностей. Были лица более глубокие в смысле философии государственности, более, конечно, твердого характера, более, конечно, обширных знаний и, конечно, – более определенного мирозерцания. Но правителя, соединяющего такую совокупность блестящих качеств, необходимых в то время, когда одному приходится заменять собой десятерых, правителя такого самоотвержения, такой напряженной сердечной любви к России, – я не видал.

Думаю, что не случайно он попал в свое время на первое место. Тогда на первом месте мог быть только он. Положение было слишком непривлекательно и страшно. Дело, конечно, не в опасности смерти. Многие отдавали свою жизнь не менее беззаветно. Но страшна была сама трудность дела, отнимавшая надежду на успех. В этом отношении у Петра Аркадьевича были внутренние опоры, которых *в такой степени*, мне кажется, не обнаруживалось у других. Это – вера в Бога и в Россию. Это давало ему веру в успех даже без отчетливого представления – в чем он будет заключаться. В этом был, думаю, секрет его уверенности, которая давала шансы на успех сама по себе.

У Петра Аркадьевича Столыпина были необычайно чуткие русские инстинкты. Он, я прямо скажу, как истый человек интеллигенции не знал России, особенно Великороссии, но кровь предков говорила в нем. Он по общеинтеллигентскому несчастью не знал православной веры, что порождало

его ошибки в церковной политике. Но кровь предков громко говорила в нем, и его душа была глубоко русская и христианская. Он так верил в Бога, как дай Господь верить Его служителям перед алтарем... Он так верил в Россию, что в этом перед ним можно только преклоняться. И в этой вере он черпал огромную силу.

Года три назад, после одной моей долгой речи, полной недоумения в отношении его политики, он ответил: «В сущности, ваши слова сводятся к вопросу, что такое я: великий ли человек, русский Бисмарк, или жалкая бездарность, умеющая только влачить день за днем?.. Вопрос странный для меня... Что такое я – не знаю. Но я верю в Бога и знаю наверное, что все, мне предназначенное, я совершу несмотря ни на какие препятствия, а чего не назначено – не сделаю ни при каких ухищрениях».

Позднее, уже при последней нашей встрече в этой жизни, 13 мая сего года, на мои доказательства того, что у нас нет умиротворения и положение крайне обостряется, он сказал просто:

«Я верю в Россию. Если бы я не имел этой веры, я бы не в состоянии был ничего делать»...

Для него голос веры был аргументом.

Я возразил, что и я верю, но только тогда, когда Россия действует в свойственных ей условиях... А он верил – безусловно, во что бы то ни стало и невзирая ни на что... Это был один из тех людей, которым можно устраивать триумф «за то, что он не отчаялся в спасении отечества».

И вот, с той необоримой силой, которую дает вера, он, ничем не смущаясь, стоял на руле в то время, когда кругом кипела буря и корабль трещал по всем швам, а шквалы ежеминутно готовились снести самого кормчего в бездну. Я говорю не о смерти. Это не в счет. Он сам говорил мне: «Когда я выхожу из дома, я никогда не знаю, возвращусь ли назад». Но не в этом дело, а в шквалах политических. Все время нашего знакомства я только и слышал о хронически готовящихся его «падениях». Сколько раз тончайшие политики назначали чуть не дни этого.

Но он не падал и не упал до конца... Его держало на месте то, что вместо него невозможно было найти другого человека, и у самих противников в последнюю минуту не поднималась рука на него. Всякий понимал, что таких талантов, такой находчивости, такой вечной бодрости не найти. Где взять человека, имеющего в себе такой неистощимый арсенал правительственных средств? И не было, и нет такого. Он один в самую трудную минуту умел найти способы сделать кажущееся невозможным или предотвратить, казалось бы, непредотвратимое. Его личность заменяла все, и государственный корабль, скрипя и треща, двигался, вез сто миллионов пассажиров и подчас даже отражал врагов пальбой из своих подбитых орудий с видом некоторой победоносности.

И я спрашивал себя четыре года, как спрашиваю теперь перед его могилой: что если бы такой капитан шел на настоящем корабле, а не на нашей дырявой посудине? Какие бы страницы славы он прибавил к славным летописям прошлого? Я спрашивал себя – и его самого – зачем плыть на такой рухляди? Допустим, что человек исключительных талантов делает чудо мореплавания, не идя так долго ко дну, и поражает удивлением всякого, следящего за этим непостижимым плаванием. Но ведь не может чудо продолжаться вечно, не может никакая находчивость капитана спасти в конце концов от крушения эти обесмысленные щепки некогда победоносного корабля?

Это было предметом вечных разногласий моих с покойным. Конечно, не он разбил корабль. Он поплыл на том броненосце, где служил юнгой и лейтенантом в ту роковую минуту, когда ему пришлось принять место капитана. Но как не озаботиться исправлением?

Я знал и понимал, что это легче сказать, чем сделать. Тем более, что корабль ведь не стоит мирно в доке, а идет в бурном море, среди неприятельских миноносцев. Но вопрос по крайней мере в плане, в намерениях, в решимости пользоваться каждой минутой, возможной для починки... Об этом я много раз спорил с ним, между прочим и при последнем сви-

дании 13 мая. Потом я отправил ему 6 июля в подкрепление беседы длинное письмо, которое привожу ниже особо. Оно писано ровно за два месяца до смерти Петра Аркадьевича. Но лично говорить с ним уже больше не пришлось. Он то выезжал в имение, то был занят спешными делами и, наконец, сложил свои кости за Царя и родину в такой же чарующей красоте смерти, как умел жить.

Эта смерть составила большой удар для моих надежд, которых я до конца не оставил. Я верил в него именно по искренности его отношения к делу, и он знал это. Мне теперь остались дорогой памяткой его слова, заключившие последний горячий спор. «Я, – сказал он, – знаю очень хорошо, что когда я паду, вы будете приходить ко мне еще охотнее, чем теперь»... Это правда. Я ценил в нем именно его *личность*, а потому-то и верил, что в конце концов он увидит, что я прав, хотя в действительности оказался только один пункт, на котором он, по собственным словам, согласился со мной, – это именно в отношении произведенного в 1906 году подрыва русской гегемонии в Империи. Однако я верил, что такой отзывчивый ум, проникнутый русским чувством, не может, наблюдая смысл совершающихся фактов, не перейти к сознанию самого содержания национальных русских начал. А если бы П. А. Столыпин дошел до этого – кто мог бы лучше его найти формы и способы воссоздания разрушенных храмин России?

Этого, однако, не случилось. Теперь он ушел навсегда, а мы остались с нашим истрепанным кораблем, на котором едва ли кто способен проплыть благополучно, кроме Столыпина...

Я не упрекаю, конечно, покойного. Он делал, как ему указывал разум, поступил по-своему, как и должно. Иначе он бы и не заслуживал названия государственного человека. Но позволительно перед могилой его высказать сожаления, которые он слышал от меня при жизни. Дозволительно думать, что, может быть, теперь он бы не был и в могиле, если бы не верил несуществующему умиротворению. Но все – увы! – пошло таким путем, как пошло... Теперь остается только по-

благодарить его хоть за то, что он дал, – за эти пять лет спокойной жизни. Это достаточный срок для того, чтобы люди, способные думать, могли подготовиться к какому-либо прочному устройению родины.

Много ли у нас надумали, и что теперь сделают, когда ушел Столыпин, по жалобам своих противников мешавший им, – все это увидит тот, кто доживет... Боюсь, что ничего, пожалуй, не сделают и без него, и тогда придется еще не раз вспомнить Петра Аркадьевича, умевшего выручать нас из бед даже и на нашей дырявой посудине...

Царство ему Небесное и вечная память...

Последнее письмо Столыпину.

Ваше высокопревосходительство,
уважаемый Петр Аркадьевич.

Позвольте мне снова возвратиться к вопросу о пересмотре закона 1906 года, который должен сделать номинального носителя Верховной власти государства действительным обладателем присущих ей прав. Дело это неотложимо, так как с нынешним режимом Россия совсем деморализуется и расшатывается. Тут нужны меры, пока еще не поздно.

Вы со всею искренностью старались вырастить государственный строй, врученный Вам на основах 1906 года. Но, положив руку на сердце, Вы не можете не видеть сами, что этот строй становится все хуже и хуже, и ничего лучшего впереди не обещает. На что же Вы уложили такое громадное количество стараний, силы, энергии и, несомненно, огромного искусства? Неужели Россия, по крайней мере ее история, не спросит, почему Вы всего себя истратили на обработку абсолютно бесплодной почвы? А ведь Россия по своим природным данным обладает богатой почвой, действительно стори-

цей способной окупать государственный труд. Но эта почва лежит вне конституции 1906 года.

Вы убеждены в необходимости народного представительства. Я – также принципиальный сторонник его и не представляю себе Самодержавия без народного представительства. Но 1906 год не дает нам и народного представительства. Он создает представительство партий. Тут не истинно народная точка зрения, не швейцарская, например, а точка зрения власти политиканства, французская (бенжамен-констановская¹).

Если мы хотим народного представительства, то должны его выращивать непременно при Самодержавии. А конституция 1906 года подрывает и то, и другое.

Овладевшая Россией политиканская аристократия пресекает попытки реформы утверждением, будто бы Государь Император, ограничив Свою власть в 1906 году, уже лишился права самостоятельной перестройки узаконений 1906 года. Я первый был бы против всякой незакономерности, но в этом отношении наши политиканы просто напускают туман.

С точки зрения закономерности положение вполне ясно. Оно таково. Государь Император в качестве власти Верховной, учредительной, санкционировал такой строй, при котором власть Императора ограничена. Понятно, что все время, пока Верховная власть поддерживает существование именно данного строя, означенные ограничения составляют законную норму. Но это не значит, чтобы Верховная власть теряла право изменять самый строй, ею раз заведенный, отменять его, вводить еще большие самоограничения или, напротив, устранять их. Юридически безграничные учредительные права Верховной власти есть факт государственной природы. Самоограничения Верховной власти сохраняются лишь до каждого нового акта учредительства.

Таким образом, вопроса о праве Верховной власти изменять какой бы ни было строй не может и существовать. Вопрос о таких изменениях сводится не к закономерности, а только к целесообразности.

Вопрос же о целесообразности приводит нас именно к пожеланию изменить строй, явно оказавшийся неудачным, не осуществляющим целей государственного блага.

Этот строй уже практически показал свое полное несоответствие с задачами хорошего управления страной. Полный противоречий по внутреннему смыслу, он порождает борьбу не только партий, но даже самих государственных учреждений, и это потому, что у государства отнято действие необходимой части механизма, последней решающей инстанции, то есть Верховной власти. Когда Верховная власть не лишена своих прав, то, если она даже ими не пользуется (как и должно быть, пока дела идут хорошо), ежеминутная возможность ее выступления держит всех в должном порядке.

Но когда конституция закрывает для Верховной власти реальные способы проявления, то государство погружается в беспорядки.

Строй 1906 года, будучи по смыслу двойственным и уклоняясь от ясного отношения к какой бы то ни было Верховной власти, и сложился так, что в нем все могут мешать друг другу, но нет никого, кто принудил бы государственные учреждения к солидарной работе. Сам Государь Император может самостоятельно лишь не допустить закона воспрять силу, но создать потребного для страны закона самостоятельно не может. Но такое построение учреждений годилось бы только при задании «ничего не делать», а ведь государство, наоборот, имеет задачей работать, и особенно в стране, столь расстроеной за предыдущие годы бедствий и смут.

Этот строй, крайне плохой в смысле аппарата, сверх того совершенно антинационален, то есть не соответствует ни характеру нации, ни условиям общего положения Империи. От этого в стране порождается на всех пунктах дезорганизация. Единящие элементы ослабляются. Появляется рыхлое, скупающее, недовольное настроение. Русские теряют дух, веру в себя, не вдохновляются патриотизмом. При этом классовые и междуплеменные раздоры необходимо обостряются.

Россия составляет нацию и государство – великие по задаткам и средствам, но она окружена также великими опасностями. Она создана русскими и держится только русскими. Только русская сила приводит остальные племена к некоторой солидарности между собой и с Империей. Между тем мы имеем огромное нерусское население, в том числе такое разлагающее и антигосударственное, как евреи. Другие племена непосредственно за нашей границей на огромные пространства входят в чужие государства, иные из которых считают своим настоящим отечеством. Мы должны постоянно держаться во всем престиже силы. Малейшее ослабление угрожает нам осложнениями, отложениями. Внутри страны все также держится русскими. Сильнейшие из прочих племен чужды нашего патриотизма. Они и между собой вечно в раздорах, а против господства русских склонны бунтовать. Элемент единения, общая скрепа – это мы, русские. Без нас Империя рассыплется, и сами эти иноплеменники пропадут. Нам приходится, таким образом, помнить свою миссию и поддерживать условия нашей силы. Нам должно помнить, что наше господство есть дело не просто национального эгоизма, а мировой долг. Мы занимаем пост, необходимый для всех. Но для сохранения этого поста нам необходима Единоличная Верховная власть, то есть Царь, не как украшение фронтона, а как действительная государственная сила.

Никакими комбинациями народного представительства или избирательных законов нельзя обеспечить верховенства русских. Себя должно понимать. Как народ существенно государственный, русские не годятся для мелочной политической борьбы: они умеют вести политику оптом, а не в розницу, в отличие от поляков, евреев и т. п. Задачи верховенства такого народа (как было и у римлян) достижимы лишь Единоличной Верховной властью, осуществляющей его идеалы. С такой властью мы становимся сильнее и искуснее всех, ибо никакие поляки или евреи не сравнятся с русскими в способности к дисциплине и сплочению около единоличной власти, облеченной нравственным характером.

Не имея же центра единения, Русский народ растеривается, и его начинают забывать партикуляристические народности. Историческая практика создала Верховную власть по русскому характеру. Русский народ вырастил себе Царя, союзного с Церковью. С 1906 года то, что свойственно народу, подорвано, и его заставляют жить так, как он не умеет и не хочет. Это несомненно огромная конституционная ошибка, ибо каковы бы ни были теоретические предпочтения, практический государственный разум требует учреждений, сообразованных с характером народа и общими условиями его верховенства. Нарушив это, 1906 год отнял у нас то, без чего Империя не может существовать, – возможность моментального создания диктатуры. Такая возможность давалась прежде наличием Царя, имеющего право вступаться в дела со всей неограниченностью Верховной власти. Одно только сознание возможности моментального сосредоточения наполняло русских уверенностью в своей силе, а соперникам нашим внушало опасения и страх. Теперь это отнято. А без нашей бодрости некому сдерживать в единении остальные племена.

Такое обессиление и разъединение русских произведено как раз в историческую эпоху, требующую особенного сплочения. Идет последний раздел Земного шара. Мир ходит на вулкане международной борьбы за существование. А внутри обществ (вследствие классового характера государств, утративших единящую власть монархии) развилась язва социализма, вечно грозящая потрясениями и переворотами. При таких-то условиях мы отбросили важнейшее свое преимущество перед другими народами – возможность Верховного примирения враждующих, обуздания эксплуатации, усмирения бунтующих грозным мечом диктатуры. Но такой строй не может держаться. Он и сам рассыпается, потому что бессилен, не авторитетен, не развивает действия, порождает борьбу, которой не в силах сдержать. Жить он не может, но он может вместе с собой погубить Россию.

Посему, с точки зрения государственной целесообразности, изменение его необходимо и неотложно. Затягивать

гниение слишком опасно, ибо в таком существовании будет постепенно терять доверие даже и сама Царская власть. Народ, разуверившись в ней, может искать защиты в демагогии, и если это зайдет очень далеко, то, может быть, нас и ничто уже не спасет. Должно принять еще во внимание, что исправить законы есть дело удобоисполнимое.....

.....

.....

.....

.....

Этот строй, во всяком случае, уничтожится. Но неужели ждать для этого революций и, может быть, внешних разгромов? Не лучше ли сделать перестройку, пока это можно производить спокойно, хладнокровно, обдуманно? Не лучше ли сделать это при государственном человеке, который предан и Царю, и идее народного представительства?

Ведь если развал этого строя произойдет при иных условиях, мы, наверное, будем качаться между революцией и реакцией, и в обоих случаях вместо создания реформы будем только до конца растрчивать силы во взаимных междоусобицах, и чем это кончится – Господь весть.

Ваше высокопревосходительство не несете ответственности по созданию конституции 1906 года. Но вы ее всеми силами поддерживали, упорствуя до конца испытать средства вырастить на этих основах нечто доброе. Позвольте высказать без несвоевременных стеснений, что именно Вам надлежало бы посвятить хоть половину этих сил на то, чтобы избавить Россию от доказанно вредных и опасных последствий этой неудачной конституции.

Свидетельствую Вашему высокопревосходительству мое искреннее уважение, без которого я бы, конечно, не мог себе позволить такого письма. С пожеланиями счастливых вдохновений остаюсь всегда желающий Вам всякого добра

Лев Тихомиров

5-го июля 1911 г.

Пометка П. А. Столыпина на моем письме.

Брат покойного Петра Аркадьевича Столыпина опубликовал в *Новом Времени* (№ 12758 от 18 сентября) в высшей степени интересное заявление относительно пометки П. А. Столыпина на моем письме ему от 5 июля сего года, опубликованном мной в № 207 *Московских Ведомостей*. Привожу целиком статью г-на А. Столыпина, хотя значительная ее доля не нужна для читателей *Московских Ведомостей*. Он («Письмо Л. Тихомирова») пишет:

«Редактор *Московских Ведомостей*, г-н Л. Тихомиров, опубликовал письмо, посланное им в июле месяце этого года моему покойному брату. В этом письме он доказывал необходимость пересмотра законов 1906 года, утверждая, что на основе этих законов невозможно вырастить государственный строй.

Установив тезис, что безграничные учредительные права Верховной власти есть факт государственной природы, автор письма сводит вопрос об изменении Основных законов не к закономерности, а к целесообразности.

Коренные недостатки существующего строя г-н Тихомиров усматривает в противоречиях по внутреннему смыслу, порождающих борьбу не только партий, но даже самих государственных учреждений, и это потому: «что у государства отнято действие необходимой части механизма, последней решающей инстанции, то есть Верховной власти». Далее же идут общие рассуждения о характере русской и инородческой политики и, наконец, автором высказывается его основное положение о необходимости такого законодательства, которое бы предусматривало моментальное создание диктатуры. Оправдывая настоятельность таких коренных перемен, г-н Л. Тихомиров указывает и на то, что «исправить законы есть дело удобоисполнимое лишь тем самым Императором, который санкционировал их», так как преемник будет связан Волей своего предшественника.

Кончается письмо таким обращением: «Ваше высокопревосходительство не несете ответственности по созданию конституции 1906 года. Но Вы ее всеми силами поддерживали, упорствуя до конца испытать средства вырастить на этих началах нечто доброе. Позвольте вам высказать без несвоевременных стеснений, что именно вам надлежало бы посвятить хоть половину этих сил на то, чтобы избавить Россию от доказанно вредных и опасных последствий этой неудачной конституции» (не имея под руками номера *Московских Ведомостей*, цитирую по подлинному письму).

Обнародование письма публициста, деятельность которого мой брат ценил и поддерживал, имеет большое значение не только как провозглашение личных мнений г-на Тихомирова, но и как возможность предположения, что эти мнения разделялись и могли бы целиком или частично лечь в основу новой политической программы. Поэтому я считаю нравственным долгом моим обнародовать также и пометку, сделанную рукой П. А. Столыпина на полученном им письме. Она гласит: *«Все эти прекрасные теоретические рассуждения на практике оказались бы злостной провокацией и началом новой революции. 9 июля»*. Я думаю, что к этим словам нужно отнести очень серьезно: в них – след искренней мысли, работавшей в напряжении страшной ответственности перед Россией».

А. Столыпин

К этому исторически важному объяснению г-на А. Столыпина, видевшего, как он говорит, пометку его брата в подлиннике, я должен прибавить, что моя статья «У могилы П. А. Столыпина» в том же № 207 *Московских Ведомостей* за собственной моей подписью не оставляет никаких сомнений в полном и постоянном «разногласии» моем с покойным П. А. Столыпиным по предмету исправления конституции 1906 года. Итак, никакого «предположения», что эти мнения разделялись покойным, не могло возникнуть. Ведь половина моей статьи состоит из сожалений о том, что я никакого успеха

в переубеждении его не имел... Но хотя опасения г-на А. Столыпина в том, что его покойного брата могут заподозрить в решимости на серьезную реформу наших учреждений, или в сознании необходимости этого, – ни на чем не основаны, тем не менее опубликование «пометки» весьма важно. Это документально закрепляет справедливость моих слов о том, что я никак не мог его убедить.

Замечу еще, что строки, замененные мной в опубликованном письме многоточием, приводятся г-ном А. Столыпиным также лишь в кратком изложении. В подлинном письме моя аргументация немного подробнее, но – то, что я мог писать в частном письме, не показалось мне удобным для публикации.

Что касается существа пометки покойного П. А. Столыпина, она показывает, что он до конца дней остался в том радикальном разногласии со мной, которое наполняло меня сожалениями все время знакомства с ним. Это, по моему мнению, очень печально, ибо как ни ценил я глазомер покойного П. А. Столыпина, но в этом пункте считал и считаю его глубоко ошибавшимся. Не умная и твердая реформа явно неудовлетворительных учреждений может сделаться «злостной провокацией и началом новой революции», а совершенно наоборот: упорная задержка безусловно необходимого изменения такой конституции, которая сама и неизбежно порождает борьбу за власть...

Но что станешь делать? Я был и остаюсь убежден в одном, он был и остался убежденным в другом. Только будущее – и, по моему мнению, на горе России – покажет, кто был прав.

Какая реформа нам нужна.

Пятилетняя годовщина 17 октября 1905 года вызвала чрезвычайно разнородные оценки того, что было этим днем заложено в русскую жизнь и государственность. Но

при этом ни «правые», ни «левые» не обнаруживают никакого довольства им. Довольны только октябристы, которые шумно праздновали 17 октября и в Москве, и в Петербурге. Однако и в их речах обнаруживается, что учреждения, ныне созданные, действуют неудовлетворительно и что, например, по мнению самих октябристов, Государственный Совет занят «не творчеством, а разрушением чужого творчества, то есть наших (октябристских) работ» (речь Н. П. Шубинского, *Голос Москвы*, № 240). Конечно, октябристы заявляют уверенность, что со временем все уладится. Но такую надежду, каждый на свой лад, имеют и другие. «Мы ни на минуту не сомневаемся, – говорят, например, *Русские Ведомости* (№ 239), – что провозглашенные в Манифесте начала рано или поздно одержат победу над противоборствующими течениями и воплотятся в соответственных определенных формах государственной организации». Но в ожидании будущего *Русские Ведомости* не могут «вычеркнуть из сознания пяти лет, которые потянулись вслед за ярким моментом всенародной (?) радости и которые привели нас к тому, что от этой краткой радости не осталось и следа». Только в будущем *Русские Ведомости* рассчитывают «вывести нас рано или поздно из современного тупика».

Правые органы по большей части промолчали самый день пятилетия 17 октября, в чем само по себе выражается их нерадостное отношение к нему. Но, например, *Русское Знамя* в день пятилетия Союза Русского Народа выражало такие же, как и *Русские Ведомости*, надежды на будущую победу, – только, конечно, не «кадетскую», а свою, – а в самый день 17 октября г-н Ярмонкин, жалуясь, подобно *Русским Ведомостям*, на настоящее, говорит (*Русское Знамя*, № 234): «Пора понять, что уже давно наступило время для монархистов, когда из пассивной роли стало необходимым перейти в роль активную».

Мы ограничиваемся этими немногими образчиками бесспорного и общеизвестного факта, что настоящим положением никто не доволен, и все одинаково надеются на его грядущую

перемену, которую все же стараются готовить, каждый на свой лад, каждый в духе своих принципов. В этом отношении сами октябристы не составляют исключения, потому что они тоже ведут к перемене положения, но только осторожно, раз и навсегда взявши за правило оппортунистическое пользование обстоятельствами.

Но если, таким образом, никто не доволен существующим положением, и все с самыми противоположными целями готовятся к его изменению по мере сил и возможностей, то, конечно, не может подлежать сомнению, что это изменение непременно произойдет, а в ожидании какой-то перемены данный строй лишается поддержки всех политических сил, которые им не довольны и задача которых состоит не в том, чтобы ее поддерживать, а в том, чтобы его изменить. Это факт, в высшей степени чреватый последствиями.

Несомненно, с 17 октября у нас заложено такое положение вещей, которое по существу непрочно, противоречиво и составляет для страны какое-то политическое перемирие, дает России не окончательный политический строй, а временную отсрочку в созидании политического строя.

Но до каких же пор протянется эта отсрочка? До тех ли пор, пока «правые» подготовят силы к его изменению, или пока это сделают «левые»? Готовятся одинаково те и другие, имеют успехи, конечно, и те, и другие, так что попытка каждой из сторон будет встречена отпором противников. Все это рисует нам очень невеселое будущее, в котором должна повториться та же свалка, что была в 1905 году, с той разницей, что тогда революционные силы сделали свой набег внезапно, а теперь встретят противников уже несколько лучше подготовленными, да и сами революционеры были в 1905 году немногочисленны, а теперь, вероятно, заготовят больше сил, так что столкновение может оказаться сильнее, чем было в 1905 году.

Размышляя об этом, нельзя, однако, не спросить наиболее разумных и искренних людей обоих направлений: неужели же есть какой-нибудь смысл пассивно ожидать предстоящей потасовки, не пытаясь предупредить ее появление?

Если данным положением все недовольны, то не ясно ли, что оно требует изменения, реформы, которую лучше сделать раньше, чем дело дошло до прямой междоусобицы? В этом отношении октябристы, уверяющие, будто бы созданное ныне положение сносно и допускает возможность мирного развития, гораздо вреднее для страны, чем крайние партии. Своими ошибочными уверениями они лишь оттягивают реформу и дотянут страну, может быть, до того, что станет уже слишком поздно...

Нет, нам потребна именно безотлагательная реформа, такая реформа, которая дала бы нам строй несомненно прочный, заверченный, не возбуждающий сомнения в своей жизнеспособности. Но к этой совершенно необходимой цели крайние партии могут стремиться только путем переворотов, ибо они, при односторонности принципов, свойственной каждой партии, могут удовлетвориться лишь полным уничтожением противников. Противники же, естественно, будут защищаться на этом пути, то есть посредством борьбы партий, и прочный строй может быть создан только победой сильнейшего. Но в истории не скоро выясняется, кто сильнее. Эпохи революций способны затягиваться в смене «революций» и «реакций» на очень долгое время, истощая страну, парализуя ее творческую работу и развивая непримиримо враждебные силы, которые потом уже будут вести междоусобицу даже не из-за принципов, как сначала, а по традиции, по долгу знамени, по воспоминаниям погибших отцов и братьев, кровь которых с каждой стороны вопиет об отмщении.

Для предотвращения всего этого мыслим только один путь: это именно если реформу *своевременно* предпринимает *сама власть*, которая при этом, естественно, становится не на почву переворота, а на почву улучшения, то есть отмены несостоятельного и введение оказавшегося потребным, а потому способна находить сторонников даже в значительной части враждующих партий, тем самым их ослабляя. Сверх того, только она имеет *реальную силу*, без которой нигде на свете нельзя совершать ни переворотов, ни реформ.

Итак, взвешивая как пережитые годы, так и условия настоящего момента, нельзя не видеть, что нужна неотложная реформа, и именно такая, *которая была бы проведена существующей властью*, а не какими-нибудь захватившими власть партиями. Когда мы спрашиваем себя, какая реформа нам нужна, то это – первый и главный ответ. У нас среди партий когда-то говорилось об учредительном собрании. Но в стране, где уже культивированы враждующие партии, честного учредительного собрания не может явиться. Для возможности учредительного собрания нужно, чтобы народ был организован, а партии по возможности бессильны. У нас же наоборот – народ совершенно дезорганизован, а партии сплочены и организованы. Учредительное собрание в таких условиях могло бы быть только игрушкой партий. А потому-то прочный строй может быть нам дан только реформой, произведенной по инициативе и под эгидой уже существующей власти.

Два способа реформы (1861–1906).

За последнее 50-летие Россия провела две огромные реформы, которых сопоставление естественно представляется взору в настоящее время. Мы говорим об *освобождении крестьян* в 1861 году и о создании *народного представительства* в 1906 году. Обе эти реформы связаны некоторой внутренней логикой, ибо с того момента, когда прекратилось крепостное состояние, разбивавшее нацию на два столь резко разграниченные слоя, не было уже никаких оснований лишать страну того необходимого элемента государственности, какой представляет народное представительство в государственных учреждениях.

Итак, казалось бы, что, за разрешением в 1861 году крепостного вопроса проведение народного представительства в служебные при Верховной власти государственные

учреждения совершится без особых трудностей. На деле вышло иначе, потому что наш европеизированный образованный класс не мог себе представить народного представительства иначе, как в форме ограничения Царской власти; ограничение же ее постоянно оказывалось и вредным, и невозможным. «Завершение здания» реформы потому у нас несколько десятков лет являлось в виде стремления не завершающего, а разрушающего государственной строй. Так дожили мы до 1906 года.

В 1906 году это дополнение к реформе 1861 года было совершено, и мы увидели страшную разницу между двумя реформами. Насколько велика оказалась первая, настолько слаба вторая.

Нет, конечно, на свете совершенства, и, рассматривая теоретически, можно многое критиковать в реформе 19 февраля 1861 года. Но при всем том, сравнивая ее с крупнейшими историческими реформами как в самой России, так и у других народов, нельзя не признать, — и весь мир это признал, — что реформа 1861 года представила один из величайших образчиков политического и социального устроительства.

Реформа столь сложная и трудная исполнена была с такой справедливостью, с таким искусством, что весь мир мог лишь удивляться подвигу, совершенному Россией. Ни общее течение государственной жизни, ни общий порядок не были потрясены. Дело величайшей важности и трудности было совершено так легко и просто, как будто это был не огромный переворот, а самое обычное текущее государственное дело.

Не ту картину представила реформа 1906 года. Ее задачей было усовершенствование государственного строя, а в результате он принял вид совершенно неопределимый теоретически, а практически не только не стал лучше, а гораздо хуже прежнего. Он порождает борьбу партий за причастие к Верховной власти и в то же время не дает никакой связи выборных людей с народом, так что в этом новом строе ни права Царские, ни права народные не обеспечены, выборные

же лица не опираются ни на какую серьезную силу. Законодательное действие вновь созданных учреждений оказалось крайне неудовлетворительно, а политическое их действие столь дефектно, что ему приходится приписать огромную долю ответственности за тот факт, что ныне Россия держится в некотором порядке только благодаря исключительным полномочиям администрации. Неизбежность того или иного изменения этих учреждений составляет общее убеждение, и доверие к прочности этого порядка вещей едва ли где существует. Вообще если реформа 1861 года создала сразу нечто незыблемое и бесповоротное, то реформа 1906 года, наоборот, дала нечто постоянно зыблющееся и тянущее страну к двум диаметрально противоположным построениям государства.

Эта резкая разница в характере и качествах реформ 1861 и 1906 годов невольно бросается в глаза. От чего же она зависит? Причин, конечно, много. Но наряду со внешними условиями имеется еще одно, о котором никто не думает и которое, однако, имеет в высшей степени важное значение.

В 1861 году мы сознали, что нельзя ведомственным путем вести реформу, изменяющую положение страны по существу. В 1861 году были попытки Министерства внутренних дел взять всю реформу в свои руки, но эти попытки были быстро пресечены, и для дела, имевшего *учредительный* характер, создано специальное *учреждение*, а именно Особый, или Главный, комитет, начавший действия под личным председательством Носителя Верховной власти¹, а потом до конца оставшийся под Его непосредственным наблюдением. Этот специальный Комитет, хотя и был составлен из лиц, по большей части находившихся на службе, не был междуведомственным. Члены его работали не по указанию своих министров, не под их контролем, а совершенно *самостоятельно*, по указаниям и под контролем самого Государя Императора. Это центральное учреждение, созданное специально на предмет данной реформы, получило и свои особые органы (как редакционные комиссии), и опору по всей Рос-

сии – Губернские комитеты из членов того самого сословия, которого права и интересы задевались реформой. В довершение практичности в постановке дела, мнения этих комитетов и их депутатов, вызываемых в Петербург, были чисто совещательными. Итак, для национального учредительного дела был дан особый учредительный орган, как бы некоторое временное ведомство.

Что касается обычных ведомств, то они являлись лишь подсобными силами. К ним государство обращалось лишь в тех случаях, когда исполнение учредительной реформы требовало содействия общих учреждений.

Этот путь реформы был безусловно правилен как теоретически, так и практически. Совершенно понятно, что *учредительная* реформа не может быть хорошо исполнена *общими* ведомственными государственными учреждениями, приспособленными для текущих дел. Можно сказать, что чем лучше поставлены государственные ведомства, тем менее они способны к работам учредительным, которые всегда требуют *особого* органа.

Если учредительная задача является в момент разрушения прежнего государства, то появляются учредительные собрания, выбранные народом. Если же, как это было в 1861 году в России, учредительная реформа проводится самой Верховной властью государства, то ей самой приходится создать специальный учредительный орган. Так и поступили в 1861 году. И вот почему оказались так удачно, прекрасно подобраны члены этого учредительного комитета, в котором нашли место все лучшие силы, существовавшие тогда в стране.

Не так пошло дело в 1906 году. Реформа первостепенной важности, реформа, при всякой ошибке исполнителей способная потрясать Верховную власть государства, была исполнена чисто ведомственным путем, средствами общих правительственных учреждений, по самому характеру своему пригодных лишь к задачам отдельных ведомств. Новое построение, затрагивающее самые интимные отношения Царя и народа, было отдано в руки бюрократических канцелярий.

Все, знающие подробности совершения этой работы, не требуют напоминания о том, какими неопытными молодыми чиновниками, иной раз наспех, определялись отношения Царя и народа и права Верховной власти. Лишь для образчика вспомним, что только уже в последней инстанции, за несколько дней до опубликования, был исправлен такой невероятный пробел, как неупоминание о подчинении Государю Императору вооруженных сил Империи. И вся эта работа, решавшая судьбы Царя и народа, совершалась в величайшей канцелярской тайне, в которую не могли проникнуть даже сами лица, состоявшие на службе, или наиболее серьезные представители публицистики. В результате и получилась система учреждений, какую мы теперь имеем.

Если бы у нас не было ни несчастной войны, ни бунта, окрещенного революцией, то уж одного этого способа учредительной работы было бы достаточно для того, чтобы результаты получились так или иначе несоответственные цели. И наоборот, если бы предположить, что выработка учреждений в 1906 году при всех прочих неблагоприятных условиях совершалась тем способом, как дело было двинуто в 1861 году, то, конечно, получилось бы нечто гораздо более совершенное.

Без сомнения, при этом созыв Государственной Думы последовал бы на год или полтора позднее, но ведь и это не принесло бы ничего, кроме пользы. Преждевременный созыв Думы только поддержал и раздул революционное брожение в стране и подорвал во мнении народа самый принцип нового учреждения, что, быть может, вовсе не худо с точки зрения ведомственной бюрократии, но с точки зрения государственности, с точки зрения пользы Верховной власти и народа — представляет явление самое печальное, чреватое последствиями неурядиц и смут.

Вот едва ли не существеннейшая причина неудач законодательства 1906 года. Вот отчего работа его доселе остается незаконченной, а только начатой, и притом крайне запутанной. Но если нам будет когда-либо предстоять коренное исправление работы 1906 года, то для избежания дальнейших неудач

нам должно оглянуться на опыт 1861 года и поставить выработку реформы представительства на тот же *вневедомственный путь*, как в 1861 году, и как всегда бывает при всякой общей учредительной реформе.

Учредительные и правительственные права Верховной власти.

В последней книжке *Вестника Европы* (октябрь, хроника, стр. 371) делается выпад в отношении письма редактора *Московских Ведомостей* покойному председателю Совета Министров П. А. Столыпину, который, как стало известным из заметки брата его А. А. Столыпина в *Новом Времени* (№ 12758), в пометке на письме выразил свое с ним несогласие.

Вестник Европы недоволен степенью несогласия П. А. Столыпина со взглядами редактора *Московских Ведомостей*. «Нельзя не пожалеть, – говорит он, – о том, что он (П. А. Столыпин) находил рассуждения г-на Тихомирова *прекрасными* в теории. Не заслуживает наименования учение, отрицающее обязательность закона для самого законодателя (?). Оно не только фальшиво в самом корне: оно чрезвычайно опасно, постоянно грозя послужить исходной точкой для актов, несогласных с природой государства (?). После крупного поворота в государственной жизни всегда наступает период неустойчивого равновесия, всегда носится в воздухе идея регресса не только в деталях, но и в целом. Допустить, хотя бы отвлеченно, правомерность такого регресса, значит увеличить шансы катастрофы. Прочная охрана приобретенного требует веры не только в его необходимость, но и в справедливость».

Эту-то веру в «справедливость» «приобретений», сделанных единомышленниками *Вестника Европы* в государственной жизни России, подрывает учение г-на Тихомирова, почему оно и «опасно».

Прежде всего нельзя не заметить, что, излагая какое-либо учение, не мешает не приписывать автору того, чего он не говорил. Письмо Л. А. Тихомирова покойному П. А. Столыпину – у всех перед глазами (*Московские Ведомости*, № 207). Никакого отрицания обязательности закона для законодателя оно не содержит. В письме категорически сказано: «Понятно, что все время, пока Верховная власть поддерживает существование именно данного строя, *означенные ограничения составляют законную норму*». Где же тут отрицание обязательности закона для законодателя?

Само собой разумеется, что закон обязателен для законодателя более, чем для кого-нибудь иного. Но вопрос, поднимаемый г-ном Тихомировым в письме П. А. Столыпину и много раз раньше того рассматривавшийся в разных трудах его, состоит в соотношении прав власти Верховной и властей управительных. *Вестнику Европы* хочется утвердить «веру» в справедливость «приобретений» революции, так чтобы нравственное чувство не допускало нас вырваться из положения, бедственные стороны которого обрисованы в письме Л. А. Тихомирова П. А. Столыпину. Но тут идет вопрос вовсе не о «справедливости», а о разуме государственности, о той «природе государства», о которой *Вестник Европы* упоминает для красоты слова, но которую немедленно оставляет в стороне.

Между тем в том запутанном положении, которое охватило Россию, нашим гражданам необходимо более всего понимать законы государственности, ибо их темнота для русского ума и была причиной всех недостатков в нашей конституции 1906 года.

Лет 15 тому назад основными вопросами государственного права у нас интересовались только те, которые думали о перевороте нашего государственного строя и, понятно, изучали право тенденциозно, с заранее предрешенными выводами. Не только публика вообще, но и образованнейшая часть ее была захвачена революцией врасплох, и неясность представлений о Верховной власти мы увидели даже среди

лиц власти, которым предлежало обрабатывать новые основные законы. Что касается публики в широком смысле, то она проявляла неспособность разобраться даже в таких азбучных вопросах, как *юридическая* неограниченность Верховной власти и ее *фактическая* ограниченность. Впоследствии, когда на эту неподготовленную почву стали проникать идеи Еллинека о «самоограничении» Верховной власти, они породили лишь ряд новых недоумений... Туча их тяготеет над умами и до сих пор, препятствуя на каждом шагу доброму устройению учреждений.

Они проявляются и в вопросе о праве Монарха как власти Верховной изменять существующие основные законы. Логика, приводящая к этому странному вопросу, такова. Монарху, обладавшему всей полнотой Верховной власти, было угодно дать основные узаконения, ограничивающие Его собственные права. Это было дело *самоограничения* Верховной власти, но раз оно произошло, – никакое новое изменение основных законов будто бы не может уже иметь места иначе, как в порядке, указанном Основными законами 1906 года. Порядок же этот предоставляет почин подобных изменений исключительно Императору, но вместе с тем требует также одобрения Государственного Совета и Государственной Думы для возникшего по инициативе Императора изменения.

Положение получается как бы безвыходное. Даже и теоретически можно заранее предвидеть, что Основные законы, выработанные столь быстро, даже и при превосходном персонале кодификаторов не могут быть чуждыми просмотров, несогласованности и других недостатков, требующих исправления. В отношении же законов 1906 года среди всех, их рассматривавших, существует общее убеждение в их чрезвычайном несовершенстве. А между тем нет сомнения, что невозможно придумать таких исправительных комбинаций, которые объединили бы в себе одобрение Думы, одобрение Государственного Совета и утверждение Императора.

Положение было бы безвыходное, если бы все эти рассуждения не были основаны на малой осведомленности о

свойствах Верховной государственной власти, так как в действительности *правовой* выход из усложнений, созданных недостатками учредительных узаконений 1906 года, совершенно прост и ясен, как указывал Л. А. Тихомиров П. А. Столыпину. Заметим к сведению *Вестника Европы*, что мы не опираемся на акт 3 июня 1907 года, изменивший путем Высочайшего манифеста без всякого участия обычных законодательных учреждений очень важную часть Основных законов 1906 года. Мы обращаем внимание интересующихся нашим государственным устройством на нечто иное – на общий вопрос «самоограничения» Верховной власти и на ее природные учредительные и управительные права.

Дело в том, что Верховная власть всегда по самому своему существу – *неограниченна*. Она может находиться в руках разных учреждений, но в чьих бы руках ни находилась – остается неограниченной. Носитель Верховной власти юридически может *все*. Что же означает термин «самоограничение» Верховной власти? Он имеет выразить не факт *ограничения*, а тот факт, что ограничить Верховную власть может только она *сама*. Все прочие власти ограничиваются Верховной властью, а она не может быть ограничена никакой другой и может только она *сама* устанавливать какие-либо для себя ограничения в интересах стройности управления. Для того, чтобы действие ею устанавливаемых учреждений было стройно, оно должно совершаться закономерно, по законам, Верховной властью данным, для чего сама Верховная власть не должна спутывать их действия непредвиденными вмешательствами.

Таков смысл «самоограничения», в котором Верховная власть признает, что известные принципы нравственные, известные права личные, известные нормы общественной жизни не подлежат изменению как выражающие, так сказать, естественное право, на котором основана сама Верховная власть. Но при этом Верховная власть определяет также, какими путями имеет быть совершаемо ей непосредственное вступательство в дела управления. Вот сущность так назы-

ваемого «самоограничения». Все это нимало не уничтожает факта неограниченности Верховной власти, а только указывает те твердые пути, на которых совершается ее действие. Но если Верховная власть признает эти пути не соответствующими более ее Воле или, другими словами, условиям государственного блага (ибо Воля Верховной власти ничем другим руководиться не может), то она властна *сама* отменить эти «самоограничения» и установить вместо них новые или совсем не устанавливая никаких.

В этом случае проявляется различие функции Верховной власти как силы управительной и как силы учредительной. Самоограничения устанавливаются ею исключительно в сфере управительного своего действия. Учредительные же права остаются всегда при ней. Когда она установила известный строй и в его нормах определила известные самоограничения, они остаются законной нормой до тех пор, пока не отменяется установленный строй. Но Верховная власть властна совсем изменить его и на его место поставить другой. Никаких «самоограничений» в этом отношении она себе не ставит, ибо не может их поставить по самой природе своей.

Итак, никакой безвыходности наше положение принципиально не представляет. У нас подчас безвыходно управительное действие, ибо в законе имеется совершенно необычайный пробел: не определено, какими способами Верховная власть может непосредственно вступаться в дела законодательства и управления, если этого требуют чрезвычайные обстоятельства? Те способы чрезвычайного действия, которые предусмотрены законами 1906 года, имеют в виду скорее высшую правительственную власть, чем Верховную, и когда у нас в законе упоминается действие в порядке «Верховного» управления, то перечисляются такие полномочия, которые по существу своему относятся к высшей управительной власти, а не к Верховной. Эта неясность разграничения высшей правительственной власти и Власти Верховной составляет основной недостаток узаконений 1906 года, в силу которого действительно способны возникать безвыходные положения

в области управления. Но учредительная власть Носителя Верховной власти нимало не связана у нас, как и вообще в какой бы то ни было конституции. Пока Верховная власть поддерживает установленную ей конституцию, она должна соблюдать наложенные на себя для данного строя самоограничения. Но отменить сам строй, заменить его другим она всегда может, и в этом отношении никаких самоограничений у нее нет, пока она остается Верховной.

Только Воля Верховной власти может решать, какая конституция соответствует благу страны, и в первый же момент, когда эта неограниченная Воля решит, что существующая конституция благу страны не соответствует, она ее властно изменить во всех пунктах, какие признает нужными.

Все это мы говорим русским гражданам, очень плохо, к сожалению, подготовленным к тем сложным государственным задачам, которые нас охватили со времени натиска революции, *alias*¹ – «освободительного движения». Что же касается *Вестника Европы*, то вместо всяких теоретических рассуждений достаточно спросить его: признает ли он право Монархов создавать вместо неограниченной монархии – ограниченную, то есть глубочайшим образом изменить закон, дотоле существовавший? Верховная власть Франции, ниспровергая монархию, соблюла ли свою подчиненность закону? Или мы должны считать все конституции Европы введенными противозаконно? Таково ли учение М. М. Ковалевского?

Что касается до государственного права, то у него может быть только одно учение, основанное на понимании учредительных прав Верховной власти, именно то, которое изложено в письме Л. Тихомирова П. А. Столыпину, то есть что всякие ограничения, вводимые Верховной властью для своего непосредственного вступательства в дела управления, обязательны для нее лишь до тех пор, пока она сохраняет созданный ею строй и не переходит к новому акту учредительства, причем, как сказано в письме Л. Тихомирова, «может вводить еще большие самоограничения или, наоборот, устранять их».

Ничего другого государственное право не может сказать, и потому П. А. Столыпин был вполне прав, находя эти рассуждения «теоретически прекрасными». Не о нем должно «пожалеть», а о состоянии государственно-правовых знаний профессоров *Вестника Европы*.

—————

Новогодние пожелания.

Мы не могли проводить прошлый год большими похвалами, но тем более хочется встретить Новый год пожеланиями, исполнение которых могло бы избавить Россию от тех упреков, которые нам, ее гражданам, приходится делать себе уже несколько лет сряду. Говорят, не беда упасть, а беда не встать. Вот именно нам уже пора воспользоваться опытом падения для того, чтобы, наконец, твердо стать на ноги.

Наши пожелания относятся не к одной правящей власти, ибо в наше время вся Россия призвана к содействию в устроении общественных и государственных дел. Патриотический голос, исходящий из недр нации, всегда имеет шансы отразиться добрыми действиями власти, а уж особенно теперь, когда власть сама ищет оживленного содействия со стороны народа. Сознательное и оживленное содействие его устроению родины и есть главное, чего можно пожелать в Новом году.

В этом 1911 году всей России предстоит серьезно подумать о быстро приближающихся выборах новой, четвертой Государственной Думы. Эти выборы требуют со стороны народа внимательной предварительной подготовки, заранее намеченных пригодных кандидатов, заранее организованных способов голосования и более всего ясного определения того, зачем он будет посылать своих избранных, какое дело им поручит.

У нас теперь порядки представительства заимствованы из конституционной теории, вследствие чего народ не имеет

права давать депутатам наказов и депутаты не обязаны соотноситься с желаниями народа. Потому-то особенно нужно наметить таких людей, которые по долгу совести исполнили бы обязанность, от которой они, к сожалению, свободны по закону. Выбирая таких добросовестных людей, Россия должна наложить на них нравственную обязанность исполнить именно желания народа, и эти желания свой народ должен заранее обдумать.

Мы столько раз говорили о недостатках наших новых учреждений, что не будем теперь повторяться, и напомним лишь вкратце, что главной задачей народных избранников должно быть посильное исправление этих недостатков. Правда, существующие узаконения не дают членам Думы и Совета прямого права на такую деятельность, но закон дает полную возможность этого косвенно. Всеподданнейшее представление и ходатайство не воспрещено ни одному гражданину Русской земли, и нет никаких узаконений, которые воспрещали бы это членам Государственной Думы. А все, что не запрещено, по общему юридическому правилу, – дозволено. Итак, нужно совершенно отбросить отговорку ленивых людей, будто бы Дума в этом отношении ничего не может сделать. Она может сделать все, была бы только чистая совесть да памятование своего долга перед Богом, Царем и родиной.

Какие же исправления учреждений должны составить предмет забот Русского народа и его избранников?

Для России, ее крепости, единства и блага необходимо, во-первых, ясное, точное и недвусмысленное заявление Царского Самодержавия, Царской Верховной власти, которая как власть Верховная ничем юридически не может быть ограничена. Только при этом Россия может сознавать, что у нее есть *Монархия*.

Точно так же России необходимо народное представительство, которое должно иметь, во-первых, обязанность представлять Верховной власти нужды и пожелания народа, а во-вторых, в законодательстве исполнять ту работу, которую ей указывает Верховная власть. Широта прав народного

представительства в этой работе нимало не препятствует бытию Царского Самодержавия, лишь бы только народное представительство не служило предлогом и орудием для проведения анархическо-парламентарного абсурда «ограничения Верховной власти».

Народное представительство должно, сверх того, быть устроено так, чтобы, во-первых, *Русский* народ оставался господином в устроенной им Империи, а не превращался в раба инородцев, и, во-вторых, чтобы он в лице депутатов имел действительно *своих* представителей, верных слуг *своего интереса*, а не каких-то новых господ над собой. Для этого нужно, чтобы депутаты были избираемы не случайной толпой, как полагается по «конституционным» теориям, а определенными организованными группами населения, так, чтобы каждая группа знала своего депутата, и он, в свою очередь, знал своих доверителей и не мог бы безнаказанно изменять им и своим обязательствам. Таковы желательные изменения в учреждениях чисто государственных. Не беда, если их нельзя сделать сразу и без ошибок. Строение дома происходит не в двадцать четыре часа. Важно лишь стать на правильный путь, важно понять и определить план постройки, а всякие постепенные усовершенствования по должном рассуждении и опыте достигнутся сами собой.

Наряду с этим Русскому народу и его избранныкам надлежит, наконец, загладить тяжкий общий грех перед Церковью Православной, прекратить расстройство Церкви, поставить твердо союз с ней государства и понять, что союз состоит вовсе не в порабощении одного союзника другим. Для того чтобы поставить на должный путь возрождение союза Церкви с государством, нет другого средства, как созыв *Поместного Собора*. Не чиновники какого-либо ведомства, не само даже государство своей самоличной волей и рассуждением должны определить государственно-церковные отношения; не Св. Синоду можно это поручать, ибо он превышал бы свои полномочия, если бы взялся за такое дело. Не говорим уже о том, что Св. Синод в настоящее время поставлен так, что не

может защитить даже и текущих интересов Церкви. Это из года в год идет все хуже и хуже, и кто бы ни был виноват – епископы или светские власти, – этого не стоит даже разбирать, а нужно сделать так, чтобы совсем не было самой нашей вины пред Богом. Нам требуется *Собор*. Пусть он выскажется, пусть отношения Церкви и государства определятся взаимным объяснением Верховной государственной власти и той единственной высшей власти, какую имеет Церковь, то есть ее Поместного Собора.

В течение бесконечных, беспоследственных разговоров о Соборе не раз проявлялась ложная мысль, будто бы возможные ошибочные постановления Собора так страшны, что уж лучше дожидаться какого-то бесконечно отдаленного будущего, когда, дескать, церковная мысль созреет вполне... Это только прикрытие разных личных интересов, для которых невыгодна свобода Церкви. Нам нужен не один-единственный Собор, а *соборность*. Если что-нибудь окажется не доделано или не вполне обдуманно на первом Соборе, можно додумать и исправить на втором или на десятом. Подобно тому, как устройство умного представительства народа перед Верховной властью сразу не может быть достигнуто, а будет устроиться долго, так и здесь. Важен шаг, который бы открывал нам правильный путь, давал правильный план постройки. Созыв Поместного Собора нужен потому, что по правильному плану государственно-церковные отношения определяются не думскими «фракциями», не департаментами иностранных исповеданий, не обер-прокурором с канцелярией, а Верховной властью государства и Поместным Собором Церкви. Это и нужно осуществить неотложно, пока мы еще не совсем запутались в том ряде произвольных действий, которые за последние годы так расстроили нашу Церковь.

Таковы наши новогодние пожелания. Они должны исполниться, если Русский народ, наконец, сколько-нибудь пришел в чувство и разум, если он понял уроки несчастий, его систематически преследующих, как естественное последствие его же собственного понимания к своим обязанностям

в поддержании и благоукрашении Церкви Христовой, Богом учрежденной, и своего государства, учрежденного великими трудами и разумом наших предков.

Да будет же Новый год началом исправления этого все-народного греха, началом возрождения православной России. Если бы исполнилось это пожелание, то сами собой придут к нам и так давно покинувшие нас честь, слава и благоденствие.

ГОСПОДСТВУЮЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

Наш церковный бюджет.

Подходит время, когда обер-прокурору Св. Синода¹ придется проводить церковный бюджет сквозь Сциллы и Харибды² Государственной Думы. Нелегка эта задача, им впервые исполняемая, и защитнику интересов Церкви в Русском государстве нельзя не пожелать всего искусства и настойчивости, какие только он способен развить в этом деле. По слухам, несмотря на краткость времени ознакомления с новым кругом задач он очень хорошо изучил вопрос церковного бюджета во всех его деталях. Не хотим и не имеем причин сомневаться и в полноте его желания отстоять все, материально для Церкви потребное.

Теперь перед нами прежде всего – и большее всего – встает уже знакомая картина самой обстановки обсуждения нужд Православной Церкви в Государственной Думе.

В прошлый раз одним из самых горячих ораторов по поводу бюджета Православной Церкви явился *католик*, представитель польского колола³. Польское коло отказывало в помощи нашей Церкви и мотивировало это тем, что Церковь осмеливается вести пропаганду в польском крае, то есть в действительности отстаивать православное и колеблющееся население от натиска католической пропаганды...

Эта критика, самоуверенная, дерзкая, резкая, переполненная явно тенденциозными обвинениями против деятелей Православия, эти требования католиков обязательной пассивности Православия в защите своих слабых членов под угрозой лишения денег, – все это производило впечатление, тягость которого невозможно выразить не присутствовавшим, не испытывавшим чувства опозоренности, приниженности и бессильного негодования, которое одно оставалось на долю православного в собрании, имеющем выражать народный голос в государственных учреждениях православной России. Нынешний редактор *Московских Ведомостей*, находившийся на этом заседании Думы, вышел, наконец, в «кулуары» хоть немного отдохнуть от этих ощущений, но неотвязные мрачные мысли невольно роились в голове. Где мы находимся? Неужели это Россия? Неужели мы, православные, дошли до того, что должны выпрашивать у католиков деньги на свою Церковь? Да и у одних ли католиков? Ведь того гляди придется услышать те же речи от магометан, от еврея... Попался навстречу один депутат, как раз из «правых». «Скажите, пожалуйста, а Пергамент скоро будет говорить?» – «Пергамент? Он, кажется, не записывался...» «Странно. Тогда, может быть, кто-нибудь из магометан скажет свое слово?» Депутат наконец понял иронию... «Что же вы хотите!.. Закон...» Закон... Мы и сами знаем, что закон таков. Но какое положение создает он для православных! Разумеется, Дума должна действовать по закону, который дает одинаковую компетентность в решении нужд Православной Церкви всем членам Думы – хотя бы язычникам, евреям и магометанам. Но неужели такой закон может иметь место в России?

Это можно скорее считать «проглядкой» закона, которая возникла по спешности учредительной работы и которая находится в вопиющем противоречии с Основными законами. Ведь они дают Православной Церкви *господствующее* положение, по крайней мере по наименованию, и ставят ее под особое покровительство *Верховной власти*. Не повторяя упреков составителям учреждений 1906 года, нельзя же не видеть, что эти учреждения уже в ряде случаев проявили несоответственность

с условиями производительной работы в Русском государстве. Так, 3 июня 1907 года Верховной власти пришлось изменять избирательный закон. В настоящую минуту на деле штатов Морского штаба мы снова натолкнулись на вопиющие несообразности при действии этих спешно установленных узаконений. Нечто подобное столь же явно чувствуется и в принятых способах обсуждения бюджета Православной Церкви.

Существующий закон сохранил для Православной Церкви то *господствующее* положение, которое она имеет в России со времен Владимира Равноапостольного и которое заслужила такими великими трудами на пользу Русского народа, его просвещения, его культуры и государственности. Но тот же закон при государственном воспособлении нуждам Православной Церкви не делает ни одного шага к соблюдению хотя бы наружной привилегированности этой Церкви и подчиняет ее *общим* условиям, которые по особенностям положения Православной Церкви в Русском государстве превращаются в особенно ограничительные и унижительные, — как, например, испрашивание у магометан и евреев пособия для нужд Православия. Нельзя не видеть полного внутреннего противоречия в таких узаконениях.

Узаконения вводились спешно, при невозможности подумать о множестве первостепенно важных частных. Но время идет. Недостатки и проглядки сами себя обнаруживают. Следовательно, сам собой является и вопрос о необходимости их поправок. Период учредительного действия Верховной власти, очевидно, и до сих пор не может считаться законченным. Эти учреждения ни с какой стороны, кроме как со стороны Верховной власти, не могут получить того ряда необходимых поправок, которые оказываются необходимы для того, чтобы действие учреждений стало соответствующим целям Верховного Законодателя. Не подлежит оспариванию германское учение о том, что в случаях такого несоответствия, неисправимого действием введенных учреждений, задача их исправления лежит на той же власти, которая их создала. В отношении наших учреждений 1906 года такое действие в порядке Верховного

управления по несовершенству их можно заранее предвидеть еще не раз, совершенно независимо от желания или нежелания прибегать к таким крайним средствам государственного творчества. В частности, едва ли возможно исправить иным путем и нынешний порядок обсуждения и утверждения бюджета Православной Церкви.

Действительно, самое, по-видимому, минимальное исправление этого порядка состояло бы в том, чтобы бюджет *Православной Церкви обсуждался и решался на специальных заседаниях Государственной Думы, в составе лиц исключительно православного исповедания*. При этом была бы, по крайней мере, отстранена случайность решения участи Церкви каким-нибудь «большинством голосов магометанской фракции»... Но и такой минимальной реформы Государственная Дума не могла бы выдвинуть собственным почином, не говоря уже о том, что для ее членов было бы очень щекотливо поднимать вопрос об ограничении полномочий некоторой части членов Думы. Только Верховная власть, стоящая на страже национальных интересов и на охране прав и достоинства Православной Церкви, могла бы естественно устранить ненормальность, сказывающуюся в данном случае в учреждениях, созданных в осуществление ее воли, хотя и без должного понимания этой воли, деятелями 1906 года.

Но при обсуждении церковного бюджета настоящего года Дума, во всяком случае, будет функционировать все еще без всяких подобных поправок, все еще при прежних порядках, и православные опять будут спрашивать себя: «А что скажут депутаты-евреи, что скажут депутаты-магометане? Дадут ли они деньги на миссию Православной Церкви или ее школы, ведущие ту же миссионерско-просветительную деятельность?»

Может быть, этих депутатов простое чувство деликатности удержит и на этот раз от пользования своими правами, но это будет факт, за который возможна похвала для них, а не для порядка обсуждения церковного бюджета.

Новая угроза Церкви.

Читатели наши видели недавно (*Московские Ведомости*, № 68) осуждение Астраханским Окружным судом редактора *Русской Правды* г-на Тихановича-Савицкого за возбуждение на почве защиты веры и Церкви вражды населения к «народным представителям». Но если бы существовал суд над самой Государственной Думой, то он не раз бы вынес ей, конечно, гораздо более строгий приговор именно за возбуждение вражды православного населения к народному представительству. К длинному ряду деяний, приводящих к такому результату, теперь готовится присоединиться еще новое, на которое не может заранее не обратить внимания Государственной Думы всякий русский, заботящийся о том, чтобы она не подорвала во мнении православных всякого доброго чувства в отношении «выборных людей», Государем Императором призванных к участию в законодательной работе.

Принадлежа к числу лиц, желающих предохранить Государственную Думу от этой опасности, не можем и мы не обратить внимания на ту новую угрозу Церкви, которую создает работа особого думского совещания по вопросу о *церковно-приходских школах*.

Для достодожной оценки вносимого этим совещанием «проекта положения о церковно-приходских школах» не излишне вспомнить, что церковно-приходские школы развились по мысли наших Императоров именно в качестве *церковных*, именно этой стороной своей вызвали щедрые пособия, уже несколько десятков лет даваемые им по Воле почившего Императора Александра III и ныне благополучно царствующего Государя Императора. Сознание важности религиозного воспитания народа в недавнем еще прошлом не раз возбуждало у нас мысль о том, чтобы первоначальная школа находилась даже вполне в заведовании Церкви. И вот теперь проект совещания готовится побудить Государственную Думу к совер-

шенно обратному деянию: к изъятию церковно-приходской школы из ведения Церкви и подчинению ее ведению Министерства народного просвещения.

Разумеется, думское совещание не формулирует своего предложения именно этими словами. Но то, что оно выработало, имеет именно *такой* смысл и *такие* последствия. Если само совещание этого не понимает, то это означало бы, что оно чуждо всякого понятия о «церковности».

Должно, впрочем, пояснить, что совещание расколосось при составлении проекта. Оно состоит из 12 членов, но из этого числа 5 человек не присоединились к выработанному проекту. Г-н Ковалевский (октябрист) подал особое мнение, епископ же Митрофан, священники о. Гепецкий и о. Станиславский и г-н Тычинин (националист) подали особый проект. Таким образом, в Думу поступает от имени совещания проект, принадлежащий в действительности лишь 7 членам, а именно социал-демократу Белоусову, «кадетам» Воронкову, Липягову и Масленникову и октябристам Клюжеву и Леонову. На этих семи лицах будет лежать нравственная ответственность за возбуждение в Государственной Думе нового посягательства на права Православной Церкви и за все, что из этого проистечет далее.

При таком составе наших солон¹ немудрено непонимание церковности и даже прямая вражда в ней. Это удивительно разве в г-не Леонове, который как земский человек обязан был бы обладать большей нравственной близостью к Русскому народу. О социалистах и «кадетах», понятно, нечего и говорить.

Как бы то ни было, проект их имеет не то наивность, не то бесцеремонность прямо заявить, что будто бы и при новом порядке «самобытность и особенности церковно-приходских школ... не потерпят сколько-нибудь значительного изменения». «Отпадут лишь (?) или видоизменятся отношения этой школы к центральному *церковному управлению, епархиальной и синодальной властям!*.. Это поистине бесподобно! Человек убит, но мы не должны тревожиться: и руки, и ноги остаются при нем, изменилось «лишь» то, что из него вышибли дух, что

прежде было живое существо, а теперь лежит мертвый труп. Сами ли солоны думского совещания ничего не понимают или рассчитывают на безграничное непонимание Думы и России?

«Церковность» учреждения у нас, в Православной Церкви и в государстве, не порывающем связи с Православием, обеспечивается связью данного учреждения именно с епископом и с центральным церковным управлением. Мы не пресвитериане, не протестанты. Недостаточно дать в школе место священнику, чтобы она стала через это «церковной». Точно так же и церковный приход в Православной Церкви перестал бы быть церковным, если бы был выведен из непосредственной связи с епископом. Следовательно, сказать, что «церковно-приходская» школа останется церковно-приходской, если будет подчинена министерству и выведена из прямого подчинения епископу и высшей церковной власти, это значит сказать двойную нелепость, нечто вроде «сапог всмятку». А между тем, выступая с такими мотивировками своих законопроектов, совещание обнаруживает не только полное невежество, но и самую развязную решимость порвать у нас, православных, все наши отношения с епископами. Возможно ли терпеть подобные «замахи»? Справедливо ли потом судить и осуждать православных, если они в ответ на такие узурпации неверующих невежд раздражаются вместе с г-ном Тихановичем-Савицким резкими выходками?

Одну из самых неприличных особенностей проекта составляет то, что он хочет заставить православных оторвать свою школу и свой приход от епископов и церковной власти посредством денежного соблазна. Проект окончательно устанавливает, что казенное пособие дается только тем школам, которые введены в общую сеть. Те же, которые введены в общую сеть (в том числе и церковно-приходские), должны подчиняться Министерству народного просвещения и выйти из подчинения епископу и церковной власти. Итак: желаете казенных пособий – пожалуйста в «новую веру», по которой церковность и связь с епископом будут понятиями, ничего между собой не имеющими. Не желаете нарушать церковных норм

Православия – останетесь без денег. Мало того: вовсе без школ останетесь, потому что совершенно ясно, что школа, оборудованная при помощи земских денег и огромной государственной приплаты, будет неизбежно лучше поставлена, чем захудалая церковная. Примечание к проекту объясняет даже, что не только школа, остающаяся верной епископам, не получит ничего впредь, но у нее отнимаются и прежние пособия. «Все казенные средства, расходовавшиеся на содержание учащим церковно-приходских школ, вошедших в школьную сеть как до опубликования положения о начальных училищах, так и после сего опубликования, перечисляются из сметы Святейшего Синода в смету Министерства народного просвещения...» Очень мило и просто.

Вот что грозит Церкви из совещания Государственной Думы. Шаг за шагом Церковь лишается не только прав государственного учреждения, но думские социалисты и кадеты вкупе с такими октябристами, как г-н Леонов, отнимают у нас даже наше «самоопределение», из-за которого загорелся весь революционный сыр-бор. Другие пусть «самоопределяются», а за Православную Церковь поразмыслят г-да белоусовы и решат за нее, в чем сущность церковных учреждений. Если же православные не желают этого, то нет им части в пособиях государства, несмотря на то, что государственные доходы на 80% получаются с православных и 80% граждан государства составляем мы – православные.

И эти меры принимаются против православных школ в то самое время, когда школы иноверцев и инородцев получили небывалую свободу расширения и действия.

Те члены Государственной Думы, в которых жива какая-либо связь с Русским народом, те члены, в которых живо чувство справедливости и даже простого благоразумия, должны обратить внимание на то, что подносят им семь человек, сочинивших проект о церковно-приходских школах. Члены Думы должны понять, что эта новая обида православным, новая узурпация прав Церкви нимало не прибавят популярности учреждению, созданному Государем Императором не для обид

Православию и Русскому народу, а для разумного и честного служения Русскому народу разумным и справедливым участием в законодательных трудах Верховной власти.

Законопроект о раскольниках.

Так называемый официально «старообрядческий» законопроект¹ завершил свое прохождение по законодательным инстанциям, и в конце концов дело приняло положение самое сложное.

Вопрос об исповеданиях, отпавших от Православной Российской Церкви, то есть относящихся к *расколу*, затрагивает два принципиальных обстоятельства, требующих законодательной нормировки. Эти исповедания, во-первых, имеют, по законам нашим, право на известную веротерпимость (или свободу совести), во-вторых, представители их относятся к числу раскольников, то есть как бы сепаратистов, бунтовщиков против власти Православной Русской Церкви, вследствие чего их права и вольности прямо затрагивают господствующее положение последней. Это сложное положение было у нас со времен графа Витте затемнено тем обстоятельством, что раскольников велено было именовать старообрядцами. Таким образом, существенный признак их был поставлен в тень, а выдвинут совершенно второстепенный, ибо вопрос об обряде никогда не возбуждал никаких важных недоразумений, и вся суть отношений между отпавшими и Церковью состояла в том, что это были «раскольники», бунтовщики, отрицатели церковной власти. На это обстоятельство, понятно, не могло не обращать внимания государство, если оно состоит в союзе с Церковью. Официальное же упразднение самого наименования «раскольников» направляло законодательную мысль на путь забвения союза с Церковью, на обсуждение вопроса о правах лиц «старого обряда» только с точки зрения

обрядовой, а не государственной. Само собой разумеется, что с такой точки зрения предпринимается признание всей полноты прав «старообрядцев», ибо, в самом деле, какое дело государству до «обрядов», не все ли для него равно, какие обряды кто практикует в своем богослужении?

Итак, если бы государство действительно вполне забыло, что представители данных исповеданий суть «раскольники», отщепенцы от Церкви и отрицатели власти господствующей Церкви, то правительству крайне легко было бы составить либеральнейший законопроект. Но, разумеется, столь яркий факт истории и современности, как церковный раскол, не мог не напоминать о себе на каждом шагу в ущерб «либерализму». Под действием этих двух влияний и сложился правительственный законопроект о «старообрядцах», по поводу недостатков которого мы говорили более чем достаточно и который теперь уже не имеет значения, так как затерт дальнейшей эволюцией в Государственной Думе и Государственном Совете.

Эта эволюция создала два совершенно противоположных законопроекта. Правительственный законопроект был, в сущности, отвергнут в обоих законодательных учреждениях, и каждое из них составило свой особый законопроект. При этом Государственная Дума развила до чрезвычайности отрицательную, либеральную точку зрения, уничтожающую союз Церкви и государства и таким образом делающему положение Церкви, именуемой «господствующей», самым странным. «Союз» при этом на нее падает только стеснениями свободы, обязательства же государства в отношении Церкви упраздняются.

Все это со стороны Государственной Думы, конечно, совершенно естественно и логично.

Но Государственный Совет взглянул иначе. Мы уже говорили об этом, воздав высокую честь проявившемуся в нем государственному сознанию громадного значения церковного союза. Во избежание всегда неполных изложений приводим ниже целиком речь докладчика Государственного Совета, статс-секретаря Дурново, — речь, которая и резюмирует,

и защищает законопроект, выработанный комиссией и затем принятый Государственным Советом. В этой речи читатели имеют, таким образом, полное изложение того, что предлагает Государственный Совет вместо правительственного и думского законопроектов.

Итак, мы получаем два противоположных течения законодательства в отношении союза Церкви с государством. Говорим так потому, что права «старобрядцев» сами по себе не имеют большого значения в этом столкновении взглядов. Для Русского государства важно вовсе не то, в каких облачениях кто-либо будет служить в храме или молитвенном доме, а то, как у нас теперь имеют сложиться отношения *Русского государства* и *Русской Церкви*.

И вот в отношении этого-то капитальнейшего вопроса, от которого зависят судьбы Русской монархии, Русского государства и Русской национальности, наше законодательство теперь получило два противоположных предложения: одно от Думы, другое от Совета. По закону, это коренное противоречие должно поступить на рассмотрение согласительной комиссии. Что может сделать согласительная комиссия с выражением столь противоположных мирозозерцаний – трудно себе представить. Можно, конечно, кое-что отбавить, кое-что прирезать и т. д. в обоих законопроектах, соединить белое с черным, получить нечто среднее, серенькое. Но едва ли это не будет самый худший исход. Уже и без того у нас все теперь приводится к среднему, серенькому цвету, тогда как устройство и возрождение страны, пришедшей в нынешнюю прострацию, требует принципов ясных, последовательных, могучих внутренней к себе верой.

Если в Государственной Думе и Государственном Совете существуют такие принципы, то согласительная комиссия ничего не сделает. Ее члены могут остаться только каждый при своем мнении.

И вот мы находимся в томительном вопросе: по какому же пути двинемся? Упразднение нашей исторической государственности или возрождение ждет нас?

В довершение этой томительности время работ законодательных учреждений подошло к концу. Едва ли согласительная комиссия может приступить к работе теперь же, и дело будет, вероятно, отсрочено до осени...

Это одно из самых вредных обстоятельств нашего времени: все мало-мальски важное отсрочивается, оттягивается, а внутренние отношения страны в этой неопределенности принципов, в незнании, кто же будет руководить Россией и кто победил – революция или историческая Россия, – в этом томительном незнании, куда мы идем, – общее настроение становится прямо нестерпимым.

А в сущности согласительной комиссии даже и обсуждать нечего. Вопрос в двух законопроектах поставлен категорически. Идти налево, к развалу исторической России, или идти направо, к воскресению и устройению исторического государства: вот, собственно, вопрос. Он таков, что решение его, если рассуждать по существу, а не по законным формальностям, принадлежит исключительно Верховной власти, а не каким-либо комиссиям. Если же так, то едва ли целесообразно терять время до осени, давая тем борющимся сторонам только поощрение к созданию различных новых «конъюнктур», то есть, другими словами, к закулисным действиям, всегда и во всем приносящим непоправимый вред, когда дело касается коренных вопросов государственно-народного бытия.

Вероисповедные проекты и Церковный Собор.

В настоящее время Государственная Дума и Государственный Совет держат в своих руках часть одного из важнейших условий для охранения в России государственности, союзной с Церковью. В Государственной Думе лежат законопроекты об инославных и иноверных религиозных обществах.

В Государственном Совете решается вопрос о переходе православных в инославие и иноверие. Последний законопроект так близок к решению, что – нельзя не сознаться – берет невольный страх за участь России. Если Государственный Совет примет законопроект, хотя бы и не в думской редакции, то останется одна надежда на Государя Императора, от Которого зависит неутверждение законопроекта.

Но в настоящую минуту перед Государственным Советом еще имеется исход – в виде *полного отклонения законопроекта*, как этого требует особое мнение членов, подписавшихся под ним вместе с архиепископом Николаем Варшавским, речь которого мы помещаем ниже.

На заседании Государственного Совета были высказаны два принципиально важнейших заявления, а именно: архиепископа Николая и министра внутренних дел А. А. Макарова. Мнение архиепископа читатели найдут ниже. Что касается министра внутренних дел, то он объяснил, во-первых, что правительство нашло нужным войти со своими законопроектами ввиду необходимости согласовать с жизнью Высочайший Указ 17 апреля 1905 года, во-вторых, высказался против всех, превеличленно раздувающих свободу совести в Думе и в Совете, и, в-третьих, заявил:

«Правительство не может равным образом согласиться с особым мнением, подписанным архиепископом Николаем и другими, о полном отклонении законопроекта, так как в этом случае остались бы все те пробелы, которые вызваны жизненной потребностью. При этом условии, кроме того, православная вера оказалась бы менее защищенной, чем инославные. Присоединяясь всецело к мысли, что для государства не может быть безразлична религия его подданных, *правительство полагает, что идеалы Российского государства основаны на нравственных началах не только христианства вообще, но в частности Православия. Мы твердо убеждены в том, что основой русской государственной жизни, одним из ее непобедимых устоев является несомненно Православие, и потому-то несомненно и с точки зрения авторов особого мнения не мо-*

жет быть желательным отклонение законопроекта целиком и оставление, следовательно, инославных в лучших условиях, чем вера православная».

Это категорическое заявление о связи Русского государства именно с Православием, а следовательно, и с Православной Церковью, составляет акт в высшей степени важный. Но именно это обстоятельство усиливает, мы полагаем, а не ослабляет необходимость отклонения законопроекта.

Архиепископ Николай, критикуя церковно-вероисповедную политику правительства за последние шесть лет, не рекомендует остаться без всяких законов, а лишь указывает, что для решения таких вопросов нужно предварительно созвать Церковный Поместный Собор. Со своей стороны заметим, что это не только не противоречит Высочайшему Указу 17 апреля 1905 года, но, как нам кажется, составляет единственно правильный путь для согласования с ним общего законодательства.

Нужно брать волеизъявления Верховной власти в полноте их исторической обстановки. Иначе мы рискуем впасть в огромные ошибки, как это и случилось с вероисповедным законодательством правительства предшествовавших лет.

Нужно вспомнить, что созыв Собора имелся в виду именно до Указа 17 апреля. Вопрос о Церковном Соборе был поднят в начале 1905 года, но эта идея была оставлена после первых же неудачных попыток ее решения, и 31 марта 1905 года Государь Император на всеподданнейшем докладе Св. Синода о созвании Собора начертал: *«Признаю невозможным совершить в переживаемое ныне тревожное время столь великое дело, требующее и спокойствия, и обдуманности, каково созвание Поместного Собора».*

Нет сомнения, что если бы от мысли о Соборе не пришлось по указанным причинам отказаться, то вероисповедные потребности, отразившиеся в Указе 17 апреля, нашли бы себе предварительное обсуждение на Соборе. Но от него пришлось отказаться, а жизненные требования искали разрешения. И вот является Указ 17 апреля 1905 года. Достоин внимания, что Воля Верховной власти была при этом осуществлена не

обычным законодательным порядком, а именно посредством Указа, имевшего последствием *временные правила*. Между тем Государственный Совет существовал и действовал. Отсюда следует, что Высочайшей Волей отнюдь не утверждалась возможность окончательно решать такие вопросы без предварительного совещания с Собором, посредством только одних государственных законодательных учреждений. Конечно, лишь поэтому принципиальные положения Указа 17 апреля осуществлены доселе лишь в виде временных правил.

Таким образом, никакие основания не говорят нам, что правительство графа Витте или П. А. Столыпина должно было идти к законодательному осуществлению вероисповедных запросов жизни посредством одних государственных учреждений раньше, чем созван Поместный Собор. Не дает на это никаких оснований и Манифест 17 октября, в котором хотя на обязанность правительства и возлагалось дарование населению основ гражданской свободы, между прочим, и на началах свободы совести, но ни единым словом не давалось правительству права приступать к вероисповедной реформе путем общих законодательных учреждений, без предварительного испрошения Высочайшего повеления на созыв Поместного Собора.

Итак, мы имеем все основания думать, что поспешная вероисповедная реформа, предпринятая правительством до созыва Собора, не имела оснований в Высочайших волеизъявлениях.

Во исполнение Указа 17 апреля и Манифеста 17 октября правительству надлежало не начинать составление законодательных предположений для представления в Государственную Думу, а надлежало их заготовить для представления на Поместный Собор к тому времени, когда он будет созван. Сразу ошибочно поставленный способ осуществления Высочайшей Воли в отношении вероисповедном так и остался до сих пор не исправленным, и вот, вследствие ошибочного начала дела мы с тех пор уж пять лет ничего не можем достигнуть, а только производим агитацию всей страны непримиримыми спорами общих законодательных учреждений, не поддающимися никакому логическому согласованию.

Зачем же теперь, на закате третьей Думы, мы, проживши эти годы при временных правилах, должны непременно торопиться завершить дело бесповоротно, тогда как его несовершенность без предварительного Церковного Собора все более и более для всех уясняется. Конечно, Православная Церковь при нынешних порядках живет в условиях худших, нежели инославные общины. Но для веры и Церкви лучше претерпеть еще несколько времени, чем видеть признание законом того принципа, по которому положение Православной Церкви определяется государством без совещания с Собором, – людьми, церковного чина не имеющими и даже неправославными и иноверцами – евреями, магометанами и т. д. – наравне с православными.

Поэтому, нам кажется, гораздо правильнее отклонить законопроект, чем искать средних решений, которые, давая малые выгоды, во всяком случае, санкционируют в корне неправильное отношение государства к Церкви.

Доселе правительство не делало такого ясного и категорического признания неразрывной связи Русского государства с Русской Церковью, как формулировано теперь министром внутренних дел. Но если мы, слава Богу, наконец пришли к этому сознанию, то неизбежен вывод: приостановка движения вероисповедных законопроектов, без опроса Собора составленных, ускорение созыва Собора, составление законопроектов для представления на его консультацию, и только затем уже проведение их через общие законодательные учреждения. А в ожидании – все, православные и инославные, могут как-нибудь потерпеть и при временных правилах. Терпели больше, так лучше обождать еще, но зато уж выйти потом раз и навсегда из ложного положения, в которое мы были поставлены каким-то недоразумением правительства 1906 года в понимании путей исполнения Высочайшей Воли, выраженной 17 апреля и 17 октября 1905 года.

Старообрядческий вопрос в Государственном Совете.

Наш уважаемый сотрудник, присяжный поверенный Н. Д. Кузнецов, уже не первый раз критикующий беспринципность, с которой у нас поведена была вероисповедная политика, рассмотрел в №№ 90, 93 и 94 *Московских Ведомостей* «Закон о старообрядческих общинах в Государственном Совете». Это лишь частный вопрос общего законодательства. Но, как справедливо говорит сам автор, это первый вероисповедный законопроект, доходящий до окончательного осуществления. До сих пор мы жили узаконениями временными, и каковы бы ни были их недостатки, могли утешать себя мыслью, что все это еще не возведено в норму неизблемую и обязательно предпрещающую построение законодательства во всех областях вероисповедной политики.

Государственная Дума поддержала свою репутацию и не внесла в законопроекты, ей предложенные, никаких осмысливающих поправок. Напротив, она лишь обострила все, что в законопроекте было особенно неудачного, неясность принципа она довела до его полного упразднения. Теперь Государственному Совету предлежит задача или закрепить все это, или распутать и привнести какие-либо твердые основания закона, составляющего фундамент всех последующих. От Государственного Совета мы вправе ожидать большей осведомленности, серьезности и осторожности уже по самому составу его членов. И действительно, комиссия, назначенная Государственным Советом для рассмотрения думского законопроекта, отнеслась к нему очень критически. Она почти заменила его новой редакцией законопроекта, и если ее точка зрения будет одобрена Государственным Советом, то можно будет сказать, что наша вероисповедно-законодательная мысль если и не вышла на вполне торную дорогу, то, по крайней мере, возвысилась до сознания того, что такие глубокие вопросы народной жизни

нельзя решать на основаниях одних отвлеченных начал свободы и равенства.

Это был бы уже огромный успех, и не только в отношении всего устроительного дела, подлежащего государству. Немногие страны приступали к глубочайшим реформам с таким легким идейным багажом, как это вышло у нас. Интеллигентная политическая мысль, взявшаяся за реформу великой страны со сложнейшими внутренними отношениями, сама развилась на общих фразах, общих соображениях и выросла не на государственном деле, а в кабинетных или митинговых разговорах, то есть вообще в обстановке, совершенно непригодной для серьезной государственной работы. А между тем именно эта поверхностная интеллигентная мысль и дала главные «директивы» последующей практической работе. Понятно, что с особенной силой вредные последствия этого должны были проявиться именно в Государственной Думе, по составу принадлежащей главнейше к этой средней интеллигенции. Но для того, чтобы запутанную и разрушающую *революцию* сменить, наконец, серьезной *реформой*, необходимо, чтобы в государственной политике возобладала не мысль средней интеллигенции, а мысль высшей интеллигенции, – более образованной, более выработанной, а следовательно, более способной понимать обязательность связи между государственным законодательством и условиями органической жизни нации.

Щедрин когда-то высмеивал градоправителей города Глупова², описывая, как приехал градоправитель, проникнутый идеями материального благоустройства, и потому приказал замостить город. Затем явился новый градоправитель, со стремлениями более возвышенного характера, а потому приказал снять мостовую и воздвигнуть из этого камня величественную пирамиду... Всякое революционное законодательство является в роли таких градоправителей, и для того, чтобы избежать этого, законодательные учреждения должны помнить, что обязанности законодательства состоят совсем не в произвольном перекаивании народной жизни на

основании каких-нибудь личных понятий о благе, а в том, чтобы отвлеченные общечеловеческие начала свободы и блага сообразовать с реальными условиями народной жизни, с тем, что вырабатывается ею самой. Государственно-народное творчество должно давать «директивы» законодательству, а не наоборот. Забывать это – значит не знать и не понимать, в чем состоит народная свобода. Но если качества деспота и революционера еще допустимы для кабинетных или митинговых речей средней интеллигенции, то составляют величайшее зло для народа и государства, если успевают овладеть душой законодателя.

Неоднократно мы высказывали, что вся будущность России, и, между прочим, степень свободы, какую удастся провести в русскую жизнь, всецело зависит от того, насколько мы успеем освободиться от революционных директив, совершенно родных по духу аракатеевскому произволу. Законопроект о старообрядческих общинах, переходя в Государственный Совет, дает теперь первый серьезный случай увидеть, перешли ли мы сколько-нибудь от революционного деспотизма к уважению самостоятельности народного творчества, уважению к тому, что думают не одни депутаты или интеллигенция, а сама *нация*, сами люди, для которых вырабатываются законы.

Заключения комиссии Государственного Совета показали, что в числе его членов уже явилось немало лиц, сознавших свою обязанность привносить в законодательное дело лишь помощь развитого юридического ума тому, что вырабатывает самостоятельное чувство и сознание нации. Вопрос теперь в том, как проявит себя большинство членов этого высшего учреждения?

Нельзя не отметить идейного сходства между воззрениями, проявившимися в комиссии Государственного Совета, с теми воззрениями, которые так энергично развивал в последнее время г-н Кузнецов в ряде конференций, в статьях и недавно вышедшей книге («Закон о старообрядческих общинах в связи с отношением Церкви и государства». Москва, 1910 год). Точка зрения г-на Кузнецова состоит в том, что го-

сударство должно находиться в союзе с Церковью, причем, понятно, такой Церковью может быть лишь какая-либо *одна*, которая в силу своего с государством союза и признается господствующей. Потребности же свободы совести должны осуществляться не приравнением всех вероисповедных обществ к господствующей Церкви, а их организацией на общих правах *частных обществ*, с дарованием им всей той степени свободы, какую государство считает возможным давать частным обществам. Та же идея как будто сказывается и в трудах комиссии Государственного Совета. Это совпадение, конечно, неслучайно, и именно вследствие этого обещает оздоровление нашей законодательной деятельности.

Дело в том, что идеи г-на Кузнецова являются лишь разумной юридической формулировкой той идеи, которая фактически пробивалась в нашем историческом вероисповедном законодательстве. Разница лишь в том, что в настоящее время мы признаем необходимость расширить свободу и права. В воззрениях г-на Кузнецова говорит национальная историческая мысль, достигающая самосознания и вместе с тем развивающаяся до гораздо большей потребности в свободе коллективных действий.

В этих идеях, таким образом, является течение прогрессивной эволюции, сменяющей деспотизм «прогрессивной революции». Но торжество прогрессивно-эволюционной идеи было бы у нас началом конца революции, началом правильного развития страны. И вот почему исход дела о старообрядческих обществах в Государственном Совете вырастает в важное событие, которого последствия далеко переходят границы собственно вероисповедных интересов. Поэтому-то всякий, понимающий условия действительного прогресса и жаждущий увидеть их наконец в России, ожидает теперь с таким нетерпением решения Государственного Совета, которое нам скажет, освободились ли мы, наконец, от давления «революционных» директив нашей среднеобразованной интеллигенции?

Государственно-церковное дело в Государственном Совете.

В первые моменты законодательного «обновления» России, начатого под непосредственными впечатлениями смутного времени и под аккомпанемент революционных криков поистине бесноватых Дум первых двух созывов, в первую же голову были выдвинуты законопроекты, касающиеся вопросов вероисповедных и государственно-церковных. С тех пор они претерпели довольно много мелких изменений, а часть их взята для нового пересмотра, но общий дух реформы, тогда заложенный, остается до сих пор таким же, каким явился на свет. Это, быть может, тяжелейшее наследство, принятое нынешним министерством от предшественников, – к сожалению, без своевременного глубокого пересмотра.

Общий дух этого законодательства ведет к подрыву союза Церкви и государства, чем в самой основе подрывается историческая идея нашей государственности.

Мы много раз указывали на коренные недостатки этих законопроектов и на необходимость положить предел дальнейшему подрыву, производимому их применением. Но доселе ничто в государственной сфере не давало надежды на спасение России от роковых последствий непонимания истинного смысла государственно-церковного союза. Государственная Дума не захотела поддержать даже частичных улучшений, которые правительство начало, наконец, приносить в реформу вероисповедных отношений. В Думе и в печати не давали хода никаким улучшениям, постоянно указывая будто бы на Волю Государя Императора, на которую те же самые люди не обращают никакого внимания, когда они предпочитают осуществление директив революции. Указ 17 апреля в тенденциозных руках был постоянно превращаем в щит против всяких стараний предохранить государство от разрыва с Церковью.

Но вот наконец дело поступило в Государственный Совет, и мы, уже отвыкшие видеть в русских делах какие-либо отзвуки былой русской государственной практичности, с величайшим удивлением слышим смелое и твердое заявление о праве на существование наших вековых государственно-церковных отношений. Конечно, и в Государственном Совете мы не обходимся без разрушающей рыхлости фальшивого либерализма. Кто знает? Быть может, она и здесь окажется охватившей большинство умов. Но, во всяком случае, Государственный Совет проявил также присутствие и таких элементов, которыми государства мира не разрушаются, а деятельно строятся.

Комиссия Государственного Совета не постеснялась переделать законопроект о старообрядческих общинах настолько радикально, что вызвала обычные крики о противоречии своих поправок с Указом 17 апреля. Но на этот раз уловка оказалась бессильной, и мы впервые услышали твердое слово истинно законодательного разума, принадлежащее самому председателю Государственного Совета:

«Здесь, – между прочим заявил он, – возник вопрос, можно ли изменять Указ 17 апреля 1905 года и 17 октября 1906 года. Прения по этому предмету представляются совершенно праздными, потому что кто знаком с учреждением Государственного Совета и учреждением Государственной Думы, тот должен знать, что законодательные собрания имеют право издавать новые законы, изменять и отменять прежние, и стало быть, никакого сомнения по вопросу о возможности изменения того или другого указа существовать не может».

Это заявление, несмотря на совершенную очевидность выраженной в нем мысли, составляет необычайную новость для нашего законодательства последних лет. Политическое криводушие, старающееся вести Россию по пути дальнейшего развала исторической государственности, постоянно прикрывается таким будто бы необычайным благоговением к Высочайшей Воле, что малейшее отступление от Указа 17 апреля

1905 года и 17 октября 1906 года клеймилось как незаконное и недопустимое. На этих указах дозволялось только производить надстройки, долженствующие мало-помалу ликвидировать те самые устои, во имя которых объявлялись неизменяемыми Указы 1905 и 1906 годов.

Вот этот-то палладиум российского развала и вырван Государственным Советом из рук политического злоупотребления. Это ясное и точное указание действительной степени силы указов составляет заслугу М. Г. Акимова как юриста и государственного человека.

Та же высота и зрелость государственной мысли ярко проявились в речи докладчика комиссии, статс-секретаря П. Н. Дурново. Указывая обязательность сохранения существующего положения Православной Церкви, союз с которой составляет основу русской государственности, он объяснил, что комиссия (в большинстве своем) никак не могла согласиться ни с проектом Государственной Думы, ни с проектом Министерства внутренних дел, изданным в порядке 87 статьи. С той же смелостью и логикой он заявил, что нельзя лишать государство обдуманного закона только потому, что мы встречаем препятствие со стороны какого-либо *fait accompli*¹.

«Если бы по 87 статье Основных законов был издан закон, явно по нашему разумению вредный и вовсе не обдуманный, то невзирая ни на какую давность мы должны его отклонить, дабы прекратить распространение зла, которое неизбежно производит всякий необдуманно пущенный в народную жизнь легкомысленный закон. Для меня, – сказал докладчик, – мало понятны причины спешного издания столь сложного закона, тем более, что ожидавшиеся благоприятные от него последствия могли наступить лишь много времени спустя».

Основная мысль, руководившая, по разъяснению докладчика, большинством комиссии, сводится к тому, что «в России нельзя отделять государство от Православной Церкви, господствующей и первенствующей. Господство Православной Церкви определяется вовсе не тем (как это говорится

в объяснениях законопроекта), что Государь Всероссийский исповедует Православие и что на содержание ее отпускаются казенные деньги. Государь Император исповедует православную веру потому, что в ней с древних времен живут духовное сознание и духовные идеалы Русского народа. Всякие другие исповедания в России могут быть только терпимы, но они не имеют права чем-либо посягать на установленные права и преимущества нашей древней Православной Церкви. Нельзя равнодушно и безразлично взирать на вероучения, отпавшие от Православия (каковы именуемые «старообрядцы»). Такие вероучения не могут относиться к Православию иначе как недружелюбно и враждебно. Закон должен поставить точные условия и границы деятельности таких союзов, которым не может быть дана полная свобода. Нельзя скрываться за ширмой неопределенных выражений. Необходимо говорить открыто и ничем не стесняясь».

И затем, изложив необходимые ограничительные меры, привносимые комиссией в закон о старообрядцах, докладчик заключил твердой формулой:

«Охраняя единство Русского государства, было бы безумно ослаблять силу его священной Православной Церкви».

Можно сказать, что комиссия, председательствуемая статс-секретарем П. Н. Дурново, впервые после нескольких лет забвения напомнила нашему государству, что такое значит быть в *союзе с Церковью* и что это в России составляет не право, а обязанность государства. Эта мысль с забытой у нас смелостью и яркостью была развита членом Государственного Совета высокопреосвященным Николаем (Зиоровым), архиепископом Варшавским. Он напомнил современному государству его исторические обязанности и те нарушения прав Церкви, которые ныне производятся.

«Первое правонарушение, – сказал он, – отмена определений Великого Собора 1666 года, осудившего Никона, и второе – Собора 1667 года, осудившего раскольников, признавшего их мятежниками, раздорниками и непослушниками святой Церкви. Согласно правилу I св. Василия Великого,

это постановление Собора, вынесенное сонмом духовенства с участием вселенских патриархов, должно существовать и впредь. Теперь же государство отменяет это правило, находя его оскорбительным для раскольников, переименовывает последних в старообрядчество. Этим государство произносит суд над Великим Собором, отменяет его определения, признает деяния Великого Собора неправильными и незаконными, оправдывает тех, кто признаны мятежниками, революционерами Церкви. Государство берет под свое покровительство врагов Церкви, революционеров Церкви, осуждает саму Церковь. Раскольники телеграммы посылали, а мы плакали. Они радовались и смеялись над нами, а мы не знаем, как объяснить православным христианам, как все это случилось. Представьте себе, если бы Св. Синод опубликовал пастырское послание о том, что наказывать гражданских государственных, политических революционеров – оскорбительно и жестоко, что они имеют право высказывать свои мысли и убеждения и увлекать других, а потому их не следует преследовать. Что сказал бы товарищ министра внутренних дел Курлов? Он сказал бы: “Святые отцы, в здравом ли вы уме?” Министр внутренних дел² в своей объяснительной записке говорил, что раскол и Православие не имеют никакой разницы, что это одно и то же, разница только в обрядах... Ныне, признавая раскольничью иерархию в сущем сане благодати, отнимают половину прав у Православной Церкви. Уже теперь к раскольникам подходят под благословение чиновники. И вот вам крестный ход: самозванцы-мужики напялили не себя то же, что и православная иерархия. Ведь это скандал, страшный соблазн. Представьте себе, что сказал бы министр финансов, если бы к нему явился секретарь и сказал: «Владимир Николаевич³, вот министр внутренних дел, Дума и Государственный Совет решили: пусть и фальшивые бумаги и монеты ходят как настоящие». Он бы сказал: «В здравом ли они уме, ведь это разорение государства!» Не то же ли и здесь? Государство благословляет и разрешает фальшивую благодать! Что сказал бы военный министр, если бы

ему доложили, что какие-то мужики понадевали генеральские и полковничьи мундиры с лентами и звездами и в них ходят. Он бы приказал, конечно, их арестовать. Военные честь мундира считают своего рода культом. Но здесь – больше мундира, здесь – сакраментальная вещь, освящаемое Церковью облачение. И вот теперь мужики-самозванцы ходят в наших митрах, Высочайше пожалованных нам крестах, именуют себя священниками. Попустительство этому оскорбляет Православную Церковь и обесценивает священные вещи до рыночных тряпок...»

Вот какие речи довелось услышать, наконец, России из Государственного Совета. Конечно, неприятно их слышать тому сонму реформаторов, которые позабыли, что такое *союз*, позабыли, что союз не состоит в прислужничестве Церкви и не за деньги покупается, а требует от государства такого же исполнения обязанностей перед Церковью, как у Церкви перед государством, и что только при нравственном подчинении государства закону Божию, Церковью изыскиваемому, может быть свят союз Церкви с государством.

Услышит ли современное государство эти мужественные голоса глубокого понимания государственного строения, или заглохнут они в рыхлой тине либеральной бессознательности, – во всяком случае, всякий сознательный православный человек должен засвидетельствовать достойному и мужественному архипастырю глубочайшее уважение и благодарность за то, что в решительный момент он не уклонился «в слова лукавствия», но явился право правящим слово истины Божией. Глубокую отраду возбуждает и то, что оказались у нас государственные люди в Государственном Совете и вспомнили они, что такое государственная точка зрения на церковные отношения. Что из этого выйдет? Покажет недалекое будущее; но честь и слава тем, кто показал себя достойным сыном великих дедов, строителей великого государства.

В дебрях вероисповедного вопроса.

Да не обвинит нас Ипполит Андреевич Гофштеттер в плагиате заглавия его прекрасной статьи в № 12824 *Нового Времени*. Мы берем это заглавие как своего рода цитату. С замечательной чуткостью совести г-н Гофштеттер уловил путаницу наших вероисповедных обсуждений и ярко обрисовал их. Но и он не понимает, почему мы зашли в эти дебри, с какого пункта начинается роковая тропинка, нас заведшая в эту чашу противоречий. Мы старались это объяснить не раз, но все оставалось втуне: слишком забыли у нас идею церковности, и смысл союза Церкви и государства даже и у людей православных утрачен до самой прискорбной степени. Теперь, однако, И. А. Гофштеттер невольно возбуждает нас к новой попытке указать исходный пункт ошибки, а следовательно, и то, как возможно выпутаться из дебрей, которые с каждым дальнейшим шагом по ложному пути будут становиться для России все более безысходными.

«Редко, – говорит г-н Гофштеттер, – приходится испытывать такое мучительное раздвоение мысли, как при многодневном споре, который шел в Государственном Совете по вероисповедному вопросу. Кажется, правы обе стороны, поочередно соглашаешься с каждым из спорящих, а они никак между собой не могут согласиться»... Действительно, как, с одной стороны, не сочувствовать свободе совести, как, с другой стороны, не понять желания православного человека охранить свою семью, своих близких и единоверцев от расхищения всеми тонкостями соблазна лжеучителей и множеством видов тонкого и грубого насилия, посредством которого у Православия отрывают его сыновей и дочерей?

«Как сохранить одновременно и господствующую роль Православия, и абсолютную свободу совести»? Так резюмирует г-н Гофштеттер сложности дебатов Государственного Совета, и ему кажется, что как будто правы обе стороны, за-

путавшиеся в квадратуре круга вероисповедных предписаний государства.

В действительности, не обе стороны «правы», а обе стороны безусловно *не правы*, наиболее же виноваты те, которые хотят быть православными и Православия не знают, хотят, чтобы Православие имело «господствующую роль», а смысла этого господствующего положения не потрудятся себе выяснить.

Наши законодательные учреждения, а равно и г-н Гофштеттер, а равно и прочие, втянувшие Государственный Совет в упоминаемые г-ном Гофштеттером «дебри», – что такое все они понимают под выражением «господствующая Церковь», господствующее исповедание? Где и над чем они господствуют? Над прочими ли верами и религиозными обществами? Уж понятно, что нет. Было бы возмутительным насилием – даже неосуществимым – стремиться, чтобы Православная Церковь господствовала в среде римского католицизма или нехристианских исповеданий. Все неправославные исповедания могут иметь более свободы или менее свободы в государстве, можно довести до того, что в их среде будут «господствовать» урядник и городской. Но невозможно достигнуть того, чтобы православный священник господствовал в синагоге и чтобы Св. Синод поставлял лам в буддийские кумирни. Итак, когда мы говорим о господствующей роли Православия, то разумеем это господство в какой-то другой сфере, или... может быть, ровно ничего не разумеем, а просто говорим бессодержательные слова. По смыслу же своему «господствующая роль» Православия может иметь место только в области *государства*.

Смысл этого выражения состоит в том, что Русское государство признает религиозно-нравственное господство Православия над собой, над государством, следовательно, и над государственным законом, и над вероисповедной политикой государства. Это означает, понятно, не господство Церкви в управлении государством, как это могло бы быть в римском католицизме или в магометанстве. Православная

вера не дает Православной Церкви мирской власти. Но общие точки зрения свои на вопросы нравственные и религиозные, а стало быть, и на свободу совести, – государство, если оно признает господствующую роль Православия, обязано почерпать из Православия, а следовательно, получать его от Православной Церкви. Вот смысл «господствующей роли» Православия, и отсюда же уясняется смысл союза государства с Церковью. Вся власть, все управление государства – совершенно самостоятельны, и во всей этой области Православная Церковь обязана подчинением государству. Но в отношении религиозно-нравственных точек зрения не Церковь должна слушать государство, а государство обязано руководствоваться учением и изъяснением церковным.

Установив этот пункт, перейдем к *дебрям* нашего вероисповедного законодательства.

Вот мы не только начали, но и кончаем свою вероисповедную реформу. Кто же ее вел и ведет? Кто обсуждает? Кто решает? Государственные учреждения. Они толкуют о смысле Православия, о том, как Православие должно относиться к свободе совести, к правам магометан и язычников, к праву апостасии¹, к религиозным правам родителей и детей и т. д. Об этом говорили и решали все члены государственных учреждений, в том числе иноверцы и явные враги христианства. Православная же Церковь должна будет подчиняться закону, таким образом установленному. Да если бы даже в установлении законов этих и не участвовали католики, протестанты, евреи, а только одни по метрике православные люди, или даже наиблагочестивейшие в вере, то все же остается факт, что светские гражданские учреждения предписывают законы, прямо относящиеся к области решения Православной Церкви... И при этом мы толкуем о какой-то «господствующей роли» Православия. Не дебри ли это?

Государство подчиняет себе Церковь в области вероучительной и при этом размышляет, как дать ей «господствующую» роль! Государственные учреждения явно превышают свои полномочия в нравственном и религиозном смысле и,

хлопоча, по их мнению, о *господстве* Православия, не проявляют даже того уважения к нему, которое говорит людям, что они не должны самовольно распоряжаться чужими судьбами. И чьими же судьбами? Церкви Христовой, которая в нравственном и религиозном смысле должна быть их госпожой, а не какой-то «покровительствуемой» ими вдовицей. Граф Олсуфьев, г-н Кони и пр., и пр., им же нет числа, решают смысл догматов Церкви, не спросясь у Церкви. Люди государственные, толкуя о якобы «господстве» Церкви, решают вероисповедные вопросы *не в Церкви, а вне ее*, и свои решения потом объявляют обязательным для нее законом. Но если бы наши законодатели сознавали церковную идею, то они бы тогда поняли, что смысл их религиозно-законодательной деятельности – поистине страшен. В этой деятельности они ставят себя выше Церкви. Они будто бы хотят сохранить ее господствующее положение, но не только отбросили в своей совести ее господство над собой, над государством, а вполне уверились, что не они у Церкви должны учиться, а имеют право сами ее учить... и даже не учить, а просто приказывать ей, указывать ей обязательные для нее нормы.

Это ли не дебри?

Но лесная чаща еще гуще. Ведь в довершение всего наши деятели полагают, будто бы они действуют во исполнение Высочайшей Воли, во исполнение Высочайших Указов и Манифестов. Но мы уже разъясняли недавно (*Московские Ведомости*, № 257), что это чистое недоразумение и что Высочайший Указ 17 апреля и Высочайший Манифест 17 октября не дают ни малейших полномочий на внецерковное законодательное решение вероисповедного вопроса. Обязанность правительства в отношении волеизъявления Верховной власти совершенно несомненно состояла в заготовлении законопроектов, но не для Государственной Думы и Совета сначала, а для представления на *Поместный Собор*. Только после заключения Поместного Собора могла наступить очередь законодательного обсуждения в государственных учреждениях. Это был путь совершенно ясный – как по смыслу союза Церк-

ви и государства, так и при сознании смысла «господствующей роли» Православия. Но у нас до такой степени все пере-забыли, что стали осуществлять предначертания Верховной власти совершенно ненормальным путем, вследствие чего и зашли в безвыходные дебри.

Та точка зрения, на которую стало правительство, передавая свои законопроекты в законодательные учреждения, сама по себе составляет отрешение от союза государства с Церковью и от какой бы то ни было идеи «господства» Православия. Чтобы быть логичным и избежать дебрей, государство в этих законопроектах должно бы было поставить исходным пунктом прекращение союза с Церковью и какое бы то ни было попечение о господстве Православия. Тогда законодательство пошло бы ясно и гладко. Но раз решено было совместить плюс и минус, то самое счастливое окончание дела может дать только нуль. В действительности же дело не окончится даже нулем, а огромным преобладанием минуса.

Во что действительно превратится Церковь при завершении законопроектов? В чем будет ее «господство»? В получении казенных денег, испрашиваемых у неверующих, у евреев, магометан и т. д. Но ведь это не господство, а рабство самого худшего свойства. Уж лучше бы откровенно разойтись, предоставя Православной Церкви жить в материальном отношении, как ей Господь пошлет, чем обвязать ее путами денежного соблазна. Тогда, по крайней мере, она бы не теряла нравственного престижа среди других исповеданий, не имеющих такого покровительства, но зато свободных...

Не нуль, а тягчайший минус для Православия готовится в тех дебрях, в которые вступили мы на вероисповедной почве. И если в Государственном Совете желают поступить по-православному, то должны просто отвергнуть проекты по своей некомпетентности решать дело без предварительного заключения Поместного Собора Православной Церкви, о созыве которого и должна ходатайствовать правительственная власть. Это единственный исход.

Правда, для России есть и еще исход, о котором мы думаем столь же с надеждой, сколько со страхом и со жгучими упреками всем, которые доводят до такого исхода. Допустим, что эти законопроекты пройдут все законодательные инстанции и поступили на утверждение Государя Императора... Допустим, что Высочайшая Воля признает невозможным утвердить законопроект... Мы спрашиваем: какова окажется роль всех тех, которые всю тяжесть такого решения возложили на Высочайшую власть? Но они ли сами были обязаны вникнуть в дело, и, поняв ненормальность пути, на какой попали законопроекты, взять *на себя* отвержение их по прямому своему долгу?

Мы знаем, что они – верные слуги Государя Императора. Не сомневаемся в отношении огромного большинства. Но тем печальнее их роль, тем яснее, что они запутались в самые страшные дебри... Да, тонкое чувство подсказало И. А. Гофштеттеру ощущение «дебрей», но они гораздо более широки, чем он, может быть, представляет по сознанию. Но разве же такого же чувства нет больше ни у кого? И разве в среде государственных мужей мы не имеем права ждать более глубокого сознания, чем у хотя бы и талантливого и честнейшего публициста?

Роль церковной власти в освободительных реформах.

Помещаемые у нас очерки современного положения Русской Церкви по отчету обер-прокурора Св. Синода¹ воскрешают в памяти воспоминания о днях очень тяжелых, и едва ли нужно говорить, что их картина в нашем воображении восстает далеко не в том освещении, какое дает ей всеподданнейший отчет гражданского правителя Церкви. К сожалению, очень многое, в чем г-н обер-прокурор усматривает какой-то свет, нам представляется погруженным

в глубокий мрак. Отчетные годы (1905–1907) – это годы развала исторического союза Церкви и государства, годы, когда и в самом государстве заложен подрыв той Царской власти, при которой только и возможно осуществление союза Церкви и государства, без превращения союза в подчинение Церкви земным властям. Как же держали себя в эту годину испытания иерархи, коим выпало на долю стоять у кормила церковного?

Всеподаннейший отчет г-на обер-прокурора придает деятельности Св. Синода характер как бы похвальный. Но фактически мы видим лишь беспредельную послушливость иерархов, их готовность служить предначертаниям власти, каковы бы ни были эти предначертания. Это ли может составить похвалу епископа? Не для охраны ли интересов, прав и спасающей роли Церкви поставлена высшая иерархия на чреду высокого служения? Похвала ей может состоять только в осуществлении служения *Божьему делу*.

Даже и в среде правительственных учреждений нет ни одного, в котором бы единственным долгом служащего почиталось беспрекословное послушание. Требуется еще проникновение *духом своей обязанности*. Перечисляя требования от лица, состоящего на службе, те обязанности, «которые должны быть всегда зеркалом всех его поступков», *Устав о службе* дает такой их список: 1) здравый рассудок, 2) добрая воля в отправлении порученного, 3) человеколюбие, 4) верность к службе Его Императорского Величества, 5) усердие к общему добру, 6) радение о должности. 7) честность и бескорыстие, 8) правый и равный суд каждому, 9) покровительство невинному и скорбящему (статья 705). Вот как идеальны и высоки требования, далеко не исчерпываемые послушанием. Требуя послушания, Устав о службе, однако, напоминает, что иногда нужно нечто иное: «священный долг каждого служащего есть предостерегать и охранять по крайнему разумению, силе и возможности, *все к высокому Его Императорского Величества Самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества*» (статья 706).

Статья 707 Устава объявляет, что «нерадение по части блага общего, им вверенного», составит для служащих «главнейшее поношение». А статья 712 указывает, что если данное от начальства приказание кажется «противным интересу Его Императорского Величества», то усомнившийся «неопустительно обязан» исполнить все предосторожности, на сей случай предписанные.

Вот какой высокий дух требуется от службы, а не простое исполнение буквы послушания. Что же сказать об управлении церковном, где иерархи служат не только одному Государю Императору, но самому Главе Церкви, Господу Иисусу Христу? В описании же деятельности Св. Синода при тяжелой буре, закрутившей корабль Церкви, не находим ничего, кроме робкой консультации о том, как властям будет удобнее исполнить *их* намерения. Гражданская власть все решает, церковная же только одобряет, ограничиваясь теми поправками, отсутствие которых было бы невыгодно для планов самой власти. Но так действует только секретарь при начальнике. И эта роль высшего церковного управления покрывается будто бы соблюдением Воли Государя Императора...

Но, во-первых, для церковного иерарха, кроме Воли Государя Императора, есть еще некоторая другая священная Воля, выше всякого сравнения. Во-вторых, даже и соблюдение Воли Государя Императора требует, чтобы служащий не забывал указанных в статье 712 предосторожностей. В-третьих, в деле освободительных реформ Св. Синод имел перед собой не непосредственно Волю Государя Императора, а волю самых обыкновенных гражданских властей, графа Витте и прочих, на тот или иной час у власти находившихся. Мы, однако, не видим в отчете обер-прокурора, чтобы святительствующие власти Св. Синода искали непосредственного убеждения в Воле Государя Императора и обращали Его внимание на какие-либо несообразности реформ, предлагаемых властями на их обсуждение. Церковная власть в этой картине постоянно имеет дело

с исполнительной гражданской властью, а следовательно, никак не могла прикрываться подчинением Воле Государя Императора.

Так, например, что сказала Государю Императору церковная власть на Высочайший Указ 17 апреля 1905 года? Она, как видим из отчетов, озаботилась лишь способами приведения в исполнение того, что было составлено графом Витте. Что сказала церковная власть в отношении Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 года? Ее поведение оказалось совершенно такое же. Она восхвалила Волю Государя Императора и не принесла Государю Императору никакого другого вспомоществующего дара, кроме славословия.

Мы видели суровое осуждение статьей 707 в служащих «нерадения по части блага общего, им вверенного». Основа же блага общего, вверенного архипастырям, в отношении гражданском состоит несомненно в охране чистоты и святости государственно-церковного союза.

Почему же первенствующая власть Церкви, митрополит Санкт-Петербургский, не мог доложить Государю Императору по поводу наименования раскольников или по поводу того, в чем заключаются права «господствующей» Церкви, хотя бы того, что в текущем году высказал мирянин, член Государственного Совета П. Н. Дурново? Славословием ли исчерпывается верная служба Царю?

В еще недавние времена, накануне разгула революции, достопамятный архипастырь Харьковский Амвросий получил в 1901 году от какого-то либерала укоризненное письмо, которое столь возбудило его негодование, показалось ему столь клеветническим, что он его даже не усомнился опубликовать в *Вере и Разуме* со своими возражениями.

А либерал писал вот что. Указывая неизменную послушливость церковной иерархии, он упрекал епископов в том, что они служат не Самодержцу, а власти, какая бы она ни была, и заключил упреки словами:

«Ввиду всего сказанного будет ли несправедливо предположить, что духовенство наше в лице его представителей

при изменившемся сверху режиме так же будет славословить Государя конституционного, как оно славит теперь Государя Самодержавного?.. Да если бы и ныне царствующий Самодержец соизволил высказать Свое благоволение досто-славному Льву Николаевичу, куда бы вы попрыгали со своими кознями, страхами и угрозами?»

«Старики мы с вами, владыка, и не доживем до того времени, когда Церковь наша очистится от всякой лжи, неправды и всего несущественного»...

(«Два характерные письма», Харьков, 1901 год).

Что сказал бы высокопреосвященный Амвросий, если бы дожил до деяний Св. Синода, о коих докладывает Государю Императору обер-прокурор Св. Синода?

Да, конечно, не одолеют врата адавы Церкви Христовой. Да, конечно, были и в эти годы отдельные архипастыри, которые служили не одной послушливостью, а и смелым воз-ражением, ибо верная служба, как и в законе сказано, состоит не в беспрекословном послушании, а иной раз и в возражении против ошибочных предначертаний. Было и это. Но *церковное управление*, возглавляемое высокопреосвященным митрополитом Антонием, не дало нам таких образчиков служ-бы Богу и Царю, отчеты обер-прокурора нам таких случаев не указывают.

А потому они лишь будят прискорбнейшие воспомина-ния о прискорбнейших временах.

Как ни раскрашивай их, а человек, верующий во Хри-ста и сердечно преданный Царю Православному, может лишь молиться: «рукописание грех наших раздери»... Но не раз-дерется, конечно, рукописание грех наших прежде, чем мы не раздерем самих грехов и не вызовем к жизни и действию в нашей стране таких церковных сил, которые будут ставить свой долг и заслугу не в послушании властям, а в рдении по части вверенного им общего блага Церкви и государственно-церковного союза.

Для чего нужен выкуп Ясной Поляны?

Вопрос о приобретении в казенную собственность Ясной Поляны никак не может сойти со сцены. Он возник чрезвычайно странно, еще вскоре по смерти Л. Н. Толстого, не то для выражения национального почитания Толстого, не то для того, чтобы не допустить преувеличенных почитаний с неизбежно антиправительственным характером. Правительство заверяли, будто бы какой-то американский еврей-банкир готов купить Ясную Поляну чуть не за миллион или полтора, и что в этом случае Ясная Поляна сделается центром вредной пропаганды. Выходило, что лучше имение перехватить самому правительству. Как бывает нередко, в дело вмешалась Государственная Дума, в которой находились желающие выдвинуть соответственный законопроект.

В правительственных сферах приобретение имения Л. Н. Толстого было тогда, в первый раз, раскритиковано. Совершенно справедливо указывалось на преувеличенную цену, которую требовали наследники, на полную ненужность покупки и т. д. Таким образом, дело заглохло.

Теперь почему-то оно опять всплыло и было предметом обсуждения Совета Министров и, по-видимому, опять затормозилось. В. К. Саблер выразил протест против правительственного прославления писателя, который умер отлученным от Церкви и был ее жестоким противником. Несомненно, что в политическом отношении, в отношении правительства и государства, проповедь и влияние его были по малой мере не лучше. Государственный контролер Харитонов также сделал сильные представления против приобретения. Что будет дальше? Пока неизвестно.

Нельзя не пожелать от всей души, чтобы дальше ничего и не было, и чтобы это дело было не отложено, а совершенно отвергнуто. Трудно понять, на каких основаниях его могло бы возбуждать или даже принимать правительство.

Во время первого появления этого «вопроса» говорили, что правительство «должно пойти навстречу общественному мнению». Но, во-первых, такого общественного мнения в смысле чего-либо национального не существовало и не существует. В России имеется не одно, а десяток мнений о графе Л. Н. Толстом, и если есть люди, которые доходят чуть не до обожествления Л. Толстого, то в другой части народа его память составляет предмет ужаса и отвращения. Стоит прочесть недавно опубликованный преосвященным Никоном (*Колокол*, № 1678) рассказ о появлении на могиле Толстого ядовитой змеи, чтобы понять, с каким отрицанием к нему относятся очень многие, и, быть может, большинство Русского народа. Да и среди образованной части общества имеется огромная доля, которая понимает Православие и доносит религиозной истиной, так что считает Л. Н. Толстого в лучшем случае несчастной жертвой темных сил, сделавших его врагом Христовым.

Итак, об общественном мнении в отношении Л. Н. Толстого говорить невозможно. Может быть, правильнее сказать, что все революционное, все враждебное историческим основам России и, наконец, все духовно расшатанное стоит за Толстого, а все чтущее Христа, все преданное Православной Церкви, все любящее Русское государство – стоит против Л. Толстого. Но если принять такую классификацию «общественного мнения», то какие же причины могут побудить правительство Русского государства, еще на днях заявившее в лице министра внутренних дел¹, что оно считает русскую государственность неразрывно связанной с Православием, – какие причины, говорим мы, могут быть у правительства для того, чтобы выступить против православного общественно-го мнения в угоду врагам Православия и государственности русского типа?

Русская Церковь, отлучившая Л. Н. Толстого, в своем управлении тесно связана с государством, и мы видим, что обер-прокурор Св. Синода выступил с протестом против акта, имеющего смысл какого-то национального прослав-

ления. Удобно ли правительству поддерживать и без того неудачную мысль, если это значило бы поддерживать врага Церкви против форменного протеста церковного управления, от лица которого выступал обер-прокурор Св. Синода? Да нельзя не вспомнить и того, что говорилось уже раньше, при первом возникновении этого плана, а именно, что никакие узаконения не вменяют вообще правительству в обязанность «идти навстречу общественному мнению».

У нас уже много зла принесло России, Русскому государству и состоянию национального духа заискивание перед освободительной и разрушительной частью интеллигенции, и, конечно, следует поскорее прекратить эту тактику, унижающую государственность и подрывающую в массах не только народа, но и самого общества доверие к ней. Прошло уже достаточно времени для того, чтобы представителям государственной власти можно было утвердиться на совершенно иной позиции.

В эпоху графа С. Ю. Витте правительство ставило лозунгом следование за желаниями «мыслящей части общества», будто бы «переросшей» все, чем жива Россия. Однако эта антинациональная точка зрения постепенно оставлена.

Благодаря покойному П. А. Столыпину правительственная политика вместо ухаживания за «мыслящей частью общества» гласно объявила своей обязанностью быть *национальной*, то есть сообразоваться с интересами и убеждениями русской нации, а не революционного псевдомыслящего общества. Поднявшись в развитии на эту ступень, мы должны идти выше, а не спускаться снова вниз.

Конечно, вопрос о покупке Ясной Поляны выдвинулся именно при покойном П. А. Столыпине. Но почтение к памяти его и признание его основной заслуги вовсе не вынуждают к следованию и всякой его ошибочной мере. В вероисповедном отношении правительство совершенно правильно не усомнилось сделать шаг вперед сравнительно с тем, что делалось при П. А. Столыпине. Такой же шаг вперед приличествует сделать и в вопросе о Ясной Поляне, и это даже более

обязательно. Если вероисповедные законопроекты времен П. А. Столыпина почти упустили из виду связь государства с Православием, то это было по крайней мере производимо на основании некоторого общего принципа, хотя бы и ошибочного. Но государственное чествование человека, отрицавшего государство, призывавшего граждан к отказу от военной службы, человека, значительная часть писаний которого и теперь признается преступной и к обращению не допускается, каким же принципом может быть объяснено такое деяние?

Граф Л. Н. Толстой, внесший в русское общественное мнение множество семян разложения, составляет для современников предмет пререканий. Для будущего он, вероятно, останется в отношении религиозном не более как вероучителем немногочисленной антихристианской секты. Полагаем, что дело государственной власти не в том, чтобы способствовать образованию этой секты, и даже не в том, чтобы вступаться с решениями о значении пропаганды Толстого, а в том, чтобы работать над делами, законом на него прямо возложенными, предоставив русской совести и сознанию разобраться в вопросе о значении умершего великого художника и великого ересиарха, впавшего во все погрешности ума, далеко не соответствовавшего его художественному таланту, но тем легче поддававшемуся соблазну беспредельного гордого самомнения.

Мелочная активность.

В сфере нашей церковной деятельности давно замечается одна черта, способная возбуждать большие опасения, если она и ныне возобладает над всем ходом дел. Проявляется нечто аналогичное тому, что делается в сфере государственной, и это возбуждает еще больше опасений, ибо состояние духа народа проявляется одинаково в обеих этих сферах его жизни.

Мы говорим о погружении в мелкие и, вообще говоря, полезные улучшения, которыми «оживлена» область церковной деятельности. Ничего нельзя возразить против целесообразности очень многого в этой оживленной деятельности. Но почему все ушло в мелочи, почему заглох вопрос о Поместном Соборе? Почему, как только заходит речь о нем, мы слышим лишь платонические сочувствия с неперменными оговорками о трудности дела, о необходимости той и иной подготовки к нему, и в конце концов мы систематически погружаем в оттяжках до совершенно неопределенного будущего? Достоин замечания, что стремления к этим оттяжкам характеризуют не одни чисто канцелярские сферы духовного ведомства, но точно так же и наш епископат, и те самые правые группы, которые считают себя по преимуществу преданными Православию и Церкви. И, конечно, не подлежит сомнению их преданность Православию, как ясно, что ему преданы в общем и сферы духовного ведомства, и уже тем более архипастыри Церкви, блюстители ее духовных и всяких других интересов. Но вот оказывается, что все преданы вере и Церкви, а Собора все боятся и считают себя обязанными сначала что-то такое устроить, чем-то обезопасить Собор и его созвать лишь тогда, когда все будет без него устроено и приведено к благополучию.

Нельзя с горестью не видеть, что это свидетельствует об очень неживленном состоянии церковного духа, а если так, то можно ли ждать успеха в наших частных реформах? Ведь недостаточно установить правильно намеченные формы учреждений для того, чтобы их функции оказались действительно улучшенными. Можно ввести на вид очень хорошо задуманные семинарии, приходы, школы, но если все православное общество будет находиться в состоянии некоторого духовного маразма, если оно не будет воодушевлено желанием высоко поднять свою жизнь, не будет сильно верой в возможность этого, то и в новых семинариях не окажется лучше, чем в старых, и если даже в них не будет уже отъявленных нигилистов, а вместо того явятся скучающие, вялые, не ду-

мающие о высокой жизни молодые «будущие пастыри», то это будет, в своем роде, ничем не лучше старого нигилизма.

Без действительного подъема духа самые усовершенствованные формы не спасут Церковь даже от изменников, от проникновения врагов в интимнейшие тайники ее деятельности. Только высокое состояние духа всякой общественной сферы способно предохранять ее от вторжения изменников, ибо искренность и горячая вера не могут быть подделываемы, тогда как казенно-холодная благонамеренность и неукоснительное исполнение возложенных обязанностей одинаково доступны для искренности и неискренности, для друзей и врагов, вознамерившихся надеть на себя личину якобы сынов Церкви.

А мы, готовые погружаться в мелочные улучшения и затрачивать на это и свой путь, и материальные средства, боимся только одного, самого главного, единого на потребу, – того, при отсутствии чего вся мелкая улучшительная работа есть прах и суета. Мы боимся воззвать к горячему духу верующего общества православных, боимся созвать Православную Церковь на Собор... Мы, значит, больше верим каждый себе порознь, чем Собору, мы больше верим своим канцеляриям, мы больше верим своему искусству обеспечить интересы Церкви разной мелкой борьбой, подчас неизбежно переходящей в интригу, чем высокому подъему духа всего православного общества.

В результате у нас кипит оживленная деятельность разных мелких учреждений, комиссий, канцелярий, а все огромное тело Церкви лежит не то во сне, не то в пассивной лени, не то в полном неверии в силу Духа Божия, в силу человека, духом проникнутого. Это зрелище страшно видеть, тягостно видеть, и ничего доброго не сулит нам такое положение вещей.

Нередко говорят, – приходилось указывать и нам самим, – что в таком отношении к созыву Собора бывают виноваты интересы чисто личные. И конечно, в известной доле случаев это несомненно. Но, к несчастью, одним этим нельзя объяснить столь долговременной, упорной, как бы несправимой бездейственности. Личные интересы – такое зло, которое

легко побеждается, а потому решающего значения никогда не имеет. Но вот горе – неверие, окамененное бесчувствие, состояние души тепло-хладное. Оно, к несчастью, именно чувствуется в этом страхе перед Собором, в страхе перед оживлением и одушевлением. Это такое зло, такая болезнь, не стяхнув которой нельзя жить достойно, не стоит заниматься и мелкими улучшениями, потому что из них все равно ничего не выйдет. Мертвеца как ни обряжай – все равно будет труп.

В нашей церковной, как и в государственной, жизни нам нужно прежде всего воззвать к действию тех, кто еще не окаменел, стяхнуть мертвое, дать ход живому. В области церковной жизни это сводится к соборной деятельности, и на первом же плане к созыву Церковного Собора, ибо этот факт составит уже сам по себе свидетельство веры и возложить на будущее время обязательство – подчинить наши мелкие церковные управления власти *всей* Церкви. Этот акт даст православным сосредоточие сил, опору для нашей деятельности в школах, приходах, общинах, братствах, церковных и гражданских управлениях. Только этот акт даст каждому православному сознание, что он не одинок, что его деятельность поддерживается в том же духе десятками миллионов собратьев по вере, а потому представляет необоримо громадную силу...

Не этого ли и боятся многие противники Собора? Но – тем более – значит, все, сохранившие в душе веру, должны сознать необходимость возможно быстрого созыва всецерковного Поместного Собора.

Духовные академии и Церковь.

В течение 1909 года одной из наиболее видных работ нашего церковного управления являлось обсуждение устава духовных академий. Мы ниже даем место статье г-на А. В-ского о двух проектах, которые явились плодом

продолжительных работ комиссии, обсуждавшей этот вопрос при Св. Синоде. Окончательное движение, какое примет переустройство духовных академий, находящихся, подобно всем прочим высшим учебным заведениям нашим, в весьма неблестящем положении, еще неизвестно, хотя почти несомненным исходом должно быть торжество компромисса между всеми требованиями. Это нынешняя судьба всех реформ. Немножко вашим, немножко нашим, надрезать, надставить, залатать, тяп-ляп здесь и там, – и, предполагается, выйдет корабль...

Не совсем даже верно сказать, будто предполагается, что выйдет корабль. Все очень хорошо знают, что никакого корабля не выйдет, а будет нечто среднее, не то плоть, не то барка, лишь бы не сразу тонуть. На дальнейшее плавание, конечно, ничего пригодного не выйдет, да никто о дальнем плавании и не помышляет.

И вот именно это обстоятельство делает чрезвычайно неинтересным и бесплодным серьезное обсуждение каких бы то ни было частных вопросов устройства наших учреждений как в сфере государственной, так и в сфере церковной, в том числе о переустройстве духовных академий.

В комиссии много толковалось о том, чтобы поставить духовные академии на *церковную* почву, создать из них учреждения, служащие Церкви, и притом именно в церковном духе. Забота вполне правильная, и точка зрения совершенно надлежащая, вдобавок ни одной из групп работников не отрицаемая. Да и когда же она отрицалась? Несомненно, что наши духовные академии не только должны быть учреждениями церковными, но и таковыми были прежде.

Беда лишь в том, что они, как это совершенно неизбежно, служили и действовали в духе тех особенностей, которые характеризуют какую-либо не отвлеченную, теоретическую Церковь, а именно русскую, данного периода.

Нельзя требовать и невозможно устроить, чтобы духовные академии, находящиеся в России XIX и XX веков, обслуживали Церковь в духе, например, III или IV века.

Каждое учреждение служит своему времени и в духе этого времени. При этом совершенно неизбежно, что каждое подчиненное учреждение несет на себе печать высшего, над ним стоящего, носит дух всего целого, к которому принадлежит. Недостатки наших духовных академий всецело истекают из общих недостатков положения Русской Церкви XIX и XX веков, и ни в коем случае не могут быть исправлены иначе, как совместно с улучшением общего положения Церкви.

Это именно и есть обстоятельство, которое всеми молчаливо или гласно сознается, вследствие чего труды по улучшению каждого частного учреждения вне всеобщей реформы становятся ныне вялы, скучны, беспоследственны. Каждый видит, что академии плохи. Лицам, поставленным на страже церковно-образовательных дел, надо что-нибудь делать, они и делают: обсуждают, изменяют разные мелочи. Но едва ли найдется много таких счастливых, которые могли бы преисполняться надеждами на то, что если изменить, например, форму одежды или распределение дня, и даже содержание программ учебных, то академии возродятся духом.

Во всем у нас начинают не с того конца. Это одинаково относится к делам государственным и церковным. Нельзя вести и устраивать хорошо подчиненные служебные учреждения, когда центральные поставлены плохо. Нужно начинать с общего положения, а для этого, разумеется, с учреждений основных, центральных. Хотя общее положение есть в своем роде сумма частных, но руководство реформой принадлежит учреждениям центральным. Там, где требуется общая реформа, необходимо прежде всего сознать общий принцип преобразования и прежде всего соответственно установить центральные, руководящие учреждения, от которых будет зависеть весь дальнейший ход усовершенствований. Иначе ничего не может выйти. Если руководящее центральное учреждение находится в неопределенном, смутном состоянии, то это непременно будет отражаться такой же смутной низших, нисходящих учреждений. Точно так же, если бы

мы устроили академию на манер протестантского богословского факультета, а центральные церковные учреждения по римско-католическому типу, то понятно, что протестантская академия не могла бы функционировать так, как функционирует в Германии, и была бы не научной, а просто бледной и бессодержательной. Нельзя говорить о «церковности» отдельных учреждений и не думать о церковности целого. Теперь от академий требуют именно «церковности», от них ждут обслуживания задач Церкви. А все управление церковное находится в положении, о котором не знаешь, что сказать: церковно ли оно само? И какие у него задачи? Даже существует ли оно реально? Мы этим не хотим сказать, чтобы управление синодальное было по существу не церковно, или что, например, обер-прокуратура не должна была существовать в православном государстве. Но все эти учреждения вырабатывались для государства совершенно иного типа, нежели то, которое имеется в данный момент. Положение Православной Церкви стало совсем иное, все слабые стороны высшего церковного управления остались, а сильные стухевались. Если прежде православные жаловались на несамостоятельность и слабость церковного управления, то что сказать теперь?

Несколько лет назад православные, сознательно относящиеся к своей церковной жизни, совершенно основательно выдвигали пожелание Поместного Собора как единственного способа установить церковное управление соответственно нынешним условиям жизни. Эта потребность была признана бесспорной. Лучшие силы Церкви обсуждали его официально. Верховная государственная власть признала необходимость созыва Собора. Но вот проходит год за годом, а исходного пункта оживотворения Церкви не является. Мы живем в атмосфере каких-то мелочей и случайностей. Все кругом действуют, укрепляются, одни православные не получают общепризнанных ясных организационных рамок, центральное же церковное управление менее чем когда-либо способно установить одну определенную линию действия для право-

славной России, потому что лица, его составляющие, постоянно меняются. При каждой перемене остается в учреждении то же название, та же формула словесная, но содержание? Мы никогда не знаем в середине года, какое содержание будет иметь оно в конце года. Как же при таких условиях вести последовательную реформу каких бы то ни было церковных учреждений?

Да она и не ведется. «Для порядка» созываются комиссии, рассуждают, что-то решают, А что выйдет из этого в будущем году или через три месяца? Никто этого не может знать...

Функции же хотя бы академий определяются вовсе не одним уставом, а тем, как он применяется, под какими воздействиями и властными руководящими влияниями находится наличный персонал. И вот почему мы, как и все, не можем относиться с каким-либо интересом к трудам, хотя бы и очень почтенным, но фатально беспоследственным до тех пор, пока Русская Церковь не получит центрального управления соответственно современным условиям ее общественного и государственного положения. Все частное может стать хорошо только тогда, когда будет приспособлено к какому-либо прочному строю Церкви, доселе остающемуся предметом бесплотных мечтаний.

Безотлагательность Поместного Собора.

Быстрота и натиск, с которыми в Государственной Думе проведены законопроекты, решающие судьбу Православной Церкви силами внеисповедных учреждений и без спроса самой Церкви, делают совершенно неотложным *созыв Поместного Собора Российской Церкви.*

Давно следя за развитием вопроса о Соборе и относясь к этому в принципе как к делу необходимому, мы принимали во внимание трудности его и вместе со многими другими

преданными Церкви лицами думали, что позволительно еще не торопиться и выждать более благоприятного сочетания условий. Нынешний натиск на Церковь со стороны Думы показывает, однако, что теперь нельзя терять времени и что Православная Церковь об руку с Верховной властью должна быть как можно скорее поставлена во всеоружии Собора против замыслов своих врагов, одинаково угрожающих Православию и Самодержавию.

В Думе все еще продолжается баталия по поводу выдвинутых октябристами трех законопроектов. Люди, не вдумывающиеся в смысл положения, утешают себя тем, что проводятся только три законопроекта!.. Но должно понять, что эти три ловко выбранных пункта решают *все*.

Дарование прав лицам, лишенным духовного сана, подрывает и возможность церковной дисциплины, и союзные отношения государства с Церковью. Уравнение прав всех исповеданий, ставя их в одинаковое положение с Православной Церковью, составляет фактическое упразднение союза Церкви и государства и фактическое признание государственного безразличия в отношении веры и религиозных обществ. Наконец, свобода перехода в любое исповедание окончательно закрепляет это полное безразличие государства к вере. Если эти три законопроекта будут проведены у нас, то обо всем остальном, касающемся Церкви и государственного к ней отношения, а равно и об отношениях Церкви к государству, нечего и толковать! Для православных тогда останется лишь желать полнейшего и скорейшего прекращения каких бы то ни было отношений Церкви к государству. А это составило бы полный переворот русской государственности.

Глубокая революция, которая этими законопроектами будет совершена в России, тем более оскорбительна для верующих, что производится Думой даже без малейшего сношения с Церковью. Несоответствие таких действий с основными законами уже само по себе составляет нечто чисто революционное. Кто же в России имеет право игно-

рировать, что у нас существует вторая глава Основных законов и статья 65, гласящая о действии Верховной власти через Святейший Синод? На каком основании эта статья игнорируется Думой, внеисповедным учреждением, состоящим одинаково из иноверцев, иудеев, магометан и т. д.? Все управление нашей Церкви приноровлено к союзу между ней и государством, к непосредственной зависимости Православной Церкви от Верховной власти, а церковное управление неразрывно связано с установкой прав иноверцев и тем более собственных членов Православной Церкви. Кто же дал Государственной Думе право приводить все это к неизбежному упразднению?

Мы уже говорили, что сами правительственные законопроекты дали, к сожалению, толчок думскому разрушительному законосочинительству... Эти законопроекты мы еще будем анализировать особо и покажем, надеемся, что уже даже их содержание настоятельно требовало созыва Поместного Собора как единственного способа вывести Русское государство из фальшивого положения в отношении веры и Церкви. Но правительственные законопроекты по крайней мере были подвергаемы некоторой консультации Св. Синода, да и не шли так далеко в подрыве прежних государственно-церковных отношений. Дума же совершенно игнорирует существование церковного управления, действует сама по себе и сочиняет законопроекты вне всякой мысли о существовании законами установленных отношений Русского государства к Православной Церкви. То, что творится теперь в Таврическом дворце, составляет не способы действий Думы, а какого-то всевластного Учредительного Собрания. Это — самовольно вводимый переворот, как по способу действий, так и по содержанию чисто революционный.

С лихорадочной торопливостью ведет левый октябризм этот штурм, который в несколько дней, остающихся до роспуска Думы, должен изменить лицо земли Русской и основы власти Русского государства. Конечно, к чести народного представительства, и в Думе слышатся голоса людей, не изменяющих

вере и родной Церкви... Конечно, выше всех похвал был, например, голос г-на В. Н. Львова в заседании 12 мая. Конечно, памятно останутся энергические усилия правых отстоять Россию от угрожающего ей переворота. Но что пользы? Большинство оказывается на стороне апостатов Церкви и исторической русской государственности.

Первый законопроект уже принят. Второй, вероятно, тоже будет принят, да и третий, пожалуй, также пройдет. И нечего утешать себя мыслью, что Дума – не все, что есть еще Государственный Совет... Дай Бог, конечно, чтобы Русское государство и Церковь нашли в Совете лучших сынов, чем в Думе. Но мы скажем, что если бы даже случилось именно так, то весь ход этого религиозно-вероисповедного законодательства поставлен столь неправильно, столь несоответственно совокупности существующих законов, и двинут в таком вредном для государства направлении, что все это уже само по себе составляет нечто высоко-ненормальное, переворотное.

Становясь на почву здоровой государственности, так ли мы должны определять задачи, предстоящие законодательству ввиду широкой веротерпимости, какую благоугодно было предначертать Верховной власти, и ввиду народного представительства, ею созданного? Имеем ли мы право думать, имеем ли мы хоть малейшее основание думать, чтобы Верховная власть, даруя России эти блага, – новые доказательства благотворности Самодержавия и святости Православия, – уполномочивала нас на совершение какой-то революции? Думать так было бы безумно и преступно. Разве ряд Высочайших волеизъявлений не указывает, напротив, с несомненностью, что в мысли Верховного Законодателя религиозная свобода и народное представительство неразрывно сочетаются с сохранением господствующего положения Православной Церкви, ее союза с государством, а равно и сохранения в государстве всей незыблемости Царского Самодержавия? Для возвеличения Православной Церкви, а не для ее разгрома, для укрепления Самодержавия, а не для его

разрушения дарованы Государем Императором те великие права личности и народа, пользуясь которыми люди злонамеренные, а также неосмысленные и легкомысленные толкают Россию на путь гибели...

И вот, очевидно, настала минута, когда должен явиться Поместный Собор Церкви.

В отношении того, как сочетать предписываемое Основными законами управления Церкви и вновь введенные начала народного представительства, немислимо найти правильных способов обсуждения иначе, как при помощи Поместного Собора.

Уже накануне введения новых государственных учреждений Верховная власть предусмотрительно предписала Церкви произвести обширные работы для созыва Собора. Эти работы были исполнены старательно и успешно, самый же созыв Собора, к сожалению, доселе задержался. А между тем темные силы зла и необдуманности словно нарочно торопятся теперь произвести разгром государственно-церковных отношений раньше, пока еще нет Собора, тогда как Верховная власть лишь на Соборе Церковном может получить полноту осведомления для того, чтобы осуществить великие намерения свои без потрясения строя гражданского и церковного. Очевидно, медлить дольше нельзя.

Благо России, Православной Церкви и Верховной власти требуют безотлагательного осуществления Церковного Собора. Государство теперь безусловно нуждается в его помощи. Что касается нынешних вероисповедных проектов, то самое разумное и справедливое было бы не возлагать надежд на случайности голосовок гражданских учреждений внеисповедного характера, не подвергать Россию риску непоправимых разрушений, а отложить совсем вероисповедное и церковное законодательство до тех пор, когда Верховная власть по совещанию с Собором укажет *нормы будущих отношений церковного и гражданского правительства.*

Необходим Поместный Собор.

Переворот, произведенный Государственной Думой в вероисповедных отношениях России и во взаимных отношениях Церкви и государства, не имеет себе равного в русской истории. За все время существования двух первых революционных Дум не было совершено ни одного шага, хоть отдаленно столь же удачного в деле потрясения самых оснований Русского государства.

Тактика г-на Гучкова блистательно оправдала себя перед революционерами. Под прикрытием тихеньких фраз и дружелюбных отношений с властями октябристское ополчение достигло теперь того, чего не могли сделать ни вооруженные восстания, ни всеобщие забастовки. Россия впервые становится не Россией, перестает быть тем, чем была тысячу лет и чем до сих пор еще значится по Основным законам.

Конечно, в роковом деле переворота вероисповедных отношений левое и иноверческое большинство Думы имело для вышивания своих узоров готовую канву в правительственных законопроектах. Мы обращаем особое внимание читателей на прекрасный разбор этих законопроектов в речи члена Государственной Думы Шечкова, во вчерашнем и нынешнем номерах *Московских Ведомостей*. Эта речь избавляет нас от необходимости входить в их рассмотрение, как мы предполагали, но запоздали по той причине, что никак не могли допустить мысли, чтобы правительство не взяло их обратно. К несчастью, мы ошиблись. Правительству угодно было взять на себя ответственность за инициативу своих предшественников. Злой рок решительно тешится над Россией. Разумеется, политики, отщепенцы от Церкви и иноверцы под руководством г-на Гучкова не упустили воспользоваться данной им картой, и вот мы находимся в той безвыходной ловушке, которую они устроили Русскому Православному царству.

Дело, однако, теперь не в подведении счетов ошибкам прошлого. Вопрос в том, что делать?

Положение без преувеличения ужасное. Это – вторая Цусима, это второй Мукден¹, это нечто гораздо худшее. Не говоря о содержании законопроектов, самые способы осуществления переворота приводят в полное недоумение относительно того, в каком государстве все это совершается.

Какое кошмарное зрелище! Социал-демократы, «кадеты», октябристы, католики, протестанты, магометане и евреи, составившие большинство Думы, предписывают православным нормы религиозного существования, дают России закон, чтобы впредь все веры и неверия имели одинаковую ценность для государства, чтобы все религиозные общества были для него одинаково безразличны, чтобы изменники духовным обетам и церковной дисциплине получили от государства «равночестность» с людьми совести и долга, чтобы православные невозбранно переходили хоть и в язычество...

Весь строй отношений, который предшественниками Русской государственности и устроителями самого Русского государства был установлен в непрерывном общении с Церковью, с ее Вселенскими и Поместными Соборами, отменяется волей означенной коалиции. Государственная Дума берет на себя устройство не только государства, но в значительной степени и Церкви, присваивая себе права Поместного Собора Русской Церкви при первенствующем голосе апостатов Православия и вероисповедных антагонистов вообще христианства. Такие дела совершаются в Таврическом дворце. А тут же в столице заседает на Сенатской площади «сильное и важное правительство» Русской Церкви: оно безмолвствует, и в момент полного переворота государственно-церковного строя кропотливо занимается... выработкой нового устава духовных академий и рассмотрением вопроса о числе праздников...

Видано ли, слыхано ли где-нибудь что-либо подобное?

Во время прений в Государственной Думе представителем правительства была высказана мысль, что не Церковь

определяет свое место в государстве, а само государство. Это, конечно, в общем, справедливо. Но не мешает вспомнить, что никто, кроме Церкви, не может определить, каково может быть *отношение Церкви к государству* в зависимости от указываемого ей государством места. Бывают места, при которых Церковь может пребывать в союзе с государством, бывают и такие места, когда перед ней открывается только одна перспектива – мученичество... И потому-то государство *Русское*, уже указавшее Православной Церкви почетное, союзническое место и в течение тысячи лет хранившее этот союз, а также и в настоящее время – в Основных законах и в характере своей Верховной власти – не отречеся от него, не может даже и с юридической точки зрения изменять существующего положения без совещания с Церковью, без честного, открытого объявления о прекращении прежних отношений.

Мы должны сверх того вспомнить и напомнить забывающим, что в мысли и Воле Верховной власти, по указаниям которой обязано действовать правительство, и которой не имеют права игнорировать сами законодательные учреждения, вовсе не было задачи прекратить союз государства с Церковью. Мало того, предпринимая широкий ряд преобразований, Высочайшая мысль уже заранее преуказала *созыв Поместного Собора* Русской Церкви, для возвеличения которой предназначалась расширяемая веротерпимость.

Созыв Поместного Собора уже давно решен Высочайшей Волей, и только точное время его созыва еще не указано. Ввиду, однако же, заведомо *предстоящего* созыва правительству совсем не надлежало бы вносить на обсуждение законодательных учреждений такие законопроекты, в отношении которых во многих частях требуется отзыв Поместного Собора, никоим образом не заменяемого Св. Синодом.

Во время тех же прений была выражена мысль, будто бы Поместные Соборы у нас когда-то были *отменены*. Ничего подобного не было в действительности, нет и в законе. Св. Синод заменил собой не Соборы, а патриарха. Вместо еди-

ноличного правителя, патриарха, был создан коллегиальный правитель – Св. Синод, который есть собор в смысле только множественности лиц, но вовсе не в смысле компетенции Поместного Собора.

Таким образом, имея уже состоявшуюся Высочайшую Волю на созыв Поместного Собора Русской Церкви, правительство не должно было совсем вносить законопроектов на уважение законодательных учреждений, а эти последние не имели права признавать себя компетентными в их рассмотрении без отзыва Поместного Собора. Но все пошло иным путем. Высочайшая Воля о созыве Поместного Собора не была принята в расчет в истории вероисповедных законопроектов, и теперь является вопрос: что же делать дальше?

Конечно, голос Думы еще не все. Есть еще Государственный Совет. Его прямая обязанность была бы *отклонить* законопроекты именно на основании необходимости предварительного заслушивания заключения Поместного Собора. Но он, конечно, этого не сделает, а в то же время и не захочет одобрять неодобряемого, и по легчайшему правилу времен, когда люди сами не знают, куда идут, в той или иной форме просто отсрочит решение, *оттянет* дело.

Без всякого сомнения, и это лучше, чем одобрение подобных законопроектов. Но простая оттяжка все-таки ничего не решает.

Что даст отсрочка дела до осени? Несколько месяцев по всей России будет идти накопление злобы и вражды между исповеданиями, между различными частями Русского народа, между русскими, иноверцами и инородцами. Несколько месяцев будет подрываться в глазах православных, да и в некоторых частях самого старообрядчества, авторитет правительства... и затем что же? Все-таки Государственному Совету нужно будет что-нибудь *решать*.

Оттяжки не помогут. Нам необходимо сделать то, чего не сделано до сих пор. Нужен созыв Поместного Собора и взятие назад законопроектов до того времени, когда правительство предложит их на его заключение.

Отсрочивать созыв Поместного Собора было возможно лишь при том условии, что правительство не даст движения вероисповедным законопроектам. Раз такое движение дано, созыв Собора становился уже тогда необходим. А когда Государственная Дума присочинила свой «королларий»² и выдвинула проект полного переворота государственно-церковных отношений, полное изменение характера русской государственности, то никакое дальнейшее движение этих законосочинений Думы уже совершенно немислимо, по крайней мере, *до созыва Собора.*

Перед государством стоит настоятельная потребность обсудить с Церковью шаг, который ему предлагают сделать. Самим течением событий *созыв Поместного Собора стал уже неотложным.*

Не только из преданности вере и Церкви, а также из-за соображений государственного разума всякий русский, внимательно оценивающий положение, в котором очутилась родина и государство, не может теперь видеть иного исхода, *как неотлагательный созыв Поместного Собора.*

Необходимость созыва Церковного Собора.

Почти без перерыва твердили мы в прошлом году о необходимости созыва Собора Русской Церкви, с того же напоминания начали новый 1910 год и, как видят читатели, намерены продолжать их беспокоить теми же напоминаниями и впредь. На этот раз это «застрявшее дело» напминает и нам, и всем православным статья многоуважаемого нашего сотрудника г-на Д. Х.¹ («Застрявшее дело», *Московские Ведомости*, № 23), с обычной для него глубиной осветившего сущность постоянного соборного состояния, в каковом должна находиться истинная Церковь.

Мы боимся, однако, чтобы именно эта глубина постановки вопроса не соблазнила тех ленивых, а также и лукавых рабов, для которых самое приятное дело на свете состоит в ничегонеделании и откладывании всех забот на попечение будущих поколений.

Поэтому мы считаем бесполезным снова беспокоить и верных, и ленивых, и лукавых рабов Божиих напоминанием, что непрерывная и повсюдная соборность, постоянное соборование, ничуть не избавляет нас от необходимости и обязанности созвать общий Церковный Собор именно в настоящее время и без проволочек.

Отсрочка этого дела в 1905 году была вполне разумна по множеству обстоятельств, о которых не место теперь говорить. Но *отсрочить* дело и *похоронить* его – две вещи разные, и насколько своевременная отсрочка была разумна, настолько было бы вредно похоронить созыв Собора.

Русский православный мир, как прекрасно объясняет г-н Д. Х., отвык от «соборования», не представляет собой «собороспособной почвы», на которой могут вырастать великие всецерковные Соборы. Поэтому и было ошибочно мнение тех деятелей 1905 года, которые полагали, что достаточно созвать собор иерархов или с прибавкой клириков и мирян, и Церковь наша процветет сразу, так что даже и новый Собор не понадобится, может быть, опять лет 200. Конечно, такого чудотворного действия наш Собор не возымел бы. А если бы его созывом воспользовались только для того, чтобы получить полномочия на дальнейшее бессрочное владычество «бессоборным порядком», то, конечно, это было бы событие даже вредное.

Но отсрочка Собора дала России время подумать о забытой соборности, множество совещаний – частных и официальных – воскресили исторические воспоминания о Соборах, возбудили рассуждения о смысле и формах соборности и т. д. Вместе с тем многое изменилось в том положении, которое мешало Собору в 1905 году. А в то же время внешние обстоятельства еще сильнее прежнего требуют, чтобы

Православная Церковь явилась с некоторым всецерковным голосом, а не с одними частными голосами, которым – кто хочет, придает значение церковное, а кто не хочет – не придает. Собор, таким образом, стал теперь и более возможен, и более нужен, и дальнейшие отсрочки его могут вызывать не похвалу, а лишь упрек.

Это правда, что, к несчастью, мы отвыкли от соборности и потеряли собороспособность. Но отрицать на этом основании необходимость созыва Собора нельзя. Мы утратили собороспособность по неупражнению, и восстановить эту способность может лишь практика. Рассчитывать, что нас кто-то может перевоспитать извне – совершенно невозможно. Мы, десятки миллионов правоспособных членов Православной Церкви, – не дети, и нет у нас такого учителя, который мог бы сидеть над нами в течение полусотни лет, упражняя нас постепенно в собороспособности. Такого чудотворного педагога над целым народом нет и быть не может. Да и Господь с ними. От их указки могут быть только обратные последствия. Мы прожили десятки лет при таком необычайно умном, честном и преданном Церкви человеку, как покойный К. П. Победоносцев. Грешно было бы сказать, что он не старался оживить церковную самостоятельность. А между тем мы вышли из его всевластного, высоко умного попечительства несравненно более ослабленными в самостоятельности, чем были до него. Где же и кто теперь будет нас приучать десятки лет к утраченной способности соборовать? Такой силы не только нет, но, повторяем, и быть не может над целым народом. Народ может научиться этому только *сам*, практикой. Значит, необходима практика.

Тут возможен, конечно, вопрос – откуда начинать практику? Сверху или снизу? Можно бы начинать ее с прихода и тому подобных мелких церковных общений, можно начинать со всецерковного Собора. А мы скажем, что нужно начинать *со всего*. Где нужна соборность, там ее и нужно практиковать.

Разумеется, с точки зрения трудностей гораздо мудренее заставить «засоборовать» 50 тысяч мелких организаций, чем один всецерковный Собор.

Над миллионами русских прихожан нет власти, которая могла бы их *заставлять* в этом упражняться. Да и приказание «быть свободным», «быть самостоятельным» заключает в себе внутреннее противоречие. Уж раз есть внешнее приказание, значит нет внутренней свободы и самостоятельности, в которых вся суть дела. Сверх того, по нынешнему состоянию религиозных интересов, наибольшая часть прихожан, конечно, уже никогда не проникнется сильным соборным чувством. В этом отношении живую силу Церкви составят, конечно, не приходы, а *общества*. Впрочем, оживлять приходы по возможности, конечно, следует. Но это не причина забрасывать созыв Собора.

Понятное дело, что мы явимся на него с той степенью «собороспособности», какую имеем. Может быть, она и очень невелика, но что же делать? Мы спросим, кто получил от Господа Бога право решать, при какой степени собороспособности должна «дозволять» Соборы и при какой «не позволять»? В канонах мы имеем прямое приказание Церкви – собирать Соборы, но никаких указаний на какую-либо власть, решающую, доросли ли мы до соборности, – не имеется. Есть власти, которые облечены правом собирать Соборы, но властей, оценивающих способность Церкви к самостоятельности, – нет.

Православное самосознание у нас давно, не с 1905 года, а со времен, измеряемых по малой мере десятками лет, чувствовало необходимость церковного Собора и требовало его. Значит, он *нужен* не потому, что этого желает редактор *Московских Ведомостей*, а потому, что голоса Церкви давно требуют его. Если Церковь ныне не желает созыва Собора, то его не нужно созывать, но если Церковь желает этого, то нет власти, которая имела бы нравственное право сказать: «Нельзя вас созывать, вы – плохо воспитанные дети, не умеете собираться и соборовать».

Умеет ли Церковь собираться или не умеет, – этот вопрос *практически* почти бесполезно возбуждать. Понятное дело, что она соберется так, как умеет, не лучше и не хуже, но вмешиваться в это никто не имеет права, потому что в церковном

деле все же нет никого выше самой Церкви, нет никого, кто получил бы полномочия решать за нее.

В настоящее время многие, горячо хлопотавшие о Соборе в 1905 году, охладели к этой задаче, даже боятся ее исполнения. Если бы таковые составляли заметную нравственную величину в Церкви, если бы в них говорил голос Церкви, тогда, конечно, Собор не нужен. Но если это не более как отдельные личные голоса немногих, потерявших надежду провести на Соборе какие-либо свои излюбленные планы или идеи 1905 года, то их отрицание Собора ровно никакого значения не имеет. Да, полагаем, что таких противособорных голосов весьма немного. В общем, желание созыва Собора то же, как и прежде, сознание потребности в нем – то же самое, что было в 1905 году. А потому созыв его при исчезновении наиболее острых для этого помех и опасностей становится все более обязательным, и откладывания его могут рождать лишь тяжкую нравственную ответственность всех, этой отяжке способствующих.

Паки и паки¹ о Соборе.

Считая неотложный созыв Поместного Собора едва ли не главнейшим делом, которое нужно для того, чтобы нравственно воскресить Россию, мы не боимся давать место и голосам «собороборцев». Пусть говорят: пусть Россия видит, какова сила их аргументации и насколько можно с ней соображаться... Каждый такой голос лишь сильнее убеждает нас в сознании необходимости Собора.

Читатели найдут ниже два противоположных мнения. Одно принадлежит достопочтенному отцу протоиерею Иосифу Фуделю. Другой автор предпочел не открывать себя читающей публике. Нам кажется, что он в этом случае неправ и что по соборному делу теперь следует каждому выступать

с открытым забралом, ибо для суждения об основательности мнения для России важно в таких жгучих вопросах знать не только то, *что* говорят, но и *кто* говорит. Это не относится разве к одному г-ну Д. Х., ибо, во-первых, его инициалы общеизвестны, и все несколько образованные читатели прекрасно знают, чье имя они обозначают. Во-вторых же, г-н Д. Х. – мыслитель-теоретик. Он принадлежит к числу очень немногих, о которых можно сказать: вопрос не в том, кто пишет, а в том, что он пишет.

В данном случае как всегда г-н Д. Х. дает превосходный теоретический анализ «соборности», каковым анализом можно с пользой руководствоваться, говоря и за, и против созыва Собора именно в настоящее время, точно так же как известными формулами механики можно воспользоваться и за, и против построения моста в данном месте реки. Весь вопрос в том, какие арифметические величины мы вкладываем в алгебраические знаки теоретической формулы. Современный же вопрос о созыве или отсрочке Собора есть вопрос не теоретический, а чисто практический, где все решается величинами арифметическими, а не алгебраическими знаками. Поэтому нам представляется ошибочным мнение Е. М. и отца Иосифа Фуделя о том, будто бы рассуждения г-на Д. Х. говорят против созыва Собора. Е. М. радуется, что у него «какая-то вина свалилась с души» по прочтении статьи г-на Д. Х. Отец Иосиф Фудель, наоборот, скорбит о появлении новой помощи оттяжкам Собора. Но они оба ошибаются. Не знаем, как лично смотрит г-н Д. Х. на неотложность созыва Собора, но его статья не может говорить ни за, ни против того шага, который должен быть обуславливаем соображениями чисто практическими, содержанием фактов данной минуты и правильностью нашего глазомера.

Все же содержание наличных фактов современной действительности не говорит, а прямо *вопиет* о Соборе. Никакой вины не сваливается с души тех, кто небрежет о созыве его. Из не подлежащего никакому сомнению, математически ясного содержания фактов всякий, кому сколько-нибудь дорога

Русская Церковь, не может не видеть, что Собор *пора* неотложно созывать. Без этого никто и в приходах не «засоборует». Нужно находиться не на Земле, а на Луне для того, чтобы не видеть фатальной бесплодности, бессилия и прямого «несуществования» всех мер церковного управления по поднятию Православия и по укреплению действий православных в тяжелой борьбе, воздвигнутой против нас и «своими ворами», и всеми неправославными и антиправославными элементами населения Империи. Нужно или не быть православным, или прямо ничего не видеть, чтобы не краснеть за положение Церкви перед лицом Государственной Думы. Нужно не признавать никакого значения за религиозным состоянием 80 миллионов населения и государства, чтобы не видеть безусловной ненормальности положения нынешнего церковного управления среди государственных учреждений. И все это не имеет никакого отношения к каким-либо теориям, а прямо указывается фактами.

Со времени отсрочки Собора прошло 5 лет. Что же сделано за это время в Св. Синоде для укрепления Церкви? Мы можем назвать месяцы и годы бесплодных рассуждений, вялых, скучных, каковыми только и могут быть заведомо беспоследственные рассуждения. Но дела не было и нет, и не может быть.

Несмотря на то, что и теперь среди нас находятся «соборборцы», русский православный мир в целом не может быть обвиняем в том, чтобы он не понимал слабости синодального управления и необходимости Собора. Десятки лет множество и выдающихся, и средних сынов Православной Церкви говорили и писали о том и другом. Множество научных сил посвящали свои труды и знания выяснению этого. Нужно ли повторять эти давно общеизвестные факты? Сам нынешний редактор *Московских Ведомостей* еще в 1904 году, в чтении и брошюре «Запросы жизни и наше церковное управление»², доказывал безусловную необходимость возродить церковное управление посредством созыва Церковного Собора, и эта брошюра, по свидетельству Санкт-Петербургского митрополита

Антония, имела счастье быть исходным пунктом для того, чтобы Государь Император обратил внимание на этот первой важности вопрос. Но с тех пор прошло много времени, утекло много воды, а положение Церкви и церковного управления становится только все хуже, все безотраднее.

После отсрочки созыва Собора явилась мысль реформировать церковные дела, всесторонне освещенные Предсоборным Присутствием, посредством так называемого «усиленного состава» Св. Синода... Нынешний редактор *Московских Ведомостей* тогда имел грустную возможность близко наблюдать деятельность этого якобы «усиленного» состава. Ничего более ослабленного, более разобщенного, более бездейственного невозможно себе представить. И, разумеется, ничего не было сделано, как остается несделанным и по сие время.

До каких же пор еще Церкви находиться в этом состоянии? Насколько еще нужно ее дезорганизовать, расслабить, разобщить всех ее членов?

Или, может быть, находятся любители церковной бюрократии, которые и теперь еще предпочитают реформировать Церковь путем государственного воздействия? Не забывают ли они, что «нынче всем свобода дана», что теперь можно вольно уходить из Церкви и присоединяться к другим, не «чиновничьим» Церквам?

Злоупотребление государственным способом «благоустройства» веры и Церкви было исторической причиной ослабления Православия. Никогда эта система не была благой. Но теперь она стала уже просто *невозможной*. Мы повторяем, что из Церкви станут все больше уходить, если на выйдет чего-нибудь еще худшего. Ибо если гражданская власть возбудит против себя окончательное негодование тех десятков миллионов, которые хотят не покидать свою родную Церковь, а жить в ней, но чистой, разумной, свободной религиозной жизнью, то это будет в государственном отношении много опаснее, чем другие революционные движения.

Кто же не видит этого содержания фактов современной действительности? Нам трудно представить таких людей, осо-

бенно епископов. Или, может быть, есть лица, которые рассуждают: «на мой век хватит, а после нас хоть потоп»? Но в настоящее время, после всего пережитого за последние 5–6 лет, с такими рассуждениями надо быть поосторожнее, ибо кто нынче не знает, что потоп способен нахлынуть и раньше, чем рассчитывают люди, рассуждающие «на мой век хватит».

А что, если не хватит?

Безотлагательность Церковного Собора.

В своем «Заключительном слове» о Церковном Соборе уважаемый сотрудник наш г-н Д. Х. после известных читателям обстоятельных выяснений сущности соборности перешел к чисто текущим потребностям, вызывающим *безотлагательность* созыва Собора и справедливо указывает на два таких запроса современности, которые неразрешимы – правильно и нравственно-законно – без Церковного Собора.

Эти запросы состоят, во-первых, в устройении церковного управления соответственно с новыми условиями, в которых мы находимся теперь, и, во-вторых, в установке каких-нибудь правильных отношений между Церковью и государством, приведенных современным законодательством о Государственной Думе и Государственном Совете в положение совершенно запутанное и внутренне противоречивое.

Без всякого сомнения, главные пункты, делающие созыв Собора неотлагательным, именно таковы, и можно лишь с глубокой скорбью изумляться, что приходится доказывать такие самоочевидные истины.

Уже при первых шагах к созданию Государственной Думы того типа, какой она явилась, было совершенно ясно, что Церковь станет в положение буквально невозможное. Не требовалось никаких указаний опыта для того, чтобы заранее понять неизбежные логические выводы фактов, вдвинутых в

нашу государственную жизнь. Нынешний издатель *Московских Ведомостей* вот что говорил, например, по этому поводу в публичном собрании и писал в *Московском Голосе* (7 апреля 1906 года) уже четыре года тому назад, доказывая необходимость созыва Церковного Собора:

«В среду высших государственных учреждений ныне введена Государственная Дума, которая вкупе с преобразованным Государственным Советом получает огромную законодательную власть. По Манифесту 17 октября законы, не одобренные Думой, не могут иметь силы. Она же получает контроль над исполнительной властью и особое влияние на финансы государства.

Как бы ни было необходимо такое учреждение в отношении политическом, но оно ставит над нынешним Синодом власть, *не имеющую ничего общего с церковной и религиозной идеей.*

Прежние Земские Соборы были представительством того же самого Русского народа, который составлял и Церковь. Но современное представительство создано на иных началах.

Государственная Дума есть учреждение только политическое. Ни с русской *национальностью*, ни с каким-либо *вероисповеданием* она прямо не связана. В составе Думы находят одинаковое место и атеисты, и еретики, и инославные, и магометане, и евреи. Такое-то учреждение получает огромную власть в государстве, от правительства которого безусловно зависит Православная Церковь при современном построении ее управления.

Мыслимо ли допускать положение, при котором от влиятельного еврея, вожака партии в Государственной Думе, будет зависеть назначение обер-прокурора Св. Синода или то или иное пособие Государственного Казначейства на нужды Православной Церкви?

В прежнее время обер-прокурор был представителем только Царской власти, которая сама имеет религиозный характер и от которой исключительно зависел закон и его исполнение. При таких условиях даже и деспотизм обер-

прокурора не мог угрожать Церкви по существу. Теперь положение существенно изменилось. Обер-прокурор неизбежно станет под влияние Думы, *не имеющей никакого отношения к вере и Церкви*. Того и жди, что будет учреждено даже министерство исповеданий. Это уже не союз Церкви и государства, а принципиальное подчинение Церкви *внеисповедному государству*.

Все другие исповедания в этом отношении более безопасны, так как высшие центры их управления находятся вне пределов Русского государства. Но Русская Православная Церковь, пределы которой ограничиваются рубежами Империи, была бы в крайне тяжком подчинении правительству, от решенному у религии.

Итак, появление Государственной Думы с данным ей характером делает для 90 миллионов православного Русского народа необходимым изменить свое церковное управление в таком смысле, чтобы оно могло быть независимо от внеисповедных государственных властей».

Теперь все видят, что эти предвидения осуществились буквально, и даже с усугублением, в самое краткое время.

Прошло четыре года, и мы видим Св. Синод в том подчинении внеисповедной власти, о котором говорит цитированная статья. Обер-прокурор не сделался еще «министром культов», но уже вошел в состав Кабинета, получив характер «министра православного исповедания». Он превратился в орган влияния Кабинета на Св. Синод, и вследствие этого Св. Синод теряет характер власти, превращаясь все более в консультативную комиссию, состав которой почти всецело, фактически, зависит от Кабинета через влияние на обер-прокурора. Никогда еще Св. Синод не был так слаб и, можно сказать, беззащитен.

А в то же время внеисповедная Государственная Дума начала захватывать власть над церковными делами с быстротой и смелостью, которых можно было бы и не предвидеть. Позволительно было полагать, что Государственная Дума поспеет некоторое время пользоваться предоставленными ей правами. Но она и не подумала стесняться.

В голосовании дел, касающихся Православной Церкви, начали принимать участие не только инославные, но и нехристиане, и именно большинством их голосов прошли законопроекты, касающиеся права покидать Православие.

В бюджет Церкви иноверцы вмешиваются постоянно, польское коло отказывало Церкви в кредитах, прямо мотивируя это тем, что Церковь позволяет себе защищаться в Холмщине от одолевающего православных католичества. Бюджетные предположения обер-прокурора составляются постоянно под диктовку «пожеланий Государственной Думы». С быстротой, какой можно было бы и не ожидать, Православная Церковь стала между всеми вероисповеданиями России в самое зависимое положение.

Это положение тем более вредно для Церкви и для государства, что, подчиняя Церковь одной половиной законов внеисповедной Думе, другой половиной, старой, мы подчиняем ее будто бы непосредственно Верховной власти. У нас не уничтожены старые законы о вере и Церкви, но введены новые, которыми первые фактически приводятся в бездействии. Легко понять, как тяжело отражается это уж не на одной Церкви, а на самой же государственной власти, как бы ответственной за то, над чем в действительности она практически не имеет власти. Можно ли не спрашивать себя, зачем держится уже несколько лет это вредное, ни для чего доброго не нужное положение?

Преднамеренной цели оно не может иметь, но держится потому, что доселе не созван Церковный Собор. Если бы при введении новых законодательных учреждений можно было созвать Церковный Собор, то он осведомил бы государственную власть о нормах отношений, которые оказались темны для бюрократических учреждений, почему законопроекты в отношении веры и Церкви и явились проникнутыми таким множеством ошибок. Если бы Собор был тогда же созван, то государство уже несколько лет назад было бы предохранено от совместного существования двух взаимоисключающих законодательных строев.

К сожалению, политическая сумятица заставила тогда воздержаться от созыва Собора. Но если отсрочка была неизбежна тогда, то чего же мы ждем *теперь*?

Ждем ли мы, чтобы ложно поставленная практика Государственной Думы превратила Церковь в рабыню внеисповедных политических партий? Но если это и для Церкви составляло бы нравственную смерть, то не лучше будет и для государства, если миллионы и десятки миллионов православных поймут свое положение и не согласятся терпеть его. Неужели нужно еще и таких ждать фактов? Неужели трудно без опытов знать, что умножение двух на два даст ни что иное, как четыре?

Итак, нам как православным и как гражданам необходимо изменять запутанное положение, а изменить его нельзя иначе, как при созыве Собора. Государственная власть представляет свои предположения на заключение Финляндского сейма. Понятно, что десятки миллионов православных русских граждан имеют для государства не меньшую ценность, чем финляндцы. Без Собора нельзя правильно и нравственно-законно установить отношения между государством и Церковью и создать построение церковной власти, приличествующее настоящему времени.

И потому Собор не только необходим, но безотлагателен, ибо законодательство не бездействует в отношении Церкви и не может бездействовать, а между тем действие это ныне совершается дефектными, вредными для Церкви и государства путями. Изменение этого положения нужно безотлагательно, а потому столь же безотлагателен и Собор.

К вопросу о Поместном Соборе.

Несмотря на такую значительную давность вопроса о Поместном Соборе Русской Церкви, дело созыва его остается без движения, и причины этого сводятся к множеству недоразумений в среде самих же православных. Эти недоразумения в

значительной степени происходят от незнания обстоятельств, и в числе пунктов, окутанных этими недоразумениями, находится, между прочим, обстановка, при которой Собор предполагается быть созван.

Еще недавно нам приходилось защищать правила, выработанные на этот предмет Предсоборным Присутствием, указывая на некоторые преимущества их перед правилами, которые были поднесены Св. Синодом на Высочайшее утверждение. Ни тех, ни других многие не знают, и еще меньшее число людей в них достаточно вдумывались. Считаем небесполезным воспроизвести их в подлинности, и читателям настоящей статьи усердно рекомендуем одновременно с ней просмотреть также нижепомещаемый их текст.

Мы далеки от мысли считать их совершенными. Но между совершенством и непригодностью разница очень велика. И нельзя сказать, чтобы правила, выработанные Предсоборным Присутствием, были во всем лучше синодальных.

Нельзя не видеть, что последние, например, более обработаны в чисто редакционном отношении и имеют даже преимущества в некоторых частностях. Недостаток же их, с точки зрения особенно опасливых консервативных лиц, состоит главнейше в том, что они при выборе клириков и мирян значительно ослабляют влияние епархиальных архиереев. По правилам Предсоборного Присутствия, все благочиннические собрания представляют своих кандидатов архиерею, и он уже сам окончательно избирает из этих 40–50 кандидатов одного будущего члена Собора. По правилам же, Высочайше утвержденным, выбранные благочиний съезжаются еще на один общий съезд, где сами избирают из своей среды по *три* кандидата от клира и мирян, архиерей же утверждает кого-либо *одного* из каждой категории. Итак, свободный выбор архиерея сужен в 10 или 15 раз.

Однако же ни в каком случае нельзя сказать, чтобы при этом архиерею, как иные думают, вменялось в обязанность непременно утверждение кого-либо из трех представленных кандидатов, хотя бы ни один из них, по его мнению, нику-

да не годился. Конечно, известное нравственное давление на архиерея при этом несомненно, но не видно, почему бы он не мог не утвердить никого, если утверждение противно его архиерейской совести.

Полагаем, что в правилах как Присутствия, так и синодальных (Высочайше утвержденных) есть кое-какие общие погрешительные места. Таково, например, наименование выбранных клириков и мирян «членами Собора». Их прямое наименование – люди «предстоящие», то есть присутствующие на Соборе, и такое правильное наименование не мешает дать им право обсуждающего и совещательного голоса.

Едва ли синодальные правила справедливы в отношении единоверцев, которые только *приглашаются* на одинаковых основаниях с членами от монастырей, академий и т. п. Единоверцы, несомненные «старообрядные» члены Греко-Российской Православной Церкви, имели бы полное право явиться на Собор на таких же основаниях, как «новообрядные» клирики и миряне, то есть с таким же правом выборов.

Погрешительно и то, что в правилах Присутствия и Синода слишком много дается места «богословской учености», то есть профессорам. Это та же ошибочная точка зрения, которая при поступлении в монашество заменяет ценз духовной выработки цензом научным. Она в корне ложна, смешивая веру и святость со знаниями. Вообще замечаний на правила можно сделать немало, и было бы даже хорошо, если бы при окончательном назначении созыва Собора эти правила были несколько пересмотрены. Но мы полагаем, что если бы даже ничего подобного не было сделано, если бы Собор созывался именно по правилам Синода, каковы они есть, то все же опасения консерваторов, будто бы из него выйдет какая-то «Дума», совершенно неосновательны. Конечно, если все десятки миллионов современных православных стали еретиками, то и на Собор явятся еретики. Но если уж все мы стали еретиками, то что же толковать о Православии? Его, значит, и теперь, без Собора, также нет.

Что касается каких-либо неблагоприятных увлечений выборных членов Собора, то не должно забывать, что решения Собора составляются и подписываются *исключительно* епископами. Да и в составе членов Собора неограниченное число лиц предоставлено не выборам, а свободному приглашению Св. Синода. Следовательно, все пробелы и ошибки выборов могут быть вполне парализованы.

Ни малейшего сходства с Думой Собор даже по правилам Синода не имеет. Он не может быть сравним даже и с Государственным Советом, и роль епископов в созидании состава его может быть сравниваема только с властью Государя Императора до 1906 года. Епископы могут сделать все, что укажет им архиерейская их совесть.

Итак, все эти толки и опасения какого-то «либерализма» и «еретичества», которым будто бы дана возможность заполнить Собор, – есть или пустая придирка не желающих созыва, или мнительность, не имеющая никакой цены.

В деле предстоящего Собора важно лишь сознание православных в его безотлагательной необходимости, а следовательно, в добросовестной и вдумчивой деятельности при созыве. Конечно, если православные будут бездействовать, а еретики – работать, то лишь епископы могут охранить Собор от тяжелых сцен. Но почему же дела Церкви должны интересоваться только еретиков?

Это обидное для православных мнение ни на чем не основано.

Мы произнесли только что выражение «безотлагательно»... Это тоже пункт, покрытый вредными недоразумениями. Что такое «безотлагательно»? Само собой разумеется, что слово это не требует созыва Собора назавтра. Безотлагательность состоит в немедленном *назначении срока созыва*, а также и того лица, которое будет на Соборе действовать по назначению Государя Императора. Говорим о «назначении», потому что Государь Император уже изъявил Свою Волю созвать Собор «по примеру древних императоров», а они всегда назначали на Собор *особого* своего представителя,

из каких-либо высших чинов. Обер-прокурор если по должности своей и может быть на Соборе, то, во всяком случае, не в качестве этого особо назначенного, именно на предмет Собора, лица.

Итак, вот что значит «безотлагательность» созыва, и конечно энергическая работа со стороны членов Церкви, как в высшей иерархии, так и в массе верующих, может начаться только с момента назначения срока созыва. До этого, заранее, понятно, могут втихомолку работать именно только разные интриганы и еретики, подготавливая себе почву. Масса же православных начнет работать только тогда, когда станет известно, что выборы начнутся через столько-то месяцев, через год и т. п. И вот почему оттяжки Собора выгодны лишь для врагов Церкви или для наихудших ее слоев. Вот почему мы и твердим постоянно о *безотлагательности* Собора.

Несколько примечаний к статье А. А. Нейдгарта.

Мы дали место голосу уважаемого Алексея Александровича Нейдгарта, который под впечатлением кончины А. А. Киреева скорбит и негодует по поводу современного положения Православной Церкви. Для человека верующего и, – скажем больше, – для человека, сознающего значение веры и Церкви для общественной политической жизни народов, понятна эта скорбь, это негодование. Вполне их разделяя, мы не можем отрицать относительной правды того упрека, который Алексей Александрович Нейдгарт выражает действиям нынешнего правительства. Но полагаем, что справедливость требует привести в этом случае несколько серьезных оговорок.

Суровый приговор, произносимый уважаемым А. А. Нейдгартом, был бы справедлив в полной мере лишь в том случае, если бы нынешнее Министерство внутренних дел в своих вероисповедных законопроектах и в своей вероисповедной вну-

тренней политике явилось силой *инициативной*. Но именно этого-то и не было. Не нынешнее правительство вообще, и не Министерство внутренних дел в частности создали и ввели основы той вероисповедной политики, за которую их упрекает А. А. Нейдгарт. Законопроекты, сочиненные покойным Владимировым, будучи во всех отношениях ниже всякой критики и доставив самому же Министерству внутренних дел ряд неудач и неприятностей, были, однако, логическим (хотя и очень бесталанным) продолжением переворота, произведенного в России до появления нынешнего кабинета. Сами законопроекты составлены Владимировым еще во времена второй Думы. Действительная ошибка нынешнего кабинета состоит лишь в том, что эти законопроекты не были своевременно пересмотрены и исправлены.

Но если бы Министерство внутренних дел и сделало своевременно такой пересмотр, то трудно сказать, было ли бы это к худу или к добру, – с точки зрения как Алексея Александровича Нейдгарта, так и нашей, и всех православных. Создание покойного Владимирова весьма бездарно и имеет множество незащитимых пунктов, с ним легче бороться. Но если бы оно было внимательно пересмотрено, то могло бы принять вид стройный и обрушиваться на Православие и религиозные обязанности государства гораздо сильнее. Весь вопрос в том, с какой точки зрения был бы произведен пересмотр.

Но какую же точку зрения могло бы при этом усвоить министерство? Уж, конечно, ту самую, которая была установлена законоположениями 1905–1906 годов, то есть ту, которая руководила и Владимировым.

Какая же была бы польза от такого пересмотра?

От пересмотра польза могла бы получиться только при условии полного отрешения от точек зрения 1905–1906 годов. Едва ли, однако, мыслимо ждать или требовать чего-либо подобного от министерства, которое имело своей обязанностью лишь провести законодательным путем то, что уже было совершено в порядке 87 статьи. Конечно, в Государственном Совете, и именно П. Н. Дурново (на которого

и ссылается А. А. Нейдгарт), было совершенно справедливо высказано, что законодатель не имеет обязанности увековечивать раз сделанную ошибку, а, напротив, должен ее исправить, как только она обнаруживается. Но нельзя не видеть, что раз введенные нормы не могут все-таки не стеснять поправок. Сам Государственный Совет при всем радикализме своих поправок оговаривался, что не в состоянии сделать их со всей надлежащей глубиной именно будучи связан предшествовавшими законоположениями. На министерство эти стеснения падают, понятно, гораздо сильнее, чем на законодательные палаты.

Итак, наше положение в сущности несравненно хуже, чем можно подумать на основании статьи уважаемого Алексея Александровича. Если бы беда сводилась к действиям министерства, она была бы легко исправима. К сожалению, зло заложено глубже, и мы могли создать разумное и полезное построение отношений государственно-церковных и вероисповедных не иначе, как вполне отрешившись от веяний интеллигентного освободительства, которые по существу антицерковны и внерелигиозны. Следовательно, для распутывания столь сложного положения требуется сила гораздо более властная, чем сила министерская.

Но тем более безусловно мы присоединяемся к вопросу достоуважаемого Алексея Александровича: «Почему не созывается Церковный Собор?» Это нечто действительно непонятное. Ясно как день, что государство, если оно благожелательно к Церкви, необходимо должно дозволить ей в такое трудное время хотя бы самостоятельное благоустройство, насколько это возможно при законах, утративших идею государственно-церковного союза. Сверх того ясно, что рассуждения соборные могут дать и самому государству напоминание тех точек зрения, которые для него стали плохо различимыми под влиянием туманных и отрицательных идей освободительного натиска. Церковь, тысячелетне жившая в союзе с государством, рассуждая о своих собственных делах и нимало не вмешиваясь в государственные, не может, однако,

не дать государству больших материалов для размышления, которыми оно могло бы воспользоваться с большой выгодой для себя и для страны. Если бы даже государство и не пожелало пользоваться мудростью веков, во всяком случае, ему полезно узнать мысль церковную, живущую в десятках миллионов граждан, мнения которых и желания и нельзя, и очень неудобно игнорировать. И потому для нас непостижимо, откуда являются эти бесконечные оттяжки созыва Церковного Собора? Сознаемся, что не умеем ответить на этот вопрос, и знаем лишь одно: что это кроет в себе очень и очень вредные и опасные последствия для государственной жизни.

О созыве Поместного Собора.

Целый ряд событий последнего времени, в том числе даже правительственный кризис, и уж, нечего говорить, царицынские происшествия¹ напоминали разными своими сторонами о том пробеле, который составляет для нас отсутствие Поместного Собора. Теперь назначение обер-прокурором Св. Синода столь опытного человека, как В. К. Саблер, заставляет надеяться, что мы наконец избавимся хоть сколько-нибудь от помех в осуществлении этого давно намеченного дела.

Для того, кто глубоко заглядывает в задачи государственного благоустройства, затыжки в осуществлении созыва Собора являются прямо бедственными. Как возможно устраивать государство, не найдя правильных отношений его к Церкви, числящей в себе 100 миллионов человек, а если считать разного рода раскольствующих православных, то и еще миллионов на 10 больше? На каждом шагу государству приходится думать об учреждениях, в которых дела гражданские теснейше переплетаются с церковными, и мыслимо ли все это устраивать *без Церкви?*

Приходится, например, думать о свободе исповеданий, особенно в отношении той части русского же населения, которая откололась от Православной Церкви, но принципиально вовсе не считает этого нормальным, и также приветствовала бы «соединение всех», как и мы. Только соборная практика может достигнуть православного *modus vivendi*², а легко понять, насколько облегчилась бы задача государства в отношении вероисповедном, если бы православные всех образцов и церковных обществ составили снова единое целое, не имеющее надобности вмешивать государство в распутывание своих внутренних отношений.

На последнем запросе в Государственной Думе председатель Совета Министров раскрыл свое намерение провести вероисповедный закон снова в порядке 87 статьи. Насколько же прочнее было бы сначала спросить самих нас, православных «господствующей» Церкви и отколовшихся от нас церковных обществ, не найдем ли мы сами способов столкнуться? Но этот вопрос может быть предложен только Собору и только Соборами может быть приведен к благополучному решению.

У нас в учреждениях правительственных уже возбуждается вопрос о приходе. Но решение его иначе как в строгом соответствии с желаниями самой Церкви сулит не устройство, а только расстройство, которое для государства, по малой мере, нежелательно. Обсудить же этот вопрос со знанием дела, с принятием во внимание церковных интересов прихожан, способен и авторитетен только Собор.

Даже обычное управление Церкви имеет своим предметом множество дел, совершенно сливающихся с государственными. Между тем нынешнее церковное управление находится в неслыханном еще подчинении гражданской власти, при котором союз с Церковью, давший некогда столько силы государству, уже внутренне колеблется и заменяется в сердцах раздражением. Авторитет церковного управления, постоянно обнаруживающего свою несамостоятельность, свою зависимость от гражданской власти, падает все больше,

и это ведет за собой полное падение внутренней дисциплины среди 100 миллионов человек. Для государства в высшей степени опасно такое падение, потому что оно сопровождается потрясением нравственных основ десятков миллионов его граждан и подданных. Сверх того, горечь, являющаяся у православных при виде падения своей Церкви, при виде возрастающих расстройств православной жизни, обращается прямо на государство. Они начинают обвинять во всем государство, не дающее Церкви возможности собраться и принять меры к повышению православной жизни. Это такая сторона внутренних наших отношений, о которой гражданин, понимающий логику событий, не может не думать с величайшим страхом.

Наше государство за многие столетия, кажется, слишком привыкло к безусловной дисциплине православного населения Империи и, по-видимому, не представляет себе, что православные – такие же люди, как и все прочие, точно так же, как все, способны приходить в раздражение и переходить в оппозицию. Безусловная дисциплина православных держалась тесным союзом с государством. Но если это население увидит себя не в союзе, а в состоянии покоренных, подчиняющихся не за совесть, а за страх, то на его подчинение можно рассчитывать ничуть не больше, чем в среде других вероисповеданий и национальностей. Поэтому в высшей степени опасно было бы разрушить политически драгоценную вековую веру православных в то, что их Церковь находится с государством в искреннем союзе, а не в состоянии внешнего покорения. Между тем за очень недолгое время нашей жизни при новых государственных учреждениях сделано уже необычайно много для подрыва этой благодетельной для государства уверенности. Необходимы очень неотложные меры для того, чтобы сомнения православного населения в этом отношении исчезли, не развившись до опасной степени. А из таких мер первая и главная есть созыв Поместного Собора. Только на нем православные могут разобраться и столкнуться в своих делах. Только на Соборе государство может услышать истинный голос Церкви.

Если бы даже предположить, что Собор может выйти, как выражаются, «неудачен», то это такая печаль, которая может озабочивать скорее само православное население, чем государство. Для государства нужен голос правильно созванного, законного Собора. Раз он имеется, это уже освобождает государство от нареканий в произволе, что для него прежде всего именно и нужно.

Но никаких «неудачностей» нет оснований ожидать. Во-первых, хуже чем теперь, во всяком случае, ничего не может выйти. Во-вторых, всякий Собор естественно соединен с разногласиями и разномыслиями. Всегда они были и на прежних Соборах. Но это не только не есть возражение против созыва Собора, а совершенно наоборот – указание на его необходимость. Когда все обстоит благополучно, в полном единомыслии, в полной стройности, тогда Собор не нужен. Но в настоящее время уж один подрыв старой схемы отношений с государственными властями и отсутствие новой порождает такое опасное разномыслие, которое обязательно должно быть уничтожено. Силами же государственных учреждений это недостижимо.

Государство, предпринимая какие-либо земские и т. п. реформы, опрашивает земства и вообще заинтересованные стороны. Как же без этого обойтись в отношении стомиллионной Церкви? Даже и хорошие решения теряют при этом значение, потому что не освобождают власть от обвинений в произволе. Но о хороших решениях мы за пять лет мало слышали, напротив, видим постоянно ошибки за ошибками, которые вредят Православию и вызывают против правительства самые тяжкие нарекания и подозрения в преднамеренной антицерковности. Нельзя же относиться так легко к чувствам многомиллионных масс населения Империи! Можно не обвинять правительство за ошибки, которые оно совершает, действуя по своему усмотрению в области ему, по существу, довольно чуждой и очень мало известной. Но нельзя оградиться от обвинений в том, что при явном нарастании недоразумений, недовольства и раздражения оно не прибега-

ет к единственному правильному способу разрешить их, то есть к созыву Поместного Собора.

Мы говорим об этом уже третий год, говорим без малейших последствий. Но наша совесть чиста, и какое бы нас ни ожидало будущее – Россия не скажет, чтобы *мы* были виновны в малодушном молчании пред лицом таких серьезных опасностей для нашего государства и для нашей веры.

Для чего нужен Церковный Собор?

Как известно, против созыва Церковного Собора вооружается все, что только имеется у нас слабого в религиозном отношении. Вождедения канцелярий, стремления к подчинению Церкви государству, разнообразное сознающее и не сознающее себя сектантство – все соединяется в усердных доказательствах ненужности или даже вредности Собора. В числе их выставил недавно свои соображения и г-н Варварин¹ в *Русском Слове* (от 10 июня). Соображения, надо сказать, довольно несуразны, но публика наша любит несуразности, если они сочинены в форме более или менее остроумной. Изобретенное г-ном Варвариным возражение против Собора имеет поэтому шансы оставить в умах свой осадок, почему и заслуживает внимания.

Автор говорит, что Собор не *вытекает из жития Русской Церкви*, а потому совершенно не нужен и не может ничего сделать. По его мнению, извольте видеть, Церковный Собор составляет действительную потребность «только там, где Церковь вдруг (?) сама в себе начинает чего-нибудь не понимать, что-нибудь ей самой становится неясным в собственном учении. Собор вообще *возможен в Церкви не обрядовой, а философствующей*. Но Русская Церковь – *обрядовая*, самые секты в ней всегда возникали на почве нарушения обряда, искажения обряда: вернейший признак, что это и

есть ее центр, ее суть, ее жизнь. Что же поможет тут Собор? К чему он здесь?»

«Собор, – продолжает наш фельетонный философ, – всегда собирается для *определения вероучения*. Но о вероучении сомнения существуют вне Церкви, а в самой Церкви этих сомнений нет...»

Во всем этом что ни слово, то или небрежность, или незнание, или просто фельетонная болтовня. Ну не зрящая ли болтовня хотя бы утверждение об отсутствии у нас сомнений в вероучении? Это теперь-то, когда верования множества лиц, принадлежащих к Православной Церкви и не желающих уйти в какое-нибудь особое религиозное сообщество, переполнены всеми оттенками сектантства, какие только когда-либо волновали мир. Да, если Собор нужен именно для определения вероучения, то, разумеется, он у нас нужен по малой мере столько же, как было во времена манихейства, арианства² и т. д.

Но коренная несуразность мнения г-на Варварина заключается в том, будто бы Собор имеет своей единственной серьезной потребностью *философствовать*. И логика, и история говорят совсем иное. Конечно, Соборы *Вселенские* имели перед собой задачи определения вероучения по той причине, что в «церкви» всегда есть те сомнения и непонимания, о которых говорит г-н Варварин, как есть и теперь. Но и Вселенские Соборы имели далеко не одну эту задачу. Они рассуждали и произносили решения по поводу *всех* вообще вопросов, относившихся к жизни Церкви. Они оставляли после себя не одни догматические, но и канонические определения, которые касаются не вероучения, а разных сторон церковного устройства и дисциплины. Что касается Соборов Поместных (г-н Варварин, по-видимому, не понимает, что в России идет речь лишь о Соборе *Поместном*), то они даже главнейшим образом занимались вопросами жизни, дисциплины, отношений клира и мирян, а также и обряда. Это было одинаково на древнем Карфагенском Соборе и на наших Московских, которые г-н Варварин по неведению задач соборов находит «бес-

содержательными». Для кого они бессодержательны? Может быть, для людей вроде г-на Варварина, который вообразил, будто бы Собор должен заниматься только решением философских мнений. Но действительная Церковь жила и живет вовсе не философией, а *жизнью во Христе и с Христом*. Все, что к этому так или иначе относится, для нее содержательно. А что относится к этому? Да вся жизнь христианина. Иногда, конечно, и философия, и по канону даже «грехи мысли отнесены отцами к тягчайшим», ибо они в высшей степени способны исказить наше отношение к Христу. Но церковная дисциплина, вопросы о способах научения истине, о способах сохранения святости жизни, о формах Богочитания, о взаимных отношениях членов Церкви и т. д. – все это для христианина такие же жизненные вопросы, полные глубокого содержания. Крайне, между прочим, не продумано отношение господ Варвариных к *обряду*. Они не понимают, что в обряде проявляется такая же мысль, как и в философской формуле. Обряд – дело живое, полное чувства, полное мысли. Философия связана с живым чувством веры гораздо менее. В обряде человек выражает свою любовь к Богу, вспоминает Христа, старается восславить Господа, передать красоту небесную, представить образно, понятно чувству то, что в философии слагается в сухой математический догмат.

Пустую, хоть и кощунственную, фразу составляют слова г-на Варварина, будто бы «не потрудились Русь *трудом праведным, трудом духовным*», ибо жила обрядом да стремлением к святости. Он почему-то воображает, будто труд *духовный* состоит в *философствовании*. Выходит, что азбуки духовной жизни не знает человек, а судит, осуждает, решает за верующих, нужен ли им Собор. Приличнее было бы не говорить о *чужих* делах, если для г-на Варварина вера и жизнь христианская, как видно, составляют чужое и неведомое дело.

Нет, нам Собор необходим.

Собор нужен для Русской Церкви потому, что соборность составляет вообще норму существования церковного. Собор нужен потому, что у нас замутились все внешние усло-

вия существования Церкви, особенно же отношения Церкви и государства. Господин Варварин и князь Мещерский берут на себя распоряжаться Церковью, решая, что ее прекрасно управит хороший «обер». Но и по философии, и по вере, и по канону Церковь должна жить самостоятельно. Хороший ли у нас обер-прокурор или плохой, – это ни на волос не изменяет потребности в Соборе. Хороший, верующий, Богу служащий обер-прокурор почерпает в определениях Собора ясность и силу для служения благу Церкви, а плохой обер-прокурор пред голосом всецерковным принужден будет или удалиться, или подчиниться. А относиться к Церкви как к крепостной вотчине, для которой нужен только хороший управляющий, – это может быть еще понятно в *Гражданине*, но уже совсем странно в архирадикальном *Русском Слове*. Но не первый раз уже констатируется факт, что поскреби российского радикала – и увидишь под оболочкой свободолюбивых фраз чистокровного деспота-крепостника.

Что говорят против Собора?

25 марта в Русском Монархическом Собрании в Москве епархиальный миссионер и видный деятель так называемого «правого» лагеря г-н И. Г. Айвазов прочел доклад, предостерегающий против Церковного Собора. Мы (*Московские Ведомости*, № 70) дали об этом докладе лишь самые краткие сведения из опасения какой-либо невольной неточности в передаче мнения г-на Айвазова. Но *Русская Земля* (№ 68), орган «свой» докладчику, подробно излагает его сообщение. Полагаем, что в этом изложении не может быть уж никаких неточностей.

Итак, на каких же основаниях г-н Айвазов считает нежелательным созыв Собора? Он группирует все обычные доводы противников его. Что положение Русской Церкви

самое печальное и расшатанное – этого, конечно, докладчик не отрицает. Но у него «невольнo возникает сомнение, что, быть может, средство (то есть Собор) не так уже неоспоримо? Быть может, вместо благих результатов оно даст результаты гибельные?»

Нет, конечно, пределов человеческому скептицизму. Но если Собор есть «оспоримое» средство блага Церкви, то полагаем, что у г-на Айвазова нет других более неоспоримых средств. Он сам находится в рядах защитников Церкви, и никто не откажет ему в энергии и настойчивости. Но похвалится ли он большими успехами своей деятельности? Да и откуда им явиться? Он, например, по-старинному надеется на меры гражданской власти, негодует на разрешение сектантских собраний, жалуется на полицию и т. п. Но как же он может упускать из виду, что теперь уж полиция не к услугам миссионеров, как бывало в старину. Стало быть, и обращение к мерам власти уже не может быть считaeмо «неоспоримым средством». Теперь и закон не тот, что прежде. Таким образом, хороши или плохи прежние средства действия, их, во всяком случае, уже не существует.

Что касается Соборов, то христианская Церковь всегда считала их не только «неоспоримым», но наиболее законным и священным средством содействия благу Церкви в трудные минуты ее жизни. Почему же в современной России это средство должно почитаться столь оспоримым и даже заключающим в себе возможность отравления Церкви «ядом», как выражается г-н Айвазов? Докладчик отвечает на это указанием на всеобщую развращенность и еретичность.

«Что такое Поместный Собор, – спрашивает он, – и есть ли в понятии этом *гарантии* целебности его? Собор Поместный, – отвечает он, – есть собрание архипастырей Церкви, при содействии клира и мирян обсуждающее церковные вопросы и так или иначе их разрешающее...» Казалось бы, «гарантии» довольно солидные. Но г-н Айвазов заключает наоборот: «Таким образом, – говорит он, – центр тяжести переносится *на состав лиц*, который участвует в

Соборе, а также на тех, кто подготавливает общее мнение». Но ведь состав только что определен самим докладчиком: тут *архипастыри* Церкви, содействуемые *клириками* и *миряннами*. Кажется, все это законные члены Церкви? Но г-на Айвазова это не успокаивает.

«Можем ли быть уверенными, – спрашивает он, – что на Соборе явятся *такие лица*, которые *гарантируют*, что решение Собора будет действительно соизволением Св. Духа?»

Большое дерзновение святости нужно иметь для постановки таких вопросов. Но где же гарантии, что, например, в г-не Айвазове действует благодать Святого Духа, и что именно он способен был бы выбрать лиц, при которых с Собором может пребывать изволение Святого Духа? Не более ли гарантий дает предположение, что остальная Русская Церковь с архипастырями, клириками и мирянами не всецело лишилась благодати?

В эпохи несомненного действия Св. Духа христиане не так мыслили о Соборах. Во времена Ария, когда множество архипастырей, клириков и мирян были еретиками, и власть императорская также была глубоко проникнута арианскими влияниями, святые отцы не позволяли себе отрицать ответственности благодати Божией на Соборе. Правда, г-н Айвазов находит членов Русской Церкви до крайности испорченными. Но насколько могут быть погрешительны такие субъективные оценки, показывает тот самый пример, который он считает столь убедительным.

«Посмотрим, – говорит он, – чем жили пастыри и пасомые за последние пять лет, и из этого, быть может, пойдем, что они нам принесут на Собор и что скажут. Обратим взор к маленькому собранию, которое уже имело место. Это Предсоборное Присутствие. Туда был приглашен цвет будущего Собора. Что же мы слышали на этом Предсоборном Присутствии со стороны лучших людей Церкви?.. Тут раздавались речи против признания Православной Церкви первенствующей и господствующей, тут высказывали мысли в духе отделения Церкви от государства, проводились мысли

реформаторские, договаривались до передачи церковной недвижимости и капиталов государству, каноны церковные называли кандалами...»

Полагаем, что в действительности Предсоборное Присутствие было далеко не сходно с этой картиной.

Никакое собрание – ни святые Вселенские Соборы, ни Предсоборное Присутствие – не может быть оцениваемо только на основании одиночных или групповых отдельных мнений, имевших на нем место. Каждое собрание имеет свои общие решения и постановления, на основании которых только и можно судить о нем коллективно. Г-н же Айвазов выхватывает отдельные мнения и приписывает Предсоборному Присутствию даже прямо противоположное тому, что оно делало. Так, о церковном имуществе Предсоборное Присутствие *единогласно* высказалось за недопустимость его отдачи государству. Единственный член Присутствия, высказавший противоположное мнение, был митрополит Санкт-Петербургский Антоний. Как же г-н Айвазов позволяет себе возводить на Присутствие обвинение, столь противоречащее истине? Кто из знакомых с делами Присутствия не знает этого памятного эпизода и знаменитой речи тогдашнего обер-прокурора, князя Ширинского-Шихматова? Кто не знает, что несмотря на все требования членов Присутствия председатель его (тот же высокопреосвященнейший митрополит Антоний) придал этому единогласному решению значение частного обмена мнений? Но если г-н Айвазов не знает дел Присутствия, то не следует позволять себе, по крайней мере, говорить о них, да еще так смело.

Вообще Предсоборное Присутствие – и может быть именно потому, что в общем не пошло в постромках ни одной из «фракций» – изумительно оклеветано в общественном мнении. Это тем более непозволительно, что его протоколы печатались в десятках тысяч экземпляров *Церковных Ведомостей* и, сверх того, выпущены отдельным изданием. Так, например, на Присутствие взваливают обычно ответственность за правила о выборах мирян на Собор. А

между тем каждый грамотный человек может самолично убедиться из протоколов, что правила эти выработаны лишь *одним* отделом, а на общем собрании были забаллотированы и заменены другими, которые высоко обеспечивают власть епископа при выборах клириков и мирян. Кто же виноват в том, что уже *после роспуска Присутствия* синодальные власти поднесли на утверждение Государя Императора не правила Присутствия, а именно забракованные им правила меньшинства?

На основании этого примера на кого же г-н Айвазов может полагать больше надежд: на собрание членов Церкви или на нынешнее управление Церковью? Кто более оказался на страже Церкви против возможности захвата Собора какими-либо «опасными» влияниями?

А между тем Присутствие хотя и заслуживает за свои работы не порицания и оклеветания, а благодарности, хотя оно и обнаружило, как много в нашей Церкви здоровых сил, однако было составлено все же с пробелами. Собор должен быть составлен лучше. На Присутствие не вызвали, например, представителей приходов и монастырей, и лишь оно само, в правилах своих, обеспечило будущему Собору участие и этих важных составных частей Православной Церкви.

Таким образом, приведенный г-ном Айвазовым пример нашей развращенности выбран совсем неудачно и может говорить только против «собороборцев». Далее докладчик перечисляет еще много неблагонадежных элементов Церкви, обновленцев, отцов аггеевых и т. п. Но, во-первых, когда же в Церкви не бывало элементов аналогичных? Во-вторых, почему г-н Айвазов погружен мыслью в одних только неблагонамеренных, а забывает хоть свое собственное существование? Уж себя-то он, конечно, считает благонадежным. Да и кроме него найдутся. Вероятно, докладчик ничего не возразит, например, против отца протоиерея И. И. Восторгова. Наконец, скажем в-третьих, где же находятся теперь, в период бессоборности и безурядности, все эти страшилища обновленчества и прочих опасностей? Ведь они вовсе не роятся

на свете с Собором, а находятся между нами и теперь. Они живут с нами, и учат, и действуют, и проходят в комиссии, и забегают со всех крылец к начальствам, они интригуют, попадают в Думу, и вообще действуют всеми теми средствами, какими только и можно действовать православным и неправославным в нашу бессоборную и безурядную эпоху. Почему же только Собор кажется г-ну Айвазову опасным, почему он боится, что на Соборе поднесут «каплю яда»? Ну, а нынешние «средства» – хороши? Разве они не вливают в церковную и духовную жизнь нашу не каплю, а целые бочки всевозможных ядов?

Последний ресурс собороборной аргументации составляет ссылка на то, что Собор, дескать, – дело святое, а нынешние порядки – дело человеческое. Так и говорит г-н Айвазов. Собором «нельзя шутить», нужно опасаться загрязнить святыню. Полагаем, что разграничение Церкви и Собора совсем не есть христианское рассуждение.

Церковь не на одном Соборе, а и без Собора должна быть свята. Грязнить и отравлять ее на Соборе и вне Собора одинаково недопустимо. Между святостью Собора и святостью Церкви нельзя делать различий. Позволять существование порядков и беспорядков, при которых грязь и яд вливаются в Церковь, терпеть продолжение и поддержание этого осквернения святыни и делать все это под предлогом охранения святости Собора – это есть нечто непостижимое с точки зрения христианского понятия о Церкви.

Что касается Собора, то один Господь Бог, конечно, знает будущее. Но одно можно считать несомненным: как бы высоко ни поставили мы благочестие и правоверие, например г-на Айвазова или других одобряемых им лиц, во всяком случае, собрание церковных архиереев, действующих в предстоянии и с помощью клириков и мирян, нельзя не предположить более благонадежной охраной святости Православия судеб Русской Церкви.

Князь Мещерский и Церковный Собор.

Князь В. П. Мещерский в своих дневниках (*Гражданин*, № 19) выступает горячим противником созыва Поместного Собора. Ввиду того значения, которое мнения князя Мещерского имеют в верхних слоях петербургского общества, не можем не остановиться на несомненно ошибочных взглядах его.

Основанием для противодействия созыву Собора у князя служат два существенных соображения: одно отрицательного, другое положительного характера. Рассмотрим то и другое.

«Не только такой Собор не принесет пользы нашей Православной Церкви, – говорит князь Мещерский, – но может быть для нее смертельным ударом, ибо по нынешнему состоянию умов, и надо прибавить – нервов, есть полное основание предвидеть, что как в предварительном совещании об устройении Собора, так и в самом будущем Соборе будет столько разных образов мыслей, сколько будет присутствующих, и оба совещательных собрания неизбежно превратятся в царство, разделяющееся само на себя». Засим князь окидывает взглядом Государственную Думу и, естественно, не удовлетворяясь зрелищем ее, предсказывает, что такое же зрелище представит собой и Церковный Собор.

Соображения князя Мещерского не отличаются оригинальностью, и все это мы сотни раз уже слышали от других людей. Не раз и возражали мы против них. Но что понимает князь под «предварительным совещанием»? По всей видимости, Предсоборное Присутствие. Если так, то он говорит о том, чего, очевидно, не знает. В действительности, если судить о будущем по прошлому, то есть о Соборе по Предсоборному Присутствию, то мы могли бы ждать Собора только с очень добрыми надеждами. Предсоборное Присутствие не только не было подобно Государственным Думам, но резко отличалось от них спокойствием, деловитостью и джентльменским характером. Если бы все собрания на свете работали

так стройно, то можно было бы сделаться самым горячим сторонником коллективных трудов.

Было бы также в высшей степени несправедливо говорить, будто бы на Предсоборном Присутствии было столько же мнений, сколько членов. Разногласия, конечно, были. Но разве мыслимо требовать или желать, чтобы в собрании совсем не было разногласий? Для чего же нужно собрание, если все имеют одно и то же мнение? Разве в совете любого министерства или в междуведомственных совещаниях нет разногласий? Но советы министра или междуведомственные совещания для того и существуют, чтобы не были упущены из виду различные стороны вопросов, а стало быть, и различные мнения, по поводу вопросов существующие или способные существовать. Однако на Предсоборном Присутствии разногласия, во всяком случае, выражались в форме групповых мнений, да и групп было совсем немного, большей частью две: одна «полиберальнее», другая «поконсервативнее», одна по преимуществу за предание, за дисциплину, другая по преимуществу за свободное толкование и существование, одна больше за иерархию, другая больше за низшие «чины» Церкви. Во всем этом нет, однако, ничего ненормального, ничего нежелательного, ибо во всяком коллективном (в том числе церковном) существовании всегда имеются обе эти стороны и потребности свободы и дисциплины. Как ни необходима дисциплина и иерархия, но если бы церковная жизнь когда-либо оперлась *исключительно* на них, то жизнь церковная должна была бы омертветь точно так же, как она рассыпалась бы в прах при *исключительных* влияниях свободы.

Вопрос вечной борьбы этих двух начал коллективного существования состоит всегда в том, способны ли они сойтись на каком-либо гармоническом выводе? В этом отношении Предсоборное Присутствие в большинстве вопросов приходило к вполне удовлетворительному соглашению, и вообще, если бы гадать о работах Собора по работе Присутствия, то можно было бы созывать Собор совершенно спокойно.

Конечно, дело Собора представляет больше трудностей, чем Присутствие, но тем не менее созыв его совершенно необходим уже потому, что нынешнее положение Церкви непоправимо без Собора. Сам князь Мещерский, переходя к положительной стороне своего рассуждения, не может порекомендовать взамен Собора ничего, кроме прекраснодушных бессодержательных нравочений.

Он говорит, что Собор не нужен и вреден, нужно же совсем иное, а именно: «Для возвращения нашей Православной Церкви ее целительной, укрепляющей и охранительной силы не Собор нужен, а *нужен уход за ней, вдохновляемый любовью и благоговением к ней*». Далее следует идиллическая картина этой всеобщей любви. Прямо непостижимо представить себе, чтобы человек опытный и старый это говорил серьезно, а не для простого «разговора». Надежды князя Мещерского, по-видимому, окрыляются назначением в обер-прокуроры В. К. Саблера, от которого он ждет именно такого внимательного, любовного отношения. В этом и мы не сомневаемся. Но разве около Церкви находится только один обер-прокурор, один В. К. Саблер? Разве же князь Мещерский не знает, что Церковь находится среди нынешнего общества, нынешних учреждений, социальных и государственных? К Церкви предъявляют требования разные власти, которые указывают ей и рамки действий. К Церкви предъявляют требования и законодательные учреждения. Кто же не знает, что все это кругом связывает самую добροжелательную и внимательную любовь и способно создавать для Церкви помехи и унижения там, где обер-прокурор хотел бы создать уважение и благоговение? Идеалы князя Мещерского сводятся к воскрешению очень старого времени, когда думали, что все пойдет прекрасно, если Церковь находится в благожелательной опеке доброго и умного «дядьки» – обер-прокурора.

Но мы живем уже не в этом прошлом благолепных фасадов, а в мятущемся, враждебном вере, распущенном и все разлагающем настоящем времени. Никакой обер-прокурор

теперь ничего (или почти) не может сделать, не изменивши самой *обстановки действия*, а для этого изменения нужны воспрянувшие *силы Церкви*. Поэтому хороший для нашего времени обер-прокурор имеет пред собой прежде всего задачу воздвигнуть к действию силы Церкви, а это и значит созвать ее на Собор. Кн. Мещерский, человек прошлого, подобно многим другим «собороборцам» способен любить Церковь, но не понимает ее самостоятельности, не понимает, что в недрах Церкви кроются силы бесконечно большие, чем силы какого бы то ни было обер-прокурора, и что Россия, вера и Церковь нуждаются теперь более всего в том, чтобы к действию выступили эти могучие силы самой Церкви.

Церковь недостаточно любить любовью доброго барина к крепостной вотчине, а нужно ее *уважать*, нужно думать не только о своей благожелательной опеке для нее, но также и об опеке Церкви над нами, над князем Мещерским, над обер-прокурором, над всеми верующими, нужно понимать, что обер-прокурор, не чувствуя над собой благожелательных и твердых влияний Церкви, не может и сам быть хорошим ее служителем. Такое уважение к Церкви, сознание необходимости ее самостоятельной силы было чуждо тому прошлому, к которому тяготеет сердце князя Мещерского, и в этом пороке кроется главная причина захудания церковной жизни. Кто хочет видеть воскресение этой жизни, должен понять необходимость устранить причину, должен понять, что не благожелательная опека спасет теперь положение, а воздвижение к действию всех сил Церкви. Говорить же о вредности Собора Церкви и всеисцеляющей благодетельности хорошего обер-прокурора – это значит ставить обер-прокурора выше Церкви и прибавлять на вратах церковных зловещую надпись ада: *Lasciate ogni speranza voi ch'entrate*¹. Да не будет же этого!

Миряне на Церковном Соборе.

Преосвященнейший Никон Вологодский, в письме к редактору-издателю *Московских Ведомостей* (№ 131) говоря о желательности созыва Поместного Церковного Собора, в то же время отрицательно относится к допущению на него мирян. Вопрос, как известно, очень жгучий, который обсуждался и обсуждается вот уже несколько лет и официально уже решен в положительном смысле, в Высочайше утвержденных правилах о созыве Собора (25 апреля 1907 года).

Вопрос этот имеет две стороны. Во-первых, *принципиальную* и каноническую: то есть допустимо ли по существу участие мирян на Церковных Соборах и с какими правами? Во-вторых, *практично* ли такое допущение по существующим обстоятельствам времени и вообще по каким-либо частным условиям? Первый обширный вопрос, очень обстоятельно разбиравшийся на Предсоборном Присутствии, в настоящем случае преосвященным Никоном не возбуждается, и хотя нам необходимо будет обрисовать его перед читателями, в настоящую минуту и мы его не станем затрагивать.

Предположим, что вообще участие мирян допустимо. Но следует ли приглашать их именно на предстоящий у нас Собор? Преосвященнейший Никон полагает, что нет. Он полагает, что Собор должен бы состоять из архиереев и привезенных ими, ими же избранных священников. Присутствие мирян ему кажется опасным, так как вероятнее всего, думает он, в качестве мирян на Собор проникли бы люди типа господ Розанова, Мережковского, Маклакова (?) и разные «расстриги» вроде бывшего священника Григория Петрова. Это вышел бы не Церковный Собор, а, как говорится, Бог знает что.

Опасения преосвященнейшего Никона зиждутся главным образом опять же не на практической почве. Он не говорит, чтобы миряне по существу были отступники, еретики, безбожники в какой-либо степени, но указывает на правила,

поднесенные Государю Императору, и находит, что при таких правилах епископ не в состоянии воспрепятствовать проникновению на Собор явно вредных, антицерковных элементов, а сами миряне, по своей пассивности и неопытности в избирательной борьбе, не сумеют провести на Собор людей благочестивых, своих истинных представителей.

Полагая, что вообще в настоящее время присутствие мирян на Соборе было бы нужно и полезно, считая вообще мирян отнюдь не каким-либо опасным элементом, мы не можем, однако, не признать справедливости опасений преосвященнейшего Никона именно в связи с теми правилами, которые получили 25 апреля 1907 года Высочайшее утверждение. Но именно история возникновения этих правил может показать, что наши епископы могут наименее опасаться *мирян*.

Дело в том, что Особое Предсоборное Присутствие в 1906 году выработало совершенно иные правила. Вопрос о составе Собора готовился на Присутствии 1-м отделом, составленным в большинстве из так называемых «либеральных» церковных элементов, но решение принадлежало не отделам, а общему собранию Присутствия, где, конечно, участвовали уже *все* члены. Между 1-м отделом и общим собранием возникло совершенно понятное разногласие. Отдел проектировал выборы мирян в трех степенях: приходе, на благочиннических собраниях и, наконец, на епархиальном собрании. Общее собрание Присутствия отвергло эту трехстепенную систему и приняло выборы мирян на благочиннических собраниях. Огромная разница двух систем ясна.

Действительно, при выборах на благочиннических собраниях каждое благочиние имеет излюбленных кандидатов, списки которых и представляются епископу. Если считать в епархии 30 благочиний, то епископу предстоит выбрать на Собор *одного* мирянина из представленных ему 30. Очевидно, есть из кого выбрать. Напротив, при системе трехстепенных выборов епархиальное собрание представляет всего *трех* кандидатов, из которых епископ и должен сделать выбор, причем вдобавок умолчано, может ли он забраковать всех трех?

На общем собрании Присутствия эта последняя система, которая открывает такую широкую свободу действию партийной ловкости, была отвергнута и принята первая, охраняющая как права массы мирян, так и епископскую власть. На заседании 15 мая 1906 года, сделавшем это, за систему, увеличивающую права епископа, голосовали 7 архиереев, 6 священников и 13 мирян, всего 26 голосов. За систему, ослабляющую права епископа, подали голоса 3 архиерея (в том числе митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский), 7 священников и только 10 мирян, всего 20 голосов. Таким образом, большинство мирян шли об руку с большинством епископов.

Но когда Присутствие было распущено и дело поступило в руки Св. Синода и обер-прокурора (тогда П. П. Извольского), решение Особого Присутствия было почему-то отброшено, и для правил, предназначенных к поднесению Государю Императору, предпочли забракованное Присутствием мнение 1-го отдела. История довольно-таки поучительная. Из нее мы можем видеть, что не одними народными собраниями могут пользоваться партийные шахматисты, но не менее удобств дают им и канцелярии. Казалось бы: каким образом Св. Синод, состоявший сам из епископов, мог пренебречь усилиями Особого Присутствия, оградившего права епископов, и предпочесть мнение меньшинства, влияние епископов ослаблявшее в 10 раз? И, однако, вышло так.

Соглашаясь вполне с преосвященным Никоном относительно того, что при этих выборных правилах, установленных не Присутствием, а Св. Синодом и обер-прокурором, положение епархиального архиерея становится весьма затруднительным, мы полагаем, однако, что это не может заставлять отказываться от Собора. Во-первых, правила, хотя они уже утверждены, могут быть тем же порядком изменены, если достаточно компетентная власть возбудит вопрос об этом. Во-вторых, нет причин думать, чтобы православные церковные люди оказались уж столь бессильными перед людьми типа г-на Розанова и прочих, внушающих опасения

преосвященному Никону. Действительно, почему думать только о Розанове или Маклакове, почему не вспомнить Шечкова, Маркова 2-го, Созоновича или даже тех октябристов, которые рассорились со своей фракцией по стремлению стать на защиту Православия?

История правил о созыве Собора свидетельствует нам, что вовсе не миряне склонны идти против епископов, а следовательно, весьма позволительно думать, что если наши архиереи будут тесно связаны с народом, то едва ли при каких бы то ни было правилах у них на Собор попадут именно господа Розанов с Карауловым. Можно и теперь сказать, что ни у архиепископа Антония на Волыни, ни у преосвященнейшего Серафима Кишиневского Розановы не пройдут. Следовательно, нашему епископату требуется не терять времени в опасениях, а, напротив, приложить старания к тому, чтобы, во-первых, если возможно, восстановить решения Предсоборного Присутствия, а во-вторых (что по существу есть главное), быть с паствой, не бояться ее, а быть настолько близкими, чтобы верить в нее. И тогда Церкви ничто не страшно. Таково наше скромное мнение по этому жгучему вопросу.

Истинный путь церковной политики.

Обращая внимание читателей на нижепомещаемую речь Георгия Алексеевича Шечкова в Государственной Думе по поводу гражданского решения церковных дел, не можем не присоединиться к опасениям почтенного оратора по поводу ложного пути, на который стало наше законодательство в отношении Православной Церкви.

Уже давно у нас жаловались на то, что в делах церковных влияние обер-прокурора затирает значение власти самой Церкви. С реформой государственных учреждений в 1906 году самостоятельность церковного управления еще более умень-

шилась, и подчиненность Церкви гражданской власти стала доходить до почти непонятных степеней. Г. А. Шечков указывает, что передача в Государственную Думу решения церковных дел приводит к противоречию даже с Основными законами. Это противоречие действительно достигает степеней, перед которыми останавливаешься подчас в недоумении. Трудно становится понять, что должно разуметь под управлением Церкви, о котором гласит статья 65 Основных законов (издания 1906 года). Там изображено: «В управлении церковном Самодержавная Власть действует *посредством Святейшего Правительствующего Синода*, ею учрежденного». Но вот, например, Государственная Дума назначает жалование епископам и прочим служителям Церкви: разве же это не относится прямо к области церковного управления? Г. А. Шечков сообщает о предстоящем устройении Государственной Думой церковного прихода... Но приход есть учреждение чисто церковное. Каким же образом все это может быть проводимо общим законодательным путем и даже без предварительного изменения статьи 65 Основных законов?

Разноверность и иноверность состава Государственной Думы придает особенно изумительный характер управлению Церковью посредством не Синода, а Государственной Думы. В этом отношении г-н Шечков указывает такой факт, который, конечно, корбит каждого человека, сколько-нибудь любящего свою родную Православную Церковь. Каково ему слушать в Думе, например, обсуждение церковного бюджета: ведь тут каждый грош на нужды Православной Церкви должен быть испрашиваем, между прочим, у иноверцев и даже не христиан. Эти последние уже давали в вероисповедных законах своими голосами перевес таким, а не иным решениям Думы. Но с таким фактом не может помириться ни разум, ни чувство человека, желающего сохранения церковно-государственного союза в России. А между тем область захвата Государственной Думой церковных дел систематически растет. Г. А. Шечков совершенно справедливо говорит, что у нас теперь происходит, в сущности, целая реформа церковной жизни посредством граж-

данских законодательных учреждений, и притом состоящих даже не из православных членов.

Все это находится в непостижимом противоречии с 65 статьей Основных законов.

Недоумеваешь, как может такой факт являться в нашей государственной жизни не в виде какого-нибудь случайного недосмотра, а совершаться систематически и во все более растущих размерах.

Создание законов путями, находящимися в противоречии с законами, вообще потрясает легальность, эту существеннейшую основу порядка и крепости государства. Но в данном случае, то есть в отношении к Православной Церкви, новая тенденция управления ею создает еще гораздо более опасностей.

Прежде всего, такое направление законодательства приводит к бездействию права Самодержавной власти в церковном управлении. Конечно, ни один закон не может иметь совершения без утверждения Государя Императора. Но кроме недопущения неудобных законов требуется еще создание и совершение законов нужных, удобных и необходимых. И вот в этом отношении права Самодержавной власти, установленные статьей 65 Основных законов, остаются без осуществления вследствие постоянного захвата гражданскими учреждениями законодательной инициативы в церковной области.

Современное положение обер-прокурора Св. Синода фактически еще более приводит к бездействию статьи 65 Основных законов, ибо он ныне стал членом Совета Министров. Если обер-прокурор Св. Синода лично человек несамостоятельный, то он фактически делается чем-то вроде секретаря Совета Министров в Св. Синоде, а между тем власть его в самом Синоде громадна, и потому на каждом шагу подчиняет церковное управление гражданскому. При таких условиях во что же фактически превращается то управление, о котором гласит статья 65?

Но если бы место обер-прокурора занял даже человек самостоятельный, то его обязанности члена Совета Министров все-таки делали бы очень ложным его положение как обер-

прокурора. Именно поэтому у нас после кратковременного недосмотра времен Императора Александра I обер-прокуроры никогда не ставились в положение министра. Ныне же Церковь все более подчиняется общегражданским властям и в законодательном, и в административном отношении.

Этот ряд неправильностей, вводимых в область церковного управления, рождает одно последствие: *подчинение Церкви государству*. А такое подчинение равносильно уничтожению Православия.

В Церкви, которая приводится к подчинению государству, существование управления, предписанного канонами и самой верой, становится невозможно. Великую ошибку составляет подражание протестантским церковным порядкам. Протестантство демократично в религии. В нем нет разницы между различными чинами церкви. Посему там господство государственной власти не может давить произволом на маленькие церковные общины, составляющие всю суть протестантской религиозной организации. В Православии же по самому содержанию веры, по догмату и канону, имеется иерархия чинов, которая, если оказывается забранной в чьи-либо руки или закупленной, может стать орудием величайшего деспотизма и произвола. Великую ошибку составляла бы мысль, что такая власть над Церковью безвредна или даже выгодна для государства. Такая мысль может являться только по незнанию Православия. Ибо раз церковная иерархия теряет в глазах верующих нравственный авторитет, это не приводит народ к спокойному презрению, холодному пренебрежению, а вызывает негодование верующих как против подчинившихся рабству епископов, так и против той власти, которая виновна в их падении.

Таким образом, в то время, как добросовестный союз Церкви и государства обеспечивает гражданской власти необоримую поддержку верующих, политика подчинения Церкви государству не сулит ничего, кроме смут.

Для чего же ошибочной церковной политикой становится на такой фатальный путь? Для чего позволять увлекать государство к такому будущему? Или на свете нынче мало

революционеров, чтобы создавать с легким сердцем еще религиозные смуты?

Из всего, что делается теперь в области церковной политики, есть лишь одно, вызывающее радость некоторых православных, – это усердие, с которым нынешний обер-прокурор С. М. Лукьянов, приводя самостоятельность Церкви к неслыханному еще унижению, добывает от Думы деньги на потребности духовенства. Но не к добру ведут эти деньги при подчинении Церкви государству, не принесут они пользы и государству. Это именно путь, которым духовенство приводится к потере нравственного авторитета.

Вообще для того, чтобы устраивать церковные дела, и даже для того, чтобы с пользой давать деньги на Церковь, нужно знать Православие и думать прежде всего о нем. Когда это имеется налицо, то все блага, приносимые верой государству, сами собой явятся. Тогда будет Церковь процветать и без поливки золотыми реками из казны. А без этого деньгами ничего не достигнешь, и даже хуже: деньги создадут зло. Потому-то нам необходимее всего, как справедливо говорит Г. А. Шечков, оставить поскорее нынешние способы «устроения» Церкви и созвать для этого дела единственный компетентный орган – Поместный Собор.

ИМЕННОЙ И ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Grand Orient de France (Великий Восток Франции) – ма-
сонский орден, включающий в себя большое количество ма-
сонских лож. – 320–321.

Августин Блаженный Аврелий (354–430), христианский
теолог и церковный деятель, главный представитель западной
патристики. – 177–178.

Аггеев Константин Маркович (1868–1920), протоиерей,
богослов, церковный деятель. Один из учредителей «Брат-
ства церковного обновления» в Санкт-Петербурге и «Санкт-
Петербургского религиозного общества». – 574.

Айвазов Иван Георгиевич (1872–1964), миссионер, про-
фессор Московской и Санкт-Петербургской Духовных акаде-
мий, участник монархического движения. – 570–575.

Акимов Михаил Григорьевич (1847–1914), русский го-
сударственный деятель, правовед, министр юстиции (1905–
1906), член (с 1906) и председатель Государственного Совета
(1906–1914). – 511.

Аксаковы – 222, 252.

1. Сергей Тимофеевич (1791–1859), писатель, литератур-
ный и театральный критик.

2. Константин Сергеевич (1817–1860), сын С. Т., русский
мыслитель, публицист, критик, поэт, историк, языковед, один
из основоположников русского славянофильства.

3. Иван Сергеевич (1823–1886), сын С. Т., мыслитель, общественный деятель, поэт, публицист, издатель, один из идеологов славянофильства. – 117.

Александр I Благословенный (1777–1825) – Император Всероссийский (1801–1825). – 92, 586.

Александр II Освободитель (1818–1881), Император Всероссийский (1856–1881). – 160, 199, 475.

Александр III Миротворец (1845–1894), Император Всероссийский (1881–1894). – 13, 199, 225, 245, 493.

Алексеев Александр Семенович (1851–1916), юрист, профессор государственного права в Московском университете. – 32–34.

Амвросий (в миру Ключарев Алексей Иосифович) (1821–1901), архиепископ Харьковский и Ахтырский (до 1886 – епископ), церковно-общественный деятель и проповедник. – 523–524.

Андреевский Иван Ефимович (1831–1891), русский юрист, профессор (с 1864) и ректор (1883–1887) Санкт-Петербургского университета. – 34.

Андрей Боголюбский, св. (1111–1174), князь Владимирский (с 1157), идеолог христианской государственности – 67.

Анреп Василий Константинович (фон) (1852–1927), политический деятель, профессор судебной медицины, депутат Государственной Думы III созыва (фракция октябристов). – 302, 308–309.

Антоний (в миру Вадковский Александр Васильевич) (1846–1912), архиепископ Финляндский и Выборгский (1892), митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский (1898), член

Государственного Совета (1900), председатель Предсоборного присутствия. – 524, 551, 573.

Антоний (в миру Храповицкий Алексей Павлович) (1863–1936), епископ Волынский и Житомирский (с 1902), архиепископ Харьковский и Ахтырский (с 1914), митрополит Киевский и Галицкий (1919), основатель и Первоиерарх Русской Православной Церкви за границей. – 583.

Аристотель (384–322 до Р.Х.), древнегреческий философ, ученый и педагог. – 22, 35, 47–50, 54, 110.

Белоусов Терентий Осипович (1875–ок. 1920), школьный учитель, депутат Государственной Думы III созыва (фракция социал-демократов). – 308, 494, 496.

«Биржевые Ведомости» – умеренно-либеральная газета, издавалась в Петербурге с 1880 по 1917 год с перерывами (с 1885 – ежедневно). – 375.

Бисмарк-Шёнхаузен Отто Эдуард Леопольд (фон) (1815–1898), германский государственный деятель, князь, первый канцлер Германской Империи. – 458.

Блюнчли Иоганн Каспар (1808–1881), швейцарский юрист, специалист по государственному и международному праву, истории права. Представитель органической школы права. – 26, 30–31, 48, 50, 60, 102, 117, 151–152.

Бобринский Владимир Алексеевич, граф (1867–1927), русский политический деятель, депутат Государственной Думы II (фракция октябристов, затем – умеренных правых), III (фракция умеренно правых), IV (фракция умеренно правых, затем – националистов) созывов, лидер неославянского движения. – 295.

Богров Дмитрий Григорьевич (1887–1911), эсер-максималист и анархо-коммунист, сотрудничал с Киевским и с Петербургским охранным отделением. 1 сентября 1911 в Киевском оперном театре смертельно ранил председателя Совета Министров *П. А. Столыпина*. – 318–320.

Бодуэн де Куртенэ Александр Иванович (Игнатий-Нецислав) (1845–1929), русско-польский лингвист, член-корреспондент Петербургской академии наук. – 271.

Бондарь С. Д. – высокопоставленный чиновник Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий при Министерстве иностранных дел, автор ряда работ о инославных конфессиях и сектах. – 256.

Бурбоны – французская королевская династия (1589–1792, 1814–1830) правила в Южной Италии (Королевство Обеих Сицилий) (1735–1805, 1814–1860), правит в Испании с 1700 г. (с перерывами). – 107–108.

Варварин В. – литературный псевдоним *В. В. Розанова*. – 567–570.

Василий Великий (Кесарийский) (ок. 330–ок. 379), святой, церковный писатель и богослов, отец и учитель Восточной Церкви. – 512.

Вассиан (Топорков) (конец XV в. – после 1553), епископ Коломенский, племянник Св. Иосифа Волоцкого. – 95.

Велёпольский Александр, маркиз Гонзаго-Мышковский (1803–1877) – польский государственный деятель прорусской направленности, вице-председатель Государственного Совета Польши (1861–1863). – 421.

«Вера и разум» – богословско-философский журнал, издавался в Харькове Духовной академией с 1884 по 1917 год. – 523.

Верцинский Феликс (фон), иезуит, прозелит, действовал в России с 1903 по 1911 год. Выслан в 1911. – 260, 262.

«Вестник Европы» – умеренно-либеральный литературно-политический журнал, издавался в Петербурге с 1866 по 1918 год. – 401, 478–479, 481, 483–484.

Витте Сергей Юльевич, граф (1849–1915), государственный деятель, министр финансов (1892–1903), председатель Кабинета министров (1903–1905), глава Совета Министров (1905–1906). – 275, 291–292, 371–373, 375–377, 497, 503, 522, 527.

Владимир I Святой (Владимир Святославович) (ок. 960–1015), киевский князь (с 978). – 67–68, 77, 118, 491.

Владимир Мономах (1033–1125), князь Смоленский (с 1067), Черниговский (с 1078), Переславский (с 1093). Великий князь Киевский (с 1113). – 77.

Владимиров В. В. – директор департамента духовных дел иностранных исповеданий, участвовал в разработке ряда законов, регламентирующих отношения государства и Церкви. – 561.

Владислав IV Ваза (1595–1648), король Польши (с 1632), в 1610 году как Московский царь принял присягу московского правительства и людей. – 91.

Воронков Митрофан Семенович (1868–?), учитель, член Государственной думы III созыва (фракция кадетов). – 494.

Восторгов Иван Иванович (1864–1918), священномученик, протоиерей, церковный и общественный деятель, духовный писатель. Председатель *Союза Русского Народа* (1907–1911). – 198, 574.

Всероссийский Национальный Союз – русская националистическая организация умеренно-правого направления, существовала с 1908 по 1917 год. – 224–228.

Вязигин Андрей Сергеевич (1867–1919), историк, председатель харьковского отдела Русского собрания, депутат Государственной Думы III созыва, председатель фракции правых (1908). – 251.

Гарун-аль-Рашид (763–809), правитель Аббасидского халифата (786–809). – 110–111.

Гаршин Всеволод Михайлович (1855–1888), писатель, критик. – 184.

Гепецкий Николай Эмилианович (Емельянович) (1869–1920), протоиерей, журналист, оратор и проповедник. Депутат Государственной Думы III и IV созывов (фракции правых и националистов). – 494.

Герберштейн Сигизмунд (фон) (1486–1566), барон, австрийский дипломат, писатель и историк, автор «Записок о Московии» (20–40-е гг. XVI в.). – 69.

Геродот (между 490 и 480–ок. 425 до н. э.), древнегреческий историк. – 50–51.

Гершуни Григорий Андреевич (Херш Ицхак) (1870–1908), один из основателей и лидеров партии эсеров, организатор и руководитель ее боевой организации и член ЦК партии. Один из организаторов убийства министра внутренних дел Д. С. Сипягина (1902) – 180.

Гоббс Томас (1588–1679), английский философ-материалист, известный прежде всего трактатом о государстве «Левиафан». – 60, 99, 154, 442.

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), великий русский писатель. – 155.

«Голос Москвы» – ежедневная политическая газета, издавалась в Москве с 1906 по 1915 год. Печатный орган партии октябристов. – 378, 401, 470.

Гофштеттер Ипполит Андреевич (1860–1951), поэт, философ, богослов. – 515–516, 520.

Градовский Александр Дмитриевич (1841–1889), правовед, политический мыслитель либерального направления. – 34, 100–101, 103, 105.

«Гражданин» – еженедельная «газета-журнал политики и литературы» православно-монархического направления, издатель – князь В. П. *Мещерский*. Издавалась в Санкт-Петербурге с 1872 по 1914 год. – 570, 576.

Гредескул Николай Андреевич (1864–1930), правовед, политический деятель, один из основателей партии кадетов, депутат Государственной Думы I созыва (фракция кадетов), масон. – 291.

Гримм Давид Давидович (1864–1941), правовед, профессор, член Государственного Совета (1907) и лидер либеральной (прогрессивистской) группы, член партии кадетов и ее ЦК, масон. – 378, 389, 391–392.

Грингмут Владимир Андреевич (1851–1907), общественный деятель, публицист, филолог, историк, искусствовед, один из вождей монархического движения. Редактор «*Московских Ведомостей*» (1896–1907). – 233, 251, 412.

Гроций Гуго (1583–1645), голландский юрист, основатель современного международного права. – 99, 154.

Гучков Александр Иванович (1862–1936), государственный деятель, предприниматель, лидер октябристов. Депутат и с 1910 председатель Государственной Думы III созыва. – 317–319, 321, 333, 417, 540.

Даль Владимир Иванович (1801–1872), писатель, лексикограф, этнограф. – 80, 83.

Даниил Заточник (XII в.), автор выдающегося произведения древнерусской литературы «Слово Даниила Заточника». – 68.

Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885), русский ученый-естествоиспытатель, публицист и социолог, мыслитель. – 222.

Дарий I Гистасп (550–486 до Р.Х.), персидский царь. – 52–54.

Дейок (703–656 до Р.Х.), первый царь Мидии. – 35.

Дейтрих Владимир Федорович (1850–1920), правовед, член Государственного Совета (1905), вице-председатель Государственного Совета (1917). – 389, 391.

Демченко Яков Григорьевич (1842–1912), публицист, автор сочинений, посвященных критике иудаизма, и еврейских замыслов мирового господства. – 232.

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), великий русский писатель, один из высших выразителей духовно-нравственных ценностей русской цивилизации. – 183–188, 191, 222, 252.

Дубровин Александр Иванович (1855–1921), политический и общественный деятель, основатель и руководитель *Союза Русского Народа*, издатель и редактор газеты «Русское знамя». – 198.

Дурново Петр Николаевич (1843–1915), государственный деятель, министр внутренних дел (1905–1906), член Государ-

ственного Совета (1906), лидер группы правых. Был известен как один из наиболее активных противников реформистского курса *П. А. Столыпина*. – 374–377, 379, 498, 511–512, 523, 561.

«Духовный Регламент» (1720–1721) – документ, составленный *Феофаном Прокоповичем* и отредактированный Петром I, определявший деятельность Духовной коллегии (или Святейшего Синода), управлявшей Русской Церковью вместо Патриарха. – 97–98.

Дюрюи Виктор (1811–1894), французский историк и деятель образования. – 36.

Евдокимов Николай Иванович, граф (1804–1873), русский военачальник, генерал-адъютант, завершил присоединение Кавказа к России. – 253.

«Единение и прогресс» – политическая партия младотурок, турецких буржуазных революционеров. – 320.

Екатерина II Великая (Романова Екатерина Алексеевна) (1729–1796), Императрица Всероссийская (1762–1796). – 99.

Еллинек Георг (1851–1911), немецкий правовед, представитель позитивизма, основоположник немецкой социологии права. – 410, 423, 480.

Замысловский Георгий Георгиевич (Егорович) (псевдоним – *Юрский*) (1872–1918), правовед, государственный и общественный деятель, депутат Государственной Думы III и IV созывов, один из последовательных проводников интересов русского народа в области права. – 251, 297–298, 321–322, 338.

Заозёрский, Николай Александрович (1851–1919), богослов и церковный деятель. – 128.

Зверев Николай Андреевич (1850–1917), юрист, государственный деятель. – 48–49.

«Златая цепь» (ок. XIII в.), древнерусский сборник нравоучительных наставлений святых отцов о христианско-аскетических добродетелях. – 68–69.

Иван IV (Иван Васильевич по прозвищу Грозный) (1530–1584), первый русский царь (1547–1584). – 69–70, 74–80, 90, 95, 99, 160, 253, 359.

Извольский Александр Петрович (1856–1919), русский государственный деятель, дипломат. Министр иностранных дел России (1906–1910). – 303–304.

Извольский Петр Петрович (1863–1928), государственный деятель, обер-прокурор Св. Синода (1906–1909), член Государственного Совета (1909). – 582.

Илиодор (в миру Труфанов Сергей Михайлович) (1880–1952), иеромонах, впоследствии расстрига, враг Русской церкви, основатель секты, выступал в активной оппозиции светской и духовной властям. – 262.

Индрих Карл Семенович, владелец типографии в Москве, сообщник *Феликса фон Верцинского*. – 260.

Иосиф II Австрийский (1741–1790), император Священной Римской империи (1765–1790), представитель эпохи просвещенного абсолютизма. – 413.

Калиостро Алессандро (псевд.; наст. имя – Джузеппе Бальсамо) (1743–1795), итальянский масон, алхимик и авантюрист. – 235.

Камбиз II – персидский царь (530–522 до Р.Х.) из династии Ахеменидов, прославился жестокостью и деспотизмом. – 50–57.

Капустин Михаил Яковлевич (1847–1920), врач, профессор, депутат Государственной Думы II и III созывов (фракция октябристов). – 309.

Карамзин Николай Михайлович (1766–1826), историк, писатель, поэт, почетный член Петербургской Академии наук (1818). – 90, 92–93, 252.

Караулов Василий Андреевич (1854–1910), член «Народной воли», один из ее руководителей, осужден и помилован, член Государственной Думы III созыва (фракция кадетов). – 583.

Карл Великий (742–814), франкский король (с 786), император Западной Римской империи (с 800). – 106.

Карпов Сергей Георгиевич (1864–1909), полковник, начальник Петербургского охранного отделения. Погиб от руки эсера-террориста Петрова (Воскресенского). – 293–296.

Катков Михаил Никифорович (1818–1887) – общественный деятель, консервативный мыслитель, издатель «Московских Ведомостей» (1863–1887). – 93, 135, 154, 170, 222, 252, 272.

Киреев Александр Алексеевич (1833–1911), военный и общественный деятель, генерал от кавалерии, религиозный публицист славянофильского направления. – 560.

Киреевские, братья – 222, 252.

1. Иван Васильевич (1806–1856), философ, писатель, публицист, один из основоположников русского славянофильства.

2. Петр Васильевич (1808–1856), собиратель русских народных песен.

Клиффорд Джон (1836–1923), английский ученый, пастор, один из основателей и председатель Всемирного Союза Баптистов (1905–1911). – 256–257.

«Клуб умеренных и правых партий» – политический клуб, действовавший в Санкт-Петербурге в 1907 году, в период начала работы Государственной Думы I созыва. – 217, 402, 412.

Клюжев Иван Семенович (1856–1922), крестьянин, домовладелец, инспектор народных училищ, депутат Государственных Дум II–IV созывов (фракция октябристов). – 494.

Ключевский Василий Осипович (1841–1911), историк, профессор Московского университета, основатель научной школы. – 67.

Ковалевский Евграф Петрович (мл.) (1865–1941), политический деятель, правовед, активный деятель в области народного просвещения. Депутат Государственной Думы III и IV созывов (фракция октябристов). – 494.

Ковалевский Максим Максимович (1851–1916), историк, правовед, один из основателей русской социологической школы, издатель журнала «Вестник Европы» (1909–1916), масон. – 199, 387, 389, 483.

Коковцов (Коковцев) Владимир Николаевич, граф (1853–1943), государственный деятель, товарищ министра финансов (1896–1902), министр финансов (1904–1914), председатель Совета Министров (1911–1915). – 228–232, 513.

Кокошкин Федор Федорович (1871–1918), политический деятель, правовед, один из основателей партии кадетов. Депутат Государственной Думы I созыва (фракция кадетов), масон. – 338–339.

«Колокол» – газета монархического направления, издавалась с 1908 по 1916 год. – 402, 526.

Комб Луи Эмиль (1835–1921), французский политический деятель, премьер-министр Франции (1902–1905). – 342.

Кони Анатолий Федорович (1844–1927), юрист, общественный деятель, выдающийся судебный оратор, член Государственного Совета (1907). – 518.

Констан де Ребек Бенжамен (1767–1830), франко-швейцарский писатель, философ и политический деятель. Убеденный сторонник идей буржуазного либерализма и конституционной монархии. – 462.

Константин I Великий, св. (Флавий Валерий Аврелий Константин) (274–337), римский император (с 306), сделал христианскую религию господствующей. – 77, 106.

Коркунов Николай Михайлович (1853–1904), правовед, теоретик государственного права и социолог. – 252.

Кочубей Василий Леонтьевич (1640–1708), генеральный судья в Гетманском уряде при гетмане *Мазене*. – 351.

Коялович Михаил Иосифович (1828–1891), историк, публицист, общественный деятель. – 222, 252.

Кромвель Оливер (1599–1658), английский государственный деятель, лорд-протектор Английской республики. – 316.

Кузнецов Николай Дмитриевич (1863 – не ранее 1931), правовед, адвокат, специалист в области канонического права, церковный правозащитник. – 217–221, 505–508.

Курбский Андрей Михайлович (1528–1583), князь, государственный деятель, писатель, переводчик. В 1564 году бежал от *Ивана IV* в Литву. – 74–77.

Курлов Павел Григорьевич (1860–1923), государственный деятель, генерал-лейтенант, товарищ министра внутренних дел (1909–1911) и главноначальствующий отдельного корпуса жандармов (1909–1911). – 513.

Кутлер Николай Николаевич (1859–1924), политический деятель, писатель, депутат Государственной Думы II созыва (фракция кадетов). – 302.

Ле Пле Фредерик Пьер Гийом (1806–1882), французский социолог, политический деятель, горный инженер. – 56.

Леонов Дмитрий Алексеевич (1868–?), помещик, депутат Государственной Думы III созыва (фракция октябристов). – 494, 496.

Леонтьев Константин Николаевич (1831–1891), философ, писатель и публицист. – 135.

Леруа Больё Анатолий (1842–1912), французский публицист, исследователь истории России, автор труда «Империя царей и русские» (1872–1889). – 13.

Лжедмитрий I (Отрепьев Григорий) (?–1606), самозванец, выдавал себя за царевича Дмитрия, сына *Ивана Грозного*, царь Московский (1605–1606). – 91.

Лжесмердис (VI до Р.Х.), персидский маг (жрец) и самозванец, в отсутствие законного царя *Камбиза* объявивший себя его братом и наследником. – 50–51.

Ликург (XIX–VIII до Р.Х.) – легендарный спартанский законодатель. – 36.

Липягов Сергей Семенович (1867–?), инспектор духовного училища, депутат Государственной Думы III созыва (фракция кадетов). – 494.

Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765), великий русский ученый, просветитель, поэт, переводчик. – 188–191.

Лукьянов Сергей Михайлович (1855–1935), обер-прокурор Святейшего Синода в 1909–1911, доктор медицины, член Государственного Совета с 1904 года. – 489, 520–521, 526, 587.

Львов Владимир Николаевич (1872–1934), политический деятель, член Государственной Думы III (сперва фракция октябристов, затем – независимый националист, позже – один из основателей фракции центра) и IV созывов. В Думе – председатель комиссии по делам Православной Церкви. – 538.

Людовик XIV Бурбон (1638–1715), король Франции (1643–1715). – 107, 413.

Лютер Мартин (1483–1546), немецкий религиозный деятель, критик Римско-Католической Церкви и зачинатель движения Реформации. – 223, 242.

Мазепа Иван Степанович (1644–1709) – предатель России, назначенный Петром I гетманом Малороссии (1687–1708). Вступил в тайный сговор с польским и шведским королями, после полтавской битвы бежал в Турцию. – 180, 273, 351.

Макаров Александр Александрович (1857–1918), русский государственный деятель, юрист, министр внутренних дел

(1911–1912), активный участник монархического движения. Член Государственного Совета (1912). – 318, 501, 526.

Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957), общественный и политический деятель, правовед, депутат Государственной Думы II–IV созывов (фракция кадетов). – 251, 394–395, 580, 583.

Марков (2-й) Николай Евгеньевич (1866–1945), общественный деятель и публицист. Один из основателей *Союза Русского Народа*, играл большую роль в патриотическом движении. После раскола организации стал руководителем одной из ее частей. Член Государственной думы III и IV созывов (фракция правых). – 583.

Масленников Александр Михайлович (1858–после 1921), присяжный поверенный, судебный следователь, депутат Государственной Думы III и IV созывов (фракция прогрессистов), в эмиграции член Высшего монархического совета. – 494.

Мегабаз (V в. до Р.Х.), один из семи персидских вельмож, свергнувших *Лжесмердиса*. – 52–53.

Мейендорф Александр Феликсович, барон (1868–1964), политический деятель, крупный землевладелец. Один из основателей Союза 17 октября. Депутат Государственной Думы III и IV созывов (фракция октябристов). Товарищ председателя Думы (1907–1909). – 417.

Мейштович Александр Эдуардович (1864–?), польский землевладелец, член Государственного Совета (1909–1910, 1913). – 371–372.

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865–1941), писатель, поэт, критик, религиозный мыслитель. – 580.

Мещерский Владимир Петрович, князь (1839–1914), камергер, журналист, публицист, прозаик. – 570, 576–580.

Мильтиад (ок. 550–489 до Р.Х.), афинский государственный деятель и полководец. – 147.

Милюков Павел Николаевич (1859–1943), социолог, историк, общественный деятель, один из основателей партии кадетов, депутат Государственной Думы III и IV созывов. – 251, 301–305.

Митрофан (в миру Краснопольский Дмитрий Иванович) (1869–1919), священномученик, епископ Гомельский (с 1907), архиепископ Астраханский и Царевский (с 1916), депутат Государственной Думы III созыва, активный участник монархического движения. – 494.

Михаил Николаевич (Романов) (1832–1909), великий князь, четвертый, младший сын императора Николая I. – 180.

Михаил Федорович Романов (1596–1645), царь Московский (1613–1645), первый царь династии Романовых. – 92, 118.

Монтескье Шарль Луи (1689–1755), французский политический писатель, историк и социолог, родоначальник европейского либерализма. – 38, 47, 61, 109.

«Московский голос» – газета славянофильского направления, издавалась в Москве с 1906 года. – 402, 553.

Муравьев-Виленский Михаил Николаевич, граф (1796–1866), русский военачальник, генерал от инфантерии, почетный член Петербургской Академии наук, руководил подавлением Польского восстания 1863–64 годов. – 253.

«Наказ Екатерины II» – философско-юридический трактат, написанный императрицей в качестве руководства для кодификационной комиссии, которой предстояло создать новые законы взамен «Соборного уложения» 1649 года. – 99.

Наполеон I (Бонапарт) (1769–1821), французский император (1801–1814, март–июнь 1815). – 108, 148, 195.

Нарышкин Александр Алексеевич (1839–1916), государственный деятель, сенатор (с 1898), монархист, один из лидеров крайней правой группы в Государственном Совете. – 387.

Нейдгарт Алексей Александрович, в конце XIX–начале XX века занимал должность Управляющего Канцелярией Московской Синодальной Конторы. – 560–563.

Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877), поэт, критик, публицист, издатель. – 198.

Николай (в миру Зиоров Михаил Захарович) (1851–1915), проповедник и церковно-общественный деятель, архиепископ Варшавский и Привисленский (с 1908). Член Государственного Совета (1906). – 501–502, 512–514.

Николай I (1796–1856), Император Всероссийский (1825–1855). – 13, 155, 368.

Николай II (1868–1918), Император Всероссийский (1894–1917). – 179–183, 216, 270, 361, 365, 367, 385, 423–425, 430, 462, 493, 501–502, 520, 523, 538–539, 551, 559.

Никон (в миру Минов Никита) (1605–1681), патриарх Московский и всея Руси (1652–1667). – 94, 512.

Никон (в миру Рождественский Николай Иванович) (1851–1918), архиепископ Вологодский и Тотемский (1913), председатель Издательского совета при Св. Синоде, член Государствен-

ного Совета (1907), один из самых активных сторонников монархического движения среди архиереев. – 526, 580–581.

Нилус Сергей Александрович (1862–1929), духовный писатель. – 233, 240.

«Новое время» – политическая и литературная ежедневная газета патриотического направления, издавалась в Петербурге с 1868 по 1917 год. – 382–384, 402, 467, 478, 515.

Нольде Борис Эммануилович (1876–1948), общественно-политический деятель, правовед, дипломат, историк. Занимал пост начальника 2-го Департамента Министерства иностранных дел. – 429.

Олсуфьев Дмитрий Адамович, граф (1862–1937), камергер, один из организаторов «Союза 17 октября», член ЦК партии. Депутат Государственной Думы III созыва (фракция октябристов), один из основателей и членов «прогрессивного блока», член Государственного Совета (1906–1917). – 518.

Островский Александр Николаевич (1823–1886), великий русский драматург. – 155.

Отана (V до Р.Х.), один из семи вельмож, свергнувших *Лжесмердиса*. – 51.

Павел I (1754–1801), Император Всероссийский (с 1796). – 100.

Пазухин Алексей Дмитриевич (1845–1891), государственный и общественный деятель. – 134–135.

Пергамент Осип Яковлевич (1868–1909), адвокат, присяжный поверенный, депутат Государственной Думы III созыва (фракция кадетов). – 490.

Перикл (ок. 490–429 до Р.Х.), афинский стратег и государственный деятель, в правление которого Афины достигли вершины могущества. – 51, 278, 360.

Петр I Великий (1672–1725), русский царь (с 1682) и первый Император Всероссийский (1721–1725). – 94–99, 154, 156, 160, 189, 191, 192, 253, 345.

Петрашевский (Бутаевич-Петрашевский) Михаил Васильевич (1821–1866), общественный деятель, социалист. – 183.

Петров Григорий Спиридонович (1867–1925), священник, общественный деятель, публицист (лит. псевдоним – Русский), член либерально-обновленческой оппозиции в Русской Православной Церкви. Депутат Государственной Думы II созыва (фракция кадетов). За дерзкое письмо митрополиту Антонию лишен сана. – 580.

Пизистрат, афинский тиран (560–559, 541–521 до Р.Х.). – 57.

Пихно Дмитрий Иванович (1853–1913), экономист и общественный деятель, руководитель киевского отделения *Союза Русского Народа*. Член Государственного Совета (1907). – 370, 373.

Платон (428/427–348/347 до Р.Х.), древнегреческий философ. – 22.

Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904), государственный деятель, сенатор, министр внутренних дел (1902–1904). Убит эсером Е. С. Созоновым. – 229.

Победоносцев Константин Петрович (1827–1907), государственный деятель, правовед, обер-прокурор Синода (1880–1905), идеолог самодержавия. – 252, 546.

Пожарский Дмитрий Михайлович (1578–1642), князь, военный и государственный деятель, один из руководителей освободительной борьбы русского народа против польских и шведских интервентов в н. XVII в. – 92.

Полибий (210–123 до Р.Х.), греческий философ, историк, политический деятель эллинистического периода. – 34–36.

Поссевин Антонио (1534–1611), итальянский иезуит, дипломат, писатель и путешественник. – 69.

«Правда воли Монаршей» (1722) – политико-правовой трактат авторства Феофана Прокоповича. – 99.

Протагор (480–410 до Р.Х.), древнегреческий философ, глава софистов. – 22.

Пулковская обсерватория (осн. в 1839) – основная астрономическая обсерватория Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. – 11.

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), великий русский поэт и писатель, драматург, публицист и критик. – 82, 155, 187, 190–191, 252.

«Речь» – ежедневная политическая и литературная газета, издавалась в Петербурге с 1906 по 1917 год. Центральный печатный орган партии кадетов. – 303.

Речь Посполита – федеративное польско-литовское государство в 1569–1795. – 104.

Родичев Федор Измайлович (1856–1932), общественно-политический деятель, землевладелец, активный участник земского движения 1870–1900-х годов. Член ЦК партии каде-

тов. Депутат Государственной Думы I, II и IV созывов (фракция кадетов), масон. – 328–329.

Розанов Василий Васильевич (1856–1919) (псевдоним – *Варварин*), русский мыслитель, прозаик, публицист, литературный критик. – 580, 582–583.

Романович-Славатинский Александр Васильевич (1832–1910), юрист, профессор Киевского университета. – 34, 44, 67, 76, 91–92, 100, 103–104.

«Россия» – ежедневная газета, издавалась в Петербурге с 1905 по 1914 год. С 1906 года – официальный орган Министерства внутренних дел. – 204–205, 207, 416.

«Русская земля» – ежедневная общественно-политическая и литературная газета, издавалась в Москве с 1906 по 1915 год. Одно время была печатным органом Русского Монархического Союза. – 570.

«Русская мысль» – ежемесячный литературно-политический журнал, издавался в Москве с 1880 по 1918 год. С 1905 года – печатный орган правого крыла партии кадетов. – 401.

«Русская правда» – ежедневная газета патриотического и монархического направления, выходила в Астрахани с 1906 по 1911 год. – 493.

«Русские Ведомости» – ежедневная общественно-политическая газета, орган либеральной интеллигенции, издавалась в Москве с 1863 по 1918 год. С 1905 года – орган правого крыла партии кадетов. – 208, 338, 470.

«Русское знамя» – ежедневная газета, выходила в Петербурге с 1905 по 1917 год. Орган *Союза Русского Народа*, Всероссийского Дубровинского Союза Русского Народа. – 470.

Русское Монархическое Собрание – общественная организация, интеллектуальный штаб монархистов Москвы. Существовала с 1906 по 1917 год. – 570.

«Русское слово» – ежедневная газета буржуазно-либерального направления, издавалась в Москве с 1895 по 1917 год. – 567, 570.

Руссо Жан-Жак (1712–1788), французский философ, писатель, композитор. – 36, 38–40, 60, 164.

Саблер (Десятовский) Владимир Карлович (1845–1929), русский юрист, член Государственного Совета (1905), обер-прокурор Св. Синода (1911–1915). – 525, 563, 578.

Самарины братья – 222.

1. Юрий Федорович (1819–1876), писатель, философ, историк, один из идеологов славянофильства.

2. Самарин Дмитрий Федорович (1831–1901) – общественный деятель, писатель, издатель.

Святополк-Мирский Петр Дмитриевич (1857–1914), князь, государственный деятель, генерал-адъютант. Министр внутренних дел с августа 1904 по январь 1905 года. – 205.

Селянинов Александр (возможно, псевдоним), историк, тайный советник, автор ряда широко известных сочинений, посвященных истории масонства и критике иудаизма. – 240.

Серафим (в миру Чичагов Леонид Михайлович) (1856–1937), священномученик, епископ Кишиневский и Хотинский (1908), митрополит Ленинградский (1928), один из основателей *Союза Русского Народа*. – 583.

Сергей Александрович (Романов) (1857–1905), великий князь, четвертый сын *Александра II*, московский воен-

ный генерал-губернатор (1891–1905). Погиб от руки эсера-террориста. – 319.

Симеон Бекбулатович (?–1616), касимовский хан, номинальный правитель Русского государства (1575–1576) – 95.

Созонович Иван Петрович (1855–1923), историк литературы, член и секретарь Государственной Думы II и III созывов (фракция правых). – 583.

Соловьевы – 222.

1. Сергей Михайлович (1820–1879), историк, один из основателей государственной школы в русской историографии. – 252.

2. Владимир Сергеевич (1853–1900), сын С. М., религиозный философ, поэт, публицист, литературный критик. – 252.

Союз Русского Народа – крупнейшая национально-патриотическая организация, созданная для борьбы с революцией. Просуществовал с 1905 по 1917 год. – 470.

Спенсер Герберт (1820–1903), английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма, идеи которого пользовались большой популярностью в конце XIX века. – 36, 49–50, 198.

Станиславский Алексей Маркианович (1865–1953), протоиерей, депутат Государственной Думы III и IV созыва (фракция правых). – 494.

Стефан Баторий (1533–1586), польский король (с 1575) и великий князь Литовский. – 76.

Столыпин Александр Аркадьевич (1863–1925), журналист, поэт, один из главных деятелей «Союза 17 октября». Брат П. А. Столыпина. – 467–469.

Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) – государственный деятель, реформатор, председатель Совета Министров (1906–1911). – 228–232, 278, 313, 317–320, 322, 358–359, 369–374, 374–378, 380, 384, 393–396, 401–402, 404, 456–461, 461–467, 467–469, 478–479, 481, 483–484, 503, 513, 527–528, 564.

Струве Петр Бернгардович (1870–1944), экономист, социолог, философ, общественный деятель. Участвовал с создания партии кадетов, депутат Государственной Думы II созыва (фракция кадетов). – 401.

Стюарты – королевская династия, правившая в Шотландии (1371–1649, 1660–1707), Англии (1603–1649 и 1660–1707) и Великобритании (1707–1714). – 107, 108, 242.

Таганцев Николай Степанович (1843–1923), юрист, сенатор (с 1887), член Государственного Совета (1906), почетный член Российской Академии наук (1917). – 387, 389.

Тесленко Николай Васильевич (1870–1942), общественно-политический деятель, адвокат, член ЦК партии кадетов, мажоритарий. Депутат Государственной Думы II созыва (фракция кадетов). – 316.

Тиханович-Савицкий Нестор Николаевич (1866–1917), общественный деятель, купец, председатель Астраханского отделения *Союза Русского Народа*, Астраханской народной монархической партии. – 493, 495.

Толстой Лев Николаевич (1828–1910), граф, великий русский писатель. – 16, 204, 248, 525–528.

Трепов Владимир Федорович (1860–1918), политический деятель, сенатор (с 1905), член Государственного Совета, лидер группы крайних правых (1908–1911). – 375–376, 379.

Трусевич Максимилиан Иванович (1863–?), директор департамента полиции (1906–1909), сенатор (с 1909), член Государственного Совета (1914). – 315, 317.

Тычинин Василий Константинович (1864–?), преподаватель духовных семинарий, депутат Государственной Думы III созыва (фракция националистов). – 494.

Успенский Глеб Иванович (1843–1902), прозаик и публицист, бытописатель народной жизни. – 198, 383.

«Утро России» – ежедневная газета, издавалась в Москве с 1907 по 1918 год, печатный орган партии прогрессистов. – 270.

Феофан Прокопович (1681–1736), архиепископ Новгородский (с 1724), государственный и церковный деятель. – 97, 99, 108.

Фетлер Вильгельм (Василий) Андреевич (псевд. – Василий Малов) (1883–1957), активный деятель евангельско-баптистского движения, основатель баптистской общины в Петербурге. В 1915 году был выслан из России без права возвращения. – 256.

Филарет (в миру Романов Федор Никитич) (ок. 1554–1633), патриарх (1608–1610 и с 1619), отец царя *Михаила Федоровича*. – 94.

Фридрих II Прусский (1712–1786), король Пруссии (с 1772), представитель эпохи просвещенного абсолютизма. – 413.

Фудель Иосиф Иванович (1864–1918), протоиерей, публицист. – 549.

Фулье Альфред Жюль Эмиль (1838–1912), французский философ и социолог. – 146.

Харитонов Петр Алексеевич (1852–1916), государственный деятель, член Государственного Совета (1906), государственный контролер (1907–1916). – 525.

Хомяков Алексей Степанович (1804–1860), философ, публицист, один из основоположников славянофильства. – 208, 222, 252.

Хомяков Николай Алексеевич (1850–1925), политический деятель, один из основателей и член ЦК Союза 17 октября, депутат Государственной Думы II и IV созывов (фракция октябристов), председатель Государственной Думы III созыва. – 306.

«Церковные Ведомости» – газета Святейшего Правительствующего Синода, издавалась в Санкт-Петербурге с 1888 по 1918 год. – 573.

Цицерон Марк Туллий (106–43 до Р.Х.), древнеримский политик и философ, блестящий оратор. – 35–36.

Черкасов Николай Гаврилович, барон (1861–?), правовед, депутат Государственной Думы III созыва (фракция октябристов). – 349.

Чингисхан (1162–1227), монгольский хан, полководец, – 111.

Чичерин Борис Николаевич (1828–1904), русский правовед, философ, историк, представитель «государственной школы» в российской историографии. – 22–23, 26, 32, 34, 37–38, 100, 103, 144.

Чудовский Ф. А. – основатель Общества славянской культуры (Москва, 1908). – 270–275.

Шах-Надир (Надир-шах Афшар) (1688–1747), шах Ирана (1736–1747), основатель тюркской династии Афшаридов, создатель Великой Иранской империи. – 111.

Шварц Александр Николаевич (1848–1915), филолог и государственный деятель, министр народного просвещения (1908–1910). – 307–309.

Шечков Георгий Алексеевич (1856–1920), правовед, публицист, депутат Государственной Думы III и IV созывов, активный деятель правого движения. – 251, 431, 540, 583–584, 587.

Шибанов Василий – слуга князя *Андрея Курбского*. – 76.

Ширинский-Шихматов Алексей Александрович, князь (1862–1930), государственный, общественно-политический и церковный деятель, публицист. Сподвижник *К. П. Победоносцева*, член Государственного Совета (1906), обер-прокурор Св. Синода (1906), активный деятель Русского Собрания. – 573.

Шишков Александр Семенович (1754–1841), писатель, политический и общественный деятель, адмирал. Государственный секретарь (1812–1814), министр народного просвещения (1824–1828), с 1813 года и до смерти – президент Российской Академии наук. Идеолог раннего русского консерватизма. – 309.

Шмидт Петр Петрович, лейтенант (1867–1906), один из руководителей Севастопольского восстания 1905 года. – 180.

Шуйский Василий Иванович (Василий IV Иоаннович) (1553–1612), князь, боярин, воевода, царь Московский (1606–1610). – 91.

Шубинский Николай Петрович (1853–1921), правовед, участвовал в создании Союза 17 октября, один из идеологов его программы. Депутат Государственной Думы III и IV созыва (фракция октябристов). – 470.

Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918), государственный и общественный деятель, обер-прокурор уголовного кассационного департамента Сената (1903), министр юстиции (1906–1915). Член Государственного Совета, председатель Государственного Совета (1917). Монархист, председатель Советов монархических съездов. – 387, 389.

Эсмен Жан-Поль Ипполит Эмманюэль (1848–1913), французский правовед, представитель исторической школы права. – 410.

Юзефович Борис Михайлович (1843–1911), публицист, общественный и политический деятель, председатель киевского отдела Русского собрания. – 251.

Юрский – литературный псевдоним Г. Г. Замысловского. – 297–298, 300, 321–322, 338.

Юхан III (1537–1592), шведский король (1568–1592). – 76.

Ющинский Андрей (1898–1911), местночтимый киевский святой, ученик пригготовительного класса Софийского духовного училища в Киеве, в 1911 году подвергнут ритуальным истязаниям тайной иудейской сектой, умучен. – 245.

Ярмонкин Валентин Васильевич (1847[1848]–?), книгоиздатель и публицист, редактор «Вестника Русского Собрания». – 470.

Ярослав Владимирович (Ярослав Мудрый) (ок. 978–1054), великий князь Киевский (с 1019). – 67.

Ярослав Всеволодович (1191–1246), великий князь Владимирский (с 1238). Отец Александра Невского. – 68.

Ясная Поляна – родовое поместье *Л. Н. Толстого*, место рождения, трудов и последнего упокоения писателя. – 525–528.

Именной указатель составлен Д. В. Орловым

ПРИМЕЧАНИЯ

ЕДИНОЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ КАК ПРИНЦИП ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЕНИЯ

Глава III

¹ Партикуляризм (от лат. *particularis* – *частичный*) – движение за обособление отдельных частей государства, неприкосновенности местных, частных прав и привилегий. В книге «Критика демократии» (1888) несомненным партикуляристом Тихомиров называет французского социолога Эдмона Демолена (1852-1907).

Глава IX

¹ Право сильного (*фр.*).

Глава XII

¹ Легисты – средневековые юристы, способствовавшие распространению римского права в Западной Европе. Особое значение приобрели во Франции в XIII, обосновав необходимость сильной королевской власти.

Глава XX

¹ 2-е Пет. 2:10.

² Рим. 13:3–4.

³ 1-е Пет. 2:13–14.

⁴ Рим. 13:6.

⁵ Рим. 13:7.

⁶ 1-е Тим. 2:2.

⁷ 2-е Пет. 2:19.

Глава XXI

¹ Юхан III.

Глава XXII

¹ «Пословицы русского народа» (1861–1862).

² Из статьи Н. В. Гоголя «О лиризме наших поэтов (Письмо к В. А. Ш.....му)» («Выбранные места из переписки с друзьями» (1847).

Глава XXV

¹ «Гришка-расстрига», народная песня XVI века.

² «Мнение русского гражданина» (1819).

³ «Московские Ведомости» (1884, № 12).

⁴ Государственный переворот (*фр.*).

Глава XXVI

¹ Ктитор – церковный благотворитель, попечитель или староста.

² В труде «Монархическая государственность» Тихомиров приводит текст присяги: «Верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови, и все ко высокому Его Императорского Величества Самодержавству, силе и власти принадлежащая права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемая, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и притом по крайней мере стараться споспешествовать все, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может. О ущербе же Его

Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать тщатися, и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, и поверенный и положенный на мне чин, как по сей (генеральной) так и по особливой определенной, и от времени до времени Его Императорского Величества, именем от представленных надо мною начальников, определяемым, инструкциям и регламентам и указам, надлежащим образом по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства и дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать, и таким образом себя вести и поступать, как верному Его Императорского Величества подданному благопристойно есть и надлежит» [Списано по присяжному листу «Клятвенное обещание» 1894 г., Октябрь, присяга нынешнему Государю. (В Основн. Зак. Прилож. V)]».

Глава XXVIII

¹ Прозвище французского короля Людовика XIV.

² Наполеон несколько раз (в 1799, 1802, 1804 гг.) проводил плебисциты для народного одобрения своих решений, в частности и для утверждения своего императорского титула.

Глава XXXV

¹ Да будет законом воля монарха (*лат.*).

Глава XXXIX

¹ Выдающийся полководец Мильтиад, один из героев битвы при Маратоне, был предан суду за неудачный военный поход, который, как он обещал, должен был обогатить афинян.

Глава XL

¹ Власть римского домовладыки (отца семьи) над детьми, в число которых включаются и дети детей, т. е. внуки, правнуки и т. д.

Глава XLI

¹ Именной указ Николая II от 13 января 1895 года о ежегодной выдаче из государственного казначейства 50 000 рублей для оказания помощи нуждающимся ученым, писателям, публицистам, а равно их вдовам и сиротам.

Глава XLIII

¹ Крестьянская реформа 1861 года.

НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕФОРМА

РУКОВОДЯЩИЕ ИДЕИ РУССКОЙ ЖИЗНИ

Восстановление гегемонии Русского народа

¹ Впервые труд опубликован в 1905 году.

Град Божий

¹ Ромеи – т.е. «римляне», самоназвание византийцев, считавших свое государство Второй Римской империей, а себя, соответственно, римлянами.

Царь и народ

¹ Великий князь Михаил Николаевич Романов.

² Имеется в виду восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» (1905).

³ Слова, 28 февраля 1906 года произнесенные Николаем II на встрече с Иваново-Вознесенской депутацией монархистов и ставшие впоследствии девизом ряда организаций правого толка.

Национальный пророк интеллигенции

¹ Большой парад нигилизма (*фр.*).

² *Attalea princeps* – род тропической пальмы, название и главное действующее лицо рассказа русского писателя В. М. Гаршина (1855–1888), в аллегорической форме изобразившего тут народническую интеллигенцию.

³ Сказочный долговечный народ, по древнегреческим преданиям якобы живший в северных странах.

⁴ Алеко, Татьяна – действующие лица произведений А. С. Пушкина.

Праздник русского просвещения

¹ Стихотворение Н. А. Некрасова «Школьник» (1856).

Нужна ли нам реформа?

¹ Государственная Дума III созыва (1907–1912).

В разброде

¹ Поэма Н. А. Некрасова «Саша» (1855).

² Стихотворение Н. А. Некрасова «Умру я скоро...» (1867).

Думы перед Думой.

¹ Вопрос об образовании особой Холмской губернии из русских уездов Привисленского края и выделении ее из состава Царства Польского во избежание ополячения и окатоличения русского населения.

² Государственная Дума IV созыва (1912–1917).

Революция, власть и общество.

¹ Студенческие и рабочие выступления осенью 1910 г., явившиеся откликом на смерть Л. Н. Толстого.

² «Весна Святополка-Мирского» – период нахождения П. Д. Святополка-Мирского на посту министра внутренних дел (август 1904–январь 1905); под таким названием стал известен в связи с некоторым смягчением в эти месяцы государственного курса в отношениях с оппозицией.

³ Важнейшее средство (*лат.*).

Нечто о реакции.

¹ Имеется в виду 50-летие со дня смерти мыслителя.

Клерикализм и союз с Церковью.

¹ Государство в государстве (*лат.*).

² Указ от 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости».

Принципы вероисповедного законодательства.

¹ 17 октября 1905 года был провозглашен Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка, действием которого учреждался парламент и утверждался ряд гражданских свобод.

Что такое национализм.

¹ «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (СПб., 1884) М. И. Кояловича представляет собой часть составленного им курса по русской истории.

Речь В. Н. Коковцова и наш политический курс.

¹ Таврический дворец в Санкт-Петербурге – место проведения заседаний Государственной Думы.

К вопросу о масонах.

¹ В. А. Грингмут был редактором «Московских Ведомостей» с 1896 по 1907 год.

² Младотурецкая буржуазная революция (1908).

³ Мартинисты – последователи мартинизма, мистического учения, распространенного среди масонов в XVIII веке и названного по имени своего основателя, французского мистика Мартинеса Паскалиса (1727–1779).

Борьба с масонством.

¹ *Селянинов А.* Тайная сила масонства. – СПб: Отечественная типография, 1911.

² *Нилус С.* Близгрядущий антихрист и царство дьявола на земле. – Сергиев Посад, 1911.

³ Правление английской королевской династии Стюартов (XVII–XVIII вв.) ознаменовалось гражданской войной, казнью одного из королей и изгнанием другого.

Русский или еврейский вопрос?

¹ 20 марта 1911 в окрестностях Киева было найдено обезкровленное тело 13-летнего Андрея Ющинского, преданного ритуальным мучениям иудейской сектой.

Нужны ли принципы?

¹ Книги житий святых Православной Церкви.

Значение баптистской пропаганды.

¹ Штунда (от нем. Stunde – час для чтения и толкования Священного Писания), евангелистическо-баптистская и рационалистическая секта, возникшая в южной и юго-западной России в 1860-х годах и появившаяся позднее в Приволжских и других губерниях.

Римско-католическая пропаганда.

¹ «...всяк град или дом, разделившись на ся, не станет» – Мф. 12:25.

² Член ордена Иезуитов Феликс фон Верцинский (по некоторым данным – австрийский шпион), прибыв в 1903 году в Россию якобы в целях создания общины для проживающих в Москве немцев, занимался прозелитизмом, вследствие чего немало русских из знатных дворянских семей приняли католичество. В 1911 году выслан из России вместе с пособствовавшими ему монахинями католического ордена св. Иосифа.

³ Владелец московской типографии Карл Семенович Индрих, чех по национальности, был сообщником Феликса фон Верцинского.

⁴ Активный политический деятель, иеромонах Илиодор был организатором многочисленных митингов и пользовался большой популярностью в народе, постоянно конфликтовал с властями светской и духовной. Будучи выслан Синодом из Почаева в Царицын, собрал там вокруг себя многочисленную группу сторонников.

Славянское единение и Россия.

¹ С 7 по 10 июля 1910 года в Софии проходил Второй всеславянский съезд.

Сочиненная народность.

¹ Статья была посвящена критике Общества славянской культуры, основанного Ф. А. Чудовским в Москве в 1908 году и состоявшего из польской, чешской и – украинской секций.

² *Здесь*: следовательно (фр.).

Русский государственный порядок.

¹ См. стр. 437.

Пятилетие 17 октября.

¹ На съезде 8-9 мая 1905 года значительная часть действовавших в то время профессионально-политических союзов объединились в «Союз союзов» с П. Н. Милюковым во главе.

² Палладиум (книжн. устар.) – оплот, защита.

Революция и Государственная Дума.

¹ 17 декабря 1909 года начальник Петербургского охранного отделения полковник Карпов был убит бомбой, заложенной членом партии эсеров Александром Петровым (Воскресенским) на конспиративной квартире.

² От исп. *sucursal* – филиал.

Вопрос о Верховной власти.

¹ Соляной городок – комплекс построек в центральной части Петербурга, в которых после проведения Всероссийской промышленной выставки 1870 года вплоть до 1917 года регулярно проходили выставки, концерты, лекции и политические собрания.

² Летом 1909 года делегация депутатов Думы с официальным визитом, т.е. в качестве официальных представителей России, посетила Лондон и Париж. П. Н. Милюков счел этот организованный Министерством иностранных дел визит достаточным основанием для заведомо скандального заявления о фактическом уничтожении самодержавия.

Во что превращает себя Государственная Дума.

¹ 8 марта на место отказавшегося от поста председателя Н. А. Хомякова был избран октябрист А. И. Гучков.

К запросу об охране.

¹ Принятые 14 августа 1881 года, вскоре после убийства Александра II, «Положения о мерах к охранению государственно-

го порядка и общественного спокойствия и приведению определенных местностей в состояние усиленной охраны» предоставляли право политической полиции в 10 губерниях Российской Империи действовать согласно ситуации, не подчиняясь администрации и судам. Несмотря на временный характер закона, это фактически чрезвычайное положение просуществовало в России до 1917 года.

² В 1653 году Кромвель своей властью фактически разогнал т. н. «долгий» парламент (1640–1653).

Запрос об охране.

¹ Макаров А. А.

² 4 февраля 1905 года великий князь Сергей Александрович погиб от взрыва бомбы, брошенной эсером-террористом П. И. Каляевым.

³ Великий Восток (*фр.*).

Конец думской сессии.

¹ Высочайший Манифест 3 июня 1907 года «О роспуске Государственной Думы, о времени созыва новой Думы и об изменении порядка выборов в Государственную Думу».

Воспитательное влияние Государственной Думы

¹ Законопроект о введении земства в 6 Западных губерниях с делением избирателей на национальные курии – польскую и русскую – с ограничением крестьянского представительства.

² Буквально (*лат.*).

³ От фр. *escamoter* – незаметно скрывать.

Левая перестройка конституции.

¹ Ст. 99 Основного закона Российской Империи: «Продолжительность ежегодных занятий Государственного Совета и

Государственной Думы и сроки перерыва их занятий в течение года определяются указами Государя Императора».

² Т. н. «второй министерский кризис», подробнее см. статьи «Национальные курии и отставка П. А. Столыпина» и следующие.

Парламентарная Россия.

¹ Не погибла (*польск.*) – первые слова гимна Польши («Еще Польша не сгинела»).

² Бесподобная палата (*фр.*) – так Людовик XVIII охарактеризовал французский парламент после полной победы ультра-республиканцев на выборах 1815 года.

³ Вновь обретенная палата (*фр.*) – французский парламент после новой значительной победы ультра-республиканцев на выборах в 1822 году.

⁴ Занимая пост премьер-министра Франции, Луи Эмиль Комб инициировал отделение Церкви от государства (1905).

Законодательные и избирательные интересы.

¹ Пытаясь предупредить измену Мазепы, Кочубей бежал к Петру, но не встретил доверия, был выдан гетману и казнен.

² На войне как на войне! (*фр.*).

Призраки жизни.

¹ «Поднимать покрывало Изиды» – открывать сокровенную тайну. Изида в египетской мифологии – олицетворение природы, хранительница тайн.

Около кризиса.

¹ Басня И. А. Крылова «Три мужика».

² «Николаевский» «Свод законов Российской Империи» был составлен в 1835 году.

Национальные курии и отставка П. А. Столыпина.

¹ Избирательные курии – особые разряды, на которые делятся избиратели по национальному, профессиональному и другим признакам, а также сами избиратели, составляющие эти разряды.

Своеобразная защита правительства.

¹ От фр. coterie – кружок.

Исход первого запроса.

¹ Ковалевский М. М.

Откуда беспокойство конституционалистов?

¹ Тихомиров Л. А. О недостатках Конституции 1906 г. – М., 1907.

Какое государство мы выращиваем?

¹ Последняя публичная речь П. А. Столыпина, произнесенная 27 апреля 1911 года в ответ на запрос Государственной Думы.

² От лат. *plethora* – полнокровие, избыток крови в организме.

«Правая» перестройка конституции.

¹ 16 января 1906 года Николай II учредил Предсоборное присутствие, которое должно было в течение нескольких месяцев подготовить созыв Поместного Собора. По окончании работы присутствия, однако, созыв Собора Император счел преждевременным.

О пересмотре Основных законов 1906 года.

- ¹ В силу очевидного факта (*лат.*).
- ² Польша беспорядком держится (*польск.*).
- ³ Разлада в государстве не потерплю (*польск.*).

Характер нашей современной Верховной власти.

- ¹ Статьи 7, 11, 84, 86 Свода «Основных законов Российской Империи» 1906 г. см. на стр. 434–438.

Необходимость пересмотра Свода 1906 года.

- ¹ *Нольде Б. Э.* Очерки русского конституционного права. – СПб., 1907.

Об исправлении кодификации 1906 года.

- ¹ *Здесь:* предположение (*лат.*).

Народное представительство в законодательном деле.

- ¹ От фр. *controverser* – разногласия.

О реформе законодательных учреждений.

- ¹ Геркулесовы столпы – древнее название Гибралтарского пролива. В переносном смысле – край света, предел любого движения.

У могилы П. А. Столыпина.

- ¹ *Обинюясь (устар.)* – не колеблясь, не раздумывая.

Последнее письмо Столыпину.

- ¹ Франко-швейцарский писатель Бенжамен Констан де Ребек был сторонником идей буржуазного либерализма и конституционной монархии.

Два способа реформы (1861–1906).

¹ Александр II.

Учредительные и правительственные права Верховной власти.

¹ Иными словами (*лат.*).

Наш церковный бюджет.

¹ Лукьянов С. М.

² Сцилла и Харибда – в греческой мифологии два страшных чудовища, подстерегавших мореходов с обоих берегов узкого залива.

³ Польское коло (коло – круг (*польск.*), название парламентской фракции, объединившей депутатов-поляков от губерний Царства Польского в Государственных Думах I–IV созыва.

Новая угроза Церкви.

¹ Солон (ок. 640–ок. 560 до Р.Х.), афинский законодатель и поэт.

Законопроект о раскольниках.

¹ Законопроект «О старообрядческих и сектантских общинах» (начало разработки – 1906, принят в 1913), предполагающий существенное упрощение деятельности раскольнических общин.

Старообрядческий вопрос в Государственном Совете.

¹ Роман М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города».

**Государственно-церковное дело в
Государственном Совете.**

- ¹ Свершившийся факт (*фр.*).
- ² Столыпин П. А.
- ³ Коковцов В. Н.

В дебрях вероисповедного вопроса.

- ¹ Апостасия – отпадение от веры.

Роль церковной власти в освободительных реформах.

- ¹ Лукьянов С. М.

Для чего нужен выкуп Ясной Поляны?

- ¹ Макаров А. А.

Необходим Поместный Собор.

- ¹ Цусима, Мукден – места главных поражений морских и сухопутных войск России в ходе Японской войны.
- ² *Здесь*: вывод (от лат. *corollarium* – венец).

Необходимость созыва Церковного собора.

- ¹ Установить принадлежность псевдонима не удалось.

Паки и паки о Соборе.

- ¹ Опять, снова (*старослав.*).
- ² *Тихомиров Л. А.* Запросы жизни и наше церковное управление. – М., 1902.

О созыве Поместного Собора.

- ¹ Имеются в виду прошедшие весной 1911 года в Царицыне волнения многочисленных сторонников иеромонаха

Илиодора, связанные с его высылкой из Царицына в Тульскую епархию.

² Временное соглашение (*лат.*).

Для чего нужен Церковный Собор?

¹ Варварин В. – литературный псевдоним В. В. Розанова, под которым он чаще всего выражал свою леволиберальную, народническую или социал-демократическую точку зрения на общественные события и явления.

² Манихейство, арианство – ереси, в разное время серьезно угрожавшие православному христианству.

Князь Мещерский и Церковный Собор.

¹ Оставь надежду всяк, сюда входящий (*ит.*) (надпись над воротами Ада в «Божественной комедии» Данте Алигьери).

Примечания подготовлены Д.В. Орловым

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
------------------	---

ЕДИНОЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ КАК ПРИНЦИП ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЕНИЯ	9
---------------------------------------------------------------------------	----------

Глава I	9
Глава II	12
Глава III	14
Глава IV	17
Глава V	21
Глава VI	25
Глава VII	29
Глава VIII	31
Глава IX	34
Глава X	36
Глава XI	40
Глава XII	45
Глава XIII	47
Глава XIV	50
Глава XV	54
Глава XVI	57
Глава XVII	59
Глава XVIII	63
Глава XIX	66
Глава XX	71
Глава XXI	74
Глава XXII	80
Глава XXIII	86
Глава XXIV	88
Глава XXV	90
Глава XXVI	94
Глава XXVII	100
Глава XXVIII	104
Глава XXIX	109
Глава XXX	112
Глава XXXI	115
Глава XXXII	119
Глава XXXIII	120

Глава XXXIV	123
Глава XXXV	126
Глава XXXVI	134
Глава XXXVII	139
Глава XXXVIII	141
Глава XXXIX	143
Глава XL	148
Глава XLI	151
Глава XLII	157
Глава XLIII	159
Глава XLIV	162
НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕФОРМА	168
РУКОВОДЯЩИЕ ИДЕИ РУССКОЙ ЖИЗНИ	168
Восстановление гегемонии Русского народа	170
Град Божий.	177
Царь и народ.	179
Национальный пророк интеллигенции.	183
Праздник русского просвещения.	188
Нужна ли нам реформа?	191
В разброде.	197
Думы перед Думой.	201
Революция, власть и общество.	204
Нечто о реакции.	208
Клерикализм и союз с Церковью.	212
Принципы вероисповедного законодательства.	217
Что такое национализм.	221
Чего недостает Национальному Союзу.....	224
Речь В. Н. Коковцова и наш политический курс.	228
К вопросу о масонах.	232
В чем наша опасность.	237
Борьба с масонством.	240
Русский или еврейский вопрос?	244
Нужны ли принципы?	247
Что значит жить и думать по-русски?	251
Значение баптистской пропаганды.	255
Римско-католическая пропаганда	260
Польша и Россия.	263
Славянское единение и Россия.....	266
Сочиненная народность.	270

РУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК 275

Тысяча девятьсот девятый год	279
Пятилетие 17 октября	288
Революция и Государственная Дума	293
Борьба за Верховную власть	297
Вопрос о Верховной власти	301
Во что превращает себя Государственная Дума	306
Внешняя опасность и внутреннее разъединение	310
К запросу об охране	313
Запрос об охране	317
Рабочее законодательство в Государственной Думе	321
Конец думской сессии	325
Воспитательное влияние Государственной Думы	328
Куда мы идем?	332
Левая перестройка конституции	336
Парламентарная Россия	340
Перед деловым сезоном	345
Законодательные и избирательные интересы	349
Нынешние условия выборов в Государственную Думу	353
Призраки жизни	356
Наш «парламентский кризис»	361
Около кризиса	366
Национальные курии и отставка П. А. Столыпина	369
Новое положение	374
Новые осложнения	378
Своеобразная защита правительства	381
Исход первого запроса	384
Правовые недоразумения	388
Исход думского запроса	393
Чрезвычайный порядок законодательства и 87 статья	396
Откуда беспокойство конституционалистов?	401
Какое государство мы выращиваем?	405
Несколько слов о «конституции»	409
«Правая» перестройка конституции	412
О пересмотре Основных законов 1906 года	416
Характер нашей современной Верховной власти	422
Необходимость пересмотра Свода 1906 года	428
Об исправлении кодификации 1906 года	431
Народное представительство в законодательном деле	439
О реформе народного представительства	440

О реформе законодательных учреждений.....	446
Два типа народного представительства.....	451
У могилы П. А. Столыпина.....	456
Последнее письмо Столыпину.....	461
Пометка П. А. Столыпина на моем письме.....	467
Какая реформа нам нужна.....	469
Два способа реформы (1861–1906).....	473
Учредительные и правительственные права Верховной власти.....	478
Новогодние пожелания.....	484
ГОСПОДСТВУЮЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.....	489
Наш церковный бюджет.....	489
Новая угроза Церкви.....	493
Законопроект о раскольниках.....	497
Вероисповедные проекты и Церковный Собор.....	500
Старообрядческий вопрос в Государственном Совете.....	505
Государственно-церковное дело в Государственном Совете.....	509
В дебрях вероисповедного вопроса.....	515
Роль церковной власти в освободительных реформах.....	520
Для чего нужен выкуп Ясной Поляны?.....	525
Мелочная активность.....	528
Духовные академии и Церковь.....	531
Безотлагательность Поместного Собора.....	535
Необходим Поместный Собор.....	540
Необходимость созыва Церковного Собора.....	544
Паки и паки о Соборе.....	548
Безотлагательность Церковного Собора.....	552
К вопросу о Поместном Соборе.....	556
Несколько примечаний к статье А. А. Нейдгарта.....	560
О созыве Поместного Собора.....	563
Для чего нужен Церковный Собор?.....	567
Что говорят против Собора?.....	570
Князь Мещерский и Церковный Собор.....	576
Мирыне на Церковном Соборе.....	580
Истинный путь церковной политики.....	583
ИМЕННОЙ И ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	588
ПРИМЕЧАНИЯ.....	618

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация (*вышел*)

Русское Православие (*выйдет в 2008 г.*)

Русское государство (*вышел*)

Русский патриотизм (*вышел*)

Русское мировоззрение (*вышел*)

Русский образ жизни (*вышел*)

Русская география

Русское хозяйство (*вышел*)

Международные отношения

Национальные отношения

Русская литература (*вышел*)

Русское искусство

Русский театр

Русская музыка

Русская наука

Русская школа

Русское воинство

Памятники Отечества

Русские за рубежом

Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подобрать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организаций. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

Автономная некоммерческая организация Институт русской цивилизации создана в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 20-томной «Энциклопедии русского народа», а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма.

Редактор Д. В. Орлов
Корректор А. Г. Мартынова
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации Тел.: 8-499-242-50-80.

Подписано в печать 05.04.2008 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 28,7 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.